ТРУДЫ ПО *не*математике

КНИГА

4

Владимир Андреевич Успенский

ТРУДЫ ПО *не*МАТЕМАТИКЕ

Второе издание,
исправленное и дополненное

В пяти книгах

МОСКВА

ОБЪЕДИНЁННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФОНД «МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ»

Владимир Андреевич Успенский

ТРУДЫ ПО *не*МАТЕМАТИКЕ

Книга четвёртая

ФИЛОЛОГИЯ

с приложением «Семиотических посланий» А. Н. Колмогорова

МОСКВА

ОБЪЕДИНЁННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФОНД «МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ»

2012

УДК 80
ББК 72.3
У77

Успенский В. А.

У77 Труды по нематематике / В. А. Успенский. — 2-е изд., испр. и доп. : В 5 кн. — М. : ОГИ : Фонд «Математические этюды», 2012— .

ISBN 978-5-94282-674-1

Кн. 4 : Филология (с приложением «Семиотических посланий» А. Н. Колмогорова). — 2012. — 591 с.

ISBN 978-5-94282-678-9

«Труды по нематематике» созданы профессором математики В. А. Успенским, заведующим кафедрой математической логики и теории алгоритмов Механико-математического факультета (Мехмата) Московского университета.

Эти «Труды» включают сочинения самого разного жанра: размышления о философии науки, чисто лингвистические построения, стихи, воспоминания о блестящих современниках и друзьях автора, о «серебряном веке» структурализма и математической лингвистики, у истоков которой и стоял В. А. Успенский, много лет преподающий математику на Филологическом факультете МГУ и внёсший заметный вклад в создание новой, «нетрадиционной» лингвистики. Издание будет интересно многим: и чистым лингвистам, и историкам науки, и философам, и представителям такой точной науки, как математика.

В наименовании данной, четвёртой книги слово «Филология» понимается в узком смысле, не включающем в себя языкознание (хотя, конечно, филологические сюжеты не могут не соприкасаться с языковедческими темами). Читатель найдёт здесь и стихотворные пародии, и исследование так называемых «словесных квипрокво», и опыт применения к филологии математических методов, и ряд интервью. Центральное место занимают предварение и комментарии к «Семиотическим посланиям», направленным в своё время автору и его друзьям А. Н. Колмогоровым; сами послания также воспроизведены в книге.

УДК 80
ББК 72.3

ISBN 978-5-94282-674-1
ISBN 978-5-94282-678-9 (кн. 4)

© В. А. Успенский, 2012
© ОГИ, 2012
© Фонд «Математические этюды», 2012

Оглавление

Предисловие к книге 4 «Филология» 10

Из предуведомления от автора [к первому изданию «Трудов по НЕматематике»] 12

I. Как возникло это издание 12
II. Почему у этого издания такое название 14
III. Что входит в состав этого издания 15
IV. Каково устройство этого издания 16

Квазипастернаковское стихотворение «Мельчукам» и его история 17

Опубликовано в журнале: Новое литературное обозрение. — 1996. — № 17. — С. 355—357.

1. История текста 17
2. История названия 18
3. Поэтический мир Пастернака по Жолковскому 18
4. Сюжет стихотворения «Мельчукам» 19
Стихотворение «Мельчукам» 20

Добавление от июля 2001 года 22
§ 1. Ещё о Пастернаке 22
§ 2. О жанре пародии 22
§ 3. «Курочка-ряба» в пяти изложениях 25
§ 4. «Курочка-ряба»: последствия 28
§ 5. Первое свидание с Андреем Белым 33
§ 6. «Кротонский полдень» Бенедикта Лившица 36
§ 7. Неудавшееся подражание Бродскому 39
§ 8. Выступление Тимура Кибирова в клубе ОГИ 39
§ 9. Переписка с Кибировым в 2002 и 2003 годах 41
§ 10. Миниода Кибирову от января 2003 года 45
§ 11. Юбилейное 47

Добавление от августа 2011 года 49
§ 1. Рукопись, найденная в школьной тетради 49
§ 2. Не графоман ли автор? 50
«Поэма о ДНК» 52

Предварение для читателей «Нового литературного обозрения» к «Семиотическим посланиям» Андрея Николаевича Колмогорова 54

Опубликовано в журнале: Новое литературное обозрение. — 1997. — № 24. — С. 122—215.

§ 1. Кто есть Колмогоров 54

1.1. Общие сведения (54). 1.2. Что есть великий учёный (55). 1.3. Чрезвычайность Колмогорова (55).

§ 2. Колмогоров и литература 56

2.1. Взгляды и вкусы (56). 2.2. Колмогоров и поэзия (58). 2.3. Генетические связи (59).

§ 3. Колмогоров и литературоведение 60

3.1. Колмогоров и Гаспаров (60). 3.2. Колмогоров и теория стиха (64). 3.3. Задача о ямбе (70). 3.4. Лекции о ритме русского стиха (82). 3.5. Доклады о теории стиха на математических форумах (84). 3.6. Совещание в Горьком (85). 3.7. Симпозиум Мейлаха (88). 3.8. Конференция в Варшаве (90). 3.9. Стиховедческий семинар Колмогорова (90). 3.10. Гаспаров о Колмогорове (92).

§ 4. Кое-что о математике в литературе 93

4.1. Математические термины (93). 4.2. Математические идеи (95). 4.3. Математический анализ сцены из Достоевского (96).

§ 5. Кое-что о математике в литературоведении 101

5.1. Вводные соображения (101). 5.2. Сколько может быть текстов? (103). 5.3. Количество информации (107). 5.4. Частота и вероятность (110). 5.5. Что происходит, если учитывать частоты букв и их сочетаний (115). 5.6. При чём тут литературоведение? (117). 5.7. Что происходит, если учитывать частоты слов и их сочетаний (118). 5.8. Энтропия языка (119). 5.9. Колмогоровская сложность (124).

§ 6. Колмогоров и кибернетика 125

6.1. Кибернетика и филология (125). 6.2. Роль Колмогорова (127). 6.3. М. К. Поливанов и Вяч. Вс. Ива́нов (128). 6.4. «Тезисы о кибернетике» (130).

§ 7. Семиотические послания Колмогорова 131
§ 8. Ответное послание 132
Примечания 135
Литература 195

Приложение 1. *А. Н. Колмогоров*. Семиотические послания 207
От публикатора 207
Первое послание (от 30.04.1961). «По поводу мнений КИБЕРНЕТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДА, ФИЛОСОФА» 208
Комментарии 211
Второе послание (от 10.01.1963). «Трём авторам ТЕЗИСОВ О КИБЕРНЕТИКЕ, если они в качестве ТРИЕДИНСТВА продолжают существовать» 218
Комментарии 229
Третье послание (от 13—15.01.1963). «ТЕМ ЖЕ О ТОМ ЖЕ, если ещё не надоело» 237
Комментарии 237
Четвёртое послание (от 28.12.1964) 238
Комментарии 243
Письмо А. Н. Колмогорова В. А. Успенскому (от 29.12.1964) 243
Комментарии 247

Приложение 2. *А. Н. Колмогоров*. О возможном применении простейших представлений теории информации к исследованию стиха, художественной прозы, техники перевода 251

Почему на клетке слона написано «буйвол»: Наблюдения о словесных квипрокво (подменах текста) и их причинах 254

Опубликовано в журнале: Новое литературное обозрение. — 1997. — № 28. — С. 329—372.

§ 0. Вступление 255
0.1. Что такое словесное квипрокво (255). 0.2. Примеры, проблемы (258). 0.3. Один замечательный пример подмены текста (267).
§ 1. Неограниченные Источники словесных квипрокво . . . 272
§ 2. Словесное квипрокво как приём 285
§ 3. Сознательно, или бес-, или подсознательно? 295
§ 4. Борис Николаевич Белый, Алексей Максимович Горький и Владимир Ильич Ленин 299
§ 5. Пе́шков или Пешко́в? 302
§ 6. Василий Иванович Сафонов 303
§ 7. Распространённые искажения 304
7.0. Привычные вывихи (304). 7.1. Искажения имён (306). 7.2. Несколько отступлений на темы социолингвистики (310). 7.3. Искажения ударений и смыслов (313). 7.4. Искажения цитат (316). 7.5. Все ли и всё ли врут календари (323).
§ 8. Патриарх Алекси́й Одиннадцатый 329

§ 9. Река Елань, именуемая Шелонью 330
§ 10. Обеспамятевший Актей 332
§ 11. Был ли женат Киприян Савельевич? 335
§ 12. Пушкин в изложении Блока и понятие отрезвления 336
§ 13. Врачу, исцелися сам 340
§ 14. «Уже второй...» 341
§ 15. «Инцидент» или «инциндент»? 345
§ 16. Кто входил в число наследников Маяковского? 346
§ 17. Особенности национальных менталитетов 349
§ 18. Проблемы перевода 353

18.1. Презумпция адекватности перевода и её нарушения (353). 18.2. Два общедоступных примера из математической жизни (356). 18.3. Три отступления на темы литературных переводов (358). 18.4. Специальные проблемы (360). 18.5. Судьбоносно вредные искажения (362). 18.6. О преимуществах русского языка перед английским (364). 18.7. Тени отцов (365). 18.8. Случай из жизни: сельдь со сливками (365). 18.9. «Шишков, прости» (365).

§ 19. Об обсценной лексике 367
§ 20. Гиперкоррекция псевдообсценной лексики 385
§ 21. Председатель Реввоенсовета или секретарь Реввоенкомитета? 386
§ 22. Нели́ца (unpersons) в смысле Оруэлла 388
§ 23. Ленин на Мавзолее 400
§ 24. Пьяный силён 404
§ 25. Лия Леонардовна 404
Примечания 405
Литература 455

«И лесные сраки» 462

Опубликовано в журнале: Неприкосновенный запас. Очерки нравов культурного сообщества. — 1999. — № 4 (6). — С. 78—82.

Послесловие от августа 2001 года 474
Послесловие от октября 2001 года 476
Послесловие от марта 2011 года 480
Прибавление от марта 2011 года. Атрибуция стихотворного текста как социокультурная проблема 485

Опыт применения математики к филологии: анализ фрагментов текста из Гоголя и Достоевского 491

Опубликовано в журнале: Вопросы филологии. — 1999. — № 3. — С. 34—42. — [Под названием «К проблеме линейности языка (по поводу одного недоумения князя Мышкина)»]. Обновлённый вариант — в книге: *Успенский В. А.* Апология математики. — СПб.: Амфора, 2010. — С. 470—495.

Предисловие к переводу «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла 510

Опубликовано в альманахе: К востоку от солнца. — Вып. 3: Стихи и переводы. — Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2001. — С. 192—195. — [Под названием «Предварительное слово к переводу „Охоты на Снарка“»].

Ключи и отмычки: очередная попытка понять Достоевского 516

Рецензия на книгу: *Ася Пекуровская*. Страсти по Достоевскому: Механизмы желаний сочинителя. — М.: НЛО, 2004. Опубликовано в журнале: Знамя. — 2005. — № 3. — С. 226—228.

Прекрасный «Новый мир» 519

Опубликовано в журнале: Новый мир. — 2005. — № 2. — С. 204—205. — [В составе подборки юбилейных текстов к 80-летию журнала, объединённых общим заголовком «Мысли в пути»].

Превратить предмет «литература» в предмет «литературное чтение»! 522

Опубликовано в газете (ныне журнале): Литература / Издательский дом «Первое сентября». — 2008. — № 14. — С. 44—47.

Речь при вручении Тимуру Кибирову премии «Поэт» 533

Ранее не публиковалось. Речь произнесена на церемонии, состоявшейся 22 мая 2008 года в московском Театре на Малой Бронной.

Послесловие от апреля 2012 года 537

Выступление на годовщине памяти Солженицына 538

Опубликовано в сборнике: Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918—2008 / Сост., подгот. текста и общ. ред. Л.И.Сараскиной. — М.: Русский путь, 2009. — С. 457—459.

Колмогоров и филологические науки 540

Опубликовано в журнале: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 2009. — № 6. — С. 11—20.

Книги моего детства 552

Опубликовано на сайте: `http://www.polit.ru/article/2012/02/10/vauspensky_about_books/`. Интервью из цикла «Книга. Знание».

Указатель имён 566

Предисловие к книге 4 «Филология»

Первое издание «Трудов по НЕматематике», осуществлённое издательством ОГИ и подписанное к печати 17 июня 2002 года, материализовалось в виде тысячи экземпляров двухтомника, появившихся в конце августа 2002 года. Появилось оно и в Интернете: `ftp://ftp.mccme.ru/users/shen/uspbook/`, `http://www.mccme.ru/free-books/usp.htm`, `http://www.math.ru/lib/book/pdf/shen/usp/usp-all.pdf`. Довольно быстро возникла несбыточная мечта о втором издании. Тому было по крайней мере три причины.

Во-первых, сразу стали поступать сигналы о наличии в тексте не только опечаток, но и неточностей и даже ошибок. Автор чрезвычайно благодарен всем, от кого такие сигналы поступили. Особенно важные комментарии сделали Владимир Михайлович Алпатов[1], Николай Алексеевич Богомолов, Александр Дмитриевич Вентцель, Элина Константиновна Лавошникова, Георгий Ахиллович Левинтон, и им — особая признательность.

Во-вторых, у меня стали появляться новые публикации, по тематике могущие быть включёнными в названные «Труды».

Наконец, в-третьих, отчасти на бумаге, отчасти в компьютерной памяти, начали накапливаться записи, в которых я пытался фиксировать некоторые соображения о том, какими новыми фразами, абзацами, а то и параграфами мог бы быть пополнен текст первого издания. И в компьютере, и тем более на разрозненных клочках бумаги эти записи хранились в большом беспорядке, что делало мечту о новом издании, мягко говоря, мало осуществимой.

---

[1] Беседа с В.М.Алпатовым относительно одного из его замечаний произвела на автора большое впечатление. На с. 487 двухтомника, во 2-м абзаце, композитор А.П.Бородин был упомянут в качестве соавтора некоего музыкального произведения, датой создания коего был назван год 1899-й. Владимир Михайлович указал мне, что этого не могло быть, так как Бородин скончался в 1887 году. Я выразил осторожное удивление, что мой собеседник смог сразу сопоставить эти две даты. Между нами состоялся следующий диалог. «Что же, Вы заранее знали годы жизни Бородина?». — «Да, знал». — «Но почему?». — «У родителей была энциклопедия, я её прочёл». — «Всю?». — «Всю» (это было сказано с некоторым смущением). — «И запомнили?». Ответ Алпатова, произнесённый с ещё большим смущением, был утвердительным.

Положение казалось полностью безнадёжным, пока его не переломил Виталий Дмитриевич Арнольд, заместитель директора Московского центра непрерывного математического образования. Летом 2010 года он дал импульс тому, «чтоб сказку сделать былью». Его инициативу подхватил, а весной 2011 года окончательно взял дело в свои руки, Николай Николаевич Андреев, заведующий лабораторией популяризации и пропаганды математики Математического института им. В. А. Стеклова РАН и лауреат премии Президента Российской Федерации 2010 года для молодых учёных, присуждённой ему, в частности, за высокие результаты в популяризации и распространении научных знаний. Он привлёк к работе Никиту Михайловича Панюнина, своего друга и коллегу по лаборатории, и Михаила Юрьевича Панова, знатока тонкостей компьютерной вёрстки и полиграфических правил. Оба работали самоотверженно, и мне приятно поблагодарить их за усердие и трудолюбие.

В результате обсуждений было решено несколько изменить композицию издания. Первое издание, хотя и состояло из двух томов, имело единую пагинацию, то есть нумерацию страниц; разбиение на томы было обусловлено причинами чисто техническими. Тематически же издание состояло из шести частей и одного Приложения. Во втором издании одна из частей, а именно «Избранные предисловия», ликвидирована, а составляющие её статьи разбросаны по другим частям; Приложение, каковое составляли «Семиотические послания» А. Н. Колмогорова, включено теперь по их тематической принадлежности в часть «Филология». Второе издание должно состоять из пяти книг, соответствующих оставшимся пяти частям двухтомника, и каждая книга будет иметь собственную пагинацию. Книги предполагается выпускать в свет не в порядке их номеров, а по мере готовности. Первой выходит настоящая, четвёртая книга. Всевозможные добавки к тексту первого издания подразделяются на два типа. К первому относятся те фрагменты, которые могли бы присутствовать и в первом издании; внесение таковых в текст никак не помечается. Второй тип образуют фрагменты, составленные под влиянием более поздних событий и потому в первом издании невозможные; эти фрагменты заключаются между двумя семафорами: открывающим ●●➤ и закрывающим ◄●● (однако статьи, целиком появившиеся после первого издания и включённые во второе, семафорами не помечаются). Значение семафоров ●➤ и ◄● разъясняется в разделе III Предуведомления, помещённого сразу вслед за настоящим Предисловием. Встречающиеся в тексте белые цифры внутри чёрных квадратов означают ссылки на затекстовые примечания к данной статье. И затекстовые примечания, и список литературы помещаются в конце каждой статьи.

9 мая 2012 года.

Из предуведомления от автора [к первому изданию «Трудов по НЕматематике»]

Данное предуведомление имеет целью ответить на четыре вопроса:

- как возникло это издание?
- почему у него такое название?
- что входит в его состав?
- каково его устройство?

Ответам на эти вопросы и посвящены четыре соответственных раздела предуведомления.

I. Как возникло это издание

Данное издание придумала Катя (Екатерина Владимировна) Рахилина, и если бы не она, его бы не было. Данное заявление следует рассматривать как недостойную попытку снять с себя если не всю ответственность, то хотя бы основную её часть.

Я никогда не осмелился бы выпускать собрание собственных сочинений, да у меня и в мыслях такого не было. Однако Катя пришла ко мне весной 2000 года и заговорила об этом как о деле, для неё очевидном и решённом. Я сперва сильно удивился, а потом сопротивлялся, но уже не так сильно. Не знаю, должен ли я благодарить её за эту идею, в правильности каковой у меня и сейчас нет уверенности. Но за что я ей благодарен бесконечно, это за то, что она взяла на себя все хлопоты по организации издания.

Именно Екатерина Владимировна Рахилина написала и подписала своим именем заявку в Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) на получение издательского гранта. Таким образом, она стала руководителем проекта (в котором я не являюсь даже участником, так что от меня потребовалось только определить состав издания и предоставить необходимые материалы: рукописи, книги, журналы, оттиски, ксерокопии); она же взяла на себя все переговоры. Не менее важно и то, что Катя оказывала мне необходимую моральную поддержку, в которой я временами остро нуждался, и не позволяла сомневаться в правильности затеянного.

Всякий проект нуждается в организационном центре. Для данного проекта таким центром согласился стать Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» Российской академии наук, а основную ответственность и всю реальную работу взял на себя заместитель председателя Научного совета Валерий Арамович Варданян.

В середине сентября 2000 года обширная папка с рукописями, оттисками и ксерокопиями была готова и сдана в Российский фонд фундаментальных исследований. А 22 декабря 2000 года мне были вручены, в качестве сюрприза, два держателя для бумаг, расписанных Катиной дочерью Надей (Надеждой Владимировной) Плунгян и содержащие в общей сложности 1027 страниц компьютерной распечатки. Эти страницы, изготовленные из того разношёрстного материала, что был сложен в указанную папку, образовывали предварительную версию оригинал-макета издания. Я не мог поверить своим глазам: ведь для получения оригинал-макета надо было многое отсканировать, затем свести всё воедино, набрать и отпечатать.

Выяснилось, что Катя поделилась своим замыслом с Сашей (Александром Ханевичем) Шенем, который не только поддержал её проект, но и согласился принять на себя ответственность за всю техническую часть операции. Он, в свою очередь, привлёк к работе Аню (Анну Юрьевну) Зарубину, которая под его руководством осуществила — и притом в очень сжатые сроки — сканирование и латеховский набор и изготовила упомянутую выше предварительную версию оригинал-макета.

Со второй половины января 2001 года я начал редактировать подаренные мне 1027 страниц, внося изменения и дополнения, иногда довольно значительные. С мая того же года эти изменения и дополнения стали поступать к Максиму (Максиму Александровичу) Ушакову и Вите (Виктору Валерьевичу) Шувалову, которые вносили их в текст. С октября эту работу продолжил Саша Шень. Их усилиями к марту 2002 года был создан чистовой оригинал-макет.

Оказалось, что количество упоминаемых в издании имён превышает две тысячи; было решено, что в этих условиях необходим именной указатель. Труд по его созданию взяла на себя Аня (Анна Владимировна) Шипунова. В процессе её работы над указателем обнаружилось много таких опечаток, выявить которые на предыдущих этапах было практически невозможно. Аня взяла на себя ответственность не только за их устранение, но и за потребовавшиеся в связи с этим изменения в чистовом макете ⟨и, тем самым, за возможные новые ошибки — *А. Шипунова*⟩.

Созданию доброжелательной атмосферы, в которой проходили заключительные фазы работы над изданием, немало способствовал главный редактор Объединённого гуманитарного издательства (ОГИ) Евгений Владимирович Пермяков, чьи редкие человеческие и деловые

качества я имел возможность оценить ещё в 1994 году, во время работы над Первым Лотмановским сборником.

II. Почему у этого издания такое название

Название «Труды по нематематике» придумал Владимир Александрович Плунгян. И в самом деле, здесь собраны нематематические сочинения автора. Но ведь эти сочинения также неастрономические и неботанические; так почему же издание не называется «Труды по неастрономии» или «Труды по неботанике»?

Объяснение таково. Провозглашение отрицания чего-нибудь всегда намекает на выделенную возможность существования отрицаемого. В данном случае название издания намекает на то, что её автор связан с математикой. Действительно, он получил математическое образование (окончил в 1952 году по специальности «математика» Механико-математический факультет Московского университета — легендарный Мехмат[1]), исполняет «математическую» должность (с 1993 года заведует кафедрой математической логики и теории алгоритмов того же факультета того же Университета), и основные его сочинения принадлежат математике.

В предыдущей фразе не сказано, что автор — математик. И это не случайно. «Математик» — так, без каких-либо званий, написано на могиле глубочайшего, быть может, мыслителя из встреченных мною в жизни, — Петра Сергеевича Новикова. В применении к академику и лауреату, каким он был, это может звучать скромно. Но может и горделиво, как звучит для меня. Быть математиком трудно, и мне не кажется, что я справился с этой трудностью.

Я выбрал математическую профессию по двум причинам. Во-первых, математика влекла меня со школьных лет — с восьмого класса (с осени 1945 года) я посещал школьный математический кружок при Московском университете и участвовал в организованных Университетом математических олимпиадах. Во-вторых, окончив школу летом 1947 года, в сталинское время, я не видел для себя иной судьбы, кроме поступления на Механико-математический факультет Университета. Окажись я в ином времени или в ином месте, я скорее всего поступил бы на Юридический факультет и сделался бы юристом по конституционному или каноническому праву.

Но мне в моей «математической карьере» повезло и притом неслыханно повезло: меня принял в число своих учеников один из трёх (наряду с Ломоносовым и Менделеевым) великих учёных России — Андрей Николаевич Колмогоров.

[1] В те годы и ещё некоторое время спустя эпитет «легендарный» был оправдан.

III. Что входит в состав этого издания

В 50-х годах прошлого века, по возвращении с индийских научных конференций, мои московские математические коллеги с изумлением рассказывали мне, что в Индии математику — при стандартном разделении наук на естественные и гуманитарные — относят к наукам гуманитарным. Хотя такое местоуказание математики, на мой взгляд, совершенно справедливо, я всё же буду придерживаться традиционного для отечественной культуры противопоставления. Такая отчасти беспринципная позиция позволяет так сформулировать критерии, по которым происходил отбор материала для данного издания: в издании собраны те сочинения его автора, которые он квалифицирует не как математические, а как гуманитарные («Гуманитарные очерки» — таков был первый, рабочий вариант названия). Сюда относятся очерки мемуарного и мемориального характера, избранные предисловия, статьи по философии, по языкознанию, по филологии. Как известно, термин «филология» может употребляться в двух смыслах: в широком, включающем в себя языкознание (как, скажем, в словосочетании «филологический факультет»), и в более узком, языкознание не включающем, а покрывающем собою литературоведение, текстологию и, вообще, исследование (в том числе интерпретацию) текстов[2]. Не отдавая преимущества какому-либо из этих двух смыслов, здесь — по прагматическим соображениям — мы предпочитаем пользоваться смыслом более узким.

За тремя исключениями все помещённые в издании сочинения автора были ранее опубликованы. Исключение составляют три текста: отзывы на диссертации А. А. Зализняка и З. Н. Микеладзе (из частей «Языкознание» и «Философия») и статья «Химико-филологический конфликт» (из части «Воспоминания и наблюдения») — но и они в своё время отчасти приобрели самостоятельное существование: первые два в 1965 и 1985 годах соответственно поступили в диссертационные советы и далее в Высшую аттестационную комиссию, а документы, образующие основу третьего, были в 1963 году направлены надлежащим адресатам.

Для каждой статьи указан источник её первоначальной публикации; указание даётся на первой странице статьи, внизу. Однако слова «ранее опубликованы» и «источник первоначальной публикации» не следует понимать слишком буквально. Как уже отмечалось, при подготовке этого издания в составляющие его публикации автором внесены изменения, в том числе добавки в первоначальный текст. Одни из этих изменений оговариваются в тексте, другие — нет.

[2] Одно из определений филологии в узком смысле таково: изучение культуры через текст.

Положение вещей здесь таково.

Некоторые изменения следовало бы сделать ещё перед представлением той или иной статьи для первоначальной публикации; они хотя и не были своевременно сделаны (как правило, из-за нехватки времени), но могли быть тогда сделаны. Такого рода улучшающие изменения сделаны сейчас, они никак в тексте не выделены. Таким образом, ссылка на источник первоначальной публикации той или иной помещённой в издание статьи (а она приводится в подстрочном примечании на первой странице статьи) относится, вообще говоря, не к публикуемому в данном издании окончательному варианту статьи, а к её первоначальной редакции.

Совершенно другой род изменений составляют такие добавки в текст, которые и не могли быть сделаны при его первоначальной публикации — не могли потому, что они используют сведения, возникшие уже после этой публикации, или потому, что были при первоначальной публикации неуместны. Все такие добавки отмечены специальными семафорами: семафор ●➤ открывает позднейшую добавку, то есть непосредственно ей предшествует, семафор ◄● добавку закрывает, то есть непосредственно за нею следует. Исключением из общего порядка служат позиции, добавленные в библиографические списки. Как правило, они никак не отмечены. Ведь и так ясно, что если для какой-то позиции из подобного списка указан год выхода в свет более поздний, нежели год первоначальной публикации той статьи данного издания, к которой этот список относится, то это значит, что эта позиция добавлена в список уже после указанной публикации.

IV. Как устроено это издание

К некоторым статьям сделаны приложения, добавления, послесловия; все они указаны в Оглавлении.

●●➤ Устройство настоящего издания разъясняется выше на с. 11. ◄●●

15 мая 2002 года.

Квазипастернаковское стихотворение «Мельчукам» и его история

1. История текста. — 2. История названия. — 3. Поэтический мир Пастернака по Жолковскому. — 4. Сюжет стихотворения «Мельчукам». — Стихотворение «Мельчукам».

1. История текста

Примерно с 1947 года я хотел сочинить пародию на Пастернака, но не умел к этому подступиться. В ноябре 1970 года А. К. Жолковский делал доклад на семиотическом семинаре в конференц-зале ВИНИТИ (Всесоюзный институт научной и технической информации, Москва, Балтийская улица, 14; конференц-зал — на 6-м этаже). Доклад произвёл на меня большое впечатление. В нём разъяснялось, в чём состоят «инварианты» Пастернака, то есть о чём он постоянно пишет: генеральный тезис Жолковского состоял в том, что для каждого писателя есть нечто — немногое и главное — о чём он только и пишет[1]. Как мне казалось и кажется, я понял разъяснения и через несколько дней после доклада, по его свежим следам, написал пародию. Она датирована 20 ноября 1970 года. Я сразу отправил по почте её письменный текст Жолковскому, а также на протяжении последующих десятилетий прочёл её вслух ряду лиц, в общей сложности что-нибудь человекам пяти. Позавчера, 16 октября 1992 года, я огласил её в Институте проблем передачи информации (ИППИ) на симпозиуме, организованном Ю. Д. Апресяном по случаю шестидесятилетия И. А. Мельчука, происходящего сегодня, 18 октября 1992 года.

Опубликовано в журнале: Новое литературное обозрение. — 1996. — № 17. — С. 355—357.

[1] В другом докладе Жолковского эпизоды «Войны и мира» сопоставлялись с синхронными с ними (по времени написания автором) детскими рассказами Толстого. Обнаруживалось единство тем-«инвариантов». Помнится, один из таких инвариантов был назван Жолковским так: «Дым рассеялся».

2. История названия

Название «Мельчукам» родилось под влиянием названия знаменитого пастернаковского стихотворения «Мейерхольдам».

2.1. Буквальный смысл слова «Мейерхольды» (то есть «В. Э. Мейерхольд и З. Н. Райх») ускользал от меня, выражение воспринималось мною в некой более общей расплывчатой семантике — как «кудреватые Митрейки и мудреватые Кудрейки» у Маяковского (см. «Во весь голос») или «Бернары» у Достоевского («Ух, Бернары! Много их расплодилось!» — говорит Митя Карамазов; см. «Братья Карамазовы», ч. 4, кн. 11, гл. 4). Таким образом, «Мейерхольды» воспринимались мною не как «члены семьи В. Э. Мейерхольда», а скорее как «представители мейерхольдовщины».

2.2. Аналогичный «бернаровский» смысл я вкладывал и в название «Мельчукам». Здесь Мельчуки — представители мельчукизма. Тем более, что Мельчук и Жолковский — в те годы — работали настолько плотно вместе, что как бы и сливались. 15 октября 1992 года на указанном симпозиуме в ИППИ А. Н. Барулин и Г. Е. Крейдлин провозгласили Жолковского одной из ипостасей Мельчука. В 60-е годы Жолковский, как кажется, считал себя одним из Мельчуков (а Мельчук себя, возможно, одним из Жолковских), хотя сегодня, скорее всего, так не считает и даже не считает, что когда-либо считал. (Наверное, правильно было бы сказать, что слова *Мейерхольды* и *Мельчуки* воспринимались мною не как фамилии, а как обозначения рода занятий, манеры поведения и образа жизни; вероятно, в моём подсознании они писались со строчной буквы.)

2.3. Когда в ноябре 1970 года А. К. Жолковский получил текст, он позвонил мне и спросил, почему такое название. «Вы что, адресуете его Игорю и Лиде, — спросил он меня, — отчего же тогда не послали им? И почему такой адресат?». Я не сразу понял, что он имеет в виду. А когда понял, то понял и простой смысл названия «Мейерхольдам», в который раньше просто не вдумывался.

3. Поэтический мир Пастернака по Жолковскому

В докладе Жолковского в ВИНИТИ в ноябре 1970 года провозглашалось следующее. Главным «инвариантом», главной темой Пастернака является соприкосновение всего со всем, всеобщий кон-

такт.[2] Этот тезис демонстрировался на многочисленных примерах. Ветка в таком тесном контакте с воробышком, что им намокает. А сама эта или другая ветка тянется в окно, осуществляя контакт природы и комнаты, да ещё и отражается в (буквально: «вбегает в») трюмо, в котором испаряется чашка какао и тормошится огромный сад. Поэзия, обернувшись греческой губкой в присосках (само слово «присосок» — сплошной контакт!), вбирает в себя облака и овраги, затем её кладут на мокрую доску и потом выжимают. Через дорогу перейти нельзя, не топча мирозданья. Лодка колотится в груди. К малине липнут комары. Синь небосвода пачкает рукава. Поэтому естественно, что «степь нас рассудит и ночь разрешит».

Рабочий ридикюлец мелькает в дверях. Потолок тащит второй этаж на третий. Контакт человека со стенами столь велик, что он их проходит насквозь: «перегородок тонкорёбрость пройду насквозь».

Всё на всём оставляет свой след. Люди, находясь в лесу, непременно пачкаются черникой. Глазами статуй в саду проползают слизни — от них подразумевается слизистый след. А вот уже след, который не подразумевается, а ясно обозначаем: травма. Пример травмы — ссадины вокруг женских шей от вешавшихся фетишей. Строки с кровью — убивают. Заразная (контагиозная) болезнь — тоже результат контакта.

Можно проследить, как в стихотворении «Лето» автобиографические воспоминания отливаются в форму контактов: явленье иволог китайкой желтит стволы, шесть женщин топчут луга. А в конце — уже не в качестве воспоминаний — аравийский ураган ложится под руки арфистки Мэри, сами имена «Мэри» и «Диотима» (последнее — в вокативе) демонстрируют контакт автора с этими мифологическими личностями.

В своём докладе Жолковский специально остановился на употреблении Пастернаком имён в качестве демонстрации близости к (контакта с) носителям этих имён: «Давайте с первых строк обнимемся, Паоло!» (к Паоло Яшвили). Контакт особенно глубок в случае уменьшительной формы: «Вам в дар баллада эта, Гарри» (к Г. Г. Нейгаузу).

4. Сюжет стихотворения «Мельчукам»

— тот самый доклад А. К. Жолковского на семинаре ВИНИТИ незадолго до 20 ноября 1970 года, в каковом докладе и излагались взгляды Жолковского на поэтический мир Пастернака.

[2] Другим, несколько менее значимым инвариантом, в докладе Жолковского была объявлена «высшая фаза», крайняя степень напряжения, апофеоз.

Мельчукам

Одна и там, и здесь игра:
И в фуге — скрип и дрожь фрамуги.
И липнут к спицам «Центрифуги»
Крупинки смальты и добра.
И тщетны облаков потуги
Не отразиться в баккара.

Но небосводу невдомёк,
Что вышмыгнули предикаты,
Что, нагловаты и патлаты,
Юнцы сочатся сквозь порог,
Однообразны, как солдаты.

О ссадины вкруг кадыков
От вешавшихся дураков!

Ноябрьский день был вряд ли рад
Тому, что было всё в разгуле,
Тому, что жизнь гудящим ульем
Врывалась в зданье невпопад:
Он мел крошил и метил стулья,
И вскипывал, как водопад;
Но поздно — начался доклад.

Был сразу скомкан этот бред,
Когда, как прядь, откинув скромность,
Вы встали, как сама огромность —
Как Хам.
Как Сим, как Иафет.

Вопрос, другой, ответ, и кстати
Подобранный, но спорный факт,
И захлебнувшийся в цитате,
Но, как лосось на перекате,
Выныривающий, — контакт.

Контакт, достигший высшей фазы,
Контакт, исторгнувший восторг.
Контакт черники, слизня, глаза,
Несущий травму, как заразу.
— Но, впрочем, до другого раза
Оставлю этот разговор.

С годами мне сыграют Брамса.
Я снова вспомню Ваше хамство,
Очки, и чёлку, и задор,
И Ваш доклад на семинаре,
И наобум летящий вздор.
— Всё вспомню и не разбазарю:

Как фаллос, Вы стояли, Алик,
Как залп, как женский вскрик «Пусти!»,
И отблеск Тарту сообщали
Обличью скромных ВИНИТИ.

20 ноября 1970 года.

18 октября 1992 года.

Добавление от июля 2001 года

§ 1. Ещё о Пастернаке. — § 2. О жанре пародии. — § 3. «Курочка-ряба» в пяти изложениях. — § 4. «Курочка-ряба»: последствия. — § 5. Первое свидание с Андреем Белым. — § 6. «Кротонский полдень» Бенедикта Лившица. — § 7. Неудавшееся подражание Бродскому. — § 8. Выступление Тимура Кибирова в клубе ОГИ.

§ 1. Ещё о Пастернаке

Тема контакта присутствует у Пастернака с самого начала его занятий поэзией. Подтверждение этому заявлению можно обнаружить в недавно вышедшем биографическом эссе Натальи Иванóвой «Борис Пастернак: участь и предназначение» (СПб.: БЛИЦ, 2000). На с. 44 названной книги Н. Иванова приводит и комментирует строфу из ранних опытов поэта:

Безумный, жадный от бессонниц,
Как пересохшая гортань,
Зрачок приник к земле оконниц,
В порыве изломав герань.

Юный автор полагает себя столь мощным, неуклюжим и огромным, что его «зрачок» (взгляд) способен сломать цветок <...>.

Не дерзая выводить из приведённой строфы, кем полагает себя её автор, осмеливаемся, однако, обнаружить в ней — метафорическую, разумеется, — констатацию прямого к о н т а к т а зрачка с тем, что видит глаз.

Этим замечанием я хотел бы завершить обсуждение особенностей стиля Пастернака и коснуться теперь жанра пародии как такового.

§ 2. О жанре пародии

«Словарь литературоведческих терминов» (М.: Просвещение, 1974) устами, а точнее пером Н. И. Кравцова так определяет этот жанр: «вид сатирического произведения, целью к-рого служит осмеяние литературного направления, жанра, стиля, манеры писателя, отдельного произведения». Если поверить этой дефиниции, то я не хочу считать вышеприведённые строки под названием «Мельчукам» пародией: я не задавался целью осмеять литературную манеру

Пастернака. Я соглашусь говорить лишь о подражании, об имитации и т. п. Ну, да Бог с ним, с этим словарём, составленным его редакторами-составителями Л. И. Тимофеевым и С. В. Тураевым в худших традициях казённого советского литературоведения (каковое не поощряло юмор, а требовало обличительной сатиры). Примем лучше формулировку М. Л. Гаспарова из 3-го издания Большой Советской Энциклопедии (т. 19, 1975 г., с. 225): «комическое подражание художеств. произведению или группе произведений».

«Комическое подражание» — очень точные слова. В них мне открылась причина моего недоумения (граничащего иногда с раздражением), которое вызывала у меня литературная деятельность плодовитого и весьма — возможно, не без оснований — популярного в 70-е и 80-е годы (а в 90-х так даже почти знаменитого) Александра Александровича Иванóва, называвшего себя пародистом. Как человек, которого я наблюдал по телевидению, он был мне симпатичен. Я признавал за ним наличие и чувства юмора, и вызывающей уважение гражданской позиции и даже допускал, что отдельные его тексты, прежде всего прозаические, действительно могли быть пародиями, но никак не мог признать пародиями абсолютное большинство его поэтических текстов. Всё дело в том, что в его рифмованных сочинениях не было подражания — и даже стремления к подражанию. Тó, что сочинял Иванóв, можно было бы назвать *длинной эпиграммой* — если только не бояться оксюморона, потому что в определение понятия 'эпиграмма' вроде бы входит краткость. Если бы А. А. Иванов не объявлял свои тексты пародиями, всё было бы в порядке.

Я всегда любил пародию. Более серьёзные жанры, вроде поэзии того же Пастернака, иногда казались мне слишком трудными для понимания. А вот комическое подражание обычно находило у меня отклик. Как, например, подражание неизвестно кому:

Пусть бесится злобный шторм
Надевши священные бармы
Я гордо пойду на штурм
Далёкой и сказочной Бирмы

или вольное подражание Хлебникову:

О скалах оскаленных скал скулит скелет сколопендры

или менее вольное подражание строкам Гумилёва «К таким нежданным и певучим бредням / Зовя с собой умы людей, / Был Иннокентий

Анненский последним / Из царкосельских лебедей»[3]:

На правый берег перекинув бредни
И кишинёвских приструнив блядей,
Был Александр Иванович последний
Из приднестровских Лебедей.

Последнее подражание возникло, надо полагать, в то время, когда наше всемогущее телевидение втискивало генерала А. И. Лебедя в образ генерала М. Д. Скобелева[4], сперва раскрутив его как отца-командира российской бригады на левобережье Днестра (и защитника российских интересов от коварного правобережья, управляемого Кишинёвом), а затем постепенно превращая в спасителя отечества и кандидата в президенты России.

Мне посчастливилось со школьных лет быть знакомым с классикой пародийного жанра. Я имею в виду сочинения Александра Григорьевича Архангельского (1889—1938), а также тó, что было напечатано в одной растрёпанной маленькой книжице, которую было интересно перелистывать. Я и сейчас держу её в руках. Обложка и последние страницы (всё, что после с. 62, включая оглавление) оторваны. На титуле — название «Про: козлов, собак и Веверлеев», длинный перечень авторов (как выясняется, представленных в книге не своими произведениями, а пародиями на них): «Ал. Блок, А. Белый, Викт. Гофман, Игорь Северянин, К. Юлий Цезарь, <...>, К. Д. Бальмонт и многие другие», а также указание издательства («Космос») и года: 1925 (за два года до первого сборника пародий Архангельского!). Ни подлинных авторов, ни места издания. Лишь на обороте титула указано: «Трест „Киев-печать“ 3 типография ул. Воровского 40». Ещё из этой страницы можно было узнать, что оторванная обложка была работы Вс. Аверина. В самой же книге, в трёх её разделах, раскрывались три темы: «У попа была собака», «Жил был у бабушки серенький козлик» и «Пошёл купаться Веверлей». Каждый из разделов содержал приписываемые различным авторам вариации на заданную тему. Анонимность издания лишь усиливала его действие на читателя. Только десятилетия спустя, из публикаций в 7-м номере «Вопросов литературы» за 1966 год, я узнал, что книгу следовало называть «Парнас дыбом», что название было навеяно одним из спектаклей Мейерхольда, что вышла книга в Харькове и что её подлинными авторами были лингвист, специалист по терории

[3] Из «Памяти Анненского».

[4] М. Д. Скобелев — освободитель Болгарии и покоритель Кокануского ханства, русский народный герой.

перевода А. М. Финкель, литературовед А. Г. Розенберг, писатель и переводчик Э. С. Паперная — на момент сочинения сперва студенты, а потом аспиранты Харьковского университета (в те годы — Академии теоретических знаний). И только предисловие Л. Фризмана к расширенному переизданию «Парнаса дыбом» в 1990 году сообщило мне полные имена авторов и годы их жизни: Александр Моисеевич (1899—1968), Александр Григорьевич (1897—1965), Эстер Соломоновна (1901—1987, из коих семнадцать лет проведены в советских концлагерях).

Впрочем, указание на коллективность автора было дано уже в первом издании. На с. 7, во вступительном тексте (как впоследствии выяснилось, сочинённом А. М. Финкелем), сказано: «Не я здесь автор — коллектив». И вслед за этим: «Не пародист — а подражатель». Последняя цитата показывает, что и талантливые авторы «Парнаса дыбом» были заражены агрессивно-обличительным, «кравцовским» толкованием термина «пародия». Мы же будем хранить приверженность к либеральному гаспаровскому толкованию: 'комическое подражание'.

§ 3. «Курочка-ряба» в пяти изложениях

Что до моего собственного обращения к жанру пародии, то оно случилось в июне 1945 года. Мне было 14 с половиной лет, и я только что окончил 7-й класс «Б» московской школы № 167, которая располагалась тогда в Дегтярном переулке (сейчас в этом школьном здании что-то другое). Мне была выставлена годовая четвёрка по предмету «русский письменный», чем я был сильно огорчён по причине, о которой намереваюсь, хотя и не без некоторого стыда, сейчас рассказать. Дело в том, что я собирался по окончании школы поступать в Московский университет, но был убеждён, что не пройду по конкурсу или вообще провалюсь на вступительных экзаменах. Поэтому вся надежда была на медаль: медалистов тогда принимали без экзаменов. Но чтобы получить медаль, нужно было в аттестате зрелости иметь итоговое пять по русскому языку. А предмет «русский язык» кончался в 7-м классе: я изучил расписания трёх старших классов, с 8-го по 10-й, и убедился, что русского языка там нет. Следовательно, решил я, отметка в аттестат идёт прямо из 7-го класса. Спросить, так это или не так, мне не приходило в голову — ведь моё построение было таким логичным. Тогда я ещё не подозревал, что построение, кажущееся его автору логичным, не обязательно является таковым на самом деле. И тем более не знал, что действительность алогична. Мне ещё

только предстояло обнаружить, что итоговая отметка по русскому языку определяется выпускным сочинением, а годовая отметка за какой-то там 7-й класс вообще не имеет никакого значения.

Но, повторяю, в июне 1945 года я ничего этого не знал и сделал попытку улучшить своё положение. Я пошёл к учительнице, преподававшей нам в 6-м и 7-м классах предметы «русский язык» и «литература» и спросил, нельзя ли повысить мою годовую отметку. Она прочла мне нотацию. «Ты манкируешь», — сказала она. И разъяснила, что манкирование моё заключалось в том, что я ни разу не был на занятиях — разумеется, совершенно добровольных — кружка по литературе. Замечательно, что не только ей, но и мне казалось совершенно естественным, что за непосещение кружка по литературе может быть снижена отметка по русскому письменному. Всё же, в конце концов, она смилостивилась: «Вот тебе задание на лето. Напиши сочинение „Как я провёл лето“, принеси его 1 сентября, и если оно окажется достойным того, чтобы быть помещённым в школьный литературный журнал, я подниму тебе отметку». Имелся в виду издававшийся упомянутым кружком, и притом в одном экземпляре, рукописный журнал «Юный литератор».

Совершенно раздавленный, я вернулся домой. Сочинения «Как я провёл лето» были таким же непременным атрибутом жизни пионеров и школьников[5], как гипсовые статуи трубящих в горн и одновременно салютующих пионеров в пионерских лагерях. Мне довелось видеть некоторые из таких сочинений — они наводили уныние. Я понял, что я скорее предпочту не оказаться студентом Университета, чем стану писать сочинение «Как я провёл лето». И тут мне пришла в голову светлая мысль. Ведь дело не столько в теме сочинения, подумал я, а в том, чтобы оно было помещено в журнале «Юный литератор». А тему можно взять и повеселее, чем «Как я провёл лето». Например, можно попытаться сочинить пародии. Конечно, здесь есть риск, думал я, и риск немалый. Будет ли мне дозволена такая самоуправная замена назначенной казённой темы? Не объявят ли моё поведение продолжением всё того же манкирования? Да и сам жанр пародии не сочтут ли слишком легкомысленным для школьного журнала?

Но поскольку я понимал, что сочинение «Как я провёл лето» я не буду писать ни при каких обстоятельствах, другого выхода не было видно. Я вспомнил о собаках, козлах и Веверлеях, и решил сочинить

[5] Пояснение для читателя XXI века: *пионеры и школьники* — устойчивое словосочетание советского новояза.

пародии по тому же образцу — то есть объединённые каким-либо общим и всем известным сюжетом.

В качестве сюжета я решил взять «Курочку-рябу». Сразу написалась «Курочка-ряба» в изложении Козьмы Пруткова:

Пахом, держа яйцо в руках,
Сказал: «Его разбить должнó!»
И тут же сдуру впопыхах
Взамен яйца разбил окно.

Мораль же басни сей, читатель, улови:
Коль надобно яйцо разбить — ты мышь зови.

Дальше всё сочинялось довольно быстро и, надо признаться, на уровне довольно-таки примитивном. Возникли ещё четыре «Курочки-рябы»[6]:

в изложении Гомера (в переводе Жуковского): «Муза, скажи мне о той многоопытной куре, носящей / Имя славнейшее Рябы...»;

в изложении Бальмонта: «О воздушнобезбрежности златогладкой яичности, / Золотые аккорды скорлуп! / Ты лежишь безглагольное, порождение птичности, / И зефир обдувает твой труп»;

в изложении Вертинского: «В этом старом курятнике, где Вы жили цыплёнком...»;

в изложении Маяковского. Эту пародию приведу целиком:

Смотрите —
вот курица.
Фамилия —
Ряба.
Перья нафабрив
Села,
натужилась,
глядит сконфуженно:
видит:
под нею,
солнца золотее,
— не отвертишься:
факт налицо —
лежит
золотое
яйцо!

[6] Все их можно найти на сайте http://poesis.ru.

Дед —
борода снега белей —
зовёт свою бабу
и мчится с ней.
Бегут,
шаги саженями считая.
Влетают —
стоят, глаза продирая.
Схватили яйцо
и об стену
давай долбить его в две смены.
Долбят неделю —
нету толку,
положили яйцо на полку.
Но тут,
узнав о яйце понаслышке,
с портфелем под мышкой
бежала мышка.
Бежала,
бежала
и
выкинула фортель:
махнула хвостом —
яйцо — к чёрту!

§ 4. «Курочка–ряба»: последствия

В сентябре 1945 года, придя в восьмой класс, я принёс вышеупомянутые пять пародий. Они были приняты благосклонно, и это имело следующие последствия.

Во-первых, годовую четвёрку по предмету «русский письменный» мне исправили на пятёрку. И стали смотреть сквозь пальцы на моё упорное отсутствие на заседаниях литературного кружка.

Во-вторых, пародии опубликовали в журнале «Юный литератор».

В-третьих, мой друг и одноклассник (с 6-го по 8-й класс) Женя (Евгений Семёнович) Левитин[7] в критическом разборе первых трёх номеров журнала, опубликованном в том же журнале, положительно

[7] Впоследствии известный искусствовед, ныне покойный.

отозвался о моих опытах, завершив их обсуждение такой фразой (типичной для его тогдашней манеры):

> Жаль только, что В. Успенский, в силу своего равнодушия к литературному творчеству и литературному кружку, не продолжает изощряться в сём литературном жанре.

Эту цитату из статьи Левитина я списываю сейчас из книги: *В. И. Глоцер.* Дети пишут стихи. — М.: Просвещение, 1964. — 255 с. Цитата находится на с. 208, а на с. 204—206 помещены мои пародии (правда, из пародии на Маяковского взята только вторая половина, а в пародии на Бальмонта имеется неприятная опечатка в первой строке). Источником для Глоцера послужил тот самый журнал «Юный литератор» (замечу, что Владимир Иосифович тоже окончил 167-ю школу, на год позже Левитина, и на два — меня). Публикация в книге Глоцера — это в-четвёртых.

Последствия на этом не кончились. Было ещё в-пятых и в-шестых.

В семидесятые годы у телезрителей была популярна выходящая уж не помню с какой периодичностью «Кинопанорама», сообщающая о новостях из мира кино. В каждой передаче непременно присутствовал рассказ о новом, только что отснятом, но ещё не вышедшем на экран фильме. В рамках этого рассказа показывали наиболее занимательный, с точки зрения авторов передачи, фрагмент этого фильма. Как-то раз, в 1978 году, я сидел перед телевизором и смотрел «Кинопанораму». Фильм, о котором в тот раз рассказывали, назывался «Когда я стану великаном». Он был снят на киностудии имени Горького, специализирующейся на детских фильмах[8], режиссёром Инной Суреновной Туманян (которая делила с Александром Кузнецовым авторство сценария). Главного героя играл Михаил Ефремов, 1963 года рождения, сын Олега Ефремова; кажется, это была его первая роль. В показанном фрагменте главный герой имеет цель сорвать урок литературы. Эта благородная (ибо оказалось, что только таким способом можно избавить класс от поголовных двоек) цель осуществляется следующим образом. Герой сам вызывается

[8] Когда я потом посмотрел фильм целиком, я убедился, что он не детский — он, действительно, о детях, но скорее для взрослых, чем для детей. Его сюжет — сюжет «Сирано де Бержерака» Ростана, перенесённый в школу: аналогом Сирано является восьмиклассник. «Мелодрама из школьной жизни» — так был обозначен жанр фильма в информационных документах. Для детей фильм был слишком взрослым, взрослые же воспринимали его как детский — этим объясняется его недостаточная популярность. А фильм хороший. В нём, кстати, снималась одна из лучших наших актрис — Лия Ахеджакова (если кого-то можно рассматривать как наследницу Раневской, так это её).

отвечать урок, но прежде чем отвечать, произносит страстную речь о пользе пародии для осознания стиля писателя и объявляет, что сейчас прочтёт несколько пародий на сюжет «Курочки-рябы» в стилях Гомера, Бальмонта, Вертинского, Маяковского и Козьмы Пруткова. Я был поражён совпадением как сюжета, так и набора пародируемых авторов. И ещё больше поражён, когда услышал собственные тексты. Это — в-пятых.

Впоследствии мне удалось узнать, каким образом мои пародии оказались в фильме. По сюжету восьмиклассник, которого играл М. Ефремов и который служит современной репрезентацией ростановской версии Сирано де Бержерака, пишет стихи. Создатели фильма наняли профессиональных поэтов, с тем чтобы те написали им детские, то есть как бы написанные детьми, стихи. Выяснилось, что это невозможно: оказалось, что взрослый поэт не в состоянии написать детское стихотворение (как, вероятно, взрослый художник не может создать детский рисунок). Тогда они (создатели) пошли по другому пути — они начали искать стихи, детьми у ж е написанные. И нашли их в книге Глоцера. В титрах так и было написано: «В фильме использованы подлинные детские стихи» (без имён авторов стихов, разумеется[9]). Среди «подлинных детских стихов», звучавших с экрана, было и такое (новоявленный Сирано жертвенно приписал его своему более успешному, но бездарному сопернику):

Я хочу, чтобы время бежало,
Словно быстрые-быстрые лыжи.
Проживу я тогда очень мало,
Но зато очень много увижу.

Это запомнившееся мне четверостишие (которое, на мой взгляд, сделало бы честь взрослому поэту) я списываю сейчас со с. 232 книги Глоцера. Его написал тринадцатилетний Владимир Лапин (мне говорили, что он тоже учился в 167-й школе).

И, наконец, в-шестых. В один из дней 1979-го, кажется, года (историки кино легко установят точную дату) в Доме кино давали премьеру фильма Эльдара Рязанова «Гараж». Перед «Гаражом» показали документальный фильм о Фиделе Кастро, сделанный Джиной Лоллобриджидой (причём наивная итальянка была убеждена, что переполненность зала была вызвана именно её фильмом и

[9] Надо ли говорить, что в источнике, то есть в книге В. И. Глоцера, имена авторов приводимых там «детских стихов» были явно указаны?

благодарила за это публику). В конце антракта я увидел в фойе возвращающегося в зрительный зал Мишу Ефремова и побежал за ним (как потом рассказывали свидетели, сбив с ног Лию Ахеджакову). Зачем я за ним побежал, я и сейчас не могу объяснить. Наверное, я был — выражаясь судебномедицински — в состоянии аффекта. Нагнав Ефремова, я сообщил ему (опять-таки, неизвестно зачем), что пародии, которые он читал в фильме, — мои. Он посмотрел на меня с недоверием. «А мне говорили, — сказал он, — что их написал какой-то мальчик». «Я и есть этот мальчик», — сказал я. Недоверие Миши Ефремова перешло в ужас. Нас спас третий звонок.

●●➤ Оказалось, что в-шестых — это ещё не «наконец», потому что есть и в-седьмых, и в-восьмых.

Итак, в-седьмых. Передо мной увесистый фолиант. Про такие в рекламах начала XX века писали: роскошно изданный. Большой формат (как у тома энциклопедии), прекрасно оформленный переплёт, страницы усеяны фотографиями. Выходные данные:

> Ты в сердце моём, биофак. Художественная самодеятельность и агитпоходное движение на биофаке (1949—2004): Воспоминания, дневники, письма, фотографии / Сост. Н. Орлова и др.; Отв. ред. Н. Н. Орлова. — М.: Добросвет, 2005. — 512 с.

Фолиант этот я купил в декабре 2006 года в Московском университете, на кафедре молекулярной биологии Биофака (то есть Биологического факультета), дабы увидеть свои детские пародии опубликованными на хорошей толстой бумаге. Опубликованы они на с. 434, в разделе «Избранные стихи поэтов биофака», — правда не под моим именем, а под именем Алексея Георгиевича Наумова, выпускника 1954 года. Его можно увидеть на фотографиях, помещённых на с. 75, 80, 87, 88, 145, 434. На с. 87 указаны его годы жизни: 1931—1987. По всей видимости, решил я, тексты моих пародий были обнаружены в его бумагах после смерти. Но как они туда попали? Заведомо не из книги Глоцера, поскольку у Глоцера пародия на Маяковского приведена не полностью, а в книге «Ты в сердце моём...» — полностью. Отмечу ещё, что в опубликованном под именем А. Г. Наумова тексте встречается ряд отклонений от подлинного текста, приводящих к грубым нарушениям ритма и рифмы, а то и синтаксиса; это заставляло предположить, что «наумовский» текст возник как результат ручного переписывания. Так оно и оказалось. Постепенно, к апрелю 2007 года, выяснилось следующее. После кончины А. Г. Наумова его младшая единокровная сестра Татьяна Александровна Оглоблина обнаружила выдранный из

тетради двойной листок в линейку, на котором рукой её покойного старшего брата были записаны тексты пародий, причём пародия на Маяковского шла первой. По словам Татьяны Александровны, Алексей Георгиевич очень любил Маяковского и был неравнодушен к Пруткову и Бальмонту. Интерес к Вертинскому был для неё скорее новостью; впрочем, их мать часто ставила пластинки Вертинского. У Татьяны Александровны не возникло никаких сомнений, что пародии принадлежат её брату, и она передала тексты в распоряжении составителей биофаковского сборника. В состоявшемся 8 апреля 2007 года телефонном разговоре со мной Т. А. Оглоблина неоднократно извинялась; я же успокаивал её, заявляя, что чувствую себя польщённым. И я действительно очень польщён случившимся: как писал Максимилиан Волошин, «Почётней быть твердимым наизусть и списываться тайно и украдкой, при жизни быть не книгой, а тетрадкой».

Теперь — в-восьмых. Начиная с 2001 года во второй половине июля Московский центр непрерывного математического образования проводит в Дубне Московской области Летние математические школы для избранных старшеклассников и избранных младшекурсников (состав преподавателей очень сильный). Создалась традиция в один из последних вечеров работы школы устраивать Поэтический вечер, на котором каждый желающий может читать стихи по собственному выбору. IX школа проходила с 19 по 29 июля 2009 года, её поэтический вечер имел место 27 июля. Я на нём был. В числе выступивших был 13-летний мальчик Миша Панин, сын преподавателей школы, известных петербургских математиков Ивана и Гаянэ Паниных. С большой экспрессией он прочёл пародии из фильма «Когда я стану великаном» — именно из фильма, потому что он читал тексты с той неполнотой и теми погрешностями, которые перетекли в фильм из книги Глоцера. Миша сказал, что автор неизвестен. Я не стал его опровергать и рассказал об этом эпизоде лишь 28 июля и лишь одному из преподавателей школы, а именно собственному сыну, с просьбой никому не говорить до моего отъезда, назначенного на вечер того же дня. Он мою просьбу не выполнил и сообщил о случившемся Гаянэ, моя беседа с которой после этого не могла не состояться. И я задал ей вопрос: как мог её сын запомнить текст, звучавший с экрана. Оказалось, что это его любимый фильм и он смотрел его, по её словам, раз пятьсот — разумеется, на компьютере. Я понял, насколько я отстал от жизни: для меня по-прежнему экран, на котором демонстрируется фильм, ассоциируется прежде всего с экраном в кинотеатре. ◄●●

§ 5. Первое свидание с Андреем Белым

В ночь на 1 января 1946 года, будучи пятнадцатилетним восьмиклассником, я был взят своими родителями на встречу Нового года к нашим друзьям. Присутствовавший там чтец Антон Шварц читал (и читал прекрасно) отрывок из «Первого свидания» Андрея Белого — тот, в котором описывается концерт в Благородном собрании:

<...>
О, эти розовые феи!..
О, эти, голубые!.. Ишь: —

Красножилетые лакеи
Играют веером афиш.

Графиня толстая, Толстáя,
Уж загляделась в свой лорнет...
Выходит музыкантов стая;
В ней кто-то, лысиной блистая,
Чихает, фраком отлетая,
И продувает свой кларнет...
Возня, переговоры... Скрежет:
И трудный гуд, и нудный зуд —
Так ноет зуб, так нудит блуд...
<...>

Я был совершенно потрясён, поскольку т а к о й поэзии никогда не слышал и даже не подозревал о её существовании. Я раздобыл поэму и стал её читать и перечитывать от первых строк предисловия: «Киркою рудокопный гном / Согласных хрусты рушит в томы... / Я — стилистический приём, / Языковые идиомы» — до последних строк эпилога: «Я смыт вздыхающей волною / В неутихающий покой». Летом я жил в деревне и проходил экстерном девятый класс, что было большой глупостью: девятый класс был тогда самый трудный из всех классов, и последствия перенапряжения я ощущаю до сих пор. Но поэма продолжала звучать в мозгу. И в десятом классе, в 1946/47 учебном году, у меня написалась такая пародия (что до подстрочных примечаний, то некоторые из них прямо заимствованы из сносок к «Первому свиданию», а остальные составлены в подражание этим сноскам):

«Курочка-ряба» в изложении Андрея Белого

Предисловие

Над бледнопалевою згою,
Обрамапутрив индный Ганг[10],
Летя эонною[11] дугою,
Я впитывал *иланг-иланг*[12].

1.

Я гимназист: живу в деревне —
Луна, лазурные луга...
И был: старик, философ древний;
Была: жена его, карга.

Я помню чудное мгновенье:
И «куд-куда?» и «куд-кудах!», —
— Витая в выспренних мечтах,
Меж марамо́рохов[13] сомненья —
Меж перламутровых яиц —
Яйцо родилось золотое:
Так Шлиман шлем находит в Трое,
И Каллисто́ и Каллироя[14]
Вдруг восстают из небылиц;
Так сонмы мифов сонным роем
Внезапно хлынут из гробниц;
Так пред прославленным героем
Падут народа толпы ниц;
Так на вопрос глупейший «Кто я?»
Дурак ответит: «Белый шпиц»[15];
Так в анекдоте в слово «*шиц*»[16]
Сыча балды переболтают;

---

10 Брамапутра, Инд, Ганг — реки в Индии.

11 Эо́ны — у гностиков — посредствующие существа между божеством и человеком.

12 Ила́нг-ила́нг — модные духи́ начала XX века.

13 Марамо́рохи — народное выражение: в значении «мороки». — *Примечание Андрея Белого.*

14 Каллисто́, Каллиро́я — нимфы.

15 Белый шпиц нередко исполнял на сцене роль белого пуделя при постановках в детских театрах инсценировок одноимённой повести Куприна.

16 Анекдот-шарада: первое — часть женского платья, второе — хищная птица, целое — еврейская фамилия.

Так не худеющий Лифши́ц[17]
От полноты своей страдает.
Так «Ха», «У», «Й» — астральный знак,
Начертанный на всех заборах,
Взлетит над бездной мараморох
В толпу глазеющих зевак.
Но вот:
— Яйцом привлечена,
Своим нутром озарена,
Шурша, надушенная шипром[18],
В шафранном шарфе, шитом шифром[19],
Шеренгой шествует *она* —
Та, кто прекрасна и ужасна,
Та, кто опасна и безгласна,
(Как Эльдорадо, всем опасна;
Как Эльдорадо, всем прекрасна) —
Старуха, чёрт б её побрал,
Идёт к курятнику.
За нею,
Простёршись фраком к Пиренеям,
Как Лазарь средь лазурных зал,
Идёт по липовой аллее,
Меланхолически алея,
Её насупленный старик —
— И скок-скок-скок, и прыг-прыг-прыг,
Как некий столп[20] за Лилей Брик.
Войдут!..

2.

Оплёван, как Плевако,
Плюясь, как Плеве, к ним бежит,
Идиотически визжит
Индюк, *восстав Анупадакой*[21].

---

17 Ли́фшиц — иногда страдавший от насмешек толстый мальчик, соученик по 167-й школе В. А. Успенского и Е. С. Левитина, на протяжении нескольких десятилетий остававшегося единственным читателем и слушателем этого сочинения.

18 Шипр — духи.

19 Шифр — вензель, составленный из инициалов.

20 «Столп» — иерархическая степень, присвоенная Е. С. Левитиным своему поэтическому кумиру Маяковскому.

21 «Восстав Анупадакой» — выражение А. Белого. Вот примечание Белого: «„Анупадака“ — безначальный: высокая ступень посвящения».

И — там червонное *оно*
Лежит, подобно летней грёзе...

Так в бледнопалевом навозе
Лежит жемчужное зерно.

В яйцо вцепившись с нервным тиком,
Кликушу-душу[22] спёрши криком,
Карга визгливо прокричит,
Яйцом об стенку постучит. —
— Но тут мышонок подвернётся,
Красноволосый краснобай,
Летя бугаем[23] на Валдай;
Яйцо тотчас же разобьётся,
Желточность яйцная проснётся,
Переплеснётся через край.[24]

Эпилог

О, экзотические бури,
Мифологические сны!..
В светомерцаниях лазури,
В искромолениях весны —
Мои мистические хмури,
Мои гностические дури —
Лишь голос лопнувшей струны
Среди бескрайней тишины.

§ 6. «Кротонский полдень» Бенедикта Лившица

Когда я был первокурсником (а то и школьником), в квартире приятелей моих родителей мне попалась в руки напечатанная на толстой желтоватой бумаге[25] книга в бумажном переплёте:

Бенедикт Лившиц. Кротонский Полдень.
Москва, Книгоиздательство писателей «Узел», 1928.

Я раскрыл её и был затянут внутрь странной музыкой неведомых слов. Музыка начиналась ещё с названий — самой книги и составляющих её четырёх стихотворных циклов: «Флейта Марсия»,

[22] «Кликуши-души» — термин из поэмы А. Белого.
[23] «Бугай» — бык по-малороссийски. — *Примечание Андрея Белого.*
[24] См. у Белого — *стекло пенснейное проснётся, переплеснётся.*
[25] А я убеждён, что и бумага, и шрифт существенны в восприятии литературы.

«Волчье солнце», «Болотная медуза», «Патмос». А далее звучала всё настойчивее в строках стихов:

— и из «Волчьего солнца»:

Едва навеянный Евтерпе,
Изваивая облака,
Из вай, вечерний златочерпий
Ты тронешь стебли тростника <...>;

Раскруживайся в асфодели <...>;

— и из «Болотной медузы»:

И глас Петра: «Сия Венуша
Да наречётся Летний сад».
Полдневных пленниц мусикия <...>;

— и из «Патмоса»:

...И, лжесвидетельствуя обо мне,
Фракийствует фракийская природа;

...Ты зовёшь меня, алмея,
В мой возлюбленный гранит.
И мой дух, нарушив клятву,
В сумрак входит роковой,
В соблазнительную сатву <...>;

И в таком во мне, моя алмея,
Ты живёшь <...>;

Не признавая Фундуклея
И бибиковских тополей,
Таит софийская лилея
Небесной мудрости елей.

Тогда я ещё не знал, что правильно не *из вай*, а из *из ваий*, а о значении таинственных слов *алмея*, *Венуша*, *сатва* мог только смутно догадываться. Стихи Лившица бродили во мне и в конце концов сублимировались в следующий текст — не пародию, не подражание, а имитацию:

От фарисейства Фундуклея,
Фракийства муз и саломей
Восстань, лилейная алмея,
Певцом петровских тополей!

Венушу променяй на сатву!
Кликушествуя на току,
Российских рос скупую жатву
Я нектаром не нареку,

Зане я дал обет Евтерпе
На мусикийских берегах...
Что мне небесный златочерпий,
Его крыла единый взмах

И даже то, что не сумели
Вкусить янтарное зерно, —
Когда из вай на асфодели
Прольётся лирное вино?..

Моему просвещённому другу (я знал его ещё с довоенных времён) и сверстнику[26] Мише (Михаилу Константиновичу) Поливанову я сумел выдать эту имитацию за подлинного Лившица. Чему свидетелем был Левитин (в 9-м и 10-м классах — одноклассник Поливанова по всё той же 167-й школе).

Чтобы продемонстрировать то гипнотическое впечатление, которое производил на меня Лившиц, приведу свои «детские» стихи, которые я тогда, в ранней юности писал:

Когда бессоницею побеждён,
Лежу я, непонятный и угрюмый,
Я раскрываю Лившица, и он
Мне навевает сумрачные думы.

И я встаю, забыв свой бренный сон.
Я слышу сквозь обыденнные шумы
Музыку сфер. И тело, как хитон,
Снимаю и лечу в астральных вакуумах.

А на земле — левкои на песке,
Мечи вина в томительной тоске.
Так Лившиц бытие, небытие
Сплетал в стихах — безрадостных, пускай, но
Зато он, как Чурлёнис, ведал тайны,
Зато мифологичен, как Готье.

«Левкои» и «мечи вина» — это, соответственно, из Лившицевых «Второго закатного рондо» и «Сентября». Что до Готье, то подразумевались его «Эмали и камеи» в гумилёвском переводе («И когда

[26] Ныне, увы, тоже покойному.

Аррениуса имя / вдалбливал в себя в чаду и забытье / — у меня на полке, рядом с „Химией“, / стоял том Теофиля Готье» — этот крик души вырвался у меня летом 1946 года, когда я перескакивал через 9-й класс и всё лето в деревне зубрил программу этого класса, в то время из всех классов школы самую обширную).

§ 7. Неудавшееся подражание Бродскому

Сейчас я уже неспособен на имитацию. Вот недавно, на рубеже веков и тысячелетий, я попытался сымитировать Бродского, но похожей можно признать лишь первую строку, а с большой натяжкой — первую строфу; далее всё поехало неизвестно куда, утрачивая бродскость. Поэтому я дал восьмистишию название «Неудавшееся подражание Бродскому»:

Оттого, что пространство воды
переходит в пространство стекла, растворясь в амальгаме,
Студенистость медуз уплотняется в льдистый хрусталь,
В каковом, словно Бах в ученической явленный гамме,
Сквозь поверхностный слой прозревается некая даль.

Внешний мир исчезает, как только смежаются веки, —
Но в просторных глубинах зеркал оставляют предметы свой след.
Конденсаты лучей световых схоронят в этих недрах навеки
Всё что было, что есть и что будет чрез тысячи лет...

§ 8. Выступление Тимура Кибирова в клубе ОГИ

Закончить тему пародий, подражаний и имитаций хочу подражанием моему любимому (и не вижу причин, чтобы не сказать — великому[27]) поэту Тимуру Кибирову. 18 мая 2000 года на вечере в московском клубе «Проект ОГИ», что в Потаповском переулке, он читал стихи из двух своих книг, которым только ещё предстояло выйти летом (первой — в московском «ОГИ», второй — в петербургском «Пушкинском фонде»): «Юбилей лирического героя» и

[27] Его строки, начинающие собою одно из его Посланий («Игорю Померанцеву. Летние размышления о судьбах изящной словесности», 1992 год), «Нелепо сгорбившись, застыв с лицом печальным, / овчарка какает. А лес как бы хрустальным сияньем напоён», принадлежат, на мой взгляд, к вершинам русской пейзажной лирики. ●●► В своё время Евгения Семёновна Абелюк сделала мне честь, пригласив высказаться в телефильме «Тимур Кибиров», произведённом в 2003 году в рамках шедшей некогда по каналу «Культура» серии «Экология литературы». Евгения Семёновна была автором сценария. Я спросил, будет ли мне позволено провозгласить Кибирова великим русским поэтом. Мне было обещано, но не выполнено. ◄●●

«Amour, exil...». Из первой книги произносились, в частности, такие строки: «Кипарис фалличен. / Пальма — вагинальна» (это из стихотворения «Образы Италии»; не помню, было ли озвучено «Как Блок жену свою — О Русь / так я тебя, Натусь, / зову Италией своей / поскольку в нежности твоей / никак не разберусь!»); «И вот февраль. Достать чернил и паркер <...>»; «Каркнул ворон: „Пожалей <...>“». А из второй книги запомнилась «Заявка на исследование»: «Когда б Петрарке юная Лаура / взяла б да неожиданно дала — / что потеряла б, что приобрела / история твоей литературы? / Иль Беатриче, покорясь натуре, / на плечи Данту ноги б вознесла — / какой бы этим вклад она внесла / в сокровищницу мировой культуры? / <...> / Ведь интересно? Так давай вдвоём / мы опытным путём ответ найдём». Всё это накладывалось на хранимые в подсознании поэму 1987 года «Сквозь прощальные слёзы» (с посвящением Людмиле Кибировой и трогательной молитвой в эпилоге: «Благослови же, Господи, Россию, / В особенности Милу и Шапиро») и «Колыбельную для Лены Борисовой» 1993 года (в каковой убаюкиваемая воспевается «от каштановой макушки до волос срамных»).

По пути домой (а точнее, на пути от клуба до станции метро «Чистые Пруды») я попытался изложить свои впечатления от услышанного в форме, по возможности приближённой к кибировской. На следующей день я осмелился по телефону прочитать Тимуру Юрьевичу написанное накануне. И удостоился двух лестных фраз: «Очень здорово» и «Это квинтэссенция того, что я читал вчера». Итак,

Впечатления от слушания стихов Тимура Кибирова в клубе «Проект ОГИ» 18 мая 2000 года

...Февраль. Достать чернил и паркер!
Т. Кибиров

Кибиров достал свой фаллический паркер,
белилами в устье отверстое харкнул
и вновь для поэзьи готов.
Но не разобрать, кто избранница наша...
Кто? Мила? Иль Лена? Иль, может, Наташа?
Кто муза великих стихов?

Срамные, но срама не ведают губы:
не сами предметы, названья их грубы —
а тело не знает стыда.
Тогда отчего ж отвергаешь ты нежность
и только упрямо сжимаешь промежность,
Как ворон кричишь: «Никогда!»?

••➤ § 9. Переписка с Кибировым в 2002 и 2003 годах

В час ночи 11 января 2002 года Кибиров отправил мне электронное письмо. Вот его начало:

Уважаемый Владимир Андреевич!

Вот, как обещал, новые стихи. Очевидно, это первая часть будущей книги. <...>

Далее следовали стихи, вошедшие впоследствии в книгу «Шалтай-болтай». Стихи были довольно-таки пессимистическими, с ориентацией на анально-генитальный низ и с намёком на тогдашнее, оказавшееся многолетним, увлечение их автора. Для подтверждения этого моего ощущения приведу извлечения из некоторых, а три из них приведу полностью. Первое из этих трёх имеет значимое название: «Тема».

Тема

... богов певец
Не будет никогда подлец!
Г. Р. Державин

Жил да был богов певец.
Пел он, пел и, наконец,
оказался в полной жопе.
В этом скорбном хронотопе
наш певец уж не поёт
тесно здесь для Каллиопы,
не влетит сюда Эрот!

Посещать дыру срамную
Аонидам за падло!
(Раньше задницу такую
звали вечности жерлом)

Аллегориею этой
я хотел сказать о чём?
Очень уж легко поэту
в наше время стать говном.

Иль бессмысленным глистом...

Так что будь готов и зорок!
Прозревай сквозь гиблый морок!
Подтвердит любой проктолог
выход всё же есть!

Незнайка в Солнечном городе

Сублимируючи похоть,
редуцируючи страх,
я приветствую эпоху
в резвоскачущих стихах,

в буйстве позапрошловечном
звуков сладких и молитв,
кои умиляют нынче
лишь сотрудников ИМЛИ!

Я трясу брадой седою:
Здравствуй, вымя молодое,
жаль не мне тебя сосать!
<...>
В сумерки на пироскафе[28]
уплываю...
Бульк!

* * *

Что-то тело охренело,
и повыветрился Дух.
Промахнувшись, как Акела,
Разоравшись, как Отелло,
я застрял, как Винни-Пух!
Ух!

Трудно в этом положеньи
выбирать одно из двух
Сологуб или Ваншенкин,
жизнь любить иль смерть любить.
Трудно, мать твою едрить!

Вот фиксация какая
смерть противная такая,
но и эта вот, вот эта —
вверх тормашками в кювете —
экзистенция-блядюга
тоже хороша!

[28] Ср. «Пироскаф» Е. А. Боратынского. — *В. У.*

Психотерапия

И не песнь лебединая это,
а сублимация.

Страх пресловутой кастрации...
<...>

Ноябрь 2001

Сексуально и ментально
озабоченный тотально,
смысл бессмыслицы фатальной
взять пытаюсь в толк
(как пьянчужка в долг).
<...>

Обзор прессы

Свобода от...
Свобода для...

Свобода, бля!..

По прочтении альманаха «Время Ч»

Другие времена, другие вдохновенья...
Боратынский

<...>

В комиссию по реформированию современного русского языка

Предлагаю —
Вместо латинизма «интеллектуалы»
Говорить и писать «интеллектуальцы»

<...>

«Один интеллектуалец
засунул...» и т. д.

А интеллектуалки пусть остаются, как были.
Ибо среди них попадаются прехорошенькие.
Впрочем, не часто.

Мегаломания

<...>

Но божество моё проголодалось...
И, знаешь, слишком долго не ебалось.

Технологии, стратегии и практики

С пафосом, с хаосом и с Дионисом
Логосу надо наставить рога

<...>

Пироскаф

И приблатнённый ди Каприо
Пусть себе ставит раком
Всех пассажирок и членов команды...

<...>

* * *

Так, шепча в ночи «Прииди!»,
Так, рыча в ночи «Изыди!»,
Сам я злобой изошёл
И в отчаянье пришёл.

Здесь в отчаяньи,
В отчайньи,
В положеньи чрезвычайном
Я давненько не бывал.

<...>

Ощущение, о котором говорилось выше, подвигло меня на пародию (или подражание?), которую я послал Кибирову. Вот начало моего письма к нему:

11.01.02 12:54:46

Милостивый государь Тимур Юрьевич, дорогой и любимый Тимур!

Спасибо за стихи. Как всегда — гениально. Позвольте мне сказать Вам прямо, грубо, по-стариковски: Вы великий поэт.

Я не удержался и тут же сочинил Вам подражание (первые две строки — эпиграф):

* * *

Я хочу, укрывшись лоном,
Быть, как прежде, эмбрионом.
Тимур Кибиров. Из ненаписанного

Я молился на Изиду
И за то попал в пизду.
Из неё никак не выйду,
Но и глубже не войду.

Матка Бозка, просто ль матка
Меня ма́нит и мани́т[29].
Но приходит сублиматка
С воспалением придатка —
От неё меня тошнит.

Где кифары? Где фанфары?
Да и были ли оне?
В морду свет слепящей фары —
Бац! И я лежу в говне.

Здравствуйте, Евгений Абрамович!

Вечером того же 11 января Кибиров мне ответил:

Спасибо за лестный отзыв, дельную редактуру и за блестящую (хотя малопристойную) пародию. Ответы на вопросы я вставил в текст вашего письма.

Тимур ◄●●

●●► § 10. Миниода Кибирову от января 2003 года

12.01.03 14:25:31

Дорогой Тимур Юрьевич!

Глубочайший, быть может, мыслитель из встреченных мною в жизни (так написано на с. 11 почтительно преподнесённого Вам

[29] Ср. *в отчаяньи, в отчайньи* в последнем из цитированных стихотворений, а также *и новое мышлéние растёт, и мы́шление новое* из послания «Любовь, комсомол и весна. Д. А. Пригову».

двухтомника) математик Пётр Сергеевич Новиков (уже более четверти века, как покойный) учил меня так: как получите некий математический результат (пусть не очень сильный), обнаружите некий математический факт (пусть не слишком значительный), так сразу и публикуйте. Надменно и самонадеянно стремясь к недостижимому совершенству, я не следовал его совету, о чём теперь сожалею. Сказанное объясняет одну из двух причин, почему я решаюсь послать Вам свою миниоду, сочинённую под влиянием подслушивания реплик М. В. Ардова в его сегодняшнем телефонном разговоре с Вами. Что, конечно, несколько смешно — графоман посылает свои рифмованные строки великому поэту. Вторая причина ещё более эгоистична: если я Вам оду немедленно не пошлю, я буду её продолжать вместо того, чтобы заниматься неотложнейшими делами.

С извинениями, Ваш ВАУ.

Зачем, поэт Кибир Тимуров,
Не хочешь ты воспеть Зефиров и Амуров?
(Когда б Зефиров и Амуров ты воспел,
То в мнении читателей во многом преуспел.)
А так случилось то, чего я опасался:
Уж кто-то говорит: «Тимуров исписался».
Не говорили ль то ж про солнце наше,
Когда тот посвятил себя Наташе?
(Ах, лучше б думал он, что толки — понарошку,
А не заказывал чрез пару лет морошку.)
Таким сравнением я отвечал зоилам,
А большее мне было не по силам.
Я так скажу: дела эпохи плохи,
Когда нет первого поэта у эпохи.
Но вот что успокаивает нервы:
Тимур Кибиров есть поэт наш первый.
Сознание сего внушает мне надежды.
А кто прищурился — тот да подымет вежды.

Текст был послан Кибирову по электронной почте, и на следующий день от него пришёл ответ:

Большое спасибо!
Очень лестно.

Тимур

Как-то Кибирову попалась на глаза книжка «Вводный курс математической логики», коей одним из авторов был я. Он выразил желание её почитать. Я возразил, что она была бы для него малополезной, и взамен преподнёс ему свою брошюру «Что такое аксиоматический метод?» со следующей дарственной надписью:

Хвала тебе, Тимур Кибиров!
Ты, как никто, был прав, создав
Аксиоматику сортиров
В составе 106 октав[30].

Но бормочет Тимур:
Ах, exil..., ах, amour...[31] ◄••

••► § 11. Юбилейное

Чтобы оправдать шесть рифмованных строк, завершающих настоящий параграф, надлежит обратиться к цитатам из Кибирова. Некоторые из них приведены выше, в § 8 и § 9, другие же, взятые из его книги стихов «Amour, exil...», следуют ниже. Многие, если не все, можно было поставить эпиграфом к шестистишию.

Что ж опрометчиво так заключаешь
с низом телесным союз?

С низом телесным иль верхом небесным —
это покуда еще неизвестно!
Экие вновь разверзаются бездны!
Шесть встрепенулися чувств.
Оба желудочка ноют и ноют!
Не говоря уж про всё остальное,
не говоря уж про место срамное —
«Трахаться хочешь?» — Хочу!

Кто же не хочет.

А я ведь за одно мгновенье
меж ненаглядных ног твоих
отдал бы к чёрту вдохновенье!
Но ты не разомкнула их.

[30] Имеется в виду поэма Кибирова «Сортиры».
[31] Намёк на кибировскую книгу стихов «Amour, exil...», о которой пойдёт речь в следующем параграфе.

Не любите Вы этих мужчин, mon amie!
Ну, за что же их, право, любить?
Знаю этих козлов — мёдом их не корми,
только дай что-нибудь осквернить!

Близко к сердцу прими меня, Таша, ближе,
чем бюстгальтер, пальцам моим знакомый,
в благодатную тьму меж грудей девичьих.

Настоящие юбилеи происходят раз в пятьдесят лет, а именно каждый пятидесятый год; так учит Библия. «Сделайте пятидесятый год святым <...>. Это будет для вас юбилей <...>» (*Левит*, **25**:10). Юбилей Кибирова приходился на 15 февраля 2005 года, и я был приглашён на банкет. За столом, не боясь выглядеть смешным, читая свои рифмованные строки в присутствии великого поэта и его друзей, я решился встать и прочесть нижеследующую эпиграмму:

Пииты завели манеру
Петь про амуров и Венеру.
Но не таков наш друг Тимур:
Он презирает сей гламур.
И видим, раскрывая томик,
Воспетым лишь венерин холмик. ◄●●

Добавление от августа 2011 года

§ 1. Рукопись, найденная в школьной тетради. — § 2. Не графоман ли автор? — «Поэма о ДНК».

§ 1. Рукопись, найденная в школьной тетради

Под школьной тетрадью разумеется выпускавшаяся в советское время, скажем, в 1970-х годах, цехом № 3 Московской фирмы «Восход» (Олсуфьевский пер., дом 3) тетрадь на 12 листах и ценою 2 копейки. Тетрадь содержала вложенную в неё промокашку, а обложка была голубая или зеленоватая. На лицевой стороне обложки было напечатано «ТЕТРАДЬ для __ учени __ класса __ школы __», а на оборотной стороне метрическая система мер и таблица умножения, если тетрадь была в клеточку, и «Законы пионеров Советского Союза», если тетрадь была в линеечку. Такие тетради были весьма удобны для различных записей, отнюдь не школьных. (Их широко использовал, например, для своих деканских дел О. Б. Лупанов в бытность свою деканом Механико-математического факультета МГУ, что продолжалось с 1980 по 2006 год.) Одна из таких тетрадей попала мне в руки при следующих обстоятельствах.

В начале 2000-х годов мне позвонили из ВИНИТИ и поставили перед дилеммой: или я прихожу и забираю свои бумаги из некоего ящика некоего стола, или все они будут выброшены. Я предпочёл выбрасывать их сам и пришёл за ними. Среди старых бумаг оказалась школьная тетрадь, которую я когда-то взял с собой на какой-то научный доклад, дабы записывать за докладчиком. У меня была дурацкая идея, что я лучше понимаю доклад, если его записываю. По-видимому, эта идея была унаследована мною со студенческих времён, когда я навострился довольно подробно записывать лекции. Что до названной тетради, то доклад оказался малоувлекательным, и через несколько страниц мне надоело его записывать. Я отложил тетрадь на выброс. Но что-то указало мне заглянуть в конец тетради. Надо полагать, что мне надоело не только записывать, но и слушать доклад, потому что на последней странице я обнаружил собственные стихотворные строки, сочинённые и записанные в то время, когда я перестал слушать доклад. Это была пародия на Пастернака на стандартный для меня сюжет «Курочка-ряба». О существовании этой пародии я начисто забыл. Итак,

«Курочка-ряба» в изложении Пастернака

Провидица! Ты, верно, знала,
Когда пускалась на дебют
У режиссёра-сеновала,
Что яйца при успехе бьют.

Сквозь окна полночь бьёт в ладоши.
Ты смущена. Ты вся горишь.
Но с вездесущестью святоши,
В амбар прошмыгивает мышь.

Продравшись, путаясь в мякине,
С насестами заподлицо,
Она углы обшаря скинет,
Как тяжесть с плеч, с гнезда яйцо.

Скорее бы аккорд финала!
Ты взгромоздишься на насест.
О, сколько раз ты наблюдала
Невольных зрителей разъезд!

О, сколько раз тебе придётся
Всё перепробовать потом,
Подменивая позолотцу
Простым колумбовым яйцом.

10 февраля 1972 года.

Записывая доклад, я проставил дату. Ту же дату я выставляю и для пародии. Впоследствии эта пародия под названием «„Курочка-ряба“ в изложении Б. Л. Пастернака» была опубликована в журнале «Вопросы литературы» за январь—февраль 2006 года на с. 370—371.

§ 2. Не графоман ли автор?

Один из главных признаков графомана — это то, что его произведения нравятся ему одному. Я не могу сказать, что стихотворение, о котором пойдёт речь, нравится только мне, есть и другие ценители (но можно ли им верить? не притворяются ли они, не желая меня обидеть?), но журналы его отвергают. А для меня моя «Поэма о ДНК» — это едва ли не самое любимое моё сочинение. Очень опасный симптом!

Первое отвержение случилось в 1990 году. Тогда происходила некая конференция, причём происходила она на теплоходе, вышедшем из Ленинграда и плававшем по Ладожскому и Онежскому озёрам. Среди её участников находилась Вера Константиновна Черникова, видный сотрудник весьма популярного тогда журнала «Химия и жизнь». С ней была достигнута договорённость, что она опубликует «Поэму о ДНК» в своём журнале. Но договорённость была заочная, текста она не видела. А когда увидела, сказала мне не без возмущения: «Договорённость была о стихах, но это ведь не стихи, а в лучшем случае самодеятельные упражнения для стенной газеты красного уголка провинциального домоуправления». Уже в 2000-е годы «Поэма о ДНК» была отвергнута несколькими литературными журналами. Но на это раз, через 20 лет, к ней оказалась благосклонна та самая «Химия и жизнь». Главный редактор журнала Любовь Николаевна Стрельникова героически напечатала её в номере 4 за 2010 год.

Тексту необходимо предпослать некоторые пояснения[32]. ДНК — это дезоксирибонуклеиновая кислота, являющаяся кодовой записью наследственной информации. Состоит из пуринов и пиримидинов. Поэма появилась в первые годы хрущёвской оттепели, когда было разрешено говорить о ДНК, и эти разговоры будоражили умы: ведь при Сталине молекулярная генетика была запрещена. А тут оказалось, что длинная цепочка пуринов и пиримидинов является кодом любого живого существа, будь-то человек или тюльпан. Эта цепочка определяет, будет ли существо растением или животным и как оно будет выглядеть. В 1957 году, когда была написана «Поэма», ДНК была одной из тем разговоров на московских кухнях.

[32] «Химия и жизнь» предпослала следующее пояснение:

> Это стихотворение написано более пятидесяти лет назад, когда автор был молодым и лихим математиком. Уже умер Сталин и началась хрущёвская оттепель. И хотя лысенковщина продолжала процветать, о молекулярной генетике всё же стало возможно говорить. Интерес к материальному носителю наследственной информации — дезоксирибонуклеиновой кислоте (ДНК) захватил едва ли не всех. Разговоры на эту тему, прежде всего на московских кухнях, были особенно частыми между годом 1953-м, отмеченным не только смертью диктатора, но и расшифровкой структуры ДНК, и годом 1962-м, когда авторам этого открытия была присуждена Нобелевская премия. Приводимые ниже строки датированы 1957 годом. Напомним, что ДНК состоит из пуринов и пиримидинов.

Поэма о ДНК

Глава 1

Где вы, смятые постели,
Ночи, полные огня?
Бьют часы, бегут недели —
Ты не смотришь на меня.

Милый морщит ясный лоб,
Милый смотрит в микроскоп.

Неужели в самом деле
Я уж так нехороша?
Аль какая сыпь на теле?
Аль на голове парша?

Милый смотрит в микроскоп,
Ему виден там микроб.

Глава 2

Только милый встал со стула —
В микроскоп я заглянула...
Кровь отхлынула от губ,
Зуб не попадёт на зуб:

Там, на стёклышке на чистом,
Вся в сиянии лучистом,
Инфузория лежала,
Себя бесстыдно обнажала.

Глава 3

Как уйдёт мой милый в библьотеку,
Я платок накину — и в аптеку.

Знать, в аптеках неспроста
Продаётся кислота!

Фармацевт седая, в буклях,
Мою знает простоту,
Всё скажу начистоту,
Выпиши, скажу, мне ту,
Ту, дезоксирибонукле-
Иновую кислоту.

Фармацевт, эй, фармацевт,
Выпиши скорей рецепт!

Глава 4

Я бактерию кормила дээнкой.
Я нарушила бактерии покой.

На засов замкнула двери я,
Не уйдёт теперь бактерия.

За жестокую измену,
За безнравственное ню,
Совершу пуринов смену,
Код тебе я изменю.

Изменю тебе я код —
Будешь, будешь ты урод!

Что теперь молчишь, как рыба?
Думала, скажу спасибо?
Разевай бесстыжий рот!
Получай дезоксирибо-
Нуклеиновых кислот!

1957

Предварение для читателей «Нового литературного обозрения» к «Семиотическим посланиям» Андрея Николаевича Колмогорова

...Твёрдо веруй
В начала и концы.
А. Блок

§ 1. Кто есть Колмогоров (1.1. Общие сведения. 1.2. Что есть великий учёный. 1.3. Чрезвычайность Колмогорова). — § 2. Колмогоров и литература (2.1. Взгляды и вкусы. 2.2. Колмогоров и поэзия. 2.3. Генетические связи). — § 3. Колмогоров и литературоведение (3.1. Колмогоров и Гаспаров. 3.2. Колмогоров и теория стиха. 3.3. Задача о ямбе. 3.4. Лекции о ритме русского стиха. 3.5. Доклады о теории стиха на математических форумах. 3.6. Совещание в Горьком. 3.7. Симпозиум Мейлаха. 3.8. Конференция в Варшаве. 3.9. Стиховедческий семинар Колмогорова. 3.10. Гаспаров о Колмогорове). — § 4. Кое-что о математике в литературе (4.1. Математические термины. 4.2. Математические идеи. 4.3. Математический анализ сцены из Достоевского). — § 5. Кое-что о математике в литературоведении (5.1. Вводные соображения. 5.2. Сколько может быть текстов? 5.3. Количество информации. 5.4. Частота и вероятность. 5.5. Что происходит, если учитывать частоты букв и их сочетаний. 5.6. При чём тут литературоведение? 5.7. Что происходит, если учитывать частоты слов и их сочетаний. 5.8. Энтропия языка. 5.9. Колмогоровская сложность). — § 6. Колмогоров и кибернетика (6.1. Кибернетика и филология. 6.2. Роль Колмогорова. 6.3. М. К. Поливанов и Вяч. Вс. Ива́нов. 6.4. «Тезисы о кибернетике»). — § 7. Семиотические послания Колмогорова. — § 8. Ответное послание. — Примечания. — Литература.

§ 1. Кто есть Колмогоров

1.1. Общие сведения. Андрей Николаевич Колмогоров (родился в Тамбове 25, а по старому стилю 12, апреля 1903 года — умер в Москве 20 октября 1987 года) есть один из крупнейших математиков XX века. Краткие биографические сведения о нём (увы, с опечатками в датах океанических плаваний) можно найти на с. 216—221 посмертного сборника [Колм 91]. Общее представление о Колмогорове как о личности можно почерпнуть в двух вступительных статьях к названному сборнику; см. также [Шир 93].

Опубликовано в журнале: Новое литературное обозрение. — 1997. — № 24. — С. 122—215. Сами «Семиотические послания» А. Н. Колмогорова были опубликованы в указанном номере журнала на с. 216—245. [В данной книге «Семиотические послания» публикуются на с. 207—250. — *Примеч. ред.*]

Жизнь Колмогорова была неразрывно связана с Московским университетом и, прежде всего, с его Механико-математическим факультетом (так называемым «Мехматом»). В 1920—1925 годах он студент, а в 1925—1929 годах — аспирант Университета, затем научный сотрудник и — с 1931 года — профессор. В 1935 году он становится заведующим созданной им кафедрой теории вероятностей Механико-математического факультета. На момент смерти Колмогоров заведовал на Мехмате кафедрой математической логики.

Математика более, чем литературоведение, пригодна для гамбургского счёта; по этому счёту Колмогоров в какой-то период был, по-видимому, первым математиком мира. Не склонный к завышенным оценкам президент (с 15.10.1985 по 3.09.1996) Московского математического общества 1, лауреат Филдсовской премии 2 С. П. Новиков свидетельствует: «Всем нам, общавшимся с кругом учёных всего мира, было хорошо известно, что Колмогорова большинство считало крупнейшим математиком своего времени» ([Нов], с. 36). И: «Без сомнения, он является великим учёным» (там же, с. 35).

1.2. Что есть великий учёный. В сознании автора этих строк термины «великий математик», «великий физиолог» и т. п. ещё не означают 'великий учёный'. (Подобно тому, как термин «великий баснописец», применимый, скажем, к Ивану Андреевичу Крылову, ещё не означает понятия 'великий поэт'.) Величие личности как учёного предполагает широту с оттенком космичности. Таковым качеством обладал, например, учёный хранитель Палаты мер и весов (с 1893 года), действительный член Императорской Академии художеств (с 1894 года) Дмитрий Иванович Менделеев, в одиночку поднимавшийся на аэростате, разрабатывавший экономику добычи полезных ископаемых, создававший бездымный порох, находивший оптимальное (с некоторой точки зрения) соотношение воды и спирта в водке, проводивший критический анализ спиритических опытов. (О последнем из перечисленных занятий Менделеева см. изданную им книгу [Мат]. Читатель получит удовольствие, подержав эту книгу в руках и раскрыв её в любом месте. Перефразируя Коровьева: достаточно взять любые пять страниц из напечатанных в указанной книге текстов Менделеева [Мен 875] и [Мен 876], чтобы убедиться, что имеешь дело с великим учёным 3.)

1.3. Чрезвычайность Колмогорова. Колмогоров был именно великий учёный, а не только великий математик. В 1835 году Гоголь опубликовал свои «Несколько слов о Пушкине»; в числе этих слов были такие: «никто из поэтов наших не выше его» и «Пушкин

есть явление чрезвычайное». Если заменить здесь слова «поэт» и «Пушкин» на «учёный» и «Колмогоров», получится довольно точная характеристика Колмогорова.

Широта интересов и занятий Колмогорова имеет мало аналогов в XX веке. Первые свои исследования он выполнил, ещё будучи студентом. Они велись с ноября 1920 по январь 1922 года и были посвящены истории Новгорода. Результаты этих изысканий считались утраченными; однако после смерти Колмогорова четыре рукописи его исторических исследований были обнаружены среди его бумаг; теперь они опубликованы, см. [Колм 94]. По авторитетному свидетельству В. Л. Янина, эти исследования Колмогорова опередили не только историческую науку двадцатых годов, но и современную нам историческую науку.

Колмогоров был почётным членом Американского метеорологического общества. Его портрет мы находим в начинающейся с Архимеда галерее портретов создателей классической механики (см. [AbrMars]). В известной хрестоматии ван Хейеноорта «От Фреге до Гёделя» [Heij] собраны статьи с 1879 по 1931 год, определившие структуру математической логики; из отечественных авторов в хрестоматии представлен лишь Колмогоров: мы находим здесь английский перевод его статьи, завершённой им 30 сентября 1925 года, то есть в 22-летнем возрасте. Дважды, в 1969 и 1971 годах, Колмогоров принимал участие (и осуществлял функции научного руководителя) в многомесячных океанографических плаваниях на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев»; плавание 1971 года было даже кругосветным. А понятие падежа по Колмогорову хорошо известно грамматистам.

От общения с Колмогоровым возникало ни с чем не сопоставимое ощущение непосредственного соприкосновения с гением.

§ 2. Колмогоров и литература

2.1. Взгляды и вкусы. Колмогоров был гением. Этим и интересен, как сказал бы Маяковский. Взгляды гениев на литературу и искусство, их вкусы — не должно ли это быть одним из предметов литературного обозрения, в том числе нового?

Поэзия и музыка, архитектура, живопись и другие виды пластических искусств были неотъемлемой и важной частью внутреннего мира Колмогорова. Мало сказать, что он имел обширные и глубокие знания в каждой из этих художественных сфер. Стихи и музыкальные произведения, здания, картины и скульптуры он воспринимал как

необходимую среду существования, как своего рода синхронизаторы, регуляторы, гармонизаторы эмоционального статуса человека — как нечто, задающее ритм внутренней жизни. В этой роли он отказывал кино, считая его не искусством, а развлечением. Высказанная мне аргументация была такова: после прослушивания музыкального произведения или прочтения стихов возникает желание немедленного повторения (разумеется, если музыка или стихи понравились); после просмотра фильма такого желания не возникает. Я тогда ещё не видел «$8\frac{1}{2}$» и потому не нашёлся, что возразить.

Весной 1965 года (а именно, в тот день в начале мая, когда Колмогоров встретился у меня с Лотманом) я сделал попытку увлечь Колмогорова записью Галича, достигшего, как мне казалось (да и сейчас кажется) высочайших вершин в своём жанре. 4 Я выбрал одну песню — о том, как гады физики на пари раскрутили шарик наоборот. Эта песня была выбрана потому, что в ней, через мироощущение её лирического героя, выражена глубокая философская идея; идея состоит в вере в безграничное могущество науки и в убеждении, что ничего хорошего из реализации этого могущества произойти не может (веру я не разделяю, убеждение же нахожу заслуживающим внимания). Колмогорову, однако, Галич оказался противопоказан (это при том, что Колмогоров признавал возможным переживание катарсиса под воздействием песни: см. [Колм СП.2], раздел II). Впрочем, песни, даже авторские, принадлежат всё же не литературе, а особому синкретическому виду искусства; мы же здесь хотим говорить о литературе. 5

Сведения о вкусах и литературных взглядах Колмогорова можно почерпнуть в воспоминаниях [Тих 93] его любимого ученика Вл. М. Тихомирова 6. Там, в частности, сообщается, что Колмогоров считал роман высшей формой прозы (с. 240), и приводится следующее его суждение: «Крупнейшими писателями XX века являются Томас Манн 7 и Анатоль Франс 8» (с. 267). А мне запомнились непочтительные высказывания Колмогорова о Диккенсе, сочинения которого он называл «керосинкой для подогревания чувств старых дев».

Что касается русской прозы, то «из современных писателей он хвалил Солоухина. А. Н. очень любил природу и очень любил „Весну“ Пришвина 9, любил выражение „весна света и воды“» ([Бул], с. 427).

По поводу А. И. Солженицына он отзывался примерно так: «Я полностью прослушал по западному радио „Архипелаг ГУЛАГ“, знаю, что всё там описанное — правда, но я категорически не согласен с жёсткой позицией автора: он пишет о том, что коммунисты, борцы

за революцию, расстрелянные или попавшие в лагеря, заслужили такую участь, что „так им и надо“». То есть Андрей Николаевич критиковал Солженицына не «справа», а «слева» 10 — за недостаточность гуманизма, чего он не мог простить никому. При этом он очень любил многие вещи Солженицына 11, особенно «В круге первом», где прообразом художника «шарашки» был ещё гимназический друг Андрея Николаевича, художник С. Н. Ивашев-Мусатов 12. ([Кат], с. 466—467.)

Недостаточность гуманизма не прощалась даже Пушкину. Колмогоров «упрекал его в том, что он стрелялся с Дантесом, желал его смерти, стрелял в него, крикнул „Браво“, когда тот рухнул после выстрела... „Ведь он хотел его смерти“, — взволнованно говорил Андрей Николаевич» ([Тих 93], с. 265). Но «к Пушкину — Поэту Андрей Николаевич испытывал чувства великого восхищения» ([Тих 93], с. 266).

2.2. Колмогоров и поэзия. Он знал и любил не только Пушкина. Обширные цитаты из русской поэзии (в частности, из Сологуба и Ахматовой) встречаются в письмах Колмогорова к его ближайшим друзьям. Вл. М. Тихомиров пишет ([Тих 93], с. 264):

Андрей Николаевич очень глубоко и интимно любил Тютчева, чувствовал огромный духовный контакт с Блоком, очень трогательно и светло воспринимал Есенина (здесь мы с ним особенно сходились). А. Н. много исследовал Маяковского и часто о его поэзии говорил с восхищением, хотя эти две личности — Колмогоров и Маяковский — всё-таки не имели особых точек соприкосновения.

<...>

...Как-то речь зашла о поэзии, и Андрей Николаевич спросил, кто мне нравится из современных поэтов (Ахматова, Пастернак были живы, но я их считал как бы из прошлого века). Я назвал Слуцкого, Мартынова.

Андрей Николаевич помрачнел. «Это странно, Володя, я думал о Вас другое. Оказывается, Вы сторонник рациональной поэзии. А ведь суть поэзии — выразить невыразимое!».

Дополним воспоминания Тихомирова цитатами из других воспоминаний, опубликованных в том же сборнике [Шир 93]:

Он очень любил Тютчева и Есенина. <...> О поэзии Есенина он сказал так: «Есенина я ставлю по поэтическому дарованию выше Пастернака, что злит любителей Пастернака». ([Бул], с. 427.)

> Огромное место в мышлении Колмогорова занимали, конечно, стихи. Он, например, был великолепным знатоком Пушкина. Больше всего любил Пушкина и Тютчева — я чуть не написал «Тютчева и Пушкина», но А. Н. так не говорил. По-моему, очень любил Блока. Ему, несомненно, была интересна стихотворность Маяковского. Впрочем, сам он чтением стихов вслух, наизусть или по книге, не увлекался [13]. ([Мон], с. 480.)

И ещё о стихах. Как-то я выразил удивление, что ему может нравиться Маяковский. С раздражением он возразил: «Вы, конечно, имеете точку зрения, какие поэты мне должны нравиться, а какие нет. А я просто люблю хорошие стихи и не люблю плохие». Впрочем, если считать Маяковского оптимистом (что, как говорится, «неоднозначно»), то для моего удивления были основания: как-то Колмогоров сказал мне, что, будучи оптимистом в жизни, к оптимизму в литературе испытывает неприязнь.

Колмогоров всегда несколько недоверчиво относился к тому, что его собеседник любит поэзию, и всегда просил прочесть наизусть несколько строчек из поэта, объявленного любимым. Не все выдерживали это суровое испытание [14]. Сам же он знал наизусть много, причём даже из поэтов им не любимых. Вспоминает step-daughter-in-law Колмогорова Т. А. Доронина:

> Не знаю, когда А. Н. успевал читать, но он хорошо знал литературу. Как-то на дне рождения А. Д. [15] с В. В. Литвиновым (литератором и автором многих учебников) зашёл разговор о творчестве Хлебникова. А. Н. сказал, что не любит Хлебникова, но когда В. В. стал цитировать какое-то стихотворение, А. Н. продолжил цитату. ([Дор], с. 439.)

2.3. Генетические связи. Колмогоров был связан с литературой отчасти и генетически. Его отец Николай Матвеевич Катаев [16] хотя и служил по ведомству земледелия (был, по словам Колмогорова, «учёный агроном» [17]), но писал рассказы и время от времени печатал их в журналах; при личной встрече в Ялте Чехов предрекал ему литературную судьбу, каковая, впрочем, не состоялась. С большей определённостью литературный ген проявился в боковой линии, проходящей через Ивана Матвеевича, родного брата Николая Матвеевича (они были двумя из трёх сыновей благочинного с Урала): его сыном был известный писатель Иван Катаев [18], который, таким образом, приходился Колмогорову двоюродным братом. Вспоминает

двоюродный племянник Колмогорова, сын И. И. Катаева Георгий Иванович Катаев:

> ...Андрей Николаевич, в частности, приводил некоторые результаты проведённой работы: «Э. Багрицкий продвинулся в развитии ямба дальше всех. Анализ пауз в его стихах, например, даёт материал для психологии познания...». В других случаях он говорил, что из всех русских поэтов Пушкин — наиболее информативен. Сравнение Е. Евтушенко с А. Вознесенским показало бóльшую информативность первого 19. Это не понравилось Вознесенскому, он хотел встретиться с Колмогоровым, но тот отказался...
>
> ([Кат], с. 460—461.)

Слова «результаты проведённой работы» побуждают нас перейти от темы «Колмогоров и литература» к теме «Колмогоров и литературоведение».

§ 3. Колмогоров и литературоведение[1]

3.1. Колмогоров и Гаспаров. Разумеется, иметь те или иные вкусы в области литературы и, вообще, искусства ещё не значит быть прикосновенным к литературоведению и искусствоведению 20. К литературоведению Колмогоров был прикосновен.

Начнём с того, что он был оппонентом по докторской диссертации Михаила Леоновича Гаспарова, защита которой состоялась в 1977 году в Институте мировой литературы АН СССР. В качестве диссертации защищалась монография [Гасп 74].

Мы начали с этого эпизода по трём причинам: 1) из уважения к Михаилу Леоновичу: автор этих строк свидетельствует здесь не только своё уважение, но и своё восхищение М. Л. Гаспаровым как человеком, как исследователем и как писателем — автором учёных статей и монографий, античных переводов, занимательных книг для широкого круга читателей и не менее занимательных «Записей и выписок», регулярно публикуемых «НЛО» для более узкого круга; 2) из уважения к «НЛО», специально для которого пишется этот текст и членом редколлегии которого состоит М. Л. Гаспаров; 3) исходя из понимания, что уже этого было бы достаточно для признания вклада Колмогорова в развитие литературоведения. Но его вклад этим не

---

[1] ●●➤ На эту тему — статья *Успенский В. А.* Колмогоров и филологические науки, опубликованная дважды: 1) Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2009. — № 6. — С. 11—20; 2) Историко-математические исследования. Вторая серия. — Вып. 14 (49). — М.: Янус-К, 2011. — С. 40—51. Воспроизведена на с. 540—551 данной книги. ◄●●

исчерпывается. Помимо сказанного, Колмогоров — автор ряда стиховедческих выступлений, как устных, так и печатных, а также руководитель исследовательских работ в области стиховедения.

Завершим этот пункт 3.1 цитатой, связывающей имена Гаспарова и Колмогорова.

> Михаил Леонович Гаспаров — живой классик науки о стихе. Эта дисциплина сложилась два с половиной века тому назад вместе со становлением новой русской поэзии и особый облик обрела в нашем столетии. М. Л. Гаспаров продолжает дело (если говорить только о самых крупных стиховедах XX века) А. Белого, Б. В. Томашевского, К. Ф. Тарановского, А. Н. Колмогорова. Эти исследователи сформировали научное направление, основанное на статистическом и теоретико-вероятностном изучении стихотворной речи. ([Бае], с. 3.)

●➤ После того, как журнал «НЛО» опубликовал настоящее «Предварение», М. Л. Гаспаров прислал мне приводимое ниже письмо. Что до комплиментов, содержащихся в первом абзаце письма, то они представляются мне данью вежливости, столь свойственной Михаилу Леоновичу.

Дорогой Владимир Андреевич,

во-первых, позвольте выразить восхищение Вашей статьёй об Андрее Николаевиче Колмогорове в НЛО — и статьёй, и примечаниями, и примечаниями к примечаниям.

Во-вторых, по щепетильной подробности Ваших ссылок я предположил, что Вам не попадалось на глаза единственное моё сочинение, где я позволил себе сказать о нём несколько слов не только в виде ссылок; позвольте подарить Вам ксерокс заметки, напечатанной сперва послесловием к американскому изданию «Критики...» К⟨ота⟩ Бубéры (см. с. 90), а потом в каком-то тартуском Блоковском сборнике.

В-третьих, — осторожное замечание. По ходу Вашей статьи получается, что чуть ли не первый вклад АНК в стиховедение — в том, что он высоко оценил Гаспарова. Это, конечно, не так: мою некомпетентность он отлично видел (он указал мне на вопиющую неправильность одного расчёта в статье о стихе Маяковского; в книге 1974 года я её исправил), просто он хотел, чтобы стиховедение стало (более) точной наукой, и видел, что я тоже этого искренне хочу. Если Ваша статья будет перепечатываться — если можно, смягчите это место.

Ваш радостный

8.7.97 М. Гаспаров

Я не послушался М. Л. Гаспарова и не стал ничего менять: ведь речь идёт не о фактах, а об оценках, на которые каждый имеет право. В моём тексте было ясно сказано, что вклад Колмогорова в стиховедение не исчерпывается его поддержкой Гаспарова; однако союз этих двух выдающихся личностей и исследователей представляется мне заслуживающим внимания.

К письму Гаспарова была приложена копия его — действительно мне ранее неизвестной — статьи «Воспоминания о С. П. Боброве». О Боброве см. ниже в n° 3.9 и в затекстовых примечаниях к названному пункту. Копия представляла собою ксерокс со с. 74—95 издания, название которого можно было прочесть на с. 95: «*Neizvestnaia kniga Sergeia Bobrova. Iz sobraniia biblioteki Stenfordskogo universiteta.* Edited by M. L. Gasparov». К этой типографской надписи рукой М. Л. Гаспарова было приписано: «*Berkeley 1995* (кажется)».

На упомянутой в письме с. 90 сказано: «Одна его ⟨С. П. Боброва — *В. У.*⟩ книга в прозе, долго анонсированная в „Центрифуге“, так и не вышла, остались корректурные листы: „К. Бубера. Критика житейской философии“. Книга издевательская <...>».[2]

А вот что в той же статье на с. 91—93 пишет Гаспаров о Колмогорове «не только в виде ссылок»:

> О стихе «Песен западных славян» он ⟨Бобров — *В. У.*⟩ писал ещё в 1915 году, писал и все десять своих последних лет. Несколько статей были напечатаны в журнале «Русская литература». Большие, со статистическими таблицами, выглядели они там очень необычно <...>. Литературоведы советской формации были недовольны, есениновед С. Кошечкин напечатал в «Правде» заметку «Пушкин по диагонали» (диагональ квадрата статистического распределения — научный термин, но Кошечкин этого не знал). Сорок строк в «Правде» — не шутка, Бобров бурно нервничал, все его знакомые писали письма в редакцию, даже академик А. Н. Колмогоров.
>
> Колмогоров в это время, около 1960 года, заинтересовался стиховедением; этот интерес очень помог полузадушенной науке встать на ноги и получить признание. Ещё Б. Томашевский в 1917 году предложил исследовать ритм стиха, конструируя по

[2] «К. Бубера» — это Кот Бубéра; критикуемая житейская философия принадлежит гофмановскому Коту Мурру; за псевдонимом «К. Бубера» скрывается С. П. Бобров.

На сохранившемся в числе корректурных листов титуле указано: «„Критика житейской философии“ отпечатана летом 1918 г. типографией Левенсон в Москве». Впоследствии, в 1993 году, книга была издана в Калифорнии, в Окланде, в качестве 6-го тома серии «Stanford Slavic Studies».

языковым данным вероятностные модели стиха и сравнивая их с реальным ритмом. Колмогорову, математику-вероятностнику с мировым именем, это показалось интересно. Он усовершенствовал методику Томашевского, собрал стиховедческий семинар, воспитал одного-двух учеников-стиховедов. Бобров ликовал. А дальше получился парадокс. Колмогоров, профессиональный математик, в своих статьях и докладах обходился без математической терминологии, без формул, это были тонкие наблюдения и точные описания вполне филологического склада, только с замечаниями, что такой-то ритмический ход здесь не случаен по такому-то признаку и в такой-то мере. Математика была для него не ключом к филологическим задачам, а дисциплиной ума при их решении. А Бобров, профессиональный поэт, бросился в филологию в математическом всеоружии, его целью было найти такую формулу, такую функцию, которая разом описывала бы все ритмические особенности такого-то стиха. Томашевский и Колмогоров всматривались в расхождения между простой вероятностной моделью и сложностью реального стиха, чтобы понять специфику последнего, — Бобров старался построить такую сложнейшую модель, чтобы между нею и стихом никакого расхождения бы вовсе не было. Колмогоров очень деликатно говорил ему, что именно поэтому такая модель будет совершенно бесполезна. Но Бобров был слишком увлечён.

<...>

Колмогоров предложил ему написать статью для журнала «Теория вероятностей» объёмом в неполный лист. Бобров написал два листа, а сократить и отредактировать дал мне. Я переделал в ней все «левые слоры» и «ритмотипы слов», чтобы не запутать читателя. Отредактированную статью я отдал Боброву. Он, прочитавши, вынес мне её, брезгливо держа двумя пальцами за уголок: «Возьмите, пожалуйста, эту пародию и больше её мне не показывайте». Всё шло к тому, чтобы моим визитам пришёл конец. Но статью нужно было всё-таки обработать для печати. Я был позван вновь, на это раз с математиком А. А. Петровым, учеником Колмогорова, удивительно светлым человеком; потом он умер от туберкулёза. («Помните, „Четвёртая проза“ начинается: „Веньямин Фёдорович Каган[3]...“? — я его хорошо знал, это был прекрасный математик...»[4].) Мы быстро и согласно сделали новый вариант, сохранив

[3] Когда в конце сороковых годов XX века я был студентом Механико-математического факультета Московского университета, В. Ф. Каган вёл у нас занятия по основаниям геометрии. — *В. У.*

[4] Цитата взята из упомянутой книги К. Буберы. — *В. У.*

все «левые слоры», и только оговорив, что это не словоразделы, а слова. Бобров был не очень доволен, но работу принял, и Колмогоров её напечатал. ◀●

3.2. Колмогоров и теория стиха. Истоки интереса Колмогорова к теории стиха, можно думать, таковы.

1. Прежде всего, это его широкие общегуманитарные и, в частности, литературные интересы. Отсюда — интерес к *стихам*.

2. Далее, его стремление к научному анализу явления, к систематизации понятий. Отсюда — интерес к *стиховедению*, возникший с молодости, в каковой он, по его собственному признанию, читал работы сперва Андрея Белого, а затем и Шенгели, и Томашевского. «Стиховедение считается трудной частью теории словесности» ([Гасп 93], с. 3).

3. Высший уровень научного анализа и систематизации — это математизация. Математизация отнюдь не сводится к выражению явлений в числах, таблицах и графиках. Числа, таблицы и графики могут вообще отсутствовать. Главное в математизации — это создание такого описания явления, которое было бы безупречным с логической точки зрения, а математика выступает здесь в роли оценщика (и одновременно идеала) степени логической безупречности. Математизации легче всего поддаётся метрический аспект стихосложения. Отсюда — интерес Колмогорова к тому разделу стиховедения, который называется *метрика и ритмика* 21. Ввиду того, что из всех разделов стиховедения именно метрика и ритмика была наиболее продвинута в направлении формализации, отсутствие должного порядка в её основных понятиях могло быть обнаружено достаточно быстро 22. Оно и было обнаружено Колмогоровым, хотя он, по скромности, вряд ли бы согласился с такой формулировкой; скорее он сказал бы, что лишь выразил в явной форме общеизвестные представления.

4. Числам, таблицам и графикам Колмогоров также не был чужд. Он только полагал, что им непременно должно предшествовать чёткое описание подсчитываемых явлений. Колмогоров был одним из классиков статистики. Приложение методов математической статистики к явлениям речи — в частности, к явлениям стихотворной речи — не могло его не интересовать.

5. В конце пятидесятых стиховедческие интересы Колмогорова сплелись с его занятиями кибернетикой. И сложение стихов (как процесс), и стихосложение (как способ организации текста, возникающего в результате такого процесса) стало возможным рассматривать под углом зрения кибернетики и даже в качестве объекта изучения последней.

6. В начале шестидесятых Колмогоров приступил к созданию последнего из своих математических шедевров — к созданию колмогоровской теории сложности, называемой сейчас теорией колмогоровской сложности (the theory of Kolmogorov complexity). Эта теория позволяет оценивать уровень сложности тех или иных объектов, прежде всего текстов (то есть конечных цепочек букв): см. n° 5.9. Колмогорова интересовал, в частности, вопрос о сложности литературных текстов, в том числе о том, какая доля сложности приходится на содержание текста, а какая — на те или иные литературные приёмы; литературные же приёмы — такие как рифма, метр и т. п. — легче всего формализуются и вычленяются в поэзии.

7. Кажется, ритм вообще занимал особое место во внутреннем мире Колмогорова. Он любил и знал музыку. Некоторые его высказывания о поэзии можно было понимать в том смысле, что стихи, подобно метроному, задают такт эмоциональной сфере. В разделе II своего Второго семиотического послания [Колм СП.2] Колмогоров, в связи с блоковским «Возмездием», по существу, хотя и в иных выражениях, говорит о ритме эпохи (а ведь Блок, в предисловии к поэме, говорил даже о «музыкальном смысле» исторических событий). В 13-м пункте Четвёртого послания [Колм СП.4] Колмогоров говорит о «гуле-ритме»; не исключено, что нечто подобное гулу-ритму охватывало его в моменты высших математических усилий и достижений.

Публикации Колмогорова по теории стиха, согласно списку, помещённому на с. 107 статьи [Шир 89] и на с. 698 сборника [Шир 93], — это десять статей [Колм 62; 63к; 63о; 64; 65з; 66; 68к; 68п; 84; 85] и одна аннотация доклада [Колм 63с]; последняя полностью воспроизводится ниже, в n° 3.7. К этому списку публикаций надо добавить и двенадцатую — письмо Колмогорова [Колм 93—94], написанное в январе 1962 года. Оно посвящено как стиховедческой, так и более широкой философской тематике (приведу одну цитату: «Но существует по существу единственная форма идеализма, творчески продуктивная, — религия»). Письмо адресовано А. Штерну — одному из двух авторов шуточной поэмы «Евгений Неглинкин», сочинённой двумя студентами Мехмата (то есть Механико-математического факультета Московского университета) в 1939/1940 учебном году. (Сама поэма опубликована в том же издании, что и письмо, — под псевдонимом Аллеон Труште; подлинные имена авторов: Леонид Трудлер и Александр Штерн[5].)

[5] ●➤ Вспоминает Исаак Иосифович Ревзин:

Первым моим учителем математики был Алик Штерн, фигура известная среди математиков моего возраста. Он подавал, когда учился в Университете, большие надежды как математик и кроме того был

●➤ К стиховедческим можно отнести также первое ([Колм СП.1.т]; [Колм СП.1.у]) и, частями, второе ([Колм СП.2]) «Семиотические послания» Колмогорова. Но и без них число опубликованных колмогоровских текстов по теории стиха возросло теперь до тринадцати. Дело в том, что сравнительно недавно была опубликована статья [Колм 99], при его жизни не печатавшаяся. Машинописные копии статьи были у Вяч. Вс. Ива́нова и у меня — в числе других колмогоровских текстов по стиховедческой и смежной тематике.

Свою коллекцию колмогоровских текстов Вяч. Вс. Ива́нов передал в 1997 году В. С. Кирсанову, который обещал быстро напечатать её в журнале «Вопросы истории естествознания и техники», но не напечатал, а передал В. М. Тихомирову. Вот что писал мне Ива́нов в июне 2001 года.

> Для точности: оригиналы, которые я в принципе хотел бы со временем получить назад, я передал Володе Кирсанову, который собирался тогда всё быстро напечатать в журнале Института истории естествознания и техники, а потом захотел их передать Володе Тихомирову. <...> Кирсанову я отдал тексты (оригиналы) в 1997 году, в 1998 году он мне сообщил, что отдал их Тихомирову, я не возражал, всё ещё надеясь на их быструю публикацию.

Поскольку у В. М. Тихомирова все документы ива́новской коллекции, в том числе письма Колмогорова Ива́нову (и даже надпись на конверте одного из таких писем), представлены в виде ксерокопий, можно предполагать, что те материальные предметы, которые Вяч. Вс. Ива́нов передал В. С. Кирсанову, остались у последнего.

Грамотная опись ива́новской коллекции требует квалификации архивиста, которой я не обладаю. Здесь и письма, и рукописи задуманных статей, и черновики, и отдельные листки. Приведу, для примера, выдержки из письма Ива́нову:

> Глубокоуважаемый Вячеслав Всеволодович!
>
> Посылаю Вам отрывок из неопубликованной работы, где подробно исследуется ритм двух главок ПОЭМЫ КОНЦА. <...>
>
> С интересом жду Вашего анализа всей поэмы. Меня особенно

известен как автор математической версии «Евгения Онегина» (это произведение было как-то упомянуто А. Н. Колмогоровым на публичной лекции как пример стихов, которые легко сочинить и которые не несут большой информации. Раздосадованный Алик Штерн подошёл к нам с И. М. Ягломом и сказал, что написал длинную записку Колмогорову. Не знаю, разговаривали они потом или нет). ([Рев ИЗРМСК], с. 798) ◄●

заинтересовала одиннадцатая главка, где сложное построение <...> повторяется два раза, а потом варьируется.

Здесь влияние хоров античных трагедий с их «строфами» и «антистрофами» кажется особенно вероятным.

Ваш А. Колмогоров

Отрывок, о котором в письме идёт речь, отсутствует в ива́новской коллекции: по предложению Ива́нова он был превращён Колмогоровым в статью [Колм 68п]; в сноске к заголовку статьи говорится: «Статья является отрывком из неоконченной большой работы, которая мыслилась как руководство для начинающих заниматься стиховедением».

Все тексты напечатаны на машинке, иногда самим Колмогоровым, иногда перепечатаны набело кем-то по его поручению, но зачастую всё равно с правкой его рукой (таковы, например, 18 страниц, заключающие в себе начало того труда «Метр как образ», который упоминается в цитате из статьи Ива́нова в нашем затекстовом примечании 51; первая страница содержит только заголовок и эпиграфы из Багрицкого и Маяковского, а остальные озаглавлены так: «Предварительный набросок начала введения».) Кое-что из этого уже издано. Но хотелось бы видеть изданным всё.

Когда Колмогоров считал работу над каким-либо своим сочинением полностью законченной, он обычно ставил дату и подпись. Ни один из текстов ива́новской коллекции не имел этих свидетельств окончательности. Но некоторые несли на себе напечатанное вверху первой страницы имя автора. Это было знаком перехода от стадии наброска к стадии предназначенного для опубликования варианта — хотя ещё и неокончательного. В одном из таких случаев рядом с именем Колмогорова было проставлено имя колмогоровской сотрудницы Натальи Григорьевны Рычковой как соавтора[6]. Эпиграф к этой статье Колмогоров выбрал из Б. В. Томашевского: *Поэтому-то и весело работать над стихом, что в этой области почти всё спорно*. Н. Г. Рычкова передала текст для публикации в журнал «Теория вероятностей и её применения». Редакция журнала снабдила текст кратким предисловием Н. Г. Рычковой и комментарием А. Б. Сосинского и опубликовала в виде статьи [Колм 99]; перечень опечаток к этой статье приведён при её библиографическом описании на с. 199 настоящего издания.

[6] «Возможно, что я с Н. Рычковой в течение следующей зимы составлю небольшую книжку ⟨по стиховедению — *В. У.*⟩ для изд. АН, не претендующую на универсальность», — предполагал Колмогоров в письме А. В. Прохорову от 11 мая 1961 года. Этому плану (как и многим другим колмогоровским замыслам), увы, не суждено было осуществиться.

30 ноября 1999 года М. Л. Гаспаров читал в Московском университете публичную лекцию на стиховедческую тему (в частности — о связях между смысловой и ритмической сторонами стиха). Перед лекцией я сообщил ему о появившейся публикации [Колм 99], справедливо предположив, что журнал «Теория вероятностей...» вряд ли относится к числу регулярно просматриваемых им изданий. В тот же день М. Л. Гаспаров отправил мне открытку. Вот её начало:

30.XI.99, вечером

Дорогой Владимир Андреевич,

тотчас после лекции Н. Рычкова сама подарила ксерокс публикации статьи Андрея Николаевича, в которой я живо узнал содержание его претензий к Шенгели и Томашевскому, важное для него на каком-то этапе его заинтересованности предметом, — а потом эта критика перестала быть для него занимательной, и он пошёл вперёд, не оглядываясь на эту статью: оттого, видимо, она и осталась не напечатана.

Не откажите, однако, сделать замечание А. Б. Сосинскому за его недоумение, откуда взялись в таблице 3 цифры по Случевскому, Надсону и «Вс.» ⟨!!⟩ Иванову. Они напечатаны в «Символизме» Белого на с. 371, 375 и 379.

В имеющемся у меня экземпляре рукописи, помимо 9 нумерованных машинописных страниц, присутствующих в ивановской ксерокопии, есть ещё 10-я, ненумерованная страница. Содержание страницы даёт представление об основных источниках, которыми пользовался Колмогоров, поэтому я приведу его полностью:

Литература:

1. В. Брюсов, Краткий курс науки о стихе, Москва, 1919.
2. Г. Шенгели, Трактат о русском стихе, Москва—Петроград, 1923.
3. Б. Томашевский, О стихе, Ленинград, 1929.
4. А. Белый, Символизм, Москва, 1910. ◀●

Соавтор Колмогорова по статье [Колм 62] — самой ранней из опубликованных статей — тот самый Александр Михайлович Кондратов (3.10.1937—16.09.1993), материалы которого и о котором составляют целый раздел (с. 89—149) в «НЛО» № 18 (1996 год) 23. Соавтор по статьям [Колм 63о; 64; 85] и аннотации [Колм 63с] — колмогоровский ученик Александр Владимирович Прохоров.

Остаётся выразить сожаление, что стиховедческие исследования Колмогорова остались опубликованными лишь в журналах и сборниках

и всё ещё не изданы отдельной книгой. А. Н. Ширяев 24 так подытоживает эти исследования Колмогорова на с. 68 статьи [Шир 89] 25:

> По инициативе А. Н. Колмогорова была проведена большая работа по пересмотру и уточнению результатов, полученных известными исследователями стиха А. Белым, Б. Томашевским, Г. Шенгели, К. Тарановским, Р. Якобсоном и другими. Основные результаты, полученные в этом направлении А. Н. Колмогоровым и его учениками и сотрудниками, можно сформулировать следующим образом.
>
> I. *Выявление метрических законов.* Даны: общее и частное определения метра; представление об образе метра и звуковом образе метра; строгое формально-логическое определение классических метров ([Колм 63о; 68к; 68п; 84]); описание и разграничение неклассических русских метров (в первую очередь, дольников, логаэдов 26, вольных размеров, чисто акцентного стиха [Колм 62; 63о; 63к; 64; 65з; 66]).
>
> II. *Классификация и статистика ритмических вариаций метра.* Здесь сформулировано и проверено общее принципиальное положение о том, что звуковое строение речи подчинено простым статистическим закономерностям, которые могут быть рассчитаны с помощью теории вероятностей. (Эти закономерности реализуются под давлением потребности передачи смысловой информации, если только этому давлению не противоречит систематически проводимая художественная тенденция.) Указан общий метод построения теоретических моделей различных метров; сформулирована гипотеза «имитации случайности» (см. [Колм 63с], [Про], [Pro], [Колм 85]).
>
> III. *Анализ «остаточной» энтропии* 27 *и её оценка.* Получена оценка «остаточной» энтропии и дан расчёт «затрат энтропии» на отдельные приёмы звуковой выразительности стиха <...>.

Понятию энтропии будет посвящён целый раздел 5.8 настоящего очерка. А здесь уместно сказать лишь, что стиховедческие исследования Колмогорова переплетаются с его исследованиями в области статистики и энтропийных характеристик речи.[7] Приведём ещё одну цитату из статей А. Н. Ширяева (со с. 67 из [Шир 89] и со с. 115—116 из [Шир 93а]):

> Глобальная идея, высказанная Андреем Николаевичем и объединяющая направление этих исследований, заключается в том,

[7] ●▶ Чтобы помочь читателю получить понятие о единстве этих исследований, в качестве приложения к нашему «Предварению» мы помещаем не публиковавшуюся ранее заметку Колмогорова «О возможном применении простейших представлений теории информации к исследованиям стиха, художественной прозы, техники перевода», с. 251. ◀●

что «энтропия речи» (то есть мера количества информации, передаваемой речью) может быть разложена на две компоненты:

1) *внеречевую* (смысловую, семантическую) информацию и

2) *собственно речевую* (лингвистическую) информацию.

Первая из этих компонент характеризует разнообразие, позволяющее передавать различную смысловую информацию.

Вторая компонента, названная Колмогоровым «остаточной энтропией», характеризует разнообразие возможных способов выражения одной и той же или равносильной смысловой информации. Иначе можно сказать, что эта компонента призвана характеризовать «гибкость» речи, «гибкость» выражения. Наличие «остаточной энтропии» обеспечивает возможность придания речи особой художественной, в частности, звуковой выразительности при передаче задуманной смысловой информации.

В свете этой общей идеи были поставлены и решены конкретные задачи по вычислению полной «энтропии речи» и «остаточной» энтропии. Участниками этих работ вместе с А. Н. Колмогоровым были А. В. Прохоров, Н. Г. Рычкова-Химченко, Н. Д. Светлова [28], А. П. Савчук и другие.

3.3. Задача о ямбе. 3.3.1. Вступление в проблему. Первые сигналы об интересе Колмогорова к теории стиха донеслись до меня в 1956 году. В тот год, 24 сентября, на Филологическом факультете МГУ начал работать семинар «Некоторые применения математических методов в языкознании» — первый семинар по математической лингвистике в СССР [29]. При открытии семинара его участникам были предложены мною два учебных задания, авторство которых принадлежало Колмогорову: дать строгое определение понятия падежа и дать строгое определение понятия ямба. Оба эти задания явились следствием моих бесед с Колмогоровым, сочувственно отнёсшимся как к созданию подобного семинара, так и к математизации филологических исследований вообще. Хотя я назвал здесь эти задания учебными, и на семинаре они были предложены (для маскировки их трудности [30]) именно в качестве таковых, на самом деле они представляли собою серьёзные научные проблемы. Советуя сформулировать на семинаре названные проблемы, Колмогоров указал мне и их решения.

Заметим, что обе проблемы состояли в нахождении строгих определений для понятий вполне традиционных, хорошо известных, привычно ощущавшихся на уровне интуиции и более чем достаточно представленных в научной литературе, но, тем не менее, таких поня-

тий, которые не имели чётких определений, могущих удовлетворить взыскательного исследователя. Любого взыскательного исследователя, а не только математика. Математик здесь выступает лишь в качестве лакмусовой бумажки: уж если определение удовлетворит математика, оно должно удовлетворить любого. Однако само стремление непременно сформулировать недвусмысленное определение того или иного понятия и чувство дискомфорта при отсутствии такого определения образуют специфическую черту именно математического стиля мышления. Имея в виду круг читателей «НЛО», проблему определения понятия 'падеж' мы затронем более кратко, а проблему определения понятия 'ямб' — более подробно. Но начнём всё же с падежа.

Как известно, традиционная школьная грамматика утверждает, что в русском языке шесть падежей (более тонкий анализ приводит к большему числу падежей), а, скажем, стандартные учебники языка эстонского называют в этом языке четырнадцать падежей. Встаёт вопрос, чего именно, каких сущностей шесть в русском и четырнадцать в эстонском. В требовании дать ясный ответ на этот вопрос и состоит, в первом приближении, проблема определения понятия падежа. Колмогоров мимоходом, как это вообще было для него характерно, высказал идею такого определения и более к этому вопросу не возвращался. Мне посчастливилось быть слушателем (возможно, единственным) беглого изложения колмогоровских мыслей о падеже, и 5 ноября 1956 года я рассказал их на 6-м занятии семинара «Некоторые применения...», а затем опубликовал в № 5 знаменитого «Бюллетеня объединения по проблемам машинного перевода» [Бюлл] 31 в виде заметки [Усп 57] 32.

Теперь о ямбе. Разумеется, и поэты 33, и стиховеды понимали, что такое ямб, — в том смысле, что, не в пример Е. Онегину, могли отличить ямб от не-ямба. Однако речь идёт о точной словесной формуле, которая могла бы исчерпывающе отразить это понятие в качестве дефиниции. Неужели, возмутится читатель, автор хочет нас убедить, что таких дефиниций не было? В качестве ответа на это законное возмущение приведу полностью статью «Ямб» из 3-го тома изданного в 1955 году издательством «Большая Советская Энциклопедия» трёхтомного «Энциклопедического словаря». Читаем на с. 721:

> **ЯМБ**, в силлабо-тонич. стихосложении стихотворный размер с двусложными стопами, в к-рых ударение падает на 2-й слог (˘ ´). Напр. «Мŏй дя́дя́ са́мы́х че́стны́х пра́вйл. Кŏгда́ нĕ в шу́ткў за́нĕмо́г...» (А. С. Пушкин).

Приглашаю читателя ответить на два вопроса: 1) откуда взялось ударение на 1-м слоге слова «занемог»? 2) если не расставлять подобных ложных ударений, то как усмотреть из этого определения, что «Евгений Онегин» написан ямбом? Столь же невозможно понять, что такое ямб (если не знать этого заранее!), и из известного словаря [Квя].

Посмотрим теперь, что писал по поводу тех же двух начальных строк «Онегина» Андрей Белый на с. 259 своей статьи «Лирика и эксперимент» из сборника [Бел 10с] (неточная перепечатка: [Бел 94кэтс1], с. 202); мы с огорчением увидим много сходства с только что приведённой статьёй из «Энциклопедического словаря». Итак, цитата из Белого.

> Так строка «Мой дя́|дя са́|мых че́|стных пра́|вил» приближается к ямбической ⟨Только *приближается*! А что же тогда *является* ямбической строкой? — *В. У.*⟩, благодаря совпадению ударений в словах с долгими слогами; строка же «Когда́ не в шу́т|ку за́|немо́г» отступает от правильной потому, что слово «з а н е м о г» насильственно принимает на слоге «з а» второе ударение (за́немо́г); но мы читаем приведённый стих так, что долгий слог «з а» принимаем за краткий, отчего ямбическая строка принимает следующий вид:
>
> ◡— | ◡— | ◡◡ | ◡— |
>
> то есть формально она есть комбинация ямба с пэаном четвёртым или с пиррихием <...>.

Автор настоящего очерка чрезвычайно уважает Белого и привёл эту цитату, чтобы продемонстрировать, сколь много неясностей таится в текстах наиболее уважаемых стиховедов (что уж говорить о неуважаемых!). Вот только один из многих вопросов, остающихся без ответа: так принимает «занемог» ударение на первом слоге (что сомнительно) или мы читаем это слово так, что долгий (надо думать, ударный) слог принимаем за краткий (надо думать, за безударный), и тогда ударения на первом слоге нет? А главное, почему же обсуждаемая строка, хотя и отступает, по словам Белого, от правильной, всё же признаётся им ямбической?

Завершим этот вводный подпункт 3.3.1 цитатой из М. Л. Гаспарова ([Гасп 93], с. 3), как нельзя лучше схватывающей суть проблемы:

> Когда школьнику или студенту предлагается определение: «Ямб — это стихи, в которых на чётных слогах стоят ударения, а на нечётных отсутствуют», — а потом перед такими строками, как

«Бой барабанный, клики, скрежет», делается оговорка, что на чётных слогах ударения иной раз пропускаются, а на нечётных иной раз появляются, то после этого трудно не почувствовать себя перед лицом хаоса.

3.3.2. Что же такое ямб? В своей лекции 19 октября 1960 года (см. n° 3.4 ниже) Колмогоров сказал: «Томашевский считал, что всякий стих есть стих четырёхстопного ямба, если он, будучи вставлен в ямбическую строфу, ей не противоречит. Но вот задача исследователя как раз и заключается в том, чтобы понять, в чём эта интуиция состоит».

Приступим непредвзято к этой обозначенной Колмогоровым задаче исследователя. Прежде всего мы обнаруживаем, что само понятие ямба расщепляется на два: можно говорить о ямбе как о признаке стопы (о ямбе-стопе, о ямбической стопе) и о ямбе как о признаке стиха, или строки (о ямбе-строке, о ямбической строке). Что такое ямбическая стопа, казалось бы, известно всем и каждому. Это стопа та-тá, состоящая из двух слогов, из коих первый — безударный, а второй — ударный. Именно с таким чередованием ударных и безударных слогов написана знаменитая строка «Мой дядя...» — с ударением на каждом чётном слоге и с отсутствием ударения на каждом слоге нечётном. Но уже следующая строка написана не так.

Совершенно очевидно, что «Евгений Онегин» не написан стопой та-тá. Почти три четверти строк поэмы не являются «правильными» в смысле Белого, а более одной пятой чётных слогов являются безударными (см. [Про], с. 95, табл. 8). И уже третья строка содержит ударное «он» на нечётном, а именно первом, месте. Вместе с тем не хочется отказываться от мнения, что «Онегин» написан ямбом, то есть что каждая его строка ямбическая. Это означает, что ямбическая строка не состоит из ямбических стоп. А тогда что значит, что строка является ямбической? Или же мы должны менять представление о ямбической стопе? В конечном счёте оказывается, что именно это и следует делать.

Говоря более точно, следует различать *речевую стопу* как реальное сочетание ударных и безударных слогов в речи и *метрическую стопу* как сочетание условных единиц. Эти условные единицы называются *сильными слогами*, или *иктами*, и *слабыми слогами*, или *слабыми временами*.

В стихотворной речи сильный слог может быть безударным, а слабый — ударным (в случаях, когда на слабое место попадает односложное слово, на это получено дозволение от самого Тредиаковского — см. ниже п. 3.3.4). Таким образом, понятие ударного

слога отличается от понятия сильного слога, а понятие безударного слога — от понятия слабого слога. После того, как указанное различие установлено, надлежит формулировать правила, или законы, соответствия между, с одной стороны, сильными и слабыми слогами метрической стопы и, с другой стороны, ударными и безударными слогами речевой стопы. Это соответствие и обеспечивает ощущение стихотворного метра.

Всё это было осознано сравнительно поздно. А ясно изложено ещё позднее: мне неизвестно более раннего (по крайней мере, в отечественной литературе) отчётливого изложения приведённых только что представлений о законах соответствия, ныне общепризнанных, чем в [Колм 68к] 34. Наиболее подробно указанные представления изложены в нормативном очерке М. Л. Гаспарова «Основные понятия русской метрики», помещённом на с. 11—17 его упомянутой в начале этого параграфа монографии [Гасп 74], и в его же замечательной статье [Гасп 84].

Ещё раз подчеркнём, что ясное понимание различия между речевой стопой, ударным слогом и безударным слогом, с одной стороны и, соответственно, метрической стопой, сильным слогом и слабым слогом, с другой — это понимание далось не сразу. Может показаться, что такое понимание уже содержалось в том совершённом Андреем Белым открытии, рассказ о котором Ходасевича приведён ниже, в п. 3.3.3. Но так может показаться только тому, кто смотрит на высказывания Белого с современной точки, кто уже оснащён сложившейся системой понятий и потому наполняет эти высказывания осовремененным содержанием. Тó, что открытие Белого было только началом, а не концом пути, свидетельствуют лекции Брюсова, читанные им десять лет спустя после открытия Белого и оформленные в виде книги [Брю]. Читаем в [Брю]: «Стопа есть сочетание, в определённой последовательности, слогов ударных и неударных» (§ 2 на с. 12); «Метр есть сочетание стоп в определённой последовательности» (§ 3 на с. 15). Формулировки по-брюсовски чеканные, но в своей совокупности противоречивые — здесь нарушен один из основных законов формальной логики, а именно закон тождества (lex identitatis, как, несомненно, именовал бы его сам Брюсов). Действительно, в первой формулировке имеется в виду стопа речевая (сочетание реальных ударных и безударных слогов), тогда как во второй — метрическая (сочетание условных сильных и слабых слогов). Реликты этого смешения понятий проявляются ещё и сегодня в виде путаницы в нотации. Ударный слог обозначается иногда «—», а иногда «$\overset{\prime}{-}$»; те же обозначения применяются и для сильных слогов, отчего путаница возрастает. Знаком «$\smile$» обозначается иногда безударный слог, а иногда

слабый слог. Ещё хуже: когда ударный слог обозначают посредством черты с акутом, «—́», то часто в этих случаях безударный слог обозначают простой чертой без акута, «—». При чтении стиховедческих текстов, в том числе в составе настоящего «Предварения», читателю необходимо не забывать об этой исторически сложившейся путанице.

О смешении основных понятий стиховедения, имевшем место в прошлом и всё ещё отражаемом в сегодняшней нотации, говорится здесь не для того только, чтобы предостеречь читателя от запутывания в противоречивых обозначениях, и отнюдь не для того, чтобы упрекнуть ранних стиховедов. Просто без констатации такого первоначального смешения нельзя понять заслуг Тредиаковского, Белого, Якобсона, Тарановского, Колмогорова и Гаспарова в деле формирования указанных основных понятий. Когда-то Колмогоров делился со мной своими соображениями, что́ может служить содержанием математической диссертации. По его мнению, возможна полноценная (его термин) диссертация, в которой нет ни одной теоремы, но создаётся разумная система понятий. Роль Колмогорова в стиховедении двояка. Здесь и тонкие, нередко основанные на соображениях математической статистики, наблюдения над стихотворной речью различных — от Кантемира до Пастернака — поэтов. Здесь и решающие шаги в создании логически непротиворечивой системы основных понятий стиховедения. Первый из указанных аспектов стиховедческого творчества Колмогорова хорошо известен. Не менее значительным представляется второй, менее известный аспект. В который укладывается и определение такого обманчиво простого понятия, как ‘ямб’.

3.3.3. Дефиниция ямба и его ритмических форм. Но вернёмся к колмогоровской задаче о ямбе. Уточним: речь идёт о ямбе-строке, то есть об определении понятия ‘ямбическая строка’. Решение должно полностью оправдать расхожее мнение, что «Евгений Онегин» написан именно ямбом, то есть что каждая его строка — ямбическая. Исчерпывающая формулировка решения содержится и в монографии [Гасп 74] (см. с. 13—14), и в энциклопедической статье того же автора [Гасп 78я], но не надо забывать, что моя беседа с Колмогоровым о ямбе состоялась значительно раньше, а именно в 1956 году.

Определение ямба, которое сообщил мне тогда Колмогоров, полностью укладывается в рамки тех общих представлений о законах соответствия между реальным ритмом и метрической структурой, о которых мы говорили несколькими строками выше и которые позже были сформулированы Колмогоровым в [Колм 68к]. Для случая

четырёх стоп колмогоровское определение можно найти, например, на с. 286 статьи [Рев СТИ]:

> Пусть дана следующая схема чередования сильных (—) и слабых (⏑) слогов:
>
> ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — (⏑)
>
> Мы будем говорить, что стихотворение написано четырёхстопным ямбом, если в каждом слове стихотворной строки, состоящем не менее чем из двух слогов, ударение не попадает на слабый слог, причём чередование сильных и слабых слогов соответствует приведённой выше схеме, например:
>
> Шли годы. Бурь порыв мятежный
>
> ⏑́ | —́ ⏑ | —́ | ⏑ —́ | ⏑ —́ ⏑

Если игнорировать количество стоп (каковое количество определяется простым подсчётом числа слогов), то колмогоровское определение можно перефразировать, предварительно введя понятие нарушения ямбической структуры. Скажем, что слово нарушает структуру ямба, если оно удовлетворяет сразу двум условиям:

(1) оно расположено в строке так, что его ударение приходится на нечётный слог строки;

(2) оно содержит более одного слога.

А теперь скажем, что строка является ямбической (принадлежит ямбу и т. п.), если в ней нет слова, нарушающего структуру ямба.

Эквивалентная по содержанию формулировка (правда, без ясного заявления, что это есть именно о п р е д е л е н и е ямба, а не только его характерная черта) впервые была опубликована К. Ф. Тарановским в его вышедшей в 1953 году (увы, на сербском!) монографии [Тар 53]: см. с. 375, где даётся (на русском!) краткое содержание I части, называющейся «Теоретические основы русских двудольных размеров». Колмогоров пришёл к своей формулировке не только независимо, но и раньше; когда он в молодости читал стиховедческие работы Белого, Томашевского и Шенгели, он просто не мог не задуматься над вопросом, что же такое ямб п о о п р е д е л е н и ю.

Сами представления об *обязательно-ударных слогах* (то есть таких, отсутствие ударения на которых запрещено) и *обязательно-безударных слогах* (то есть таких, присутствие ударения на которых запрещено) появились в высказываниях Колмогорова с начала 60-х годов, когда он приступил к интенсивным занятиям стиховедением. А в колмогоровских публикациях они впервые появились только в [Колм 68к], где обязательно-ударные слоги названы *ударными*

по схеме, а обязательно-безударные слоги — *безударными по схеме*. Могу предположить, что такая задержка с публикацией объясняется тем, что главным в стиховедческих интересах Колмогорова был не метр, а ритм. Его не столько занимало дать формальное определение метра, сколько исследовать художественные возможности ритма (см. в п. 3.6.2 пересказ колмогоровской лекции, данной в сентябре 1961 года). Ритм же заключается в пропусках ударений на тех сильных слогах, которые не являются обязательно ударными — а обязательно-безударными никакие сильные слоги быть не могут. Таким образом, в изучении ритма понятия обязательно-ударного и обязательно-безударного слога играют второстепенную роль.

Ходасевич в своём известном мемуаре «Андрей Белый», входящем в его книгу «Некрополь», вспоминает об открытии, сообщённом ему Белым душным летним вечером 1908 года:

> — <...> Стихи одного метра разнятся ритмом. Ритм с метром не совпадает и определяется пропуском метрических ударений. «Мой дядя самых честных правил» — четыре ударения, а «И кланялся непринужденно» — два: ритмы разные, а метр всё тот же: четырёхстопный ямб.
>
> Теперь всё это стало азбукой. В тот день это было открытием, действительно простым и внезапным, как архимедово. Закону несовпадения метра и ритма должно быть в поэтике присвоено имя Андрея Белого.

Попытаемся выразить эту, по словам Ходасевича, азбуку на более формальном языке. Мы сделаем это на том же примере четырёхстопного ямба.

Метрическая схема четырёхстопного ямба с мужским окончанием такова:

$$\smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \underline{\text{—}}'$$

Здесь символ «$\smile$» означает слабый слог, символ «—» означает сильный слог (на котором ударение в речи может как быть, так и не быть), символ «$\underline{\text{—}}'$» означает обязательно-ударный слог. Присутствие этого символа в схеме означает, что в четырёхстопном ямбе с мужским окончанием последний слог (и, как видим, только он) обязан быть ударным.

Соответственно, *метрическая схема четырёхстопного ямба с женским окончанием* такова:

$$\smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \underline{\text{—}}'\ \frown$$

Здесь символ «$\frown$» означает обязательно-безударный слог.

Обе эти схемы могут быть объединены в одну:

$$\smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ (\frown)$$

Это есть единая *метрическая схема четырёхстопного ямба*. Взятие заключительного символа в скобки означает, что этот слог может как присутствовать, так и отсутствовать.

Ритмическая форма возникает при произвольном распределении ударений по сильным слогам, не являющихся обязательно-ударными. Простой подсчёт показывает, что для четырёхстопного ямба теоретически возможны восемь таких распределений, и, следовательно, восемь ритмических форм. Мы собираемся все их перечислить, но предварительно укажем следующую неприятную особенность общепринятой нотации, о которой мы уже говорили в п. 3.3.2 и которую у нас недостаёт решительности менять (а надо бы). В отличие от обозначений, принятых для описания метрических схем, при описании ритмических форм знак «—» означает не произвольный сильный слог, а лишь такой, на который в э т о й форме не попало ударение. Что до знака «$\overset{\prime}{\text{—}}$», то он по-прежнему означает обязательно-ударный слог, но только теперь он означает слог, обязательно-ударный в рассматриваемой ритмической форме, среди каковых обязательно-ударные в метрической схеме составляют, вообще говоря, лишь часть. Восемь форм мы перечисляем в том естественном порядке, который с очевидностью выводится из указанных слева трёхзначных комбинаций плюсов и минусов. Справа, римскими цифрами, указаны номера этих форм, присвоенные им в книге Г. А. Шенгели [Шенг], служившей для Колмогорова одним из источников при его стиховедческих занятиях (см. у Шенгели раздел «Приложения общие», с. 139—141). Итак, вот восемь теоретически мыслимых форм четырёхстопного ямба:

(+ + +)	$\smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}$	$(\frown)$	(I)
(+ + −)	$\smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}$	$(\frown)$	(IV)
(+ − +)	$\smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}$	$(\frown)$	(III)
(+ − −)	$\smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}$	$(\frown)$	(VII)
(− + +)	$\smile\ \text{—}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}$	$(\frown)$	(II)
(− + −)	$\smile\ \text{—}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}$	$(\frown)$	(VI)
(− − +)	$\smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}$	$(\frown)$	(V)
(− − −)	$\smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \text{—}\ \smile\ \overset{\prime}{\text{—}}$	$(\frown)$	(VIII)

Последняя форма практически невозможна. Ведь для её реализации надо представить себе восьмисложную конструкцию с ударением на последнем слоге. Впрочем, не исключено, что можно найти такую конструкцию, привлекая слова экзотические. ●➤ Из города Уппсала, Швеция, требуемую конструкцию прислал А. Х. Шень, не

прерывавший и там своё руководство процессом вёрстки этой книги. Последняя строка его четверостишия есть пример ритмической формы VIII, последней в нашем перечне. (Объяснение слов: полиэдр — это то же самое, что многогранник; параллелепипед — один из простейших видов многогранников, его проходят в школе.) Вот четверостишие Шеня:

Язык порой бывает щедр,
И есть пример (почти реальный):
Ведь существует полиэдр
Непараллелепипедальный! ◀●

Десятисложное, с ударением на последнем слоге, слово встречается в литературе. Таково имя невиданного зверя из монолога Сирано де Бержерака в классическом переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник одноимённой пьесы Э. Ростана (действие 1, явление 4):

Тон педантичный: «Тот лишь зверь мудрёный,
Которого Аристофан учёный
Зовёт гипокампэлефантокамелос,
В глубокой древности имел подобный нос».

Крайне редка и предпоследняя форма V, и примеры из поэзии знает едва ли не один только М. Л. Гаспаров. Он и указал мне два таких примера: *Для полугородских полей* из Каролины Павловой и *Под железнодорожный мост* из Пастернака. Колмогоров любил приводить в качестве примера V формы строку *И велосипедист летит*. На все остальные формы (причём для мужских окончаний) примеры даны в указанной книге Шенгели. Так, для VII формы — пример из Белого: *Над памятниками дрожат* ([Шенг], с. 141 и 63). Формы V и VIII Шенгели называет «неупотребительными» и примеров для них не приводит.

Соотношение между метрической схемой и её ритмическими формами было только что рассмотрено на примере четырёхстопного ямба. Ясно, что так же организовано это соотношение и для других стихотворных размеров.

3.3.4. Тредиаковский, Якобсон, Тарановский. Тарановский, как только что было отмечено, по существу сформулировал в [Тар 53] определение ямба, но облёк найденную им формулировку не в форму определения, а лишь в форму указания свойств ямба. В [Тар 71] он предложил более явную и весьма изящную (поскольку была изложена исключительно в запретительных терминах) формулировку 35.

Предшественниками Тарановского в понимании характерных для ямба запретов и разрешений были и Р. О. Якобсон, и В. К. Тредиаковский. Колмогоров уважительно ссылается на них на с. 405 в [Колм 68к] (на Якобсона) и на с. 145 в [Колм 68п] (на Тредиаковского). Разумеется, ни Тредиаковский, ни Якобсон не мыслили в категориях определений. По существу же, в том колмогоровском определении ямба в терминах нарушения ямбической структуры, которое было приведено выше, в п. 3.3.3, Якобсону принадлежит условие (1), а Тредиаковскому — условие (2). Условие (1) состоит в запрете на переакцентуацию, то есть на появление ударения на слабом слоге; мы будем называть этот запрет *запретом Якобсона*. Условие (2) состоит в исключении из этого запрета односложных слов, то есть в разрешении ставить такие слова на слабый слог; мы будем называть это разрешение *разрешением Тредиаковского*. Именно в силу разрешения Тредиаковского не нарушает структуру ямба ни слово «бой» в пушкинской строке «Бой барабанный...» из п. 3.3.1, ни слово «шли» в блоковской строке «Шли годы...» из п. 3.3.3, ни слово «чёрт» в двустишии, цитируемом в примечании 33.[8] Можно поэтому следующим образом изложить колмогоровскую дефиницию ямба: стих называется ямбическим, если в нём нет слова, нарушающего запрет Якобсона, разве что это слово подпадает под разрешение Тредиаковского. Впрочем, в той формулировке «закона недопустимости переакцентуации стиха», которую предлагает Колмогоров в [Колм 68к], приписывая её Якобсону, уже содержится разрешение Тредиаковского. Колмогоровская формулировка запрета Якобсона приводится в [Колм 68к] в качестве пятого закона соответствия между реальным ритмом и метрической схемой (см. наше примечание 34). Колмогоровская формулировка разрешения Тредиаковского приводится в [Колм 68п] 36.

[8] ●➤ В этой фразе содержится ошибка. Однако она умышленно не исправлена, а оставлена в том виде, как это было при первоначальной публикации в «НЛО». Обсуждению этой ошибки посвящён § 12 моей статьи «Почему на клетке слона написано „буйвол“» (см. с. 336 данной книги). Собственно говоря, обнаружение А. Х. Шенем этой ошибки и послужило одной из основных причин написания указанной статьи. («Плодотворная ошибка, меня просто вдохновило её совершить!» — воскликнул великий французский математик Анри Лебег в своём предисловии к оригинальному французскому изданию книги Николая Николаевича Лузина — учителя Колмогорова — «Лекции об аналитических множествах и их приложениях». В советское время книга Лузина дважды издавалась в русском переводе, и каждый раз без предисловия иностранца. По-русски это замечательное во многих отношениях предисловие можно прочитать в посвящённом Лузину выпуске журнала «Успехи математических наук», 1985, т. 40, вып. 3, с. 9—11.) ◀●

Читателю не составит труда найти формулировку в стиле Колмогорова, дающую определения хорея 37; и тогда он обнаружит, что определение хорея в статье [Гасп 78x] неполно, поскольку не учитывает разрешение Тредиаковского (и потому, по буквальному смыслу этого определения, пушкинская строка «Сбились мы. Что делать нам!» оказывается не принадлежащей хорею из-за ударного «что» на чётном месте).

●●➤ 3.3.5. Трубецкой. Г. А. Левинтон упрекнул меня, что, говоря об определении понятия 'ямб', я не упоминаю Н. С. Трубецкого. Упрёк принимаю. Не имея возможности обсуждать роль Трубецкого по существу, ограничусь обширной цитатой из письма ко мне Георгия Ахилловича:

> Впервые ряд «приближающихся» определений ямба был опубликован в 30-х годах Якобсоном, а «окончательная» формулировка, в общем совпадающая с определением Колмогорова (включая «обязательно ударные» и «безударные»), но значительно раньше была опубликована Н. С. Трубецким (К вопросу о стихе «Песен западных славян» А. С. Пушкина // Белградский пушкинский сборник. — 1937; перепечатано неоднократно, напр. Н. С. Трубецкой. Труды по филологии. — М., 1987. — С. 359—371). Сопоставление определений Трубецкого и Якобсона см.: М. Л. Гаспаров. Русский ямб и английский ямб // Philologica: Исследования по языку и литературе памяти акад. В. М. Жирмунского. — Л., 1973. — С. 408—415, где учтён и Щерба. О самом определении Трубецкого, попытку интерпретации см. мои статьи (в которых, к сожалению, не учтены идеи Колмогорова): Из маргиналий поэтики пражской школы: Определение метра у Н. С. Трубецкого // Russian Literature. — 1981. — Vol. X. — P. 67—78; Further Notes on Trubetzkoy's Verse Theory // Elements. — 1966. — Vol. 2. — P. 285—294 (номер, посвящённый памяти К. Ф. Тарановского). Похоже, что Трубецкой выпал из Вашего поля зрения так же, как Колмогоров из моего.

С последним утверждением вынужден покаянно согласиться. ◄●●

3.3.6. Щерба. Возвращаем читателя к тому пассажу из п. 3.3.1, в котором говорилось о неодолимой тяге математиков к определениям понятий. Для гуманитария естественно указать свойства чего-нибудь — например, сказать, что ямбу присущи такие-то и такие-то качества. Для математика в таком описании не хватает решающего аккорда — заявления, что всякая сущность, обладающая указанными качествами, и есть ямб. В этом смысле следующий абзац следует признать содержащим определение ямбической строки — хотя и не

вполне правильное (ввиду отсутствия разрешения Тредиаковского и двух требований: обязательной ударности последнего сильного слога и обязательной безударности слабого слога, следующего за последним сильным), но именно определение:

> Надо заметить, что под ямбом я разумею лишь факт отсутствия ударения на нечётных слогах.

В этой формулировке (в отличие от лишь указывающих свойства, присущие ямбу, формулировок Якобсона и Тарановского) содержится требуемая (хотя, повторимся, и не вполне точная в данном случае) мысль: всё, что не содержит ударения на нечётных слогах, есть ямб. А сам этот абзац принадлежит Л. В. Щербе и содержится в его статье «Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. „Воспоминание“ Пушкина», вышедшей в 1923 году; здесь он заимствован из [Щер], с. 37.

Среди лингвистов своего поколения Лев Владимирович Щерба (20 февраля (3 марта н. ст.) 1880 — 26 декабря 1944) ярко выделяется отчётливостью того стиля, в котором он выражает свои мысли. Мне было бы приятно, если бы подтвердилась моя гипотеза, что именно ему принадлежит первая попытка сформулировать определение ямба.

3.4. Лекции о ритме русского стиха. Осенью 1960 года Колмогоров объявил на Механико-математическом факультете Московского университета цикл своих выступлений под общим наименованием «Некоторые вопросы математической лингвистики». Сам он называл эти свои выступления докладами, тем самым как бы учреждая некий семинар как место проведения этих докладов [38]. По существу это были лекции.

По-видимому, Колмогоровым намечался достаточно обширный цикл, фактически же из него состоялись всего три лекции, объединённые названием «Теория вероятностей и анализ ритма русского стиха», — 19 октября, 10 и 24 ноября. Колмогоровские лекции предназначались для сотрудников, студентов и аспирантов факультета — для всех желающих. Посещались лекции и рядом филологов; их присутствие там лежит отчасти на моей совести. А именно, мною на лекции были приглашены мой младший брат Борис Андреевич Успенский и мои друзья Николай Борисович Томашевский (1.03.1924—9.08.1992), Наталья Леонидовна Тра́уберг, Вячеслав Всеволодович Ива́нов, Михаил Константинович Поливанов (19.09.1930—23.01.1992), Андрей Анатольевич Зализняк, Мария Георгиевна Марецкая; все, кроме Поливанова, — филологи. Узнав о лекциях, попросили

меня пригласить их филологи Татьяна Владимировна Вентцель, Виктор Юльевич Розенцвейг и Виргилиус-Юозас Чепайтис. В свою очередь, Вяч. Вс. Ива́нов пригласил следующих филологов: А. К. Жолковского, Л. Н. Иорданскую, Н. Н. Леонтьеву, Ю. С. Мартемьянова, И. А. Мельчука, Е. В. Падучеву, И. И. Ревзина, Вл. Н. Топорова, Р. М. Фрумкину, Ю. К. Щеглова.

В промежутке между 2-й и 3-й лекциями, 17 ноября, Колмогоров и его молодая сотрудница Наталья Григорьевна Рычкова (в 1960 году окончившая Мехмат и оставленная Колмогоровым на его кафедре теории вероятностей для занятий математическим стиховедением) провели беседу на темы математической теории стиха с Н. Б. Томашевским, Вяч. Вс. Ива́новым, В. А. Успенским (то есть мною), А. А. Зализняком, Марией Владимировной Ломковской (за год то того окончившей Мехмат и по моей инициативе оставленной на кафедре математической логики для занятий математической лингвистикой), Анной Порфирьевной Савчук и Александром Владимировичем Прохоровым (последние двое в то время — студенты Мехмата). 1 декабря Колмогоров провёл ещё одну беседу с некоторыми из слушателей его лекций.

Я не берусь пересказывать здесь эти лекции и беседы Колмогорова. Перечислю лишь тех поэтов, ритмические структуры коих в них анализировались: это Кантемир, Ломоносов, Державин, Капнист, Жуковский, Гнедич, Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Фет, Блок, Гумилёв, Маяковский, Пастернак. Поражала основательность, с которой Колмогоров изучил сочинения своих предшественников в исследовании стиха; он ссылался на труды Кантемира, Брюсова, Андрея Белого, Томашевского, Шенгели, на «Метрический справочник к сочинениям А. С. Пушкина» Б. И. Ярхо и др.

В вводных замечаниях 19 октября Колмогоров сообщил, что считает себя дилетантом, что в молодости читал стиховедческие работы Белого, а потом изучал Томашевского и Шенгели и что основная его цель — возбудить интерес к изучению их работ [39]. Далее было заявлено, что в стихах из двух факторов: из необходимости выражать мысль и из законов ритма — возникают вероятностные закономерности; исследование этих вероятностных закономерностей должно непременно предшествовать исследованию художественных приёмов, потому что при ином порядке исследования можно неизбежный статистический закон ошибочно принять за приём. Колмогоров высказал также два пожелания, относящихся к изучению высшей нервной деятельности. Первое. Эту деятельность следует изучать с учётом происшедших в обществе изменений, а именно в свете возникающего кибернетического переплетения людей и машин. Второе. Почему бы

не выбрать процесс создания стихов в качестве образцового объекта такой деятельности? Чем это хуже, чем изучать в качестве такого объекта функцию слюноотделения? Наконец, Колмогоров остановился на механизме выразительного чтения, предполагающего, при произнесении данного слова, чтение (про себя) нескольких дальнейших слов, и на связанных с этим механизмом проблемах.

3.5. Доклады о теории стиха на математических форумах. 3.5.1. В Мосматобществе. В декабре 1960 года Колмогоров дважды выступает со стиховедческими докладами в Московском математическом обществе (ММО).

Днём в четверг 22 декабря происходит совместное заседание секции теории вероятностей и математической статистики ММО и семинара по математической лингвистике кафедры математической логики МГУ (этим семинаром руководили А. А. Зализняк, заведующий кафедрой А. А. Марков младший и я). На семинаре происходит доклад А. Н. Колмогорова, А. В. Прохорова и Н. Г. Рычковой «О русском четырёхстопном ямбе». Доклад произносит Колмогоров, который заявляет, в частности, следующее: «Если мы желаем показать, что математики могут что-то продвинуть в теории стиха, то надо заняться именно четырёхстопным ямбом, а не теми более сложными размерами, которыми занимаются сейчас».

А 27 декабря происходит, как обычно по вторникам, пленарное заседание ММО. Его целиком занимает доклад Колмогорова «Математические методы исследования русского стиха».

3.5.2. На Учёном совете. 17 января 1961 года Колмогоров выступает на Учёном совете Механико-математического факультета МГУ с докладом «Математика и стиховедение». В этом докладе, в частности, проводилась параллель между занятиями кибернетиков машинным переводом и занятиями военных оптиков астрономическими инструментами: в обоих случаях — полезная шлифовка методов при сомнительной экономической целесообразности.

3.5.3. На Съезде. С 3 по 12 июля 1961 года в Ленинграде проходит Четвёртый (и последний) всесоюзный математический съезд. Работает 13 секций. Не пересекаясь с ними по времени, каждый день происходят три или четыре часовых пленарных внесекционных доклада. Один из таких докладов в понедельник 10 июля, в 10 часов утра, делает Вяч. Вс. Ива́нов. Доклад называется «Математическая лингвистика». Из хроникальной заметки М. И. Бурлаковой [Бур ВЯ] мы узнаём, что, выступая в прениях по этому докладу, Колмогоров «остановился на понятии адекватности перевода и роли непрерыв-

ного, а не дискретного применительно к художественному переводу. Хотя при переводе логические понятия берутся за исходные, исторически они являются результатом позднего развития; мышление человека, прежде чем стать логическим, долгое время остаётся языковым». (Как я припоминаю, Колмогоров в беседах неоднократно указывал, что — хотя это и не осознаётся должным образом — именно язык оказывает решающее влияние на развитие логики и что различие между европейской и восточными системами логики имеет своим корнем различие между соответствующими языками.) В тот же день, в 13 часов 25 минут, в подсекции «Приложения» секции «Теория вероятностей и математическая статистика» происходит 25-минутный доклад А. В. Прохорова и Н. Г. Рычковой «Некоторые вопросы ритмики русского классического стиха»; согласно [Бур ВЯ], предмет этого доклада составила «математическая теория стиха, разрабатываемая под руководством А. Н. Колмогорова».

3.6. Совещание в Горьком. 3.6.1. Общие сведения. Все перечисленные в предыдущей рубрике литературоведческие выступления Колмогорова и членов его команды имели место на математических форумах. Но вот осенью 1961 года, а именно с 23 по 27 сентября, в городе Горьком, под эгидой Горьковского госуниверситета им. Лобачевского и Горьковского Дома учёных происходит организованное Историко-филологическим факультетом названного университета и Группой прикладной лингвистики и машинного перевода Горьковского физико-технического института «Научное совещание, посвящённое применению математических методов в изучении языка художественных произведений». Совещание проходит в помещении названного факультета (Университетский переулок, дом 7, аудитория 5).

Никаких материалов совещания, насколько известно, издано не было. Дальнейшие сведения об этом совещании, явившемся важной вехой в развитии его проблематики, мы заимствуем из двух статей его участника И. И. Ревзина в лингвистических изданиях: из хроникальной заметки [Рев ВЯ] и из подытоживающего очерка [Рев СТИ]; литературоведческие издания не удостоили совещание откликом (и этот факт не-отклика есть примета времени).

В совещании приняли участие В. П. Григорьев, А. К. Жолковский, Вяч. Вс. Ива́нов, Е. В. Падучева, И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, Ю. К. Щеглов (все — Москва), Ю. В. Кнорозов (Ленинград), Б. Н. Головин (Горький), В. А. Зарецкий (Курск) и др. Участвовал в совещании, и притом весьма активно, и Колмогоров.

Можно сказать, что всё совещание прошло под знаком Колмогорова.

3.6.2. Вступительная лекция Колмогорова. Деловая часть совещания открылась (23 сентября, в 15 часов) лекцией Колмогорова «Комбинаторика, статистика и теория вероятностей в стиховедении» 40. Стиховедческие взгляды Колмогорова, высказанные им на горьковском совещании, следующим образом охарактеризованы И. И. Ревзиным:

> А. Н. Колмогоров исходит из той отличительной особенности стиха (по сравнению с прозой), что в стихе наличествуют количественные закономерности, устанавливаемые вне зависимости от содержания и непосредственно не связанные с последним. Звуковая выразительность стиха, возникающая в результате действия этих закономерностей, достигается прежде всего потому, что в языке имеется большое количество средств для выражения некоторого заданного содержания. Возникает желание найти пути для точного изучения этих закономерностей. Первые значительные шаги в этом направлении были сделаны русскими исследователями 10—20-х годов нашего века (в первую очередь А. Белым, Б. Томашевским и Г. Шенгели), но их работы нуждаются в уточнении и дальнейшем развитии.
>
> Прежде всего А. Н. Колмогорову удалось дать строгое формальное определение некоторых основных понятий стиховедения, например отдельных размеров (правильных двухсложных и трёхсложных, а также различных видов дольника и чисто тонического стиха). ([Рев СТИ], с. 286.)

В связи с последней фразой цитаты вспомним наш п. 3.3.3.

> Дальнейшая характеристика ямба связана с анализом возможных форм, возникающих в результате пропуска тех или иных ударений в ритмической схеме ⟨более корректно было бы говорить здесь о *метрической* схеме, при пропуске ударений в каковой как раз и возникает *ритмическая* схема, она же ритмическая форма — *В. У.*⟩, например третьего:
>
> Рассеял прежние мечты
> ◡ –́ ◡ | –́ ◡ — | ◡ –́
>
> Внутри форм исследуются все возможные варианты, возникающие в связи с тем или иным словоразделом. Наконец, исследуются закономерности появления дополнительных ударений в тех или иных формах.
>
> Путём подсчёта вероятностей следования друг за другом слов заданной ритмической структуры в прозаическом тексте (в част-

ности односложных, вызывающих дополнительные ударения) было выяснено естественное распределение тех или иных форм и вариантов внутри форм. Оказалось, что выбор тех или иных форм, в особенности последовательностей тех или иных форм, поэтом (например, Пушкиным в «Евгении Онегине») неслучаен. В связи с этим возникает возможность качественной оценки. Выделяются две группы отклонений от естественного распределения:

а) более частые отклонения от статистической нормы (например, преобладание форм с пропуском второго или третьего ударения) воспринимаются не в некотором отдельном месте, а как общая окраска произведения;

б) более редкие, но зато резкие отклонения от статистической нормы (например, семь из восьми строк подряд, написанные полным метром без пиррихиев, в «Евгении Онегине», начинающиеся словами «Всё то же лжёт Любовь Петровна» (гл. VII, XLV)) воспринимаются как индивидуальный приём.

В связи с этим полезно напомнить, что в подобных случаях литературоведы обычно бросаются в одну из двух крайностей: или непосредственно увязывают некоторые приёмы с данным содержанием, или же отрицают всякую связь между приёмом и содержанием. Между тем статистика даёт основания для оценки правильности гипотез, формулируемых на основе интуиции исследователя. ([Рев СТИ], с. 286—287.)

3.6.3. Доклады и выступления Колмогорова. На втором и третьем заседаниях были заслушаны доклады Колмогорова и возглавляемой им стиховедческой группы (Н. Г. Рычкова, А. П. Савчук, А. В. Прохоров) кафедры теории вероятностей МГУ 41. Сам Колмогоров выступил с двумя докладами: «Энтропия речи и стихосложение» 42, «Локальный словарь поэта и рифма» 43, а также был одним из авторов (вместе с Н. Г. Рычковой) доклада «Ритмика Багрицкого» 44.

«В сообщении Вяч. В. Ива́нова (Москва) „О ритме поэмы Маяковского «Человек»“ излагались результаты описания комбинаций разных размеров в поэме, произведённого по методу А. Н. Колмогорова, который ранее описал таким образом полифоническое строение поэм „Про это“ и „Во весь голос“» ([Рев ВЯ], с. 162).

На пятом, шестом и седьмом заседаниях, как указано в [Рев ВЯ], Колмогоров выступал в прениях 45.

Наконец, Колмогоров произнёс на совещании заключительную речь 46.

3.7. Симпозиум Мейлаха. Второй литературоведческой конференцией, в которой участвовал Колмогоров, было мероприятие, которое он называл «симпозиум Мейлаха». Полное наименование — «Симпозиум по комплексному изучению художественного творчества». Симпозиум был организован Ленинградскими отделениями Союза писателей и Психологического общества и проходил в Ленинграде с 18 по 22 февраля 1963 года. Комиссия по организации Симпозиума имела такой состав: Б. С. Мейлах (председатель), А. Л. Шейкин (отв. секретарь), Б. Г. Ананьев, Г. С. Гор, З. И. Гершкович, В. Л. Дранков, Е. С. Добин, Л. Н. Рахманов, Вс. А. Рождественский, М. Л. Слонимский, Е. Г. Эткинд. К Симпозиуму был выпущен сборник тезисов и аннотаций [СиКИХТ], на с. 3 которого Симпозиум был назван «первой встречей писателей и учёных для обсуждения вопросов исследования художественного мышления, творческого процесса, творческой лаборатории, поэтики средствами различных областей науки». «В симпозиуме участвовали писатели, литературоведы, философы, психологи, физиологи, искусствоведы, кибернетики, математики» ([Ягу], с. 184). «Литературная Россия» в своём № 9 от 1 марта 1963 года, в краткой информационной заметке «Писатели и учёные — за одним столом», сообщала в принятом в те годы казённом стиле:

> С сообщением о задачах изучения творческого процесса в свете физиологии высшей нервной деятельности выступил действительный член Академии медицинских наук П. К. Анохин. Академик А. Н. Колмогоров осветил в своём докладе вопрос о роли статистики и теории вероятностей в исследовании русского стихосложения. Старший научный сотрудник Института математики Сибирского отделения Академии наук И. А. Полетаев выступил с сообщением на тему «Кибернетика и некоторые вопросы изучения художественного творчества», член-корреспондент Академии наук СССР Д. С. Лихачёв остановился на вопросе применения электронных машин в помощь изучению истории литературы.
>
> С большим вниманием были выслушаны выступления писателей Г. Гора, Д. Гранина, В. Кетлинской, В. Пановой, Л. Рахманова, Вс. Рождественского, М. Слонимского.

А на с. 23 сборника [СиКИХТ] была помещена следующая аннотация доклада А. Н. Колмогорова и А. В. Прохорова «Статистика и теория вероятностей в исследовании русского стихосложения» [Колм 63с]:

> В докладе будет поставлен вопрос о возможностях, открываемых перед изучением художественного творчества кибернетикой,

теорией информации, применением нетривиального математического аппарата. Специально освещается применение теории вероятностей в изучении русского ямба.

Из публикации [Ход] мы узнаём, что «математик Колмогоров выступил вслед за писательницей Пановой» и что доклад Колмогорова продолжался почти два часа. Докладчик рассказал «о некоторых результатах изучения структуры ямба, полученных с помощью статистических методов и теории вероятностей. Он стремился к раскрытию при помощи математических исследований основных закономерностей, которым подчиняется реальный ритм, и поставил вопрос в этом плане о семантической интерпретации ритмических вариантов, связи „ритмических фигур“ с содержанием, сюжетными мотивами» ([Дран], с. 450). «С помощью теории вероятностей исследовалась звуковая выразительность стиха, его ритмика, высказаны интересные соображения о соотношении метра и поэтического образа» ([Ягу], с. 186).

Симпозиум получил широкое освещение в прессе. В частности, «Литературная газета» в номере от 26 февраля 1963 года отозвалась статьёй Геннадия Гора «Алгебра и гармония» и двойным фотопортретом А. Н. Колмогорова и Б. С. Мейлаха, а «Литературная Россия» — статьёй самого Мейлаха «Новые горизонты, новые поиски» в номере от 15 марта 1963 года. Перечень откликов в прессе приведён на с. 189 в [Худ].

«Задача симпозиума была определена председателем Оргкомитета проф. Б. С. Мейлахом в его [вступительном] докладе на тему „Перспективы комплексного изучения творчества на стыке наук и задачи симпозиума“» ([Ягу], с. 184). Можно предположить, что содержание этого доклада соответствует содержанию статьи [Мей] Бориса Соломоновича. Статья начиналась так: «Марксистско-ленинское литературоведение является развитой, самостоятельной областью знаний, со своими традициями, с выработанной методологией и методикой и собственным предметом исследования». Но даже и с таким началом статья, допускавшая проникновение на филологическую территорию методов чужих наук, была напечатана лишь «в порядке обсуждения». Чтобы печататься не в порядке обсуждения, надо было писать так, как некий В. Иванóв на с. 251 6-го номера тех же «Вопросов литературы» за тот же 1963 год (в разделе «Отвечая требованиям времени (критики и литературоведы за работой)»): «Главная область моих интересов — развитие советской литературы на основе коммунистической идейности, партийности и народности».

3.8. Конференция в Варшаве. Третья (и, насколько мне известно, последняя) литературоведческая конференция, в которой участвовал Колмогоров, — это «Научная конференция по вопросам теории стиха и славянской метрики», проходившая в Варшаве с 24 по 29 августа 1964 года. Конференция была созвана Институтом литературы Польской Академии наук, а более конкретно — его Отделом истории литературного языка и литературных форм во главе с Марией Ренатой Майено́вой. Помимо представителей Польши, в конференции участвовали специалисты из СССР (В. М. Жирмунский, А. Н. Колмогоров), США (К. Тарановский, Р. Якобсон), ГДР (А. Исаченко, В. Штейнитц), Чехословакии (И. Грабак, И. Левы). Сведения о конференции приведены в краткой информационной заметке В. М. Жирмунского [Жир], где сказано: «А. Н. Колмогоров выступил с докладами о методах математической статистики в применении к изучению русского стиха и о ритмике „Бориса Годунова“ А. С. Пушкина на основе статистических исследований».

Участник конференции К. Ф. Тарановский пишет в [Тар 71] (в сноске 8 на с. 427):

> На Варшавской конференции 1964 года акад. Колмогоров сообщил, что по профилю ударности 47 в общем можно вычислить частоты всех ритмических форм 48 данного стиха. К сожалению, результаты вычислений, сделанных его сотрудниками (для 4 ст. ямба Жуковского и Багрицкого), до сих пор ещё не опубликованы.

Упоминаемые Тарановским результаты сотрудников Колмогорова — по крайней мере некоторые — теперь опубликованы: таблица 10 на с. 98 в статье [Про] так и называется: «Восстановление частот ритмических форм ямба по заданному профилю ударности» (в таблице, в частности, приводятся данные для Жуковского и Багрицкого).

3.9. Стиховедческий семинар Колмогорова. Вспоминает А. С. Монин 49 ([Мон], с. 481—482):

> Хорошо известно, что некоторое время А. Н. занимался «математическим стиховедением», основанным, прежде всего, на статистическом изучении отклонений ударений в стихах от классических ритмов — ямба, хорея, дактиля и т. д. 50, хотя, как мне кажется, такая статистика была для него отнюдь не единственным предметом интереса к стихотворениям. <...>
>
> А. Н. вёл тогда в университете семинар по «математическому стиховедению» 51, в котором участвовала сравнительно небольшая группа его учеников по этому предмету и довольно большое

количество литературоведов и стиховедов. Из этой группы сейчас сохранил активность, пожалуй, один А. В. Прохоров. Сам А. Н. опубликовал тогда совсем немного результатов, не так много опубликовали его ученики и другие участники семинара, причём не со всем опубликованным А. Н. был согласен, и, пожалуй, до сих пор не хватает обзорного изложения разрабатывавшихся идей и полученных результатов.

Я, к сожалению, лишь редко мог участвовать в заседаниях этого семинара. Но о них мне регулярно рассказывал его неизменный участник Сергей Павлович Бобров, известный поэт-футурист, писатель и издатель двадцатых годов [52]. В годы репрессий он подвергался ссылке и после был в опале у литературного начальства, которое допускало издание лишь его научно-популярных книжек для школьников по математике (Бобров по образованию был статистиком и довольно хорошо знал настоящую математику). Сочетание литературного профессионализма и знания математики и позволило Боброву написать одну из крупнейших работ, вышедших из упомянутого семинара, — исследование вольного стиха «Песен западных славян» Пушкина [53]. Андрей Николаевич высоко оценил эту работу, и по его рекомендациям, после существенной редакционной переработки Алёшей Петровым [54], эта статья была опубликована в журнале «Теория вероятностей и её применения».

Статья, увы, спровоцировала удар по «математическому стиховедению» — разносную рецензию «Пушкин на диагонали» в газете «Правда», написанную человеком, довольным возможностью поиздеваться над опальной жертвой и заодно втолковать читателям, что по поводу Пушкина разрешается только сюсюкать, но «поверять гармонией алгебру» непозволительно. Возможно, что из-за этой выходки газеты обобщающая статья о «математическом стиховедении» так и не была написана.

А дело заключалось в том, что «математическое стиховедение» открывало путь к объективному изучению закономерностей подсознательной деятельности человека. Понимание важной роли подсознания в человеческом мышлении было, по-видимому, важнейшим открытием Зигмунда Фрейда [55]. По определению ясно, что человек сам своё подсознание не осознаёт. Надо найти двери в этот запретный мир. Их А. Н., вероятно, и видел в изучении статистических особенностей стихов.

Оказалось, что статистика отклонений ударений в стихах от классических ритмов у разных поэтов совершенно различна и образует «статистический портрет» поэта, по которому его можно

с полной уверенностью узнавать. И ясно, что эта статистика подсознательна — никто из поэтов сознательно её не насаждает в свои стихи, да это и невозможно сделать.

3.10. Гаспаров о Колмогорове. Все стиховедческие работы Колмогорова (за исключением лишь аннотации [Колм 63с]), вышедшие ко времени издания монографии М. Л. Гаспарова [Гасп 74], отражены в названной монографии и упомянуты в её разделе «Библиография». На с. 24 монографии отмечается:

> Все эти работы по усовершенствованию методики Томашевского (начатые в 1960 году) стали началом оживления точных методов в советском стиховедении, надолго заглохших после опытов 1920-х годов. Центром этой оживлённой деятельности остаётся группа А. Н. Колмогорова (А. В. Прохоров, Н. Д. Светлова, некоторое время — Н. Г. Рычкова); с нею связано и большинство других работавших в этом направлении стиховедов, в том числе С. П. Бобров и В. В. Иванов.

Имя Колмогорова неоднократно встречается на страницах монографии Гаспарова. В частности, в § 5 выделяются три направления, в которых колмогоровская группа усовершенствовала статистическую методику Томашевского 56:

> Во-первых, уточнено было понятие ритмического словаря, от которого вычисляются частоты слов. Томашевский брал ритмический словарь самого исследуемого стихотворного произведения, например «Евгения Онегина». Колмогоров показал, что это сильно смещает картину: ритмический словарь стихотворного произведения не может служить эталоном «естественных данных языка», так как самый отбор слов в стихе уже скован ограничивающим влиянием метра. Показательнее брать за основу ритмический словарь прозы — скажем, художественной прозы того же периода, к какому относятся разбираемые стихи. <...>
>
> Во-вторых, уточнён был принцип расстановки ударений. <...>
>
> В-третьих, был обнаружен другой, вспомогательный способ моделирования «естественного стиха» для сравнения его с эмпирическим — посредством прямых выборок из прозаического текста. <...>

В § 11, посвящённом рифме, отмечается:

> Методика вычисления «трудности рифмы» была предложена А. Н. Колмогоровым. Согласно этой методике, из прозаического

текста, принимаемого за «норму языка», выписываются порознь все слова с мужским окончанием, с женским, с дактилическим и т. д.; в каждой из этих групп высчитывается число всех возможных пар слов и среди них — число рифмующихся пар слов; отношение числа рифмующихся пар к общему числу пар будет «коэффициентом трудности» рифмы, то есть вероятностью случайного возникновения в языке данного типа рифмы. Так, в русском языке эта вероятность оказалась равной для мужских рифм около 0,008, для женских — 0,005. С помощью этих показателей можно ориентировочно оценить объём «локального словаря поэта», то есть число слов, проходящих перед «мысленным взором» поэта, когда он подбирает нужную рифму — по-видимому, он сравнительно невелик, порядка 100 слов 57 <...>.

На с. 22 своей книги М. Л. Гаспаров сообщает, что работы группы Колмогорова по большей части оставались неопубликованными. Полагаю, что причина кроется в необыкновенной ответственности Колмогорова за публикуемый материал. Боюсь, что бóльшая часть оставшихся неопубликованными работ колмогоровской группы теперь уже не будет опубликована никогда.

§ 4. Кое-что о математике в литературе

«Да, мой голубчик, — ухо вянет:
Такую, право, порешь чушь!»
И в глазках крошечных проглянет
Математическая сушь.

Андрей Белый

4.1. Математические термины. «Пруст был человеком всесторонне образованным: когда ему нужно было подобрать сравнение, он часто заглядывал в область математики» ([Люб], с. 56).

Достоевский использует прилагательное «математический» и наречие «математически» для обозначения бесспорности: «...Я бестрепетно стал за идею, ибо был математически убеждён», заявляет подросток Долгорукий («Подросток», ч. 1, гл. 1, главка VII, абзац 2); «...Сказано логически, математически, что ваш вывод ошибочен <...>» (там же, ч. 1, гл. 3, отдел 3); Ипполит Терентьев полагал, что друзья князя Мышкина «не могут не согласиться с правом Бурдовского (потому что оно, очевидно, математическое)» («Идиот», ч. 2, гл. 8);

возражая ему, Г. А. Иволгин говорил, что некое существенное обстоятельство «доказывается математически» (там же, гл. 9). Раскольников «возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику» («Преступление и наказание», ч. 2, гл. 6). Порфирию Петровичу «хотелось бы следствие, так сказать, математически ясно представить, хотелось бы такую улику достать, чтобы на дважды два — четыре походило», и он выражал уверенность, что это ему обеспечит не кто иной, как убийца, который «сам мне [Порфирию] какую-нибудь математическую штучку, вроде дважды двух, приготовит» (там же, ч. 3, гл. 5) 58. Аналогичную роль играет и вся таблица умножения. Мой однофамилец Глеб Успенский риторически вопрошает в своих очерках (адрес цитаты см. в примечании 58): «Что может быть неизбежней тех цифирных истин, каким учит нас таблица умножения?».

Таблица умножения может служить также метафорой простоты. Выражение «это просто, как таблица умножения» кажется естественным, хотя я и затрудняюсь привести какую-либо конкретную литературную цитату 59.

Противоположностью к таблице умножения служит бином Ньютона. Достаточно вспомнить знаменитое восклицание Коровьева «подумаешь, бином Ньютона!». В этом значении *бином Ньютона* можно встретить и в обыденной речи, и в поэзии 60. Вот пример из современной 61 прозы: «...ход моей мысли для жены не бином Ньютона» (Сергей Гандлевский, «Трепанация черепа» в журнале «Знамя» за 1995 год, № 1, с. 112). Замечательно, что такова же роль бинома и в английской культуре: по свидетельству Ш. Холмса, когда будущему профессору Мориарти «исполнился двадцать один год, он написал трактат о биноме Ньютона, завоевавший ему европейскую известность. После этого он получил кафедру математики <...>» («Последнее дело Холмса»). Бином Ньютона как стандартная метафора учёной премудрости в русской и английской (а возможно, и в других!) литературных традициях — чем не тема для студенческой работы?

Вот ещё одна возможная тема для студенческой работы: числа, характерные для текстов на том или ином языке. Например, в русских текстах повторяются числа двадцать шесть 62 и тридцать восемь 63. (Убеждён, кстати, что существуют культурологические и филологические работы, посвящённые числу сорок, в которых читателю, в частности, напоминается о сорока тысячах братьев Гамлета и сорока тысячах курьеров Хлестакова; подлинная шекспировская фраза «I loved Ophelia: forty thousand brothers could not with all their

quantity of love make up my sum» показывает, что русская культура не имеет монополии на сорок тысяч. Не входя в детали, ограничимся напоминанием, что по одной из этимологий слово «сорок» означало в старину связку из 40 собольих шкур.)

В стихотворении Заболоцкого «Начало осени» из цикла «Столбцы» есть такие строки: «И к ней [к осени] касаясь хордой, что ли, / Качался клён, крича от боли». Мне сказали, что Александр Ерёменко был очень моден в конце восьмидесятых и что он и сейчас входит в десятку наиболее известных русских поэтов. Перелистывая его книгу «Стихи» 1991 года 64, мы последовательно встречаем выражения: «лемма телеграфных прямых» (с. 7); «расщепляется код» (с. 9); «сумма этих длин» (с. 10); «треугольник к своей теореме прилипает» (с. 12); «рука по локоть в теореме» (с. 16); «смысл той прямой <...> воспринимается как кривизна» (с. 16); название стихотворения: «Сопряжение окружностей» (с. 19); «здесь вечно несоизмеримы диагональ и сторона» (с. 20); «процесс сокращенья дробей» (с. 27); «уже доказана теорема Эйлера» (с. 39); и т. д.; «большое уравненье упростив» (с. 60); опять и т. д.; и, наконец, в стихотворении «И Шуберт на воде, и Пушкин в чёрном теле...» (с. 87): «Как будто я повис в общественной уборной на длинном векторе <...>». ●●➤ Упомяну ещё, что в 2002 году в книжной серии журнала поэзии «Арион» вышла книга на 96 страницах Аркадия Штыпеля «В гостях у Евклида. Стихотворения». ◄●● Блок уважительно писал о *постоянстве геометра* («На островах» из цикла «Страшный мир»); а ещё раньше пушкинский Сальери алгеброй поверял гармонию.

4.2. Математические идеи. Конечно, то обращение к математике, о котором говорилось в предыдущей рубрике, довольно поверхностно — по существу, на уровне терминологии 65. Более глубокий, содержательный уровень мы находим у больших русских поэтов XX века. Хлебников призывает в поэме «Ладомир»: «Пусть Лобачевского кривые украсят города дугою <...>», «И пусть пространство Лобачевского летит с знамён ночного Невского». Бродский не призывает, но констатирует: «Красавице платье задрав, видишь то, что искал, а не новые дивные дивы. И не то чтобы здесь Лобачевского твёрдо блюдут, но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут — тут конец перспективы» («Конец прекрасной эпохи»). Неевклидова деформация геометрического мира для Бродского неслучайна 66 и происходит отнюдь не только там, где поэт наблюдает конец перспективы; в рамках совсем другого пейзажа «...вправо сворачиваешь

не без риска вынырнуть слева» («Эклога 5-я (летняя)»). Интерес Бродского к геометрии вообще и, в частности, к неевклидовой геометрии Лобачевского прослеживается во многих его произведениях — например, в «Колыбельной трескового мыса»: «Перемена империи связана с гулом слов, с выделеньем слюны в результате речи, с лобачевской суммой чужих углов, с возрастанием исподволь шансов встречи параллельных линий (обычной на полюсе)».

Неевклидова геометрия (и, возможно, неньютонова физика) 67 в русской поэзии — вот тема уже не студенческой, а аспирантской работы. Эвентуальный аспирант не пройдёт мимо космологических тем в мандельштамовских «Стихах о неизвестном солдате»: «Сквозь эфир десятичноозначенный свет размолотых в луч скоростей начинает число <...>. ...Чтобы белые звёзды обратно чуть-чуть красные мчались в свой дом?». Впрочем, как указывает М. Л. Гаспаров, краснота — «не только из-за красного смещения в расширяющейся Вселенной (или из-за охлаждения белых звёзд в красные), а и из-за дополнительного значения „красный — революционный“» ([Гасп 96], с. 41). Дотошный исследователь среди малоизвестных строк конца первой половины XX века обнаружит и такие:

Какая тяжкая обида
Существовать и твёрдо знать,
Что из пустых пространств Евклида
Нам никуда не убежать.

И нам с тобою неужели
Идти в грядущие года,
Как в бесконечность параллели,
Не пересекшись никогда.

Или даже совсем специальные:

И до боли жаждет воли
Истомившийся от бега
По борелевскому полю
Измеримых по Лебегу.

4.3. Математический анализ сцены из Достоевского. Достоевский демонстрирует ещё более глубокий уровень. Он описывает ситуацию, которая, на наш взгляд, не может быть правильно понята без математического её анализа.

Как известно, Лукьян Тимофеевич Лебедев в ответ на вопрос князя Мышкина о его имени-отчестве сказался Тимофеем Лукьяно-

вичем («Идиот», ч. 2, гл. 2). Присутствовавший племянник Лебедева тут же его разоблачил:

> — Соврал! — крикнул племянник, — и тут соврал! Его, князь, зовут вовсе не Тимофей Лукьянович, а Лукьян Тимофеевич! Ну, зачем, скажи, ты соврал? Ну, не всё ли равно тебе, что Лукьян, что Тимофей, и что князю до этого? Ведь из повадки одной только и врёт, уверяю вас!
>
> — Неужели правда? — в нетерпении спросил князь.
>
> — Лукьян Тимофеевич, действительно, — согласился и законфузился Лебедев, покорно опуская глаза и опять кладя руку на сердце.
>
> — Да зачем же вы это, ах, Боже мой!
>
> — Из самоумаления, — прошептал Лебедев, всё более и покорнее поникая своею головой.
>
> — Эх, какое тут самоумаление! <...> — сказал князь <...>.

Ни лебедевский племянник Владимир Докторенко, ни князь Л. Н. Мышкин не видят смысла в поведении Лебедева. Меж тем смысл есть, и состоит он именно в том, что ясно обозначил Достоевский устами Лебедева, — в самоумалении. Попытаемся вывести это, как сказал бы Достоевский, математически. Математические рассуждения не частый гость на страницах «НЛО»; желание быть понятыми до конца вынуждает нас к подробному изложению; тому следуют десять пунктов.

1. Мы исходим из того, что самоумаление может выражаться, в частности, в малости той информации, которая сообщается о себе. Сообщать о себе много подробностей означает придавать своей фигуре изрядное значение — во всяком случае, достаточное для того, чтобы обременить этими подробностями своего собеседника. Напротив, человек скромный о себе скажет мало, считая сведения о себе недостойными внимания, незначительными — особенно в глазах уважаемого собеседника.

2. Дальнейшие рассуждения основываются на тезисе предыдущего пункта и ничтожны для тех, кто с ним не согласен. Продолжим для согласных. Названный тезис позволяет предположить, что — в порыве самоумаления — Лебедев, отвечая на вопрос князя Мышкина, намеревался минимизировать сообщаемую информацию. Самым простым способом минимизации было бы, конечно, сообщение только имени (*Лукьян*) или только отчества (*Тимофеевич*); однако это было бы прямой невежливостью, поскольку вопрос был задан об имени и

отчестве; невежливость же несовместима с самоумалением. Кажется, что иных способов минимизации и не может быть. Ан нет.

3. Теперь начинается математика — впрочем, очень простая. Одним из фундаментальных различий, фиксируемых математикой, является различие между упорядоченной парой и неупорядоченной парой. Неупорядоченная пара, составленная из элементов a и b, — это совокупность, коллекция, куча и т.д. (на математическом языке — *множество*), содержащая эти два элемента и более ничего; никакого порядка, или предпочтения, среди этих элементов не наблюдается, а потому бессмысленно спрашивать, кто из них на каком месте, кто первый, а кто второй. Неупорядоченная пара элементов a и b обозначается так: $\{a, b\}$. Очевидно, что из двух элементов можно составить ровно одну неупорядоченную пару; поэтому $\{a, b\} = \{b, a\}$. В упорядоченной же паре, составленной из элементов a и b, содержится информация о том, какой из этих элементов является первым, а какой — вторым. Упорядоченная пара, в которой элемент a является первым, а элемент b — вторым, обозначается $\langle a, b\rangle$. Упорядоченная пара, в которой элемент b является первым, а элемент a — вторым, обозначается $\langle b, a\rangle$. Эти две пары считаются различными (если только различны сами a и b); поэтому из двух различных элементов можно составить ровно две упорядоченные пары. Для упрощения изложения будем рассматривать лишь пары — как упорядоченные, так и неупорядоченные — составленные из различных элементов. Тогда из каждой неупорядоченной пары можно произвести ровно две упорядоченные пары. Взяв какие-либо пять элементов, читатель легко образует десять неупорядоченных пар, составленных из этих элементов, и двадцать упорядоченных пар (при условии, повторяем, что в расчёт принимаются лишь пары, составленные из различных элементов).

Пример из Гоголя. После исторической встречи двух дам в 9-й главе «Мёртвых душ» «весь город заговорил про мёртвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мёртвые души, про губернаторскую дочку и Чичикова». В этой гоголевской фразе представлены три двухэлементных множества: {мёртвые души, губернаторская дочка}; {Чичиков, мёртвые души}; {губернаторская дочка, Чичиков}. Это есть исчерпывающая совокупность всех неупорядоченных пар, составленных из элементов трёхэлементного множества {Чичиков, губернаторская дочка, мёртвые души}. Если бы Гоголь имел в виду упорядоченные пары, он писал бы: «про мёртвые души и губернаторскую дочку, про губернаторскую дочку и мёртвые души, про Чичикова и мёртвые души, про мёртвые души и Чичикова, про губернаторскую дочку и Чичикова, про Чичикова и губернаторскую дочку».

4. При любом естественном подходе к измерению информации очевидно, что упорядоченная пара содержит больше информации, чем неупорядоченная. В самом деле, неупорядоченная пара содержит информацию лишь о составляющих её элементах, а упорядоченная пара также и о том, какой из этих элементов первый, а какой второй.

5. На вопрос об имени и отчестве полный ответ состоит в предъявлении упорядоченной пары имён: на первом месте имя, на втором — отчество. Таким образом, полный (и правильный!) ответ Лебедева должен был бы, с математической точки зрения, выглядеть так: ⟨*Лукьян*, *Тимофей*⟩. Теперь мы видим, что одним из возможных способов уменьшения информации в предлагаемом ответе является такой: сообщить не упорядоченную пару, а неупорядоченную, то есть такую: {*Лукьян*, *Тимофей*}. Её и пытается сообщить Мышкину Лебедев.

6. Позвольте, справедливо возразит читатель, Лебедев ведь сообщает в своём ответе не неупорядоченную пару, а как раз упорядоченную. Он даёт полный ответ, но неверный, то есть такой: ⟨*Тимофей*, *Лукьян*⟩. Мы заявляем, что таким парадоксальным способом Лебедев пытается выразить именно неупорядоченную пару {*Лукьян*, *Тимофей*}, совпадающую с неупорядоченной парой {*Тимофей*, *Лукьян*}. Чтобы наша мысль была понятна, мы должны указать на одно универсальное (то есть выполняющееся для всех языков) ограничительное свойство человеческой речи. О нём — в следующем пункте.

7. Человеческая речь протекает во времени, а время линейно: из двух неодновременных событий одно непременно происходит ранее другого. Поэтому в речи между составляющими её словами неизбежно имеется отношение порядка: какие-то слова произносятся или пишутся раньше, а какие-то позже. Отсюда возникает ограничение языка в его возможностях. Именно, язык не в состоянии назвать два предмета, не отдав кому-то из них предпочтения, то есть не назвав какой-то из них первым, а какой-то — вторым. Это ограничительное свойство (не привлёкшее, как кажется, должного внимания исследователей) представляется весьма существенным.

Пример из Гоголя. Рассказывая о визите Чичикова к Манилову, Гоголь пишет так: «...мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперёд. <...> Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга». Мы видим, что Гоголь избегает называть здесь своих героев по имени, и это понятно: назвав их по имени, он неизбежно кого-то из них назвал бы первым; тем самым была бы выражена ложная

мысль, что этот первый упрашивал более настойчиво или же вошёл несколько раньше.

8. Язык не может выразить неупорядоченную пару, не отдав предпочтения одному из составляющих её элементов. Мы знаем, что выражения $\{a, b\}$ и $\{b, a\}$ обозначают один и тот же объект (а именно, неупорядоченную пару). Однако сами эти выражения различны, и различаются именно тем, какой элемент идёт в них первым — первым именно в выражении, то есть в комбинации знаков, составленной из фигурных скобок, запятой и имён элементов. Эти комбинации знаков служат для обозначения неупорядоченных пар, в которых нет ни первого, ни второго элемента. Иначе говоря, в качестве имени, или обозначения, для неупорядоченной пары мы вынуждены, по существу, пользоваться одной из двух упорядоченных пар, соответствующих этой неупорядоченной паре. Итак, чтобы назвать неупорядоченную пару, мы вынуждены произнести или написать одну из двух соответствующих ей упорядоченных пар. Лебедев желает сообщить неупорядоченную пару, но непосредственно сделать это не может, а только косвенно — через предъявление пары упорядоченной. О неупорядоченной паре можно только помыслить, упорядоченную же можно предъявить в виде произнесения или написания. (Мы оставляем в стороне наименования неупорядоченной пары по типу «наши герои» или «оба приятеля», поскольку они не содержат имена элементов пары.) Таким образом, упорядоченная пара выступает в языке в двух ролях: 1) как имя самой себя (прямое употребление); 2) как имя соответствующей неупорядоченной пары (косвенное употребление).

9. Невозможно требовать от Лебедева, чтобы он, произнеся упорядоченную пару, добавил бы что-либо вроде: «Хотя я произношу упорядоченную пару, но имею при этом в виду неупорядоченную пару, то есть применяю косвенное употребление». Однако перед ним встаёт выбор, какую из упорядоченных пар использовать в качестве представителя неупорядоченной пары. Одна из них, а именно ⟨*Лукьян*, *Тимофей*⟩, отвечает истинному положению вещей с его именем и отчеством. Поэтому её использование не будет содержать должного сигнала о том, что имеется в виду неупорядоченная пара. У Лебедева нет другого способа обозначить неупорядоченность пары, кроме как указать в ней не соответствующий истине порядок, и он говорит: ⟨*Тимофей*, *Лукьян*⟩. Каким образом эта упорядоченная пара подаёт сигнал о том, что она всего лишь служит внешним средством выражения неупорядоченной пары, — это будет разъяснено в следующем, последнем пункте.

10. Нормальный акт коммуникации основан на презумпции истинности произносимых высказываний. Говорящий не просто нечто говорит, но одновременно утверждает, что тó, что он говорит, истинно. Применим сказанное к произносимой Лебедевым паре ⟨*Тимофей*, *Лукьян*⟩. Единственный способ приписать ей истинность — это трактовать её как использованную в косвенном употреблении, то есть как обозначающую соответствующую неупорядоченную пару. Уф!

§ 5. Кое-что о математике в литературоведении

...Бесстрастной мерой
Измерить всё <...>.

А. Блок

5.1. Вводные соображения. Связи литературы и математики многообразны. Здесь и использование в художественном тексте математических терминов и представлений (nn° 4.1 и 4.2), и привлечение математики для анализа отдельных эпизодов (n° 4.3). Но главное — это трактовка текста в целом как объекта для приложения математических методов (вспомним приведённое в n° 3.4 замечание Колмогорова о возможности использовать стихотворчество в качестве объекта учения о высшей нервной деятельности).

Центральный вопрос, возникающий, когда мы имеем дело с текстом, состоит в выяснении того, какая информация в этом тексте содержится. Несмотря на свою центральность — а, может быть, вследствие неё — вопрос этот весьма невнятен, поскольку никто не знает, что такое информация. Наиболее внятным возможным ответом на этот невнятный вопрос был бы такой: сам текст целиком и есть информация. (Кажется, Лев Толстой на заданный ему вопрос, о чём «Анна Каренина», ответил, что у него нет другого способа ответить, как написать «Анну Каренину» ещё раз.) Однако такой ответ противоречит нашему желанию — может быть, и неправомерному, но кажущемуся естественным — отделять текст от его содержания. Кроме того, хотелось бы уметь выделять отдельную информацию, содержащуюся в отдельных элементах текста; в качестве таких элементов могут выступать как куски текста, от слов до глав, так и различные его характеристики (например, метр в поэзии).

Хотя, повторимся, никто не знает, что такое информация, у всех есть интуитивное представление, что её может быть много или мало. А. С. Монин в цитированном уже очерке упоминает «простые опыты по подсчёту количества информации, содержащейся в различных текстах. Если, например, по началу фразы вы угадываете, каким будет

следующее слово, то оно никакой информации вам не прибавляет. Проведённые под руководством А. Н. подсчёты показали, например, что наименьшее количество информации содержат, конечно, газетные тексты, поскольку политическая фразеология штампуется. Скажем, „нерушимая“ всегда оказывается дружба, а „нерушимое“ — единство 68. И в то же время оказалось, что стихи сильных поэтов несут очень много информации, слова в них непредсказуемы, несмотря на жёсткие дополнительные по сравнению с прозой ограничения, налагаемые ритмом и рифмами. Пожалуй, тем более это относится к вольному или белому стиху, где такие ограничения существенно ослаблены.

Таково, например, „белое“ стихотворение Ахматовой „Думали, нищие мы, нет у нас ничего, а как стали одно за другим терять, так что стал каждый день поминальным днём, стали мы песни слагать о великой щедрости Божьей, да о нашем былом богатстве“. Думается, что на этом держится и вся англоязычная поэзия, лишённая силлабо-тонического строя русского стиха» ([Мон], с. 484).

Математика ещё очень далека от ответа на вопрос о сущности информации. Название «теория информации» для одной из областей современной математики способно скорее ввести в заблуждение; правильнее было бы назвать эту область «теорией передачи сообщений» или — как это и сделал её основоположник американский инженер Клод Шеннон — «математической теорией связи», см. [Шенн 48]. Однако именно в этой теории выработаны хотя ещё робкие и дальние, но всё же такие подходы к интересующей нас теме, без которых обойтись, может быть, и невозможно.

В следующих рубриках этого параграфа мы попытаемся изложить некоторые простые соображения, цель которых — помочь далёкому от математики читателю получить общие представление о направлении интересов и занятий Колмогорова в области математического исследования художественной литературы (в той мере, конечно, в какой мы сами это направление в состоянии понять). Словом «направление» мы хотим отказаться от малейшей претензии на то, чтобы дать нечто вроде обзора колмогоровских текстов, будь то опубликованные статьи или устные выступления. Заинтересованного читателя мы отсылаем непосредственно к соответствующим публикациям. Однако предварительное ознакомление с тем, что мы назвали «простыми соображениями», может помочь правильному восприятию колмогоровских текстов. Вот как начинает своё знаменитое «Введение в православное богословие» [Мак] наш выдающийся соотечественник епископ (впоследствии академик Императорской Академии Наук

и митрополит Московский) Макарий (в миру — М. П. Булгаков): «Предметом для введения в науку обыкновенно назначают *предварительные* о ней *понятия*, то есть такие понятия, которые не могут войти в состав самой науки, однако ж существенно к ней относятся и необходимо ею предполагаются». Если считать, что есть такая наука: «Колмогоров о семиотике и знаковых системах, в том числе литературных текстах», — то следующие за сим рубрики § 5 содержат изложение некоторых фрагментов введения в эту науку (фрагментов хотя и математических, но совершенно общедоступных).

5.2. Сколько может быть текстов? Давайте установим объём текста в авторский лист, то есть в 40 тысяч печатных знаков. Сколько возможно литературных текстов такого объёма? Для определённости условимся, что мы говорим лишь о текстах на русском языке. Подчеркнём, что нас интересует не количество реально существующих литературных произведений, а количество литературных произведений, которые *могут* существовать, — или, если угодно, уже существуют, но не в реальности, а в Платоновом мире идей.

Вопрос о количестве литературных текстов представляет некоторый интерес. В самом деле, каждый текст можно трактовать как результат мысленного выбора из множества всех текстов данного объёма (в такой трактовке — очевидная искусственность, но мы её игнорируем ради упрощения изложения 69); если бы текст объёмом в 40 тысяч знаков был бы всего один, то вряд ли была бы возможна художественная литература, укладывающаяся в рамки этого объёма. Чем больше число тех возможностей, из коих совершается выбор, тем выше художественное своеобразие (да простит меня читатель за избитое и высокопарное выражение).

Разумеется, точное число никому не известно. Да и сам вопрос не имеет точного смысла, поскольку никто не знает, что такое литературный текст. Однако позволительно говорить о приблизительном смысле и приблизительном числе, сознавая, что приблизительность числа имеет две причины: приблизительность смысла вопроса и нашу неспособность ответить на него точно даже в том случае, если бы вопрос имел точный смысл. Когда затруднительно найти точное значение какой-либо величины, обычно пытаются указать хотя бы пределы, между которыми может быть заключено это неизвестное нам значение. Иногда удаётся обнаружить, что интересующее нас значение не меньше, чем число a; в этом случае число a называют *нижней оценкой*. Иногда удаётся обнаружить, что интересующее

нас значение не больше, чем число b; в этом случае число b называют *верхней оценкой*. Разумеется, для одной и той же величины существует бесчисленное множество нижних оценок и бесчисленное множество верхних оценок. Нижняя оценка тем точнее, чем она больше. Верхняя оценка тем точнее, чем она меньше. Попытаемся найти какие-нибудь нижние и верхние оценки для числа литературных текстов объёмом 40 тысяч знаков.

Нижнюю оценку может найти каждый. Для этого надо просто сочинить как можно больше литературных текстов объёмом в авторский лист и подсчитать количество сочинённых текстов; это и будет нижней оценкой. Верхняя оценка требует некоторых рассуждений.

Как известно, при подсчёте числа печатных знаков учитываются все знаки — не только буквы, но даже и знаки препинания, включая междусловный пробел. В инвентарь таких знаков входят 33 строчные и 33 прописные буквы, десять арабских и восемь римских цифр, знаки препинания (высокая наука ещё не пришла к единому мнению об их составе, а тем самым количестве: см. [Усп 96], § 27), знаки параграфа, номера, процента, градуса и прочее. Количество знаков возрастёт в несколько раз, если допустить шрифтовые выделения, такие как курсив, жирность и т. п. Следует ли включать в число печатных знаков русских текстов латинские буквы? Мне неизвестны однозначные ответы на вопросы такого рода, равно как и место, где был бы приведён подобный инвентарь. Откажемся от шрифтовых выделений и примем, что наш инвентарь (на математическом языке — *алфавит*) содержит ровно сто знаков. Будем считать текстом л ю б у ю цепочку из 40 тысяч таких знаков, идущих друг за другом; тогда количество текстов будет равно $100^{40\,000}$, а это есть единица с 80 тысячами нулей. Среди этих текстов будут и совершенно бессмысленные, например, состоящий из 40 тысяч левых скобок или из 40 тысяч пробелов. Но все литературные тексты также войдут в полученную совокупность, поэтому число $100^{40\,000}$ будет верхней оценкой для интересующего нас количества литературных текстов объёмом в авторский лист. Полученная верхняя оценка чрезвычайно завышена, зато достоверна.

Если понимать термин ‘текст’ указанным максимально широким образом — как произвольную цепочку знаков, — то лишь малая доля всех текстов окажется оформленной по правилам русской грамматики. Однако и среди грамматически правильных текстов подавляющее большинство всё ещё останутся бессмысленными, поскольку будут содержать фразы вроде знаменитой «глокой куздры»

Л. В. Щербы 70. Впрочем, тут немало неясностей: следует ли считать бессмысленным текст, все фразы которого, кроме одной, осмысленны? Некоторые из грамматически правильных текстов окажутся также и лексически правильными, то есть будут состоять из реальных русских словоформ (и «куздра» сюда уже не попадёт), сочетаемых по правилам грамматики. Впрочем, и тут неясности: следует ли, например, считать лексически правильной следующую фразу из «Зоны» С. Довлатова (см., например, его Собрание сочинений в 3 томах, СПб., 1993, т. 1, с. 33): «Лежнёвка привела его в кильдим»; дело в том, что никто не мог мне объяснить, что такое кильдим. Далее, какую-то часть этих правильных текстов составят тексты осмысленные, а какую-то часть текстов осмысленных составят тексты литературные, принадлежащие изящной словесности.

Разумеется, не существует чётких определений ни что такое грамматически правильный текст, ни что такое осмысленный текст, ни что такое текст, принадлежащий изящной словесности 71. Однако соответствующие представления, хотя и весьма расплывчатые, присутствуют в нашей интуиции, и грубые оценки доли текстов более частного вида среди текстов более широкого рода поучительны.

Для всех подсчётов необходимо условиться, что́ именно мы считаем отдельной буквой. Примем, например, следующую договорённость о том, что́ считать отдельной буквой русской письменной речи: прописные и строчные буквы не различаются, знаки препинания не учитываются, пробел между словами считается особой буквой, буквы *е* и *ё* считаются одной и той же буквой, буквы *ъ* и *ь* также считаются одной и той же буквой. Различных букв окажется в таком случае не 100, а 32. А всех текстов объёмом 40 тысяч знаков будет не $100^{40\,000}$, а «всего лишь» $32^{40\,000}$, что есть примерно единица и 60 206 нулей.

Расчёты, выполненные М. Ратнер и Н. Светловой и упоминаемые Колмогоровым в цитате из нашего п. 5.8.3, позволяют вывести оценку для числа русских текстов, являющихся одновременно грамматически и лексически правильными (при том что лексика берётся из словаря Ожегова[9]). Можно полагать, что в этих расчётах использовался именно 32-буквенный инвентарь знаков. Тогда оказывается, что количество русских текстов объёмом 40 тысяч знаков, являющихся одновременно грамматически и лексически (по Ожегову) правильными, лежит между 10^{24082} (единица и 24 082 нуля) и 10^{31675} (единица и 31 675 нулей).

[9] В словаре Ожегова издания 1972 года примерно 57 тысяч слов.

Поскольку текст рассматривается нами как цепочка печатных знаков, мы позволим себе заменить более расхожий термин «объём текста» на математически более точное выражение «длина текста».

В своей лекции 10 ноября 1960 года (см. выше n° 3.4) Колмогоров, исходя из указанного 32-буквенного инвентаря, сообщил своей аудитории, что количество осмысленных русских текстов из k букв составляет приблизительно $10^{0,4k}$; для текста длиною 40 тысяч знаков это даст единицу и 16 тысяч нулей. Но это количество текстов, заметил Колмогоров, реально не используется, поскольку вряд ли человечеству нужно выразить столько мыслей. А раз так, то появляется возможность вносить в тексты дальнейшие (по сравнению с осмысленностью) ограничения, а именно — вводить в текст некоторый порядок, исходящий из поэтической структуры. Так, чтобы получить количество осмысленных текстов длины k (то есть составленных из k букв), написанных четырёхстопным ямбом с мужскими окончаниями 72, надо, если следовать Колмогорову, общее число осмысленных текстов (то есть $10^{0,4k}$) умножить на $10^{-0,06k}$ (этот множитель есть объявленная Колмогоровым вероятность того, что осмысленный текст длины k окажется написанным четырёхстопным ямбом с мужскими окончаниями); для объёма в 40 тысяч знаков это даст количество, приблизительно равное единице с 13 600 нулями 73.

Сделаем три заключительных замечания.

1. Как известно, понятия 'русский язык' и 'литературный русский язык' суть различные понятия. Первому отвечает бóльшая совокупность текстов, второму — меньшая, являющаяся частью первой совокупности. Есть основания полагать, что, говоря об осмысленных русских текстах, Колмогоров имел в виду тексты, принадлежащие литературному языку.

2. Вопрос о количестве литературных (то есть принадлежащих художественной литературе) текстов заданной длины так и остался открытым. Мы сумели лишь извлечь из колмогоровских материалов некоторые верхние оценки для такого количества.

3. Мы выбрали для примера длину 40 тысяч. Чтó происходит при переходе к произвольной длине k, выясняется в n° 5.8. В заметке [Рев СТИ] на с. 289 указываются — с неявной ссылкой на Колмогорова в Горьком (см. n° 3.6) — соответствующие данные для $k = 25 \cdot 5300$. А это произведение $25 \cdot 5300$ берётся вот откуда: если считать, что строка «Евгения Онегина» состоит в среднем из 25 букв, а всего строк 5300, то такова будет длина «Онегина» 74.

5.3. Количество информации. Рассуждения предыдущей рубрики имеют близкое отношение к вопросу о количестве информации в тексте, так как можно считать, что информация состоит в погашении многовариантности. Эта формулировка довольно туманна, но её суть может быть прояснена на простых примерах.

В n° 4.3 было замечено, что в упорядоченной паре информации больше, чем в неупорядоченной; это потому, что упорядоченных пар больше, чем неупорядоченных. В отдельной букве из 33-буквенного русского алфавита больше информации, чем в отдельной букве 26-буквенного латинского алфавита, в которой, в свою очередь, информации больше, чем в отдельной арабской цифре; это потому, что 33 больше, чем 26, а 26 больше, чем 10. Вот самый наглядный пример, делающий более понятными и предыдущие примеры. Пусть у нас есть два телевизора, цветной и чёрно-белый; пусть в последнем различаются лишь такие цвета: чёрный, белый и серый. Если мы видим в цветном телевизоре актрису в чёрном платье, мы получаем большу́ю информацию: мы знаем, что это платье действительно чёрное, а не зелёное, не красное и т. п. Чёрное платье в чёрно-белом телевизоре даёт нам гораздо меньше информации: платье может быть в действительности и тёмно-красным, и тёмно-зелёным.

Чтобы воспринять информацию, надо заранее её ожидать. Если человек не знает иностранного языка, он не воспримет текст на этом языке как информацию. Для профана человеческая ладонь — бессмысленный набор складок и морщин; для хироманта ладонь несёт информацию, поскольку он ожидает наличия или отсутствия тех или иных черт. Возможно, небо пытается нечто сообщить нам формой облаков; если мы этого не понимаем, то потому, что ничего определённого не ждём; впрочем, метеорологи как раз ожидают тех или иных, заранее им известных возможных форм и потому воспринимают облака информативно.

Далее. Сам по себе никакой объект не несёт информацию — но лишь на фоне конкурирующих с ним объектов. Если на экране должна непременно появиться буква А и ничего другого появиться не может, то появление этой буквы не несёт никакой информации. (Разве что информацию об исправности прибора, то есть о нормальном ходе событий, скажет кто-нибудь. Но это значит, что мы на самом деле допускаем не одно явление, то есть букву А, а два: появление буквы и её непоявление.)

Подытожим сказанное. Общая обстановка, в которой имеет смысл говорить об информации и её количестве, такова. Имеется N возможных вариантов, и нам предъявляется один из них. В нём

(или в акте его предъявления) содержится некоторая информация. Число N служит числовой мерой разнообразия вариантов. Информация, заключённая в отдельном варианте, вообще говоря, тем больше, чем больше мера разнообразия N. (Несколько загадочное «вообще говоря» будет разъяснено несколькими строками ниже.) Таким образом, если нам предъявляют одну букву из 33 русских букв, то информации в ней будет меньше, чем если нам предъявляют ту же букву, но в условиях, когда учитывается, будет ли буква строчной или прописной, имеет ли она обычный наклон и жирность или же выделена курсивом, полужирным шрифтом, полужирным курсивом: в этих условиях, как легко видеть, вариантов будет $33 \cdot 2 \cdot 4$. Предъявленный художественный текст заключает в себе одну, меньшую информацию, если он рассматривается как представитель только множества художественных текстов, и другую, бóльшую, если он рассматривается как представитель всех осмысленных или всех грамматически правильных текстов. Информация, напротив, уменьшится, если мы будем заранее знать, что наш текст написан определённым стихотворным размером. Или имеет заданное содержание.

Вот теперь о словах «вообще говоря», которые мы обещали разъяснить. Дело в том, что принцип, который мы провозгласили: «Тем больше информации в отдельном варианте (экземпляре), чем больше самих вариантов (возможных экземпляров)» — этот принцип справедлив только в том простейшем случае, когда все варианты равновероятны. Простейшие примеры: 1) в нормальной ситуации (не такой, как в истории о Эгее и Тесее) появление белого паруса гораздо вероятнее появления чёрного, поэтому белый парус несёт мало информации, а чёрный — много; 2) пустой флагшток на стене обычного дома много вероятнее флагштока с флагом, а обычный флаг много вероятнее траурного флага, поэтому пустой флагшток не несёт почти никакой информации, а флаг — довольно большую, причём траурный флаг — бóльшую, нежели обычный. Приведённые примеры делают понятным следующее положение: чем менее вероятен вариант, тем больше в нём заключено информации. Поэтому принцип прямой зависимости количества информации в отдельном варианте от числа возможных вариантов вполне может нарушаться в случае неравновероятных вариантов: в маловероятном варианте при небольшом общем числе вариантов может содержаться больше информации, чем в высоковероятном варианте при большом общем числе вариантов.

Главное, что следует усвоить из сказанного, — это то, что количество информации определяется не только несущим информацию объектом, но и тем, из какого объемлющего множества этот объ-

ект выбирается, а в вероятностном случае ещё и тем, с какой вероятностью этот объект в этом множестве встречается.

Колмогоров пишет:

> Но какой реальный смысл имеет, например, говорить о «количестве информации», содержащемся в тексте «Войны и мира»? Можно ли включить разумным образом этот роман в совокупность «возможных романов», да ещё постулировать наличие в этой совокупности некоторого распределения вероятностей? Или следует считать отдельные сцены «Войны и мира» образующими случайную последовательность с достаточно быстро затухающими на расстоянии нескольких страниц «стохастическими связями»?
>
> По существу не менее тёмным является и модное выражение «количество наследственной информации», необходимой, скажем, для воспроизведения особи вида к у к у ш к а.
>
> ([Колм 65т], с. 6—7 или [Колм 87], с. 217.)

Мы намеренно воздерживались до сих пор от указания числа, измеряющего информацию, содержащуюся в отдельном варианте. Сама надежда на то, что информацию можно измерить числом, предполагает, разумеется, значительное огрубление реальной ситуации. Такого рода огрубления характерны для математики, поскольку математическая модель всегда есть огрублённое приближение к действительности. Вот и в этом случае математическая теория, узурпировавшая название «теория информации», предлагает в качестве количественной меры информации, заключённой в отдельном варианте, некоторое число (а именно взятый со знаком минус двоичный логарифм вероятности этого варианта 75). Эта численная мера оказывается полезной для математических и технических приложений. Для анализа художественных текстов её следует применять cum grano salis: здесь так называемая теория информации играет, пожалуй, ещё более вспомогательную роль, чем статистика.

В заключение этой рубрики выскажем некоторые соображения о возможности сложения количеств (то есть числовых мер) информации. Мы сделаем это на примере. Представим себе, что у нас есть некоторое множество C стихотворений, из коих какая-то часть $Я$ написана ямбом, а оставшаяся часть X — хореем. Выберем какое-то стихотворение из $Я$. Заключённое в нём количество информации — при трактовке этого стихотворения как представителя множества C — можно представить в виде суммы двух слагаемых. Первое слагаемое есть количество информации в сообщении, что стихотворение написано ямбом, то есть принадлежит множеству $Я$. Второе слагаемое

есть количество информации, заключённое в этом стихотворении как в представителе множества *Я*. Первое слагаемое показывает в данном случае, какая часть заключённой в тексте информации тратится на сведения о стихотворном размере. Приведённый простой пример показывает (весьма приблизительно, конечно), каким образом можно ставить вопрос о количестве информации, заключённой в тех или иных сторонах текста, в том числе в его художественных особенностях. Иными словами, число, отражающее в с ю заключённую в тексте информацию, можно представить в виде суммы чисел, отражающих информацию, заключённую в сюжете, в лексике, в синтаксических конструкциях, в ритме, в рифме и т. п. Тот факт, что при составлении «полной» информации из отдельных составляющих её частей числовые меры этих частей — с целью получения числовой меры «полной» информации — складываются (а не, скажем, перемножаются), является следствием указанного в предыдущем абзаце способа измерения информации — и одновременно подтверждением разумности этого способа.

5.4. Частота и вероятность. 5.4.1. Статистика и теория вероятностей. То обстоятельство, что изучение статистических и вероятностных закономерностей текстов существенно для филологического анализа, есть, конечно, банальность 76. Эти два типа закономерностей тесно связаны друг с другом и различаются временем, в которое они обращены. Статистика обращена в прошлое, поскольку констатирует некоторые количественные характеристики событий уже свершившихся — в частности, частоту тех или иных событий (скажем, частоту того или иного слова в прочитанном нами тексте). Теория вероятностей обращена в будущее, поскольку оценивает наши ожидания относительно событий грядущих — в частности, относительно частоты тех или иных имеющих наступить событий (скажем, относительно частоты того или иного слова в тексте, который мы собираемся прочесть). Как правило, вероятностные закономерности-прогнозы на будущее выводятся на основе статистических закономерностей-констатаций, относящихся к прошлому. Если эти прогнозы выведены правильно, то, когда будущее становится прошлым, они с высокой достоверностью сбываются, то есть превращаются в статистические данные. Сказанное даёт нам право в рамках нашего поверхностного изложения не слишком отличать вероятностные закономерности от статистических.

Поясним всё же, во избежание недоразумений, смысл и различие двух родственных понятий — понятия *частота* и понятия *вероят-*

ность. Первое принадлежит статистике, второе — теории вероятностей. И частота, и вероятность суть числовые величины. Каждая из них выражается числом, расположенным между нулём и единицей; допускаются и сами эти крайние значения (ноль и единица). Однако между частотой и вероятностью имеется сущностная разница.

Частота есть объективная характеристика обследуемого материала, она показывает долю тех случаев, в которых встретилось интересующее нас явление. Если, скажем, в роще на 500 деревьев пришлось 400 берёз (воображаемый пример), то частота берёзы в этой роще есть 400 : 500, то есть 0,8. Если в обследованных текстах общим объёмом в 400 000 слов слово «почти» встретилось 204 раза (реальный пример), то частота этого слова в этом корпусе текстов есть 204 : 400 000, то есть приблизительно 0,0005. Если мы читаем в [Ягл 73] на с. 238, что частота русской буквы эр равна 0,04, а частота русской буквы цэ равна 0,004, то это значит, что в обследованных текстах на каждую тысячу букв встречалось в среднем 40 букв эр и четыре буквы цэ. Согласно [Про] (табл. 8 на с. 95) частота той ритмической формы пушкинского четырёхстопного ямба (см. примечание 48), в которой присутствуют речевые ударения на всех стопах, кроме первой, в «Бахчисарайском фонтане» равна 0,038, а в «Евгении Онегине» равна 0,067; это значит, что взяв соответствующую поэму и поделив число тех её строк, в которых представлена указанная форма, на общее число строк поэмы, мы получим, с округлением в третьем знаке после запятой, названные числа 0,038 и 0,067.

Другое дело вероятность. Это есть абстрактная характеристика степени ожидания того или иного явления. Не для всякого явления о подобной характеристике (да ещё выраженной в виде числа!) имеет смысл говорить. Например, неясно, что́ значит вероятность того, что читатель этих строк, дойдя до слова *чихнёт*, действительно чихнёт. Здесь неясно не то, как оценить эту вероятность, а то, что́ в данном случае следует понимать под вероятностью. Таким образом, говоря о вероятности чего-нибудь, мы непременно должны принять гипотезу, что таковая вероятность существует. Практическое значение вероятности состоит прежде всего в том, что её разумно рассматривать как априорную оценку ожидаемой частоты. Так, если говорится, что для данного лесного массива вероятность дерева быть берёзой равна 0,8, то эту величину можно принять за ожидаемую частоту и, следовательно, надеяться, что в участке, содержащем 200 деревьев, окажется в среднем 160 берёз (опасаюсь, впрочем, что эти мои «берёзовые» примеры почему-либо некорректны с дендрологической

точки зрения). Напротив, если нам уже известна частота, но ещё не известна вероятность, то частоту можно принять за оценку искомой вероятности; именно так, путём статистического эксперимента, определяются вероятности в исследованиях А. А. Маркова старшего, о которых пойдёт речь в п. 5.4.2.

В n° 5.3 была показана роль вероятностных параметров для измерения содержащейся в тексте информации. Ещё раньше, в n° 3.4, была приведена следующая важная мысль Колмогорова: исследование вероятностных закономерностей текстов должно непременно предшествовать исследованию художественных приёмов, потому что при ином порядке исследования можно неизбежный статистический закон ошибочно принять за приём (ясно, например, что если та или иная ритмическая конструкция статистически характерна для русского ямба вообще, то её появление в каком-то месте текста вряд ли может считаться художественным приёмом; если, как указывает М. Л. Гаспаров, использование анапеста вообще характерно для определённого периода творчества Мандельштама, то вряд ли может считаться приёмом его использование в относящихся к тому же периоду «Стихах о неизвестном солдате»).

Вероятностно-статистическому анализу могут подлежать какие угодно детали текста — и лексемы, и падежи, и целые синтаксические обороты, и ритмические конструкции. Самый простой случай, когда статистика наводится на отдельные буквы и их сочетания.

5.4.2. Исследования Маркова старшего. Наиболее ранний пример подхода к русскому (а возможно, и не только к русскому) художественному тексту как к предмету статистики и теории вероятностей содержится в статье [Марк 13ео] знаменитого петербургского математика А. А. Маркова старшего 77. Вот начало статьи:

> Наше исследование относится к последовательности 20 000 русских букв, не считая ъ и ь, в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин», которая заполняет всю первую главу и шестнадцать строф второй.
>
> Эта последовательность доставляет нам 20 000 связанных испытаний, каждое из которых даёт гласную или согласную букву.
>
> Соответственно этому мы допускаем существование неизвестной постоянной вероятности p букве быть гласной и приближённую величину числа p ищем из наблюдений, считая число появившихся гласных и согласных букв. Кроме числа p мы найдём, также из наблюдений, приближённые величины двух чисел

p_1 и p_0 и четырёх чисел $p_{1,1}$, $p_{1,0}$, $p_{0,1}$, $p_{0,0}$, представляющих такие вероятности: p_1 — гласной следовать за гласной, p_0 — гласной следовать за согласной, $p_{1,1}$ — гласной следовать за двумя гласными, $p_{1,0}$ — гласной следовать за согласной, которой предшествует гласная, $p_{0,1}$ — гласной следовать за гласной, которой предшествует согласная и, наконец, $p_{0,0}$ — гласной следовать за двумя согласными.

<...> Противоположные вероятности, букве быть согласной, обозначим, как принято нами, буквою q с теми же значками.

На этом простом примере можно увидеть, каким образом на основе статистики определяются вероятности тех или иных явлений. Это происходит в три этапа. Сперва выдвигается и принимается гипотеза, что наблюдаемая реальность подчиняется вероятностным законам и что, таким образом, вообще можно говорить о той неизвестной нам вероятности, которую мы и собираемся найти, — например, о вероятности появления гласной после согласной; «мы допускаем существование неизвестной постоянной вероятности», — говорит Марков. Затем вычисляется частота, с которой встречается данное явление 78, — например, частота появления гласной после согласной. Наконец, в качестве приближённого значения для разыскиваемой вероятности берётся вычисленная частота.

Действуя по указанной схеме, Марков старший находит следующие вероятности для встречающихся в «Евгении Онегине» букв:

для вероятности гласной буквы (то есть для вероятности того, что выбранная наугад буква текста окажется гласной): $p \approx 0{,}432$; для вероятности согласной буквы: $q \approx 0{,}568$;

для вероятности гласной буквы после гласной (то есть для вероятности того, что выбранная наугад буква, следующая за гласной, окажется гласной): $p_1 \approx 0{,}128$; для вероятности согласной буквы после гласной: $q_1 \approx 0{,}872$;

для вероятности гласной буквы после согласной: $p_0 \approx 0{,}663$; для вероятности согласной буквы после согласной: $q_0 \approx 0{,}337$;

для вероятности гласной буквы после двух гласных: $p_{1,1} \approx 0{,}104$;

для вероятности согласной буквы после двух согласных: $q_{0,0} \approx 0{,}132$; отсюда уже можно определить вероятность гласной буквы после двух согласных: $p_{0,0} \approx 0{,}868$.

Вероятности $p_{1,0}$ и $p_{0,1}$, несмотря на данное обещание, в [Марк 13ео] не приводятся.

Свои наблюдения над частотами гласных и согласных букв в художественных текстах Марков не считал чем-то проходным; напротив,

он придавал этим исследованиям определённое значение. В этом убеждают два обстоятельства.

Первое. Он включает соответствующий материал в 3-е и 4-е издание своей знаменитой монографии «Исчисление вероятностей». Именно, на с. 363, 365 и 366 3-го издания [Марк 13ив] (соответственно, на с. 570, 572, 573 4-го издания [Марк 24]) приведены уже известные нам значения 0,432, 0,128 и 0,663 для вероятностей p, p_1 и p_2 (через p_2 Марков обозначает в своей монографии вероятность гласной после согласной, то есть то, что раньше, в статье [Марк 13ео], обозначалось им как p_0).

Второе. Он переносит свои исследования с «Евгения Онегина» на другой текст. На с. 370 в [Марк 13ив] (и, mutatis mutandi, на с. 577 в [Марк 24]) читаем: «Во время печатания этой книги я выполнил исследование, подобное предыдущему, над произведением другого автора (С. Т. Аксаков, Детские годы Багрова-внука). Результаты последнего исследования, обнимающего совокупность 100 000 букв 79, приведены в следующих таблицах <...>». И далее приводятся найденные Марковым приближённые значения для вероятностей гласной буквы:

$$p = 0{,}44898; \quad p_1 = 0{,}147; \quad p_2 = 0{,}695.$$

Здесь p, p_1 и p_2 по-прежнему означают вероятности появления гласной — в произвольном месте, после гласной и после согласной. Читатель может сравнить значения этих вероятностей для романа Пушкина и для повести Аксакова и сделать (или не сделать) соответствующие выводы.

Эти исследования А. А. Маркова старшего не только явили собою первый в России (а скорее всего, и в мире) пример применения математики к анализу художественного текста. Здесь замечательно ещё и то, что Марков нашёл не где-нибудь, а именно в изящной словесности первое воплощение изобретённого им важнейшего понятия теории вероятностей, называемого *цепь Маркова*. Именно это понятие (впервые введённое в [Марк 07збч] и затем более настойчиво сформулированное в [Марк 07зсз]) прославило закреплённое в его названии имя Маркова старшего во всём мире. Цепью Маркова называется такая цепь последовательных событий, в которой вероятность каждого события определяется тем, какое именно событие произошло непосредственно перед этим. Позволительно считать, что так устроено чередование гласных и согласных в тексте: вероятность букве быть гласной зависит от того, какое событие: гласная буква или согласная буква — было непосредственно перед этим. (Можно,

конечно, прослеживать зависимость и от более ранних букв, как это делает Марков в своей статье; однако в монографии он ограничивается учётом зависимости только от непосредственно предшествующей буквы, что и приводит к математической схеме марковской цепи.) Цепи Маркова (а особенно их обобщение — марковские процессы, общая теория и классификация которых были даны Колмогоровым в 1930 году) находят широчайшие естественно-научные и технические приложения. Однако первый содержательный пример цепи Маркова, да к тому же и предложенный не кем-нибудь, а первооткрывателем этого понятия, был связан с изящной словесностью. И не исключено, что самоё понятие родилось у Маркова из наблюдений над чередованиями букв в литературных текстах. Если эта гипотеза верна, то мы имеем впечатляющий пример того, как анализ текста приводит к рождению важного понятия математики.

5.5. Что происходит, если учитывать частоты букв и их сочетаний. 5.5.1. Нулевое приближение. Вспомним инвентарь из 32 букв русской письменной речи (включая пробел!), описанный в n° 5.2. Составим разрезную азбуку из этих 32 букв и поместим её в ящик (математики сказали бы «в урну»), тщательно перемешав. Будем теперь составлять из этой азбуки случайный текст, применяя следующую процедуру: мы вынимаем букву из ящика, записываем её, затем возвращаем в ящик, перемешиваем буквы, снова вынимаем букву, снова записываем (приписывая её к уже имеющемуся тексту), снова возвращаем, снова перемешиваем, снова вынимаем и т. д. Мы получим что-нибудь вроде

СУХЕРРОБЬДЩ ЯЫХВЩИЮАЙЖТЛФВНЗАГФОЕНВШТЦР
ПХГБКУЧТЖЦЮРЯПЧЬКЙХРЫС

Про этот текст можно сказать лишь, что он составлен из русских букв. Но на русскую письменную речь не похож: мы говорим, конечно, не об осмысленности (где уж!), а лишь о внешней похожести.

Дело в том, что в нашем эксперименте все буквы были равновероятны и потому в полученном тексте встречались с примерно одинаковыми частотами. В реальных же русских письменных текстах пробел и различные буквы встречаются с различными частотами 30 и потому ожидаются с различными вероятностями. Это, конечно, всем известный факт. Менее известен (хотя и очевиден) и потому будет сейчас воспроизведён следующий эффект: при учёте всё более и более глубоких статистических закономерностей, имеющихся в реальных текстах, экспериментальный искусственный текст делается всё более и более похожим на «настоящий». Тот искусственный

текст, который мы получили, можно назвать *приближением нулевого порядка* к реальному тексту: здесь учитывается лишь состав алфавита и ноль статистических характеристик.

5.5.2. Первое приближение. При *приближении первого порядка* учитываются частоты каждой из букв; иными словами, теперь предполагается, что в нашей урне с бумажками буквы встречаются с такими же (в идеале **31**) частотами, как и в реальных текстах. При этом мог бы получиться, скажем, такой текст:

ЕЫНТ ЦИЯЬА ОЕРВ ОДНГ ЬУЕМЛОЛИЙҚ ЗБЯ ЕНВТША

Он уже более похож на настоящий: и длина слов нормальная, и нет того чудовищного преобладания согласных, как в тексте нулевого приближения.

5.5.3. Второе приближение. Приближение первого порядка не учитывает частот диграмм, то есть сочетаний двух последовательно идущих букв. В приведённом тексте, например, встречаются диграммы ЯЬ, ЬА и ЬУ, частота которых в реальных текстах равна нулю **32**. Учёт частот диграмм приводит к *приближению второго порядка*:

УМАРОНО ҚАЧ ВСВАННЫЙ РОСЯ НЫХ ҚОВҚРОВ НЕДАРЕ

5.5.4. Третье приближение, или *приближение третьего порядка*, учитывает частоты триграмм. Поясним, что имеется в виду. Представим себе, что в урне имеются бумажки со всеми трёхбуквенными сочетаниями, которые встречаются в языке, причём количество бумажек того или иного вида пропорционально частоте появления соответствующих сочетаний в реальных текстах. Вынем из урны бумажку наугад. Затем вынем ещё одну, причём будем добиваться, чтобы она продолжала первую (то есть две первые буквы второй бумажки совпадали с двумя последними буквами старой). (Слово «добиваться» означает следующее: если не вышло, мы возвращаем бумажку в урну и заменяем её случайно на новую, потом ещё на одну и так далее, пока не вынем подходящую.) После этого вынем третью бумажку, добиваясь, чтобы она продолжала вторую, и т. д. В результате подобного эксперимента может получиться, скажем, такой текст:

ПОҚАҚ ПОТ ДУРНОСҚАҚА НАҚОНЕПНО ЗНЕ
СТВОЛОВИЛ СЕ ТВОЙ ОБНИЛЬ

5.5.5. Четвёртое приближение, или *приближение четвёртого порядка*, учитывает частоты тетраграмм:

ВЕСЕЛ ВРАТЬСЯ НЕ СУХОМ И НЕПО И ҚОРҚО

5.5.6. Другие примеры. Все эти примеры приближений, от нулевого до четвёртого, взяты нами из книги братьев Ягломов [Ягл 73], гл. IV, § 3, с. 237—244 [33]. Другие примеры предлагает Р. Л. Добрушин в подстрочных примечаниях на с. 254—255 вышедшего под его редакцией сборника переводов статей Шеннона [Шенн 63]. Вот они (здесь уже все русские буквы различаются, то есть никакие разные буквы алфавита не трактуются как «одна и та же буква»; пробел по-прежнему считается особой буквой; так что всех букв теперь 34).

Нулевое приближение:

ФЮНАЩРЪФЬНШЦЖЫКАПМЪНИЯПЩМНЖЮЧГПМ
ЮЮВСТШЖЕЩЭЮКЯПЛЧНЦШФОМЁЦЁЭДФБКТТР МЮЁТ

Первое приближение:

ИВЯЫДТАОАДПИ САНЫАЦУЯСДУДЯЪЛЛЯ
Л ПРЕЬЕ БАЕОВД ХНЕ АОЛЕТЛС И

Второе приближение:

ОТЕ ДОСТОРО ННЕДИЯРИТКРИЯ ПРНОПРОСЕБЫ НРЕТ
ОСКАЛАСИВИ ОМ Р ВШЕРГУ П

Третье приближение:

ВОЗДРУНИТЕЛЫБКОТОРОЧЕНЯЛ МЕСЛОСТОЧЕМ МИ ДО

5.6. При чём тут литературоведение? — спросит критически настроенный читатель. В лучшем случае, скажет он, эти дурноскаки и меслосточемы могут иметь какое-то отношение к строению языка, но не к литературе.

Во-первых, ответим мы, приведённые экспериментальные тексты не хуже некоторых, имеющих славу авангардных. Имеем что ответить и во-вторых, уже более серьёзно. Мы видим, что с увеличением порядка приближения наши искусственные фразы делаются всё более и более похожими на настоящие. А порядок приближения — это не что иное как длина тех буквосочетаний, частоты которых учитываются. Если взять приближение достаточно высокого порядка, то экспериментальные фразы уже будут состоять только из реальных словоформ. А при ещё более высоких порядках — даже из реальных сочетаний словоформ по две, по три и т. д. Но это всё ещё языко-, а не литературоведение, возразит скептический читатель. Да, согласимся мы, это будет языковедение — но лишь в том простейшем случае, если частоты букв и буквосочетаний берутся из всего корпуса русского или какого-либо иного языка. Но ведь всю описанную процедуру вычисления частот по реальным текстам и затем построения, на основе

полученных частот, текстов экспериментальных, можно применить, скажем, к языку Гоголя. Тогда, при приближении достаточно высокого порядка, экспериментальный текст будет состоять лишь из словоформ, употреблённых Гоголем, причём словоформы в экспериментальном тексте будут встречаться с теми же частотами, как у подлинного Гоголя. Мы получим если не прямо гоголевский, то гоголеподобный текст. При приближениях около сотого порядка и выше 84 мы будем получать уже целые гоголевские фразы. Пример опубликованного в «НЛО», а потому заведомо подпадающего под юрисдикцию литературоведения текста, составленного из гоголевских фраз, даёт известное сочинение Михаила Вайскопфа [Вай].

5.7. Что происходит, если учитывать частоты слов и их сочетаний. Можно составлять экспериментальный текст не из букв, а сразу из слов (то есть из словоформ). Естественно, при этом возникает ещё бóльшая похожесть на подлинный облик русского текста. Тут также возможны приближения разных порядков.

Первое приближение на уровне слов, учитывающее частоты отдельных слов:

СВОБОДОЙ ДУШЕ ПРОТЯНУЛ КАК ГОВОРИТ ВСПОМНИТЬ МИЛОСТЬ КОМНАТАМ РАССКАЗА ЖЕНЩИНЫ МНЕ ТУДА ПОНЮХАВШЕГО КОНЦУ ИСКУСНО КАЖДОМУ РЯСАХ К ДРУГ ПЕРЕРЕЗАЛО ВИДНО ВСЕМ НАЧИНАЕТ НАД ДВУХ ЭТО СВЕТА ХОДУНОМ ЗЕЛЁНАЯ МУХА ЗВУК ОН БЫ ШЕЮ УТЁР БЕЗДАРНЫХ

Второе приближение, учитывающее частоты сочетаний из двух соседних слов:

ОБЩЕСТВО ИМЕЛО ВЫРАЖЕНИЕ МГНОВЕННОГО ОРУДИЯ К ДОСТИЖЕНИЮ ДОЛЖНОСТЕЙ ОДИН В РАСЧЁТЫ НА БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ В ПОЭЗИИ РЕЗВИТЬСЯ ВСЕ ГРЫЗЁТ СВОИ БРАЗДЫ ПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛА ЕГО ПОШЛОЙ

Оба эти примера предложены Р. Л. Добрушиным в сноске на с. 255 сборника [Шенн 63]. А вот приближение второго порядка на уровне слов, предложенное самим Шенноном — разумеется, не для русского, а для английского языка (см. [Шенн 63], с. 254):

THE HEAD AND IN FRONTAL ATTACK ON AN ENGLISH WRITER THAT THE CHARACTER OF THIS POINT IS THE BEFORE ANOTHER METHOD FOR THE LETTERS THAT THE TIME OF WHO EVER TOLD THE PROBLEM FOR AN UNEXPECTED

Если же в эксперименте искусственный текст составляется из готовых фраз, выбранных из реального текста, то получится эффект,

достигнутый в упоминавшейся уже публикации [Вай]. Названное сочинение можно рассматривать как приближение нулевого порядка на уровне фраз к текстам Гоголя. Разумеется, приближения более высокого порядка на уровне фраз рассматривать бессмысленно, — постольку, поскольку бессмысленно искать у Гоголя повторяющиеся фразы.

5.8. Энтропия языка. 5.8.1. Предварение. Колмогоров учил, что статьи для энциклопедии надо писать так. В минимальном случае статья исчерпывается дефиницией 35. Если же автору статьи дают ещё место, то сразу после дефиниции нужно написать несколько фраз, доступных человеку с начальным образованием. Если допустимый объём исчерпан, этим и следует ограничиться. Если же объём позволяет, надо написать абзац, требующий уже семиклассного образования, затем — десятиклассного. Если статья достаточно большая, можно перейти к сюжетам, предполагающим образование высшее, а в конце — даже требующим специальных знаний. Наконец, при очень большом объёме и в самом конце автор в качестве премии самому себе может поместить текст, который понимает он один.

Руководствуясь этими указаниями, мы отнесли в последние рубрики этого параграфа обсуждение понятия энтропии. Мы надеемся, что этот текст будет понятен не только его автору и даже не потребует высшего образования — но только некоторого терпения и, главное, желания понять.

Термин *энтропия* встречается в n° 3.6, в примечаниях 42 и 45 к указанной рубрике, а также в библиографии. Вкратце он был объяснён в примечании 41. Мы собираемся поступить с этим термином так, как, по слухам, поступил с термином «электрон» один из основателей квантовой механики английский физик Поль Дира́к. Рассказывают, что, приехав в Москву и читая лекцию в Политехническом музее, он сказал: «Поскольку никто не знает, что такое электрон, мы будем изучать, как он движется». Вот и мы не будем определять, что такое энтропия языка (хотя, в отличие от Дира́ка, не утверждаем, что этого никто не знает), а ограничимся выводами, вытекающими из сущности этого понятия.

О самой же сущности мы, по крайней мере на первых порах, ограничимся тем, что уже было сказано в примечании 41: энтропия — это численная мера гибкости языка, она отражает количество возможных вариантов текста с учётом вероятностей этих вариантов. Итак, энтропия языка — это, прежде всего, положительное число.

5.8.2. Свойства энтропии. Как мы объявили заранее, мы не будем давать понятию энтропии определения, но укажем его наглядные свойства. Таких свойств мы укажем три (на самом деле, они вытекают друг из друга, но это уже чистая математика, вдаваться в которую мы не будем).

Первое свойство энтропии. Пусть энтропия языка равна H. Тогда существует примерно 2^{Hk} текстов длины k, принадлежащих данному языку. Отсюда следует, что чем более узкий корпус текстов мы соотносим с представлением о языке, тем меньше будет энтропия языка; так, если взять энтропию языка русской художественной литературы или энтропию языка русского ямба, то каждая из них будет меньше энтропии русского языка в целом.

Второе свойство энтропии. Тексты можно закодировать, используя всего два каких-либо символа, наподобие того, как это делается в компьютерах с помощью нулей и единиц. Разумеется, кодировать надо так, чтобы исходный текст можно было восстановить по его коду. При этом, скорее всего, произойдёт удлинение текста (если не сделать оговорки о возможности декодирования, можно было бы, напротив, добиться укорочения текста, закодировав все тексты одним и тем же символом). Кодирование разумно производить так, чтобы указанное удлинение было бы — в среднем — как можно более маленьким (для этого следует частые тексты кодировать короткими цепочками, составленными из применяемых двух символов, а более длинные цепочки использовать для кодирования более редких текстов). Такой способ кодирования, при котором достигается минимальное, в среднем, удлинение, называется оптимальным. Так вот, если энтропия языка равна H, то при оптимальном способе кодирования каждый текст языка удлинится в среднем в H раз.

Третье свойство энтропии имеет смысл в предположении, что каждому тексту языка приписана определённая вероятность — вероятность того события, что среди всех мыслимых текстов данной длины на свет появится именно рассматриваемый текст. Так вот, если энтропия языка равна H, то для подавляющего большинства текстов длины k эта вероятность равна 2^{-Hk}.

Обращаем внимание читателя на выражения «примерно», «в среднем», «для подавляющего большинства». Чтобы уточнить их, пришлось бы прибегнуть к громоздким математическим формулировкам. Нашему читателю достаточно принять во внимание, что три только что приведённых утверждения о свойствах энтропии выполняются тем точнее, чем больше длина тех текстов, к которым эти утверждения применяются.

5.8.3. Энтропия русского языка. Приведённая в конце n° 5.2 оценка $10^{0,4k}$ для количества русских текстов длины k, предложенная Колмогоровым, показывает (как дают несложные подсчёты), что он исходил из числа 1,33 в качестве значения для энтропии русского языка.

Шеннон указывает, что энтропия английского языка лежит приблизительно в пределах от 0,6 до 1,3 (см. [Шенн 51], § 5, а также [Ягл 73], с. 253—256, где приведены сведения и для других языков).

Напомним читателю, если он забыл это из школьного курса, что двоичный логарифм, или логарифм по основанию два, числа N есть такое число $\log_2 N$, что $2^{\log_2 N} = N$. (Так что взятие двоичного логарифма есть операция, обратная к возведению в степень двойки. А смысл возведения двойки в степень k весьма нагляден для того случая, когда k есть целое неотрицательное число: 2^k есть количество всевозможных цепочек длины k, составленных из каких-либо двух фиксированных символов: из букв a и b, или из нуля и единицы, или из плюса и минуса и т. п. Если же x — произвольное число, расположенное между целыми неотрицательными числами k и $k+1$, то число 2^x расположено где-то между числами 2^k и 2^{k+1}.) Колмогоров писал:

> Вполне естественным является чисто комбинаторный подход к понятию «энтропии речи» 86, если иметь в виду оценку «гибкости» речи — показателя разветвлённости возможностей продолжения речи при данном словаре и данных правилах построения фраз. Для двоичного логарифма числа N русских печатных текстов, составленных из слов, включённых в Словарь русского языка С. И. Ожегова и подчинённых лишь требованиям «грамматической правильности», длины n, выраженной в «числе знаков» (включая «пробелы»), М. Ратнер и Н. Светлова получили оценку
>
> $$h = \frac{\log_2 N}{n} = 1{,}9 \pm 0{,}1.$$
>
> Это значительно больше, чем оценки сверху для «энтропии литературных текстов», получаемые при помощи различных методов «угадывания продолжений». Такое расхождение вполне естественно, так как литературные тексты подчинены не только требованию «грамматической правильности».
>
> ([Колм 65т], с. 4, или [Колм 87], с. 214—215.)

●➤ Здесь уместно обратить внимание читателя на помещённую в качестве приложения к настоящему «Предварению» статью Колмогорова «О возможном применении простейших представлений теории

информации к исследованию стиха, художественной прозы, техники перевода». В этой статье буквой N обозначено число слогов в тексте, в то время как в только что приведённой цитате N означает количество текстов. Не запутайтесь! Оценка количества грамматически правильных текстов из приведённой цитаты (где длина текста выражена в знаках) и оценка того же количества из приложенной статьи (где длина текста выражена в слогах) согласованы между собой при условии, что средняя длина слога есть 2,6 знаков (при том, что пробел считается знаком). ◄●

5.8.4. Энтропия различных вариантов русского языка. Неудивительно, что величина энтропии для русского (да и для любого иного) языка зависит от того смысла, который вкладывается в само слово «язык». При определении энтропии язык понимается как некоторая совокупность текстов. Именно такое понимание нужно для формулировки трёх свойств энтропии. Из первого свойства вытекает, что чем больше совокупность допустимых текстов заданной длины, тем больше и энтропия. При наиболее широком, пожалуй, понимании русский язык понимается как корпус всех мыслимых текстов, составленных из реальных русских словоформ по правилам русской грамматики. Мы получим ощутимое сужение корпуса допустимых текстов и — тем самым — уменьшение величины энтропии, если от произвольных русских текстов перейдём к литературным русским текстам, то есть от русского языка в полном объёме к литературному русскому языку. И дальнейшие сужение и уменьшение, если перейдём от языка русской литературы к языку, скажем, Гоголя или Чехова. Или к языку русского ямба (точнее, к литературному языку русского ямба, потому что возможны русские тексты, являющиеся ямбическими, но не являющиеся литературными). Все эти более частные (по сравнению с русским языком в его полном объёме) языки можно было бы называть подъязыками русского языка.

Одно важное обстоятельство требует высвечивания. Оно состоит в том, что тексты рассматриваются в своём потенциальном, а не актуальном качестве. Вот что это значит. Когда мы говорим о русских текстах, мы имеем в виду не только те реально существующие к настоящему времени тексты на русском языке, но также и те, которые *могут быть составлены*. Первые называются актуальными, вторые — потенциальными. Сказанное в полной мере справедливо и в отношении, скажем, литературных (то есть написанных литературным языком) или ямбических текстов. Именно при таком взгляде на вещи будут иметь место три свойства энтропии, указанные в п. 5.8.2.

На первый взгляд кажется, что изложенную точку зрения невозможно применить к языку Гоголя или языку Чехова. Ведь язык того или иного писателя, понимаемый как совокупность текстов, исчерпывается академическим собранием его сочинений и потому состоит из одних только актуальных текстов. Но мыслим и более широкий подход, согласно которому Девятая повесть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» [Вай] написана языком Гоголя, хотя у Гоголя такой повести и нет. Текст [Вай] — это пример потенциального гоголевского текста. Впрочем, этот пример не слишком показателен, поскольку состоит из готовых «актуально гоголевских» (то есть созданных самим Гоголем) фраз. Под гоголевским текстом, в потенциальном смысле, понимается любой «гоголеподобный» текст, то есть текст, составленный из характерных для Гоголя слов путём применения характерных для Гоголя синтаксических конструкций. При таком, широком понимании и становится возможным говорить об энтропии языка Пушкина, языка Гоголя, языка Толстого, языка Чехова.

Краткое обсуждение того, как понятие энтропии и тесно с ним связанное понятие избыточности применяется при анализе литературных текстов (в частности, переводов — «Илиады» и Евангелия от Матфея), содержится на с. 269—272 монографии [Ягл 73]; там же приводится и соответствующая литература.

Труднее оценить комбинаторную энтропию текстов, подчинённых определённым содержательным ограничениям. Представляло бы, например, интерес оценить энтропию русских текстов, могущих рассматриваться как достаточно точные по содержанию переводы заданного иноязычного текста. Только наличие такой «остаточной энтропии» 87 делает возможным стихотворные переводы, где «затраты энтропии» на следование избранному метру и характеру рифмовки могут быть довольно точно подсчитаны. Можно показать, что классический русский рифмованный ямб с некоторыми естественными ограничениями на частоту «переносов» и т. п. требует допущения свободы обращения со словесным материалом, характеризуемой «остаточной энтропией» порядка 0,4 (при указанном выше условном способе измерения длины текста по «числу знаков, включая пробелы») 88. Если учесть, с другой стороны, что стилистические ограничения жанра, вероятно, снижают приведённую выше оценку «полной» энтропии с 1,9 до не более чем 1,1—1,2, то ситуация становится примечательной как в случае перевода, так и в случае оригинального поэтического творчества 89.

Да простят мне утилитарно настроенные читатели 90 этот

пример. В оправдание замечу, что более широкая проблема оценки количества информации, с которым имеет дело творческая человеческая деятельность, имеет очень большое значение.
([Колм 65т], с. 4—5, или [Колм 87], с. 215.)

5.9. Колмогоровская сложность. Статья [Колм 65т], которую мы дважды цитировали в нашей предыдущей рубрике 5.8, весьма знаменита: она положила начало новой математической области — теории колмогоровской сложности. Тó, что вещи подразделяются не только на большие и маленькие, но ещё и на простые и сложные, было и есть ясно всем. Колмогоров был первым, кто предложил мерить сложность вещи числом и указал способ такого измерения: сложность вещи есть длина наиболее короткого её описания. Как и все гениальные формулировки, эта формулировка кажется очевидной — но лишь после, а никак не до её провозглашения. Разумеется, здесь требуются математические уточнения, которые мы опускаем. Создание теории сложности объектов было последним крупным математическим достижением Колмогорова. Как сказал Пастернак, «...нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту. Но мы пощажены не будем, когда её не утаим. Она всего нужнее людям, но сложное понятней им».

В качестве объектов, сложность которых подлежит установлению, могут рассматриваться, в частности, тексты. «...Такие величины, как „сложность“ текста романа „Война и мир“, можно считать определёнными с практической однозначностью» ([Колм 65т], с. 10, или [Колм 87], с. 222).

Ясно, что длина описания может существенно зависеть от того объёма знаний, которые разрешается использовать при составлении описания. Поэтому важное место в теории Колмогорова занимает представление об условной сложности при тех или иных исходных данных — это есть сложность, вычисленная при условии, что указанные данные уже известны и могут быть использованы при составлении описаний. Очевидно, что условная сложность чего бы то ни было не может быть больше абсолютной (то есть не условной) сложности того же самого. Можно, для примера, сравнить бóльшую абсолютную сложность текста «Войны и мира» и его меньшую условную сложность относительно (какого-то конкретного) английского перевода этого романа.

В применении к текстам приобретает смысл понятие удельной сложности. Удельная сложность текста есть его сложность как целого, поделённая на длину текста (это, так сказать, сложность, приходяща-

яся в среднем на один знак). Оказывается, что для длинных текстов их удельная сложность не превосходит энтропии того языка, на котором эти тексты написаны 91. Оценивание, о котором идёт речь в приводимой ниже цитате, как раз и представляет собою оценивание сверху удельной условной сложности с помощью энтропии 92, вычисляемой, в свою очередь, методом угадывания продолжений.

> Эксперименты по угадыванию продолжений литературных текстов позволяют оценить сверху [удельную] условную сложность при заданном запасе «априорной информации» (о языке, стиле, содержании текста), которой располагает угадывающий. В опытах, проводившихся на кафедре теории вероятностей Московского гос. ун-та, такие оценки сверху колебались между 0,9 и 1,4. Оценки порядка 0,9—1,1, получившиеся у Н. Г. Рычковой, вызывали у менее удачливых угадчиков разговоры о её телепатической связи с авторами текстов. ([Колм 65т], с. 10, или [Колм 87], с. 222.)

§ 6. Колмогоров и кибернетика

6.1. Кибернетика и филология. Стиховедческие штудии Колмогорова лежат в пересечении двух сфер его интересов. Первая сфера — это его постоянные гуманитарные интересы. Вторую образует появившаяся в пятидесятых годах его заинтересованность идеями кибернетики. Как великий учёный (именно великий учёный, а не просто великий математик) Колмогоров не мог не заинтересоваться этими идеями в силу их глубины и необычайно широкого диапазона применимости. Является ли кибернетика самостоятельной наукой, вопрос спорный. В своей статье [Колм 58] в БСЭ-2 Колмогоров определяет кибернетику как «научное направление» 93. В нашем отечестве кибернетика быстро приобрела черты неформального общественного движения (подобно тому, как не только литературным направлением, но и движением был в России футуризм; не берусь судить, является ли превращение научных и литературных направлений в общественные движения чертой общей или специфически российской). Это движение захватывало и гуманитарную науку, в частности, филологию. Математическая лингвистика, математизированное литературоведение, а с ними вместе структурная лингвистика и структурное литературоведение, ещё вчера невозможные по идеологическим причинам, и участниками движения, и властями воспринимались как часть кибернетики и если получали право на жизнь, то под её флагом.

Гуманитарная наука в России (и, прежде всего, филология) должна быть чрезвычайно благодарна кибернетике. Во времена так называемого тоталитарного режима под прикрытием кибернетики, за её поддержанной военно-промышленным комплексом спиной осуществлялись исследования и мероприятия, которые без этой спины были бы в условиях названного режима совершенно немыслимы. Сюда относится всё, что происходило в области семиотики.

Саму семиотику многие склонны были считать разделом кибернетики, и когда в 1960 году ожидалось открытие в Москве Института кибернетики (я пишу о связанных с этим перипетиях в [Усп 92], § 9), в нём планировался большой отдел или даже отделение семиотики. (Намечавшийся на должность директора А. А. Марков младший 77 предложил должность своего заместителя по вопросам семиотики Вяч. Вс. Ива́нову и мне, на наш выбор; на антресолях старого здания ЦДЛ мы бросили жребий; жребий пал на Ива́нова.)

Знаменитый Симпозиум по семиотике (полное название — «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем»), проходивший в Москве с 19 по 26 декабря 1962 года, не смог бы состояться, не будь он поддержан не менее знаменитым Советом по кибернетике (полное название — «Научный совет по комплексной проблеме „Кибернетика“ при Президиуме Академии наук СССР»), возглавляемым трёхзвёздным 94 адмиралом А́кселем Ивановичем Бергом, в прошлом (с сентября 1953 по май 1957 года 95) заместителем Министра обороны СССР. «Кибернетические представления» упоминаются во второй, а Совет по кибернетике — в последней фразе 96 «Предисловия», помещённого на с. 3—8 сборника [СиСИЗС] тезисов Симпозиума. И хотя в надзаголовочных данных этого сборника стоит только Институт славяноведения, в выпущенном к Симпозиуму типографском пригласительном билете наряду с этим институтом указан также и Совет по кибернетике 97.

Кибернетические издания нередко служили местом публикации филологических статей — особенно если последние принадлежали к математической филологии, как, например, [Кон 63т] 98.

Как известно, кибернетика — в том понимании, как это было впервые сформулировано Норбертом Винером в его одноимённой книге 1948 года — в СССР до хрущёвской оттепели прочно ходила в буржуазных лженауках, да ещё и числилась состоящей на службе у англо-американской военщины. Тот факт, что военная мощь потенциального противника опирается на лженауку, почему-то не вызывал должного удовлетворения у советских властей. Первой ласточкой, возвестившей возможность говорить о кибернетике без ругательных ярлыков,

была статья С. Л. Соболева, А. И. Китова, А. А. Ляпунова (первый и третий — математики, второй — инженер) «Основные черты кибернетики» в 4-м номере «Вопросов философии» за 1955 год.

6.2. Роль Колмогорова. Роль Колмогорова в становлении и развитии кибернетики в нашем отечестве заслуживает отдельного изложения, для которого «НЛО» не самое подходящее место. Здесь мы ограничимся кратким перечнем некоторых формальных моментов.

На заре кибернетики в СССР Колмогоров проявляет значительную активность в этой области. Так, он пишет статью «Кибернетика» для 51-го, дополнительного тома Большой советской энциклопедии 99, подписанного к печати 28 апреля 1958 года. Он также пишет предисловие к русскому переводу книги Эшби «Введение в кибернетику», вышедшему в 1959 году. Наконец, помимо докладов перед математической аудиторией Колмогоров делает несколько прогремевших на всю Москву выступлений для широкой публики на общекибернетические сюжеты.

Первым из них было выступление 6 апреля 1961 года, скромно обозначенное как доклад на методологическом семинаре Механико-математического факультета МГУ. Доклад назывался «Автоматы и жизнь» и вызвал огромный наплыв публики: одних только заявок на вход в Главное здание МГУ на Ленинских горах для участия в заседании семинара было несколько сотен, и заседание пришлось переносить в Дом культуры, в просторечии называемый клубом, Московского университета. В докладе впервые в нашей стране была провозглашена на столь авторитетном уровне принципиальная возможность того, что машины могут мыслить, испытывать эмоции, хотеть чего-либо и сами ставить перед собой новые задачи. В выпущенных к докладу тезисах говорилось: «Дарвиновская теория происхождения видов и павловское объективное изучение высшей нервной деятельности неоднократно изображались как принижающие высшие стремления человека к созданию моральных и эстетических идеалов. Аналогично, в наше время страх перед тем, как бы человек не оказался ничем не лучше „бездушных“ автоматов, делается психологическим аргументом в пользу витализма и иррационализма[10]». (С ошибкой в дате доклада, тезисы впоследствии были напечатаны: [Колм 61].)

[10] Страусовский аргумент (The «Heads in the Sand» Objection) в терминологии Тьюринга. — *Подстрочное примечание Колмогорова.* (О Тьюринге и страусовском аргументе говорится в Первом семиотическом послании Колмогорова и наших комментариях 14—16 к нему, см. [Колм СП.1.у]. ⟨См. с. 210, 216 данной книги. — *Примеч. ред.*⟩)

Следующее выступление Колмогорова состоялось 5 января 1962 года в Центральном доме литераторов. Там была объявлена дискуссия с обсуждением вышеупомянутого колмогоровского доклада от 6 апреля 1961 года; имелось в виду, что популярное изложение доклада, выполненное Н. Г. Рычковой, было к этому времени опубликовано журналом «Техника — молодёжи» 100. По-видимому, в представлении литераторов автоматы плохо сочетались с жизнью, поэтому в разосланных от ЦДЛ и отпечатанных в типографии «Литературной газеты» приглашениях колмогоровский доклад был назван так: «Автоматика 101 и жизнь».

11 января 1962 года, московский Политехнический музей. Лекция Колмогорова «Жизнь и мышление как особые формы существования материи». У входа — толпа спрашивающих лишний билет. Слушатели не помещаются в зале, и часть из них сидит на сцене. Всё это напоминает известное по описаниям и фотографиям выступление Маяковского в том же зале.

22 апреля 1964 года, актовый зал МГУ на Ленинских горах. Лекция Колмогорова «Кибернетика в изучении жизни и мышления». Полуторатысячный зал переполнен. Огромные двустворчатые двери запираются, и толпа ломится в них снаружи. Для неё устраивается трансляция в фойе. Затаив дыхание, слушатели впитывают слова о возможности инопланетной разумной жизни, реализованной в виде распластавшейся на камнях плесени.

В шестидесятые годы в России кибернетика была существенной частью общекультурного фона. Заметную роль здесь сыграли публичные выступления Колмогорова.

6.3. М. К. Поливанов и Вяч. Вс. Ива́нов. К своей статье «Кибернетика» в БСЭ-2 Колмогоров отнёсся очень ответственно — как, впрочем, он относился ко всем своим обязанностям. Так, 2 апреля 1957 года он выступает на заседании Московского математического общества с докладом «Что такое кибернетика (к проекту статьи в БСЭ)». Для некоторой помощи в подготовке этой статьи и этого доклада в конце 1956 года он привлекает меня; речь идёт о поиске и реферировании зарубежной литературы на кибернетические темы. А я призываю в помощь себе двух своих друзей, Ива́нова и Поливанова (читатель, который проявит интерес, может увидеть их фотографии на вклейках к недавнему изданию солженицынского «Телёнка»: А. Солженицын. Бодался телёнок с дубом. — М.: Согласие, 1996).

С М. К. Поливановым 102 я был (через наших родителей) знаком ещё со времён довоенных, возраста этак с семилетнего.

В 1950/51 учебном году Поливанов (тогда второкурсник Физического факультета МГУ) познакомил меня (тогда четверокурсника Мехмата) в своём доме со своим другом Вяч. Вс. Ива́новым 103 (тогда пятикурсником Филологического факультета). Возможно, это было 19 сентября, в день двадцатилетия Поливанова. Сказанное ещё не объясняет возникновения того триединства, о котором упоминает Колмогоров в обозначении адресата своего Второго послания (см. ниже § 7).

Становлению коллектива из нас троих, объединённого общностью семиотико-кибернетических интересов, способствовал и упомянутый в конце n° 6.2 общекультурный фон, неотделимый от внезапно возникшей относительной свободы слова, и упомянутый в начале n° 3.3 семинар по математической лингвистике, в котором мы с Ива́новым были руководителями, а Поливанов — постоянным участником, к тому же поддерживавшим нас эмоционально. Окончательное же, хотя и, разумеется, совершенно неформальное, закрепление нашего тройственного кибернетико-семиотического союза состоялось 13 декабря 1956 года, когда мы выступили на заседании Научного студенческого общества Философского факультета МГУ, посвящённом кибернетике. В то время Психологического факультета ещё не существовало и университетская психология числилась по Философскому факультету. Профессором этого факультета был психолог Александр Романович Лу́рия, с которым я познакомился в 1955/56 учебном году по рекомендации математика И. М. Гельфа́нда. Лурия и пригласил меня выступить на указанном заседании. Я очень изумился такому приглашению и намеревался отказаться, поскольку философы ещё не кончили бороться с кибернетикой, а Философский факультет был центром идеологического маразма и мракобесия. Однако Лурия заверил меня, что времена изменились и нежелательных последствий не будет. Я неохотно согласился, но счёл более удачным решением, чтобы выступили мы трое, на что, в свою очередь, охотно согласился Лурия. Я говорил о кибернетике, Ива́нов — о семиотике, Поливанов (что было очень смело по тем временам) — о генетике.

Но о нашем походе к философам — в другой раз и в другом месте. Вернёмся к поручению Колмогорова. Мы трое начинаем искать и просматривать в библиотеках иностранные журналы, труды кибернетических конференций и т. п. Мы делаем копии, составляем библиографические списки и рефераты. Всё это — для Колмогорова. У меня сохранилась папка со сделанной рукой Колмогорова надписью: «Рефераты по книгам и статьям. Первая серия, полученная от

В. А. Успенского». В своём докладе 2 апреля 1957 года Колмогоров отметит наш труд формулой «с помощью В. А. Успенского и его друзей». Тем самым Колмогоров публично признал за нашей троицей статус его коллективного корреспондента.

6.4. «Тезисы о кибернетике». Наша почётная роль коллективного корреспондента Колмогорова не была ограничена составлением рефератов и библиографических списков. 16 и 17 января 1957 года мы изготовили предназначенный для Колмогорова текст, который сами мы называли то как «Тезисы о кибернетике», то как «Сообщение трёх авторов в восьми тезисах»[11]. Действительно, текст состоял из восьми тезисов со следующими заглавиями: 1. Определение кибернетики; 2. Управление; 3. Связь; 4. Информация; 5. Организованные системы; 6. Место кибернетики в системе наук; 7. История кибернетики; 8. Роль кибернетики в убывании энтропии. Каждый тезис сопровождался комментарием. 17 января я передал текст адресату. Наши «Тезисы» были достаточно наивны и в тот же день 17 января были раскритикованы Колмогоровым. Однако они сыграли свою историческую роль. Колмогоров ответил нам своими собственными «Тезисами».

Текст Колмогорова был озаглавлен «Тезисы о кибернетике» и имел дату 20 января 1957 года. К тексту был приложен колмогоровский же «Проект начала статьи для БСЭ», датированный 24 января. Всё это было послано мне — по-видимому, в конце января. Ответный характер текста был подчёркнут тождеством заглавия и тем, что у Колмогорова, как и у нас, было восемь тезисов. Первый тезис начинался так: «Книга, долгоиграющая пластинка <...> могут рассматриваться как носители „информации“». А последний колмогоровский тезис был таков:

> 8. Эти более прозаические тезисы о кибернетике явно не предусматривают возведения её создателя 104 в ранг пророка, но хотелось бы, чтобы авторы более возвышенного «сообщения в восьми тезисах» не пришли от этих новых тезисов в уныние ни в отношении деловых занятий кибернетикой, ни в своих поэтических и философских воспарениях, отделив эти последние в другую сферу своей деятельности, в которой м. б. увлекательнее найти себе другие образцы кроме «знаменитого математика, философа, медика и биолога» периода World War no. 2 105.

[11] Публикуется в книге 2 настоящего издания. — *Примеч. ред.*

§ 7. Семиотические послания Колмогорова

Оказалось, что наш обмен «Тезисами о кибернетике» был только началом. Впоследствии, с 1961 по 1964 год, мы получили от Колмогорова ещё четыре послания. Эти дальнейшие послания были посвящены уже не кибернетике, а литературе, искусству, семиотике. Вот почему я решаюсь объединить их названием «Семиотические послания» и предложить их «Новому литературному обозрению».

Все колмогоровские послания датированы. Некоторые из них имеют явно указанное заглавие, некоторые предварены указанием адресата. Перечислю их все (помимо тех «Тезисов о кибернетике», о коих шла речь в предыдущем параграфе).

Первое послание

Дата: 30 апреля 1961 года.
Указание адресата: отсутствует.
Заглавие: По поводу мнений КИБЕРНЕТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДА, ФИЛОСОФА.
Комментарий: Вл. М. Тихомиров пишет: «Навряд ли автор обращался к конкретным лицам, скорее всего это — обобщённые образы» ([Тих 95], с. 153). Вл. М. Тихомиров не прав: кибернетик — это я, литературовед — Ива́нов, философ — Поливанов. По-видимому, так мы обозначили себя в каком-то не сохранившемся тексте, переданном нами Колмогорову. Из текста Колмогорова усматривается, что он различает мнения каждого из нас.
Публикация: [Колм СП.1.т], [Колм СП.1.у].

Второе послание

Дата: 10 января 1963 года.
Указание адресата: Трём авторам ТЕЗИСОВ О КИБЕРНЕТИКЕ, если они в качестве триединства продолжают существовать.
Заглавие: К СЕМИОТИКЕ ИСКУССТВА.
Публикация: [Колм СП.2].

Третье послание

Дата: 13—15 января 1963 года.
Указание адресата: ТЕМ ЖЕ О ТОМ ЖЕ, если ещё не надоело.
Заглавие: отсутствует.
Публикация: [Колм СП.3].

Четвёртое послание

Дата: 28 декабря 1964 года.

Указание адресата: отсутствует. Текст был приложен к письму Колмогорова ко мне от 29 декабря 1964 года.

Заглавие: отсутствует. В указанном письме текст назван так: «вариант моих тезисов о природе искусства».

Публикация: [Колм СП.4].

Перечисленные четыре текста Колмогорова, а также указанное письмо Колмогорова ко мне от 29 декабря 1964 года публикуются ниже с необходимыми комментариями.

§ 8. Ответное послание

Получив Второе послание («К семиотике искусства»), мы (Ива́нов, Поливанов и Успенский) решили на него ответить. Наше решение материализовалось в виде 9 страниц машинописи, содержащих текст из 17 нумерованных пунктов, написанный по горячим следам Второго послания и озаглавленный «К искусству семиотики» 106. К сожалению, в отличие от колмогоровских текстов, наш текст не содержал в себе даты его написания. Почти достоверно, что он был составлен в январе—феврале 1963 года.

В нашем ответе содержались многочисленные ссылки на колмогоровское Второе послание и была даже разработана специальная система координат для таких ссылок. Текст был составлен под сильным влиянием Пастернака вообще и его статьи 1922 года «Несколько положений» в частности. Так, в эпиграфе стояли пастернаковские слова из 6-го раздела названной его статьи о «науке, которая классифицирует воздушные шары по тому признаку, где и как располагаются в них дыры, мешающие им летать». В 4-м пункте нашего ответа Колмогорову отмечалось:

> Проблема выделения знаков среди сигналов явно занимала Пастернака. Сравни
>
> Вряд ли, гений, ты распределяешь кету
> В белом доме против кооператива,
> Что хвосты луны стоят до края света
> Чередой ночных садов без перерыва.
>
> («Сон в летнюю ночь»)

Я был разбужен спозаранку
Щелчком оконного стекла.
<...>
Во сне я слышал крик, и он
Подобьем смолкнувшего знака
Ещё тревожил небосклон.

(«Венеция»)

(Не случайно слепоглухонемая О. Скороходова писала, что не могла понять этого стихотворения 107.)

Сейчас, когда я перечитываю наши замечания по поводу колмогоровского Второго послания, они кажутся мне наивными. Впрочем, я и сейчас, пожалуй, готов во многом согласиться с двумя нашими тезисами, 12-м и 17-м. Вот они:

12. Нормируя (регулируя) — согласно дефиниции — течение психической жизни людей и их поведение, искусство выполняет важную социальную функцию — дирижёра, синхронизатора, камертона. Оно способствует кооперированию и согласованию, о которых говорится в «Предисловии» к «К семиотике искусства». Это — в синхроническом разрезе. А в разрезе диахроническом — оно способствует кооперированию и согласованию различных поколений, не пересекающихся во времени; прежде всего — способствует их общению (правда, одностороннему) друг с другом. Думается, что человечество ощущает себя как единое целое на протяжении многих поколений в значительной мере благодаря искусству.

17. Не применимо ли многое из того, что говорилось и говорится об искусстве, также и к науке? И не является ли наука — сейчас если не целиком, то во многих своих аспектах — искусством? (Математика — во всяком случае.) В рамках существующей теперь на Земле цивилизации имеет место разделение науки и искусства. Однако неясно, не заменится ли в дальнейшем подобное разделение синтезом. В самом деле, с прагматической точки зрения и наука, и искусство нормируют поведение человека — первая низшие и сознательные, а второе высшие и бессознательные стороны поведения. С наметившейся тенденцией к сознательному сближению этих сторон (хотя бы путём сознательного анализа бессознательного) и одновременной передачей низших и сознательных функций машинам естественно ожидать появления синтетической знаковой деятельности, отображающей

мир в «научно-художественных» образах, имеющих нерасчленимую познавательно-эмоциональную структуру.

Уже и сейчас роль искусства в науке более велика, нежели отмеченная в I.5 [108] помощь в познании социальных и психических законов. Искусство не только помогает познанию этих законов, но и подготавливает социально и психологически к принятию новых научных истин. Революции в науке связаны с революциями в искусстве — как и на рубеже XIX и XX веков — причём связь здесь двусторонняя.

Во многих случаях наука прямо уступает искусству — например в искусствоведении. «Научное искусствоведение» и «научное литературоведение» имеют сколько-нибудь заметные успехи лишь в частных областях исследования формы (вроде, например, исследования ритмики) и в текстологии. Полная их «математизация», «кибернетизация» или, вообще, «наукизация» вряд ли произойдёт много раньше объявленного в этом пункте слияния науки и искусства. В то же время плодотворно рассматривать искусствоведение-литературоведение как специфический, «вторичный» жанр искусства-литературы (жанр, отображающий в «образах» не самоё натуру, а отображение её в «первичных» жанрах). Вот пример такого жанра:

> Фантазируя, наталкивается поэзия на природу. Живой, действительный мир — это единственный, однажды удавшийся и всё ещё без конца удачный замысел воображения. Вот он длится, ежемгновенно успешный. <...>
>
> Безумье — доверяться здравому смыслу. Безумье — сомневаться в нём. Безумье — глядеть вперёд. Безумье — жить не глядючи. Но заводить порою глаза и при быстро меняющейся температуре крови слышать, как мах за махом, напоминая конвульсии молний на пыльных потолках и гипсах, начинает ширять и шуметь по сознанью отражённая стенопись какой-той нездешней, несущейся мимо и вечно весенней грозы, это уже чистое, это во всяком случае — чистейшее безумье!
>
> (Оттуда же [109].)

Вот почему — искусство семиотики.

Эта последняя фраза, которой заканчивалась наше ответное послание Колмогорову, просто напрашивается на то, чтобы ею же завершить и настоящее «Предварение».

25 января 1997 года.

Примечания

1 [к n° 1.1, с. 55]. Московское математическое общество (ММО), формально учреждённое в 1867 году (с 1864 года существовало в виде математического кружка), считается одним из старейших математических обществ Европы. С русской литературой ММО связано прежде всего через Андрея Белого: 1) отец Белого Николай Васильевич Бугаев был президентом ММО с 1891 по 1903 год; 2) в 1922—1931 годах президентом ММО был Дмитрий Фёдорович Егоров, упоминаемый в конце третьей главы поэмы Белого «Первое свидание» («Стыдливо низится Егоров»); в той же третьей главе дважды упоминается ставший осенью 1908 года тестем Егорова профессор Московской консерватории и первая скрипка оркестра Иван Войцехович Гржимали: «...Руководимые Гржимали, / Все скрипоканты провизжали, / Поставив ноги калачом» и «Мои мистические дали / Смычком взвивались заливным, / Смычком плаксивым и родным, / Смычком профессора Гржимали». **10** Колмогоров был президентом ММО с 01.12.1964 по 13.12.1966 и с 13.11.1973 по 15.10.1985. А вот вопрос на засыпку: где на улицах Москвы воздвигнут памятник одному из президентов ММО?

2 [к n° 1.1, с. 55]. С 1950 года каждые четыре года (а до того — в 1936 году) от двух до четырёх Филдсовских премий присуждается молодым (до 40 лет) математикам; по престижу (но не по деньгам) Филдсовская премия отчасти заменяет для математиков Нобелевскую, которая, как известно, по разряду математики не присуждается. Существует забавная литература (см., например, [Mor]), посвящённая попыткам выяснить причину того, почему математика не была включена в завещание Нобеля; наиболее популярное, хотя и не слишком достоверное, объяснение сводится к *Cherchez la femme*! Как бы в противовес Нобелевским премиям были учреждены Бальцановские премии, а точнее премии Фонда Бальцана (Fondation Internationale Balzan). Помимо премии «За мир и гуманизм», Бальцановские премии призваны были покрыть те области, которые не были охвачены Нобелевскими премиями: музыку вместо литературы, математику вместо физики и химии, биологию вместо медицины (включающей и физиологию), историю. (Заметим ещё, что сам список областей по которым присуждаются Бальцановские премии, не был — в отличие от Нобелевских премий! — жёстко фиксирован и может меняться от года к году.) Бальцановские премии хотели быть не ниже Нобелевских; в денежном выражении они были выше; вручал премии Президент Итальянской республики. «Впер-

вые эта премия была присуждена в 1961 году Нобелевскому фонду» ([Шир 89], с. 83 или [Шир 93а], с. 139). Следующее присуждение состоялось в 1963 году (премии за 1962 год). Премию мира получил папа Иоанн XXIII, премию в области музыки — Хиндемит, премию в области математики — Колмогоров. О связанных с этим перипетиях см. [Усп 93], с. 345—348 и [Бул], с. 412—413. Советская власть разрешала Колмогорову тратить незначительную часть премиальной суммы на покупку необходимых ему лекарств и значительную часть — на создание в Московском университете специализированной библиотеки по теории вероятностей и математической статистике и на последующее регулярное снабжение этой библиотеки иностранной литературой.

3 [к n° 1.2, с. 55]. И не только с великим учёным, но и с писателем **111**: менделеевские тексты на спиритические темы (как названные тексты его трёх публичных чтений, так и разбросанные по книге [Мат] и, к сожалению, не вошедшие в советское 25-томное издание его сочинений многочисленные подписанные Менделеевым подстрочные примечания **112**) оставляют впечатление литературы. Впрочем, что есть литература? Проблема эта достаточно обсосана; мы не претендуем что-либо добавить к её обсуждению и признаём приводимые ниже в этом примечании соображения достаточно банальными.

«Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона на с. 785 своего 17-го тома (34-го полутома) делает отсылку от термина «Литература» к термину «Словесность». Вот что пишет в статье «Словесность» названного словаря Аркадий Георгиевич Горнфельд:

> **Словесность** — обиходный термин, в общем соответствующий более принятому в науке термину *литература* и столь же мало определённый, как и последний. По одним, понятие С. шире понятия литературы, так как «литература <...> есть словесность письменная», а С. есть «совокупность всех произведений какого-либо языка». Другие, наоборот, понимая под С. только так назыв. «изящную С.» <...>, понимают С. как «литературу в узком смысле слова» (см. ниже). Третьи видят в С. совокупность произведений исключительно *устного* творчества, принимая, что С. возвышается до литературы лишь с того момента, как является *письменность*. <...> Определением понятия литературы занимаются больше всего её историки, так как оно есть в то же время определение границ их науки. Литературой в широком смысле называют совокупность всяких произведений человеческой мысли, закреплённых в слове, устном или письменном. В этом смысле

> говорят о литературе научной, художественной, технической и т. п. Из этого широкого понятия выделяется та группа словесных произведений, которая носит название литературы в узком смысле или С. и которая собственно и составляет предмет научного исследования литературы, исторического и теоретического. Основания этого деления формулируются весьма разнообразно <...>.
>
> ([Гор], с. 397—398.)

Далее Горнфельд приводит, в виде цитат из современных ему авторов, различные формулировки указанных оснований; читатель, без сомнения, сам преуспеет в создании подобных формулировок; дело, конечно же, не в формулировках. Суть в том, что независимо от терминологии всеми, по-видимому, признаётся наличие двух понятий — более широкого, условно называемого *литературой в широком смысле*, и более узкого, условно называемого *литературой в узком смысле* или *изящной словесностью*. Границы последнего в большой степени размыты.

В самом деле, принадлежат ли изящной словесности отчёты путешественников (например, «Фрегат „Паллада“») и исторические сочинения (например, «Жизнь двенадцати Цезарей» или биографии Наполеона, не так давно составлявшие излюбленный предмет чтения российской публики)? Вспомним, что в 1953 году Черчилль получил за свою шеститомную историю второй мировой войны Нобелевскую премию по литературе. Почему математический или шахматный текст нельзя считать литературой в узком смысле? Нам ответят, что такой текст слишком специален, то есть не общепонятен, и не даёт эстетического переживания. Что касается переживания, здесь можно поспорить: и математики, и шахматисты могут получать от соответствующих текстов эстетическое наслаждение. (Ср. в «Первом свидании» Андрея Белого, хотя это и не о математике: «Мне Менделеев говорит периодической системой».) Что же до общепонятности, то вряд ли авангардные для своего времени произведения изящной словесности были так уж общепонятны в момент их появления. Общепонятен ли Кафка даже и сейчас? Или загадочные «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама, составившие, по наблюдению М. Л. Гаспарова (см. [Гасп 95], с. 108 и [Гасп 96], с. 10), предмет отдельной отрасли мандельштамоведения — «солдатоведения»? (Не говоря уже о литературе, печатаемой в «НЛО».)

Менделеевские тексты о спиритизме общепонятны, увлекательны и вызывают эстетическое переживание, а потому — как и некоторые другие его тексты — принадлежат к литературе в узком смысле,

то есть к изящной словесности. Не займётся ли подобными текстами кто-либо из литературоведов? Не уделит ли «НЛО» свои страницы проблеме расширения представления о том, что есть литература?

При обсуждении вопроса о границах между художественной литературой и учёными сочинениями полезно принять во внимание цитату из американского физика и биолога Макса Дельбрюка: «Художественное произведение навсегда связано с той формой, в которой оно создано первоначально, тогда как труд учёного подвергается изменениям, дополнениям, сливается с мыслями и результатами других учёных и растворяется в потоке знаний и идей, образующих нашу культуру» (нобелевская лекция, прочитанная в Стокгольме 10.12.1969 по случаю получения Нобелевской премии по физиологии и медицине; см. [Дель], с. 397).

4 [к n° 2.1, с. 57]. Последующим исследователям совка (не люблю этого слова, но другого нет) рекомендую изучать его социальную психологию по песням Галича и песне Ахилла Левинтона «Жемчуга стакан» (с пронзительными и реалистическими строками «Потом его мы сдали / Властям Энкаведе, / С тех пор его по тюрьмам / Я не встречал нигде»). Именно в них противоестественная общая атмосфера того времени обрела наиболее точное (по сравнению с другими песнями) художественное отражение. **113**

5 [к n° 2.1, с. 57]. Бардом Галич был великим, но писал также и стихи, на мой взгляд — довольно посредствененные; те же, кто оценивал их высоко, то это — опять же, на мой взгляд — потому, что справедливо высокая оценка песен вольно или невольно переносилась и на стихи того же автора. Мне несколько раз посчастливилось видеть и слушать Галича в обстановке дружеского застолья, и каждый раз его жена Нюша **114** в какой-то момент не выдерживала и говорила: «Саша, ну что ты всё поёшь и поёшь. Почитал бы лучше стихи». Возможно, ею двигала забота о здоровье мужа, но мне казалось, что она считает стихотворчество делом серьёзным и почётным, а функцию барда — чем-то недостойным и слегка этого стыдится.

6 [к n° 2.1, с. 57]. В 1989—2011 годах Владимир Михайлович Тихомиров (род. 22.11.1934) заведовал на Мехмате МГУ кафедрой общих проблем управления.

7 [к n° 2.1, с. 57]. Среди сочинений которого Колмогоров особо выделял «Тонио Крёгер». Отношение Колмогорова к Манну анализируется в [Тих 93] на с. 267—271.

8 [к n° 2.1, с. 57]. Колмогоров «просил читать ему вслух в Комаровке **115** „Souvenir d'enfance“» **116** ([Бул], с. 429).

9 [к n° 2.1, с. 57]. В Пришвине Колмогорову нравилось ещё и то, что тот, по словам Колмогорова, считал себя учреждением. По-видимому, это было созвучно самоощущению Колмогорова.

10 [к n° 2.1, с. 58]. Не знаю (и буду благодарен за разъяснение), согласится ли просвещённый читатель «Нового литературного обозрения» с семантикой использованного здесь противопоставления «справа/слева». Когда Г. И. Катаев писал цитируемые строки, в нашем наоборотном советском обществе коммунистов ещё именовали в «прогрессивных кругах» правыми, а диссидентов и демократов — левыми; мы все были наследниками той черноногой, о которой гоголевский Селифан выразился исторически: «Не знает, где право, где лево!». (Вот, например, цитата из непроизнесённого, но включённого в стенографический отчёт выступления М. Н. Полторанина на I Съезде народных депутатов СССР весной 1989 года: «Из правого крыла нашего зала часто доносятся голоса: „Не трогайте аппарат!“, „Не трогайте армию, КГБ...“» ([Съезд], с. 508). Можно предполагать, что эти голоса доносились из прокоммунистического крыла.) Сейчас, кажется, политическая терминология приблизилась к международным стандартам. ●▶ Старая советская терминология так просто не сдаётся. Вот 19 августа 2000 года по РТР показали документальный фильм о событиях августа 1991 года. На экране Э. А. Шеварднадзе, который говорит: «Это правый переворот» (вниманию современных правых из Союза правых сил!). Мне справедливо укажут, что Шеварднадзе произносит эти слова не с е й ч а с, а т о г д а. Однако вот вам певец и депутат Иосиф Кобзон, выступающий на экране НТВ 2 мая 2001 года в передаче «Новейшая история: Зыкина». Он говорит: «Я был советский, а Высоцкий — левый». ◀●

11 [к n° 2.1, с. 58]. Вот выдержка из опубликованного газетой «Известия» (1992 год, № 71, московский выпуск от 24 марта) донесения Председателя КГБ Андропова в ЦК КПСС от 10 декабря 1970 года:

> В кругах советской интеллигенции решение Нобелевского комитета воспринято в основном неодобрительно.
>
> Отдельные представители интеллигенции выразили положительное отношение к факту присуждения Солженицыну Нобелевской премии.
>
> Академик Колмогоров: «Солженицыну присудили Нобелевскую премию за 1970 г. Хорошо, что дали, он этого заслуживает. Интересно, пустят ли Солженицына за границу получить эту премию?».

12 [к n° 2.1, с. 58]. Сергей Николаевич (по документам — Михайлович **117**) Ива́шев-Мусатов (2.05.1900 н. ст. — 17.06.1992) был первым мужем (с середины 1926 по середину 1934 года) Анны Дмитриевны Колмогоровой **15**. Осенью 1947 года арестован, весной 1948 года осуждён по 58-й статье на 25 лет исправительно-трудовых лагерей, в 1955 году выпущен из заключения и сослан на поселение в Караганду, в 1957 году реабилитирован. Заключение отбывал сперва в шарашке, затем на медных рудниках в Джезказгане. В шарашке находился вместе с Солженицыным и Ко́пелевым. В романе Солженицына «В круге первом» выведен под именем художника-зэка Кондрашева-Ива́нова **118** (см. главу 46 «Замок Святого Грааля»). В книге Льва Копелева «Утоли моя печали» (М.: Слово/Slovo, 1991) на с. 7 помещён портрет Солженицына, рисованный Ивашевым-Мусатовым. Надо полагать, Колмогоров, учившийся на три класса позже Ивашева-Мусатова, познакомился с ним через его одноклассника и своего друга детства П. С. Кузнецова.

13 [к n° 2.2, с. 59]. Зато когда читал стихи, то делал это замечательно. Помню, как в один из осенних вечеров 1955 года на втором этаже комаровского дома **115** он чрезвычайно эмоционально читал мне (по книге):

Я соблюдаю обещанье
И замыкаю в чёткий стих
Моё далёкое посланье.
Пусть будет он, как вечер, тих
<...>

Это — «Отрывки из посланий» Максимилиана Волошина.

14 [к n° 2.2, с. 59]. В том числе и я. В 1984 году, когда уже значительно утяжелилась его предсмертная болезнь (паркинсонизм), я приехал к нему в академический санаторий «Узкое» на дежурство. В тот период главная обязанность дежурного заключалась в помощи при прогулке. Гуляя по парку, мы заговорили о поэзии, и я сказал, что люблю Гумилёва. Колмогоров сразу же процитировал: «Из-за свежих волн океана красный бык приподнял рога. И бежали лани тумана под скалистые берега». Я признался, что не знаю, что это такое. «Гумилёв. Поэма „Дракон“», — сказал Колмогоров и потерял интерес к продолжению беседы. Каким-то образом эта поэма (а если быть точным, то первая часть задуманной Гумилёвым 12-частной «Поэмы начала») не отложилась в моей памяти, и именно в неё Колмогоров и сунул меня носом с первого же попадания.

15 [к n° 2.2, с. 59]. Анна Дмитриевна Колмогорова (1.10. 1903 н. ст. — 16.09.1988), урождённая Егорова (дочь известного историка Дмитрия Николаевича Егорова), одноклассница и с осени 1942 года жена А. Н. Колмогорова.

16 [к n° 2.3, с. 59]. Колмогоров был внебрачным сыном своего отца и носил фамилию по матери Марии Яковлевне (умершей через полтора часа после его рождения) — младшей дочери видного помещика Ярославской губернии, предводителя дворянства Угличского уезда Якова Степановича Колмогорова.

17 [к n° 2.3, с. 59]. Колмогоров разъяснял, что так в то время именовались лица, имеющие высшее агрономическое образование. Как-то Колмогоров сказал мне, что ему наиболее близка нравственная позиция сельского агронома, готового работать при любых обстоятельствах.

18 [к n° 2.3, с. 59]. И. И. Катаев, родившийся без малого на год раньше Колмогорова (14(27).05.1902), был расстрелян 19.08.1937; дата рождения взята из БСЭ, дата смерти получена от семьи.

19 [к n° 2.3, с. 60]. Думается, что Евтушенко весьма информативен не только в текстах, но и в поведении. В проницательном «философском комментарии» Борис Парамонов указывает: «...он создал стиль и жанр эстрадной поэзии, поэзии как шоу. Акцент здесь не на качестве стихов, а на моменте исполнения, на перформансе. Евтушенко немыслим без и вне эстрады. Он требует не читателя, а зрителя. Ближайшая параллель к Евтушенко — <...> Алла Пугачёва. <...> В сущности, главный подразумеваемый здесь жанр — стриптиз» ([Пар], с. 232—233). Действительно, как информативно сказал сам Евтушенко, «поэт в России — больше, чем поэт». А Наум Коржавин, по слухам, сказал: «Если бы не было Евтушенко, было бы хуже». Ровно один раз мне довелось сидеть с Евтушенко за одним столом. Это было в середине 60-х в частной квартире; за столом сидело две пары. Я спросил его, отчего он ничего не ест. Его ответ до сих пор стоит у меня в ушах. «Опальный поэт должен быть худым», — со всей серьёзностью произнёс Евтушенко.

20 [к n° 3.1, с. 60]. Если только не стать на ту точку зрения, что литература, искусство, музеи суть не более чем поприще (так сказать, сырьё) для деятельности литературоведов, искусствоведов, музейных работников **119**.

21 [к n° 3.2, с. 64]. Согласно БСЭ (изд. 3-е, т. 16, стлб. 492) двучленным термином *метрика и ритмика* обозначается единый раздел стиховедения.

22 [к n° 3.2, с. 64]. Положение метрики и ритмики внутри стиховедения можно сравнить с положением фонологии внутри языкознания. Фонология также является наиболее формализованной частью объемлющей её науки. И именно поэтому пробелы в её формализации наиболее выпуклы для математика.

23 [к n° 3.2, с. 68]. Я познакомился с Сашей Кондратовым, когда тому было лет двадцать, в доме у моего друга и однокурсника Р. Л. Добрушина 120. Сюрреалистические рассказы Кондратова, которые он давал читать в машинописи, были ни на что не похожи и производили впечатление весьма сильное. Мне они казались замечательной литературой; мой восторг не разделялся Вяч. Вс. Ива́новым, который, не отрицая силу воздействия этих рассказов, считал эту силу внелитературной: «Как если бы бумага меня насиловала» (слова Ива́нова). Когда я через непродолжительное время захотел перечитать и даже списать один из этих рассказов, оказалось, что это невозможно: автор его отредактировал, значительно, на мой взгляд, ухудшив, а первоначальный вариант уничтожил.

Не могу вспомнить, каким образом Кондратов, ведший довольно-таки богемный образ жизни, попал в поле зрения Колмогорова, но помню пару эпизодов, связывающих эти два имени. На одной из своих публичных лекций в актовом зале МГУ на Ленинских горах (скорее всего, на лекции «Кибернетика в изучении жизни и мышления» 22 апреля 1964 года) Колмогоров, недовольный чрезмерной, на его взгляд, расторопностью Кондратова, неодобрительно промычал 121: «Ну вот Кондратов, он как-то уж печатается сразу во всех журналах 122», — и полагал, что этим он Кондратова сразил. Эффект был обратный: в перерыве к Кондратову выстроилась очередь из редакторов тех журналов, в которых он ещё не напечатался. И второй эпизод. В Москву приехал Роман Якобсон 123. Стоя в группе людей в холле на первом этаже высотного университетского здания, он сказал, что вечером приглашён к Колмогорову. «Я рад за тебя, Роман», — заявил Якобсону Кондратов, только что не хлопая Якобсона по плечу.

В списке литературы к настоящему очерку Кондратову принадлежит помимо [Колм 62] авторство ещё семи сочинений: [Кон 61], [Кон 62мим], [Кон 62мип], [Кон 62э], [Кон 63с], [Кон 63т], [Кон 66]. (Отметим, что [Кон 61] представляет собой библиографическую загадку: в заголовке статьи, на с. 18, указан один автор, а именно А. Кондратов; в то же время на с. 56, в «Содержании», указаны два автора: А. Кондратов и Р. Добрушин.) Первые три и последнее из них относятся к популярному жанру. В рецензии [См] на

книгу [Кон 66] говорится: «А. М. Кондратов известен советскому читателю как талантливый популяризатор — автор многочисленных статей и нескольких книг, в которых он увлекательно рассказывает о современном языкознании, кибернетике и смежных науках».

Присоединяясь к мнению автора рецензии об увлекательности и талантливости, не могу не отметить, что Колмогоров критически отзывается об уровне точности, с каким его бывший соавтор излагает факты: «В № 5 „Вопросов языкознания“ за 1962 год опубликована статья А. М. Кондратова „Эволюция ритмики В. В. Маяковского“, являющаяся отражением интересной работы, проведённой автором частично независимо от меня, частично в развитие программы, которая была намечена при моём участии весной 1961 года. <...> К сожалению, в своей статье А. М. Кондратов: 1) публикует без проверки свою первоначальную статистику, иногда весьма неточную; <...> 3) не считаясь с итогами своих же собственных разысканий, сохраняет в качестве будто бы содержательных характеристик поэм <...> статистические данные <...>; 4) в ряде специальных вопросов (определение дольника, характеристики отдельных произведений) даёт неточные формулировки, в частности, на с. 102 весьма невразумительно описывает употребляемые мною и Н. Г. Рычковой приёмы „разбивки“ текста на слова. <...> Насколько мне известно, предлагаемая здесь ⟨то есть в [Колм 63к] — *В. У.*⟩ классификация [типичных для Маяковского метров] разделяется и А. М. Кондратовым, хотя в своей брошюре „Математика и поэзия“ (М., 1962) он вновь излагает её не вполне отчётливо» ([Колм 63к], с. 64). Ср. также мнение Вл. Е. Холшевникова: «Работы А. Кондратова изобилуют недопустимыми небрежностями и ошибками» ([Хол], с. 396). По поводу сформулированной выше загадки [Кон 61] рискну предположить, что Добрушин в последний момент снял свою фамилию, будучи недоволен кондратовскими неточностями. По моему собственному ощущению, основанному на знакомстве с Кондратовым, точность и аккуратность не вписывались в его исследовательский метод. Это не помешало ему защитить диссертацию «Статистические методы дешифровки некоторых письмён Древнего Востока и Средиземноморья» на степень кандидата филологических наук. Несомненно, Кондратов — кстати, выпускник Института физкультуры им. Лесгафта — был очень талантлив (и ещё более многосторонен).

24 [к n° 3.2, с. 69]. Альберт Николаевич Ширяев (род. 12.10.1934) — один из ближайших учеников Колмогорова, ныне (1996 год) унаследовавший его кафедру теории вероятностей на Мехмате МГУ.

25 [к n° 3.2, с. 69]. Названная статья [Шир 89] была впоследствии расширена и опубликована в качестве вступительной статьи [Шир 93а] к сборнику [Шир 93]; к сожалению, в том месте статьи [Шир 93а], где говорится о стиховедческих работах Колмогорова (а именно, на с. 117—118), ссылки на эти работы оказались перевраны.

26 [к n° 3.2, с. 69]. Соотношение понятий 'дольник' и 'логаэд' (и, в частности, употребление термина «логаэд» Колмогоровым в [Колм 68п]) комментируется М. Л. Гаспаровым в § 102 его монографии [Гасп 74].

27 [к n° 3.2, с. 69]. Об энтропии см. n° 5.8; об остаточной энтропии см. примечание 87.

28 [к n° 3.2, с. 70]. Ныне Наталья Дмитриевна Солженицына.

29 [к п. 3.3.1, с. 70]. Руководителями семинара были профессор Филологического факультета Пётр Саввич Кузнецов (замечательный лингвист, с молодости не чуждый математики, друг детства Колмогорова, оставивший интересные автобиографические записки, см. [Кузн]), ассистент того же факультета Вячеслав Всеволодович Ива́нов и ассистент Механико-математического факультета Владимир Андреевич Успенский, то есть я; идея семинара и фактическое управление его работой принадлежали двум последним. Многословие в названии семинара было вызвано опасением, что слова «математическая лингвистика» могут вызвать гнев испуганного начальства. Подробнее о семинаре см. [Усп 92], § 1.

30 [к п. 3.3.1, с. 70]. Исходя из известной точки зрения, что задачу легче решать, если думаешь, что она лёгкая. Вспомним высказывание Эйнштейна о том, как делаются открытия (цитирую приблизительно, по памяти): «Все знают, что это невозможно. Есть невежда, который этого не знает. Он делает».

31 [к п. 3.3.1, с. 71]. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода» был едва ли не первым продолжающимся изданием семиотического направления в нашей стране. Начиная с 8-го номера у него был увеличен тираж (аж до 800 экземпляров), улучшилась полиграфическая база и появилось параллельное название «Машинный перевод и прикладная лингвистика». А первые семь номеров вышли в 1957—1958 годах на стеклографе тиражом, возросшим от 150 экземпляров у № 1 до 350 у № 7. Выходил бюллетень под шапкой Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков; душой и ответственным редактором издания был Виктор Юльевич Розенцвейг. № 5 был целиком посвящён работе университетского семинара «Некоторые применения математических методов исследования в языкознании».

32 [к п. 3.3.1, с. 71]. Моя публикация [Усп 57] носила предварительный характер, и колмогоровское определение было затем уточнено и развито А. А. Зализняком в §§ 2.2—2.4 его монографии [Зал]. Для полноты картины приведу здесь начало моей заметки — тем более, что само опубликовавшее её издание давно стало труднодоступным, да к тому же в процессе публикации заметки редакционной машинисткой был пропущен кусок, взятый в нижеследующей цитате в квадратные скобки (проницательный читатель легко догадается о причине допущенного машинисткой промаха). Итак, вот первый параграф из [Усп 57] (обе сноски — оттуда же):

§ 1.

А. Н. Колмогоров предложил следующее определение падежа.

Предметы могут находиться в различных состояниях[12]. Так, предмет, носящий в русском языке название «молоко» может находиться в следующих состояниях: он может кипеть, его может не быть, его может пить кошка, его может пить собака и т. п. Состояния предмета выражаются в языке посредством предложений, в которых участвует существительное, являющееся названием этого предмета. Перечисленные выше состояния молока выражаются в русском языке посредством предложений: «молоко кипит», «молока нет», «кошка пьёт молоко», «собака пьёт молоко». При выражении посредством предложений состояний, в которых находится данный предмет, его название употребляется в той или иной форме (в приведённых выше примерах — «молоко», «молока»).

Два состояния назовём эквивалентными относительно данного предмета[13], если при выражении указанных состояний в языке название предмета в обоих случаях употребляется в одной и той же форме. Например, два состояния, первое из которых состоит в том, что данный предмет кипит, а второе в том, что кошка пьёт данный предмет, эквивалентны относительно предмета молоко. Эти же состояния не эквивалентны относительно предмета вода: «вода кипит», но «кошка пьёт воду». Назовём два состояния абсолютно эквивалентными, если они эквивалентны относительно любого предмета, могущего находиться в [этих состояниях. Так, например, два состояния, первое из которых состоит в том, что

[12] Что здесь понимается под термином «состояние» и что значит «предмет находится в состоянии», выясняется из дальнейших примеров.

[13] Здесь <...> правильнее было бы говорить об эквивалентности относительно пары ⟨предмет, название⟩. Мы сознательно допускаем известную неточность, чтобы не осложнять изложение.

кошка любит данный предмет, а второе в том, что собака пьёт данный предмет, являются эквивалентными относительно любого предмета, могущего находиться в] этих состояниях, и, следовательно, абсолютно эквивалентными. Совокупность всех состояний разбивается на непересекающиеся классы таким образом, что любые два состояния из одного и того же класса абсолютно эквивалентны, а любые два состояния из разных классов не абсолютно эквивалентны. Эти классы А. Н. Колмогоров и предложил называть падежами.

К сожалению, это определение не является вполне корректным. Дело в том, что одно и то же состояние для одного и того же предмета может выражаться посредством различных предложений, причём названия этого предмета могут стоять в разных формах. Например, «мальчик идёт берегом» и «мальчик идёт по берегу»; «рабочий строит дом» и «дом строится рабочим». Вследствие этого само определение эквивалентности относительно данного слова перестаёт быть ясным. (Один из возможных способов устранения этой неясности состоит в том, чтобы считать два состояния, имеющие различные языковые выражения, разными состояниями, ведь различные предложения всегда — хотя бы чуть-чуть — различаются по смыслу.)

Тут надо подчеркнуть, что Колмогоров и не претендовал на окончательность формулировки, но лишь на общую идею — впрочем, идею достаточно конкретизированную.

33 [к п. 3.3.1, с. 71]. Но не все поэты, о чём с прискорбием сообщает Колмогоров на с. 399 в [Колм 68к]: «...Было бы печально, если бы читатели поверили Щипачёву, что в стихах

Довольно ямбов и хореев,
Ломайте их, *чёрт* побери!

ямбический метр и в самом деле сломался».

34 [к п. 3.3.2, с. 74]. В [Колм 68к], на с. 404—405, формулируются законы соответствия *реального ритма* стиха и его *метрической схемы*. Реальный ритм состоит в чередовании в речи реальных (акустических, фонетических) явлений: ударных слогов, безударных слогов, словоразделов. Метрическая схема состоит в чередовании абстрактных единиц, называемых «сильный слог», «слабый слог», «ударный метрически, или по схеме, слог», «безударный метрически, или по схеме, слог», «метрический, или обязательный, словораздел». Для этих единиц Колмогоров принимает следующие обозначения:

— для сильного слога, ⏑ для слабого слога, ⏒́ для ударного по схеме слога, ⌒ для безударного по схеме слога, | для обязательного словораздела. Можно считать, что метрическая схема есть просто строка, на каждом месте которой стоит один из только что перечисленных пяти символов.

Например, схема стихов с женским окончанием из пушкинского «Бориса Годунова» имеет вид

⏑ — ⏑ — | ⏑ — ⏑ — ⏑ ⏒́ ⌒ |

Знак обязательного словораздела в конце стиха часто опускается.
([Колм 68к], с. 401.)

Вот колмогоровские законы соответствия из [Колм 68к]:

Первые четыре закона <...> звучат тривиально:

1) Стих должен содержать предусмотренное схемой число слогов. Таким образом, каждый слог реального стиха попадает на определённое место метрической схемы и в соответствии с этой схемой называется метрически слабым или сильным.

2) Ударный по схеме слог должен быть реально ударным.

3) Безударный по схеме слог должен быть реально безударным 124.

4) Обязательный по схеме словораздел должен проходить между слогами, принадлежащим к двум различным ритмическим словам.

Последний, пятый закон соответствия, кажется, был отчётливо сформулирован впервые Романом Якобсоном в 1922 году (см. [Як]) 125 как закон недопустимости переакцентуации стиха. Во всяком случае, незадолго до того Валерий Брюсов вместо этого закона указывал длинный ряд требований «правильности» ипостас. Закон этот может быть сформулирован так:

5) Ударение на слабом слоге метрической системы законно лишь в том случае, если подчинённое этому ударению «ритмическое слово» не содержит сильных слогов.

В [Колм 85], на с. 114, предлагается такая, эквивалентная формулировка этого последнего закона: «если ритмическое слово содержит хотя бы один сильный слог, то ударение в слове должно падать на один из этих сильных слогов».

Использованный Колмогоровым термин «ипо́стаса» (не путать со словом «ипоста́сь») был введён в русское стиховедение Брюсовым:

«И п о с т а с а (hypostasis — подстановка, подмена) есть замена в метре одной стопы другой» ([Брю], § 4, с. 16—17). Ныне понятие ипостасы выходит из употребления: оно оказалось ненужным, поскольку объясняемые с его помощью явления могут быть гораздо проще объяснены без него. Более того, некритическое использование этого понятия способно запутать ситуацию. Так, Брюсов усматривает в строке Баратынского *Понятны нам все дуновенья* ипостасу ямба хореем — ввиду ударения на слове *все* ([Брю], § 16, с. 31; механизм этого явления проясняет Якобсон в своей рецензии на [Брю] 125). В современном понимании никакой подмены ямба хореем здесь нет, а есть рядовое использование разрешения Тредиаковского, о котором говорится в нашем n° 3.3.4 и согласно которому односложные ударные слова вправе стоять на слабых слогах, и это не является нарушением метра (ямба в случае строки из Баратынского). Последователем Брюсова в представлении о частичном превращении ямба в хорей оказался критикуемый за это Колмогоровым Степан Щипачёв, который полагал, что подобные строки перестают быть ямбическими 33. Корень путаницы, как всегда, — в смешении двух понятий: понятия речевой стопы и понятия метрической стопы.

35 [к п. 3.3.4, с. 79]. Вот эта формулировка:

> 1.1. Если понимать ритмизацию словесного материала как наложение определённых запретов на материал, русские классические двусложные размеры характеризуются двумя запретами: 1) последний икт строки не может быть заполнен безударным слогом; 2) на слабое время стиха не может падать фонологическое (словоразличительное, пермутативное) ударение самостоятельных словесных (акцентных) единиц. Таким образом, односложные акц. единицы, не наделённые фонологическим ударением, разрешаются и в анакрузе, и на всех слогах основы стиха.

36 [к п. 3.3.4, с. 80]. На с. 145 в [Колм 68п] читаем: «Различие между сильными и слабыми слогами в частном случае разбираемого сейчас метра сводится к соблюдению правила, сформулированного ещё Тредиаковским и удовлетворительно объясняющим это явление для классических ямба и хорея (но не для классических трёхсложных размеров): у д а р е н и е н а с л а б о м с л о г е м о ж е т с т о я т ь л и ш ь в с л у ч а е, е с л и э т о т с л о г о б р а з у е т с а м о с т о я т е л ь н о е о т д е л ь н о е о д н о с л о ж н о е с л о в о. Сильные слоги могут быть ударными или безударными без ограничений». 126

Следует объяснить, почему правило Тредиаковского не даёт исчерпывающего объяснения для возможного присутствия ударения на

слабом слоге в трёхсложных размерах. Обратимся к колмогоровским законам соответствия, приведённым в нашем примечании 34. Мы обнаруживаем, что эти законы допускают наличие в стихе такого двусложного слова, оба слога которого (в том числе и ударный!) попадают на слабые позиции (то есть на позиции слабых слогов).

37 [к п. 3.3.4, с. 81]. «Было бы, например, жаль, — указывает Колмогоров в [Колм 68к] на с. 399, — если бы в кругах поэтов и любителей поэзии было утрачено понимание того, что стих

Как пошли *наши* ребята...

не соответствует строгим требованиям классического четырёхстопного хорея <...>».

38 [к n° 3.4, с. 82]. Что и дало потом повод говорить о «стиховедческом семинаре Колмогорова», см. n° 3.9 и примечание 51.

39 [к n° 3.4, с. 83]. По словам Колмогорова, и у Шенгели, и у Томашевского имелись ошибки. В частности, сказал Колмогоров, по Шенгели количество односложных слов уменьшается при переходе от прозы к четырёхстопному ямбу, а по Томашевскому оно увеличивается. Это происходит по двум причинам. Во-первых, названные исследователи, не замечая того сами, делили текст на слова разными способами. В [Колм 68к] (с. 398, сноска) отмечено, что «статистические данные Томашевского и Шенгели, относящиеся к ритму прозы, резко расходятся» и что это происходит потому, что Шенгели относил к числу ударных более широкий класс слогов, нежели Томашевский. Во-вторых, сказал Колмогоров, Томашевский стихотворный текст делил как можно более дробно, «считая словом всё, что можно произнести самостоятельно; а в прозе он почему-то придерживался другого принципа — принципа поглощения». ●●► Г. А. Левинтон прислал мне следующий комментарий к последней фразе:

> Позиция Томашевского вполне разумна, он исходит из разного произнесения стихов и прозы (он, между прочим, более всех — а в некоторых случаях, кажется, единственный — обращал внимание и на диахронические особенности произнесения стихов, связывая с ним и историю рифмы XVIII—XIX веков, и силлабический стих). ◄●●

40 [к п. 3.6.2, с. 86]. В своей лекции «Колмогоров показал, что учёт комбинаторных возможностей позволяет уточнить некоторые основные понятия стиховедения, как, например, ямб, дольник и т. п., учесть все возможные формы (возникающие в связи с пропуском того или иного ударения) и варианты форм (возникающие в связи

с тем или иным расположением словоразделов). Применение статистики и теории вероятностей даёт возможность установить основные закономерности в стихе, выявить норму и отклонения от них. В связи с этим удаётся охарактеризовать общую окраску и индивидуальные приёмы. Высоко оценив работы по стиховедению 10-х и 20-х годов, А. Н. Колмогоров остановился на отдельных ошибках (Г. Шенгели 127 и других стиховедов), связанных с неверным применением статистических законов» ([Рев ВЯ], с. 161).

41 [к п. 3.6.3, с. 87]. «В докладе А. П. Савчук (Москва) „Экспериментальное определение энтропии русского языка“ были охарактеризованы трудности, возникающие при определении энтропии известным методом К. Шеннона. <...> В докладе Н. Г. Рычковой (Москва) „Оценка энтропии речи при помощи опытов по угадыванию продолжения текста“ излагался новый метод оценки энтропии, предложенный А. Н. Колмогоровым. Этот метод основан на предположении, что каждый человек, владеющий данным языком, располагает для любого места текста знанием о том, каковы вероятности появления здесь каждой из букв русского алфавита» ([Рев ВЯ], с. 162). Энтропия — это численная мера гибкости языка, она отражает количество возможных вариантов текста с учётом вероятностей этих вариантов. Подробнее об этом понятии будет сказано в n° 5.8 нашего очерка.

Шеннон предложил метод определения энтропии путём эксперимента, основанного на угадывании следующей буквы текста при условии, что весь предшествующий начальный отрезок текста известен. Описание самого эксперимента, данное в разделе 3 («Предсказание английского текста») статьи Шеннона [Шенн 51], не требует никаких специальных знаний. Разумеется, для понимания того, как по результатам эксперимента определяется числовое значение энтропии языка, специальные знания требуются. Поэтому мы не будем приводить здесь соответствующих формул, а ограничимся следующим качественным замечанием. Ясно, что чем в большей степени являются «угадываемыми» тексты того или иного языка, тем меньше возможно вариантов текста, тем менее гибок язык, — и, следовательно, тем меньше числовое значение энтропии языка. Формулы, о которых мы только что упомянули, и отражают в математической форме это качественное соображение.

Усовершенствование эксперимента, предложенное Колмогоровым, состояло в том, что подопытный человек не просто называет следующую букву, а ещё и указывает ту степень уверенности, с которой он её называет. А именно, испытуемый может «а) отказаться [назвать

букву] (это означает, что все буквы равновероятны); б) назвать букву с малой степенью уверенности; в) назвать букву с большой степенью уверенности» ([Рев СТИ], с. 288). В [Рыч] этот способ описан применительно к тексту Аксакова «Детские годы Багрова-внука»: «Представьте, что вы встретили в тексте слова МНЕ ДАЛИ ВЫПИТЬ РИМ... Вам предстоит угадывать, какая буква идёт дальше, и у вас нет никакого разумного продолжения сочетания РИМ, кроме РИМСКИЙ <...>. Приходится называть букву С, да ещё „вполне уверенно“. И действительно, Аксаков пишет: РИМСКОЙ РОМАШКИ, имея в виду лекарственный настой, об употреблении которого мы, привыкнув к современным лекарствам, давно забыли». Более детально и математически точно методика Колмогорова описана в [Ягл 73], с. 258.

И. И. Ревзин сообщает ([Рев СТИ], с. 288—289): «Обработка данных, полученных по этому методу, дала возможность вычислить для русского прозаического текста (был взят текст Аксакова) величину энтропии, приблизительно равную 1 двоичной единице. Это означает, что из 2^{5N} всевозможных текстов в алфавите из 32 букв только 2^N будут текстами русского языка».

З а м е ч а н и е. Это значение единица — если понимать его как оценку для энтропии произвольных русских текстов (впрочем, что такое русский текст? см. об этом n° 5.2 и п. 5.8.4) — сильно занижено по сравнению с истинным значением, ср. с колмогоровской оценкой 1,33 в п. 5.8.3. Скорее это значение является найденной Н. Г. Рычковой оценкой энтропии для частного случая русских текстов, а именно для прозы Аксакова; да и в этом случае такая оценка скорее всего занижена — в силу индивидуальных свойств угадывателя: см. последнюю фразу в n° 5.9.

Ещё лучшее приближение к истине (то есть к истинному числовому значению энтропии) получится, если испытуемый будет не только называть букву, но и указывать *вероятность* появления этой буквы. Разумеется, от рядового человека нельзя требовать знания вероятностей угадываемых букв; однако можно надеяться на успех, если в роли испытуемого выступает не человек, а коллектив. Именно, можно проводить голосование по вопросу определения следующей буквы и считать, что процентное соотношение голосов, поданных за ту или иную букву, отражает распределение вероятностей этих букв. И действительно, такой эксперимент проводился в довольно многолюдном в тот день собрании упомянутого в n° 3.5 семинара по математической лингвистике; это происходило в начале 60-х, в аудитории 02 Главного здания МГУ на Ленгорах. Помню, что присутствовавший

в зале Р. Л. Добрушин выступил с поразившим всех заявлением о неправильности метода в самой его основе. Действительно, в основе метода лежит презумпция, что каждый обязан иметь точку зрения на то, какая буква ожидается. «А я вот, — заявил Добрушин, — по некоторым вопросам не имею точки зрения и не хочу её иметь».

42 [к п. 3.6.3, с. 87]. В этом докладе «Колмогоров говорил о том, что энтропия есть мера, показывающая, сколько разных текстов данной длины можно построить в определённом языке. Возникает возможность количественно оценить те ограничения, которые налагают требования метра, ритма, рифмы и т. д. Оказалось, что эти ограничения весьма существенны, и если поэт может в пределах данных ограничений выразить нужную мысль, то это объясняется тем, что бóльшая доля разнообразия расходуется в языке не на передачу разного содержания, а на гибкость выражения, то есть [на] создание разных форм выражения одного и того же содержания. В связи с этим А. Н. Колмогоров предложил разложить энтропию языка на две составляющие: а) меру разнообразия, расходуемую на передачу внеязыковой (семантической) информации, и б) собственно лингвистическую энтропию» ([Рев ВЯ], с. 162). И. И. Ревзин приводит следующие величины этих составляющих, предложенные Колмогоровым: для общего значения энтропии, равного 1 (ср. Замечание в примечании 41), первое и второе составляющие равны, соответственно, 0,4 и 0,6 (см. [Рев СТИ], с. 289).

43 [к п. 3.6.3, с. 87]. В этом докладе «был предложен интересный метод, позволяющий определить на основе характера рифм то, что А. Н. Колмогоров назвал „локальным словарём поэта“ <...>» ([Рев ВЯ], с. 162). «Зная вероятность того, что наудачу выбранная пара слов будет рифмующейся (по подсчётам А. Н. Колмогорова, она приблизительно равна 0,005), и количество слов, из которых составляются пары, можно подсчитать, сколько в среднем имеется рифмующихся пар, троек, пятёрок и т. п.» ([Рев СТИ], с. 287; далее в [Рев СТИ] приводится составленная Колмогоровым таблица, показывающая, сколько в среднем имеется рифмованных пар, троек и т. п., если общий объём словарного запаса составляет 10, 20, и т. д. до 500 слов). «Исходя из характера пушкинских рифм и в общем довольно простой формы строфики (число одинаковых рифм в строфе не превосходит, как правило, 3—4), можно утверждать, что локальный словарь поэта (то есть число слов, которые проходили перед его „мысленным взором“, когда он подбирал нужную рифму) сравнительно невелик, а именно составляет от 100 до 200 слов» ([Рев СТИ], с. 287—288).

44 [к п. 3.6.3, с. 87]. Этот доклад, прочитанный Н. Г. Рычковой, «был интересен с точки зрения возможности распространения представлений, выработанных при статистическом анализе классического стиха, на исследование стихотворной техники современных поэтов. В докладе описывались характерные метрические типы новой русской поэзии, в частности так называемый „хорошо урегулированный дольник“ (термин М. Л. Гаспарова) и другие размеры, использованные Маяковским и Багрицким. Докладчики не согласны с представлением о том, что для современных поэтов количество безударных слогов между двумя ударными становится всё менее важным. Оказалось, что интуиция точного счёта слогов не ослабла. Это особенно характерно для Багрицкого. Как установили докладчики, Багрицкий шире, чем другие поэты, пользуется многосложными (пяти- и даже семисложными) группами безударных слогов в промежутке между двумя ударными и овладевает почти всеми словоразделами, возможными в этих промежутках» ([Рев ВЯ], с. 162).

45 [к п. 3.6.3, с. 87]. Выступая в связи с докладом Ю. В. Кнорозова «Об изучении фасцинации», открывшем собою пятое заседание, «А. Н. Колмогоров заметил, что гипнотическое воздействие ритма — явление известное, а многие теоретики и поэты говорили о „магии стиха“. Однако в целом европейская культура подготовила более интеллектуальное восприятие ритма. То, что чтение стиха есть интеллектуальная деятельность, доказывается тем, что в физическом звучании речи словоразделы как правило не обозначаются, в то время как они играют существенную роль при восприятии стиха. То же касается ударений, природа которых весьма разнородна. Поэтика имеет с дело с дискретными явлениями именно потому, что она имеет дело с осмысленными явлениями, а всё осмысленное дискретно. Другой пример интеллектуализации — рифма у Маяковского» ([Рев СТИ], с. 291—292).

На шестом заседании в прениях по докладу Ю. К. Щеглова «Структурный анализ „Метаморфоз“ Овидия», где утверждалось, что в поэтическом мире Овидия «каждая вещь характеризуется набором довольно простых и общих семантических признаков», Колмогоров заметил, что «для исследований подобного рода желательно сравнение с другими произведениями; в частности, полезны были бы подсчёты употребления тех или иных эпитетов у разных авторов того времени» ([Рев ВЯ], с. 164). В прениях по докладу В. А. Зарецкого «Образ как информация» (где, в частности, утверждалось, что эстетический идеал воплощает в себе общественное представление о цели, которую ставит себе общество), «Колмогоров сказал, что мнение, согласно которому художественная речь несёт больше информации,

чем нехудожественная, может быть оправдано тем, что в нехудожественной речи энтропия, приходящаяся на гибкость выражения, тратится безрезультатно, а в художественной речи она используется для создания определённого эффекта» ([Рев ВЯ], с. 164).

На завершившем совещание седьмом заседании Б. Н. Головин сделал сообщение о работах по сравнительному анализу синтаксиса Толстого и Тургенева, проводимых на возглавляемой им кафедре русского языка Историко-филологического факультета Горьковского университета. «Выступая в прениях, А. Н. Колмогоров положительно оценил попытку горьковских исследователей ввести в рассмотрение новые характеристики стиля. Необходимо, однако, выяснить, насколько эти характеристики независимы. В частности, важно было бы узнать: насколько полученные Б. Н. Головиным для Толстого и Тургенева характеристики зависят от средней длины предложения у этих авторов. А. Н. Колмогоров подчеркнул, что стилистические характеристики, составленные только по одной величине (например, по зависимости Ципфа 123), недостаточны, нужно брать несколько характеристик, например, среднюю длину слова и среднюю длину предложения. Кроме частотности слова важно учитывать, сколь „скученно“ или, наоборот, равномерно встречаются слова данного типа. Он указал, что настало время вновь начать статистические исследования по ритму прозы (ср. важные результаты Томашевского по ритму „Пиковой дамы“). Переходя к общему вопросу об организации статистической работы в языковедении и поэтике, А. Н. Колмогоров отметил, что реальный объём текстов, по которым нужно производить усреднение, меньше, чем можно предполагать, поскольку речь идёт о различиях, которые мы явственно ощущаем (иначе говоря, мы не должны добиваться достоверности для величин с малой вероятностью и потому выборка может быть небольшой). Так, выборка в 500—1000 строк для „Евгения Онегина“ оказывается вполне достаточной. В этой связи необходимо отметить, что частотный словарь всего данного языка есть фикция. Статистика в лингвистике должна быть предельно дробной. А. Н. Колмогоров отметил, что необходимо сохранять все результаты статистических работ, накопленные отдельными группами, и наладить регулярный обмен этими результатами» ([Рев ВЯ], с. 164). Боюсь, что это пожелание Колмогорова так и осталось благим пожеланием.

46 [к п. 3.6.3, с. 87]. «В заключение А. Н. Колмогоров поделился с участниками совещания своими мыслями о значении изучения поэзии для современной кибернетики. Когда понятия кибернетики применяются не к машинам, а к анализу высшей нервной дея-

тельности, то возникает ряд новых проблем. Есть все основания думать, что в принципе дискретные автоматы могут моделировать интеллектуальную деятельность. Поэтому тó, чтó анализируют гуманитарные дисциплины, очень важно для кибернетики. При этом, однако, гуманитарные дисциплины должны сосредоточить внимание на менее элементарных, более сложных явлениях. Практически происходит обратное. Те представители гуманитарных наук, которые теперь приобщаются к кибернетическому образу мысли, предпочитают изучать наиболее примитивные схемы (типа циклов в схеме языка с конечным числом состояний 129).

Между тем кибернетика заинтересована в далеко идущей формализации принципов человеческой интуиции. Нельзя забывать, что искусство есть определённый вид познания действительности и как таковое обладает высокой степенью сложности. Отмечается, что искусство помогает человеку осознать цели своей деятельности. Механизм выработки цели, о котором говорил В. А. Зарецкий, чрезвычайно важен для кибернетики, где возникает вопрос о том, какие самоорганизующиеся системы и каким образом вырабатывают внутреннюю цель системы» ([Рев ВЯ], с. 164—165).

47 [к n° 3.8, с. 90]. В цитируемой заметке [Тар 71] термин «профиль ударности» встречается ещё в сносках 6 на с. 424 и 7 на с. 426, но не разъясняется. Как любезно сообщил мне М. Л. Гаспаров, этот термин был введён в [Тар 53] и означает некоторую статистическую характеристику акцентуированного текста. Текст может быть и прозаическим (как в упомянутой сноске 6 из [Тар 71]). Важно лишь, чтобы имело смысл говорить о первой, второй и т. д. стопе стихотворной строки или сходного с ней ритмизированного участка прозы. Для энной стопы вычисляется процент тех случаев, когда на эту стопу (точнее, на принадлежащий этой стопе сильный слог) падает реальное речевое ударение (общее число появлений в тексте стопы с номером эн принимается за сто процентов). Набор чисел, где на первом, втором и т. д. месте стоит, соответственно, процент для первой, второй и т. д. стопы, и называется *профилем ударности*. Подробнее см. [Про], с. 90. Появление слова «профиль» обусловлено следующим. Указанную таблицу удобно представлять в виде графика, где по оси абсцисс откладывается номер стопы, а по оси ординат — соответствующий процент. Тогда действительно получается некий профиль: см. [Гасп 74], диаграммы на с. 95, обсуждаемые там же на с. 94.

48 [к n° 3.8, с. 90]. Понятие ритмической формы было подробно разъяснено в п. 3.3.3. С использованием нумерации Шенгели все

они, кроме формы VIII, приводятся в [Про], с. 90. Там же (в табл. 2 на с. 91) приведены частоты указанных форм в так называемой «теоретической модели» речи, а короче — «теоретические частоты». Разумеется, для каждого явления возможно огромное количество его теоретических моделей: во-первых, моделированию могут подлежать различные аспекты явления; во-вторых, для одного и того же аспекта возможны различные модели. В данном случае речь идёт о моделировании акцентологической структуры речи. Более конкретно, рассматривается модель, строящаяся на базе двух предпосылок. Первая предпосылка состоит в том, что считаются известными частоты ритмических типов слов в речи (ритмический тип у Прохорова — это то же самое, что ритмический вид у Кондратова, см. наше примечание 98; о понятии частоты см. п. 5.4.1). Вторая предпосылка есть гипотеза о статистической независимости ритмических типов, то есть о том, что частота (в речи) той или иной комбинации ритмических типов слов может быть получена простым перемножением частот тех ритмических типов, которые и составляют данную комбинацию. Эти две предпосылки, взятые в совокупности, позволяют путём умозрительных расчётов вычислять «теоретические частоты» различных ритмических форм, в том числе и «теоретическую частоту» каждой из семи ритмических форм русского четырёхстопного ямба. Что касается исходных частот ритмических типов слов, то они могут быть найдены, например, путём экспериментального обследования того или иного текста. В качестве таких текстов в [Про] выбраны пушкинская «Пиковая дама» и лермонтовская «Бэла». Для каждого из этих двух текстов получается своё распределение теоретических частот ритмических форм четырёхстопного ямба, каковые распределения и приводятся в [Про] в табл. 2 на с. 91.

Коль скоро — для какого-либо поэта или для какой-либо поэмы — известны (реальные, а не «теоретические») частоты всех семи реально встречающихся в поэзии ритмических форм четырёхстопного ямба, не составляет труда найти — для данного поэта или для данной поэмы — соответствующий профиль ударности 47, а также среднюю ударность, то есть среднее число ударений, приходящихся на одну строку. Это достаточно очевидно, и соответствующие простые формулы приводятся в [Про] на с. 90 и на с. 94. Решение обратной задачи, то есть нахождение распределения ритмических форм по известной средней ударности или по известному профилю ударности, «обладает неопределённостью, которая возникает благодаря возможности выбора из неограниченного множества под-

ходящих распределений» ([Про], с. 94). Однозначное решение здесь в принципе невозможно без каких-то дополнительных предположений. Можно думать, что именно такого рода предположения и обозначены оборотом «в общем» в пересказе Тарановского сообщения Колмогорова. «...Наше предположение <...>, — говорится на с. 94 в [Про], — заключается в том, что неопределённость при переходе от исходного теоретического распределения форм к новому распределению, соответствующему заданной [средней] ударности, должна быть минимальной, или, иными словами, распределение форм, приводящее к заданной средней ударности, должно быть наиболее вероятным». И далее, на с. 97: «Из всех распределений по формам с заданным профилем ударности (а их неограниченное число) выбирается то, которое создаёт этот профиль с наименьшими усилиями и наибольшей свободой использования всех ритмических средств обычной речи при следовании законам метра». Употребляемым в этих цитатах словесным оборотам «минимальная неопределённость», «наибольшая свобода» и т. п. может быть придан точный математический смысл, что и делается в [Про] в сносках 9 на с. 94 и 12 и 13 на с. 97. А именно, речь идёт о нахождении таких значений для искомых частот ритмических форм, при которых некоторое математическое выражение принимает своё наименьшее значение — при том, что само это выражение подчинено определённым условиям. Упомянутые только что условия учитывают и исходные теоретические частоты семи ритмических форм ямба. В [Про] в качестве таковых берутся теоретические частоты, рассчитанные на основе статистического обследования «Пиковой дамы» (см. выше).

49 [к n° 3.9, с. 90]. Андрей Сергеевич Монин (02.07.1921—22.09.2007) — сын брата поэтессы Варвары Мониной (1895—1941), печатавшейся в первой половине 20-х годов в альманахах Союза поэтов, жены С. П. Боброва. Ученик Колмогорова. Гидромеханик, метеоролог и океанолог. С 1965 по 1987 год директор Института океанологии АН СССР (этот институт и организовывал те океанологические экспедиции с участием Колмогорова, которые упоминались в нашем n° 1.3). ●➤ Он автор двух мемуарных текстов о Колмогорове: [Мон] и «Колмогоровские рейсы» ([Явл], с. 77—85). ◄●

50 [к n° 3.9, с. 90]. В своей лекции 19.10.1960 Колмогоров сказал: «Раньше думалось, что отступление от полного метра есть послабление для поэтов. Теперь так не думают».

51 [к n° 3.9, с. 90]. Я не участвовал в этом семинаре. Цитируемые воспоминания Монина — одно из немногих письменных свидетельств

о семинаре. Другое свидетельство — подстрочное примечание на с. 168 статьи Вяч. Вс. Ива́нова [Ив]:

> См. статью автора «Ритм поэмы Маяковского „Человек“» (сб. «Poetics. Poetyka. Поэтика», II. The Hague—Paris—Warszawa, 1960), продолжающую направление ещё не опубликованных работ А. Н. Колмогорова о ритме «Про это» и «Во весь голос», доложенных на заседаниях семинара на Механико-математическом факультете МГУ в 1961 и 1962 годах (характеристика метров «Двенадцати» была дана в труде А. Н. Колмогорова «Метр как образ» в те же годы).

Возможно, что Ива́нов и Монин включают в понятие ‘семинар’ и те лекции Колмогорова, о которых шла речь в n° 3.4, и тот доклад 22 декабря 1960 года, о котором упоминалось в п. 3.5.1. (Сам Колмогоров, не придавая слишком большого значения формальному статусу своих выступлений, ссылается в [Колм СП.1] на то, что́ он «рассказывал в течение семестра 1960 года в четырёх двухчасовых докладах на семинаре по математической лингвистике»; на самом деле это были три лекции и две встречи, а семинара как такового не было.) Возможно, что были какие-то собрания, встречи и беседы после совещания в Горьком в сентябре 1961 года, см. n° 3.6.

Казалось бы, что некоторое временно́е представление может дать дата 29.10.1963 поступления в редакцию статьи Боброва, о которой упоминает Монин. Однако М. Л. Гаспаров, принимавший вместе с А. А. Петровым участие в «существенной редакционной переработке», а по существу в переписывании статьи Боброва, не согласился (в беседе со мной) числить эту статью по разряду «вышедших из упомянутого семинара». М. Л. Гаспаров допускает, что в памяти А. С. Монина произошла контаминация из рассказов С. П. Боброва о его частных встречах с Колмогоровым и рассказов того же Боброва о его участии в 1958—1961 годах в стиховедческом семинаре Института мировой литературы, руководимом членом-корреспондентом Л. И. Тимофеевым.

●➤ Но семинар всё же существовал, и тому найдено бесспорное доказательство. Уже после того, как моё «Предварение» было опубликовано в «НЛО», Н. Г. Рычкова передала мне относящийся к весне 1961 года текст объявления об этом семинаре. Примечательно, что тематику семинара, как и тематику предшествующих ему лекций осенью 1960 года (мы говорили о них в n° 3.4), Колмогоров относил к математической лингвистике; тем самым он давал знать, что считает стихи не столько особой формой литературы, сколько особой формой языка.

Вот полный текст указанного объявления:

СЕМИНАР ПО ИЗБРАННЫМ ВОПРОСАМ
МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Программа на май—июнь 1961 г.

1. Экспериментальное определение энтропии речи.
   Бобров, Рычкова, Савчук.
2. Ритмические типы слов русского стиха.
   Бобров, Никонов, Колмогоров, Рычкова,
   студенты IV курса, работающие по практикуму над этой темой.
3. Специальные вопросы ритмики четырёхстопного русского ямба.
   Колмогоров, Прохоров, Рычкова.
4. Ритмика русского трёхударного дольника.
   Гаспаров.

Заседания семинара будут происходить по четвергам с 18 ч.
в ауд. 12-17 (помещение кафедры теории вероятностей).

Одновременно Н. Г. Рычкова передала мне четыре машинописные страницы, озаглавленные «Примерные темы курсовых и дипломных работ по математической лингвистике». Даты и авторства нет, но ясно, что текст относится к 1960/61 учебному году и составлен Колмогоровым. В список включены семь тем: 1. «Определение энтропии русского языка по методу угадывания продолжений»; 2. «Распределение предложений по длине»; 3. «Ритм русской деловой и художественной прозы». 4. «Ритм пушкинского пятистопного цезурного ямба по „Борису Годунову“»; 5. «Альтернирующие ритмы в акцентных стихах Маяковского»; 6. «Строфика и ритм четырёхстопного ямба Тютчева»; 7. «Вариации общей окраски ритма четырёхстопного ямба как художественный приём (на материале „Медного всадника“ Пушкина или „Возмездия“ Блока)». Название каждой темы сопровождается краткой аннотацией. Для примера приведу полностью аннотацию к 6-й теме:

А. Белый («Ритм как диалектика», 1929) правильно отметил, что Тютчев в некоторых отношениях придал четырёхстопному ямбу большую гибкость и разнообразие, чем он имел у Пушкина и Лермонтова. Например, у Пушкина был совсем запрещён (одно исключение из 22 000 стихов) гипердактилический словораздел после первого метрического ударения:

⏑ ´ ⏑ — ⏑ | . . .

У Тютчева такие строки используются в самых ответственных местах:

Часов однообразный бой —
Томительная ночи повесть!

Небольшой объём материала (около 1700 стихов) позволяет поставить задачу систематического описания строфики и ритмики тютчевского четырёхстопного ямба как тему студенческой работы. Эта же ограниченность материала делает необходимым умелое применение критериев значимости, разработанных современной математической статистикой.

В конце последней страницы было указано: «Руководители: А. Колмогоров, Н. Рычкова. Обращаться на кафедру теории вероятностей к Н. Рычковой». ◀●

52 [к n° 3.9, с. 91]. На с. 10 монографии [Гасп 74] М. Л. Гаспаров называет С. П. Боброва (27.10(8.11).1889—01.02.1971) «старейшиной русского стиховедения».

53 [к n° 3.9, с. 91]. Речь идёт о статье [Бобр].

54 [к n° 3.9, с. 91]. Однокурсник Монина по Мехмату Алексей Аркадьевич Петров в 1942 году стал личным секретарём Колмогорова.

55 [к n° 3.9, с. 91]. Фрейд не был в фаворе в России в описываемые Мониным времена[14]. Однако, как сообщила газета «Известия» на 2-й странице своего номера от 30 июля 1996 г., президент Ельцин подписал указ «О возрождении и развитии философского ⟨sic!⟩, клинического и прикладного психоанализа». Так что можно либо надеяться, либо опасаться, что учение Фрейда будет теперь поддерживаться государством с той же настойчивостью, с какой ранее поддерживались единственно верные и передовые учения Маркса, Ленина, Павлова, Марра, Мичурина, Лысенко. Впрочем, Павлов и Мичурин не несут ответственности за попадание в этот список: их, как сказал Пастернак о Маяковском, «стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине». Что же касается Фрейда, то есть мнение, что он отличается от других великих (а он бесспорно является великим психологом и психоневрологом) тем, что ещё при жизни сам довёл своё учение до абсурда, не передоверяя это последователям.

[14] Показательно название книжки, выпущенной в 1963 году в Киеве на украинском языке: Завилянский И. Я., Блейхер В. М. Психоанализ (фрейдизм) на службе реакции.

●➤ Вот полный текст президентского указа, списанный из официального издания («Собрание законодательства Российской Федерации», № 30 от 22 июля 1996 года, с. 7367):

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О возрождении философского, клинического и прикладного психоанализа

В целях возрождения и развития в России философского, клинического и прикладного психоанализа как одного из направлений современной науки постановляю:

1. Поддержать инициативу Восточно-Европейского института психоанализа (г. Санкт-Петербург), одобренную Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию, Министерством образования Российской Федерации, Министерством науки и технической политики Российской Федерации, Министерством здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации, Российской академией наук, Российской академией образования, Российской академией медицинских наук, направленную на возрождение и развитие философского, клинического и прикладного психоанализа.

2. Правительству Российской Федерации обеспечить разработку в 1996—1997 годах целевой программы возрождения и развития психоанализа в России в соответствии с законодательством Российской Федерации с привлечением к этой работе Восточно-Европейского института психоанализа.

3. Правительству Санкт-Петербурга рассмотреть вопрос о предоставлении Восточно-Европейскому институту психоанализа льготных условий аренды занимаемого в настоящее время институтом здания в г. Санкт-Петербурге.

Президент Российской Федерации Б. Ельцин

Москва, Кремль
19 июля 1996 г., № 1044

Хотел бы, в стиле Б. Н. Ельцина, сказать что-нибудь вроде *Такая вот вышла загогулина* — но воздержусь. ◄●

56 [к n° 3.10, с. 92]. Когда Б. В. Томашевского собирались выгонять с работы за формализм, он говорил в домашнем кругу примерно следующее: «Я не пропаду. Пойду преподавать математику».

57 [к n° 3.10, с. 93]. Сравни наше примечание 43.

58 [к n° 4.1, с. 94]. Употребление выражения «дважды два — четыре» (а короче просто «дважды два») в качестве синонима полной очевидности и ясности не является, конечно, изобретением Достоевского (хотя он и оказал поддержку этому употреблению): в словаре Даля читаем: «*Как дважды два четыре*, верно». А вот «дважды два — стеариновая свечка» для обозначения полной бессмысленности — это, надо думать, придумал Тургенев (и высказал устами Пигасова в «Рудине», гл. 2): «...мужчина может, например, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиною, а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка». Глеб Успенский вынужденно констатирует: «...Опыт доказывает вам, что [два, умноженное на два] не только может, но постоянно, аккуратно, изо дня в день даёт — не четыре, даже не стеариновую свечку, а Бог знает что, даёт нечто такое, чего нет возможности ни понять, ни объяснить, к объяснению чего нет ни дороги, ни пути, ни самомалейшей цели» («Из деревенского дневника»: «Отрывок пятый» из раздела «В степи» по одним изданиям, п. 4 раздела VII — по другим).

59 [к n° 4.1, с. 94]. Впрочем, с таблицей умножения не так всё просто. В первых классах школы нас учат, что $3 \cdot 7$ есть результат сложения семи слагаемых, каждое из которых равно трём, а $7 \cdot 3$ есть результат сложения трёх слагаемых, каждое из которых равно семи. Но тогда первое выражение должно читаться «семью три», а второе — «трижды семь»; на деле же они читаются — при заучивании таблицы умножения — как раз наоборот! 130

60 [к n° 4.1, с. 94]. В частности, в стихотворении (или в поэме?) Е. Б. Рейна 1984 года «Алмазы навсегда». Её можно найти на с. 264—273 в сборнике [Рейн 92], а также на с. 209—217 в книге [Рейн 97]. На с. 271 в [Рейн 92] и на с. 216 в [Рейн 97] читаем:

«И вы не знаете?». — «Конечно, знаю,
Подумаешь, бином Ньютона тоже!».

61 [к n° 4.1, с. 94]. Современной настолько, что в 1996 году была удостоена премии Малого Букера — решением Букеровского жюри, возглавленного главным редактором «НЛО». «Боже мой, неужели в жюри сидят независимые, свободные люди! <...> И результат — награждение двумя Букерами, большим и малым, двух одинаково не печатавшихся в советское время людей: представителей андерграунда пятидесятых — меня и семидесятых-восьмидесятых — Гандлевского» — это Андрей Сергеев на 5-й странице газеты «Вечерний клуб» за 23—29 января 1997 года, № 3.

62 [к n° 4.1, с. 94]. «Двадцать шесть и одна», двадцать шесть бакинских комиссаров. ●➤ «Во Владивостоке выборы разного уровня срывались уже 26 раз» — это цитата из заметки «Там врагу заслон поставлен прочный. В Приморье Виктора Черепкова никогда никуда не выберут», напечатанной на 3-й странице газеты «Известия» от 3 апреля 2000 года. ◄●

63 [к n° 4.1, с. 94]. Только в одной из песен у Высоцкого (родившегося, кстати, в 19*38* году) это число встречается по меньшей мере дважды: «Первый раз получил я свободу по указу от тридцать восьмого» и «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная». Тридцать восемь попугаев служат мерой длины удава в популярном мультфильме. (И эти *38 попугаев* используются как пример в известном руководстве по издательской системе LaTeX: см. [Льв], с. 18.) А тридцать восемь снайперов президента Ельцина (из его заявления в январе 1996 года о плане операции, впоследствии провалившейся, по так называемому «освобождению заложников в Первомайском») прочно вошли в историю, о чём свидетельствует газета «Известия» за 27 декабря 1996 года в своей передовой статье: «[Президент Перу] Фухимори дал понять, что 38 российских снайперов <...> ему не требуются». ●➤ Вот ещё три цитаты из той же газеты, но уже за 2000 год: «...Вечером 12 января были депортированы из аэропорта Астрахани 38 молодых людей крепкого телосложения <...> (ну как тут не вспомнить знаменитое изречение президента Ельцина о „38 снайперах“, держащих на мушке террористов в Чечне)» (номер от 14 января, с. 2); «[Кинокартина] „Догма“ привела в восторг критиков и в ярость — клерикалов. <...> Один из католических авторов напечатал статью „38 минут бесполезного целлулоида“. Увидев заголовок, я удивился: почему 38, если в фильме их 138? ⟨Наше объяснение: вот именно потому, что тридцать восемь! — *В. У.*⟩» (номер от 29 января, статья Валерия Кичина «Смех сквозь догму»); «В январе 1996 года только ленивый не отоспался на Б. Н. Ельцине, живописно и в лицах рассказавшем про 38 снайперов, которые держат на мушке засевших в с. Первомайском чеченских террористов» (номер от 2 марта, колонка обозревателя Максима Соколова, статья «38 стрингеров»). ◄● Товарищ Сталин смотрел фильм «Чапаев» 38 раз. Точнее, не исключено, что он смотрел его и большее число раз, но это последняя документально подтверждённая цифра. Она содержится в записках Бориса Захаровича Шумяцкого, бывшего в 1930 году начальником советской киноиндустрии и обязанного присутствовать на кинопросмотрах, устраиваемых

в Кремле для Сталина[15]. Вот фрагмент его записи от 9 марта 1936 года:

> ПРИСУТСТВОВАЛИ: Иос. Вис. [Сталин], Жданов, Серго [Орджоникидзе], Микоян, Вася [Сталин].
> Просили показать «ЧАПАЕВА».
> <...>
> Начался просмотр фильма «Чапаев». Смотрели хорошо, с напряжённым вниманием.
> Иос. Вис. После просмотра сказал, сколько раз (38) смотрю и всё с новым интересом. Замечательный фильм.

Более поздних записей на тему Сталина и фильма «Чапаев» не имеется. 18 января 1938 года Шумяцкий был арестован и 28 июля приговорён к расстрелу.

64 [к n° 4.1, с. 95]. Кем и даже где издана эта книга, установить не так-то просто. На титульном листе три строчки: ИМА-пресс / Москва / 1991. На обороте титульного листа написано: «Издание подготовлено и осуществлено кооперативом „Свиток“ при Среднеуральском книжном издательстве и журнале „Уральский следопыт“ за счёт средств автора». И на том же обороте библиографическое описание: «Ерёменко А. Стихи. — С.: „Уральский следопыт“, 1991. — 144 с.: ил.».

65 [к n° 4.2, с. 95]. Иногда желание щегольнуть математической терминологией до добра не доводит. Многочисленные цитирования утверждают, что среди стихотворных строк Юрия Ряшенцева — сам я не видел ни одной — есть и такая: «Площадь круга... Площадь круга... Два пи эр».

66 [к n° 4.2, с. 95]. Так, в стихотворении «Я всегда твердил, что судьба — игра» Бродский признавался:

> Я писал, что в лампочке — ужас пола.
> Что любовь как акт лишена глагола.
> Что не знал Эвклид, что сходя на конус,
> Вещь обретает не ноль, но Хронос.

---

[15] Чем он решительно отличался от Ивана Григорьевича Большакова, министра кинематографии СССР с 20.03.1946 по 15.03.1953. Большакова в кинозал не допускали, и он по выражению лица выходящего из зала Сталина должен был угадать, представлять ли фильм на Сталинскую премию или признавать его идеологически порочным. Кстати, Большаков, несмотря на кандидатскую степень по искусствоведению не мог выговорить слова, входящего в название его министерства, и говорил кимография; в стенной газете Союза писателей мне довелось прочесть поздравление министру с тем, что, наконец, он смог выговорить слово «кинематография».

И ещё: «Проезжающий автомобиль продлевает пространство за угол, мстя Эвклиду» («Колыбельная трескового мыса», главка 1). Но прежде всего неслучайно для Бродского вообще внимание к геометрическому аспекту мира. Вот некоторые примеры. «Вечер. Развалины геометрии. Точка, оставшаяся от угла» — это начало стихотворения, не имеющего заглавия; «Вернулся ль ты в воспетую подробно юдоль, чья геометрия продрогла <...>» — это начало стихотворения «Памяти поэта. Вариант (Из Т. Венцлова)»; «Геометрия оплакивает свои недра» (это из стихотворения «Вид с холма»); «...склонность природы к простой геометрии» («Посвящается Пиранези»); «Пространство, в телескоп звезды рассматривая свой улов, ломящийся от пустоты и суммы четырёх углов <...>» («Взгляни на деревянный дом»); «...облака <...> прикрывали рыхлой периной голый космос от одичавшей суммы прямых углов» (стихотворение «Воспоминание», которое начинается так: «Дом был прыжком геометрии <...>»). Море — горизонтальное, вещи — плоские («Кентавры II»), «Голландия есть плоская страна» (одноимённое стихотворение), вертикаль привыкла к горизонтали («Пристань Фагердала»), овалы вписываются в четырёхугольник («Элегия», начинающаяся словами «Постоянство суть эволюция принципа помещенья в сторону мысли. Продолженье квадрата или параллелепипеда <...>»). «Поезд из пункта А, льющийся из трубы <...>» — так, почти пародией на школьный задачник, начинается стихотворение «Византийское». Короче, «пора признать за собой поверхность и, с ней, наклонность к поверхности» 131 («Снаружи темнеет, верней — синеет, точней — чернеет»).

67 [к n° 4.2, с. 96]. Неевклидова геометрия (правильнее было бы говорить о неевклидовых геометриях 132) существует в двух ипостасях — в виде чистой абстракции (игры ума) и в виде модели реального физического пространства, подчинённого не законам Ньютона, а законам теории относительности 133, одним из которых является знаменитая формула Эйнштейна $E = mc^2$, связывающая массу m и энергию E посредством скорости света c. В той же 5-й эклоге Бродского читаем: «Масса, увы, не кратное ⟨так в тексте — *В. У.*⟩ от деленья энергии на скорость зренья в квадрате <...>». Здесь Бродский выступает продолжателем уже не Хлебникова, а Белого, сказавшего 20 июня 1921 года в своём гениальном «Первом свидании»: «Мир — рвался в опытах Кюри атомной, лопнувшею бомбой» — первое упоминание об атомной бомбе в русской и, возможно, в мировой поэзии (да и в художественной литературе вообще). Согласно взглядам Эйнштейна, 1) пространство, 2) время и 3) пребывающие в пространстве и

времени обладающие массой тела — все эти три сущности не независимы, а влияют на свойства друг друга; читаем у Бродского в стихотворении «Мир создан был из смешенья грязи, воды, огня...»: «...пространство <...> смещается в сторону времени, где не бывает тел».

68 [к n° 5.1, с. 102]. Эти наглядные соображения о связи количества информации с угадыванием продолжения тесно соотносятся с теми экспериментами по вычислению энтропии методом угадывания, о которых говорится в рубриках 5.8.3 и 5.9 и в примечании 41.

69 [к n° 5.2, с. 103]. Следующим, более разумным приближением к истине является трактовка данного текста как результата выбора из всех возможных текстов, длина которых м е н ь ш е какого-то фиксированного числа.

70 [к n° 5.2, с. 105]. Имеется в виду знаменитая фраза:

Гло́кая ку́здра штéко будлану́ла бо́кра и курдя́чит бокрёнка.

Как сообщает в своём «Слове о словах» (глава 6, n° 8, с. 320 в издании 1960 года) мой однофамилец Лев Васильевич Успенский, Л. В. Щерба предложил эту фразу для грамматического разбора своим слушателям на вступительной лекции по курсу «Введение в языкознание». А. А. Реформатский в своём учебном пособии с тем же названием «Введение в языкознание» приводит в подстрочном примечании другой вариант этой фразы: *Глокая куздра штеко будланула бокрёнка* (в § 60 в издании 1960 года, в § 61 в изданиях 1955 и 1967 годов). Щерба в начале 1930-х годов в своих лекциях приводит эту фразу как наглядный пример возможности отделения морфологии и синтаксиса от семантики: морфологический и синтаксический разбор здесь возможен, в то время как семантический сомнителен. Впрочем, какие-то элементы смысла из этой фразы извлекаются. Знаменитая фраза Наума Хомского, опубликованная им в 1957 году, *Colorless green ideas sleep furiously* представляется менее выразительной.

71 [к n° 5.2, с. 105]. Дать такие определения — цель первостепенной важности. Даже если эта цель недостижима, она разумна как указание направления движения. Поэтому с естественной долей условности и всеми необходимыми оговорками можно считать, что:

основная задача лингвистики — указать признаки, посредством которых из всех текстов выделяются грамматически правильные, а из последних — осмысленные;

основная задача литературоведения — указать признаки, посредством которых из всех осмысленных текстов выделяются литературные (то есть принадлежащие художественной литературе, или изящной словесности).

Можно заметить, что в XX веке объём осмысленных текстов сильно расширился — и отнюдь не только за счёт появления новых слов. Более существенным фактором является общая либерализация мышления. Обороты вроде «я завтра клевал салфеткой бесконечность» или «лиловые идеи яростно спят», немыслимые в прошлом веке, теперь, вероятно, уже надо считать осмысленными, несмотря на их странность. В подтверждение сказанному напомним название повести Бориса Васильева «Завтра была война» или начало стихотворения Бродского «Из Альберта Эйнштейна»: «Вчера наступило завтра в три часа пополудни. Сегодня уже „никогда“, будущее вообще»; и, наконец, пример из «НЛО», т. 20 (1996 год), с. 309: «Сегодня в карты играли, и завтра — в карты играли» — это из стихотворения Александра Величанского «Сегодня возили гравий»; всё это — чем не очередная тема студенческой работы. Да зачем далеко ходить! Мы все в детстве читали классическое стихотворение Сергея Михалкова «А что у вас?» с такими строками: «А у нас сегодня кошка / Родила вчера котят»[16] и «Нам купили синий-синий, / Презелёный, красный шар».

Та же либерализация мышления расширила и рамки художественной литературы; просвещённый читатель укажет современные литературные тексты, невозможные в изящной словесности прошлого века 134. А известное пятистишие Кручёных «дыр бур щил / убещур / скум / вы со бу / р л эз» (о котором сам его автор пишет, что «в этом пятистишии больше русского национального чем во всей поэзии Пушкина» 135) заставляет внести коррективы в нашу презумпцию о том, что корпус текстов литературных составляет лишь часть корпуса текстов осмысленных 136.

Честно говоря, сомнительна и презумпция о существовании грамматически правильных текстов, не являющихся осмысленными. В качестве примера такого текста Колмогоров иногда приводил фразу *Самовар доказывает галку*[17]. Но ведь эта фраза не лучше (с точки зрения правильности) и не хуже (с точки зрения осмысленности) такой, скажем, фразы: *Пёс разъяснил сову*. Последнюю же фразу следует признать вполне осмысленной ввиду цитаты из русской классики: «*Нет, это не лечебница <...>, — в смятении подумал пёс, — а сову эту мы разъясним...*» (М. А. Булгаков, «Собачье сердце»).

---

[16] Для тех, кто полагает, что вместо «сегодня» в подлиннике стоит «в квартире», указываю авторитетный источник: Хрестоматия по детской литературе: учебное пособие для дошкольных педучилищ / Сост. М. К. Боголюбская, А. Л. Табенкина. — Изд. 6-е, испр. и доп. — М.: Просвещение, 1970. — С. 279.

[17] ●➤ См., например, 1-й абзац статьи Колмогорова «О возможном применении...», публикуемой ниже на с. 251—253. ◄●

72 [к n° 5.2, с. 106]. Говоря об этом, Колмогоров отметил, что мужских стихов против женских столько же, сколько рождается мальчиков, то есть 52 процента, хотя писать мужскими окончаниями подряд труднее, чем женскими. Литературоведы, сказал Колмогоров, считают, что поэт всё может, и не любят говорить на тему о том, насколько одной формой писать труднее, нежели другой.

73 [к n° 5.2, с. 106]. Более подробно Колмогоров говорил примерно следующее. «Возьмём осмысленный русский текст длиною $N = 8n$ слогов. Вероятность того, что это будет ямб с мужскими окончаниями, состоящий из n стихов, есть $10^{-1,465n}$, или $10^{-0,183N}$, или $10^{-0,06k}$, где k — число знаков в тексте. Это есть условная вероятность при условии, что текст осмысленный. (Но естественно предположить, что ямбичность и осмысленность независимы.)». Далее Колмогоров указал, что «настоящий ямб — даже без рифмы — подчиняется ещё и дополнительным требованиям **137**, так что проблема сопротивления материала совсем не тривиальна». «Теоретически, — сказал Колмогоров, — можно создать институт, который напишет „Евгения Онегина“; в нём будет много отделов, сложная вычислительная машина. Мысленно всё это возможно, но чрезвычайно сложно. Мы же сейчас будем заниматься лишь одним сравнительно небольшим блоком указанной машины, а именно блоком ритма. Для чего необходима длительная литературная традиция».

74 [к n° 5.2, с. 106]. И. И. Ревзин исходит из того, что значение энтропии для русской прозы равно 1. Как сообщалось в Замечании в примечании 41, эту оценку для русской прозы в целом следует считать заниженной и применимой, да и то с осторожностью, к прозе какого-либо одного автора. С учётом только что сказанного воспроизведём текст со с. 289 из [Рев СТИ]:

> ...Если считать, что строка «Евгения Онегина» состоит из 25 букв, а всего строк 5300, то прозаических текстов длины «Евгения Онегина» вообще может быть $2^{25\cdot 5300}$.
>
> Теперь используются обсуждавшиеся ранее данные об ограничениях, накладываемых метром, ритмом (выбором формы), рифмой, строфикой и т. п. Оказалось, что поскольку из 32 строк в среднем только одна вкладывается в схему ямба, то число написанных ямбом текстов длины «Евгения Онегина» сокращается в $2^{5\cdot 5300}$ раз, то есть равно $2^{(25-5)\cdot 5300}$. Такое же сокращение даёт ограничение на рифмы. Ограничение на переносы сокращает это число ещё в $2^{2\cdot 5300}$ раз.
>
> В целом, если учесть и другие формальные ограничения, из $2^{25\cdot 5300}$ осмысленных текстов длины «Евгения Онегина»

только $2^{5 \cdot 5300}$ могут совпадать по своей формальной структуре с «Евгением Онегиным». Отсюда ясно, как сильно ограничивают возможности поэта чисто формальные требования. На первый взгляд, остаётся вообще мало возможностей для передачи любого наперёд заданного содержания. У некоторых поэтов формальные требования действительно столь велики, что форма (например, те или иные рифмы) начинает определять выбор того или иного содержания. Но у больших поэтов, как, например, у Пушкина, этого не происходит. Дело в том, что имеется большое количество средств для выражения одного и того же содержания, так что поэт всегда находит среди них такое, которое удовлетворяет определённым формальным требованиям. Эти рассуждения позволяют представить величину энтропии H как состоящую из двух компонент: $H_{\text{С}}$ — разнообразие, дающее возможность передавать различную внеязыковую (семантическую) информацию, и $H_{\text{Г}}$ — разнообразие, обеспечивающее гибкость выражения, то есть собственно лингвистическая энтропия:

$$H = H_{\text{С}} + H_{\text{Г}}.$$

По оценкам А. Н. Колмогорова, для русского языка величина $H_{\text{С}}$ составляет примерно 0,4 двоичной единицы на букву, а величина $H_{\text{Г}}$ — примерно 0,6 двоичной единицы. Разница между художественной и нехудожественной речью, между прочим, состоит в том, что в нехудожественной речи $H_{\text{Г}}$ не используется сознательно, в то время как в художественной речи разнообразие, обеспечиваемое $H_{\text{Г}}$, идёт на создание звуковой выразительности, эмоционального воздействия и т. п. В таком (но только в таком) смысле можно говорить, что художественная речь несёт бóльшую информацию, чем речь нехудожественная.

75 [к n° 5.3, с. 109]. Предположим, что имеется N равновероятных вариантов, так что вероятность каждого отдельного варианта равна $1/N$. Разумно считать, что в этом простейшем случае количество информации, содержащееся в отдельном варианте, равно $\log N$, где log есть двоичный логарифм, то есть логарифм по основанию 2. В обсуждаемом случае это есть количество битов, необходимых для идентификации каждого отдельного варианта.

Изложенное только что представление об измеряющем информацию числе следующим образом обобщается на случай вариантов с произвольными вероятностями. Пусть имеется N вариантов с вероятностями $p_1, p_2, \ldots, p_N$. Тогда принимают, что в варианте, имеющем

вероятность p_i, заключена информация, равная $-\log p_i$. В случае, если все варианты равновероятны, мы получаем для информации, заключённой в каждом из них, величину, указанную в предыдущем абзаце, то есть $\log N$ (поскольку $-\log(1/N) = \log N$).

76 [к п. 5.4.1, с. 110]. Статистические характеристики текста могут, например, служить основой для установления авторства.

77 [к п. 5.4.2, с. 112]. Андрей Андреевич Марков старший (2(14).6.1856—20.7.1922) был отцом Андрея Андреевича Маркова младшего (9(22).9.1903—11.10.1979), упоминаемого в рубриках 3.5.1 и 6.1. Сын написал яркую биографию [МаркII] своего отца.

78 [к п. 5.4.2, с. 113]. С целью сближения частоты с искомой вероятностью частота может подвергаться некоторым усредняющим приёмам, о которых не место здесь говорить. Один из таких приёмов использован в [Марк 13ео].

79 [к п. 5.4.2, с. 114]. К слову «букв» знаменитый автор делает сноску, которая заслуживает того, чтобы полностью её воспроизвести. Вот она:

> Исследование произведено над переписанным мною текстом, который несколько отличается от оригинала, благодаря вкравшимся при переписке ошибкам, но ввиду немногочисленности и неумышленности ошибок, они не должны существенно влиять на выводы. В первом исследовании я употребил много времени и труда на исключение таких ошибок. Вычисления выполнены в обоих случаях с одинаковой тщательностью.

80 [к п. 5.5.1, с. 115]. Таблица таких частот приведена в [Ягл 73], на с. 238. Сообщим сведения о трёх чемпионах и трёх аутсайдерах этой таблицы, указав для каждой из этих шести букв, сколько имеется (в среднем!) её появлений на каждую тысячу букв текста. Первые три места занимают пробел, *о* и *е/ё*, имеющие, соответственно, 175, 90 и 72 появления на тысячу. Замыкают таблицу буквы *щ*, *э* и *ф*, имеющие, соответственно, 3, 3 и 2 появления на тысячу. Тут надо ясно отдавать себе отчёт в следующем. Говоря о частотах букв в русских текстах, имеют в виду частоты, вычисленные для большого корпуса разнообразных достаточно длинных текстов. Дело в том, что в отдельно взятом тексте могут наблюдаться значительные отклонения от средней нормы: такие отклонения может дать как текст специального содержания ввиду обилия специальных терминов, так и поэтический текст ввиду аллитераций и ассонансов.

81 [к п. 5.5.2, с. 116]. Слова «в идеале» отражают философское различие между частотой и вероятностью. Частоты букв, встречаю-

щихся в реальных (и притом непременно длинных) текстах, приводят к возникающей в мозгу математика концепции о вероятностях этих букв; в качестве таковых берутся соответствующие частоты. Затем эти вероятности закладываются в схему эксперимента по созданию искусственного текста. После чего можно с высокой достоверностью надеяться, что частоты букв в экспериментально созданном искусственном тексте будут близки к указанным вероятностям. (Это верно для достаточно длинных искусственных текстов; отметим, что для наших примеров частоты двух-, а тем более трёх- и четырёхбуквенных сочетаний в них не могут быть близки к частотам их появления в текстах: слишком мало сочетаний встречается в этих примерах.)

82 [к п. 5.5.3, с. 116]. Впрочем, парадоксальное буквосочетание ЬУ встречается в слове

ТВЕРЬУНИВЕРСАЛБАНК.

Не потому ли этот банк встретился, как известно, с больши́ми трудностями?

83 [к п. 5.5.6, с. 117]. В свою очередь, Ягломы указывают в сноске на с. 240, что эти примеры, начиная с приближения первого порядка, заимствованы ими из статьи [Добр 61]. Однако обращение к [Добр 61], с. 47—48, показывает, что примеры Добрушина значительно, иногда до неузнаваемости, отредактированы Ягломами. Последних, впрочем, можно оправдать, потому что Добрушин на с. 47 явно запутывается в количестве букв (а тем самым, видимо, и в составе) русского алфавита. Ещё более ранняя редакция рассматриваемых примеров приведена в совместной статье Добрушина и Ягломов [Ягл 60].

84 [к n° 5.6, с. 118]. Разумеется, мы оставляем в стороне вопрос о практической возможности подсчёта частот сто- и более буквенных сочетаний.

85 [к п. 5.8.1, с. 119]. Как известно, энциклопедическая статья начинается с названия статьи, за которым идёт тире, затем дефиниция и затем точка; дефиницией как раз и называется текст, расположенный между сопровождающим заглавное слово тире и ближайшей точкой.

86 [к п. 5.8.3, с. 121]. Под «чисто комбинаторным» разумеется подход, основанный лишь на статистических характеристиках текста, без привлечения вероятностной модели.

87 [к п. 5.8.4, с. 123]. Колмогоров нигде не разъясняет, что такое «остаточная энтропия», полагая, как это вообще типично для него, что из контекста должно быть ясно, что он хочет сказать.

На качественном уровне остаточную энтропию следует понимать как числовую характеристику той гибкости языка, которая всё ещё остаётся после того, как на текст наложены жёсткие ограничения, связанные с его содержанием (см. последнюю цитату в n° 3.2). Таких ограничений требует, в частности, ситуация перевода. Остающаяся гибкость языка означает не что иное, как возможность многих вариантов с одним и тем же или почти одним и тем же содержанием, что и делает возможным выбрать из этих вариантов тот, который помимо ограничений содержания подчиняется ещё и ограничениям формы — например, заданному стихотворному метру. Коль скоро речь идёт о стихотворных переводах, следует заметить, что само понятие 'перевод' необходимо должно мыслиться весьма широко, с допущением переводов не слишком точных: усиление требований к форме неизбежно приводит к ослаблению требований к содержанию.

На математическом уровне можно предложить следующее понимание термина «остаточная энтропия». Пусть каждое предложение иностранного — скажем, английского — языка можно перевести на русский язык n способами. В предыдущей фразе содержится значительное огрубление ситуации, поскольку в действительности различные предложения можно перевести различным количеством способов. Но мы пойдём дальше и допустим ещё бóльшую идеализацию, приняв, что все русские переводы всех английских предложений состоят из одного и того же количества букв. Подобные огрубления, или идеализации, не слишком страшны, потому что они отражают вполне разумные представления о среднем числе переводов, приходящихся на одно предложение в достаточно длинном английском тексте и о среднем числе русских букв, приходящихся на один перевод. Итак, примем изложенную модель. Тогда текст, скажем, из ста предложений будет иметь n^{100} переводов. Остаточная энтропия — в том контексте, как она фигурирует в приведённой цитате из Колмогорова — есть двоичный логарифм числа переводов исходного текста, поделённый на длину любого из этих переводов (понимаемую как число содержащихся в нём печатных знаков). При сделанных идеализирующих допущениях это число постоянно для всех исходных английских текстов. Иными словами, если остаточная энтропия равна h, то количество русских текстов длины k, являющихся переводами данного английского текста, равно примерно 2^{hk}.

88 [к п. 5.8.4, с. 123]. «Свобода обращения со словесным материалом», о которой здесь говорится, означает, что для каждого исходного текста должно иметься достаточно обширное собрание вариантов его перевода — а именно, настолько обширное, чтобы из этого собрания

мог быть выбран перевод, обладающий требуемой стихотворной формой. Как было разъяснено в предыдущем примечании, количество переводов данного текста характеризуется остаточной энтропией и оно тем больше, чем больше численное значение остаточной энтропии. Поэтому для того, чтобы стихотворный перевод был возможен, это значение должно быть больше некоторого числа — в данном случае больше, чем 0,4.

Попробуем пояснить смысл величины 0,4. Мы рассматриваем параллельно два языка: русский язык в его полном объёме и ограниченный русский язык, являющийся подъязыком предыдущего и состоящий из русских текстов, удовлетворяющих некоторым жёстко фиксированным требованиям к форме; в комментируемой цитате из Колмогорова эти требования к форме состоят в том, что рассматривается «классический четырёхстопный рифмованный ямб с некоторыми естественными ограничениями на частоту „переносов“ и т. п.». Тексты, удовлетворяющие принятым требованиям, будем называть допустимыми, так что термин «допустимый текст» вводится ad hoc и при других требованиях будет означать совсем другое. Пусть энтропия первого языка есть A, энтропия второго языка есть B, так что примерное количество текстов длины k в первом языке есть 2^{Ak}, а во втором языке есть 2^{Bk}. Очевидно, $A > B$, так что $A = B + \alpha$, или $B = A - \alpha$, где $\alpha > 0$. Эта величина α характеризует ту долю, которую среди всех русских текстов данной длины занимают тексты допустимые: для текстов длины k вторых в $2^{\alpha k}$ раз меньше, чем первых. Делается допущение, что эта доля не зависит от содержания текстов. А тогда она должна быть такой же для ситуации, в которой рассмотрение ограничивается текстами, являющимися переводами заданного иноязычного текста. Иными словами, если для данного исходного текста имеется N русских переводов длины k, то допустимых переводов (то есть переводов, являющихся допустимыми текстами) должно быть в $2^{\alpha k}$ раз меньше. Поэтому в случае, если $2^{\alpha k} > N$, допустимых переводов не будет вовсе. Значит, чтобы допустимые переводы существовали, должно быть $N \geqslant 2^{\alpha k}$. А это последнее неравенство равносильно такому: $h \geqslant \alpha$, где h — остаточная энтропия (ведь, как указано в последней фразе предыдущего примечания, $N = 2^{hk}$). Итак, выполнение условия $h \geqslant \alpha$ необходимо для того, чтобы перевод, удовлетворяющий желаемым требованиям формы, был возможен. Для обсуждаемых требований (четырёхстопный рифмованный ямб с некоторыми ограничениями) значение параметра α есть, по мнению Колмогорова, 0,4. (Так что количество текстов длины k, подчинённых этим требованиям, в $2^{0,4k}$ раз меньше, чем количество всех текстов

длины k.) Разумеется, все приводимые здесь (как и в аналогичных местах нашего изложения) числа (N, $2^{\alpha k}$ и прочие) не следует понимать слишком буквально. Точные количества и доли вообще не могут быть точно определены. Числа эти, здесь и в аналогичных местах, надо воспринимать как не более чем способ математического моделирования реальной ситуации.

89 [к п. 5.8.4, с. 123]. По-видимому, под примечательностью Колмогоров разумеет здесь возрастание ожидающих поэта трудностей. Вспомним обозначения предыдущего примечания. Колмогоров говорит об уменьшении, вследствие стилистических ограничений, величины A с 1,9 до не более чем 1,1—1,2; вместе с A уменьшается и характеризуемый этой величиной запас текстов. Если считать величину α, выражающую требования к форме, постоянной, то столь резкое уменьшение величины A приводит к тому, что становится ощутимо труднее выбрать из всех текстов те, которые удовлетворяют указанным требованиям.

90 [к п. 5.8.4, с. 123]. Надобно принять во внимание традиционный круг читателей того журнала, в котором была опубликована колмогоровская статья.

91 [к n° 5.9, с. 125]. Сказанное не вполне точно. На самом деле удельная сложность не превосходит суммы энтропии с некоторой добавкой, которая стремится к нулю при увеличении длины текста.

92 [к n° 5.9, с. 125]. Читатель, следящий за аккуратностью нашего изложения с вниманием бóльшим, нежели мы смеем рассчитывать, может испытать здесь некоторое затруднение. В самом деле, если удельная сложность оценивается сверху энтропией, то удельная условная сложность должна оцениваться сверху условной энтропией (а не просто энтропией). Так оно и есть. Но дело в том, что условная энтропия «при заданном запасе „априорной информации“», о котором говорит Колмогоров, совпадает с обыкновенной (то есть абсолютной, не условной) энтропией того подъязыка, который как раз и выделяется из русского языка в целом этой «априорной информацией». Она, эта энтропия, и вычисляется экспериментально, методом угадывания.

93 [к n° 6.1, с. 125]. А ещё раньше, 19 декабря 1956 года, в разговоре со мной Колмогоров заявил, что основные достижения кибернетики лежат вне кибернетики и что кибернетика есть не наука, а научное течение.

94 [к n° 6.1, с. 126]. Для инженерно-корабельной службы, к которой принадлежал Берг, максимальное возможное число адмиральских звёзд как раз и было три.

95 [к n° 6.1, с. 126]. Отставка с должности была вызвана тяжёлым инфарктом, случившимся в июне 1956 года.

96 [к n° 6.1, с. 126]. Эта последняя фраза начиналась так: «Сектор структурной типологии славянских языков Института славяноведения АН СССР, организующий симпозиум совместно с лингвистической секцией Научного совета по кибернетике АН СССР <...>». Заведующим названным сектором был тогда Вл. Н. Топоров; председателем названной секции был Вяч. Вс. Ива́нов.

97 [к n° 6.1, с. 126]. А ещё к Симпозиуму была выпущена программа. Она была изготовлена уже не типографски, а средствами «малой полиграфии» — что-то вроде синьки, только фиолетового цвета. В надзаголовочных данных указаны те же два академических учреждения, что и в пригласительном билете, но Институт славяноведения детализирован; при нём стоит: СЕКТОР СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ. Вот примечательная фраза из этой программы: «Вход только по пригласительным билетам». Вспомним, что многие издания, кажущиеся сейчас совершенно невинными, издавались в советское время с грифом «Для научных библиотек» и в свободное обращение не поступали.

98 [к n° 6.1, с. 126]. В этой статье слова (понимаемые как словоформы) классифицируются по 31 ритмическому виду; вид слова полностью определяется количеством слогов и местом ударения. Если заменить в речи каждое слово его ритмическим видом, речь предстанет как цепочка ритмических видов. В статье приводятся значения энтропии для таких цепочек, соответствующих различным типам текстов (в частности, различным авторам).

99 [к n° 6.2, с. 127]. Колмогоров написал для того же тома и статью «Информация». Как мне рассказывал Колмогоров, компетентное ведомство, курирующее оборот информации в нашем государстве, обратило внимание на наличие статьи с таким заглавием, что привело к задержке выхода тома. Вообще, этот том мог бы служить предметом интересного исследования. Прежде всего следовало бы произвести классификацию причин, по которой та или иная статья появилась именно в дополнительном томе, а не в основных томах. Например, статьи «Бирманская литература» и «Вьетнамская литература» обязаны, как нам кажется, своим появлением повышением государственного статуса соответствующих тем (а пока статус был низок, то и информации об этих литературах не было практически никакой — да и не была она востребована, эта информация). Если включение лишь в дополнительный том статьи «Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика» можно, хотя и с натяжкой, объяснить хронологическими причинами (созданная

в 1936 году, ЧИАССР была в 1944 году ликвидирована, а восстановлена лишь в 1957 году, так что могла и не успеть попасть в том на че), то подобная же судьба статей «Чеченцы», «Чеченский язык», «Ингуши», «Ингушский язык» объяснима лишь причинами идеологическими. Мне не удалось поместить в этот том статью «Семиотика»: оказалось, что время для этого тогда ещё не настало. Однако удалось поместить статьи «Синтаксис в логике» и «Семантика в логике», а в последней упомянуть семиотику в следующем контексте: «...С. тесно соприкасается с семиотикой — общей теорией знаковых систем (не смешивать с семиотикой в медицине)»; дело в том, что в томе 38 того же 2-го издания БСЭ статья «Семиотика» была, но с такой дефиницией 35: «изучение и оценка проявлений, признаков, симптомов болезней».

100 [к n° 6.2, с. 128]. В редакции журнала Н. Г. Рычкова имела совершенно уникальный статус (зафиксированный, например, в платёжных ведомостях): автор статьи академика Колмогорова.

101 [к n° 6.2, с. 128]. Как тут не вспомнить знаменитую (и слишком часто, увы, применимую) формулу: «Плазма или, короче говоря, протоплазма»!

102 [к n° 6.3, с. 128]. Михаил Константинович Поливанов родился в Москве 19 сентября 1930 года, умер там же 23 января 1992 года, окончил Физический факультет Московского университета в 1954 году. На момент смерти он был заведующим отделом квантовой теории поля Математического института им. Стеклова РАН и — на общественных началах — ректором Независимого московского университета. М. К. Поливанов имел широкие гуманитарные интересы и был знатоком поэзии, в особенности поэзии Пастернака 138, с которым был знаком и лично. Впоследствии он сделался связан с Пастернаком и по семейной линии: его кузина Елена Владимировна, урождённая Вальтер, дочь его тётки Леноры Густавовны (см. ниже), вышла замуж за Евгения Борисовича Пастернака, сына поэта.

С рядом представителей российской гуманитарной интеллигенции М. К. Поливанов был связан генеалогически. Младшая из двух старших сестёр его отца Елена Михайловна, урождённая Поливанова (сценический псевдоним «Берсенева»), была замужем за актёром и режиссёром Рубеном Николаевичем Симоновым, так что М. К. является кузеном их сына режиссёра Евгения Рубеновича Симонова. Его мать Маргарита Густавовна — младшая из двух дочерей (а старшая — Ленора, см. выше) философа Густава Густавовича Шпета от Марии Александровны, урождённой Крестовоздвиженской (сценический псевдоним «Крестовская»). От второй жены Г. Г. Шпета Наталии Константиновны, урождённой Гучковой, произошла, в числе

трёх детей, дочь Татьяна Густавовна, единственным ребёнком которой является балерина Екатерина Сергеевна Максимова, так что М. К. является и её кузеном. (См. в [Шп], с. 330, родословное дерево потомков Г. Г. Шпета по состоянию на 1937 год.) Его дед, также Михаил Константинович, является кузеном лингвиста и полиглота Евгения Дмитриевича Поливанова (о коем см. [Лар]): их отцы Константин Михайлович и Дмитрий Михайлович были братьями — сыновьями Михаила Матвеевича Поливанова (1800—1883).

●●➤ У М.К. две младшие сестры. Старшая из них, Мария Константиновна — замужем за Виктором Марковичем Живовым, известным русистом, профессором университета Беркли (США) и заместителем директора Института русского языка РАН (сведения от 2011 года); Анна Константиновна, окончившая Отделение структурной и прикладной лингвистики Московского университета, в течение многих лет преподавала студентам этого отделения, оказывая на них заметное влияние. ◄●●

И, наконец, специально для читателей «НЛО»: 1) его дочь Марина является женой брата члена редколлегии «НЛО» Романа Тименчика; 2) имя его сына Константина также можно встретить на страницах «НЛО» (свежие страницы — с. 91 и далее все чётные вплоть до с. 110 в № 20 за 1996 год).

103 [к n° 6.3, с. 129]. Вячеслав Всеволодович Ива́нов родился в Москве 21 августа 1929 года. Когда я впервые увидел его, он был студентом кафедры английского языка Филологического факультета Московского университета. Впоследствии он был заместителем главного редактора журнала «Вопросы языкознания», руководителем группы математической лингвистики Лаборатории электромоделирования Академии наук, руководителем группы машинного перевода Института точной механики и вычислительной техники Академии наук, председателем Лингвистической секции Совета по кибернетике Академии наук, заведующим сектором структурной типологии славянских языков Института славяноведения Академии наук (сотрудником этого сектора он состоит и поныне), народным депутатом СССР, директором Всесоюзной библиотеки иностранной литературы, председателем секции переводчиков Московской писательской организации, заведующим кафедрой теории и истории мировой культуры Московского университета. Сейчас он является профессором названной кафедры и директором Института мировой культуры Московского университета. Тогда он был просто Комой. Я помню шумное празднование его двадцатипятилетия и свой тост на этом праздновании: «Гордость российской науки и украшение дома! Все от Филей до Кентукки знают Ива́нова Кому! Кто, как Ипатия, мудр? Как Аполлон, златокудр?

Это наш общий знакомый, это Ива́нов Кома. Только так и не иначе, в Переделкине, на даче, от восторга чуть не плача, хохоча и гогоча, поздравлять мы будем Вяче|слава Всеволодыча́! Выпьем, друзья, этот кубок и заново выпьем за здравие Комы Ива́нова! Заново провозгласим Вячеславу вечную славу, вечную славу!». А Комина мама Тамара Владимировна объявила звучным голосом: «Когда я рожала Кому, ревела буря и гремел гром. И это был благостный признак!».

104 [к n° 6.4, с. 130]. То есть Норберта Винера. В наших «Тезисах» он несколько раз упоминался с большим почтением.

105 [к n° 6.4, с. 130]. ...«*знаменитого математика, философа, медика и биолога» периода World War по. 2*. Здесь Колмогоров явно что-то цитирует, но сейчас, сорок без малого лет спустя, я не могу понять, что именно. Винер чем-то раздражал Колмогорова; возможно, элементами рекламы и саморекламы **139**. В знаменитой книге Винера «Кибернетика» Колмогоров не находил ясных и глубоких мыслей того уровня, каковой, с его точки зрения, мог бы оправдать объём книги и ту сенсацию, которую она сделала. Колмогоров весьма не любил, когда его сравнивали с Винером; его больше устраивало сравнение с фон Нёйманом. Сам же Винер упоминает в своей «Кибернетике» Колмогорова как предшественника своих работ по теории информации, а более подробно пишет об их научных взаимоотношениях в автобиографической книге [Вин]: «Больше двадцати лет мы наступали друг другу на пятки» (с. 142); «все идеи по этому поводу ⟨речь идёт о теории прогнозирования — *В. У.*⟩, которые мне казались действительно глубокими, появились в заметке Колмогорова до того, как я опубликовал свою статью, хотя я и узнал об этом только через некоторое время» (с. 249); «я говорил тогда ⟨в 1940 году — *В. У.*⟩, что <...> если кто-нибудь в мире занимается сейчас тем же, что и я, то, вероятнее всего, это Колмогоров в России» (с. 250). Возможно, что наступание на пятки влияло на отношение Колмогорова к Винеру. Тем замечательнее, что именно Колмогоров написал статью «Винер» для 3-го издания БСЭ (см. [Колм 71]) — статью, которую можно назвать хвалебной: все заслуги Винера там тщательно указаны. В дополнительный (51-й) том 2-го издания статья «Винер» была включена по моей инициативе, и её написали Ива́нов, Поливанов и я (см. [ИвПоУс]).

106 [к § 8, с. 132]. Трансформации типа *Власть преступности / Преступность власти* уже приелись. («Власть силы, сила власти» — вот характерное название сборника трудов Московской государственной юридической академии, вышедшего в 1996 году.) ●➤ Всемирный конгресс ПЕН-клуба, открывшийся 22 мая 2000 года

в Москве, проходил под девизом «Свобода критики — критика свободы». ◀● ●●▶ По мнению В. М. Алпатова, подобная перестановка слов получила распространение после строк В. А. Гиляровского:

В России две напасти:
Внизу власть тьмы,
А наверху — тьма власти.

Этими строками Гиляровский отозвался на опубликованную в 1886 году пьесу Льва Толстого «Власть тьмы». Но ещё в 1847 году, как указал мне Г. А. Левинтон, вышла в свет «Нищета философии» Маркса как ответ на книгу Прудона «Философия нищеты» (1846 год). ◀●●

107 [к § 8, с. 133]. О. И. Скороходова (1911—1982) лишилась зрения и слуха в возрасте 5 лет. Воспитывалась под руководством знаменитого Ивана Афанасьевича Соколянского (1889—1960), «отца» отечественной тифлосурдопедагогики. Выпустила автобиографическую книгу [Скор]. 28 ноября 1961 года в Институте психологии (просп. Маркса, 18) состоялась защита Скороходовой на соискание кандидатской степени по педагогическим наукам; в качестве диссертации была представлена названная книга; я присутствовал на этой защите. Дальнейшие сведения о Скороходовой см. в 23-м томе 3-го издания БСЭ на с. 522. В одной из глав своей книги — а эта глава, расположенная на с. 245—247, так и называется: «О щелчке, стекле и каменной баранке» — Скороходова рассказывает о своём восприятии пастернаковской «Венеции». Это восприятие весьма своеобразно и заслуживает изучения; боюсь, что этот пассаж Скороходовой прошёл мимо внимания пастернаковедов. Дадим ей слово: «Я никак не могла себе представить, что оконное стекло может само по себе щёлкать. <...> Поэтому мне представлялся не щелчок оконного стекла, а те щелчки, которыми ребятишки награждают друг друга по лбу. Что же касается сравнения Венеции с размокшей баранкой, то это обстоятельство сбивало меня с толку ещё больше, чем щелчок стекла. Мне представлялась размокшая баранка, плавающая, например, в миске <...>».

108 [к § 8, с. 134]. То есть в п. 5 раздела I Второго послания [Колм СП.2] ⟨см. с. 222 настоящего издания — *Примеч. ред.*⟩.

109 [к § 8, с. 134]. То есть из «Нескольких положений» Пастернака.

110 [к примеч. 1, с. 135]. Этим связи ММО с литературой не исчерпываются. Вот цитата из воспоминаний Павла Сергеевича Александрова (25.4(7.5).1896—16.11.1982), близкого друга Колмогорова, бывшего президентом ММО с 1932 по 1964 год (почётный президент с 1964 года): «Возвращаюсь к черниговскому лету. Кроме моих занятий, связанных с театром, я летом 1919 года был, как и в пред-

шествующую зиму, занят чтением публичных лекций на литературные темы. Это были лекции о Гёте (мой гимназический опыт не пропал даром), Гоголе, Ибсене, Гамсуне и Достоевском. Мои лекции имели большой успех, и не только в Чернигове, но и в некоторых других городах, в частности, в Киеве» ([Ал], с. 239). И ещё две цитаты (они показывают, что косвенная связь ММО с литературой осуществлялась не только через Белого, но и через Есенина): «...2-го апреля [1921 года] я вступил в брак с Екатериной Романовной Эйгес. Брак этот не был удачным и заключение его было ошибкой» ([Ал], с. 243); «...За 1918—1919 годы в жизнь Екатерины Романовны вошло новое лицо, и им был Сергей Есенин. <...> В начале или середине марта 1921 года Екатерина Романовна познакомила меня с Есениным <...> ...Я почувствовал его мягкость, нежность и какую-то незащищённость» ([Ал], с. 242). Воспоминания Е. Р. Эйгес [Эйг] были недавно опубликованы (к чему толчком послужило обнаружение копии этих воспоминаний в архиве Александрова — в процессе разборки этого архива, происходившего весною 1983 года по инициативе Колмогорова). Именно к Е. Р. Эйгес обращено, по утверждению П. С. Александрова, знаменитое есенинское «Письмо к женщине» («Вы помните, Вы всё, конечно, помните...»), а упоминаемый в «Письме» «серьёзный, умный муж» — это и есть П. С. Александров. Присовокупим к сказанному, что Айседора Дункан была одним из трёх лиц (наряду с его учителем Николаем Николаевичем Лузиным и ученицей Лузина Юлией Антоновной Рожанской), к которым П. С. Александров, по его собственному признанию, испытывал чувство ненависти.

111 [к примеч. 3, с. 136]. Добавка «но и с писателем», как бы претендующая сегодня на некоторую парадоксальность, в начале века показалась бы менее парадоксальной. Поучительно сравнить современное содержание термина ‘писатель’ с употреблением этого же термина в то время. Вот иллюстрация. В моих детских воспоминаниях сохраняется образ брата моей бабки Юлии Дмитриевны, Николая Дмитриевича Виноградова (1868—1936), почтенного господина в серой тройке, доктора философии, профессора 2-го МГУ. Я слышал о нём как о профессоре педагогики. Однако в десятом томе «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, выходившего с 1911 по 1916 год в столбце 687 Н. Д. Виноградову даётся такая дефиниция **35**: «писатель». Далее перечисляются следующие сочинения Виноградова: «Философия Д. Юма, ч. I. Теоретическая философия Д. Юма»; «Философия Д. Юма, ч. II. Этика Д. Юма в связи с важнейшими направлениями британской морали XVII—XVIII веков»; «Психофизиологические исследования над микроорганизмами»; «Биологический механизм и

матерьялизм»; «Теория эмоций Джемса—Ланге»; «Лесли Стивен»; «Ближайшие задачи экспериментальной педагогики»; «К характеристике современного педагогического движения». В наши дни подобный список вряд ли мог бы служить подтверждением писательского звания.

112 [к примеч. 3, с. 136]. Менделеев никогда так не был прославлен, как в советское время. Однако одной из характернейших черт советского строя была показуха. В роскошном 25-томном советском издании трудов Менделеева, начатом к его 100-летнему юбилею, не нашлось места не только для упомянутых подстрочных примечаний (а они, повторяю, суть менделеевские тексты, причём тексты замечательные), но и для содержащихся в изданной Менделеевым книге [Мат] менделеевских чертежей изобретённых им хитроумных устройств, имеющих своею целью выяснить, точно ли движение предметов во время спиритического сеанса совершается самостоятельно или же оно призводится кем-либо из присутствуюих лиц. Надо сказать, что отношение Менделеева к спиритизму было очень здравое: не отрицая возможности спиритических явлений в принципе, он находил, что решительно все свидетельства о таких явлениях недостоверны.

Нечего говорить, что в 25-томнике отсутствует и увлекательнейшее сочинение Менделеева «Попытка химического понимания мирового эфира», вышедшее в 1905 году в Петербурге отдельной брошюрой; в 1958 году это сочинение всё же было у нас издано в составе книги Д. И. Менделеева «Периодический закон», а сейчас его можно увидеть в Интернете: `http://ru.wikisource.org/wiki/Попытка_химического_понимания_мирового_эфира_(Менделеев)`.

113 [к примеч. 4, с. 138]. Тексты Галича опубликованы достаточно широко, чего не скажешь о тексте Левинтона. Посему привожу его в том виде, как он мне запомнился:

Стою себе на месте,
Держуся за карман,
Как вдруг ко мне подходит
Незнакомый мне граждан.
И он говорит мне тихо:
«Куда бы мне пойти,
Чтоб мог сегодня лихо
Я вечер провести?
Чтоб были бы девчонки,
И было бы вино,
А сколько будет стоить,
Мне это всё равно».

А я ему отвечаю:
«Последнюю вчера
На Лиговке малину
Закрыли нам с утра».
А он говорит, в Марселе
Такие кабаки,
Такие там ликёры,
Такие коньяки!
Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак!
Он предложил мне франки
И жемчуга стакан,
Чтоб я ему перéдал
Советского завода план.
Мы взяли того субчика,
Отняли чемодан,
Отняли деньги-франки
И жемчуга стакан.
Потом его мы сдали
Властям Энкаведé,
С тех пор его по тюрьмам
Я не встречал нигде.
Меня благодарили власти,
Жал ручку прокурор,
И тотчас посадили
Под усиленный надзор.
А я с тех пор, ребята,
Одну имею цель:
Ах, только б мне увидеть
Тот западный Марсель,
Где девочки танцуют голые,
Где дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак!

●●➤ Для текстологической корректности привожу тот текст, который считает правильным Георгий Ахиллович Левинтон, сын автора песни. 4 января 2008 года он любезно прислал мне свою статью «Ещё раз „Жемчуга стакан“», сперва опубликованную в парижской

газете «Русская мысль», № 3830, 1 июня 1990 года, с. 13, а затем перепечатанную в петербургской газете «Час Пик», № 44, 4 ноября 1991 года. Вот выдержки из этой статьи:

> Песня «Жемчуга стакан» за последние годы неоднократно упоминалась или цитировалась в печати, но по большей части со многими неточностями. Это обстоятельство и побуждает нас предложить читателям её аутентичный текст, аутентичный, разумеется, в той мере, в какой публикатор может полагаться на свою память, в данном случае, однако, на неё, видимо, можно полагаться, так как автор этой песни — мой отец А. Г. Левинтон — многократно пел её при мне, и мне самому впоследствии много раз приходилось её петь.
>
> <...>
>
> Наиболее подробно и достоверно о возникновении песни рассказано в повести Р. А. Зерновой «Элизабет Арден». Повесть и фрагмент из неё под названием «Жемчуга стакан» печатались несколько раз. Остаётся только добавить, что песня была подарена самой Руфи Александровне на день её рождения. Кроме того, отец утверждал, что песня ему приснилась во сне. Пел он её на несколько изменённый и упрощённый (слуха у отца решительно не было) мотив цыганского романса «Стаканчики гранёные», откуда, конечно, и попала в песню (на правах не столько цитаты, сколько своеобразной «реминисценции», воспоминания песни о своем происхождении) эта странная мера для жемчуга. Итак, приводим авторский текст песни:
>
> Стою себе на месте,
> Держуся за карман,
> Как вдруг ко мне подходит
> Незнакомый мне граждан-
> нин говорит мне тихо: 140
> «Куда бы мне пойти,
> Чтоб весело и лихо
> Мне время провести?
> Чтоб были-были-бы девчонки,
> Чтоб было-было-бы вино,
> А сколько будет стоить,
> Мне это всё равно».
> А я ему отвечаю:
> «Последнюю вчера
> На Лиговке малину
> Закрыли нам с утра».

А он говорит:
«В Марселе
Какие кабаки!
Какие там ликёры,
Какие коньяки!
Там девочки пляшут[18] голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак!»
И он обещал мне франки
И жемчуга стакан,
Когда ему добуду я
Советского завода план.
Мы взяли того субчика,
Забрали чемодан,
Забрали деньги-франки
И жемчуга стакан.
Потом его мы сдали
Властям НКВД.
С тех пор его по тюрьмам
Я не встречал нигде.
Меня хвалили власти,
Жал руку прокурор,
И тотчас посадили
Под усиленный надзор.
И с этих пор, ребята,
Одну имею цель:
Ах, как бы мне поехать
В этот западный Марсель.
Какие там девчонки!
Какие кабаки!
Какие там ликёры!
Какие коньяки!
Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак! ◄●●

[18] Вариант: танцуют. Здесь, как и в последнем куплете, эти варианты чередовались от случая к случаю, так же, как не всегда делался повтор «Были-были-бы» во втором куплете.

114 [к примеч. 5, с. 138]. Ангелина Николаевна. Не знаю, какую она носила фамилию — Галич, Гинзбург (подлинная фамилия Галича), Шекрот или Прохорова (её фамилии до брака с Галичем).

115 [к примеч. 8, с. 138]. Комаровка — упоминаемая ещё в Писцовой книге за 1584 год (см. [Шир 93], с. 69) подмосковная деревня (а ныне всего лишь улица в посёлке) близ станции Болшево. Там находится дом, в котором Колмогоров и его друг и коллега известный математик Павел Сергеевич Александров (25.4(7.5).1896—16.11.1982) жили и работали, приезжая в середине недели в свои московские квартиры лишь в силу необходимости — для проведения занятий, деловых встреч и пр. В этом доме они держали и свою обширную библиотеку. Сейчас дом поддерживается в мемориальном состоянии А. Н. Ширяевым **24**.

116 [к примеч. 8, с. 138]. Колмогоров хорошо знал французский и немецкий и посредственно английский. Он справедливо считал, что процедура общения будет обеспечена, если каждый человек будет знать произвольные два языка из названных трёх, и очень удивлялся, что надменные англоязычные никак не хотели признать это простое правило.

117 [к примеч. 12, с. 140]. Он родился до оформления брака своего отца Николая Александровича Мусатова со своей матерью Полиной Александровной Ивашевой и потому был записан Михайловичем по имени крёстного отца и Ивашевым по фамилии матери. В гимназии и университете был Мусатовым, свои рисунки всегда подписывал «С. Мусатов». ●●➤ О том, что ударение в слове «Ивашев» ставится на втором, а не на третьем слоге, сообщила последняя (4-я) жена Сергея Николаевича Нина Васильевна, спрошенная мною при подготовке данного издания. ◄●●

118 [к примеч. 12, с. 140]. В имеющемся в моём распоряжении издании романа в фамилии «Ива́нов» ударение проставлено, а в фамилии «Кондрашев» — нет, притом что буквы е и ё в этом издании, увы, не различаются. На необходимости различения на письме этих букв мне уже приходилось настаивать — см. [Усп 96], § 24. ●●➤ В письме от 20 сентября 2007 года Н. Д. Солженицына сообщила мне следующее:

> Не только «Кондрашев-Иванов» ударяется на последний слог первой части фамилии (а «Иванов» на второй), но и «Ивашев-Мусатов» всегда называл себя так (на последний слог первой части), во всяком случае среди зэков на шарашке, да и позже, в общении на воле в 60-х.

Согласно этим сведениям, буква е в словах «Кондрашев» и «Ивашев» выступает как графическая форма буквы ё. Впрочем, как указал мне А. А. Зализняк, если подобные фамилии произносятся с ударением на последнем слоге, то их следует писать не через ё, а через о: «Кондрашов», «Ивашов» и т. д.; таким образом, сами написания «Ивашев» и «Кондрашев» служат сигналом безударности последнего слога — как в орфографии, требующей неукоснительно проставлять две точки над ё, так и в орфографии, этого не требующей. ◀●● Олег Сергеевич Ивашев-Мусатов, сын Сергея Николаевича, покинувшего Олега в его раннем детстве, произносит, по его словам, первую часть своей фамилии с ударением иногда на последнем слоге, а иногда на втором; первоначально он делал ударение на последнем слоге, но был переучен Ниной Георгиевной Лагорио (устное сообщение от 20.09.2007). (Матерью Олега Сергеевича является Анна Дмитриевна, урождённая Егорова, бывшая женой Сергея Николаевичиа, впоследствии ставшая женой А. Н. Колмогорова и принявшая его фамилию.)

119 [к примеч. 20, с. 141]. Ср. мнение, сообщённое автору неким юристом: «Истина есть продукт судоговорения».

120 [к примеч. 23, с. 142]. Роланд Львович Добрушин (20.07.1929—12.11.1995) — ученик Колмогорова, известный математик и классик отечественной математической лингвистики: помимо статьи с соавторами [Ягл 60], он автор хотя всего только двух, но классических публикаций в этой области: [Добр 57] и [Добр 61]. Во вступлении к своей первой лекции (19.11.1960) из цикла «Некоторые вопросы математической лингвистики» (см. n° 3.4) Колмогоров сказал: «Я буду заниматься абстрактно-логическими методами. В духе Роланда Львовича Добрушина. Но в применении к силлабо-тоническому стихосложению».

121 [к примеч. 23, с. 142]. Мычание было не единственной чертой, делающей Колмогорова похожим на его старшего современника Пастернака. У них было сходство и в чертах лица, и в чертах поведения; к последним можно отнести охотную готовность к физическому труду и демократизм в общении. Им обоим было свойственно «дворянское чувство равенства со всем живущим» («Доктор Живаго», ч. 1, гл. 4).

122 [к примеч. 23, с. 142]. Не знаю, сколько у Кондратова имелось статей в журналах, но пачка библиотечных карточек, описывающих его популярные книги по истории, географии, семиотике, филологии занимает в каталожном ящике Ленинской библиотеки ощутимое пространство. А раскрыв, скажем, «Лингвистический энциклопедический

словарь» (М.: Советская Энциклопедия, 1990) на статьях «Пиктография» и «Силлабическое письмо», обнаруживаешь, что автором и этих статей является А. М. Кондратов. ●➤ Недавно вышла книжка с портретом автора и библиографией: Александр Кондратов. Стихи тех лет. — СПб.: Издательство Буковского, 2001. — 71 с. ◄●

123 [к примеч. 23, с. 142]. Увы, не могу вспомнить в каком году. Мне хочется сказать: в шестидесятых, в связи с 4-м Международным съездом славистов — но этот съезд был не в шестидесятых, а в 1958 году; описываемое же событие не могло произойти ранее начала шестидесятых. ●➤ Вот что по этому поводу написал мне Вяч. Вс. Ива́нов 2 июня 2001 года:

> Насколько я знаю, Якобсон и Колмогоров познакомились в Польше на первой из двух больших конференций по поэтике, которая состоялась в 1964 году ⟨см. n° 3.8 — *В. У.*⟩ в начале августа <...>. Я там не был, но слышал потом отклики участников. Профессор Майенова из Варшавы пересказывала мне слова Якобсона: «За всем интересным, что было на конференции, можно было следить по сверкающим глазам двух участников: Ани Вежбицкой и Колмогорова». А Колмогоров мне при встрече сказал, что, как выяснилось, и он, и Якобсон приехали на конференцию с одинаковыми заготовками: у них обоих были выписаны (многочисленные) строки поэмы Пастернака «Девятьсот пятый год» с пропуском ударения в анапесте (типа «Облетевшим листом / И кладбищенским чертополохом» и «Точно Лаокоон / Будет дым / На трескучем морозе» — обе из главки «Отцы»). Мне это понятно с точки зрения истории нашего статистического стиховедения: начиная с Андрея Белого все занимались такими пропусками в ямбе, а трёхсложные размеры остались неизученными, хотя поэты в этом отношении экспериментировали. Кристина Поморска ⟨жена Якобсона — *В. У.*⟩ говорила мне о том, как Якобсон в ту встречу в Польше восторгался Колмогоровым.
>
> Об их встрече в Москве я ничего не знаю и склонен думать, что это было единственный раз за время тогда частых приездов Якобсона, когда я в Москве не был в конце этого долгого его визита. По этому только обстоятельству я предположительно отнёс бы эту встречу к приезду Якобсона в 1966 году: он был 4—11 августа на Всемирном Психологическом Конгрессе в Москве (тогда я его видел ежедневно), потом был вместе со мной 13—16 августа в Ленинграде на организованном Л. А. Чистович (в рамках того же Конгресса, но после него) семинаре по устной речи,

> а потом (тоже со мной) на лотмановской Летней школе в Кяэрику 19—25 августа. Оттуда я уехал с Таней отдыхать в Молдавию, а Якобсон вернулся в Москву, откуда (с твоим братом и покойным Костей Богатырёвым) полетел в Тбилиси на сессию памяти Шота Руставели по приглашению академика Г. В. Церетели (5 сентября <...>). По моему предположению, он был у Колмогорова в Москве до Тбилиси и после Эстонии — между 26 августа и 5 сентября 1966 года.

А мне-то казалось, что Якобсон стоял в вестибюле Московского университета, будучи окружён участниками какого-то форума, под каковое понятие подходит, в частности, Конгресс психологов. Но тогда выходит, что это было в дни его ежедневных контактов с Вяч. Вс. Ива́новым, который несомненно знал бы о его встрече с Колмогоровым. Памяти Ива́нова я доверяю больше, чем своей. ◀●

124 [к примеч. 34, с. 147]. В более поздней публикации Колмогорова этот закон опущен, так что количество законов соответствия оказывается сниженным до четырёх: см. [Колм 85], с. 114. Это пренебрежение правилами поведения безударных слогов не совсем понятно. Действительно, тут же, на с. 113, говорится: «Классическое русское стихосложение основано на правильном чередовании ударных, *безударных* ⟨курсив мой — *В. У.*⟩, сильных, слабых слогов и соблюдения требуемых метром словоразделов». Представляется несомненным, что под ударными и безударными слогами надлежит понимать здесь не реально (фонетически) ударные и безударные слоги, а слоги, ударные и безударные метрически, то есть по схеме (см. о них в начале примечания 34). Таким образом, в [Колм 85] подтверждается то представление о метрической схеме, включающей в свой состав и метрически безударные слоги, которое было сформулировано ранее в [Колм 68к]. Я склонен считать, что исчезновение безударных по схеме слогов из формулировки законов соответствия реального ритма метрической схеме является недоразумением, чем-то вроде опечатки. Тем более, что на такую точку зрения я получил разрешение у М. Л. Гаспарова, к которому обратился за консультацией.

125 [к примеч. 34, с. 147]. Читатель может сам сравнить пятый закон Колмогорова с формулировкой Якобсона из его рецензии **141** [Як] и иметь собственное суждение — возможно, отличное от колмогоровского — о степени её отчётливости. Вот соответствующая цитата из [Як], с. 229:

> Относительно ипостасы ямба хореем в русской поэзии XX века действует следующий закон: ударяемое слово может быть, при

известных фонетических условиях (после паузы), ритмически атонировано, но не может быть ритмически переакцентуировано, то есть возможны случаи вроде:

«Дух отрицания», но не «Мальчик пошёл», «Мальчики шли».

126 [к примеч. 36, с. 148]. Колмогоров не указывает точного адреса правила Тредиаковского. Приведём три относящиеся к предмету цитаты. Первая — из «Предуведомления» 1751 года [Тред 751]:

Способ к сочинению наших стихов во всяком роде <...> есть весьма нетруден. Вопервых, надобно почитать все односложныя слова́ общими, тоесть, и долгими и короткими, как того случай потребует. <...> ...Все наши односложные слова́, по природе своей, долгие, а полагаются общими в стихах токмо по законной вольности. ([Тред 751], с. LXIX—LXX.)

Вторая цитата — из Главы первой вышедшего в 1752 году и замечательного по своей ясности сочинения Тредиаковского «Способ к сложению российских стихов...» [Тред 752]:

§ 12

Во всяком слове ударенный, или возвышенный слог силою, то есть То́ном, называется *Долей*; но прочии все в нём, сколькоб их ни́было, *Короткии*.

§ 13

Нет ни одного сло́ва, которое можно б было выговорить, не ударив его по какому-нибудь слогу однажды: то есть, нет ни одного сло́ва, которое не имело б в себе долгаго слога.

§ 14

И как премножество есть слов Односложных; то следует, что и они без То́нна ⟨двойное эн в источнике — *В. У.*⟩ выговорены быть не могут.

§ 15

Того ради, все односложные слова́ по естеству своему суть долгия. Однако, хотя сие есть и бесспорно, толкож употребление наших Стихотворцев почитает их все в составлении Стопы́ Общими, то есть и долгими и короткими, смотря по потребности: сие невольность толь есть нужная, что без неё едваль бы можно было составить один токмо Стих без превеликия трудности.

([Тред 849], с. 127—128.)

Наконец, третья цитата из вышедшего в 1755 году сочинения Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» [Тред 755]:

> Односложные речения, кои с природы все долгие, для того что нет речения, кое можно б было выговорить, не ударив его где-нибудь у нас однажды, полагаются в нём ⟨то есть в «тоническом количестве» — *В. У.*⟩, по вольности, ***общими***, то есть и долгими и короткими, как того нужда требует: без вольности сея претрудно, или и невозможно, стих сочинять. ([Тред 963], с. 444.)

127 [к примеч. 40, с. 150]. В связи с Шенгели А. С. Монин 49 вспоминает такой эпизод. «Однажды по какому-то стиховедческому поводу цитировался Шенгели, и один из участников беседы сказал, что цитировать Шенгели не следует, так как он написал очень гадкую книгу о Маяковском. А. Н. рассердился — а это, напоминаю, бывало с ним редко — и долго и возбуждённо объяснял, что какой бы Шенгели ни был, там, где он прав, надо его цитировать» ([Мон], с. 490). Свидетельствует Семён Израилевич Липкин: «Как-то я присутствовал на лекции А. Н. Колмогорова, посвящённой применению методов теории вероятности к исследованию стихосложения. Академик с большим уважением отозвался о трудах Шенгели в этой области» ([Лип], с. 62—63). Не будем, однако, забывать, что настоящее примечание относится к тому месту, где Колмогоров говорит об ошибках Шенгели; см. также его высказывание на сходную тему в разделе II из [Колм СП.2].

128 [к примеч. 45, с. 154]. Зависимость, или «закон», Ципфа относится к лингвистической статистике. В силу этой зависимости, с некоторыми уточнениями подтверждающейся на разнообразных текстах, частота слова обратно пропорциональна его рангу; а ранг есть просто порядковый номер в списке слов, упорядоченных по уменьшающейся частоте. Закону Ципфа подчиняются не только слова, но и ряд других объектов, для которых имеет смысл говорить о частоте их встречаемости.

129 [к примеч. 46, с. 155]. Язык с конечным числом состояний (finite state language) — понятие математической лингвистики. Так называется всякий язык, который порождается схемой, или грамматикой, с конечным числом состояний (finite state grammar). Такие схемы, или грамматики, являют собою наиболее примитивные виды генеративных грамматик. Они суть не что иное, как конечные автоматы. Поэтому в русской литературе более приняты термины «автоматная грамматика» и «автоматный язык».

130 [к примеч. 59, с. 162]. Когда я осознал эту странную шаткость в такой, казалось бы, прочной конструкции, как чтение вслух по-русски таблицы умножения, мне захотелось выяснить, что же происходит с чтением таблицы умножения в языке английском. С этой целью я обратился к выпущенному тиражом 50 тысяч и напечатанному по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета словарю [Глу]: ведь там на с. 125—136 напечатан «Список правил чтения основных математических формул». Интересующий меня вопрос освещался правилами 54, 55 и 56 на с. 127. Вот эти правила:

54.	$1 \times 1 = 1$	once one is one
55.	$2 \times 2 = 4$	twice two is four
		twice two makes four
56.	$5 \times 5 = 25$	five times five is twenty five
		five multiplied by five equals twenty five
		five by five is equal to twenty five

Других примеров на чтение таблицы умножения в словаре не обнаружилось. Тогда я обратился к более редкому (всего 22 тысячи экземпляров) справочнику [Сав], утверждённому к печати Кафедрой иностранных языков Академии наук СССР. Примеры на чтение таблицы умножения исчерпывались следующими четырьмя, приведёнными на с. 11:

$1 \times 1 = 1$	Once one is one
$2 \times 2 = 4$	Twice two is four
$3 \times 3 = 9$	Three times three is nine
$4 \times 4 = 16$	Four times four is sixteen

Я надеюсь, что издательство «НЛО» предпримет когда-либо издание Антологии шедевров учебной и справочной литературы. Только что процитированные извлечения из словаря и справочника — первые кандидаты на включение в Антологию.

131 [к примеч. 66, с. 165]. Так на с. 261 в издании: Иосиф Бродский. Сочинения в четырёх томах. Том 3 / Сост. Г. Ф. Комаров. — СПб.: Пушкинский фонд, 1994. Иное чтение этих же строк приведено на с. 105 в книге: Иосиф Бродский. Пейзаж с наводнением / Сост. А. Сумеркин. — Dana Point: Ardis, 1995. Здесь читаем: «наклонность к поверхностности», что кажется более аутентичным.

132 [к примеч. 67, с. 165]. Среди неевклидовых геометрий занимают особое место и наиболее популярны геометрия Лобачевского и геометрия Римана. Брюсова, несмотря на его знаменитость и

признанную роль в развитии русской поэзии, мне не хотелось бы относить к числу «больших русских поэтов» 142; однако он был эрудит, и имена Лобачевского и Римана были ему известны: «То же в новом — Лобачевский, Риман, та же в зубы узкая узда!» (стихотворение «Мир *N* измерений» от 21 января 1924 года).

133 [к примеч. 67, с. 165]. В стихотворении «Принцип относительности», датированном 15 марта 1922 года, Брюсов написал: «...Вот-вот адамант Leges motus'ов Ньютона — разлетится в куски!» И он же в стихотворении «Невозвратность» от 1 августа 1923 года: «Эх! пусть фильму Эйнштейн волочит по Европе!» 143 На авторитет Брюсова и поэзии вообще ссылается Трижды герой соцтруда академик Я. Б. Зельдович в своей скрытой полемике с академиком А. Б. Мигдалом. В статье [Зель], на с. 411, он пишет:

> Любопытно, что правильный ответ на вопрос о теории строения материи дан полвека назад русскими поэтами.
>
> В последние годы ⟨статья написана в 1971 году — *В. У.*⟩ стало модным противопоставление физиков и лириков. Налицо утрата глубокой сопричастности художника к научному прогрессу. Между тем, когда-то, в 20-е годы, теория относительности и строение атома глубоко волновали воображение всех мыслящих людей. Валерий Брюсов в чеканных стихах рисовал планетарную систему атома 144, предвосхищая некоторые современные идеи о структуре частиц. Но ещё примечательнее ощущение тесной связи между теорией микромира (поэт-словотворец называет эту теорию «атомосклад») и космосом, выраженное в двустишии Велемира Хлебникова:
>
> Могучий и громадный, далёк астральный лад.
> Ты ищешь объясненья — познай атомосклад[19].

134 [к примеч. 71, с. 167]. См., например, некоторые из произведений Уктусской школы, опубликованных на с. 224—234 16-го номера «НЛО» (1995 год).

135 [к примеч. 71, с. 167]. В [РЛ], откуда мы берём цитату (см. с. 503), на с. 502 указано: «Сохраняется пунктуация источника». Хотя источник не назван явно, можно предполагать, что таковым является «„Слово как таковое“ — книжка А. Кручёных и В. Хлебникова, изданная в 1913 году» (см. [РЛ], с. 630).

---

[19] Разыскания Я. Б. Зельдовича. — *Подстрочное примечание авторов цитируемой статьи* [Зель]. 145

136 [к примеч. 71, с. 167]. Ср. также некоторые из упомянутых в примечании 134 сочинений Уктусской школы.

137 [к примеч. 73, с. 168]. По поводу дополнительных требований, или ограничений, накладываемых на ямб, см. цитату из Колмогорова в п. 5.8.4.

138 [к примеч. 102, с. 176]. На с. 618 [Паст] — «первого научно подготовленного собрания стихотворений и поэм Бориса Пастернака» (процитировано по аннотации на с. 4) — выражается благодарность составителя за помощь в работе. Пятеро из тех, кому она выражается, названы поимённо (остальные — это «все, кто»). Из этих пяти трое имеют фамилию Пастернак, двое других суть Е. С. Левитин и М. К. Поливанов.

139 [к примеч. 105, с. 178]. Ср. название одной из книг Винера, «Ex-prodigy», и подзаголовок другой, «The Later Life of a Prodigy».

140 [к примеч. 113, с. 183]. Эти две строки вызвали моё недоумение, и 5 января 2005 г. я написал Г. А. Левинтону:

> ...Продолжаю ощущать некий дискомфорт при взгляде на трёхстрочие:
>
> Как вдруг ко мне подходит
> Незнакомый мне граждан-
> нин говорит мне тихо
>
> Давайте запишем его без разбиения на стихотворные строки, без знака переноса и без заглавной буквы внутри фразы. Получаем:
>
> Как вдруг ко мне подходит незнакомый мне
> гражданнин говорит мне тихо
>
> Во-первых, получаем удвоенное эн. Во-вторых, фраза невозможна с пунктуационной точки зрения.

Георгий Ахиллович ответил мне в тот же день назиданием:

> Дорогой Владимир Андреевич,
>
> главное, чему должен научиться филолог (Юра Левин, например, так и не усвоил этого, мы с ним спорили на эту тему), это тому, что текст важнее его (его вкусов, представлений и т. п.). В классической филологии была школа, которую назвали «гиперкритики», они правили тексты, исходя из логики, кто-то из наших (Пб-х) профессоров (знаю в пересказе) иллюстрировал их так: *Тиха украинская ночь* — ночь неодушевлённая, тихой быть не может — восстанавливаем *Тиха украинская дочь* и т. д. Т. к. то же

обсуждение было у меня с Сашками ⟨имеются в виду Александра Александровна Раскина и Александр Дмитриевич Вентцель — *В. У.*⟩, то цитирую письмо к ним:

> Чего ж тут непонятного? Enjambament при этом либо гражданин выступает как член двух предложений, либо слог -нин одновременно выступает как скороговорка вместо и он (но отец пел растягивая н так что оно звучало в рифме и в то же время в начале следующей строки. Это не опечатка, ни у меня, ни у Руни ⟨то есть у Р. А. Зерновой — *В. У.*⟩. Текстология имеет преимущественные права перед синтаксисом. Никто не гарантирует, что текст синтаксически правилен (это относится и к Пушкину, Толстому и т. д.).

Добавлю, что, в любом случае, нелепого слова «Граждан» в тексте не было.

Поэтому вопрос «как быть» для меня не возникает. Единственный ответ — не цитировать. Или цитировать заведомо не авторский вариант (разумеется, с оговоркой), их сколько угодно в интернете. Разумеется такой изыск в устном исполнении не задерживается.

Я всю жизнь пел и слушал это без дискомфорта.

Всего лучшего
Ваш ГЛ

141 [к примеч. 125, с. 188]. Сочинение Якобсона [Як] помещено в разделе «Новые книги», занимающем с. 222—276 опубликовавшего это сочинение сборника «Научные известия», и действительно является рецензией. Достойно внимания, однако, что рецензент не считает нужным недвусмысленно объявить, что́ именно рецензируется (это к вопросу об отчётливости Якобсоновых формулировок). Анализ приводимых в рецензии цитат позволяет утверждать, что речь идёт о книге [Брю].

142 [к примеч. 132, с. 192]. Брюсова можно привести в качестве иллюстрации хорошо известного эффекта: мнение о поэте меняется со временем. Думается, что у нынешних ценителей акции Брюсова значительно ниже, чем они были во времена его младших современников. Возьмём к примеру известную статью Андрея Белого 1906 года «Венец лавровый»; эта статья [Бел 06] перепечатывалась затем по крайней мере трижды в качестве первой части более обширной статьи Белого «Брюсов»: сперва в [Бел 10лз], с. 178—205,

а в последние годы в [Бел 94кэтс1], с. 350—366 (с неверным указанием места и времени первой публикации в комментариях на с. 470) и в [Бел 94скм], с. 392—402 (с текстологической неточностью в приводимой ниже цитате). Она начиналась так: «Валерий Брюсов, первый из современных русских поэтов. — Его имя можно поставить на ряду только с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом, Некрасовым и Баратынским» ([Бел 06], с. 43). В этой связи вспоминаю выставку-продажу букинистических книг и рукописей в помещении ЦДЛ весною 1947 года. Там было выставлено письмо Брюсова в какое-то издательство с выражением неудовольствия: кажется, ему назначили не соответствующий его рангу гонорар. Фразу из письма вспоминаю почти дословно: «Считая себя первоклассным русским поэтом, что подтверждено последними исследованиями Андрея Белого...».

143 [к примеч. 133, с. 192]. «Фильма, популяризирующая принцип относительности Эйнштейна, в 1923 году обошла все кино Европы». (*Примеч. Брюсова.*)

144 [к примеч. 133, с. 192]. К слову «атома» в [Зель] даётся затекстовое примечание, отсылающее к стихотворению Брюсова «Мир электрона» от 13.08.1922: «Быть может, эти электроны — миры, где пять материков, искусства, знанья, войны, троны и память сорока веков! Ещё, быть может, каждый атом — вселенная, где сто планет» и т. д.

145 [к примеч. 133, с. 192]. Подлинное двустишие из разысканий Я. Б. Зельдовича не было в 1971 году пропущено в печать редакцией журнала. Восстанавливаем его текст:

Могучий и громадный, далёк астральный лад.
Ты жаждешь объясненья — познай атомосклад.

Литература

[Ал] *Александров П. С.* Страницы автобиографии // Успехи математических наук. — 1979. — Т. 34. — Вып. 6. — С. 219—249.

[Бае] *Баевский В. С.* О создателе этой книги // [Гасп 89], с. 3—4.

[Бел 06] *Белый, Андрей.* Венец лавровый // Золотое руно. — 1906. — № 5. — С. 43—50.

[Бел 10лз] *Белый, Андрей.* Луг зелёный: Книга статей. — М.: Альциона, 1910. — 249 с.

[Бел 10с] *Белый, Андрей.* Символизм: Книга статей. — М.: Мусагет, 1910. — 635 с.

[Бел 94кэтс1] *Белый, Андрей.* Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 томах / Вступ. ст., сост. А. Л. Казин. Коммент. А. Л. Казин, Н. В. Кудряшева. — Т. 1. — М.: Искусство, 1994. — 478 с.

[Бел 94скм] *Белый, Андрей.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. — М.: Республика, 1994. — 528 с.

[Бобр] *Бобров С. П.* Опыт изучения вольного стиха пушкинских «Песен западных славян» // Теория вероятностей и её применения. — 1964. — Т. 9. — № 2. — С. 262—272.

[Брю] *Брюсов В.* [*Я.*] Краткий курс науки о стихе (Лекции, читанные в Студии стиховедения в Москве 1918 г.). Часть первая. Частная метрика и ритмика русского языка. — М.: Альциона, 1919. — 131 с. — [На обложке заглавие: Наука о стихе. Метрика и ритмика].

[Бул] *Булинский А. В.* Некоторые штрихи к портрету А. Н. Колмогорова // [Шир 93]. — С. 406—433.

[Бур ВЯ] *Бурлакова М. И.* [О IV Всесоюзном математическом съезде] // Вопросы языкознания. — 1962. — № 1. — С. 159—161.

[Бур СТИ] *Бурлакова М. И.* Проблемы математической лингвистики на IV Всесоюзном математическом съезде // [СТИ], с. 293—296.

[Бюлл] Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода. № 5 / Отв. ред. В. Ю. Розенцвейг; Мин-во высш. образования СССР: Первый Московский гос. пед. ин-т иностранных языков; На правах рукописи. — М., 1957. — 82 с.

[Вай] *Вайскопф М.* Страшная ночь, или экзекутор. Девятая повесть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Новое литературное обозрение. — № 12. — 1995. — С. 244—249.

[Вин] *Винер Н.* Я — математик: Сокр. пер. с англ. — М.: Наука, 1964. — 355 с. — [Американский оригинал: N. Wiener. I am a Mathematician. The Later Life of a Prodigy. — Garden City, N. Y.: Doubleday & Co, 1956].

[Гасп 74] *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих. Метрика и ритмика / АН СССР: Институт мировой литературы им. Горького. — М.: Наука, 1974. — 487 с.

[Гасп 78х] [*Гаспаров М. Л.*] Хорей // Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. — Т. 28. — 1978. — Стлб. 1095—1096.

[Гасп 78я] *Гаспаров М. Л.* Ямб // Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. — Т. 30. — 1978. — Стлб. 1504—1505.

[Гасп 84] *Гаспаров М. Л.* Ещё раз к спорам о русской силлаботонике // [ПТС], с. 174—178.

[Гасп 89] Русский стих: Учебный материал по литературоведению. Ч. I / Сост. и примеч. М. Л. Гаспарова; Мин. нар. обр. Латвийской СССР: Даугавпилский пед. ин-т им. Я. Э. Калнберзина. — Даугавпилс, 1989. — 81 с.

[Гасп 93] *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. — М.: Высшая школа, 1993. — 272 с.

[Гасп 95] *Гаспаров М. Л.* «Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама: Апокалипсис и/или агитка? // Новое литературное обозрение. — № 16. — 1995. — С. 105—123.

[Гасп 96] *Гаспаров М. Л.* О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года / Российский гос. гуманитарный ун-т: Ин-т высших гуманитарных исследований. — М., 1996. — (Чтения по истории и теории культуры; Вып. 17). — 128 с.

[Глу] Учебный словарь-минимум для студентов-математиков (англо-русский словарь) / Сост. М. М. Глушко. — М.: Изд-во Московского университета, 1976. — 151 с.

[Гор] *Горнфельд А. [Г.]* Словесность // Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Том 30. — Полутом 59. — СПб., 1900. — С. 397—403.

[Дель] *Дельбрюк М.* Обновлённый взгляд физика на биологию (Двадцать лет спустя) // Успехи физических наук. — 1971. — Т. 105. — Вып. 3. — С. 393—401.

[Добр 57] *Добрушин Р. Л.* Элементарная грамматическая категория // [Бюлл], с. 19—21.

[Добр 61] *Добрушин Р. Л.* Математические методы в лингвистике // Математическое просвещение. — Новая серия. — Вып. 6. — М.: Физматгиз, 1961. — С. 37—60.

[Дор] *Доронина Т. А.* Рядом с Андреем Николаевичем // [Шир 93], с. 434—444.

[Дран] *Дранков В. Л.* Симпозиум по комплексному изучению художественного творчества // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1963. — Т. 22. — Вып. 5. — С. 447—450.

[Жир] *Жирмунский В. М.* Научная конференция по вопросам теории стиха и славянской метрики // Вестник Академии наук СССР. — 1964. — № 11. — С. 102—103.

[Зал] *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение / АН СССР: Ин-т славяноведения. — М.: Наука, 1967. — 270 с.

[Зель] *Зельдович Я. Б.*, *Попов В. С.* Электронная структура сверхтяжёлых атомов // Успехи физических наук. — 1971. — Т. 105. — Вып. 3. — С. 403—440.

[Ив] *Иванов Вяч. Вс.* Метр и ритм в «Поэме конца» М. Цветаевой // [ТС], с. 168—201.

[ИвПоУс] [*Иванов Вяч. Вс.*, *Поливанов М. К.*, *Успенский В. А.*] Винер // Большая Советская Энциклопедия. — 2-е изд. — Т. 51. — 1958. — С. 59. — [Публикуется в книге 2 настоящего издания].

[ИЗРМСК] Из работ московского семиотического круга / Сост. и вступит. статья Т. М. Николаевой. — М.: «Языки русской культуры», 1997. — 844 с.

[ИМИ] Историко-математические исследования. — Серия 2. — Вып. 1 (36). — № 1. — М.: Янус, 1995. — 190 с.

[Кат] *Катаев Г. И.* Об А. Н. Колмогорове («HOMO UNIVERSALIS») // [Шир 93], с. 451—469.

[Квя] *Квятковский А.* [*П.*] Поэтический словарь. — М.: Советская Энциклопедия, 1966. — 375 с.

[Колм 58] *Колмогоров А. Н.* Кибернетика // Большая Советская Энциклопедия. — 2-е изд. — Т. 51. — 1958. — С. 149—151.

[Колм 61] *Колмогоров А. Н.* Автоматы и жизнь: Тезисы доклада // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — 1961. — Вып. 6. — С. 3—8.

[Колм 62] *Колмогоров А. Н.*, *Кондратов А. М.* Ритмика поэм Маяковского // Вопросы языкознания. — 1962. — № 3. — С. 62—74.

[Колм 63к] *Колмогоров А. Н.* К изучению ритмики Маяковского // Вопросы языкознания. — 1963. — № 4. — С. 64—71.

[Колм 63о] *Колмогоров А. Н.*, *Прохоров А. В.* О дольнике современной русской поэзии (Общая характеристика) // Вопросы языкознания. — 1963. — № 6. — С. 84—95.

[Колм 63с] *Колмогоров А. Н.*, *Прохоров А. В.* Статистика и теория вероятностей в исследовании русского стихосложения // [СиКИХТ], с. 23. — [Воспроизведено полностью в n° 3.7 настоящей публикации].

[Колм 64] *Колмогоров А. Н.*, *Прохоров А. В.* О дольнике современной русской поэзии (Статистическая характеристика дольника Маяковского, Багрицкого, Ахматовой) // Вопросы языкознания. — 1964. — № 1. — С. 75—94.

[Колм 65з] *Колмогоров А. Н.* Замечания по поводу анализа ритма «Стихов о советском паспорте» Маяковского // Вопросы языкознания. — 1965. — № 3. — С. 70—75.

[Колм 65т] *Колмогоров А. Н.* Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. — 1965. — Т. 1. — № 1. — С. 3—11. — [Перепечатано в [Колм 87], с. 213—223].

[Колм 66] *Колмогоров А. Н.* О метре пушкинских «Песен западных славян» // Русская литература. — 1966. — № 1. — С. 98—111.

[Колм 68к] *Колмогоров А. Н.*, *Прохоров А. В.* К основам русской классической метрики // [Сод], с. 397—432. — [Литература на с. 433—449].

[Колм 68п] *Колмогоров А. Н.* Пример изучения метра и его ритмических вариантов // [ТС], с. 145—167.

[Колм 71] *Колмогоров А. Н.* Винер // Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. — Т. 5. — 1971. — Стлб. 202—203.

[Колм 84] *Колмогоров А. Н.* Анализ метрической структуры стихотворения А. С. Пушкина «Арион» // [ПТС], с. 118—120.

[Колм 85] *Колмогоров А. Н.*, *Прохоров А. В.* Модель ритмического строения русской речи, приспособленная к изучению метрики русского классического стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития / Отв. ред. Л. И. Тимофеев; АН СССР: Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1985. — С. 113—134.

[Колм 87] *Колмогоров А. Н.* Теория информации и теория алгоритмов / Отв. ред. акад. Ю. В. Прохоров. — М.: Наука, 1987. — 304 с.

[Колм 91] *Колмогоров А. Н.* Математика в её историческом развитии / Под ред. В. А. Успенского. — М.: Физматлит, 1991. — 223 с.

[Колм 93—94] *Колмогоров А. Н.* [Письмо поэту мехмата] // Новое литературное обозрение. — 1993—1994. — № 6. — С. 183—187.

[Колм 94] *Колмогоров А. Н.* Новгородское землевладение XV века // *Колмогоров А. Н.* Новгородское землевладение XV века; *Бассалыго Л. А.* Комментарий к писцовым книгам Шелонской пятины / Предисл. В. Л. Янина. — М.: Физматлит, 1994. — С. 15—84.

[Колм 99] *Колмогоров А. Н.*, *Рычкова Н. Г.* Анализ ритма русского стиха и теория вероятностей // Теория вероятностей и её применения. — 1999. — Т. 44. — Вып. 2. — С. 419—431. — [Исправление опечаток: 1. В четырёх случаях в строке, составленной из символов «—», «⏑» и «|», последний символ строки, а именно стоящий сразу за «|» символ «⏑», следует заменить на «—»: с. 424, строки 6-я сверху и 5-я снизу; с. 425, строки 8-я сверху и 10-я снизу. 2. На с. 428 в 5-й строке снизу «Вс.» надо заменить на «Вяч.». 3. На с. 428 во 2-й строке снизу вместо «пятый и шестой» написать «шестой и пятый»].

[Колм СП.1.т] *Колмогоров А. Н.* По поводу мнений КИБЕРНЕТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДА, ФИЛОСОФА. [Рукопись от 30 апреля 1961 года] // [ИМИ], с. 155—159.

[Колм СП.1.у] *Колмогоров А. Н.* По поводу мнений КИБЕРНЕТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДА, ФИЛОСОФА. [Рукопись от 30 апреля 1961 года] // Новое литературное обозрение. — № 24. — 1997. — С. 216—223. — [См. с. 208—211 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Колм СП.2] *Колмогоров А. Н.* К семиотике искусства. [Рукопись от 10 января 1963 года] // Новое литературное обозрение. — № 24. — 1997. — С. 223—236. — [См. с. 218—229 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Колм СП.3] *Колмогоров А. Н.* ТЕМ ЖЕ О ТОМ ЖЕ, если ещё не надоело. [Рукопись от 15 января 1963 года] // Новое литературное обозрение. — № 24. — 1997. — С. 236—237. — [См. с. 237 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Колм СП.4] *Колмогоров А. Н.* [Тезисы о природе искусства]. [Рукопись от 28 декабря 1964 года] // Новое литературное обозрение. — № 24. — 1997. — С. 237—241. — [См. с. 238—242 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Кон 61] *Кондратов А.* [*М.*] Биты, буквы, поэзия // Знание — сила. — 1961. — № 11. — С. 18—21.

[Кон 62мим] *Кондратов А.* [*М.*]. Мозг и музы // Знание — сила. — 1962. — № 8. — С. 28—31.

[Кон 62мип] *Кондратов А. М.* Математика и поэзия. — М.: Знание, 1962. — (Новое в жизни науки и техники; IX серия: Физика и химия; 20). — 48 с.

[Кон 62э] *Кондратов А. М.* Эволюция ритмики Маяковского // Вопросы языкознания. — 1962. — № 5. — С. 101—108.

[Кон 63с] *Кондратов А. М.* Статистика типов русской рифмы // Вопросы языкознания. — 1963. — № 6. — С. 96—106.

[Кон 63т] *Кондратов А. М.* Теория информации и поэтика (Энтропия ритма русской письменной речи) // Проблемы кибернетики. — Вып. 9. — М.: Физматгиз, 1963. — С. 279—286.

[Кон 66] *Кондратов А. М.* Звуки и знаки / Научн. ред. и авт. вступит. статьи А. Б. Долгопольский. — М.: Знание, 1966. — 207 с.

[Кузн] *Кузнецов П. С.* Из автобиографических записок // Успехи математических наук. — 1988. — Т. 43. — Вып. 6. — С. 197—208.

[Лар] *Ларцев В.* [*Г.*] Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. — М.: Наука: Гл. ред. восточн. лит-ры, 1988. — 328 с.

[Лип] *Липкин С.* [*И.*] Вторая дорога: Зарисовки и соображения. — М.: Олимп, 1995. — 269 с.

[Льв] *Львовский С. М.* Набор и вёрстка в пакете LaTeX. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Космосинформ, 1995. — 373 с.

[Люб] *Любимов Н. М.* Перевод — искусство // *Любимов Н. М.* Несгораемые слова. — 2-е изд. — М.: Художеств. лит-ра, 1988. — С. 5—92.

[Мак] *Макарий.* Введение в православное богословие. — Изд. 2-е, испр. — СПб.: в типогр. Г. Трусова, 1852. — 392 + VI с.

[Марк 07збч] *Марков А. А.* [*старший*]. Распространение закона больших чисел на величины, зависящие друг от друга. — Казань: Императорский ун-т, 1907. — 22 с. — [Перепечатано в [Марк 51], с. 339—361].

[Марк 07зсз] *Марков А. А.* [*старший*]. Исследование замечательного случая зависимых испытаний // Известия Императорской Академии Наук. — VI серия. — 1907. — № 3. — С. 61—80.

[Марк 13ео] *Марков А. А.* [*старший*]. Пример статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепь // Известия Императорской Академии Наук. — Серия 6. — 1913. — № 3. — С. 153—162. — [Доложено в заседании Физико-математического отделения 23 января 1913 года].

[Марк 13ив] *Марков А. А.* [*старший*]. Исчисление вероятностей. — 3-е изд., пересмотренное и значительно дополненное. — СПб.: Тип. Императ. АН, 1913. — 382 с.

[Марк 24] *Марков А. А.* [*старший*]. Исчисление вероятностей. — Переработанное автором 4-е, посмертное изд. — М.: ГИЗ, 1924. — XIV + 589 с.

[Марк 51] *Марков А. А.* [*старший*]. Избранные труды. Теория чисел. Теория вероятностей. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 719 с.

[МаркII] *Марков А. А.* [*младший*]. Биография А. А. Маркова [старшего] // [Марк 51], с. 599—613.

[Мат] Материалы для суждения о спиритизме. — Издание Д. И. Менделеева. — СПб., 1876. — XII + 382 с. с 20 черт. и рис. — [На титуле надпись: «Сумма, которая может быть получена от продажи этой книги, назначается на устройство большого аэростата и вообще на изучение метеорологических явлений верхних слоёв атмосферы»].

[Мей] *Мейлах Б.* [*С.*] Содружество наук — требование времени // Вопросы литературы. — 1963. — № 11. — С. 61—85.

[Мен 875] *Менделеев Д. И.* Публичное чтение о спиритизме 15 декабря 1875 г. // [Мат], с. 306—320. — [Перепечатано в [Мен 954], с. 178—190].

[Мен 876] *Менделеев Д. И.* Два публичных чтения о спиритизме 24 и 25 апреля 1876 года // [Мат], с. 321—382. — [Перепечатано в [Мен 954], с. 191—240, но, как и следовало ожидать, без чертежей и иллюстраций. Поэтому делаемая на с. 363 в [Мат] сноска «Для ясности, расположение опыта представлено в конце книги, на фиг. 14 и 15» снабжается, при перепечатке её на с. 223 в [Мен 954], такой добавкой: «В настоящем томе эти и далее упоминаемые фигуры не воспроизводятся»].

[Мен 954] *Менделеев Д. И.* Сочинения. — Т. 24. Статьи и материалы по общим вопросам / Отв. ред., предисл. проф. Г. С. Васецкий. — Л.—М.: Изд-во АН СССР, 1954. — XXXII + 462 с.

[Мон] *Монин А. С.* Дороги в Комаровку // [Шир 93], с. 475—492.
[Нов] *Новиков С. П.* Воспоминания о Колмогорове // Успехи математических наук. — 1988. — Т. 43. — Вып. 6. — С. 35—36.
[Пар] *Парамонов, Борис.* Евтушенко в Квинсе // Звезда. — 1996. — № 10. — С. 229—233.
[Паст] *Пастернак, Борис.* Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста и примечания Л. А. Озерова. — М.—Л.: Сов. писатель, 1965. — (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). — 732 с.
[Про] *Прохоров А. В.* О случайной версификации (к вопросу о теоретических и речевой моделях стихотворной речи) // [ПТС], с. 89—98.
[ПТС] Проблемы теории стиха / Отв. ред. В. Е. Холшевников; АН СССР: Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — Л.: Наука, 1984. — 255 с.
[Рев ВЯ] *Ревзин И. И.* [Научное совещание, посвящённое применению математических методов при изучении языка художественных произведений] // Вопросы языкознания. — 1962. — № 1. — С. 161—165.
[Рев ИЗРМСК] *Ревзин И. И.* Воспоминания // [ИЗРМСК], с. 791—838.
[Рев СТИ] *Ревзин И. И.* Совещание в г. Горьком, посвящённое применению математических методов к изучению языка художественной литературы // [СТИ], с. 285—293.
[Рейн 92] *Рейн, Евгений.* Избранное. — М.; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1992. — 303 с.
[Рейн 97] *Рейн Е. Б.* Мне скучно без Довлатова: Поэмы и рассказы. — СПб.: Лимбус Пресс, 1997. — 296 с.
[РЛ] Русская литература XX века. Дооктябрьский период: Хрестоматия / Сост. Н. А. Трифонов. — Изд. 3-е. — М.: Просвещение, 1971. — 640 с.
[Рыч] *Рычкова Н.*[*Г.*] Лингвистика и математика // Наука и жизнь. — 1961. — № 9. — С. 75—77.
[Сав] *Савинова Е. С.* Как читать по-английски математические, химические и другие символы, формулы и сокращения: Справочник. — М.: Наука, 1966. — 48 с.
[СиКИХТ] Симпозиум по комплексному изучению художественного творчества (18—22 февраля 1963 года): Тезисы и аннотации / Союз писателей РСФСР: Ленинградское отделение; Психологическое общество: Ленинградское отделение. — Л., 1963. — 35 с.
[СиСИЗС] Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тезисы докладов / АН СССР: Ин-т славяноведения. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 159 с.

[Скор] *Скороходова О. И.* Как я воспринимаю и представляю окружающий мир / Отв. редактор проф. И. А. Соколянский; Академия педагогических наук РСФСР: Институт дефектологии. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1954. — 368 с.

[См] *Смирнова Г.* Путешествие в лингвистику. [Рецензия на [Кон 66]] // Новый мир. — 1966. — № 12. — С. 266—268.

[Сод] Содружество наук и тайны творчества / Под ред. Б. С. Мейлаха; Комиссия по взаимосвязям литературы, искусства и науки Союза писателей РСФСР. — М.: Искусство, 1968. — 450 с.

[СТИ] Структурно-типологические исследования: Сб. статей / Отв. редактор Т. Н. Молошная; Академия наук СССР: Институт славяноведения. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 298 с.

[Стр] *Строчков Я. М.* Примечания // [Тред 963], с. 465—541.

[Съезд] Первый Съезд народных депутатов СССР, 25 мая—9 июня 1989 года: Стенографический отчёт. — Т. 5. — М.: Верховный Совет СССР, 1989. — 510 с.

[Тар 53] *Тарановски, Кирил.* Руски дводелни ритмови I—II / Уредник Академик Петар Колендић; Српска академија наука. — Београд, 1953. — VI + 376 с.; 16 таблиц на 15 отдельных листах. — [Посебна издања: Књига CCXVII; Одељење литературе и језика: Књига 5]. — [На обороте титула по-русски: Сербская академия наук / Монографии / Книга CCXVII / Отделение литературы и языка / Книга 5 / Кирилл Тарановский / Русские двудольные размеры I—II / Редактор / Академик Пётр Колендич].

[Тар 71] *Тарановский К. Ф.* О ритмической структуре русских двусложных размеров // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. — Л.: Наука, 1971. — С. 420—429.

[Тих 93] *Тихомиров Вл. М.* Слово об учителе // [Шир 93], с. 220—279.

[Тих 95] *Тихомиров Вл. М.* О сочинении А. Н. Колмогорова «По поводу мнений кибернетика, литературоведа, философа» // [ИМИ], с. 151—155.

[Тред 735] *Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий // [Тред 963], с. 365—420. — [В [Стр], на с. 530, указано: «Впервые — отдельное издание, СПб., 1735»].

[Тред 751] *Тредиаковский В. К.* Предуведомление потрудившегося в переводе // Аргенида, повесть героическая, сочинённая Иоанном Барклаием, а с латинского на славено-российский переведённая и митологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского, профессора элоквенции и члена Императорския

академии наук. — Том первый. — В Санктпетербурге при Императорской академии наук, 1751. — С. I—CIV.

[Тред 752] *Тредиаковский В. К.* Способ к сложению российских стихов против выданного в 1735 г. исправленный и дополненный // [Тред 849][20], с. 119—178. — [Согласно [Стр], с. 530 и 469, впервые опубликовано в издании: Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского. — Т. 1—2. — СПб., 1752].

[Тред 755] *Тредиаковский В. К.* О древнем, среднем и новом стихотворении российском // [Тред 963], с. 425—450. — [В [Стр], на с. 537 указано: «Впервые — „Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие“, 1755, июнь, с. 467»].

[Тред 849] [*Тредиаковский В. К.*] Сочинения Тредьяковского [в трёх томах]. — СПб.: Изд. Александра Смирдина, 1849. — Том первый. — XXIV + 784 с.

[Тред 935] *Тредиаковский* [*В. К.*] Стихотворения / Под ред. акад. А. С. Орлова при участии А. И. Малеина, П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского. — М.: Сов. писатель, 1935. — 491 с. — (Библиотека поэта / Под ред. М. Горького).

[Тред 963] *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. — М.—Л.: Сов. писатель, 1963. — (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). — 578 с.

[ТС] Теория стиха / Отв. ред. В. Е. Холшевников; АН СССР: Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — Л.: Наука, 1968. — 316 с.

[Усп 57] *Успенский В. А.* К определению падежа по А. Н. Колмогорову // [Бюлл], с. 11—18. — [Публикуется в книге 3 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[20] Я ссылаюсь на смирдинское издание не из снобизма. Просто я не обнаружил более современного издания этого основополагающего сочинения Тредиаковского. Если такового издания и в самом деле не существует, можно задуматься о причинах этого странного обстоятельства. Корень, несомненно, в дурной традиции считать «Способ» [Тред 752] всего лишь переработанным изданием, чуть ли не перепечаткой, «Нового способа» [Тред 735]: «вошло в переработанном виде в изд. 1752 г.» (то есть в [Тред 752]) — это Я. М. Строчков о «Новом способе» в [Стр], с. 530; «при перепечатке этой работы в 1752 г.» — это о «Новом способе» анонимный комментатор в [Тред 935], с. 478. При решении же вопроса, которое же из этих произведений переиздать, действовали два фактора. Один несомненный, указанный на с. 478 в [Тред 935]: предпочтение было отдано первоизданию (названному даже «первой публикацией», что просто неверно: указанные произведения Тредиаковского весьма различаются). Второй возможный: предпочтение было отдано тому сочинению, которое называется «Новый способ», а не тому, которое называется просто «Способ».

[Усп 92] *Успенский В. А.* Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В. Ю. Розенцвейг: Как это начиналось (заметки очевидца) // Wiener Slawistischer Almanach. — Sonderband 33. — Wien, 1992. — S. 119—162. — [Публикуется в книге 5 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Усп 93] *Успенский В. А.* Колмогоров, каким я его помню // [Шир 93], с. 280—384. — [Публикуется в книге 5 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Усп 96] *Успенский В. А.* Невто́н, Ньюто́н, Нью́тон, или Сколько сторон имеет языковой знак // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. — М.: Индрик, 1996. — С. 598—659. — [Публикуется в книге 3 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Ход] *Ходоров А.* Физики и лирики за круглым столом // Знание — сила. — 1963. — № 3. — С. 13—14.

[Хол] *Холшевников Вл.* [*Е.*] Стиховедение и математика // [Сод], с. 384—396.

[Худ] Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения / 1984. — Л.: Наука, 1986. — 261 с.

[Шенг] *Шенгели Г.*[*А.*] Трактат о русском стихе. — Ч. 1: Органическая метрика. — Изд. 2-е, переработ. — М.—Пг.: ГИЗ, 1923. — 184 с.

[Шенн 48] *Шеннон К.* Математическая теория связи // [Шенн 63], с. 243—332.

[Шенн 51] *Шеннон К.* Предсказание и энтропия печатного английского текста // [Шенн 63], с. 669—685. — [Тому, кто пожелал бы ознакомиться с этой классической статьёй в оригинале, сообщаем расшифровку авгурской аббревиатуры *BSTJ*, указанной на с. 669 русского издания: эта аббревиатура означает *Bell System Technical Journal*].

[Шенн 63] *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике: Пер. с англ. / Под ред. Р. Л. Добрушина и О. Б. Лупанова; с предисл. А. Н. Колмогорова. — М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1963. — 829 с.

[Шир 89] *Ширяев А. Н.* Андрей Николаевич Колмогоров (25.IV. 1903—20.X.1987): In Memoriam // Теория вероятностей и её применения. — 1989. — Т. 34. — Вып. 1. — С. 5—118.

[Шир 93] Колмогоров в воспоминаниях / Редактор-составитель А. Н. Ширяев. — М.: Физматлит, 1993. — 734 с.

[Шир 93а] *Ширяев А. Н.* Андрей Николаевич Колмогоров (25.IV. 1903—20.X.1987): Биографический очерк о жизни и творческом пути // [Шир 93], с. 9—143.

[Шп] Шпет в Сибири: ссылка и гибель / Сост. М. К. Поливанов, Н. В. Серебренников, М. Г. Шторх; под ред. Н. В. Серебренникова. — Томск: Водолей, 1995. — 335 с.

[Щер] *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — 187 с.

[Эйг] *Эйгес, Екатерина.* Воспоминания о Сергее Есенине / Предисл. и примеч. С. В. Шумихина // Новый мир. — 1995. — № 9. — С. 181—185.

[Явл] Явление чрезвычайное: Книга о Колмогорове / Сост. Н. Х. Розов; под общ. ред. В. М. Тихомирова. — М.: Фазис: МИРОС, 1999. — 256 с.

[Ягл 60] *Яглом И. М., Добрушин Р. Л., Яглом А. М.* Теория информации и лингвистика: Речь как вероятностный процесс // Вопросы языкознания. — 1960. — № 1. — С. 100—110.

[Ягл 73] *Яглом А. М.* и *Яглом И. М.* Вероятность и информация. — Изд. 3-е, переработ. и доп. — М.: Физматлит, 1973. — 511 с.

[Ягу] *Ягункова В. П.* Симпозиум по комплексному изучению художественного творчества // Вопросы психологии. — 1963. — № 3. — С. 184—187.

[Як] *Якобсон Р.* [*О.*] Брюсовская стихология и наука о стихе // Академический центр Наркомпроса. Научные известия. — Сб. 2: Философия; Литература; Искусство. — М.: ГИЗ, 1922. — С. 222—240.

[AbrMars] *Abraham R., Marsden J. E.* Foundations of Mechanics. — 2nd ed. — Reading, Mass.: The Benjamin/Cummings Publ. Co., 1978. — XII + XVI + 806 p.

[Heij] *Heijenoort J. van.* From Frege to Gödel. A Source Book in Mathematical Logic, 1879—1931. — Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1967. — XII + 660 p.

[Mor] *Morrill J. E.* A Nobel Prize in Mathematics // American Mathematical Monthly. — 1995. — December. — P. 888—891.

[Pro] *Prochorow, Alexandr.* Teoria prawdopodobieństwa w badaniach rytmu wiersza // Pamiętnik literacki. — 1970. — Rocznik 61. — Zeszyt 3. — S. 113—127.

Приложение 1

А. Н. Колмогоров. Семиотические послания

Публикация и комментарии В. А. Успенского

От публикатора. — Первое послание (от 30.04.1961). По поводу мнений КИБЕРНЕТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДА, ФИЛОСОФА. — Комментарии. — Второе послание (от 10.01.1963). Трём авторам ТЕЗИСОВ О КИБЕРНЕТИКЕ, если они в качестве ТРИЕДИНСТВА продолжают существовать. — Комментарии. — Третье послание (от 13—15.01.1963). ТЕМ ЖЕ О ТОМ ЖЕ, если ещё не надоело. — Комментарии. — Четвёртое послание (от 28.12.1964). — Комментарии. — Письмо А. Н. Колмогорова В. А. Успенскому (от 29.12.1964). — Комментарии.

От публикатора

Ниже публикуются четыре послания, принадлежащие Андрею Николаевичу Колмогорову и направленные им в период с апреля 1961 по декабрь 1964 года коллективному адресату, состоявшему из Вячеслава Всеволодовича Ива́нова, Михаила Константиновича Поливанова и Владимира Андреевича Успенского; публикуются также, с небольшими купюрами, письмо А. Н. Колмогорова В. А. Успенскому от 29 декабря 1964 года, к которому было приложено Четвёртое послание, и ответное письмо В. А. Успенского от 21 января 1965 года. Заглавие «Семиотические послания», объединяющее все четыре послания, принадлежит публикатору.

Об А. Н. Колмогорове, о его филологических и семиотических интересах, об истории появления этих посланий — обо всём этом смотри в публикуемом в этом же номере «НЛО»[21] очерке публикатора «Предварение для читателей „Нового литературного обозрения“ к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова», именуемом в дальнейшем просто *Предварение*.

Подстрочные примечания к текстам посланий (за исключением подписанных «*Примеч. ред.*») принадлежат А. Н. Колмогорову и

Тексты, составляющие настоящее Приложение, опубликованы в журнале: Новое литературное обозрение. — 1997 — № 24. — С. 216—245.

[21] Имеется в виду 24-й номер «Нового литературного обозрения». В настоящем издании с. 54—206. — *Примеч. ред.*

составляют неотъемлемую часть этих текстов. Затекстовые комментарии даются в конце каждого послания. Они принадлежат публикатору, который неоднократно обращался за помощью к Михаилу Леоновичу Гаспарову и пользуется случаем его поблагодарить. Ссылки на нумерованные рубрики и на литературу в затекстовых комментариях даются по *Предварению*.

25 января 1997 года.

Первое послание (от 30.04.1961)

По поводу мнений
КИБЕРНЕТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДА
ФИЛОСОФА. [1]

Мой доклад в Математическом Обществе [2] был лишь объединением того, что я рассказывал в течение семестра 1960 года в четырёх двухчасовых докладах [3] на семинаре по математической лингвистике [4]. В этих докладах я рассказывал о работах, которые я вместе с несколькими сотрудниками веду в развитие исследований по формальному анализу стиха Андрея Белого, Чудовского [5], Томашевского, Шенгели, Тарановского (большая монография о ритмике русского ямба и хорея, вышедшая недавно в Югославии [6]). Сейчас мы пробуем объединить свои усилия с некоторыми литературоведами, среди которых сошлюсь на некоторый интерес к нашей вполне конкретной работе такого знатока Пушкина, как Бонди.

В рамках доклада о математических методах исследования стиха МАШИНА для написания нового ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА [7] появилась лишь в виде литературного украшения. Я надеялся, что слушатели поняли несколько издевательский по адресу слишком рьяных кибернетиков характер описания этой машины [8], но, по-видимому, в этой надежде ошибся по отношению к значительной части слушателей, как кибернетиков, так и «антикибернетиков».

§ § §

Я не уловил в мнениях ЛИТЕРАТУРОВЕДА ничего противоречащего моим конкретным установкам в отношении математического, статистического и вообще формального исследования стиха, которые, мне казалось, были ясно изложены в моём докладе. Если Эренбург (в воспоминаниях, опубликованных в «Новом мире» [9]) и Пастер-

нак (в автобиографии, упомянутой в воспоминаниях Эренбурга [10]) заявили, что они никогда не находили особенно интересными работы по формальному исследованию стиха (Брюсова и др.) [11], а Блок (по свидетельству Боброва [12]) лишь однажды просидел из дружбы к А. Белому вечер на собрании РИТМИЧЕСКОГО КРУЖКА, где занимались статистическим исследованием ритма стиха, то... Пушкин высоко ценил работы Востокова и сам, по-видимому, очень серьёзно относился к рациональному разбору вопросов поэтической техники.

Аналогичным образом, в эпоху Баха, Моцарта и Бетховена великие музыканты не видели в переходе на темперированную гамму позорного подчинения высокого искусства нивелирующим требованиям технического удобства, мечтали о новых инструментах и, по моему убеждению, с восторгом отнеслись бы к возможностям радиовещания, звукозаписи, прямого создания композитором записанных современными техническими средствами музыкальных произведений, не предполагающих ни исполнителей, ни заранее фиксированных музыкальных инструментов.

Таковы уж особенности различных эпох, особенности, конечно, объективно обусловленные (не скрою, что сам я люблю музыку от Баха, Шарпантье, Куперена, Вивальди до самое большее Малера, и сколько-либо ясных практических надежд в рамках ближайших десятилетий на необычайную новую музыку, пользующуюся какой-либо новой техникой, не имею).

§ § §

Общим вопросам КИБЕРНЕТИКИ я посвятил недавний доклад АВТОМАТЫ И ЖИЗНЬ [13]. Вот с тезисами этого доклада ЛИТЕРАТУРОВЕД и ФИЛОСОФ как бы авансом спорят и об этом споре хочется поговорить, хотя доклад этот имел в виду несколько другую аудиторию (формально он читался на методологическом семинаре для преподавателей и аспирантов Механико-математического факультета МГУ). Тезисы доклада составлены в полемическом стиле и написаны:

ПРОТИВ

тех философов, которые пытаются использовать положения диалектического материализма для защиты идеалистического тезиса о существовании принципиальной непроходимой пропасти между жизнью и сознанием с одной стороны — и любыми сложно организованными системами, которые могут быть вновь созданы искусственно, — с другой стороны;

ДЛЯ

той молодёжи, которая принимает с воодушевлением положения «неограниченной» никакими сомнениями КИБЕРНЕТИКИ и нуждается в том, чтобы понять всю грандиозность задачи органического включения в своё мировоззрение (которое я в его исходных положениях разделяю) всего наследия человеческой культуры, развивавшейся в чуждых ей формах, вплоть даже до религиозных.

Представители старой интеллигенции, которых кибернетика ПУГАЕТ, не имелись в виду. ТЬЮРИНГ [14] в книжке МОЖЕТ ЛИ МАШИНА МЫСЛИТЬ? [15] считает своих противников, стоящих на «страусовой» точке зрения, и сторонников «возражения леди Лавлейс» наиболее безнадёжными [16].

Я не хочу воспроизводить здесь ни своих тезисов, ни самого доклада. Сосредоточусь лишь на двух вопросах.

1. Вопрос о «неповторимости». Ещё Кант выяснил, что ПРЕКРАСНО только ЕДИНИЧНОЕ и НЕПОВТОРИМОЕ, воспринимаемое чудесным образом как ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ, «ЦЕЛЕСООБРАЗНОЕ» без наличия внешней «ЦЕЛИ».

Но важно понимать действительный смысл таких утверждений. В докладе о стихе я взял в виде примера ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА. Вся поэма представляет собой неразложимое единство, где ВСЁ обусловлено и необходимо, нельзя выкинуть ни одного слова без нарушения целостности и т. д.

Но каждый, знакомый с конкретными путями творчества (хотя бы по черновикам поэта), легко поймёт, что это неразложимое и неповторимое единство создалось из множества случайностей. Будь совершенно несущественные детали жизненного опыта Пушкина немного другими, такое же неразложимое единство создалось бы из других имён, сравнений, отдельных ритмических ходов и т. д. Следует обдумать такой мысленный эксперимент: не только существенные черты эпохи, но даже все наследственные и воспитанные черты автора остаются неизменными, а меняется только погода в дни написания отдельных строф, путевые впечатления Пушкина при поездках, вывески в Торжке, которые ему попадались на глаза и т. п. Мне кажется, что легко понять, что разложенный на буквы, слова и отдельные строки ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, написанный при таком изменении условий, оказался бы совсем другим в смысле этих составляющих его материальных элементов. Можно думать даже, что вариантов ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА, которые появились бы в различных вариантах такого воображаемого опыта, было бы примерно от

$$10^{100} \quad \text{до} \quad 10^{10\,000}.$$

(Не буду раскрывать секрета, но оценки обдуманы [17].)

$10^{100\,000}$ вариантов уже не получилось бы, при таком числе повторений эксперимента в некоторых повторениях получились бы в точности одинаковые поэмы.

Представим себе теперь, что каким-либо чудом в ПЕТЕРБУРГЕ одновременно появились бы в продаже 1000 подобных вариантов поэмы. Спрашивается, имел ли бы каждый из них «неповторимую» непреходящую и окончательную ценность?

Так же обстоит дело и с самим Пушкиным, и с любым человеком. Только в деревне когда-то «первый парень» претендовал на «первую девушку». Наша более тонкая «неповторимость» есть неповторимость объекта для неповторимого же субъекта восприятия.

2. В соответствии со сказанным не имеет смысла вопрос о «формализации» проблемы машинного нахождения по определённому «алгоритму» идеального Пушкина или написания одной идеальной поэмы. Вообще недоразумение заключается в том, что предполагается без достаточных оснований, будто достаточно сложное соединение элементов типа электронных ламп и современных более совершенных их полупроводниковых эквивалентов осуждено навсегда действовать «формально». Если бы это логически было обязательно, то такое же положение было бы логически обязательно и для всей совокупности элементарных частиц, из которых состоит земной шар вместе с его морями, где, говорят, когда-то возникла жизнь, и самим человечеством.

Так что спасение от кибернетики (для тех, которые от неё хотят спасаться во что бы то ни стало) я вижу только в отрицании вообще возможности естественного возникновения жизни. Пусть тогда уже жизнь на землю прилетает из других миров.

30.4.1961. А. Колмогоров.

Комментарии

Источник текста, к сожалению, не слишком аутентичен. Это — три машинописные страницы через один интервал, являющиеся перепечаткой колмогоровского оригинала, но не самим оригиналом. Кем сделана эта перепечатка, я не помню, хотя уверен, что сделана она по свежим следам создания подлинного текста, то есть вскоре после 30 апреля 1961 года. Не помню также, каким способом это колмогоровское сочинение попало ко мне, хотя опять-таки уверен, что это произошло вскоре после указанной даты. Говоря формально, текст не адресован прямо КИБЕРНЕТИКУ, ЛИТЕРАТУРОВЕДУ,

ФИЛОСОФУ, а лишь содержит критическое обсуждение их мнений (точнее, мнений двух последних).

Когда весной 1996 года я начал писать своё «Предварение» к «Семиотическим посланиям» Колмогорова, а сами послания готовить к публикации, я был убеждён, что это будет их первой публикацией. Оказалось, что в отношении Первого послания я ошибся. 9 октября 1996 года я совершенно случайно узнал от своего друга Владимира Михайловича Тихомирова (см. о нём *Предварение*, примеч. 6), что он уже опубликовал Первое послание (см. [Колм СП.1.т]) вместе со своим предисловием [Тих 95] и своими же затекстовыми примечаниями[22]. Всё это было опубликовано в сборнике «Историко-математические исследования», подписанном в печать 30.11.95 и вышедшего тиражом 500. В своём предисловии В. М. Тихомиров указывает, что источником его публикации послужили «пять машинописных страниц с авторской правкой чернилами, в которых я узнал почерк самого Андрея Николаевича [Колмогорова]» ([Тих 95], с. 152), и что эти страницы были найдены им весною 1991 г. в бумагах, оставшихся от математика Георгия Евгеньевича Шилова (3.2(21.1). 1917—17.1.1975). Текст, опубликованный Тихомировым, содержит немногочисленные небольшие отличия от нашего текста. Самые существенные из них четыре. Во-первых, тихомировский текст не разбит на разделённые строкой «§ § §» разделы. Во-вторых, после фамилии Малера стоит «(ум. в 1911 г.)». В-третьих, в качестве нижней оценки количества вариантов «Евгения Онегина» указано число 10^{1000} (эта оценка самому В. М. Тихомирову представляется менее заслуживающей доверия, чем фигурирующая в нашем источнике оценка 10^{100}). В-четвёртых, во фразе «Так же обстоит дело и с самим Пушкиным и с любым человеком» в тихомировской публикации вместо «любым» стоит «любимым», что мне кажется сомнительным.

В. М. Тихомиров высказывает такое суждение: «Навряд ли автор обращался к конкретным лицам, скорее всего это — обобщённые образы» ([Тих 95], с. 153). На самом же деле, как уже отмечалось в § 7 *Предварения*, КИБЕРНЕТИК, ЛИТЕРАТУРОВЕД и ФИЛОСОФ (всегда большими буквами в послании Колмогорова) — это, соответственно, я, Ива́нов и Поливанов. В своём послании Колмогоров ком-

[22] В примечаниях В. М. Тихомирова прокомментирован, в частности, ряд встречающихся в Первом послании имён, не прокоментированных нами — от композитора Марка Антуана Шарпантье (наряду с Купереном, Вивальди и Бахом принадлежащего, по свидетельству Тихомирова, к числу «особо любимых А. Н. Колмогоровым композиторов „домоцартовского“ периода») до пушкиниста Сергея Михайловича Бонди.

ментирует мнения ЛИТЕРАТУРОВЕДА и ФИЛОСОФА; что же касается КИБЕРНЕТИКА, то он упоминается только в заглавии послания. Сами эти мнения восстановить по колмогоровскому тексту невозможно. Мнения, которые В. М. Тихомиров приписывает «обобщённому кибернетику», «обобщённому литературоведу» и «обобщённому философу» не выводятся из текста послания. К сожалению, я не могу вспомнить, когда и каким способом наши мнения были доведены до сведения Колмогорова; не исключено, что моего мнения и не было, поскольку мнение КИБЕРНЕТИКА никак Колмогоровым не комментируется.

В 1-м из своих примечаний (см. [ИМИ], с. 158) В. М. Тихомиров указывает, что знаменитый колмогоровский доклад «Автоматы и жизнь» был прочитан 5 апреля 1961 года. Это распространённая ошибка, отмеченная мною в [Усп 93] на с. 299; на самом деле доклад был прочитан 6 апреля.

1 [к с. 208]. *По поводу мнений КИБЕРНЕТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДА, ФИЛОСОФА* — Кибернетик — это В. А. Успенский, литературовед — Вяч. Вс. Ива́нов (см. *Предварение*, примеч. 103), философ — М. К. Поливанов (см. *Предварение*, примеч. 102). По-видимому, так эти три лица обозначили себя в каком-то несохранившемся тексте, направленном Колмогорову. Отметим, что Колмогоров различает мнения каждого из трёх лиц.

2 [к с. 208]. *Мой доклад в Математическом Обществе* — Имеется в виду доклад в Московском математическом обществе 27 декабря 1960 года, см. п. 3.5.1.

3 [к с. 208]. *В четырёх двухчасовых докладах* — Имеются в виду лекции и беседа от 19 октября, 10, 17 и 24 ноября 1960 года, см. n° 3.4.

4 [к с. 208]. *На семинаре по математической лингвистике* — Так Колмогорову было угодно назвать те собрания, в рамках которых проходили его выступления, указанные в предыдущем комментарии.

5 [к с. 208]. *Чудовского* — Комментарии бывают двух типов: типа фактической (в том числе биографической, библиографической и пр.) справки и типа лирического отступления. Комментарий первого типа может показаться читателю оскорбительным, поскольку предполагает незнание читателем сообщаемых в справке сведений. Поэтому публикатор ограничивается комментированием лишь одной из перечисленных фамилий, а именно фамилии Чудовского, которая была незнакома ему самому. Вот что любезно сообщил мне М. Л. Гаспаров:

> Чудовский Валериан Адольфович, родился в 1891 году, умер **13** предположительно в 1937 году. Автор статей «Несколько мыслей

к возможному учению о стихе» (журнал «Аполлон», 1915 год, № 8—9, с. 55—95), «Несколько утверждений о русском стихе» («Аполлон», 1917 год, № 4—5, с. 58—69) и др.; статьи его содержали тонкие наблюдения, но с фантастическими обобщениями и к тому же были написаны вычурным стилем, поэтому заметного следа в стиховедении не оставили. В 1917 году опубликовал патетическую статью в защиту старой орфографии.

Мне встречались упоминания ещё о двух статьях Чудовского в «Аполлоне»: «Заметки о „Путнике“ Брюсова» (1911 год, № 1) и «О ритме пушкинской „Русалки“» (1914 год, № 1—2).

6 [к с. 208]. *вышедшая недавно в Югославии* — Имеется в виду монография [Тар 53].

7 [к с. 208]. *МАШИНА для написания нового ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА* — В своей лекции от 10 ноября 1960 года (см. выше комментарий 3) Колмогоров сказал:

> Можно создать институт, который напишет «Евгения Онегина» — много отделов, сложная машина. Всё это можно, но очень сложно. Сейчас нас занимает лишь один небольшой блок этой машины — блок ритма.

По-видимому, что-то подобное он сказал и в докладе от 27 декабря.

Разумеется, слово «можно» в высказывании Колмогорова не следует понимать буквально. Речь идёт о принципиальной возможности в рамках так называемой абстракции потенциальной осуществимости, состоящей, в формулировке А. А. Маркова младшего (см. *Предварение*, примеч. 77) «в отвлечении от реальных границ наших конструктивных возможностей, обусловленных ограниченностью нашей жизни в пространстве и во времени». Машина для написания «Евгения Онегина» — такая же удобная метафора, как, скажем, в механистической картине мира Ньютона—Лапласа представление о том, что, выписав уравнения движения всех тел во Вселенной, можно полностью определить её, Вселенной, дальнейшую судьбу: разумеется, никто не предполагал, что кто-либо сможет реально выписать это необозримое количество уравнений. Хорошим комментарием к приведённой цитате из Колмогорова служит следующее место из воспоминаний В. М. Тихомирова:

> В качестве примера предельной по трудности задачи для кибернетического устройства Андрей Николаевич приводил «Евгения Онегина»: «Чтобы смоделировать написание „Онегина“, возможно, нужен весь опыт культурного человечества», — говорил он. ([Тих 93], с. 266.)

8 [к с. 208]. *издевательский <...> характер описания этой машины* — Описание такой машины может иметь не обязательно издевательский, но и метафорический характер, см. предыдущий комментарий.

9 [к с. 208]. *в воспоминаниях, опубликованных в «Новом мире»* — Воспоминания И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» в журнале «Новый мир» печатались в следующих 18 номерах этого журнала: 1960 год, № 8—10; 1961 год, № 1—2, 9—11; 1962 год, № 4—6; 1963 год, № 1—3; 1965 год, № 1—4. Ясно, что в апреле 1961 года Колмогоров мог ссылаться лишь на первые пять книжек из указанных восемнадцати. Впоследствии эти воспоминания публиковались отдельно, а также в качестве томов 8 (1966 год) и 9 (1967 год) Собрания сочинений Эренбурга. В настоящих комментариях, наряду с журнальным вариантом, мы используем издание *ЛГЖ-90*: И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. — Том первый. — Изд. испр. и доп. — М.: Советский писатель, 1990. — 640 с.

10 [к с. 209]. *в автобиографии, упомянутой в воспоминаниях Эренбурга* — Во 2-й книге своих воспоминаний — в гл. 20 по новомирскому тексту («Новый мир», 1961 год, № 2, с. 90), в гл. 5 по *ЛГЖ-90* (с. 255) — Эренбург пишет: «В одной из написанных им автобиографий он [Пастернак] попытался понять, что пережили в последние минуты Маяковский, Марина Цветаева, Фадеев. <...> ...В той же автобиографии он отрёкся от своей давней дружбы с Маяковским». Эти сюжеты излагаются, соответственно, в 8-м и 7-м пунктах главы «Перед первой мировою войною» автобиографического очерка Пастернака «Люди и положения» (см. «Собрание сочинений в пяти томах» Б. Пастернака, М.: Худ. лит., 1991, т. 4, с. 331—333). Следовательно, Эренбург, а вслед за ним и Колмогоров имеют в виду именно эту «автобиографию» Пастернака.

11 [к с. 209]. *не находили особенно интересными работы по формальному исследованию стиха (Брюсова и др.)* — Я не могу сейчас вспомнить, какое именно место у Эренбурга имел тогда в виду Колмогоров. Возможно, следующее:

> Он [Брюсов] изучил Пушкина, писал об анагорах, зевгмах, пролепсах, силлепсах **19**, подсчитал, что в третьей главе «Онегина» семьдесят три процента рифм отличаются согласованием доударных звуков, а в четвёртой главе всего пятьдесят четыре процента. Брюсов попытался дописать «Египетские ночи», создать обновлённый вариант «Медного всадника»; эти его вещи не хочется перечитывать.
> («Люди, годы, жизнь», книга 2, гл. 2: см. «Новый мир», 1961 год, № 1, с. 97, а также *ЛГЖ-90*, с. 236.)

Впрочем, при буквальном понимании, негативная реакция Эренбурга («не хочется перечитывать») относится в этой цитате лишь к попыткам Брюсова дописать или переписать пушкинские тексты, но не к самим его работам по формальному стиховедению.

Что же касается Пастернака, то, надо полагать, имеется в виду следующий отрывок из его очерка «Люди и положения» (глава «Девятисотые годы», n° 11; Собрание сочинений, т. 4, с. 319):

> Он [Андрей Белый] вёл курс практического изучения русского классического ямба и методом статистического подсчёта разбирал вместе со слушателями его ритмические фигуры и разновидности. Я не посещал работ кружка, потому что, как и сейчас, всегда считал, что музыка слова — явление совсем не акустическое и состоит не в благозвучии гласных и согласных, отдельно взятых, а в соотношении речи и её звучания.

Тут примечательно следующее. Хотя очерк Пастернака был написан в 1956 году, он был опубликован «Новым миром» только в 1967 году. Следовательно, Колмогоров был каким-то образом знаком с этим пастернаковским текстом до его опубликования. Известно, что текст распространялся в самиздате.

12 [к с. 209]. *по свидетельству Боброва* — См. n° 3.9 и примеч. 51 и 52 в *Предварении*. По-видимому, имеется в виду устное свидетельство; в [Колм СП.1.т] вместо «по свидетельству» стоит «по словам».

13 [к с. 209]. *доклад АВТОМАТЫ И ЖИЗНЬ* — См. n° 6.2.

14 [к с. 210]. *ТЬЮРИНГ* — Алан Матисон Тьюринг (Turing) (23.06. 1912—07.06.1954), английский математик, один из трёх математиков (наряду с Э. Постом и А. Чёрчем), независимо друг от друга заложивших в 1936 году основы теории алгоритмов.

15 [к с. 210]. *МОЖЕТ ЛИ МАШИНА МЫСЛИТЬ?* — Имеется в в виду книга: А. Тьюринг. Может ли машина мыслить?: Пер. с англ. — М.: Физматлит, 1969.

16 [к с. 210]. *считает своих противников <...> безнадёжными* — В 6-й главе своей книги Тьюринг перечисляет девять возражений против мнения, что машины могут мыслить. Второе из них есть «возражение со „страусовой“ точки зрения» (в оригинале: The «Heads in the Sand» Objection). Оно таково: «Последствия машинного мышления были бы слишком ужасны. Будем надеяться и верить, что машины не могут мыслить». Шестое возражение есть «возражение леди Лавлейс»: «Аналитическая машина не претендует на то, чтобы создавать что-то *действительно новое*. Машина

может выполнить *всё то, что мы умеем ей предписать*» (курсив леди Лавлейс 20).

17 [к с. 210]. *но оценки обдуманы* — Ср. *Предварение*, примеч. 74.

18 [к комм. 5, с. 213]. В результате событий, сперва называвшихся нарушениями социалистической законности, затем — незаконными репрессиями; правильнее было бы называть их государственным бандитизмом.

19 [к комм. 11, с. 215]. Роман Якобсон в своей убедительной и ядовитой рецензии 1922 года [Як] на книгу Брюсова [Брю] писал (с. 224):

> Брюсов пускает в ход весь громоздкий реквизит классической метрики: иперметрия, липометрия, систола, диастола, синереса, диереса, синкопа, бакхий, антибакхий, моллосс, амфимакр, диямб, дихорей, антиспаст, ионическая восходящая, ионическая нисходящая, дипиррихий, диспондей, эпитриты, дохмий и т. п. испещряют страницы новой книги по *русской* метрике. Не объяснить, даже не описать явление стремится Брюсов, а только окрестить его <...>

20 [к комм. 16, с. 217]. Графиня Августа Ада Лавлейс (Augusta Ada, the Countess of Lovelace) — единственный ребёнок Байрона. В «Паломничестве Чайльд Гарольда» к ней обращена первая строфа третьей песни: «Is thy face like thy mother's, my fair child! Ada! sole daughter of my house and heart?». Ада родилась 10 декабря 1815 года; в мае 1833 года представлена ко двору; в июле 1835 года вышла замуж за восьмого барона Кинга, в 1838 году ставшего первым графом Лавлейсом; в мае 1836 года родила первого сына, в феврале 1838 года — дочь, в конце 1839 года — второго сына; 27 ноября 1852 года умерла.

«...Основная заслуга А. Лавлейс состоит в том, что она разработала первые программы для аналитической машины, заложив теоретические основы программирования» (И. А. Апокин и др. Чарльз Бэбидж, М.: Наука, 1981, с. 72). Машина Бэбиджа (Babbage), или Бэббеджа, о которой идёт речь, была механической и существовала лишь в проекте. Однако это был первый проект универсальной вычислительной машины, способной выполнять те или иные действия в соответствии с заданной программой. «Составленные 28-летней графиней Августой Адой Лавлейс примечания к статье итальянского инженера Л. Ф. Менабреа об аналитической машине Ч. Бэббеджа дают основания считать её первой программисткой, чьё имя навсегда останется в истории вычислительной математики и вычислительной техники» (Р. С. Гутер, Ю. Л. Полунов. Августа Ада Лавлейс и возникновение программирования // Кибернетика и логика. — М.: Наука,

1978. — С. 57—101; цитата со с. 57). «Интересно также заметить, что терминология, которую ввела леди Лавлейс, в заметной степени используется и современными программистами. Так, ей принадлежат термины ⟨разумеется, не термины, а понятия, поскольку вряд ли леди Лавлейс писала по-русски — *В. У.*⟩: „рабочие ячейки“, „цикл“ и некоторые другие» (Р. С. Гутер, Ю. Л. Полунов. Чарльз Бэббедж. — М.: Знание, 1973. — § 5. Леди Лавлейс — первая программистка. — С. 40).

Второе послание (от 10.01.1963)

Трём авторам ТЕЗИСОВ О КИБЕРНЕТИКЕ 1, если они в качестве ТРИЕДИНСТВА продолжают существовать,

от человека третьего этапа развития нашей культуры, пытающегося следом за ними проникнуть в четвёртый*.

10 января 1963. ⟨Подпись⟩

К СЕМИОТИКЕ ИСКУССТВА. ПРЕДИСЛОВИЕ.

Назначение дальнейших страниц заключается в указании на возможность изложения в более современных терминах некоторых положений традиционной эстетики, что должно привести к существенному уточнению этих положений.

С другой стороны, нижеследующее должно привлечь внимание к таким задачам кибернетики:

1. Объективное описание тех особенностей «организованных систем», которые соответствуют в субъективной интерпретации

* Как известно, развитие человеческой культуры может быть идентифицировано с развитием несущих её знаковых систем.

На первом (собственно дочеловеческом, животном) этапе пользовались знаковыми системами, унаследованными от предков,

На втором этапе человечество стало создавать новые знаковые системы, усваиваемые путём обучения и развивающиеся в результате небольших вкладов отдельных поколений (естественные языки и т. п.)

На третьем этапе человечество возвысилось до способности сознательно строить отдельные случайные знаковые системы (изобретать новые алфавиты, развивать науку, наконец, составлять программы для вычислительных машин и т. д.).

Но четвёртый этап открывается построением общей теории всех мыслимых знаковых систем — семиотики 2...

В СССР датой его начала будет в веках СИМПОЗИУМ в декабре 1962 года 3. Лишь на этом симпозиуме было провозглашено истинное величие наступающей новой эры!

наличию способности суждения (истинно—ложно, хорошо—плохо, прекрасно—безобразно) и сознанию своей собственной свободы.

2. Понять в объективных терминах возможность и закономерность возникновения не иерархически построенных объединений организованных систем, способных к кооперированию и согласованию своей внутренней деятельности и поведения.

В духе декабрьского симпозиума [4] можно всю эту проблематику изучать на материале возникновения, утверждения в виде нормы, разработки множества вариаций и смены мод на причёски, манеры завязывания галстуков и т. п.

В моём скромном опыте, впрочем, идеал описания в объективных терминах не только не достигнут, но даже не выдвинут на первый план. Я более был занят сопоставлением круга идей, представленных на симпозиуме, с идеями своей традиционной эстетики.

Некоторые замечания по существу относятся ещё к третьей теме. Автору хотелось показать, что практическое употребление общих положений о природе искусства для оценки отдельных художественных направлений должно идти по несколько другим путям, чем это иногда практикуется. В тексте нет прямых ссылок на доклады декабрьского симпозиума, но многие детали дальнейшего изложения непосредственно вызваны впечатлениями от тезисов этих докладов [5].

К СЕМИОТИКЕ ИСКУССТВА. I.

1. Передача «знака» является частным случаем «воздействия» одного объекта на другой. Воспринимать знаки могут только системы, в которых имеются выделенные органы «управления», или накопления и переработки «информации». В применении к таким системам «знак» отличается от простого «воздействия» внешнего мира тем, что он действует на органы приёма и переработки информации и управления в соответствии с их целесообразным строением. Производимое принятым знаком действие обусловлено не его материальной природой, а содержащейся в нём информацией.

ПРИМЕРЫ.

1. Если мы катим бочку, толкая её ногой, то мы не передаём бочке никаких знаков, или «сигналов». Говоря же быкам «цоб» и «цобе», мы передаём знаки.

2. Содержание телеграммы, прочитанной глазами или воспринятой на слух в чтении другого лица, остаётся одним и тем же.

ЗАМЕЧАНИЕ. В произведениях искусства содержание сигнала часто практически неотделимо от материальной формы его осуществления. Общеизвестно, насколько попытки рассказывать музыку словами обычно бывают бессодержательными. Но тенденция быть знаком, то есть в меру достижимого сохранять свою природу при изменении несущественных сторон своего материального осуществления, представляется нам существенным признаком произведения искусства. Музыкальное произведение, услышанное издали из другого помещения, или даже в несовершенной передаче, или мысленно вспоминаемое, в принципе остаётся тем же самым произведением.

2. В расширительном смысле слова услышанный в лесу шум воды является «знаком», возвещающим близость реки или ручья. Но в более узком смысле, свойственном семиотике, термин «знак» применим только там, где имеется кроме принимающей системы целесообразно устроенная передающая система. Гудок паровоза является знаком приближения поезда не потому, что следом за гудком обычно появляется поезд, а потому, что гудок подаётся с целью предупреждения о приближении поезда.

В произведениях искусства мы всегда имеем дело с системой знаков, созданных человеком для передачи человеку. В отдельных случаях, которые нет основания исключать из рассмотрения, отправитель знака и получатель могут совпадать: можно придумывать песню и петь её исключительно для самого себя.

Напоминание о расширительном понимании слова «знак» (которого мы далее избегаем) существенно потому, что толкование впечатлений, доставляемых нам неодушевлённой природой, как «знаков» о скрытой сущности явлений в высшей степени свойственно большой группе произведений искусства:

Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины [6]...

3. Отдельные произведения искусства предшествуют формированию отвлечённого понятия об «искусстве» вообще. В отграничении «искусства» от «не искусства» можно или целиком довериться исторически сложившейся традиции, или стремиться к созданию точного логического определения, опираясь на эту традицию.

Можно думать, что мы сделаем разумный шаг по второму пути, если примем, что произведение искусства есть система знаков,

служащая делу общения между людьми. Дальнейшая задача будет заключаться в том, чтобы научиться отличать произведения искусства от других такого рода систем знаков.

Вкусная еда или вино, вызывающее весёлое жизнерадостное настроение, не являются «знаками», а просто средствами воздействия на наш организм и через него на нашу психику. Гастрономия поднимается до уровня искусства ■ лишь тогда, когда её произведения дают почву для суждения об их достоинствах.

Приведение человека в то или иное эмоциональное состояние может быть целью произведения искусства. Но произведение искусства в собственном смысле слова отличается от простых физических воздействий, вызывающих те или иные эмоции. В отличие от таких прямых физических воздействий произведение искусства сообщает человеку знаковую систему, которую он употребляет для организации своих эмоций. В подтверждение соответствия такого понимания дела традиции укажу лишь на теорию Аристотеля о «катарсисе» — очищении, происходящем при созерцании трагического.

4. Роль законченного произведения искусства в общении людей всегда в известном смысле слова одностороння: художник, музыкант, писатель, передают нечто зрителю, слушателю, читателю. Обратные влияния зрителя на актёра в театре, слушателя на музыканта-исполнителя в искусстве нашего времени, хотя и являются реальностью, не являются определяющими. Мечты о возобновлении «соборного», «непрерывно творимого» искусства, где творчество и восприятие слиты нераздельно, остались для нашего времени мечтами.

Но в другом смысле свободное соучастие воспринимающей стороны кажется нам существенным признаком, заслуживающим введения в определение искусства.

Человек относится к разряду организованных систем со сформировавшейся особой деятельностью суждения:

это истина, а это ложь,
это хорошо, а это плохо,
это красиво, а это безобразно...

Такое положение вещей не исключает управления из числа видов общения между людьми. Более того, произведение искусства может создаваться с сознательно поставленной целью оказать определённое воздействие на поведение тех, для кого оно создано. Но передача «приказов» (здесь — общий термин кибернетической теории управления) не является делом искусства. «Заказ» на «управление» людьми

при помощи поэзии может быть выполнен лишь тогда, когда найден путь, дающий им возможность воспринять слова поэта как выражение их собственных свободно возникших тенденций. См. у Маяковского в КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ описание возникновения стихотворения СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ.

ЗАМЕЧАНИЕ. В заклинаниях, обрядовых плясках, воинских криках элементы принудительного управления действиями и эмоциями людей (или даже явлениями природы) не дифференцированы от элементов свободного общения между людьми. Если мы видим в заклинаниях, обрядовых плясках, воинских криках первобытные формы искусства, то это значит, что мы расцениваем их по преимуществу как формы свободного общения.

Автоматизм подчинения течения эмоций музыкальному ритму, повышенная внушающая сила ритмически организованной речи в поэзии, весь ряд явлений, делающих легко понятными образные выражения вроде «магии искусства», являются несомненными реальностями психической жизни современного человека. Но в искусстве в собственном смысле слова обращение к этим сторонам человеческой психики является лишь средством. Произведение искусства «доходит» до людей, для которых оно предназначено, только если предлагаемые нормы ими свободно принимаются и тем самым приёмы внушения делаются приёмами самовнушения, а не внешнего насилия. Типичный пример: мысленное повторение понравившихся строк стихотворения.

5. Мы уже употребили слово «суждение» в широком смысле, включающем оценочные суждения морального и эстетического характера. Полезно вспомнить, что в традиционном представлении о «мудрости» и «знании» эти различные виды человеческой способности суждения объединялись. В этом лежит некоторая двусмысленность разговоров о «познавательной» роли искусства.

По-видимому, в наше время её защитники серьёзно говорят только о роли произведений искусства в познании законов психической и социальной жизни*. Чаще всего в том «понимании» явлений психической жизни, которое даёт произведение искусства, элементы теоретического знания законов течения психических явлений неразрывно связаны с установлением к этим явлениям определённого

* Мнение о том, что древние русские иконописцы предвосхитили понимание строения пространства, развитое в теории относительности, высказывавшееся на симпозиуме по семиотике (1962), можно отнести к области курьёзов. 8

отношения. По-видимому, эта связь часто необходима и в интересах теоретического знания: «сочувственное» понимание часто находит более короткие и прямые пути, чем чисто «научный» анализ (например, в такой объективно направленной деятельности, как работа врача-психиатра).

Но тенденция к чёткому выделению теоретического знания: поисков ответа на вопрос «так на самом деле или не так» — в чистом виде без всякой примеси оценочных суждений морального и эстетического характера весьма сильна в современном человечестве. Без внимания к этой тенденции трудно понять всю историю реалистического романа XIX—XX веков, начиная с ИЗБИРАТЕЛЬНОГО СРОДСТВА Гёте. Для меня лично наиболее впечатляющим образцом познавательной тенденции в чистом виде является АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ Драйзера. Если и несомненна её гуманистическая направленность, то автор сделал всё, чтобы читатель был непрерывно ориентирован на раздельность познавательного и оценочного подхода к событиям.

На таких крайних образцах становится очевидной возможность распадения человеческой активности, находящей в настоящее время выражение в писании психологических романов и повестей, их читании, обдумывании и обсуждении, на две различных активности, из которых одна будет относиться к науке, а другая к искусству. Но время для проведения такого разделения, видимо, не наступило и, вероятно, даже представители научных кругов в ближайшие десятилетия при попытке разобраться объективно в переживаниях окружающих людей, там где им не хватит личного непосредственного опыта, чаще будут обращаться к произведениям художественной литературы, чем к трактатам по психологии.

6. Отметим ещё один рубеж, где разграничение «искусства» и «не искусства» расплывчато. Это различие между восприятием произведений искусства и более элементарными видами удовольствий и развлечений. Традиция здесь настаивает на нормативном характере эстетических оценок. В серьёзном понимании дела речь идёт не о фактической всеобщности этих оценок, а о сопровождающем их субъективном переживании их добровольно принимаемой обязательности.

Если центр тяжести переносится на установление нормы переживания, нормы, которая в принципе относится не только к переживаниям данного момента, но и к будущим переживаниям, то фактическое повторное повторение внешнего возбудителя всего ряда

переживаний и оценок становится в принципе несущественным. Об этом уже говорилось ранее. Фактически, однако, выучив приёмы танца, люди хотят вновь и вновь танцевать, но и желание вновь и вновь слушать произведение серьёзной музыки вряд ли можно свести полностью во всех случаях к желанию лучше и полнее с ним познакомиться. Да и непонятно, для чего человеку надо было бы стремиться к полному отделению восприятия отвлечённой знаковой системы (в данном случае — музыкального произведения) от непосредственного чувственного наслаждения фактически слышимым звуком.

К СЕМИОТИКЕ ИСКУССТВА. II.

1. Естественный язык законно называется «знаковой системой». Несмотря на наличие диалектов, сословных и стилистических различий, каждый конкретный язык имеет свою индивидуальную историю. Изменение входящих в него знаков и законов их сочетания, исчезновение одних слов и введение новых производится людьми, непосредственно переживающими его системную природу.

Единственной организованной системой высшего порядка, в которую входит неизбежным образом произведение искусства, является то общество, для которого оно предназначено. В остальном художник свободен в выборе своих средств выражения. Естественно, что произведение (не заумной) литературы подчиняется законам языка. В живописи художник должен рассчитывать на понимание зрителей, но степень примыкания к установившейся традиции является для него делом свободного выбора.

В периоды наибольшего следования традициям условный «язык» определённого вида искусства достигал большой выработанности. Таков был язык выразительных средств русской иконописи. Полное и свободное понимание такого вполне индивидуального произведения как ТРОИЦА Рублёва предполагает у зрителя предварительное знание приёмов организации условного внутреннего пространства русской иконы того времени, привычной выразительности жестов, наклонов головы, нормального условного склада ликов, принятой выразительности очерка губ и т. д.

В применении к таким эпохам и видам искусства задача изучения общего «языка» большой группы произведений становится чётко поставленной и содержательной.

Но, вообще говоря, называть всё искусство какой-либо эпохи или, тем более, искусство вообще знаковой системой бессодержательно.

2. В соответствии со сказанным наиболее содержательной и точно поставленной задачей является задача семиотического изучения индивидуального произведения искусства. Однако надо ясно понимать, что автор обладает самыми широкими возможностями при помощи весьма кратких намёков очертить круг тех знаковых систем, на фоне которых его произведение должно восприниматься.

Раскрытие языка средств выразительности, подразумеваемого автором, и степени точности, с которой эта «языковая атмосфера» передаётся воспринимающему произведение искусства, является одной из увлекательных задач научного изучения искусства. Вероятна гипотеза, что в наиболее совершенных произведениях этот потенциальный язык возможных, смежных с употреблёнными фактически, средств выразительности обладает большим тяготением к системности даже в случаях, когда произведение не включается очевидным образом в систему средств выразительности, разработанную определённой традицией, определённой школой.

ПРИМЕР. В крупных чертах композиция КРАСНОГО КОНЯ Петрова-Водкина [9] входит в традицию ряда художников начала XX века, выраженную в ТАНЦЕ и МУЗЫКЕ Матисса и т. п. Но сам красный конь связан непосредственно с образами коней русских икон или персидских миниатюр. Хрупкие прозрачные тела мальчиков написаны с большим вниманием к анатомическим деталям, передаче, хоть и сильно стилизованной, трепетания живого тела*. Лицо же и жесты мальчика на красном коне прямо ведут нас к трогательным образам отроков Нестерова, романтизованному восприятию русского севера, что вновь смыкается с воспоминанием о формальной графике икон.

БОЛЕЕ ТРУДНЫЙ ПРИМЕР сомнительной объективизации подпочвенной знаковой системы, руководившей автором.

Блок сам комментировал подробно основы ритмики ВОЗМЕЗДИЯ. «Упругие волны ямба», ямб, который «гонит» поэта «по миру бичами» [10], поддаются объективному исследованию. Недостаточно глубоко задуманные подсчёты Андрея Белого и Шенгели [11] обнаружили лишь несомненность продолжения в ямбах Блока пушкинской традиции [12]. Особый характер четырёхстопному ямбу Блока придаёт обилие «сверхсхемных» ударений на первом слоге, смысловая

* Быть может, с условными аналогиями с мальчиками А. Иванова, хоть и не русскими, а итальянскими.

интерпретация нагромождений наиболее редкой двухударной формы (форма VII[23] по классификации Шенгели)*:

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи 13.

— и, вероятно, многие другие особенности, ещё подлежащие исследованию. По-видимому, можно будет установить, что эти новые ритмы врываются в ткань ямба, приобретающую в других случаях подчёркнуто «пушкинский» характер.

Но надо ли искать в ритмике ВОЗМЕЗДИЯ непосредственного эквивалента первой, второй и третьей «мазурки» 14, упоминаемых Блоком? Способен ли, наконец, сам текст поэмы передать читателю то «мускульное сознание» 15, которое — по словам Блока — им в значительной мере руководило? Или эти «мускульные» образы остались личным достоянием Блока, а в поэме надо искать лишь отражения более обобщённых представлений о том, как «концентрические круги становились всё уже и уже», как «самый маленький круг, съёжившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, распирать и раздвигать окружающую среду».

3. Известна роль вымысла в искусстве. События, излагаемые в повести, или изображаемые на картине, «вымышлены», могли бы быть и другими. Значение произведения лежит глубже, за ними**.

В силу всего сказанного можно предложить такое определение:

Произведение искусства есть знаковая система, свободно вымышляемая её автором и свободно принимаемая другими людьми или человеческим обществом в качестве знаковой системы, нормирующей (регулирующей) течение их психической жизни и их поведение.

---

[23] Метрическая схема этой формы приведена на с. 78 настоящего издания. — *Примеч. ред.*

* В ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ два стиха этой формы ни разу не идут один за другим.

** Ср. различение «вспомогательных образов» и «основного образа-видения» 16 в КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ Маяковского.

Легко понять, как в эту концепцию входит, например, определение трагического по Аристотелю [17], или, что то же самое, понимание искусства, выраженное в повести Новикова-Прибоя [18] «пучеглазым купцом»:

— Спасибо!.. Отродясь такой не слыхал, песни-то!.. Душа будто от скверны очистилась [19].

К СЕМИОТИКЕ ИСКУССТВА. III.

1. В заключение я хотел бы несколько ограничить область «семиотического» изучения искусства. У новых наук, подобных кибернетике и семиотике, скромность конкретных достижений иногда соединяется с тенденцией неограниченного расширения своей проблематики.

Логично воспринять всю лингвистику как часть семиотики. Но было бы напрасно объявить частью семиотики содержательное описание всего, что на русском, скажем, языке написано или говорится.

В пределах семиотики естественно выделить семантику, изучающую способы установления связи между знаками и обозначаемыми ими предметами.

Конкретная семантика знаковой системы включает в себя описание реального значения входящих в неё знаков и реальной интерпретации элементарных связей между знаками (грамматики), предусмотренных в данной знаковой системе.

Так как всякое знаковое описание содержит элементы схематизации и идеализации действительности, то можно сказать, что конкретная знаковая система (например, русский язык) уже предполагает некоторую «модель» окружающего мира, если не придавать этому выражению чрезмерно расширенного смысла. «Модель мира», лежащая в основе русского языка, подлежит полному описанию в толковом словаре этого языка. Легко понять, что идеальный толковый словарь русского языка не обязан и не должен включать в себя содержания, скажем, учебника физики. Толковый словарь должен дать лишь необходимые представления для чтения учебника физики, написанного на русском языке.

Подобно этому и под семиотикой искусства естественно понимать лишь исследование «языка искусства». Семиотика искусства стремится описать произведения искусства как знаковые системы и разобраться в семантике употреблённых знаков, то есть описать, каким способом они передают «замысел» произведения, какую роль при этом играют отдельные знаки-сигналы и их элементарные комбинации. Следует лишь иметь в виду сказанное ранее о том, что в отличие от естественных языков язык искусства в принципе инди-

видуален; следуя принципам свободы творчества и неповторимости каждого отдельного произведения, художник свободно выбирает и «язык», на котором он говорит.

Основная установка воспринимающего произведение искусства состоит в готовности принять язык, предложенный автором.

2. Не следует, впрочем, понимать сказанное как пропаганду по преимуществу искусства, пользующегося особенно необычным, нарочито вновь создаваемым арсеналом средств художественной выразительности. На самом деле соединение большой содержательности с лаконичностью возможно лишь при мастерском использовании уже сложившихся комплексов выразительных средств. Дело идёт лишь о праве художника постулировать любую систему условных ограничений или устанавливать новые связи, новые системы знаков.

В серьёзном искусстве, по-видимому, существует прямая зависимость между абстрактностью (использованием знаковой системы, не опирающейся на повседневный опыт практического общения с внешним миром) и традиционностью искусства (использованием знаковой системы, выработанной в процессе длительного развития определённой школы, направления в искусстве). Для нашего времени единственным сложившимся и занимающим большое место в самой интимной и действительно ценимой внутренней жизни большого числа людей видом абстрактного искусства является музыка. И это как раз единственное искусство, в применении к которому широкий круг любителей понимает необходимость воспитываемой длительным упражнением культуры восприятия.

Другое великое абстрактное искусство — архитектура — в настоящее время насчитывает очень мало истинных ценителей: сотни миллионов людей заметят ошибку в исполнении мелодии, но ничтожно число людей, которые способны заметить нарушение архитектурных пропорций.

Количество людей, которые получают чистое наслаждение, не связанное с удовольствием от ведения соответствующих дискуссий, от абстрактной живописи и скульптуры, вообще с трудом поддаётся измерению — по-видимому, в связи с тем, что эти искусства ещё существуют лишь в проекте, а не в виде действенной реальности в большой духовной жизни человечества.

Последнее замечание относится к абстрактной живописи и скульптуре в точном смысле слова, а не к случаям крайнего упрощения и схематизации реальных форм с сохранением всей их вполне конкретной выразительности. Такое искусство может быть вполне популярным. Мне вспоминается сейчас, что в магазинах Стокгольма

я видел деревянные статуэтки, у которых голову заменял шар, а руки были изображены на манер пингвиньих ласт, тем не менее крайне смешные. Впрочем, такие возможности сохранения вполне конкретной выразительности при крайнем упрощении форм известны с доисторических времён. Особенной остроты подобная скульптурная выразительность достигает, когда она апеллирует к древним комплексам моторно-осязательных ощущений.

⟨Подпись⟩

Сложная нумерация связана с мыслимым продолжением каждой из трёх частей. Буду крайне признателен за критику предлагаемого предварительного наброска, а в частях, которые вызовут сочувствие, — за набор удачных примеров.

⟨Подпись⟩

Комментарии

Оригинал Второго послания содержал 17 машинописных страниц, иногда очень неполных, напечатанных на одной стороне листа самим Колмогоровым на его любимой пишущей машинке. Содержанием и пагинацией страницы разбивались на пять комплектов. Первый комплект состоял из одной ненумерованной страницы с наименованиями адресата и адресанта. После этих наименований шла подпись Колмогорова и была напечатана дата: «10 января 1962». В последней цифре года очевидная опечатка: должно быть не «2», а «3». Второй комплект состоял из одной ненумерованной страницы, содержащей заглавие и Предисловие. Третий комплект состоял из восьми страниц, нумерованных от 1 до 8, и заключал в себе раздел I. Четвёртый комплект состоял из пяти страниц, нумерованных от 1 до 5, и заключал в себе раздел II. Наконец, пятый комплект состоял из двух страниц, нумерованных от 1 до 2; он содержал раздел III, после текста которого шла подпись Колмогорова, и заключительный абзац («Сложная нумерация связана с...»), после которого снова шла подпись Колмогорова. Всего, таким образом, Колмогоров расписался на своём послании трижды.

Послание, в оригинале, поступило ко мне 12 января 1963 года, а затем хранилось у Вяч. Вс. Ива́нова. Через два года оно было возвращено Колмогорову при моём письме к нему от 21 января 1965 года[24]; сделано это было по просьбе Колмогорова (см. ниже письмо Колмогорова ко мне от 29 декабря 1964 года, п. 8).

[24] Письмо публикуется на с. 249—250 настоящего издания. — *Примеч. ред.*

Источником данной публикации является результат машинописной перепечатки, осуществлённой с оригинала. Перепечатка была выполнена Н. Г. Рычковой, причём не ранее 12.01.1963 и не позднее 15.01.1963. Сделанная Н. Г. Рычковой копия состоит из 15 страниц, напечатанных через полтора интервала.

К наименованию адресата и адресанта

1 [к с. 218]. *Трём авторам ТЕЗИСОВ О КИБЕРНЕТИКЕ* — См. n° 6.4 и § 7.

2 [к с. 218]. *общей теории всех знаковых систем — семиотики* — Предисловие к сборнику тезисов [СиСИЗС], на который Колмогоров здесь неявно ссылается, начиналось так: «0. Семиотика — это новая наука, объектом которой являются любые системы знаков, используемые в человеческом обществе».

3 [к с. 218]. *СИМПОЗИУМ в декабре 1962 года* — Колмогоров имеет в виду Симпозиум по структурному изучению знаковых систем (в просторечии — Симпозиум по семиотике), проходивший в Москве с 19 по 26 декабря 1962 года под эгидой двух учреждений Академии наук СССР: Института славяноведения и Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика». К Симпозиуму тиражом 1000 экземпляров был выпущен сборник тезисов докладов — см. [СиСИЗС]. Симпозиум открылся в полдень в среду 19 декабря по адресу: Волхонка, 14, Конференцзал. Было организовано 7 секций, заседавших, впрочем, не параллельно, а последовательно. Вот они, с указанием времени их работы:

19 декабря. I секция. Естественный язык как знаковая система.

20 декабря, 10 часов. II секция. Знаковые системы письма и дешифровка.

20 декабря, 16 часов. IV секция (это не ошибка: III секция заседала позже). Искусственные языки.

21 декабря. III секция. Неязыковые системы коммуникации.

22 декабря. V секция. Моделирующие семиотические системы.

24 декабря. VI секция. Искусство как семиотическая система.

25 декабря. VII секция. Структурное и математическое изучение литературных произведений.

26 декабря состоялась общая дискуссия и закрытие Симпозиума. По завершении Симпозиума состоялся замечательный банкет в «Арагви». Ни в работе Симпозиума, ни в банкете Колмогоров участия не принимал.

К предисловию

4 [к с. 219]. *В духе декабрьского симпозиума* — См. предыдущий комментарий.

5 [к с. 219]. *впечатлениями от тезисов этих докладов* — Представление об этих тезисах может дать оглавление сборника [СиСИЗС], которое воспроизводится ниже:

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

I. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

Ю. С. Мартемьянов. К построению языка лингвистических описаний
С. К. Шаумян. Естественный язык как семиотическая система
И. И. Ревзин. Некоторые трудности при построении семантических моделей для естественных языков
В. В. Иванов. О функциях сложносокращённых слов
И. И. Ревзин. К семиотическому анализу «тайных языков»
П. Г. Богатырёв. Выкрики разносчиков и бродячих ремесленников — знаки рекламы
В. Ю. Розенцвейг. Языковые контакты
М. В. Софронов. Семиологические проблемы среднекитайской транскрипции санскрита
А. А. Зализняк. Об использовании понятий «автоматической выводимости» и «зависимого признака» при описании знаковых систем
А. А. Зализняк. О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией

II. ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ ПИСЬМА И ДЕШИФРОВКА

В. В. Шеворошкин. О начальном этапе дешифровки буквенных письменностей
Б. В. Сухотин. Общая задача дешифровки. Алгоритм установления связи слов в предложении

III. НЕЯЗЫКОВЫЕ СИСТЕМЫ И КОММУНИКАЦИИ

З. М. Волоцкая, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, Т. В. Цивьян. Жестовая коммуникация и её место среди других систем человеческого общения
А. А. Зализняк. Регулирование уличного движения как знаковая система
Т. В. Цивьян. К описанию этикета как семиотической системы
М. И. Лекомцева, Б. А. Успенский. Гадание на игральных картах как семиотическая система
В. В. Иванов. К анализу абхазских народных игр

IV. ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ

Е. В. Падучева. Искусственный язык, обнаруживающий сходства синтаксической структуры сложных предложений естественного языка и формул исчисления высказываний

С. Е. Генкин. Числовой язык-посредник

V. МОДЕЛИРУЮЩИЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Д. М. Сегал. О некоторых проблемах семиотического изучения мифологии

В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Кетская модель мира

А. М. Пятигорский. О категориях лингвистической психологии

А. М. Пятигорский. Категория состояния в лингвистической психологии

А. В. Герасимов, А. М. Пятигорский. Общая модель культового поведения в тантризме с точки зрения лингвистической психологии

VI. ИСКУССТВО КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Л. С. Выготский. Психология искусства (анализ эстетической реакции)

Ю. К. Лекомцев. Изобразительное искусство и семиотика

Б. А. Успенский. О семиотике искусства

С. Е. Генкин. Исследование элементов киноязыка

Л. Ф. Жегин. Пространственно-временное единство живописного произведения

В. Г. Вейсберг. Классификация основных видов колористического восприятия

А. К. Жолковский. О моделировании языкового поведения слушателя музыки

VII. СТРУКТУРНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. О возможностях построения структурной поэтики

А. М. Кондратов. Теория информации и поэтика

М. Л. Гаспаров. О ритмике русского трёхударного дольника

В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К вопросу о реконструкции кетского эпоса и его мифологических основ

Б. А. Успенский. Семиотика у Честертона

Ю. К. Щеглов. К построению структурной модели новелл о Шерлоке Холмсе

В. Н. Топоров. К анализу структуры литовской народной баллады

В. В. Иванов. Ритмическое строение «Баллады о цирке» А. Межирова

К разделу I

6 [к с. 220]. *Пожары <...> Мессины...* — Блок, поэма «Возмездие», гл. I, строки 57—61.

7 [к с. 221]. *Гастрономия поднимается до уровня искусства* — Если бы Колмогоров имел возможность сослаться на чтения «Еда и питьё в русской литературе», устроенные «Новым литературным обозрением» 1 апреля 1996 года, он несомненно не преминул бы это сделать.

8 [к с. 222]. *можно отнести к области курьёзов* — Колмогоров имеет в виду следующее место из тезисов Л. Ф. Жегина ([СиСИЗС], с. 134):

> Древний художник касался в своём творчестве сложных проблем «в себе замкнутого» кривого пространства. <...> Таким путём объясняется предвосхищение научных истин, ставших достоянием науки лишь в XX веке.

К разделу II

9 [к с. 225]. *КРАСНОГО КОНЯ Петрова-Водкина* — Колмогоров настолько любил картину «Купание красного коня», что по его заказу с подлинника Третьяковской галереи была написана (некоей нанятой им художницей) уменьшенная по площади в два раза копия, висевшая в кабинете его московской квартиры; сейчас эта копия висит в Комаровке, см. *Предварение*, примеч. 115.

10 [к с. 225]. *«Упругие волны ямба» <...> «по миру бичами»* — «...Повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне» — это из предисловия Блока к «Возмездию».

11 [к с. 225]. *Недостаточно глубоко задуманные подсчёты Андрея Белого и Шенгели* — Как любезно указал мне М. Л. Гаспаров, тут следует сослаться на сборник статей А. Белого [Бел 10с] и на книгу Г. А. Шенгели «Трактат о русском стихе», Часть первая (а второй никогда не было), Органическая метрика, изд. 2-е, переработ., М.—Пг.: Госиздат, 1923, 184 с. **20**. Что касается недостаточно глубокой задуманности подсчётов, то, по мнению М. Л. Гаспарова, Колмогоров здесь не прав: замысел проводимых Белым и Шенгели подсчётов был не хуже и не лучше замысла других авторов. Другое дело, что обследованный ими материал был недостаточно представителен (то есть, попросту, мал по объёму) по сравнению с подсчётами, скажем, Тарановского (см. следующий комментарий). Впрочем, не исключено, что Колмогоров имел какие-то критические соображения на этот счёт, не известные ни М. Л. Гаспарову, ни мне.

(Относительно расхождений между результатами подсчётов Шенгели и Томашевского см. *Предварение*, примеч. 39.)

12 [к с. 225]. *обнаружили лишь несомненность продолжения в ямбах Блока пушкинской традиции* — Несомненность эта сомнительна. Впрочем, если заменить комментируемую цитату на *всего лишь не противоречили общепринятым в их время представлениям о продолжении в ямбах Блока пушкинской традиции*, то фразу можно будет считать отражающей истину. Публикатор не решился бы возражать такому компетентному стиховеду, каким является Колмогоров, если бы не разъяснения, любезно сообщённые М. Л. Гаспаровым. Вот несовершенный пересказ этих разъяснений.

Поэма Блока «Возмездие» воспринималась современниками как опыт повествования **21** в стихах (да ещё и в четырёхстопных ямбах), то есть как продолжение традиции пушкинских поэм. Тематическое сходство между «Возмездием» и «Евгением Онегиным», поддержанное общностью их стиля (состоящей в соотношении повествовательно-эпического и лирического) **22**, невольно переносилось на ритм, и обе поэмы казались написанными одним ритмом или ритмами весьма близкими **23**, что на самом деле не так. (Ритм поэмы Блока не более пушкинский, чем вообще ритм стихов того времени; более того, по ходу поэмы её ритм всё более отдаляется от пушкинского.) Сам Блок указал в предисловии к «Возмездию», что ямб отражал ритм эпохи; тем самым он задал направление исследованиям Шенгели (исследования Белого относятся к периоду до «Возмездия») и способствовал ощущению того, что его поэма написана в русле пушкинской ритмической традиции, — ощущению, характерному не только для Шенгели, но и для всех критиков-нестиховедов, писавших о Блоке до середины XX века. В серьёзный историко-стиховедческий контекст «Возмездие» было впервые включено Кириллом Тарановским — см.: К. Тарановски. Руски четверостопни јамб у првим двема деценијама XX века // Јужнословенски филолог. — 1955/1956. — Т. 21. — С. 15—44. Эта статья является как бы эпилогом к монографии [Тар 53]. В своей монографии Тарановский прослеживает развитие ямбических ритмов от Ломоносова до Фета (и, в частности, движение от ломоносовской строки 1747 года «Изволила Елисавет» с обязательным ударением на первой стопе к пушкинской строке 1833 года «Адмиралтейская игла»). В своей статье Тарановский прослеживает дальнейшее развитие ямбических ритмов до символистов включительно, и обнаруживает, что с начала XX века это развитие повернуло вспять и пошло в сторону архаического, допушкинского периода. (Именно такое развитие происходит внутри «Возмездия» при движении поэмы от начала к концу.) Толчок

такой парадоксальной тенденции дал Брюсов, который много читал поэтов допушкинской поры и вольно или невольно отразил их ритмы в своей книге стихов «Tertia vigilia», вышедшей осенью 1900 года. Чуткий Андрей Белый услышал эти новые (а на самом деле очень старые) ритмы и закрепил их в вышедших в 1909 году стихотворных сборниках «Пепел» и «Урна».

13 [к с. 226]. *О, я хочу <...> мятежи* — Первое четверостишие есть начало стихотворения, открывающего собою блоковский цикл «Ямбы»; комментируя это стихотворение на с. 521 3-го тома 8-томного Собрания сочинений Блока (М.—Л.: Гослитиздат, 1960). Вл. Орлов сообщает: «В рукописи — помета: „К поэме“; в поэму „Возмездие“, однако, не вошло». Второе четверостишие есть строки 73—76 1-й главы «Возмездия». В каждом из четверостиший Колмогоровым подчёркнуты двухударные формы VII (по классификации Шенгели: см. *Предварение*, п. 3.3.7).

14 [к с. 226]. *первой, второй и третьей «мазурки»* — В последнем абзаце предисловия к «Возмездию» Блок говорит о мазурке как о лейтмотиве поэмы и о том, как этот танец участвует в первой, второй и третьей главах.

15 [к с. 226]. *мускульное сознание* обсуждается Блоком в предисловии к «Возмездию». Там же говорится и о концентрических кругах, упоминаемых Колмогоровым в следующей фразе.

16 [к с. 226]. *различение «вспомогательных образов» и «основного образа-видения»* — Вот цитата из второй части статьи Маяковского «Как делать стихи»:

> Одно из больших средств выразительности — образ. Не основной образ-видение, который возникает в начале работы как первый, туманный ещё ответ на социальный заказ. Нет, я говорю о вспомогательных образах, помогающих вырастать этому главному.

17 [к с. 227]. *определение трагического по Аристотелю* — Цитируем из начала 6-й главы Аристотелевой «Поэтики», по переводу, выполненному М. Л. Гаспаровым:

> ...Поведём речь о трагедии, извлекши из вышесказанного вытекающее определение её сущности: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему [определённый] объём, [производимое] речью, услащённой по-разному в различных её частях, [производимое] в действии, а не в повествовании и совершающее посредством сострадания и страха очищение (katharsis) подобных страстей».
> (Аристотель, Сочинения в 4 тт., т. 4, М.: Мысль, 1980, с. 651.)

18 [к с. 227]. *в повести Новикова-Прибоя* — Колмогоров приводит цитату из рассказа «Певцы»: см. например А. С. Новиков-Прибой, Собрание сочинений в 5 тт., т. 1, М.: Правда, 1963, с. 238.

19 [к с. 227]. *от скверны очистилась* — Такова реакция купца на песню, изображающую гибель корабля в бурю: «Белые паруса рвутся, у матросов слёзы льются...».

К комментариям

20 [к комм. 11, с. 233]. Я вспоминаю, что Колмогоров неоднократно приводил в качестве иллюстрации пиррихия на двух начальных стопах стих «И велосипедист летит». Теперь я знаю, что этот стих встречается на с. 61 трактата Шенгели, где он назван «нарочитым стихом Белого». Сам же Белый приводит его в статье «Опыт характеристики русского четырёхстопного ямба»: «Вот случайно придуманная строка, где осуществлён характеризуемый ход: „И велосипедист летит“» (см. [Бел 10с], с. 295).

21 [к комм. 12, с. 234]. Вспомним, что сам Блок в предисловии к поэме называет её «„Rougon-Macquar'ами“ в малом масштабе».

22 [к комм. 12, с. 234]. Помещённую в предисловии к «Возмездию» автоцитату из пролога «Два-три звена, и уж видны заветы тёмной старины» так и хочется отыскать в «Онегине» (и мы находим нечто похожее в строфе XIII главы III: «Любви пленительные сны да нравы нашей старины»). Автоцитата, однако, оказывается неточной: в строках 70—71 пролога читаем «Два-три звена, — и уж ясны заветы тёмной старины», что выглядит менее пушкински.

23 [к комм. 12, с. 234]. Эта аберрация восприятия поучительна. Все мы с детства помним картинки с оптическими обманами: один отрезок кажется длиннее другого, тогда как на самом деле он такой же длины или даже короче. Причина — в визуальном контексте, в который погружены эти отрезки; контекст оказывается доминирующим. Точно так же контекст темы и стиля оказывается доминирующим по отношению к ритму. Для подтверждения сказанного привлечём к рассмотрению третью поэму — «Первое свидание» Андрея Белого. Как указал мне М. Л. Гаспаров, её ритм следует пушкинскому — иногда даже в гиперболизированных формах. Но она не воспринимается как ритмически похожая на поэму Пушкина — не воспринимается потому, что и тема её, и стиль, и положение автора в пространстве поэмы (совмещённое в первом лице с положением главного героя) совершенно иные, чем в «Евгении Онегине».

Третье послание (от 13—15.01.1963)

ТЕМ ЖЕ О ТОМ ЖЕ
если ещё не надоело

А. К.

1. Искусство по своему существу и по причинам возникновения связано с двухэтажным строением человеческой психики, её разделением на сознательную и бессознательную сферу, и с необходимостью согласованной деятельности этих двух пластов человеческой психики.

<...> [1]

11. Впрочем, теоретическая концепция (например, развитая нами концепция искусства) никогда не совпадает точно с исторически сложившимся комплексом явлений (совокупностью того, что по традиции называется искусством).

15-I-1963.

Комментарии

Источник публикации — пять листов с машинописью на одной стороне каждого листа. Текст напечатан Колмогоровым и несёт на себе его правку. Первая страница — не нумерованная, на ней напечатаны только имена адресата («тем же»), темы («о том же») и адресанта («А. К.»). Далее следуют четыре страницы, напечатанные через полтора интервала и нумерованные от 1 до 4. Страницы 1—2 заключают пункты с 1-го по 6-й, на них имеется правка синими чернилами или синей пастой, а после п. 6 тем же средством (то есть чернилами или пастой) проставлена дата «13-I-1963»; несколько машинописных вариантов 7-го пункта, идущих после этой даты, зачёркнуты (точнее, замазаны) карандашом. Страницы 2—4 заключают пункты с 7-го по 11-й и имеют карандашную правку; после 11-го пункта карандашом же проставлена дата «15-I-1963».

[1] Первые десять пунктов Третьего послания совпадают с первыми десятью пунктами Четвёртого послания (см. ниже) и потому, за исключением первого пункта, здесь не приводятся.

Четвёртое послание (от 28.12.1964)

1. Искусство по своему существу и по причинам возникновения связано с двухэтажным строением человеческой психики, её разделением на сознательную и бессознательную сферу, и с необходимостью согласованной деятельности этих двух пластов человеческой психики.

2. Законченное, уже созданное, произведение искусства есть знаковая система, предназначенная для

а) свободного принятия человеческим сознанием,

б) в качестве знаковой системы, регулирующей согласованную деятельность сознательной и бессознательной сферы.

3. Естественно, что и создание произведения искусства требует деятельности сознательной и бессознательной сферы в их единстве. Первый акт принятия, признания произведения отвечающим определённому замыслу совершает сознание автора. Произведение, претендующее на общественную значимость, создаётся в расчёте на принятие его другими людьми и определённым человеческим коллективом.

4. В полном его объёме предлагаемое определение охватывает широкий круг явлений от непрерывно импровизируемой песни без слов, поющейся для самого себя, импровизированной или регламентированной традицией пляски — ребёнка ли, воина ли, — до по преимуществу аналитического, исследующего возможное течение психических явлений современного романа. Однако, это определение достаточно для того, чтобы выделить произведения искусства от смежных образований, таковыми не являющихся. Это выяснится постепенно далее.

5. Понятие свободы выбора применимо только к психике со сформировавшейся, выделенной из общего потока психических явлений сферой сознания. Сам выбор есть специфическое проявление активности сознания. Принятие произведения искусства есть акт оценки, на традиционном языке проявление «способности суждения». Присутствие этого элемента — сознания свободно совершаемого принятия известной нормы — отличает собственно эстетическое восприятие, например, от простого ощущения удовольствия.

6. С другой стороны, голое принятие к исполнению данного приказа или логическое умозаключение, приводящее к признанию какой-либо истины, лежат одинаково вне сферы искусства. Воинская песня действует как произведение искусства лишь в случае, если воин поёт её по собственному побуждению (хотя бы и в соответствии с прика-

зом). Теоретическое рассуждение о приёмах морального воспитания школьников и даже подробное описание педагогического опыта лежат вне сферы искусства, если они обращаются лишь к сознанию читателя. Повесть из школьной жизни делается произведением искусства лишь в случае, если созданные в ней характеры и ситуации рассчитаны на принятие читателем в качестве некоторых «эталонов сравнения», помогающих ему в интуитивном (то есть не только сознательном) понимании или оценке психики школьников, или на то, что рассказанное войдёт во взаимодействие с собственными воспоминаниями читателя, сопоставления эти станут исходным пунктом какой-то его собственной эмоциональной активности и т. д.

Таким образом, в пределах нашего определения находится место и для роли искусства как фактора, организующего общественное (и даже воинское) сознание, и для понимания познавательной ценности произведений искусства. Но в обоих этих случаях искусство действует особыми ему свойственными путями.

7. Традиционная эстетика признаёт за человеком особую способность различать красивое от некрасивого, прекрасное от безобразного, иногда «высокое» от «низкого». Такие суждения, выражающие эстетическую оценку, сопоставляются с

а) теоретическими суждениями, позволяющими отличать истинное от ложного,

б) практическими суждениями, проводящими различие между хорошим и дурным, должным и не должным.

Отчётливое различение истинного (соответствующего действительности, позволяющего делать правильные предсказания, вырабатывать систему действий, ведущих к поставленной цели) от ложного (не соответствующего действительности) является необходимым условием успеха в познании внешнего мира и воздействии на него.

Отчётливое разделение между должным и не должным является необходимым условием цельности и целеустремлённости нашей собственной активности.

Поэтому вполне естественно, что в процессе биологической эволюции и социального развития человеческого общества механизмы построения этих двух видов оценок были выработаны с большим совершенством.

«Способность суждения» в смысле определённого механизма эстетических оценок является, несомненно, чем-то значительно менее оформленным. Недаром сама возможность «нормативной» эстетики далеко не всеми признаётся.

8. С предлагаемой точки зрения эстетическая способность суждения есть способность оценивать совершенство знаковых систем, регулирующих совместную деятельность сознания и подсознания. Если тенденция к строгой дихотомичности деления на истинное и ложное или деления на должное и не должное по указанным выше причинам выражена очень отчётливо, то в случае эстетических оценок это не так.

Реальное основание к определённости эстетических оценок лишь таково: знаковая система может выполнять свою организующую и регулирующую функцию лишь в случае, если она принята как цельная система. После того, как выбор сделан, перестройка даже в сторону улучшения может ослабить, а иногда и свести на нет организующее действие знаковой системы.

9. В рамках определённой культурной традиции непосредственное ощущение отчётливости и общеобязательности эстетических оценок может достигать большой ясности. Главным образом в направлении согласованности частей, невозможности улучшения путём небольших локальных изменений, легко представляющихся воображению. Выполнение требования такой «локальной оптимальности» само по себе создаёт основу для специфического переживания: восприятия «законченности» творческого усилия, приведшего к созданию произведения.

Сравнение двух решений одной и той же задачи, каждое из которых удовлетворяет условию локальной оптимальности, значительно труднее и даже в рамках сложившейся традиции часто воспринимается как относящееся к области законного расхождения индивидуальных вкусов.

10. Нашей эпохе (в широком смысле XIX—XX века) в высшей степени свойственен интерес к способности вхождения в различные системы художественных традиций, к уменью вырабатывать оценки в рамках той или иной произвольно выбранной традиции, других ли эпох и народов, или различных художественных школ.

Но свобода выбора критериев оценки не уничтожает самого нормативного, оценочного характера каждого эстетического переживания. Вернее, в случае исчезновения этого нормативного элемента исчезает специфика искусства и эстетического переживания.

11. Начиная с п. 2 в центре внимания стояло «произведение искусства» — песня, симфония, стихотворение, рисунок. Объект эстетического переживания и эстетической оценки всегда индиви-

дуален — это свободно созданное и свободно воспринятое единство чувственных образов, приданной им эмоциональной окраски, связанных с ними аффективных состояний и волевых импульсов к действию*, наконец — поддержанных ими идей. Этот комплекс психических явлений сознаётся в качестве в принципе воспроизводимого многократно, обычно — во внутренним мире многих людей, с сохранением своей индивидуальности, в идеале — тождества самому себе. Постулат наличия при повторном восприятии произведения искусства одним и тем же или разными людьми такого неизменного ядра есть составная часть самого эстетического переживания. К вопросу о том, насколько в действительности при повторных актах восприятия все элементы комплекса фактически остаются неизменными, наше утверждение имеет лишь косвенное отношение: естественно, что переживание тождества обычно опирается на некоторое фактическое сходство.

12. Естественно, что восприятие произведения искусства неотделимо от творчества. Произведение воспринимается автором ещё до его завершения, а другими людьми в процессе восприятия творчески перерабатывается. Но установка на завершённость, создание воспроизводимого в повторных актах восприятия образца, отличает отношение к «произведению искусства» от неупорядоченного потока переживаний.

13. Не случайно, что во всём предшествующем различие между активным создателем произведения и человеком, его пассивно воспринимающим, не играло основной роли. Определение искусства как орудия «управления», в котором автор произведения «управляет» психикой воспринимающих произведение людей, подчиняет её своей воле, не ухватывает существа искусства. Такое употребление искусства возможно и может быть полезным или вредным, но не составляет его сущности.

14. Всё сказанное относится и к таким более эфемерным единствам как:

а) индивидуальная интерпретация роли в пьесе отдельным артистом или осуществлённая с некоторым собственным замыслом фотография скульптурной группы;

* Изваянная фигура может вызвать желание воспроизвести изображённый жест или к ней прикоснуться, её погладить (допустим — изваяние кошки). Включённый в симфонию танец содержит призыв отдаться его движению. Вероятно, импульсы к внешнему действию почти всегда сопровождают эстетическое переживание и находят, хотя бы рудиментарное, реальное осуществление, могущее быть обнаруженным экспериментально.

б) объединяющее ряд произведений единство стиля, единый «гулритм» 1, который по Маяковскому может проходить через несколько поэм 2, и т. д.

При движении в направлении «вверх» от отдельных произведений (пункт б)) возникает возможность говорить о единой «знаковой системе», создаваемой в сколь угодно широких потоках художественного творчества, даже перебрасывающихся из одной эпохи в другую.

Однако автор каждого произведения искусства волен постулировать свою зависимость от тех или иных элементов уже созданного «языка искусства» или такие связи отрицать. В распоряжении музыканта, поэта или живописца имеются неисчислимые средства для того, чтобы в самом произведении дать почувствовать ту атмосферу преемственности, которая ему нужна, и отвести ненужные ему сближения.

В силу сказанного говорить о всём «искусстве» как единой знаковой «системе» можно было бы лишь приняв гипотезу, что оно является осуществлением некоего единого (пусть смутного) замысла «человечества» или руководящего его судьбами Творца.

15. Уже заранее было трудно ожидать, что теоретическая концепция «искусства» может по объёму совпадать с исторически сложившимся пониманием круга явлений, к «искусству» относящихся.

Можно определить искусство как деятельность, направленную на создание объектов, подлежащих эстетической оценке. Но само выделение круга эстетических переживаний и оценок прежде всего является делом постепенно вырабатывающейся традиции. Необходимо было, чтобы различие между «приятным» и «прекрасным» и т. п. уже существовало, для того чтобы появились теории искусства. Тенденцию к выделению круга эстетических переживаний и оценок можно проследить не только в истории философии, но и в истории языка, литературы. Тенденции эти могут работать не вполне последовательно. Теория искусства должна начинаться с разыскания логически простых и достаточно общих причин самого наличия тенденции к объединению определённого круга явлений и противопоставлению его другим кругам явлений (подчиняемых представлениям о «науке», «морали» и т. п.). Такая попытка здесь и была сделана с употреблением современных навыков мысли века кибернетики. Оставлены в стороне корни изложенных идей в классической эстетике. Они понятны знатокам, а автор совсем не претендует на особенную оригинальность.

28-XII-1964.

Комментарии

Источник публикации — шесть листов бумаги (одного сорта для первых четырёх листов и другого сорта для последних двух) с машинописью на одной стороне листа. Первая страница без номера, остальные пронумерованы с 2 по 6. Первые десять пунктов Четвёртого послания занимают с. 1—3 (п. 1—9) и начало с. 4 (п. 10); эта часть текста представляет собою перепечатку первых десяти пунктов Третьего послания; перепечатка совершена не Колмогоровым и не на его машинке — надо полагать, машинисткой по поручению Колмогорова. Страница 4 первоначально содержала также перепечатанный пункт 11 Третьего послания. Однако этот пункт был зачёркнут рукой Колмогорова, и им же, и уже на его машинке, был на той же с. 4 напечатан новый п. 11, а подстрочное примечание к этому пункту было наклеено на эту страницу. На двух следующих страницах Колмогоровым напечатаны пункты 12—15. Пункты 11—15 имеют исправления, выполненные синими чернилами или синей пастой и сделанные рукой Колмогорова. Его же рукой и тем же средством (то есть чернилами или пастой) в конце проставлена дата: «28-XII-1964.».

1 [к с. 242]. *единый «гул-ритм»* — Термин Маяковского из второй части его статьи «Как делать стихи»:

> ...Ритм — основа всякой поэтической вещи, проходящая через неё гулом. <...> Откуда приходит этот основной гул-ритм — неизвестно. Для меня это всякое повторение во мне звука, шума, покачивания или даже вообще повторение каждого явления, которое я выделяю звуком.

2 [к с. 242]. *по Маяковскому может проходить через несколько поэм* — Там же у Маяковского:

> Ритм может быть один во многих стихах, даже во всей работе поэта <...>.

Письмо А. Н. Колмогорова В. А. Успенскому (от 29.12.1964) **1**

29 декабря 64.

Дорогой Владимир Андреевич!

1. Возможно, что я как-то в разговоре с Вами слишком резко отозвался о статье <...>. Статья вполне корректна. Просто пышность, с которой преподносится лёгкая аранжировка вполне выясненных и ранее фактов, меня несколько шокирует. Интереснее [его же] <...>.

Автор любезно предоставил мне дополнительные материалы по этой теме. При случае скажите ему, чтобы не обижался на моё молчание. Как-либо я ещё обращусь к нему по этой теме, когда во всём разберусь. Эта его работа импонирует и обилием обработанного материала, и затейливостью решённой комбинаторной задачи. В кратких замечаниях о связи результатов формального анализа с реальной историей языка обнаруживается полное понимание существа дела. Впрочем, краткость этих замечаний и их подчинённое расположение я склонен отнести к проявлениям излишнего следования «моде» и желанию попугать непосвящённых.

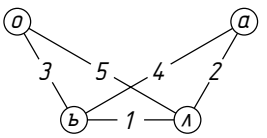
Было бы честнее специально разъяснить, что решение ограниченных, схематических экстремальных задач может приводить в других случаях и к совершенно случайным результатам, лишённым какой-либо ценности.

2. Примером такого непонимания условности всякой схематизации является статья В. Н. Белоозерова «Формальное определение фонемы» (В. Я. 2, 1964, № 6). В расположенной рядом статье 3 Вы разумно воздержались от построения «модели», обеспечивающей однозначный вывод «истинной» системы фонем. Белоозеров же предложил:

а) воспользоваться тезисом о неизбежной приближённости сравнения звуков для того, чтобы получить право иметь дело с конечным алфавитом,

б) а после этого настаивать на невозможности точного равенства расстояний.

Не говорю уже о том, что «последовательное укрупнение» можно было бы заменить поисками неукрупняемого разбиения с минимальной суммой расстояний в проидентифицированных парах и т. д. В примере



с чисто формальной стороны решение автора не убедительно. Деление (о, ъ) (а, л) содержит тоже две фонемы и меньшую сумму «снятых расстояний»*.

3. Ваша статья 3 вполне корректна. Для математиков её можно изложить короче, а для лингвистов понятнее. Но каких-либо решительных возражений против неё у меня нет.

* Как и меньший максимум снятых расстояний.

4. Однако я думаю, что Вы согласитесь со следующим:

Даже относительный успех, который лингвисты имеют в «сегментации» речи и объединении «звуков» в «фонемы», имеет своим источником реальное тяготение языка к дискретности. Само же это тяготение к дискретности связано с процессами дифференциации значений. Всё это лучше описывать в непрерывной модели. Если две близкие группы произносительных вариантов «не противопоставлены», то ничто не мешает им расплыться и слиться в одну:

Если же произносительные варианты, соответствующие двум разным группам «значений», перемешаны, то возникнет тенденция к устранению вариантов, мешающих различению значений:

Надеюсь, что эти замечания не новы (был бы благодарен за указание литературы, наиболее заслуживающей изучения). Но мне кажется, что без внимания к этой стороне дела заниматься фонемами просто не очень интересно. <...>

5. Из недавних статей в В. Я. мне кажется интересной статья Жинкина (1964, № 6) [4] о формировании временных «языков внутренней речи», а в более широком плане статья Степанова (1964, № 5) [5]. Правда, в описании «ступеней семиосиса» («становления знака») автор делает резкий скачок от «громкого крика» и «тихого крика» [6] прямо к математическим определениям, а затем его изложение становится расплывчатым.

6. Между тем, и для языкознания, и при изучении искусства основное значение имеет в некотором смысле промежуточный случай семиосиса одновременно «стихийного» и сознаваемого, в котором полупродукты стихийного происхождения подвергаются оценке, принятию или не принятию, не по схеме естественного отбора или условного рефлекса, а с участием «способности суждения».

7. Формированием стихийного возникновения нормативных оценок я более всего занимался на материале метрики стиха. Созданием «местного» импровизированного языка — на материале индивидуальной ритмической выразительности стиха. Мы с А. Прохоровым на этих примерах приобрели, кажется, некоторый опыт, имеющий и более широкое значение. Сейчас А. Прохорову хочется, продолжая стиховедческую деятельность, войти в соответствующие проблемы лингвистики.

8. Посылаю вариант моих тезисов о природе искусства, который, кажется, не дошёл до Вас и Ваших друзей 7. Он был составлен после Вашей критики в связи с Ленинградским симпозиумом Мейлаха 8 (пп. 1—10) и дополнен сейчас.

Перечитывая Ваши замечания («К искусству семиотики») 9, я так и не вижу в них ясного отношения к центральной моей идее, которую можно интерпретировать как модернизацию кантовской концепции «чистой способности суждения», то есть точнее — попытку естественного объяснения происхождения этой «способности». Хотелось бы, чтобы внимание критиков не было сосредоточено на вопросе терминологическом (Что есть искусство?), а на вопросе о правильности утверждений о существовании, хотя бы в тенденции, своеобразной области нормативных оценок и не познавательных, и не моральных и специфической «внутренней речи», которая не имеет внешнего «денотата», ни в смысле «что фактически есть», ни в смысле «как надо внешний мир изменить»*.

Так как я, по-видимому, соберусь нескромным образом нечто на эти темы напечатать 10, я вновь буду благодарен и за детальную критику по пунктам.

Не сохранилось ли у Вас экземпляра моего более раннего текста 11? По Вашему ответу 12 я вижу, что там было много вещей, в новый текст не вошедших. То, что посылается сейчас, у меня есть ещё в одном экземпляре.

9. Ваши традиционные комплименты, а в последнее время серьёзное отношение к моим идеям В. М. Жирмунского (см. «Вопросы Литературы», 1964, № 4) 13, Р. Якобсона и участников Варшавского симпозиума 14, меня несколько избаловали. Выступать по преимуществу в качестве академика, роль которого заключается в поддержке модных увлечений молодёжи, или серьёзной работы по распространению у нас достижений зарубежной науки, или, наконец, защите начавших у нас появляться серьёзных работ молодых исследователей, мне уже кажется недостаточным. За намеченной выше программой скрываются ещё идеи существенного расширения интересов кибернетиков в направлении анализа возникновения целесообразности — тема, которую все теоретически признают, но которая остаётся фактически в пренебрежении. Например, наше расхождение на счёт понимания всего искусства как единой знаковой системы (см. пояснения в новом п. 14) параллельно с моим спором с Ляпуновым 15

* «Импульсы к действию» в тезисе 11 имеют другую природу: они как часть эстетического переживания бесцельны.

и нек. другими, которые считают, что вся органическая эволюция «управляется» кем-то свыше. Если органическая жизнь на земле внезапно прекратится, то и это будет, видимо, проявлением высшего «управления».

10. В соответствии с этим меня несколько занимает поиск единомышленников, которые имели бы или собственные идеи, выходящие за пределы общих настроений и близкие моим, или были бы готовы в существенном примкнуть к предлагаемой мной программе, не теряя своей индивидуальности, но и не относясь к известному своеобразию этой программы как к чему-то мало существенному по сравнению с удовольствием иметь академика руководителем семинара и т. п. 16.

Ваш

Комментарии

Источник публикации — два листа бумаги, на каждой из четырёх сторон которых — машинописный текст через полтора интервала. Первая страница не нумерована, остальные пронумерованы с 2 по 4. Текст напечатан Колмогоровым, содержит его правку и даже выполненные им иллюстрации. В конце — подпись. Правка, иллюстрации и подпись исполнены синими чернилами или синей пастой.

1 [к с. 243]. Четвёртое послание, имеющее проставленную рукой Колмогорова дату «28-XII-1964», было передано публикатору при этом письме.

2 [к с. 244]. *В. Я.* — Имеется в виду журнал «Вопросы языкознания». Мы видим, что Колмогоров следил за публикациями в этом журнале (в котором и сам публиковался).

3 [к с. 244]. *В расположенной рядом статье / Ваша статья* — Имеется в виду статья: В. А. Успенский. Одна модель для понятия фонемы // Вопросы языкознания. — 1964. — № 6. — С. 39—53[25]. В этой статье делалась попытка дать определение одного из основных лингвистических понятий, а именно понятия фонемы. О потребности в определениях, присущей математикам, см. 2-й абзац в п. 3.3.1.

4 [к с. 245]. *статья Жинкина (1964, № 6)* — Имеется в виду статья: Н. И. Жинкин. О кодовых переходах во внутренней речи //

[25] Публикуется в книге 3 настоящего издания. — *Примеч. ред.*

Вопросы языкознания. — 1964. — № 6. — С. 26—38. Вот цитата из статьи:

> Какое-нибудь слово, например *стол* или *лошадь*, может быть дано (и это заметил ещё И. П. Павлов) или как слово слышимое, или как видимое (в буквах), или как произносимое; к этому добавим, что слово может появиться как осязаемое (по азбуке Брайля), как зрительно-двигательное (пальцевая речь) и др. Всё это разные коды. (С. 29.)

И ещё:

> ...Механизм человеческого мышления реализуется в <...> предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь). (С. 36.)

Колмогорова безусловно интересовала связь мышления с изобразительным рядом или с двигательными актами (вспомним блоковское «мускульное сознание» из Второго послания). В частности, он обращал внимание на то, что математики во время чрезвычайно абстрактных размышлений шевелят пальцами или же рисуют некие схемы — и это при том, что предмет их размышлений совершенно неизобразим.

5 [к с. 245]. *статья Степанова* (*1964*, *№ 5*) — Имеется в виду статья: Ю. С. Степанов. О предпосылках лингвистической теории значения // Вопросы языкознания. — 1964. — № 5. — С. 66—74. Вот из неё цитата: «Процесс появления и становления знака называется семиозисом» (с. 68).

6 [к с. 245]. *«громкого крика» и «тихого крика»* — «...Энергетическое подобие знака означаемому <...>. Так, громкий крик животного — сигнал большого возбуждения, тихий крик — сигнал слабого возбуждения и т. п.» (там же, с. 69).

7 [к с. 246]. *не дошёл до Вас и Ваших друзей* — На самом деле дошёл. Здесь имеется в виду Третье послание.

8 [к с. 246]. *симпозиумом Мейлаха* — См. n° 3.7.

9 [к с. 246]. *Ваши замечания* (*«К искусству семиотики»*) — Имеется в виду Ответное послание: см. § 8.

10 [к с. 246]. *я, по-видимому, соберусь нескромным образом нечто на эти темы напечатать* — Увы, не напечатал.

11 [к с. 246]. *экземпляра моего более раннего текста* — Имеется в виду Второе семиотическое послание [Колм СП.2]. Экземпляр хранился у Вяч. Вс. Ива́нова. Вследствие выраженного здесь желания, этот экземпляр был возвращён Колмогорову.

12 [к с. 246]. *По Вашему ответу* — Имеется в виду «К искусству семиотики» Ива́нова, Поливанова и Успенского, см. § 8.

13 [к с. 246]. *В. М. Жирмунского* (*см. «Вопросы литературы», 1964, № 4*) — Ошибка в названии журнала. Имеется в виду статья: В. Жирмунский. Стихосложение Маяковского // Русская литература. — 1964. — № 4. В статье Колмогоров упоминается на с. 9, 10, 11, 24, и притом весьма уважительно.

14 [к с. 246]. *Р. Якобсона и участников Варшавского симпозиума* — Имеется в виду проходившая в Варшаве с 24 по 29 августа 1964 года конференция по вопросам теории стиха и славянской метрики, в которой принимали участие и Колмогоров, и Якобсон: см. n° 3.9. Колмогоров вернулся с конференции в приподнятом настроении и под впечатлением того, что, как он мне не без удивления (но без какого-либо протеста) объявил, в Польше наиболее значительным лингвистом СССР считается Елена Викторовна Падучева (не достигшая тогда и 29-летнего возраста и не имевшая никакой учёной степени).

15 [к с. 246]. *с Ляпуновым* — Здесь имеется в виду Алексей Андреевич Ляпунов (25.9(8.10).1911—23.06.1973), математик (работавший в одной из наиболее абстрактных областей математики — в теории множеств) и кибернетик («отец советской кибернетики»).

16 [к с. 247]. *и т. п.* — Я ответил Колмогорову нижеследующим письмом.

21 января 1965 года.

Дорогой Андрей Николаевич!

1. Мне был передан новый вариант Ваших тезисов о природе искусства (вместе с Вашим письмом от 29.12.64). Спасибо. Первые 10 из этих 15 тезисов составили текст, озаглавленный «Тем же о том же», направленный В. В. Иванову, М. К. Поливанову и мне год назад, так что эти 10 тезисов нам известны. Что касается последних 5 тезисов, то они новы для меня и, по-видимому, для моих друзей, которых я ещё не сумел с ними ознакомить. <...>

2. Ваш основной тезис «о существовании, хотя бы в тенденции, своеобразной области нормативных оценок и не познавательных, и не моральных» не вызывает возражений, почему этот вопрос и не затрагивался в тексте «К искусству семиотики». Однако мне, по крайней мере, решение не представляется окончательным как в части формулировок (что, например, означает в точности «свободное принятие»?), так и в части рационалистического (кибернетического, биологического, если угодно) объяснения (на дарвиновском уровне)

наличия этих оценок у определённой группы организованных систем. Рискуя заслужить упрёк в тупоумии, признаюсь, что не очень понял место о «стихийном возникновении» этих оценок. По-прежнему не вполне ясно, почему — не прибегая к гипотезе «Единого управления» — нельзя считать знаковой системой если не всё искусство, то значительные его «разделы» (школы, эпохи, жанры — но не только отдельные произведения; ведь если стихотворения в прозе Тургенева суть знаковые системы, то русский язык, на котором они написаны — уж во всяком случае знаковая система). Впрочем, все эти вопросы и стоило бы отложить до предлагаемой встречи.

3. Экземпляр Вашего более раннего текста «К семиотике искусства», хранившийся у В. В. Иванова, забран мною у него и, во исполнение Вашего желания, прилагается. <...>

4. Мои комплименты Вам действительно традиционны; я открыто признаю, что источник идеи (Вы) служит для меня немаловажным критерием её значимости и верности. Боюсь, однако, что это никак не связано со званием академика. (Не Гёте ли всерьёз считал себя тайным советником Веймарского герцогства?) Вместе с тем, действительно, содержание предлагаемой Вами программы является для меня откровенно второстепенным по сравнению с существенностью того, что её руководителем и участником будет А. Н. Колмогоров.

Ваш В. Успенский

Приложение 2

А. Н. Колмогоров. О возможном применении простейших представлений теории информации к исследованию стиха, художественной прозы, техники перевода

Следуя Шеннону, можно показать, что при больших N существует приблизительно

$$10^{\alpha_1 N}, \quad \alpha_1 \sim 2{,}5$$

(значения коэффициентов подлежат уточнению, а пока приводятся грубо ориентировочные) текстов из N слогов, имеющих общий характер звучания русского языка. Из них приблизительно

$$10^{\alpha_2 N}, \quad \alpha_2 \sim 2{,}0$$

состоят из русских слов, приблизительно

$$10^{\alpha_3 N}, \quad \alpha_3 \sim 1{,}5$$

состоят из грамматически правильно построенных предложений (может быть, типа «Этот самовар доказывает галку»). Возможно, что приблизительно

$$10^{\alpha_4 N}, \quad \alpha_4 \sim 1{,}0$$

текстов могут быть без натяжки приняты за осмысленное произведение деловой или художественной литературы. Во всяком случае Шеннон придумал некий метод «угадывания продолжений», который в некотором не вполне ясном смысле даёт возможность оценить α, соответствующее всем «осмысленным» текстам. Вероятно, при ближайшем анализе обнаружится, что результат сильно зависит от толкования понятия «осмысленный».

Как бы то ни было, схематически можно представлять себе дело так, что существует шкала все более строгих требований к «осмысленности» текстов и им соответствует ряд коэффициентов

$$\alpha_1 > \alpha_2 > \alpha_3 > \ldots > \alpha_n > \ldots.$$

Выражает ли нижняя грань α этих α_n меру «информации», которая на безукоризненном русском языке может быть передана «в среднем

Ранее этот текст Колмогорова не публиковался. Печатается по рукописи: три машинописных листа со вставленными от руки формулами. Даты и подписи нет, имеется заголовок, состоящий из наименования автора и заглавия.

на один слог»? Оказывается, что нет. Дело в том, что совокупность мыслей, выражение которых хорошо укладывается в текст из N слогов, может быть выражена очень многими практически равноценными способами. Можно думать, что, фиксировав требования к характеру изложения мысли, удастся определить коэффициент β в формуле

$$B = 10^{\beta N},$$

выражающей число таких равноценных (при данной совокупности требований) изложений одного и того же ряда мыслей и образов. Практически предполагается определить β экспериментально из наблюдений над процессом перевода художественной или деловой прозы с одного языка на другой. Естественно, что и здесь получится не одно значение β, а целая последовательность

$$\beta_1 > \beta_2 > \ldots > \beta_n > \ldots$$

значений β, соответствующих возрастающим требованиям к характеру изложения.

Предполагается всё же, что для прозы, подчинённой обычным требованиям к точности выражения мысли и благозвучия (в смысле простой удобопроизносимости), получится показатель гибкости изложения порядка

$$\beta \sim 0{,}5.$$

Разность

$$\Delta = \alpha - \beta$$

и является настоящей характеристикой «информационной ёмкости» русского языка.

В стихах допускается несколько более свободное пользование необычным в прозе расположением слов, что несколько увеличивает показатель β. Но требования метра и рифмовки приводят к тому, что количество допустимых текстов уменьшается в

$$10^{\gamma N}$$

раз. Показатель γ может быть вычислен. Например, для белого пятистопного цезурного ямба («Борис Годунов»)

$$\gamma \sim 0{,}15.$$

Для распространённых форм рифмованного стиха γ раза в два больше.

«Остаточная» гибкость изложения

$$\beta - \gamma$$

может быть без вреда для информационной ёмкости использована в

направлении придания стиху дополнительной ритмической и, вообще, звуковой выразительности (закономерное чередование разрешённых метром вариаций ритма, выбор выразительных рифм, аллитерации).

Если же

$$\gamma > \beta,$$

то есть жёсткость требований избранной формы стиха больше, чем гибкость точного изложения заданной мысли, то остаётся только один выход: согласовать изложение мысли, или хотя бы выбор образов, с требованиями формы (рифма «ведёт» мысль поэта...).

При стихотворном переводе то обстоятельство, что γ легко может оказаться больше β, обнаруживается более явно, так как при переводе подчинение содержания и выбора образов требованиям версификации на языке перевода называется искажением подлинника.

Первые шаги в направлении подсчёта коэффициента γ, характеризующего жёсткость метра, были сделаны Томашевским в весьма несовершенной форме*. Читатель, знакомый с работами Томашевского и Шенгели, легко поймёт связь изложенного выше с рядом важных вопросов поэтики.

С другой стороны, развитие работ по формальному анализу стиха может оказаться полезным и при изучении художественной и деловой прозы с информационной точки зрения в качестве примера задач, которые легче поддаются точному количественному изучению. Например, достаточно элементарный и надёжный подсчёт коэффициента γ позволяет составить себе предварительное представление о порядке величины коэффициента гибкости изложения β.

* Б. Томашевский. О стихе.

Почему на клетке слона написано «буйвол»: Наблюдения о словесных квипрокво (подменах текста) и их причинах

Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», не верь глазам своим.
Мысли и афоризмы Козьмы Пруткова, № 106

Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай.
Гоголь. «Записки сумасшедшего»

Всё смешалось в доме Обломовых.
В такой редакции эта цитата из «Анны Карениной» была в 60-х годах любимой поговоркой футболистов московского «Динамо»

●●➤ Па-де-де из балета Игоря Стравинского «Аполлон и Мусагет»
Объявление, сделанное ведущей радиостанции «Орфей» 2 ноября 2009 года в 09 ч. 07 м. ◄●●

§ 0. Вступление (0.1. Что такое словесное квипрокво. 0.2. Примеры, проблемы. 0.3. Один замечательный пример подмены текста). — § 1. Неограниченные Источники словесных квипрокво. — § 2. Словесное квипрокво как приём. — § 3. Сознательно, или бес–, или подсознательно? — § 4. Борис Николаевич Белый, Алексей Максимович Горький и Владимир Ильич Ленин. — § 5. Пéшков или Пешкóв? — § 6. Василий Иванович Сафонов. — § 7. Распространённые искажения (7.0. Привычные вывихи. 7.1. Искажения имён. 7.2. Несколько отступлений на темы социолингвистики. 7.3. Искажения ударений и смыслов. 7.4. Искажения цитат. 7.5. Все ли и всё ли врут календари). — § 8. Патриарх Алексúй Одиннадцатый. — § 9. Река Елань, именуемая Шелонью. — § 10. Обеспамятевший Актей. — § 11. Был ли женат Киприян Савельевич? — § 12. Пушкин в изложении Блока и понятие отрезвления. — § 13. Врачу, исцелися сам. — § 14. «Уже второй...». — § 15. «Инцидент» или «инциндент»? — § 16. Кто входил в число наследников Маяковского? — § 17. Особенности национальных менталитетов. — § 18. Проблемы перевода (18.1. Презумпция адекватности перевода и её нарушения. 18.2. Два общедоступных примера из математической жизни. 18.3. Три отступления на темы литературных переводов. 18.4. Специальные проблемы. 18.5. Судьбоносно вредные искажения. 18.6. О преимуществах русского языка перед английским. 18.7. Тени отцов. 18.8. Случай из жизни: сельдь со сливками. 18.9. «Шишков, прости»). — § 19. Об обсценной лексике. — § 20. Гиперкоррекция псевдообсценной лексики. — § 21. Председатель Реввоенсовета или секретарь Реввоенкомитета? — § 22. Нелúца (unpersons) в смысле Оруэлла. — § 23. Ленин на Мавзолее. — § 24. Пьяный силён. — § 25. Лия Леонардовна. — Примечания. — Литература.

Опубликовано в журнале: Новое литературное обозрение. — 1997. — № 28. — С. 329—372.

§ 0. Вступление

0.1. Что такое словесное квипрокво. ●●➤ 5 апреля 2010 года, понедельник Светлой седмицы (в миру — пасхальной недели), 19 часов. Радио «Орфей» даёт прямой эфир из РГМЦ[1]. Идёт концерт Академического хора русской песни под управлением Александра Дармастука. Сладкий голос женщины-конферансье предваряет хоровое исполнение благовещенского песнопения, прославляющего приснодеву Марию. Конферансье не просто объявляет очередной номер, но произносит нечто вроде краткого предисловия. Она говорит, что Марии явился Божий посланник, апостол (sic!) Гавриил. Стало понятно, что слушать эту передачу необязательно. Если бы сладкоголосая дама, повстречав архангела, приняла его за апостола, тогда бы имело место классическое квипрокво. Здесь же произошло смешение не лиц, но слов: слово *архангел* отразилось в сознании нашей дамы в виде неотличимого для неё (для дамы) слова *апостол*, так что квипрокво было чисто словесным. ◄●●

Жена одного из известных наших артистов так сообщала о планах своего мужа: «Он едет в Швецию через Австралию». Артист отправлялся в Швейцарию через Австрию.

Анализируя данную ситуацию семиотически, на первый взгляд можно заключить, что мы имеем дело с квипрокво. Ведь согласно Толковому словарю Ушакова [Уш], квипрокво — это «недоразумение, заключающееся в том, что одно лицо, понятие или вещь принято за другое», а здесь одно государство вроде бы как раз и принято за другое. Однако наша дама вряд ли принимала Австрию за Австралию, а Швейцарию за Швецию. Так что скорее следует говорить не о подмене вещей, а о подмене слов: слово «Австрия» подменено словом «Австралия», а слово «Швейцария» — словом «Швеция». Такого рода недоразумения, когда один текст подменяется другим, то есть как бы принимается за другой текст, мы будем именовать *словесными квипрокво* и отличать от *истинных квипрокво*, состоящих в подмене понятий, предметов или лиц ■.

Хрестоматийный пример словесного квипрокво из русской классики — чеховская «Лошадиная фамилия», когда вместо правильной фамилии народного целителя «Овсов» произносят различные смежные фамилии — от «Кобылин» и «Жеребцов» до «Засупонин» и «Лошадский»; здесь опять же происходит именно смешение фамилий, а не их носителей. А вот жизненный пример. Заведующая

[1] РГМЦ — Российский государственный музыкальный центр.

кардиологическим отделением больницы спрашивает своих врачей: «Ромашкина смотрели?». В ответ недоумение: «Какого Ромашкина, Лидия Ивановна?». На недоумение следует возмущение: «Что значит, какого? Ромашкин — самый тяжёлый больной нашего отделения, мы его буквально вытащили с того света, а вы сегодня даже его не осмотрели!». — «Так он же не Ромашкин, а Васильков!». — «Ну какое это имеет значение».

Классический случай словесного квипрокво — надпись «буйвол» вместо надписи «слон». Хрестоматийный пример из истории — или из мифологии? — журналистики: сперва в газетном сообщении было написано, что Его Величество возложил на себя ворону, а потом была дана поправка: вместо «ворону» читай «корову»; разумеется, квипрокво здесь чисто словесное, поскольку произошло не смешение понятий 'корона', 'ворона' и 'корова', а лишь смешение соответствующих слов[2].

Кулисы театра полны анекдотов об актёрских обмолвках **2**. Смешение слов может привести к эффектам в некотором роде замечательным. Так, лет 15 тому назад в конторе подмосковного Митинского кладбища висел (а возможно, всё ещё висит) прейскурант на предоставляемые услуги. В частности, можно было оплатить произнесение надгробной речи, а для составления таковой — «сбор автобиографических сведений о покойном». Смысл напрашивается: у нас и покойник заговорит.

Издательство иностранной литературы специализировалось на издании русских переводов книг на иностранных языках (а также на переводах с русского на эти языки). В 1964 году оно разделилось на два издательства: «Мир» и «Прогресс». Одно из них было призвано занималось литературой научно-технической и научно-популярной, другое — литературой гуманитарного направления. Современникам разделения было совершенно очевидно, что название «Прогресс» не подходит для зарубежной гуманитарной литературы, а вот для научно-технической подходит. На деле вышло наоборот — верховными приказами «Прогрессу» было предписано быть гуманитарным, а «Миру» — начуно-техническим издательством. Объяснение оказалось простым — в спешке в документе, поданном начальству на подпись, произошла путаница, и это словесное квипрокво было замечено лишь после подписания. Снова идти к начальству никто не решился.

Когда в октябре 1983 года США возглавили военную операцию в государстве Гренада (Grenada), расположенном на одноимённом

[2] Набоков утверждал, что это правда и что это пример полностью переводим: *Crown — Crow — Cow*. (Сообщено Г. А. Левинтоном).

острове (из числа Наветренных островов, ограничивающих с востока Карибское море), советское телевидение сопроводило своё сообщение об американской интервенции показом карты испанской провинции Гранада (Granada). Произошло истинное квипрокво: карту Гранады приняли за карту Гренады. Однако истоком этой путаницы было квипрокво словесное. Дело в том, что в русском языковом обиходе Гранада нередко называлась Гренадою, что́ засвидетельствовано обеими энциклопедиями Брокгауза и Ефрона: «**Гранада** — исп. гор. и пров., см. Гренада» ([БЕ-18], с. 549); «**Гренада** в Испании — см. Гранада» ([НЭС], т. 14, стлб. 808). И если не из Брокгауза и Ефрона, то из написанной в 1926 году «Гренады» Михаила Светлова все знали, что «Гренадская волость в Испании есть»; подлинная же Гренада, к тому же лишь в 1967 году обретшая государственность, находилась не только на периферии Карибского моря, но и на периферии сознания. Так что Испания выходила как бы сама собой, даже если писалось или говорилось нечто другое. (Вспомним, что титулярный советник Авксентий Иванович Поприщин предлагал «всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай».)

●➤ 13 июня 2001 года, 4 утра с малыми минутами. Радиостанция «Свобода» сразу после новостей даёт двухминутную рекламу своих передач. В качестве рекламного приёма произносятся фразы, как бы являющиеся цитатами из этих передач. Рекламируется, в частности, передача «Россия между Европой и Америкой». Басовитый мужской голос с актёрскими интонациями говорит: «Они договорились встретиться 16 июня в Братиславе». Братислава — столица Словакии. На 16 июня была назначена встреча Путина (президента России) и Буша (президента США) в Любляне. Любляна — столица Словении. В прошлом дикторы зарубежных русскоязычных радиостанций нередко путали Иран и Ирак, Ливию и Ливан. Сейчас, хотя уже значительно реже, но тоже иногда путают.

Воистину, как в старом анекдоте: «Почему один и тот же город называют то Будапешт, то Бухарест?». ◄● ●●➤ Действительность, как это нередко бывает, оказалась смешнее анекдота. 13 декабря 2004 года в Румынии состоялся второй тур президентских выборов, в результате которого президентом стал мэр Бухареста. В тот же день, в 22 часа, международное французское радио RFI на русском языке начало свою передачу следующим сообщением: *Нынешний мэр Будапешта одержал победу в президентских выборах.* Оставаясь в пределах темы президентских выборов в 2004 году, перенесёмся из Румынии в Абхазию; там выборы президента состоялись 3 октя-

бря 2004 года. Власти России оказали на выборы беспрецедентное давление, открыто поддерживая одного из кандидатов — выпускника высших курсов КГБ в Минске. Давление проходило в форме как кнута, так и пряника. В качестве пряника 30 сентября агитировать за кандидата российских властей приехали из России депутаты Госдумы и эстрадные артисты. (Поводом послужила годовщина победы Абхазии в военном конфликте с Грузией. Однако парламент Абхазии назвал устроенное празднество грубейшим нарушением закона «О выборах президента Республики Абхазия» и недопустимым давлением на избирателей со стороны России.) Один из приехавших эстрадных артистов Олег Газманов обратился к публике со словами: *Дорогие аджарцы!* «Мы абхазы», — возразили ему. *Ну, вы все на одно лицо*, — возразил им Газманов. Через несколько дней оказалось, что избиратели отдали предпочтение не тому кандидату, агитировать за которого приехал Газманов. ◀●●

●▶ Что же касается смешения Словакии и Словении, то здесь эстафету переняла «Независимая газета», точнее её еженедельное приложение «НГ-религия». Открываем номер 18 (30) «НГ-религии» от 26 сентября 2001 года на с. 5, на статье «Униаты Восточной Словакии». К статье дана фотография с подписью «Греко-католический кафедральный храм св. Иоанна Крестителя и Епископский дворец в Прешеве (Словения)». Надо ли говорить, что город Прешев (Prešov, в русской транслитерации обычно Прешов) вместе с названным храмом и дворцом находится в Словакии?

0.2. Примеры, проблемы. В ряде случаев словесное квипрокво, подмена правильного текста неправильным, неправильное именование предметов или явлений может иметь заметные последствия для массового сознания, положительные для одних и отрицательные для других. Все мы недавно были свидетелями того, как 1 января 2000 года было объявлено началом XXI века и третьего тысячелетия (тогда как и тот, и другое начинаются 1 января 2001 года). Это привело к оживлению торговли, туризма и прочих рекламопроизводящих видов деятельности, а также к созданию специальных комиссий и комитетов для предотвращения компьютерных сбоев (каковых, впрочем, не последовало). Надо сказать, что российское население на удивление спокойно отнеслось к тому, что 1 января 2001 года XXI век и третье тысячелетии наступили вторично. ◀● ●●▶ Как остроумно заметил Саша Шень, знаменитый вопрос Пастернака *Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?* был особенно актуален в 2000 году. ◀●●

●●➤ Впрочем, по мнению журналистки Елены Трегубовой эта путаница оставила некий след в истории России. Вот что она пишет в книге [Тре] на с. 240:

> С самим Ельциным «проблема 2000» тоже, похоже, сыграла злую шутку. В своей знаменитой новогодней речи, назначая Путина своим наследником, он обмолвился: «В новый век страна должна войти с новым президентом!». Всей стране стало ясно, что дедушку просто надули, чтобы отобрать власть: окружение явно внушило ему, что новый век наступает не тогда, когда у всего человечества — 1 января 2001 года, а уже сейчас, 1 января 2000-го. То есть, если бы президент просто навёл справки получше, то мог бы ещё и дальше царствовать себе спокойно. Может, кого другого бы нам тогда без спешки подобрал. ◄●●

●➤ Среди последствий словесных квипрокво для массового сознания можно отметить и политические последствия.

Семантический сдвиг, приведший к тому, что XXI век наступил дважды, сравнительно безобиден (если не считать массового оглупления населения). Но все ли сдвиги таковы? Призываем читателя к размышлению на эту тему, **ещё не изученную с той глубиной, какую эта тема заслуживает**. А мы, со своей стороны, уже начиная со следующего абзаца, предоставим ему некоторые материалы для такого размышления.

Визит президента Буша младшего в Россию в мае 2002 года вновь вернул российские СМИ к пресловутой поправке Джексона—Вэника: ведь Буш почти обещал привезти с собой в Кремль её отмену (наподобие коробки конфет, или торта, или букета, или бутылки, приносимых гостем, — особенно при первом посещении дома), но своего почти обещания не выполнил. И вот, сообщая, что поправка остаётся в силе, диктор телевидения разъясняет: «Поправка Джексона—Вэника увязывает предоставление России благоприятных условий торговли с правом евреев на эмиграцию». Телезритель запоминает: опять эти евреи, всё было бы хорошо, если бы не евреи.

В полдень 31 декабря 1999 года Президент Б. Н. Ельцин ушёл в отставку, и В. В. Путин как премьер-министр приступил к временному исполнению полномочий Президента Российской Федерации, о чём известил своим первым указом — указом № 1762. А вторым указом Путина, который он подписал в тот же день, был указ № 1763 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи».

«Указ предоставляет Ельцину и членам его семьи пожизненное освобождение от уголовной ответственности», — неслось с экранов телевизоров. Телезритель запоминает: опять эта семья, мало она моего присвоила себе, так ещё и спросить с неё нельзя.

Но всё дело в том, что в поправке Джексона—Вэника ни слова не говорится ни о евреях, ни о России, — равно как в указе Путина ни слова не говорится о неприкосновенности или освобождении об ответственности членов семьи Б. Н. Ельцина (или какого-либо другого будущего экс-президента).

Поправка Джексона—Вэника названа так по имени членов двух палат Конгресса США: сенатора от штата Вашингтон Генри Джексона (Henry Jackson) и члена Палаты представителей от штата Огайо Чарлза Вэника (Charles Vanik). Включённая по их инициативе в принятый Конгрессом «Акт о торговле» 1974 года поправка касается экономических отношений между США и странами с нерыночной экономикой. Она запрещает иметь нормальные торговые и финансовые отношения с любой такой страной, если последняя каким бы то ни было способом ограничивает свободу эмиграции своих граждан — не граждан еврейской, кавказской или иной национальности, а граждан как таковых, без указания их национальности, цвета волос или формы ушей. Для американского менталитета естественно было рассматривать страну, ограничивающую указанную свободу, как тюрьму или концлагерь. (Непонятно, правда, почему странам с экономикой рыночной, тем самым, как бы выдавалась индульгенция на право быть тюрьмой или концлагерем.)

Почитаем теперь указ Путина № 1763 «О гарантиях...». Указ действительно предоставляет пожизненный иммунитет от уголовного преследования — но именно экс-президенту и только ему; «Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосновенностью», — говорится в указе. Что же касается членов семьи бывшего президента, то им этим указом предоставляются лишь определённые льготы в отношении пенсионного обеспечения, медицинского и транспортного обслуживания, охраны и т. п. — но никакого освобождения от ответственности, никакой неприкосновенности!

Таким образом, в обоих случаях произошла подмена правильного текста (запечатлённого в документах) неправильным (отражённым в СМИ), то есть имело место словесное квипрокво. Это квипрокво носило характер массового семантического сдвига. Предоставляем читателю судить, насколько безобидны подобные семантические

сдвиги. Или, напротив, насколько они небезобидны и влекут или могут повлечь политические последствия.

Последствия увязки поправки Джексона—Вэника с правами евреев оценить не так просто. С одной стороны, ничего нового как бы и не сообщается: все и без того знают, кто виноват в том, что в кране нет воды. Кроме того, нельзя не признать, что побудительной причиной, приведшей к появлению этой поправки, действительно была проблема эмиграции евреев, а именно плотина, воздвигнутая советской властью на пути их исхода из СССР. С другой стороны, в современной России права её граждан на эмиграцию никак не ущемляются (и ограничиваются лишь иммиграционными законами принимающей страны[3]), а потому само упоминание о правах евреев на эмиграцию — упоминание не в рамках исторической ретроспективы, а в рамках современных проблем — выглядит странным. И не только странным, но и отчасти провокационным: национальная тема есть вещь слишком деликатная, чтобы касаться её без нужды и к тому же с искажениями юридически отточенных законодательных актов — хотя бы и актов иностранных государств. (Реальный ущерб современной России от поправки Джексона—Вэника заключается в том, что, согласно этой же поправке, президент США должен регулярно подтверждать, что Россия не чинит препятствий эмиграции; после каждого такого подтверждения нормальные экономические отношения могут быть установлены, но лишь на короткий срок, до следующего подтверждения. Впрочем, кажется, нас уже признали страной с рыночной экономикой, а тогда поправка Джексона—Вэника вроде бы должна была оказаться к России неприменимой, чего, однако, не произошло.)

Более очевидны политические последствия ложного толкования указа № 1763 от 31 декабря 1999 года. Неприкосновенность членов семьи бывшего президента, действительно, есть тема, способная вызвать в обществе большое раздражение. Этим не без успеха воспользовались силы, стремившееся такое раздражение создать. Многие ещё помнят ту истерию, которая в начале 2000 года поднялась в средствах массовой информации, а ещё больше в Государственной Думе по поводу этого указа. Все называли его не иначе как указом о предоставлении неприкосновенности Борису Ельцину и членам его семьи. Особенно настойчиво так именовался (и, можно полагать, так понимался) этот указ в выступлениях депу-

[3] В те далёкие годы на американскую критику, что из СССР не выпускают людей, советские газеты отвечали так: а вот в США тоже не всех впускают.

татов и журналистов в конце марта 2000 года, когда Дума едва не направила запрос в Конституционный суд о законности указа. И ведь вот что удивительно: никто внятно не разъяснил широким массам (а заодно — депутатам и журналистам), что ни о какой неприкосновенности членам семьи, ни о каком освобождении их от ответственности в указе не было ни слова.

На взгляд автора этих строк, в тех условиях, при том качестве правосознания и правоприменения, которое мы имели и имеем, указ был совершенно оправдан. (Возможно, когда-нибудь в России и наступят времена, когда покидающие свой пост президенты будут готовы к суду над собой и не будут нуждаться в особых формах юридической защиты. 3) Однако, на тот же взгляд, при составлении указа была допущена ошибка, но не юридическая и не нравственная, а психологическая. Само название указа: «О гарантиях Президенту и членам его семьи» создавало ложное впечатление о единстве этих гарантий. Быть может, было бы лучше иметь два отдельных указа: один — о неприкосновенности бывшего Президента и другой — о материальном обеспечении его и его семьи. (Если бы речь шла об указе Ельцина, непременно сказали бы: «Президента подставили».)

К ещё более серьёзным последствиям привёл семантический сдвиг, случившийся с понятием «ЦК КПСС». В первоначальном смысле выражение «Центральный комитет КПСС» (а ранее — «Центральный комитет ВКП(б)», а ещё раньше — «Центральный комитет РСДРП(б)») означало некоторую коллегию людей, осуществляющую верховную власть в Коммунистической партии, а тем самым — и в Советском государстве. Затем, ещё во времена ВКП(б) (или ещё раньше?), произошёл семантический сдвиг в значении этого выражения, и оно приобрело другой смысл, а именно, стало обозначать учреждение, обслуживающее названную коллегию. Тем самым, это название было незаконно перенесено на аппарат, а вместе с переносом названия на тот же аппарат была перенесена и функция верховного управления; а это, в свою очередь, явилось, может быть, одной из главных причин бюрократизации Советского Союза, бюрократизации, продолжающейся и в современной России. Так что для бюрократии последствия этого семантического сдвига были самые положительные. ◄●

●●► В сентябре 1947 года в центре Таллинна, на холме Тынисмяги, был установлен «Памятник Воину-освободителю Таллинна от немецко-фашистских захватчиков». Мемориальная композиция состояла из двухметровой фигуры советского солдата, склонившего голову в знак скорби, и стены, на которой были установлены

таблички с именами погибших и изображён орден Отечественной войны. В 1995 году, когда Эстония уже стала независимым государством, памятник был переименован в «Монумент павшим во Второй мировой войне». Его бытовое название было «Бронзовый солдат». В апреле 2007 года Бронзовый солдат вместе с находившимися под ним захоронениями был перенесён на Военное кладбище Таллинна. Однако в российских СМИ это перенос упорно называли *сносом памятника*. Поэтому указанная акция эстонских властей вызвала бурю возмущения в России, включающую шумные демонстрации около посольства Эстонии в Москве.

15 ноября 2006 года русская служба БиБиСи сообщила о скандале, случившемся в Брюсселе — столице Европейского Союза. Вместо гимна «Боже, благослови Латвию» Республики Латвии, члена Союза, был исполнен гимн Латвийской Советской Социалистической Республики, одной из 15 составных частей распавшегося СССР. Вспомнилось, как в своё время в СССР был, напротив, исполнен гимн ФРГ вместо гимна ГДР, — тогда всех причастных к этому уволили. А ещё раньше некий член советской делегации, посетившей ГДР, на устроенном хозяевами банкете, держа бокал в руке, начал свой тост словами: «Дорогие немецко-фашистские друзья»; первым же самолётом он был отправлен в Москву.

Последний абзац раздела 1 статьи II американской конституции гласит, что при вступлении в должность президент США произносит следующую клятву или заявление: «I do solemnly swear (*or* affirm) that I will faithfully execute the office of President of the United States, and I will to the best of my ability, preserve, protect and defend the Constitution of the United States» [«Я торжественно клянусь (*или* заявляю), что буду добросовестно исполнять должность Президента Соединённых Штатов и в полную меру сил своих буду поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединённых Штатов»].

В полдень 20 января 2008 года, при сотнях миллионов, сидящих по всей планете перед телевизорами, в должность вступал 44-й президента США Бара́к Хусе́йн Оба́ма II (Barack Hussein Obama II, род. 4 августа 1961 года). Слова клятвы[4] он повторял за Верховным судьёй Робертсом (John Glover Roberts, Jr.), которому ровно через неделю исполнилось 53 года. Произнося текст, Робертс допустил ошибку и слово «faithfully» («добросовестно») поставил не туда, куда предписывает конституция, а именно сместил его с начала в

[4] Интересно бы знать, кто именно решил, что будет не заявление, а клятва.

конец той синтаксической группы, в которой говорится об исполнении президентской должности. Можно предполагать, что Обама знал клятву наизусть, потому что он слегка замешкался, но затем послушно повторил слова Верховного судьи. Произошло типичное словесное квипрокво. Оно имело (и не исключено, что имеет) серьёзные юридические последствия. Ведь если подходить предельно строго, то Обама, произнеся нечто, конституцией не предусмотренное, президентом не сделался. Думаю, что нашлись люди, ухватившиеся за этот казус. О них мне ничего не известно; возможно, что они затаились с тем, чтобы впоследствии опротестовать в суде какой-либо акт «лжепрезидента». Как бы то ни было, вечером следующего дня, 21 января, в Белом доме произошла повторная инаугурация[5], уже совершенно камерная. На этот раз Робертс не ошибся. Остаётся, однако, вопрос: имели ли Соединённые Штаты президента с полудня 20 до вечера 21 января 2008 года? ◄●●

Ниже будут приведены несколько случаев словесного квипрокво, то есть подмены одного текста (правильного) другим (неправильным). В большинстве случаев мы попытаемся объяснить, почему такая подмена имела место. Именно эти попытки и служат оправданием слова «почему» в заглавии настоящих заметок. В применении к приведённому в самом начале эпизоду объяснение, надо думать, заключается в том, что «Австралия» скорее просится на язык, чем «Австрия», а «Швеция» — чем «Швейцария».

●●► Термин «словесное квипрокво» следовало бы заменить на более общий термин *семиотическое квипрокво* и применять во всех случаях, когда один знак неправомерно используется вместо другого. Ниже, в § 23, мы расширили понятие словесного квипрокво на ситуации с произведениями монументального искусства, объявив их текстами, — но честнее было бы использовать в этом случае именно понятие семиотического квипрокво. Просвещённому читателю предоставлю судить, подпадают под это понятие случаи, когда знак не меняется, но неправильно используется. Вот свежий пример. Сегодня, 19 января 2008 года, я обнаружил у северного выхода из станции «Аэропорт» Московского метрополитена установленный перпендикулярно к движению транспорта рекламный щит, призывающий сбросить скорость на переходе. Однако надпись эта смотрит на север, то есть в ту

[5] По каковому поводу уже сочинена скороговорка:

Барака Обаму инаугурировали-инаугурировали, да недовыинаугурировали.
Надо Барака Обаму переинаугурировать, да перевыинаугурировать.

же сторону, в которую происходит движение, так что водители её не видят. С другой стороны щита написано совсем другое. Несколько лет назад подобное происходило в другом месте того же московского района «Аэропорт» — у Ленинградского рынка, на Часовой улице, движение по которой вообще одностороннее. Щит рекламировал торговый центр, находящийся на противоположной стороне, но видеть его могли лишь пешеходы, пассажиры (при условии, что они смотрят в заднее окно) и те водители, которые смотрят не вперёд, а в зеркало заднего обзора. Через довольно продолжительное время спохватились, щит повернули другой стороной — но вместе с ним повернулась и изображённая на щите стрелка, указывающая направление, и она стала указывать направление, противоположное направлению на торговый центр.

Квипрокволог да остережётся попасться в ловушку *ложного словесного квипрокво*! Вот пример такой ловушки, в которую попался автор этих строк. (Боюсь, впрочем, что пример будет понятен лишь людям моего поколения. Сейчас уже не все знают, кто такой Сталин, а кто такой Калинин почти никто и не знает.) Мне в руки попалась называемая «Север столицы» газета префектуры Северного округа Москвы № 15 (99) за октябрь 2009 года, и на с. 3 бросилась в глаза выделенная шрифтом надпись «Сталина Калинина». Ни запятой, ни союза между составляющими надпись словами. Явное словесное квипрокво, подумал я. Однако, вставив «и», я уподобился той ведущей радиостанции «Орфей», которой принадлежит авторство одного из эпиграфов к настоящему очерку. Потому что оказалось, что в виду имелась Сталина Владимировна Калинина.

Проблемы для обсуждения. Лев Лосев вспоминает замечательную фразу, сказанную ему его визави на нобелевском банкете в Стокгольме: «Вот, помню, когда мы здесь вручали премию доктору Живаго...». К какому разряду следует отнести данное квипрокво — к истинным или к словесным? Вот первая из проблем, которые мы выносим на суд читателя. В том полном тексте, откуда взята цитированная фраза и который приведён в затекстовом примечании, Лосев говорит о трёх Пастернаках в американской культуре. Образуют ли эти три Пастернака квипрокво в каком бы то ни было смысле? 4 ◀●●

В завершение этого вводного параграфа приведу словесное квипрокво, которое меня крайне удивило. С моего довоенного детства я

помнил стихотворение, принадлежащее Александру Ивановичу Введенскому и начинающееся так:

Дядя Боря говорит,
Что
Оттого он так сердит,
Что
Кто-то на пол уронил
Банку, полную чернил,
И оставил на столе
Деревянный пистолет,
Жестяную дудочку
И складную удочку.
Может, это серый кот
Виноват?
Или это чёрный пёс
Виноват?
Или это курицы
Залетели с улицы?

В конце стихотворения выяснялось, что

Только Петя Бородин
Виноват во всём один.

Детское воображение поражали и другие стихи великого обэриута. Я был счастлив узнать, что в 1993 году московское издательство «Гилея» выпустило «Полное собрание произведений» Введенского в двух томах, составление и подготовка текста М. Мейлаха и В. Эрля. Михаил Борисович Мейлах был мне известен не только по личному знакомству, но и как скрупулёзный текстолог (а текстолог и должен быть скрупулёзным). Незнакомый мне Владимир Ибрагимович Эрль так пишет о себе: «...Родился в 1947 году под знаком Тельца. Пишет с 1963 года, печатается с 1965-го. Автор трёх книг, известен также как критик и текстолог». Компетенция составителей внушала доверие. Каково же было моё разочарование, когда я обнаружил, что «Полное собрание» является неполным — в нём отсутствуют не только цитированное стихотворение, но вообще все стихи для детей. Таково было решение составителей. Ничего вразумительного в ответ на мой упрёк, что в таком случае двухтомник следовало назвать просто «Собранием сочинений», Михаил Борисович мне сообщить не смог. Когда неполное

собрание объявляется полным, причём неполнота известна составителям, решусь — переиначивая известную фразу, сказанную об убийстве Наполеоном герцога Энгиенского — сказать, что такое словесное квипрокво хуже ошибки. ●●► Я благодарен санкт-петербургскому издательству «Амфора», издавшему в 2011 году детские стихи Введенского — не знаю, какую их долю — в составе книги «Чудаки»: А. И. Введенский, Ю. Д. Владимиров. Чудаки. — СПб.: Амфора, 2011. — 47 с. Я осуждаю издательство «Амфора» за то, что имя замечательного детского поэта Юрия Дмитриевича Владимирова (1909—04.10.1931), не оставившего наследников и потому не защищённого копирайтом, напечатано на обложке более мелким шрифтом, нежели имя Введенского. И это при том, что именно название одного из стихотворений Владимирова дало название всей книге! ◄●●

0.3. Один замечательный пример подмены текста. Прежде всего напомним, что подмена текста это и есть словесное квипрокво. Одна такая подмена произошла в последнем, шестом, то есть ноябрьском-декабрьском, выпуске журнала «Успехи математических наук» за 1978 год, одного из наиболее авторитетных российских математических журналов. Названный выпуск открывался портретом академика Л. С. Понтрягина и Указом Президиума Верховного Совета СССР о его награждении, в связи с семидесятилетием, орденом Ленина. Лев Семёнович Понтрягин (21.08(03.09).1908—03.05.1988) справедливо считался одним из крупнейших математиков не только СССР, но и всего мира. В том же выпуске на с. 7—21 было опубликовано его сочинение «Краткое жизнеописание Л. С. Понтрягина, составленное им самим». Однако последние две страницы этого сочинения были подменены. А именно, из всех экземпляров уже готового тиража эти страницы были выдраны и заменены новыми. Такое решительное и дорогостоящее действие могло быть сделано только по личному распоряжению президента Академии наук СССР, каковым тогда был М. В. Келдыш; по слухам, такого распоряжения добился тот самый Е. С. Лихтенштейн, который присутствует на выдранных страницах и отсутствует на вклееных вместо них. На с. 268 и 269 настоящего издания приводятся прежние, до выдирки, с. 20 и 21 из шестого выпуска УМН за 1978 год; на с. 270 и 271, соответственно, новые, заменяющие страницы, которые только и можно обнаружить в библиотеках. Изменения текста затронули абзац 3 на с. 20 и абзац 4 на с. 21.

ответом и приняла его за шутку. Но после узнала, что мой ответ был основан на правильной оценке всей обстановки.

Мой первый брак был расторгнут за 10 лет до заключения второго.

В конце 1968 г., по некоторым причинам, я заинтересовался издательской работой. Точнее, работой Главной редакции физико-математической литературы издательства «Наука». Знакомясь со списками издаваемых книг, я был поражен однообразием имен авторов. Среди авторов почти полностью отсутствовали сколько-нибудь значительные ученые, а прочие авторы, составлявшие весьма узкий круг, отличались необычайной плодовитостью. Зная по собственному опыту, какого огромного труда требует написание книги, я пришел к мысли, что с изданием математических книг дело обстоит неблагополучно. Издание книг упомянутой Главной редакции контролировалось в то время органом Академии наук — секцией РИСО под председательством Л. И. Седова. Я обратился к нему с просьбой создать отдельный орган дополнительного или независимого контроля над изданием книг по математике. Л. И. Седов отнесся к моему предложению без сочувствия, и не поддержал меня. Мне удалось получить поддержку председателя РИСО М. Д. Миллионщикова, а затем президента АН СССР М. В. Келдыша. Под их давлением Л. И. Седов вынужден был согласиться на допущение меня к реальному воздействию на издательскую работу. Мы с Л. И. Седовым составили письменное соглашение о правах возглавляемой мною группы математиков в области издательства математической литературы. Эта бумага была передана М. Д. Миллионщикову для составления на ее основе имеющего юридическую силу документа за подписью президента М. В. Келдыша. Оформление документа было поручено ученому секретарю РИСО Е. С. Лихтенштейну. Но, зная его повадки, я ознакомился с составленным им документом прежде, чем он попал на подпись к М. В. Келдышу. Оказалось, что документ этот грубо искажал составленное нами с Л. И. Седовым соглашение: он фактически лишал вновь организуемую группу математиков всякой возможности воздействия на издательскую работу. Вовремя перехваченный документ был исправлен мною с согласия Миллионщикова и в таком виде подписан М. В. Келдышем в декабре 1970 г. Так началась продолжающаяся до сих пор моя работа в системе РИСО, членом которого я стал. Мне кажется, что мне и группе моих товарищей удалось несколько улучшить издательское дело в области математики, хотя трудностей еще очень много. Главная из них заключается в привлечении квалифицированных и добросовестных авторов.

Несколько позже, по образцу математической, были организованы группы по физике, а затем по механике и теории управления. На мой взгляд, группы эти уже полностью выполняют всю работу контроля Академии наук над изданиями Главной редакции.

Почти в то же время пришлось заняться международными отношениями в области математики. Перед Международным конгрессом математиков в Ницце в 1970 г. в Исполком Международного союза математиков должен был быть избран советский представитель. Академик-секретарь нашего Отделения Н. Н. Боголюбов, по-видимому, уже обещал этот пост академику И. Н. Векуа, но председатель Национального комитета советских математиков И. М. Виноградов и президент АН СССР М. В. Келдыш решили иначе. Они рекомендовали меня, и на Ассамблее 1970 г. я был избран вице-президентом Международного союза математиков. Там же в Ницце произошло другое, немаловажное для меня событие. Я вновь делал пленарный доклад, на этот раз посвященный дифференциальным играм и уже на английском языке. Возможность сделать доклад на английском языке мне дала поездка в Стенфордский университет в 1969 г., где я в течение полутора месяцев вынужден был читать лекции по-английски ввиду отсутствия переводчика. Эта деятельность была чудовищно мучительна для меня, но в то же время доставила

большое удовлетворение, так как я преодолел трудности, связанные с английским языком.

В том же 1969 г. еще до поездки в Стенфорд я был награжден Золотой Звездой Героя Социалистического труда, что доставило мне большую радость тогда и доставляет некоторые удобства теперь.

Перспектива работы в Исполкоме Международного союза математиков очень пугала меня, главным образом из-за плохого знания английского языка. Поэтому на заседания Исполкома я стал ездить с А. Б. Жижченко. Оказалось, однако, что он стал не только переводчиком, но моим советником и соратником по работе в Исполкоме.

При проведении на Исполкоме советской точки зрения мы встречались иногда с серьезным сопротивлением некоторых членов Исполкома, но были и такие, которые дружественно поддерживали нас. Одна из наиболее серьезных проблем, которую пришлось решать — это выработка предложений по новому составу Исполкома на период 1975—1978 годы. Была попытка со стороны сионистов забрать Международный союз математиков в свои руки. Мне удалось отбить эту атаку сионистов, использовав при этом сложные взаимоотношения между зарубежными математиками. Теперь уже покидая Исполком, я могу надеяться, что положение в этом вопросе значительно улучшилось. Очень серьезная попытка повернуть все вспять была в начале этого года сделана со стороны некоторых советских ученых, занимающих ответственные посты в науке. Но она не удалась, благодаря решительным действиям Национального комитета советских математиков.

Занявшись международными отношениями, я обнаружил, что круг математиков, допущенных к заграничным поездкам, весьма узок, аналогично тому, как был узок круг авторов математических книг. Думаю, что нам удалось несколько улучшить положение дел с поездками.

Нужно признать, что некоторые дела в области математики сильно запущены из-за нашей собственной беспечности и непонимания происходящего. К числу таких запущенных дел принадлежит положение с учебниками математики для средней школы. Реформа преподавания, произведенная 10—12 лет назад, привела его в катастрофическое положение, что недавно официально признало Бюро Отделения математики АН СССР на своем заседании от 10 мая сего года.

5 июня 1978 г. *Л. Понтрягин*

ответом и приняла его за шутку. Но после узнала, что мой ответ был основан на правильной оценке всей обстановки.

Мой первый брак был расторгнут за 10 лет до заключения второго.

В конце 1968 г., по некоторым причинам, я заинтересовался издательской работой. Точнее, работой Главной редакции физико-математической литературы издательства «Наука». Знакомясь со списками издаваемых книг, я был поражен однообразием имен авторов. Среди авторов почти полностью отсутствовали сколько-нибудь значительные ученые, а прочие авторы, составлявшие весьма узкий круг, отличались необычайной плодовитостью. Зная по собственному опыту, какого огромного труда требует написание книги, я пришел к мысли, что с изданием математических книг дело обстоит неблагополучно. Издание книг упомянутой Главной редакции контролировалось в то время органом Академии наук — секцией РИСО под председательством Л. И. Седова. Я обратился к нему с просьбой создать отдельный орган дополнительного или независимого контроля над изданием книг по математике. Л. И. Седов отнесся к моему предложению без сочувствия, и не поддержал меня. Мне удалось получить поддержку председателя РИСО М. Д. Миллионщикова, а затем президента АН СССР М. В. Келдыша. Под их давлением Л. И. Седов вынужден был согласиться на допущение меня к реальному воздействию на издательскую работу. Мы с Л. И. Седовым составили письменное соглашение о правах возглавляемой мною группы математиков в области издательства математической литературы. Эта бумага была передана М. Д. Миллионщикову для составления на ее основе имеющего юридическую силу документа за подписью президента М. В. Келдыша. Документ был исправлен мною с согласия Миллионщикова и в таком виде подписан М. В. Келдышем в декабре 1970 г. Так началась продолжающаяся до сих пор моя работа в системе РИСО, членом которого я стал. Мне кажется, что мне и группе моих товарищей удалось несколько улучшить издательское дело в области математики, хотя трудностей еще очень много. Главная из них заключается в привлечении квалифицированных и добросовестных авторов.

Несколько позже, по образцу математической, были организованы группы по физике, а затем по механике и теории управления. На мой взгляд, группы эти уже полностью выполняют всю работу контроля Академии наук над изданиями Главной редакции.

Почти в то же время пришлось заняться международными отношениями в области математики. Перед Международным конгрессом математиков в Ницце в 1970 г. в Исполком Международного союза математиков должен был быть избран советский представитель. Академик-секретарь нашего Отделения Н. Н. Боголюбов, по-видимому, уже обещал этот пост академику И. Н. Векуа, но председатель Национального комитета советских математиков И. М. Виноградов и президент АН СССР М. В. Келдыш решили иначе. Они рекомендовали меня и на Ассамблее 1970 г. я был избран вице-президентом Международного союза математиков. Там же в Ницце произошло другое, немаловажное для меня событие. Я вновь делал пленарный доклад, на этот раз посвященный дифференциальным играм и уже на английском языке. Возможность сделать доклад на английском языке мне дала поездка в Стенфордский университет в 1969 г., где я в течение полутора месяцев вынужден был читать лекции по-английски ввиду отсутствия переводчика. Эта деятельность была чудовищно мучительна для меня, но в то же время доставила большое удовлетворение, так как я преодолел трудности, связанные с английским языком.

В том же 1969 г. еще до поездки в Стенфорд я был награжден Золотой Звездой Героя Социалистического труда, что доставило мне большую радость тогда и доставляет некоторые удобства теперь.

Перспектива работы в Исполкоме Международного союза математиков очень пугала меня, главным образом из-за плохого знания английского языка. Поэтому на заседания Исполкома я стал ездить с А. Б. Жижченко. Оказалось, однако, что он стал не только переводчиком, но моим советником и соратником по работе в Исполкоме.

При проведении на Исполкоме советской точки зрения мы встречались иногда с серьезным сопротивлением некоторых членов Исполкома, но были и такие, которые дружественно поддерживали нас. Одна из наиболее серьезных проблем, которую пришлось решать, — это выработка предложений по новому составу Исполкома на период 1975—1978 годы. Была попытка со стороны сионистов забрать Международный союз математиков в свои руки. Они пытались провести в президенты Международного союза математиков профессора Н. Джекобсона — посредственного ученого, но агрессивного сиониста. Мне удалось отбить эту атаку. Теперь, уже покидая Исполком, я могу надеяться, что положение в этом вопросе значительно улучшилось.

Занявшись международными отношениями, я обнаружил, что круг математиков, допущенных к заграничным поездкам, весьма узок, аналогично тому, как был узок круг авторов математических книг. Думаю, что нам удалось несколько улучшить положение дел с поездками.

Нужно признать, что некоторые дела в области математики сильно запущены из-за нашей собственной беспечности и непонимания происходящего. К числу таких запущенных дел принадлежит положение с учебниками математики для средней школы. Реформа преподавания, произведенная 10—12 лет назад, привела его в катастрофическое положение, что недавно официально признало Бюро Отделения математики АН СССР на своем заседании от 10 мая сего года.

5 июня 1978 г. *Л. Понтрягин*

§ 1. Неограниченные Источники словесных квипрокво

Так звуки слова «*дар Валдая*»
Балды, над партою болтая, —
Переболтают в «*дарвалдая*»...
Ах, много, много «*дарвалдаев*» —
Невнятиц этих у меня.

Андрей Белый. «Первое свидание»

Белый описал здесь классический случай словесного квипрокво. Как это принято, имя *дарвалдай* этого конкретного примера мы присвоим всему классу подобных случаев, когда одно или несколько слов были неверно услышаны или прочтены по причине того, что слушающий или читающий не утрудил себя пониманием смысла. ●●► Дарвалдаи получили особенно большое распространение в эру Интернета, когда происходит бездумное списывание с одного сайта на другой и последующее распространение чепухи по закону распространения эпидемий. Вот характернейший пример дарвалдая этой новой эры — не существующее в латинском языке слово «poltri». Поиск в Гугле на фразу «Transire suum pectus mundoque poltri», произведённый в январе 2009 года, дал примерно 1800 (одна тысяча восемьсот) результатов. Подлинный текст на латинском языке этого девиза таков: «Transire suum pectus mundoque potiri» («Превзойти себя и овладеть миром»). ◄●●

В 1997 году в Вильнюсе на русском языке вышла книга [Венц] известного литературоведа (и не менее известного литовского поэта) Томаса Венцловы, справедливо названного в предисловии «одним из самых тонких знатоков и ценителей русской литературы». Суперобложка книги украшена портретами двенадцати русских писателей, а на клапане суперобложки сообщается, кто есть кто:

> С левого верхнего угла по часовой стрелке: Лев Толстой, Фёдор Сологуб, Антон Чехов, Василий Комаровский, Вячеслав Иванов, Даниил Хармс, Иосиф Бродский, Александр Введенский, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Иннокентий Анненский.

И хотя автор в своей дарственной надписи дал мне прямую подсказку: «найдёте ли Вы в тексте „Британскую энциклопудию“ (см. записные книжки Ильфа 5)?», — мне не достало широты взгляда отнести понятие ‘текст’ к суперобложке. А если бы достало, я бы заметил, что на самом деле портреты идут в таком порядке: Толстой, Чехов, Анненский, Комаровский, Иванов, Хармс, Бродский, Введенский, Пастернак, Цветаева, Мандельштам, Сологуб. Таким

образом, Чехов назван Сологубом, Сологуб Анненским и Анненский Чеховым; круг замкнулся. Поскольку речь не идёт о том, что кто-то принял Чехова за Сологуба и т. д., данный казус следует квалифицировать как словесное квипрокво. А произошёл этот казус потому, что суперобложка не была представлена автору на утверждение, что́, в свою очередь, имеет две причины — общую и частную. Причина общая: издательства (не все, конечно) склонны рассматривать суперобложку не как часть книги, подлежащую авторскому контролю, а скорее как разновидность рекламного плаката, подведомственную лишь отделу маркетинга (под влиянием этих ложных взглядов я и не стал искать «энциклопудию» на суперобложке). Причина частная: автор, профессор кафедры славянских языков и литератур Йельского университета, проживает в значительном географическом (а отчасти и идеологическом) отдалении от современной Литвы и потому был лишён какой бы то ни было возможности проконтролировать расположение портретов на суперобложке. (Говорят, впрочем, что сейчас к суперобложке приклеили бумажку с правильным порядком имён; тем самым суперобложка без наклейки становится раритетом.)

●➤ Газета «Известия» на с. 9 своего номера от 26 апреля 2000 года в статье «Все врут не только календари» сообщает о выходе в издательстве «Рипол пресс» увесистого тома «Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь», в котором портрет великого поэта Николая Алексеевича Некрасова (род. 1821) украшает собою биографию прозаика Виктора Платоновича Некрасова (род. 1911), знаменитая в петербургской художественной жизни начала XX века башня Вячеслава Ивановича Ива́нова названа знаменитой баней, а сама указанная башня приписана советскому писателю Всеволоду Вячеславовичу Ива́нову. ◄●

●●➤ Читаем запись в Живом Журнале от 27 мая 2009 года: `http://therese-phil.livejournal.com/143694.html`. Юзер therese_phil пишет, что она обнаружила на прилавке книжного магазина «Горе от ума» А. С. Грибоедова, изданное издательством «Эксмо» в школьной серии «Русская классика» многотысячным тиражом. На обложке — портрет Д. В. Веневитинова. ◄●●

Ассоциировав ошибку на своей суперобложке с Ильфовой «энциклопудией», Венцлова отнёс эту ошибку к категории опечаток. Словарь Ушакова так определяет понятие ‘опечатка’ ([Уш], т. 2, стлб. 817): «Ошибка в печатном тексте, допущенная при наборе и не исправленная в корректуре».

Некоторые опечатки приводили к последствиям трагикомическим. Люди моего поколения помнят серию «Библиотека „Огонёк“», состо-

ящую из книжечек, имеющих малый (70 × 108 1/32) формат и малое количество (обычно 64) страниц, но издававшихся колоссальными (доходящими до сотен тысяч, а то и больше) тиражами. Рассказывают, что готовый тираж одной из таких книжечек целиком был пущен под нож. Дело в том, что её автором был главный начальник Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Марков. На бумажной обложке, под портретом автора, и на титульном листе, стояло, как и положено: «Георгий МАРКОВ». Но на обороте титула было написано «Георгий Моисеевич Марков». (Надо ли объяснять читателю, что это случилось во времена поощряемого государством антисемитизма? И что какой-нибудь заволжский купец-старовер вполне мог зваться Абрамом Моисеевичем?)

Опечатки вообще, — в частности, в газетах, — иногда очень смешные[6], являются одним из основных Неограниченных Источников словесных квипрокво. Другим Неограниченным Источником являются многочисленные нарушения языковых норм — орфографических, орфоэпических, грамматических, стилистических, лексических, семантических. (Под лексическим нарушением мы понимаем неправильный выбор слова 6, под семантическим — несоответствие смысла текста той действительности, которую этот текст намерен выразить.)

Вот характерные примеры нарушения нормы. Газета «Известия» в своём номере от 13 августа 1997 года сообщила на 1-й странице, что главнокомандующим внутренними войсками МВД назначен генерал Шевцов и что в прошлом он «был заместителем верховного главнокомандующего Объединённых вооружённых сил НАТО в Европе». Разумеется, российский генерал Шевцов никогда не занимал никакой должности в высшем руководстве вооружёнными силами НАТО. Здесь не нарушены ни орфографические, ни грамматические, ни стилистические, ни даже лексические (все слова вроде бы употреблены правильно) нормы, но нарушены нормы семантические: написанный текст отражает не реальную, а фантастическую действительность. На с. 2 номера «Известий» от 24 октября 1997 года член редколлегии газеты Сергей Лесков употребляет выражение «основатель космонавтики Эдуард Циолковский». Что́ здесь — *истинное квипрокво*, состоящее в смешении Константина Циолковского с его отцом Эдуардом, или же *словесное квипрокво*, состоящее в смешении слов «Константин» и «Эдуард»? Надо думать, второе.

---

6 ●●➤ Замечательные примеры подобных опечаток приведены в блоге `http://www.echo.msk.ru/blog/b_akunin/831304-echo/`. Вот одна из них: «На её щеках играл горячий румынец». ◄●●

●➤ В 1999 году Общество любителей российской словесности выпустило книгу [ГоКаША], специально посвящённую нарушениям норм литературной речи в электронных и печатных средствах массовой информации (СМИ). Книга полезная и беспощадная[7]. Хотелось бы, пожалуй, видеть в этой книге выделенный анализ искажений настолько распространённых, что они — при всей их чудовищности — почти становятся нормой: обороты типа *он достаточно умён, чтобы делать ошибки* (вместо *он достаточно умён, чтобы не делать ошибок* или *он достаточно глуп, чтобы делать ошибки*) прочно входят в обиход. «Он достаточно опытен, чтобы <...> делать опрометчивые шаги», — было написано в престижном журнале. Опускание отрицательной частицы *не* в случаях, где она необходима, и вставление её в речь в случаях, когда, напротив, необходимо её отсутствие, приобретает характер эпидемического заболевания. Вот цитата из статьи митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия «На смерть — как на пир», опубликованной на 6-й странице газеты «НГ-религия», № 18 (30) от 26 сентября 2001 года:

> Священноначалие Русской Православной Церкви, проявляя пастырскую заботу о народном благе, стремилось избежать того, чтобы канонизация новомучеников российских, и в частности царской семьи, не послужила аргументом в политической борьбе, которая ведётся за церковной оградой.

На этом фоне меркнет выражение «действительный член-корреспондент Российской академии наук» (газета «Известия» от 16 февраля 2000 года, с. 2, раздел «Новости»).

Вот несколько относящихся к 2001 году примеров нарушения языковых норм:

4 июня 2001 года во Владивостоке состоялась пресс-конференция Сергея Дарькина — одного из претендентов на должность губернатора Приморья (вскоре избранного на эту должность). Я имел случай наблюдать и, главное, слушать по телевидению часть этой пресс-конференции. Вопрос: «Как вы будете подбирать людей в аппарат губернатора?». Ответ: «Люди, которые будут занимать высшие должности, во-первых, должны быть честными и беспринципными».

[7] Беспощадная потому, что она не только не скрывает имена нарушителей, но даже предлагает на с. 147—150 указатель этих имён. Некоторые перлы приводятся в книге дважды. Так, сделанное 26 марта 1999 года по телевидению высказывание лидера Аграрной фракции в Госдуме Николая Харитонова «Примаков обратился с просьбой не заниматься импичментом Президента, так как в данной ситуации это прослабит наше государство» воспроизведено и на с. 144, и на с. 171.

Этот примечательный диалог был воспроизведён на следующий день, 5 июня, на 1-й странице газеты «Новые Известия» со следующим комментарием: «Только в самом конце пресс-конференции <...> Дарькин внёс поправку: „...Я хотел сказать, что люди должны быть честными и бес... компромиссными“».

23 июня, 16 ч., программа «Сегодня» на НТВ. Собственный корреспондент НТВ в Киеве Роман Соболь рассказывает о визите в Киев папы римского Иоанна Павла II. Он говорит: «Сейчас папа поехал в папскую нунцию».

Газета «Новые Известия» от 14 июля 2001 года, с. 5, статья Алексея Смирнова «Братья-разбойники»: «Он <...> укатил, так и не увидев созданных собственными руками пигмалионов». Надо полагать, он — это новая Галатея. В той же газете, в номере от 5 сентября 2001 года, на с. 2, в статье «Путин, как Герцен наших дней» говорится: «Но Путин, как Герцен наших дней, разбудил ДПР [Демократическую партию России]». Герцена, как известно, разбудили декабристы. Кого разбудил Герцен, автор статьи (Рустем Фаляхов) нам не сообщает 7.

Кстати, лишь русофобы могут думать, что нарушение языковой нормы — это исключительно российская болезнь. Как свидетельствует всё та же газета «Новые Известия», ей в сильной степени подвержен, например, 43-й президент Соединённых Штатов. Номер 100 от 15 июня 2001 года, с. 3, статья «Дислексия — болезнь президентская»:

> ...Буш [младший] деловито рассуждал о «тактичном оружии», энергично призывая министра обороны стирать... терьеров (разумея, конечно же, уничтожение барьеров) и обзаводиться хорошими... счётчиками (имея в виду миротворцев — peacemakers, а не pacemakers).

Номер 101 от 16 июня 2001 года, с. 3, статья «Дружба Европы и США прирастает Россией»:

> ...«То, что мы покупаем за границей, не должно превышать наш импорт» и десятки других подобных перлов приковывали внимание не столько к содержанию высказываний Джорджа Буша, сколько к его стилю.

Когда в конце июня 2001 года экс-президент Югославии Слободан Милошевич был выдан Гаагскому трибуналу, то Югославия осталась без правительства, поскольку его глава Зоран Жижич в знак протеста подал в отставку. Выдача же была осуществлена правительством Сербии, возглавляемым Зораном Джинджичем. Не всем средствам массовой информации оказалось под силу различение

между премьером Сербии Зораном Джинджичем и премьером Югославии Зораном Жижичем. Последний был несколько менее на слуху. Поэтому некоторые радиостанции ошибочно сообщали о протестной отставке не Жижича, а Джинджича, так что протест получался как бы против собственных действий протестующего.

Разумеется, лексические и иные нарушения встречаются отнюдь не только в СМИ. Возьмём один из лучших романов фандоринской серии Бориса Акунина — «Коронация, или последний из романов» (М.: Захаров, 2000. — 349 с.). На с. 110 читаем, что 9 мая лорд Бэнвилл и мистер Карр встретились на *крикетной площадке*, чтобы играть друг с другом в *крикет*, используя *два деревянных молотка с длинной ручкой*. Но в крикет играют не молотками, а веслообразными битами и к тому же командами по 11 человек. Молотками и один на один играют в крокет. Становится очевидным, что дворецкий одного из великих князей Афанасий Степанович Зюкин, от чьего имени ведётся повествование, назвал крокет крикетом. Тут можно много рассуждать о причинах, по которым автор увлекательного романа наделил своего почтенного героя, в остальном безупречного, этой ошибкой (впрочем, довольно стандартной), но мы воздержимся. ◄●

Выше уже были отмечены два Неограниченных Источника словесных квипрокво:

(1) опечатки, описки и обмолвки;

(2) всевозможные нарушения языковой нормы.

Вот ещё несколько таких Неограниченных Источников:

(3) политическая цензура 8;

(4) пропаганда 9;

(5) вмешательство машинистки 10, наборщика, редактора или публикатора в авторский текст;

(6) эвфемизмы, связанные с обсценной лексикой;

(7) неправильные переводы с иностранного языка.

Некоторые примеры из этих источников будут даны ниже. А в § 7 мы коснёмся нарушений, имеющих регулярный характер, — в частности, нарушений аутентичности при цитировании.

Приведённый список источников словесных квипрокво не является исчерпывающим и может быть продолжен. Укажем ещё семь позиций в этом списке:

(8) редакционно-издательский консерватизм;

(9) журналистские ухищрения;

(10) выдавание желаемого за действительное;

(11) умолчание, то есть замена информативного текста пустым — не в смысле ‘бессодержательным’, а вообще пустотой, то есть полным

отсутствием каких-либо букв и звуков (что́, конечно, может быть названо «текстом» только с высшей семиотической точки зрения ■);

(12) мемуары;

(13) специфические проблемы информационного поиска;

(14) другие специфические проблемы Интернета.

Поясним, что скрыто за формулировками под номерами (8)—(14).

Один пример редакционно-издательского консерватизма мы уже видели — с суперобложкой к книге Венцловы. Консерватизм состоял в пренебрежительном отошении к суперобложкам.

Возьмите в руки любой сборник с затекстовыми комментариями. Скорее всего, вы обнаружите эти комментарии не после каждой отдельной статьи, а в конце всего сборника в целом, хотя нумерация комментариев будет для каждой статьи своя. То же происходит и в случае разбитой на главы книги: нумерация комментариев для каждой главы своя, но все они собраны вместе в конце. Оглавление же содержит только указание страниц статей или глав, но никогда — страниц комментариев к ним. Если вы читаете статью или главу, найти по цифре комментария сам комментарий не так-то просто. Это — классический пример редакционно-издательского консерватизма, свято придерживающегося издавно установленной неправильной нормы. Удивительно, что так называемое «интеллектуальное сообщество» не восстаёт против такой нормы, требующей от читателя неоправданной затраты времени. На ум приходит банальное объяснение: комментариев никто не читает. Но с этим объяснением нельзя согласиться. Потому что чем более академично издание, а, значит, чем более значимы комментарии, тем более неукоснительно выполняется эта странная норма[8]. Словесное квипрокво состоит здесь в том, что вместо одной, неудобной для читателя, но зато традиционной организации вспомогательного аппарата книги должен бы быть другой, нетрадиционный, но зато для читателя удобный. **Но удобство читателя, как правило, воспринимается как нечто второстепенное.** Главное — книга должна выглядеть «как у людей» и соответствовать неким затверженным эстетическим стандартам. Читателю, скажем, было бы удобнее, чтобы все без исключения страницы книги несли на себе колонцифру, то есть порядковый номер страницы. Однако убедить издателя ставить колонцифры на неполных страницах (нижние колонцифры на

[8] В качестве аналогии на ум приходит мысль Достоевского, выраженная в вопросе, заданном его персонажем Степаном Трофимовичем Верховенским: «почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие неимоверные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошёл, тем сильнее и собственник... почему это?».

концевых полосах книги или же верхние на начальных, спусковых) — это совершенно невозможно. Ответ один: «Не принято».

●●➤ Ещё о комментариях. Вот очень характерный пример. В 2004 году московское издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу Ольги Моча́ловой «Голоса серебряного века», снабжённую обстоятельными и полезными комментариями, составленными А. Л. Евстигнеевой. Разумеется, по общему правилу, нумерация комментариев в каждой главе своя, а в оглавлении разбиения комментариев по главам нет. И колонтитулы не помогают: вместо названий глав слева стоит «Комментарии», а справа «Алла Евстигнеева». Но здесь я хочу сказать о другом. Возьмём, к примеру, главу «Поэтическая спутница. Варвара Монина». Почти к каждому встречающемуся имени дан комментарий с указанием дат жизни. Но тщетно читатель будет искать аналогичного комментария о героине главы. Правда, в самом тексте будет приведена точная дата смерти. Но год рождения отсутствует. Чтобы его узнать, надо поступить так. Открыть одну из двух глав о Гумилёве, найти там упоминание Мониной и воспользоваться комментарием к этому упоминанию. Возможно, что посредством аналогичной извращённой процедуры можно узнать и годы жизни, скажем, Владимира Пяста и Владимира Корнилова (каждому из них посвящена своя глава), но мне это не удалось. И действительно: комментировать встречающиеся в тексте имена — это положено, но кто же комментирует заглавного героя!

Не прямо входит в обсуждаемую тему, но примыкает к ней следующее странное явление. Посмотрим на предисловие, предваряющее сборник какого-либо автора. Не так уж редко оказывается, что упомянув в начале предисловия о рождении своего героя, автор предисловия затем начинает описывать его творческий путь и увлекается настолько, что забывает сказать что-либо о его кончине (или же не увлекается, а делает это сознательно, находя сведения о смерти слишком печальными). Из такого предисловия удаётся узнать лишь дату начала жизни, но не дату конца.

Что до журналистских ухищрений, то они направлены на то, чтобы эффектно подать новость, хотя бы ценой искажения её подлинного смысла. Профессионализм состоит в том, чтобы избежать при этом прямой лжи. Два примера: фольклорный и реальный. Сперва — из фольклора советских ещё времён. Состязаются два бегуна, советский и американский. Американский побеждает. Сообщение в СМИ выглядит так: «На состоявшихся состязниях советский бегун занял почётное второе место, американец пришёл предпоследним». Теперь реальный пример от 6 ноября 2006 года. Печатаемая стотысячным

тиражом московская газета «Метро» бесплатно распространяется на станциях метро. В названный день первая страница номера 162(1299) была почти целиком занята фигурой поющего в микрофон молодого человека в джинсах и белой майке. Картинка сопровождалась надписью огромными буквами: «Дима Билан — лучший в Копенгагене». В Копенгагене только что состоялась церемония вручения престижных европейских наград MTV Music Awards — 2006. Даже людям, далёким от поп-культуры, известно, что Дима Билан — это российский эстрадный певец. «Знай наших!» — с патриотической гордостью подумал я, взял газету и прочёл информационную заметку. Из неё я узнал, что в Копенгагене Дима Билан был признан Лучшим исполнителем России. Вспомнилась старая байка о том, как на Каннском фестивале советский фильм «Знакомьтесь, Кукуев» получил первую премию — в номинации «Фильмы о Кукуеве». В одной из энциклопедий советского времени (кажется, во втором издании БСЭ) у Дмитрия Андреевича Толстого была такая дефиниция: «граф, реакционный министр царского правительства» — а у Льва Николаевича Толстого такая: «великий русский писатель; родился в семье графа». Возразят, что это не относится к журналистским ухищрениям. Согласен: энциклопедические статьи пишут доктора различных наук. Но чем они в данном случае отличаются от журналистов (точнее, тех, кто достоин не этого почётного имени, а имени *журналюга*)?

Если журналистские ухищрения в том и состоят, чтобы не допускать прямой лжи, то выдавание желаемого за действительное не ставит перед собой такой обременительной задачи. А вопрос «кем желаемого?» допускает альтернативный ответ: подразумеваться может как желание самого пишущего, так и угаданное пишущим желание начальства. Яркий пример словесного квипрокво этого сорта даёт газета «Известия» в своём номере от 21 мая 2007 года, о чём свидетельствует нижеследующая цитата из итогового выпуска программы «Время свободы», переданного радиостаницей «Свобода» вечером того же понедельника:

> На состоявшихся в воскресенье выборах мэра Волгограда победил кандидат Коммунистической партии Роман Гребенников, оставивший позади и исполняющего обязанности мэра города Роланда Херианова и, что стало для многих неожиданностью, кандидата от «Единой России» Василия Галушкина. <...> Новоизбранному мэру Волгограда всего 31 год. Отчасти подтверждением того, что победы кандидата-коммуниста в Москве не ожидали, можно считать сегодняшнюю публикацию в газете «Известия». Это издание считают лояльным Кремлю. Под заголовком «„Медведи“ взяли Волгоград»

сообщается: «областную столицу возглавит единоросс». <...> Единоросс Василий Галушкин не только сдал лидерские позиции, но и не поднялся выше третьего места.

Что касается фигуры умолчания как словесного квипрокво, то вот выпуклый пример. Осенью 2006 года средства массовой информации сообщили не то о прекращении, не то о приостановке деятельности крупного московского казино. Каких только грехов не обнаружила проверка! И незаконная икра, и игровые автоматы, установленные без лицензии, и неучтённые деньги, и грузинский след... Вскоре, проходя мимо этого казино, я обнаружил, что оно благополучно работает. Однако сообщений о возобновлении работы не было — это не так интересно. К умолчанию можно отнести и отсутствие даты смерти в предисловиях, о чём было сказано выше. Сюда же отнесём и следующую деталь спортивных комментариев в прессе. Нередко при описании какого-либо спортивного состязания автор описания опускает кажущуюся ему очевидной информацию о том, в каком виде спорта совершалось состязание. Лишь читая текст и встретив слова «мяч попал в корзину» или «мяч отскочил от планки ворот», можно догадаться, о чём идёт речь, а если подобных оборотов нет, то и догадаться бывает нельзя.

О мемуарах. У мемуаристов случается аберрация памяти. Не знаю, насколько она часта — насколько это явление типично. Не берусь судить — это знает один Бог, — во всех ли случаях аберрация бессознательна. Но приведу два примера, отличающихся тем, что автор этих строк был участником излагаемых в них событий.

В 1997 году кинорежиссёр-документалист Василий Васильевич Катанян выпустил мемуарную книгу: Василий Катанян. Прикосновение к идолам. — М.: Захаров-Вагриус, 1997. — 448 с. Среди прочих знаменитостей, о которых идёт речь в этой книге, он вспоминает и Сергея Иосифовича Параджанова, с которым дружил. В частности, в книге описывается нижеследующий эпизод, происшедший в Киеве, где Параджанов жил в описываемое время. Автор книги справедливо считает этот эпизод чрезвычайно характерным для Параджанова. Ещё более он характерен и для той «московской приятельницы», которая участвует в этом эпизоде.

Вот мы идём втроём по Подолу: Серёжа, я и моя московская приятельница Светлана Успенская. На ней нарядный французский платок. Серёже очень понравился и цвет его, и рисунок, тогда такие вещи были в новинку.

— Ну, если вам так нравится мой платок, я могу им поделиться с вашей женой.

— Каким образом?

— Придём домой, разрежем его по диагонали, и получатся две треугольные косынки, платок ведь большой.

— Вы серьёзно говорите?

— Абсолютно.

Чего тут ждать, пока придём домой? Серёжа тут же остановился у раскрытого окна, за которым у плиты хозяйничала толстая распаренная тетка:

— Мадам, у вас есть ножницы?

— Чего?

— Я разве тихо говорю?

Женщина протянула ему ножницы, как будто так и надо. Серёжа снял со Светланы платок, с нашей помощью разрезал его на две половины, бережно сложил свою косынку, отдал ножницы, и мы пошли дальше как ни в чём не бывало.

Катанян со Светланой по Подолу никогда не шёл, шли не трое, а четверо, но за этими исключениями всё описанное, узнанное Катаняном от Светланы, действительно имело место. Четверо шедших по Подолу были Параджанов с женой, моя жена Светлана и я. Было это летом 1957 года. Не исключено также, что шли мы не по Подолу, а по какому-то излюбленному киевлянами живописному месту под Киевом, куда приехали на речном трамвае.

Василий Васильевич Катанян скончался 30 апреля 1999 года на 76-м году жизни (он родился 21.02.1924). Алла Сергеевна Демидова вспоминает его в разделе «Принц Уэльский, мой сосед» своих мемуаров «Бегущая строка памяти: Автобиографическая проза» (М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 512 с.). В частности, она вспоминает и поминки, устроенные после его похорон:

А на поминках Васи мы даже смеялись. Владимир Успенский, многолетний Васин друг, рассказал, как давным-давно, когда они были молодыми, он зашёл на Разгуляй, где его ждали Вася и Элик Рязанов. Он позвонил, и ему открыла хохочущая девушка — изо рта и даже из носа у неё от смеха вылетали монпансье. Оказалось, что Вася, что-то рассказывая, так её рассмешил, когда у неё во рту была горсть леденцов. В это время раздался звонок, и она пошла открывать. «Потом она стала моей женой», — закончил Успенский.

На самом деле меня никто не ждал, и зашёл я не на Разгуляй, в районе которого на Доброслободской улице жил тогда Вася, а в Большой Спасоглинищевский переулок, где в доме № 8, соседствующем с Московской хоральной синагогой, жила со своей мамой Н. А. Брюханенко Светлана Киселевская, которая действительно впоследствии

стала моей женой. Описываемое событие случилось в октябре или ноябре 1948 года, когда она была первокурсницей Филологического, а я второкурсником Механико-математического факультетов Московского университета. Это был моим первым визитом к ней, для неё совершенно неожиданным. Телефона у неё не было, и предупредить её о своём визите я не мог, а зайти к ней мне очень хотелось. Дверь действительно открыла она (но не хохочущая), причём словами и улыбкой, и тем, и другим любезными и приятными, создала у меня впечатление, что чрезвычайно мне рада. Весь вид её показывал, что она меня только и ждала. Лишь пройдя в комнату, я осознал, насколько я был неуместен. Я был не нужен ни ей, ни тем двум её посетителям, которых я у неё застал. За столом с более чем скромным угощением[9] — чай и монпансье в круглой жестяной коробке — сидели два студента ВГИКа[10]. Это были её приятель с довоенных ещё времён Вася Катанян и его однокурсник Элик (Эльдар) Рязанов. Я видел их впервые. Они занимались тем, что Светлану смешили. И действительно, рассмешили её так, что леденцы, горстку коих она только что набрала в рот, стали со стуком вылетать из ноздрей на тарелку.

Обе эти истории, и с мемуарами Демидовой, и с мемуарами Катаняна, **наводят меня на печальную мысль, что ведь и мои воспоминания могут быть столь же неточны!**

Новые и часто неожиданные словесные квипрокво принесли с собой поисковые системы. Вот два примера. Поиск по словосочетанию «День рыбака» привёл к тексту, содержащему словосочетание «дело рыбака». А в число наиболее часто встречающихся русских слов вошли глаголы «мыть» и «какать». Парадоксальность ситуации состоит в том, что в обоих примерах столь странные ответы на заданные вопросы были вызваны не ошибкой системы поиска, а, напротив, её продвинутостью, именно — её способностью искать не только заданную последовательность букв, но и все грамматические формы слова. Цепочка букв «день» была воспринята системой как форма глагола «деть», другой формой которого является «дело». А часто встречающиеся местоимения «моя» и «какая» совпадают по внешней, графической форме с деепричастиями глаголов «мыть» и «какать».

С появлением Интернета, с его электронной почтой, блогами и постами связаны многочисленные словесные квипрокво, выражающиеся в сознательном искажении слов, такие как *медвед* вместо «медвель», *превед* вместо «привет», *твитырь* вместо «твиттер». К числу специ-

[9] Н. А. Брюханенко с дочерью жили довольно бедно.

[10] ВГИК — тогда Всесоюзный, а ныне Всероссийский, государственный институт кинематографии.

фических проблем, привнесённых в наш мир Интернетом, входит и новация, обесценивающая известную пословицу *Что написано пером, то не вырубишь топором*. Действительно, теперь тот, кто вывесил некий текст в Интернете, может, не меняя его адреса и не ставя об этом в известность читателей, в любой момент менять этот текст по своему усмотрению. Поэтому исчерпывающая ссылка на текст в Интернете должна содержать не только адрес этого текста, но и время его посещения. Сейчас будет приведён некоторый пример, того, что реально происходит, однако будет ли доступен этот пример читателям, предсказать нельзя, поскольку одному Богу ведомо, что будет завтра соответствовать приводимым ниже интернетским адресам. Итак, пример. Если сегодня, 22 ноября 2011 года, открыть ссылку

`http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:vj-DGT8IHGYJ:isir.ras.ru/news/shownews.aspx%3Fid%3D9af5f164-5658-473c-a8fd-30ccfde45359%26print%3D1+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&client=gmail`

то откроется текст от 8 ноября 2011 года с копирайтом Российской Академии наук. Мы приводим этот текст с сокращениями и шрифтовыми изменениями:

Это версия страницы `http://isir.ras.ru/news/shownews.aspx?id=9af5f164-5658-473c-a8fd-30ccfde45359&print=1` из кэша Google. Она представляет собой снимок страницы по состоянию на 8 ноя 2011 16:34:32 GMT. Текущая страница за прошедшее время могла измениться.

`http://isir.ras.ru/news/shownews.aspx?id=9af5f164-5658-473c-a8fd-30ccfde45359&print=1`

© 2011 Российская академия наук

Научная конференция, посвященная столетию со дня рождения великого математика Алексея Андреевича Ляпунова

08.11.2011

Глубокоуважаемые коллеги!

10 ноября 2011 г. в Синем зале Президиума РАН (Ленинский проспект, 32а) состоится научная конференция, посвященная столетию со дня рождения великого математика, лауреата Нобелевской премии, основателя Новосибирской физматшколы Алексея Андреевича Ляпунова.

Завершался текст так:

> Аккредитация СМИ по телефону 499-237-8115
> vskameneva@presidium.ras.ru

Сказали, что Валентина Сергеевна Каменева является сотрудницей пресс-службы РАН и очень милой женщиной. Сам же А. А. Ляпунов своей многосторонней подвижнической деятельностью всегда вызывал у меня не только уважение, но и восхищение, о чём я имел возможность заявить на вышеуказанной конференции. Однако следует признать, что в приведённом информационном сообщении он впервые назван великим математиком и что нобелевским лауреатом он не был. Если кликнуть на дважды встречающийся в сообщении адрес `http://isir.ras.ru/...`, то появится страница с той же датой 8 ноября, в которой упоминания о лауреатстве уже не будет. ◄●●

§ 2. Словесное квипрокво как приём

Здесь вспоминается рассказ, который мне довелось слышать от Александра Романовича Лурия (или от Лурии? — не знаю). В 20-х годах XX века был поставлен такой эксперимент. В зал, наполненный публикой самой что ни на есть пролетарско-коммунистической, экспериментатор зычным и уверенным голосом бросал лозунг *Смерть врагам капитала!* В ответ — буря аплодисментов. Потому что сами эти слова: «смерть», «враги» и «капитал» — были на слуху у аудитории и вызывали привычную реакцию.

Рассказ Лурия вызывает у меня следующую ассоциацию, прямо с использованием словесного квипрокво как приёма не относящуюся. Когда в 1946/47 учебном году я был в 8-м классе, нам по предмету «литература» преподавали гражданскую лирику Пушкина, долженствующую свидетельствовать о его революционных взглядов и показывать его как борца с «кровавым царским режимом». В качестве одного из образцов такой лирики предлагалось его стихотворение «Андрей Шенье», написанное в мае-июне 1825 года. В нём Пушкин сочувственно описывает переживания поэта, названного в стихотворении *певцом любви*, *дубрав и мира*, накануне гильотины. Вот пять выдержек: 1) «Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства: / Я плахе обречён. Последние часы / Влачу. Заутра казнь. / Торжественной рукою / Палач мою главу подымет за власы»; 2) «Но лира юного певца / О чем поёт? Поёт она свободу <...>»; 3) «Разоблачался ветхий трон; / Оковы падали. Закон, / На вольность опершись, провозгласил равенство <...>»; 4) «Ты не поник главой

послушной / Перед позором наших лет; / Ты презрел мощного злодея <...>»; 5) «И час придёт... и он уж недалёк: Падешь, тиран! Негодованье / Воспрянет наконец. Отечества рыданье / Разбудит утомлённый рок». Здесь присутствуют все необходимые слова, представляющие Шенье тираноборцем. А тиранами в сталинское время могли быть только цари, им подобные и их приспешники. Строки из того же стихотворения: «Ты пел Маратовым жрецам / Кинжал и деву-эвмениду!» — с их жрецами и эвменидами не удерживали внимания и вообще были непонятны восьмиклассникам (в том числе и мне); подробно же разбираться в каждом слове этого довольно-таки высокопарного стихотворения желания не возникало. Меж тем Пушкин прославил Шарлотту Корде, убийцу Марата[11], назвав её девой-эвменидой ещё в 1821 году в стихотворении «Кинжал». А в примечаниях к Андрею Шенье (каковые, разумеется, не публиковались в изданиях для школьников), приводит следующую цитату из французского автора:

> Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. Известно, что король испрашивал у Конвента письмом, исполненным спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье.

Так что Шенье действительно был яростным противником тирании, но не столько тирании царей, как хотелось бы советской власти сколько тирании революции, каковое обстоятельство названная власть, похоже, прошляпила.

«Часто пишется: казнь, а читается правильно: песнь», — написал 10 января 1934 года Мандельштам, откликаясь на случившуюся двумя днями раньше смерть Андрея Белого. Эту строку напомнил мне Андрей Леонидович Зорин, будучи ознакомлен мною с замыслом этих заметок. В мандельштамоведении, по его словам, уже отмечалось, что здесь изложена некоторая поэтическая программа (а также выдвигалась гипотеза, что эта программа была реализована Мандельштамом в отдельных его стихах).

---

[11] Марат был фигурой достаточно мрачной. Он, в частности, предлагал отрубить сто тысяч голов; он имел прозвище «Друг народа» — в противоположность, надо полагать, «врагам народа»: последний термин перекочевал из кратковременного кошмара французской революции в долговременный кошмар сталинщины. В СССР именем Марата были названы фабрики, корабли, улицы, а мужское личное имя *Марат* получило широкое распространение.

По меньшей мере однажды эта мандельштамовская программа была отчасти реализована Мариной Цветаевой в её мемуарной прозе. Её автобиографический очерк «Нездешний вечер», рассказывающий о её встрече с Михаилом Кузминым в Петербурге в январе 1916 года, впервые был опубликован в Париже в 1936 году (то есть в год смерти Кузмина). Как установила Софья Викторовна Полякова (1914—1997), текст очерка представляет собою литературный палимпсест: в нём как бы выскоблено имя героини цветаевского цикла «Подруга» Софьи Яковлевны Парнок (сблизившейся с Цветаевой в 1914 году) и поверх него вписано имя Софьи Исааковны Чацкиной. Теперь это может проверить каждый, сравнив текст названного очерка (например, на с. 264—277 в однотомнике [Цвет]) с письмом Цветаевой к Кузмину, отосланному в июне 1921 года. Письмо было записано Цветаевой в её тетрадь (о чём сама Цветаева сообщает в своём очерке: [Цвет], с. 275) и по этой записи впервые опубликовано С. В. Поляковой на с. 110—114 в [Поляк 83]; затем это письмо было воспроизведено на с. 254—258 в [Поляк 97]. И в письме, и в очерке — об одном и том же: о том, как Цветаева должна была с сожалением, исключительно из чувства долга раньше времени уехать из тех гостей, где она впервые встретилась с Кузминым. И это несмотря на то, что сам Кузмин сказал ей *Останьтесь же* ([Цвет], с. 274; [Поляк 83], с. 112; [Поляк 97], с. 256). Но вот то лицо, долг к которому был проявлен, в письме и в очерке указано по-разному. В «Нездешнем вечере» ([Цвет], с. 272—273):

> А мне, кажется, пора домой, потому что больна моя милейшая хозяйка, редакторша «Северных записок» <...>.
>
> Софья Исааковна Чацкина и Яков Львович Сакер, так полюбившие мои стихи, полюбившие и принявшие меня как родную <...>.
>
> <...>
>
> Так я к ней тороплюсь, к Софье Исааковне, которая, наверное, с нетерпением ждёт меня <...>.

В письме:

> Это было так. Я только что приехала. Я была с одним человеком, то есть это была женщина. <...> ...Она ни за что не хотела, чтобы я ехала на этот вечер и потому особенно меня уговаривала. Она сама не могла — у неё болела голова — а когда у неё болит голова — а она у неё всегда болит — она невыносима <...>. ...Мне страшно не хотелось оставаться дома 1) из-за Сони, во-вторых п. ч. там будет К. и будет петь.

<...>

<...> Нужно было сразу уезжать. Только что приехала — и сразу уезжать! <...> Все: — Но М. А. ещё будет читать... Я, деловито: — Но у меня дома подруга. — Но М. А. ещё будет петь. Я, жалобно: — Но у меня дома подруга.

<...>

— А подруга?

— Подруга? Когда я вернулась, она спала.

В «Нездешнем вечере» напрасность жертвы показана более развёрнуто:

Кузминского пения я не дождалась, ушла, верная обещанью. Теперь — жалею. (Жалела уже тогда, жалела и уходя, жалела и выйдя — и дойдя — и войдя. Тем более, что моя больная, не дождавшись меня, то есть не поверив обещанию, которое я сдержала, — спокойно спала, и жертва, как всегда, была напрасной.)

(Здесь примечательно ещё и то, что Цветаева, расставшаяся с Парнок в феврале 1916 года и стремившаяся вычеркнуть её из своей жизни, в 1921 году сочла именно Кузмина с его так называемой «нетрадиционной» ориентацией достойным быть посвящённым в тайную истину.)

Тема сознательного использования словесных квипрокво в качестве литературного или иного приёма — это отдельная большая и замечательная тема. Науке предстоит разработать классификацию таких приёмов — и, в частности, решить, следует ли относить к числу художественных приёмов те переименования, которые репрессивные режимы устраивают по приходе к власти. Мы имеем в виду и переименования месяцев во французском республиканском календаре [12], и переименования советскими правителями (часто в честь самих себя) городов, улиц и площадей [13]. (Впрочем, едва ли не первое переименование в России произошло до всякого коммунизма: в наказание за бунт 1772 года и последующее участие в пугачёвском восстании Яи́цкое казачье войско было в 1775 году переименовано в Уральское, Яи́цкий городок — в Уральск, а заодно уж и река Яи́к — в реку Урал.) Фольклорные переименования (как, например, употребление словосочетания «улица Зощенко в роще» для обозначения петербургской улицы Зодчего Росси) мы относим к числу художественных приёмов без колебаний.

В качестве приёма может быть использована даже опечатка. Л. Н. Гумилёв рассказывал М. В. Ардову о редакторе, не любившем некоего Короткова. Так этот редактор вместо *сперва Коротков* написал в тексте *стерва Коротков*, а затем в списке опечаток указал: «вместо *стерва* читай *сперва*».

В пятидесятые годы XX века в моём окружении была популярна песенка, первые два куплета которой помню до сих пор:

Жил был Ромео Капулетти
На самом на краю села,
А рядом с ним, с Романом этим,
Монтекки Юлия жила.
Был брат у Юльки хулиганом
(В пивных к клиентам приставал),
И был за это он Романом
Убит по пьянке наповал.

До сих пор гадаю, был ли обмен фамилиями Ромео и Джульетты сознательным приёмом или же анонимный автор просто не помнил, кто какую фамилию имеет. Склоняюсь ко второму варианту, ссылаясь на личный опыт: я не в состоянии запомнить, кто из них Монтекки, а кто Капулетти. Поэтому, при необходимости, вспоминаю эти строфы и, зная, что в них фамилии перепутаны, восстанавливаю истину.

В изложенной ситуации с употреблением фамилий шекспировских героев сомнения возникают лишь по поводу того, к какому из видов словесных квипрокво следует отнести эту ситуацию. В нижеследующем примере из гоголевского «Невского проспекта» автору этих строк до сих пор неясно, является ли встречающееся в нём квипрокво словесным или истинным; в обоих случаях это приём. Речь идёт о появлении художника Пискарёва на балу у таинственной незнакомки. Читаем: «Но вот он продрался-таки вперёд и взглянул на своё платье, желая прилично оправиться. Творец небесный, что это! На нём был сюртук, и весь запачканный красками <...>». И несколькими абзацами далее: «Пискарёв чувствовал, что один пожилой человек с почтенною наружностью схватил за пуговицу его фрака <...>». Проницательный читатель уже давно понял, что весь бал явился Пискарёву не наяву, а во сне, но читателю, лишённому проницательности, но наделённому внимательностью Гоголь предоставляет возможность осознать эту истину (читателю же, лишённому и того, и другого, не следует читать Гоголя). Является ли смешение сюртука и фрака истинным или же словесным квипрково? Не умею ответить. В качестве пищи для размышлений приведу видение, посетившее Пискарёва в одном из последующих его снов: «...Опять снился какой-то чиновник, который был и чиновник, и фагот».

Кстати, можно было бы указать и на ещё одну сферу сознательного использования словесных квипрокво: это применяемое в США, в

рекламных целях, искажение в начертании слов. Там можно увидеть и такие орфографические искажения, как написание «VULVO» вместо «VOLVO» или «KWIK» вместо «QUICK» 14, и сразу бросающиеся в глаза перевёрнутые буквы: ЯESTAURANT, MVRKET, CAFƎ, ƧHOP. ●➤ По мере американизации российской жизни рекламные искажения не только орфографии, но и непосредственного начертания букв всё чаще можно встретить и в России. Вот, например, название одного из приложений к газете «Известия» — так, как это название было напечатано в приложении № 10 к выпуску газеты от 20 июля 2001 года: HAYKA. ◄●

И, наконец, особую, художественно-идеологическую роль (сравнимую с переименованием в 1925 году Царицына в Сталинград, а в 1961 году Сталинграда в Волгоград) играет демонстративное возвращение к старой орфографии: «Банкъ» на вывеске банка, «Коммерсантъ» и «Россія» в названиях газет. Как правило, если подобный текст состоит не из одного слова, как в приведённых примерах, а имеет некоторую длинность, то орфографические ошибки в нём почти неизбежны. ●●➤ Возьмём, к примеру, титры к телесериалу «Сонька. Продолжение легенды», датированному 2010 годом. Для создания хронологического колорита всюду твёрдые знаки, яти, десятиричные і: художник по костюмам — Инэсса Снѣжкина, в числе продюсеров — Дарія Досталь и т. д. Но вот в титрах появляются актёр Владимиръ Кошевой и режиссёр монтажа Владимиръ Струковъ. А ведь если уж писать имя «Владимир» по старой орфографии, то следует писать его так: «Владиміръ». ◄●●

Если говорить об идеологическом использовании словесного квипрокво в качестве приёма, то стоит сказать вот о каком явлении, хотя и не уверен, что его следует относить к разряду словесных квипрокво. Возможно, это следует назвать *грамматическим квипрокво*. Имею в виду систематическое употребление в советской пропаганде будущего времени вместо прошедшего. Вспоминаю свои прогулки по подмосковным дорогам во второй половине пятидесятых годов. Время от времени встречались огромные щиты, в которых мне сообщалось, сколько миллионов яиц будет произведено в следующей пятилетке (или в следующем году — уже не помню). Никогда не указывалось, сколько было произведено. Я ловил себя на том, что против своей воли, понимая умом, что это враньё, какими-то другими, отличными от ума органами этому вранью верил. Механизм воздействия был сходен с тем, какой оказывает на кинозрителя движущийся на него с экрана поезд — невольно отшатываешься, не переставая осознавать, что поезд вряд ли выйдет из экрана.

В октябре 1961 года XXII съездом Коммунистической партии была принята очередная Программа КПСС, проект которой ранее, 30 июля 1961 года, был опубликован газетой «Правда». Программа содержала заявление: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». К этому времени советское общество уже 4 года жило под знаком лозунга «Догнать и перегнать!», с которым Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв 22 мая 1957 года выступил в речи на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР. Имелось в виду, что Советский Союз в недалёком будущем догонит и перегонит США по производству мяса, масла и молока. В 1958 году было объявлено: «В этом году Советский Союз догонит США по валовому производству молока». В том же году эта фраза сопровождала карикатуру, опубликованную в № 34 журнала «Крокодил». На карикатуре, мастерски исполненной талантливым К. П. Ротовым, была изображена скачущая бешеным галопом корова, везущая на одноколке большой бидон молока с надписью «США», и обгоняющая её другая корова, бегущая спокойной рысью и везущая такой же бидон, но с надписью «СССР». Подпись под картиной гласила: «Держись, корова из штата Айова!». Просим читателя осознать, что крокодильская карикатура сопровождалась фразой, сообщающей, что «в этом году догонит», а не фразой «в прошлом году догнал». 15 На московских кухнях тогда звучало:

Догоним быстро мы Америку
По мясу, маслу, молоку.
И нам ответила Америка:
«А хо не ху?».

Это «А хо не ху?» было здоровой реакцией на традиционное будущее время нереальных и не сбывающихся советских обещаний. 16 На поверхностном уровне эти обещания были наглой, но, как ни странно, действующей пропагандой. На глубинном уровне они отражали лежащее в корне коммунистической идеологии утопическое мышление. Представление о будущем Советском Союзе, как от цветущем саде, среди которого стоят сияющие стеклом и сталью многоэтажные города и над которым летают дирижабли, а всё население поголовно — физкультурники со значками ГТО, было характерно для 20-х и начала 30-х годов XX века (оно захватило и западных восторженцев, которые приехали тогда в СССР участвовать в строительстве этого всеобщего цветника и закончили жизнь в гулаге 17). Советская литература усердно поддерживала это представление: «Я знаю —

город будет, / я знаю — саду цвесть», писал Маяковский в 1929 году. Утопии бывали и раньше, но ни одна из них не декларировала свою реализацию завтра. Советская утопия — декларировала.

Религиозно-мистический характер коммунистической идеологии хорошо известен. Как и многие религии (в частности, христианство и ислам), коммунизм обещает блаженство в несколько неопределённом будущем: религии — после смерти, а коммунизм — для грядущих поколений. Советский вариант идеологии привнёс в мистицизм существенную новацию. Нечто обещалось в будущем близким (как наступление коммунизма), а то и ближайшем (в следующей пятилетке или даже в текущем году). В случае ближайшего будущего обещание было доступно непосредственной проверке с отрицательным результатом. Но советский человек как особый биологический объект был замечательным образом устроен так, что отрицательный результат для него ничего не значил. Впрочем, иногда советская власть заботилась о том, чтобы обещание было забыто. Вот пример такой заботы, рассказанный мне мои покойным другом Р. Л. Добрушиным. В публичном выступлении некто поздравил присутствующих с тем, что все они, в частности те, кто живёт в коммунальных квартирах, через пять лет будут обитать в квартирах отдельных. Его вызвали в партийно-кегебистские органы и обвинили в провокации. «Где вы взяли такие сведения?» — грозно спросили его. Он объяснил, что пятнадцать лет назад с высочайшей трибуны было обещано получение всеми отдельных квартир через двадцать лет. «Кто вам позволил вычитать?» — спросили его ещё более грозно.

Но вернёмся к использованию словесного квипрокво в качестве приёма. Одним из видов художественного приёма является эзопов язык, а также фигура умолчания. И то, и другое были широко использованы литературоведом Александром Львовичем Дымшицем (1910—1975) в его знаменитом в своё время предисловии к изданному в 1973 году в Большой серии «Библиотеки поэта» сборнику стихов Осипа Мандельштама. В 1973 году Мандельштам был уже реабилитирован Советской властью по делу 1934 года, завершившемуся арестом и ссылкой за 60-й градус северной широты в городок Чердынь, расположенный более чем в ста километрах к северу от Соликамска (эта ссылка была впоследствии заменена ссылкой в Воронеж). Однако он ещё не был реабилитирован по делу 1938 года, закончившемуся повторным арестом и этапированием на Дальний Восток, где Мандельштам и умер в декабре того же года. Сборник выходил с большими трудностями в течение 14 лет: о его выходе было объявлено в 1959 году. Дымшиц в своём предисловии даёт

искажённое толкование стихов Мандельштама и замалчивает его трагическую судьбу. О первом аресте и ссылке Дымшиц пишет так:

> Трудно сложились для поэта и житейские обстоятельства. После кратковременного пребывания в Чердыни-на-Каме[12], он поселился в Воронеже.

Последние годы Мандельштама описаны в предисловии следующим образом:

> Положение Осипа Мандельштама в литературной среде становилось сложным: он всё больше выбывал из рядов действующих литераторов, он убывал со страниц периодической печати. В период большого общественного подъёма советской литературы <...> Мандельштам остался в стороне <...>. Он оказался в числе немногих литераторов <...>, пути которых не всегда совпадали с путями народной жизни.
>
> <...>
>
> В 1937 году оборвался творческий путь Мандельштама. Поэт умер в начале 1938 года[13].

В общественном мнении Дымшиц был известен как цепной пёс властей, всегда готовый по приказу сверху написать разгромную рецензию. Для многих он был нерукопажатен. 18 Поэтому его предисловие никого не удивило, и он был единодушно осуждён либеральными кругами. Хотя, быть может, следовало удивляться тому, что сборник стихов Мандельштама, первый с 1928 года, всё-таки вышел и понимать, что этого не произошло бы, если бы не охранительное предисловие Дымшица. Сам Дымшиц, не отрицая в частных беседах обвинений в свой адрес, ставил предисловие себе в заслугу. Автор этих строк вынужден с ним согласиться.

●●➤ Прелестный пример использования в качестве приёма случайно возникшего словесного квипрокво сообщил мне летом 2007 года Виталий Дмитриевич Арнольд. Некая школьница имела обыкновение писать букву дэ с хвостиком наверх. Будучи допущена к участию в математических состязаниях, она в своей письменной работе в одном месте ошибочно повернула хвостик не влево, а вправо, так что вместо «для» вышло «бля». Проверяющий красным карандашом написал на полях, что по правилам русской орфографии вводные слова

[12] Чердынь стоит не на Каме, а на правом берегу реки Колвы, правого притока реки Вишеры, левого притока Камы.

[13] Мандельштам умер 27 декабря 1938 года, не дожив до 48 лет.

заключаются в запятые, и проставил эти запятые. Когда письменные работы с оценками и замечаниями проверяющих были показаны их авторам, школьница сделалась цвета указанного карандаша. ◄●●

Напоследок тема, относительно которой у меня нет уверенности, что обсуждаемые в ней словесные квипрокво следует числить приёмами. Речь идёт о достаточно часто встречающихся в устной речи ласкательных формах, не применяемых, однако же, ни в высоком штиле, ни в речи письменной. «Мне бы справочку», говорит посетитель казённого учреждения. «Дежурненькая, наберите номерочек... А вы, абонент, возьмите трубочку» (из услышанного автором на переговорном пункте междугороднего телефона). С той же целью употребляются ласкательные формы глаголов («Не подскажете ли» вместо «Не скажете ли») и иные средства, призванные умаслить того, к кому обращается говорящий, — например, включение в речь слова «случайно»: «Вы случайно не знаете...», «Нет ли у вас случайно...». Это слово имеет целью избавить адресата от тягостной обязанности знать или иметь. К приведённым речениям, взятым из низкого стиля, близко стоят и некоторые представители стиля высокого. Мы имеем в виду такие достаточно распространённые словесные квипрокво, когда для предисловия вместо заголовка «Предисловие» выбирается заголовок «Вместо предисловия», а для юбилейных заметок вместо заголовка «Юбилейные заметки» выбирается заголовок «Неюбилейные заметки». В обоих случаях имеет место самоумаление, каковое, как известно, служит одним из способов обласкивания собеседника.

●●► Еженедельное приложение «Ex libris» к «Независимой газете» пользовалось, да и сейчас пользуется, уважением читающей публики. Хотелось бы надеяться, что нижеследующие цитаты из рецензии на изданную в серии ЖЗЛ книгу об Аракчееве в выпуске этого приложения от 1 апреля 2004 года являются первоапрельской шуткой, то есть приёмом. Верится в это с трудом; но ведь если это не шутка, то это свидетельствует о вопиющей безграмотности как автора этой рецензии, коим является некая Анна Козлова, так и редакции названного приложения. Вот две цитаты из рецензии:

> Казалось бы, солнечный, а в некоторых глазах и шоколадный гений русской литературы однажды высказал адекватное суждение о канцелярской деятельности Аракчеева, чем закрыл тему: «полуподлец, полуневежда, полуглупец, но есть надежда, что станет полным наконец».

Пушкин написал своё суждение (кстати, крайне неадекватное!) не об Аракчееве, а о своём благодетеле графе Михаиле Семёновиче Воронцове, неповинном в том, что Пушкин влюбился в его жену. Пушкинская эпиграмма так и называется «На гр. М. С. Воронцова».

> Психологически вполне объяснимо, почему своё мрачное возвышение Аракчеев начал во время правления именно Павла I, императора амбициозного, как всякий психопат. Двор ненавидел Павла, Аракчеева же побаивались — он писал обширные нравственные обзоры, от которых у императора болела голова. После дворцового заговора, успешно завершившегося убийством государя, Аракчеев вовсе не пошёл ко дну. Напротив, приободрился и принялся за писанину с новым старанием, которая, очевидно, и сделала его «незаменимым человеком» для следующего правителя — Николая I.

Следующим после Павла I правителем был не Николай I, а Александр I. Рецензия называется «Чернильный человек. „Полуподлец, полуневежда“ в ЖЗЛ». При желании её можно увидеть и в Интернете: `http://exlibris.ng.ru/koncep/2004-04-01/7_man.html`. ◄●●

§ 3. Сознательно, или бес–, или подсознательно?

Иногда, впрочем, бывает нелегко распознать, сознательно или непроизвольно возникло то или иное словесное квипрокво. И, более того, имело ли вообще место словесное квипрокво как таковое.

Бывают и такие случаи, когда затруднительно понять, какой из текстов является подменяемым, а какой подменяющим. Так, нерабочий день 12 июня газеты, как правило, называют *Днём независимости России* (не уточняя, впрочем, независимости от кого или от чего), а календари — *Днём принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации* (каковое состоялось в 1990 году). В то же время согласно Трудовому кодексу, принятому 30 декабря 2001 года, с 2002 года нерабочий день 12 июня есть *День России*.

Казалось бы, любое искажение слова, в том числе неправильное ударение, должно трактоваться как словесное квипрокво. Поскольку словарь [ОСРЯ] указывает только одно возможное ударение в слове «патриáрхия», произношение «патриархúя» надлежит рассматривать как искажение и, следовательно, признать его словесным квипрокво. Согласиться с этим, однако, мешает следующее обстоятельство. Все церковные люди говорят именно «патриархúя», с ударением на

предпоследнем слоге. Сходным образом едва ли не все медики и психологи, и уж точно все специалисты по афáзии говорят «афазúя». (Медики, кстати, говорят ещё и «áлкоголь».) Давно известно, что моряки говорят «компáс» и «Мурмáнск». Приходится признать, что действует некий загадочный (потому загадочный, что необъяснённый) закон профессионального переноса ударения — профессионального в том смысле, что лица, объединённые общей профессией, начинают применять в терминах своей профессии отклоняющуюся от общей нормы акцентуацию. Искажение ударения может сопровождаться и другими грамматическими отклонениями. Я испытал это на себе, когда летом 1951 года, будучи военнообязанным студентом Московского университета, находился в военном лагере близ тогда ещё незнаменитой железнодорожной станции Петушки. Все в лагере, и я в том числе, в качестве формы множественного числа от слова «шинель» говорили «шинеля́». По возвращении в Москву вернулась и форма «шинéли».

Работники отечественных правоохранительных органов, извещая — с экранов телевизоров — встревоженное население о своих успехах в борьбе с преступностью, непременно скажут, что против стольких-то лиц возбýждены уголовные дела, а столько-то лиц даже и осýждены. Что это, простая безграмотность, состоящая в подмене правильных «возбуждены́» и «осуждены́» акцентологически неправильными вариантами? Или сознательное использование этих вариантов с целью обозначить свою принадлежность к касте? Или, того пуще, слова «возбýждены» и «осýждены» отражают специфику российского правового пространства[14] и отличаются по смыслу от слов «возбуждены́» и «осуждены́», относящихся к более стандартному правоприменению?

Отступление от основной темы параграфа. О неправильных ударениях по телевидению часто пишет пресса. Так, 34-й номер еженедельной газеты «Неделя» за 1997 год (от 22—28 сентября) открывается письмом читателя, в котором, в частности, говорится:

> Надоело слышать «казáки», когда имеются в виду «казакú». <...> Верны ударения «без умóлку», «толúка», «завúдно», «премúнуть» и т. д. и т. п. Всё это есть в словарях.

Словари как раз дают «без ýмолку»: см., например, [ОСРЯ], с. 601 (а форма «без умóлку» оставлена за пределами словаря как пре-

[14] С удовольствием заимствую этот термин у современных наших политиков.

вышающая оценку *грубо неправильно*: см. разъяснение там же, в последнем абзаце на с. 6). Что до казаков, то [ОСРЯ] на с. 200 объявляет обе формы, «казакú» и «казáки», равновозможными. Сами казаки ставят ударение на последний слог.

А начинается это гневное письмо фразой: «Уже надоело читать о путанице глаголов „одеть“ и „надеть“». Согласившись с этой филиппикой, вернёмся к основному вопросу настоящего параграфа: «Сознательно, или бес-, или подсознательно?».

Одно из моих любимейших стихотворений — это «Письма римскому другу» Иосифа Бродского. Однако и оно, на мой взгляд, содержит словесное квипрокво.

Стихотворение состоит из девяти посвящённых каждая собственной теме восьмистрочных частей; семь из них адресованы римскому другу Постуму, и каждая из этих семи может трактоваться как отдельное письмо. Заключительная, девятая часть, едва ли не лучшая, содержит пронзительное описание картины, возникшей сразу после смерти автора писем — по-видимому, внезапной. Пятую часть образует монолог автора писем, обращённый к проститутке; непонятно, почему этот монолог оказался среди писем; будь моя воля, я бы его из обсуждаемого стихотворения удалил. (Конечно, можно предположить, что автор писем пересказывает Постуму свой остроумный монолог — но тогда должны были бы быть кавычки. Как мелочен автор этих строк, подумает читатель и будет прав.)

Проститутку Бродский называет гетерой, что не соответствует употреблению слова *гетера* в античном мире. На мой взгляд, здесь имеет место словесное квипрокво. Если согласиться, что пятая часть — лишняя, то окажется, что словесное квипрокво образуется не только словом *гетера*, но и всей этой пятой частью: её текст незаконно стоит вместо п у с т о г о м е с т а, или пустого текста. Однако удалением этой части проблема не закрывается, поскольку в восьмой части автор писем даёт Постуму инструкцию, что делать в случае своей смерти:

Поезжай на вороной своей кобыле
    в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
    чтоб за ту же и оплакивали цену.

Вряд ли уместно древнеримский бордель называть «домом гетер». Мы видим, что Бродский упорствует в своём словесном квипрокво. Его поклонники возмущённо возразят, что их кумир употребляет слово «гетера» в переносном смысле. Однако переносный смысл

для этого слова если и уместен, то лишь в высказываниях, касающихся нового времени, в применении же к древности — недопустим. Можно, скажем, иронически называть проконсулами губернаторов постсоветской России, но невозможно называть так граждан Древнего Рима, в должности проконсула не состоявших. Нижеследующая злая цитата из Анатолия Мариенгофа кажется прямо обращённой к Бродскому: «И почему „гетера“? Уж если ты хочешь писать об этих женщинах, которых, по-моему, совсем не знаешь, то называй их так, как они называются в жизни: проститутки».

Вот ещё один пример диагностических затруднений. Дмитрий Александрович Пригов открывает 1-е стихотворение своего цикла «Наподобие» (1993 год) следующими строками (см. [Приг], с. 40):

Я почему-то вдруг представил
Что умер наподобье волка
Но так мучительно и долго
Умирал

Как я понимаю, полное отсутствие знаков препинания в этом стихотворении является сознательным приёмом. Точно так же сознательным приёмом является отсутствие заключительной точки едва ли не во всех вообще приговских стихотворениях; приведём, для примера, полностью 4-е и 5-е стихотворения названного цикла (см. [Приг], с. 44—45):

Потом, если при этом присутствует женщина, можно было бы представить, как умер наподобье розы

Пока она встаёт с постели, могло бы быть — как умер наподобье хвата

Однако вставшая с постели женщина начинает далее совершать нечто не вполне ясное. Вот что сообщается об этом в дальнейших, с 7-го по 11-е, стихотворениях цикла (см. [Приг], с. 48—53):

Пока одевает трусы — умер наподобье кочегара

Пока одевает чулки — умер наподобье вздрагивающей твари

Одевает комбинацию — умер наподобье скользящей постоянной узнавания

Одевает кофту — наподобье англичанина

Одевает юбку — наподобье муравья

«Я чёрным соболем одел её блистающие плечи», — писал Пушкин. Возникает естественный вопрос, чем одевает свои трусы, чулки, комбинацию, кофту и юбку женщина Д. А. Пригова. А также вопрос, не состоялась ли здесь в действительности подмена правильного слова «надевает» неправильным словом «одевает» и, если состоялась, является ли это словесное квипрокво сознательным приёмом или же просто ошибкой знаменитого автора.

Свидетельствует Михаил Викторович Ардов:

> Больше всего, конечно, Ахматова заботилась о том, чтобы мы с братом правильно говорили по-русски. Она запрещала нам употреблять глагол «кушать» в первом лице, <...> наглядно преподавала нам разницу между глаголами «одевать» и «надевать»:
>
> — Одевать можно жену или ребёнка, а пальто или башмаки надевают.
>
> ([Ард 1990], с. 651.)

Кстати, по свидетельству М. В. Ардова, Ахматова вообще занималась воспитанием двух младших сыновей семьи Ардовых в духе хорошего тона. «Ребёнок, разве я так тебя воспитывала?» — укоризненно говорила она Михаилу или Борису. В частности, она учила не говорить ни «полуботинок», ни даже «ботинок», но только «башмак». Учила, в каком кармане должен лежать носовой платок. Учила, что шапка есть тот предмет одежды, который надевается (не одевается!) последним, а снимается первым.

§ 4. Борис Николаевич Белый, Алексей Максимович Горький и Владимир Ильич Ленин

В конце 70-х в Театре имени Моссовета шла пьеса «Версия» драматурга А. П. Штейна. Одним из её персонажей был Андрей Белый, он же Борис Николаевич Бугаев; его играл актёр Игорь Владимирович (Гоша) Старыгин. Жанр подстрочных или затекстовых примечаний в драматургии невозможен, а иным способом объяснить публике, что Андрей Белый — это псевдоним Б. Н. Бугаева, автор не сумел. Поэтому другие действующие лица пьесы, в том числе близкие друзья Бориса Бугаева — такие, как Александр Блок и его жена Любовь Дмитриевна, — при обращении к нему и при упоминании его именовали его, для простоты, Андреем. (Это всё равно, как если

бы в пьесе про Горького или про Ленина окружающие называли их не Алексеем и Владимиром, а Максимом и Николаем — см. ниже.) Желающие могут лично убедиться в этом, раскрыв том [Штейн]. Читаем на с. 410: «Л ю б а (*растерянно, обессиленно*). Андрей, что мы будем делать»; на с. 441: «Б л о к. Андрей тебе поможет» (см. также с. 428, 444, 446, ...).

В пьесе Штейна никому не приходилось называть Белого по отчеству. А если бы пришлось, то, надо полагать, говорили бы «Андрей Николаевич». По свидетельству Михаила Безродного, именно так, Андреем Николаевичем, именовал Белого Юрий Нагибин: см. [Без 95], с. 272 или [Без 96], с. 22. Слово «почему», вынесенное в заглавие наших заметок, побуждает поставить вопрос: «Почему использовалось именование „Андрей Николаевич“? Откуда оно взялось?». Ответ на этот вопрос таков: «Это именование собрано из составных частей имён „Андрей Белый“ и „Борис Николаевич“».

Можно радоваться, что не появился ещё «Борис Николаевич Белый». А ведь именно так возникли и «Алексей Максимович Горький», и «Владимир Ильич Ленин».

Был Алексей Максимович Пешков, и был Максим Горький. Впрочем, это было одно и то же лицо. Из составных частей названных имён и появилось странное словосочетание «Алексей Максимович Горький» — появилось в качестве нового, незаконного имени, подменяющего собою первые два имени. Кто и когда придумал это незаконное имя, я не знаю. Это хорошая задача для ономастов, более точно — для антропонимистов.

Другая хорошая задача для тех же антропонимистов — выяснить, при каких обстоятельствах из «Николая Ленина» и «Владимира Ильича Ульянова» был составлен «Владимир Ильич Ленин». Сам великий вождь так себя никогда не называл. Псевдоним «Ленин» он ставил в скобках после своей истинной фамилии «Ульянов». Если же он выступал в печати под названным псевдонимом, то никогда не сопровождал его ни именем «Владимир», ни инициалами «В.» или «В. И.», но лишь инициалом «Н.». Так что в качестве Ленина он был скорее всего Николай; Никифор, Никодим и Никита представляются значительно менее вероятными. (Подобно тому, как доктор технических наук Елена Сергеевна Вентцель в качестве писательницы И. Грековой является уже не Еленой Сергеевной, а Ириной Николаевной: это её собственная расшифровка инициала «И.».)

Мне вспоминается, как в разгар холодной войны президент Рейган употребил выражение «Николай Ленин» — возможно, в связи с зарождением «Империи Зла» (известный рейгановский термин).

Боже, какой шум и поношение поднялись в советской прессе! Рейгана упрекали в совершенном невежестве: «Он даже не знает, как зовут Ленина!». А меж тем как раз Рейган проявил бóльшую грамотность, чем те специалисты по истории КПСС, которые возмущённо возражали ему со страниц отечественных центральных газет.

Другое дело — Иосиф Виссарионович Джугашвили, который сам объявил себя Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Впрочем, даже и здесь не обошлось без словесного квипрокво. Был декабрь 1949 года, шли дни всенародного празднования семидесятилетия Сталина, в каковое торжество, естественно, был включён и механико-математический факультет Московского университета. Я был тогда третьекурсником этого факультета. Вот случай, коего мне довелось быть свидетелем.

На факультете, в одной из больших плоских аудиторий на 3-м этаже старого здания Университета на Моховой происходит посвящённое Великой Дате собрание. Собрание открывает декан Владимир Васильевич Голубев [19]. Он говорит: «Сегодня мы отмечаем семидесятилетие Иосифа Вениаминовича... Иосифа Виссарионовича Сталина».

Последствий эта оговорка не имела, но жанр наших заметок требует объяснения, почему она случилась. Объяснение: в первом ряду, в качестве партийного контролёра, сидел заместитель декана Пётр Вениаминович Мясников, на которого Голубев смотрел в упор при произнесении своих слов. ●●➤ Впрочем, один из читателей «Трудов по нематематике» предложил другое объяснение: для человека, хорошо знающего Закон Божий, имена Иосифа и Вениамина, двух младших и любимых сыновей ветхозаветного патриарха Иакова, были спаяны прочной ассоциативной связью. ◄●●

И ещё одно воспоминание о том же собрании, имеющее, впрочем, лишь косвенное отношение к теме словесного квипрокво. На собрании выступил Александр Геннадиевич Курош, заведующий кафедрой высшей алгебры, преемник на этом посту основателя кафедры Отто Юльевича Шмидта. Разумеется, он выступал не по собственной инициативе: от властей ему было приказано. Курош был прекрасный лектор, человек колоритный (когда во время лекции он доставал безукоризненно выглаженный носовой платок гигантских размеров и прочищал нос, стены сотрясались от громового звука) и приличный. Ему очень не хотелось называть Сталина великим, но деваться было некуда. Он вышел из положения следующим образом. Выступление он построил, как доказательство теоремы. Перечисляя псевдодостижения Сталина, он каждый раз делал вывод, что этого уже достаточно, чтобы назвать Сталина великим. Но он ни разу не произносил слово

«великий», не сопроводив его словом «выдающийся». Курош говорил так: «И уже это даёт основания назвать такого деятеля великим, выдающимся». Таким образом, он как бы объявлял слова *великий* и *выдающийся* синонимами, чем принижал смысл первого из этих слов.

§ 5. Пе́шков или Пешко́в?

С упомянутым в предыдущем параграфе А. М. Пешковым связано и другое словесное квипрокво. Речь идёт об ударении в фамилии «Пешков».

В томах «Большой советской энциклопедии» ударения проставляются начиная с 7-го тома 2-го издания — но, увы, только в заглавных словах. Поэтому, скажем, 3-е издание этой энциклопедии позволяет узнать ударение только в псевдониме «Ахматова», подлинную же фамилию Анны Андреевны, «Го́ренко», сообщает (в статье об Ахматовой во 2-м томе) без указания ударения. (З а м е ч а н и е в с к о б к а х. А кстати: из какого справочника можно узнать, что ударению здесь надлежит быть на слоге первом? Единственный обнаруженный мною печатный источник — это [Скат], где об этом сказано на с. 3; но эту статью вряд ли можно числить по разряду справочников. По разряду справочников можно числить словарь [Бенс], но он-то как раз на своей с. 39 даёт ударение на втором слоге как единственно возможное и тем самым отождествляет безударное написание «Горенко» с ударным написанием «Горе́нко». Мы оказываемся перед трудным выбором: либо лишить доверия словарь [Бенс], либо объявить безударное написание «Горенко» в применении к Ахматовой словесным квипрокво и требовать всегда писать только «Го́ренко».) Аналогично, статья «Горький» в 7-м томе 3-го издания даёт фамилию «Пешков» опять-таки без ударения. Однако для *советской* энциклопедии Горький — это вам не Ахматова, и потому в 19-м томе имеется отдельная краткая статья «Пешков»:

> **ПЕ́ШКОВ** Алексей Максимович (1868—1936), настоящая фамилия М. *Горького*.

Теперь посмотрим, что пишет по этому поводу сам носитель фамилии в своей повести «Детство». Читаем на одной из первых страниц главы VIII:

> Тогда я счёл нужным пояснить ему:
> — Я не Каширин, а Пешко́в...
> — Пе́шков? — неверно повторил он. — Хорошее дело.

Остаётся надеяться, что горьковеды (если таковые ещё существуют) знают, когда и почему состоялось перенесение ударения со второго слога на первый в истинной фамилии предмета их изучения.

§ 6. Василий Иванович Сафонов

Вернёмся как к теме Андрея Белого, так и к теме отчеств.

Третья глава поэмы Андрея Белого «Первое свидание» описывает субботний симфонический концерт начала века в одном из концертных залов Москвы. Судя по указанию в последних строках главы первой («Я помню: переливы люстр; / Я помню: зал белоколонный / Звучит Бетховеном, волной; / И *Благородное собранье*[15] <...>»), имеется в виду зал, известный в советское время под именем «Колонный зал Дома союзов».

Как сообщают комментаторы в своих примечаниях на с. 622 в [Бел 66], время действия — 1901 год.

Прежде чем предложить импрессионистическую картину отдельного концерта, Белый сообщает некоторые общие сведения о концертах того времени ([Бел 66], с. 426):

> И дирижирует: Главач[16].
> И дирижирует: Сафонов[17]...

Естественно, обе фамилии комментируются в затекстовых примечаниях к тóму [Бел 66]. Это делается на с. 323. Главач комментируется сухо:

> Войтех Иванович *Главач* (1849—1911).

Сафонов — более подробно:

> Василий Иванович *Сафонов* (1852—1918) — выдающийся русский пианист, педагог, дирижёр и музыкально-общественный деятель.

---

15 Зал Благородного собрания — московский концертный зал в 900-х годах. — *Подстр. примеч. Андрея Белого.*

16 Петербургский дирижёр 900-х годов. — *Подстр. примеч. Андрея Белого.*

17 Директор Московской консерватории этого времени. — *Подстр. примеч. Андрея Белого.*

К несчастью для комментаторов, далее в поэме, при описании отдельного концерта, говорится ([Бел 66], с. 429—430):

Взойдёт на дирижёрский пульт
<...>
Её почтенный жрец, — Сафонов:
<...>
И под Васильем Ильичом,
Руководимые Гржимали[18],
Все скрипоканты провизжали,
Поставив ноги калачом.

До комментированной публикации поэмы в составе книги [Бел 66] я пользовался некомментированным изданием [Бел 21] и потому не сомневался в отчестве Сафонова. Получив только что вышедший синий (такой цвет имело 2-е издание «Библиотеки поэта») том, я растерялся. В те годы я относился к комментариям с огромным доверием (хотя мои ближайшие друзья и поучали меня: «Не верь печатному слову»). Поэтому — хотя каждому здравомыслящему человеку должно было быть ясно, что Белый никак не мог ошибиться в отчестве Сафонова, — я решился спросить дочь музыканта, Елену Васильевну Сафонову, каково отчество её отца. И только когда она ответила «Ильич», поверил окончательно.

Однако представляет интерес понять, откуда в примечаниях взялся этот «Иванович». Поверхностный ответ состоит в том, что он перенёсся на Сафонова с Главача. Объяснение более глубокое заключается в «клише Чапаева»: анекдоты про Василия Ивановича настолько укоренились в русскоязычном подсознании, что, написав «Василий», рука уже сама пишет «Иванович» 20.

§ 7. Распространённые искажения

7.0. Привычные вывихи. Отмеченное в предыдущем параграфе искажение Василия Ильича Сафонова в Василия Ивановича Чапаева, то бишь всё же Сафонова, есть эпизод частный. Представляют интерес искажения почти регулярные — во всяком случае, приобретающие широкое распространение прямо на наших глазах. Речь по-прежнему идёт о словесных квипрокво, то есть о подменах неких текстов — в частности, слов или словосочетаний. Тó обстоятельство, что при

[18] Гржимали, исполнявший первую скрипку в оркестре, проф. Моск. консерватории. — *Подстр. примеч. Андрея Белого.*

этом правильный текст подменяется неправильным, почему-то не оказывает сдерживающего влияния на распространение таких подмен.

Такие искажения, заимствуя термин у медицины, естественно было бы называть *привычными вывихами*. Вот что говорит о них «Справочник практического врача» (М.: Медгиз, 1956):

> ВЫВИХ ПРИВЫЧНЫЙ (LUXATIO HABITUALIS). Консервативное лечение в большинстве случаев безуспешно. Прогноз сомнительный.

Если написать *озперанд*, то произношение у этого слова будет совершенно таким же, как и у слова *аспирант*. Писать *озперанд*, конечно, не следует, но наблюдённое сходство произношений просвещает нас в отношении некоторых существенных особенностей русской фонетики: как указывают лингвисты, изучение письменной речи неграмотных полезно для лучшего уяснения структуры языка.

Приглашаю читателя, склонного к такого рода развлечениям, составить исчерпывающий перечень всевозможных неправильных написаний, имеющих то же чтение, что и слово *аспирант*. Вряд ли какое-то слово из этого списка имеет массовое распространение. Казус, когда какое-либо написание, нарушающее орфографическую норму, получило бы такое распространение, представил бы значительный интерес. Однако подобные казусы — их можно было бы назвать *привычными орфографическими вывихами* — мне неизвестны (и я был бы признателен за их указание). В то же время хорошо известны *привычные орфоэпические вывихи*: массовое распространение произнесений, нарушающих орфоэпическую норму, является признанным (хотя и печальным) фактом. Как ни грустно признавать, ряд таких неправильных произнесений уже одержал победу. Например, на моих глазах (именно глазах, а не ушах) произнесение *планер* с ударением на первом слоге совершило эволюцию от орфоэпического парии до закреплённой в словаре позиции с почётной пометой «допустимо» (хотя пока ещё *планёр* вроде бы удерживает первое место в сознании составителей словарей). Наибольший интерес представляют *привычные семантические вывихи*. Таким термином мы будем обозначать всякую имеющую массовое распространение ситуацию, при которой вместо какого-либо слова или выражения устойчиво употребляется другое слово или выражение; при правильном, закреплённом в словарях понимании этого другого слова или выражения не может не возникать искажения первоначального смысла. Самый наглядный и самый печальный пример: повсеместно укоренённая привычка употреблять слово *сводные* для обозначения

братьев и сестёр, имеющих только одного общего родителя — то есть только общую мать или только общего отца. На самом же деле сводные (то есть *сведённые вместе*) братья и сёстры не имеют между собою ничего общего, кроме того, что их свёл друг с другом брак их родителей (в отличие от братьев и сестёр *единоутробных*, с общей матерью, и *единокровных*, с общим отцом).

Когда какое-то патологическое явление имеет массовое и устойчивое распространение, долг исследователя — попытаться выяснить причину этих массовости и устойчивости. Для привычного семантического вывиха, связанного со словом *сводные*, таковой причиной, скорее всего, служит отсутствие объединяющего слова для обозначения лиц, у которых только один из родителей является общим; и тогда в роли этого отсутствующего слова со значением '*единокровный* или *единоутробный*' выступает слово *сводный*.

Слово *эпицентр* со значением 'проекция на поверхность Земли центра землетрясения или взрыва (воздушного или подземного)' стало всё чаще использоваться вместо слова *центр* в значении этого последнего слова. На память приходит обед у Ноздрёва, описанный в «Мёртвых душах»: «...Ноздрёв налёг на вина: ещё не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому госотерна, потому что в уездных и губернских городах не бывает простого сотерна». Вспоминается и известное высказывание: «Плазма, или, короче говоря, протоплазма».

Замена центра на эпицентр, сотерна на госотерн и плазмы на протоплазму может создать ложное впечатление о наличии тенденции к декоративному удлинению. Семантический вывих может состоять и в укорочении. Так, на нерабочий день 12 июня приходится наш государственный праздник — *День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации* (каковое состоялось в 1990 году); газеты же, как правило, называют этот день *Днём независимости России* (не уточняя, впрочем, независимости от кого или от чего).

7.1. Искажения имён. Исследование распространённых искажений мы начнём с той темы, которой мы занимались на протяжении последних трёх параграфов — с темы имён.

На первой странице газеты «Известия» от 8 августа 1997 года помещена заметка «В Лондон теперь пойдёт освящённый алюминий». Читаем:

> 7 августа настоятель Покровского храма, секретарь Красноярско-Енисейской епархии отец Иоанн освятил скандальной славы

Красноярский алюминиевый завод (КрАЗ), сообщил наш корр. Алексей ТАРАСОВ.

Я уверен, что о. Иоанн не принадлежит чёрному, то есть монашествующему, духовенству; а тогда приведённый текст неправилен: он подменяет собою другой, правильный текст, то есть имеет место словесное квипрокво. (Если даже моё уверенное предположение ложно, это не очень существенно: действительно, хотя тогда воспроизведённый текст и нельзя было бы непосредственно упрекнуть в неправильности, он вне всякого сомнения всё равно был бы дословно тем же и в случае, *если бы* упомянутый о. Иоанн принадлежал белому духовенству, то есть *не был бы* монахом.)

Берём в руки книгу: Ходасевич В. Ф. «Некрополь» и другие воспоминания. — М.: ОПТЦ «Мир искусства»; журнал «Наше наследие», 1992. Открываем её на с. 329 и читаем комментарий: «Иоанн Кронштадтский (до приятия священства Иван Ильич Сергиев)». По-видимому, автор комментариев Е. М. Бень искренне полагает, что при принятии священства человек меняет имя и лишается отчества и фамилии. Разумеется Иван Ильич был Иоанном (в крещении) ещё в младенчестве.

Неправильность здесь стилистическая и состоит в употреблении имени священнослужителя без фамилии, что, в приведённых нами контекстах, уместно только в применении к монаху, да и то только в том случае, когда используется именно монашеское, а не мирское имя монаха.

Просвещённый читатель «НЛО», конечно же, знает, что при пострижении в монахи происходит замена личного крёстного имени (сочетающегося как с отчеством, так и с фамилией) на личное монашеское имя, ни с отчеством, ни с фамилией не сочетающееся. Если же требуется при монашеском имени сообщить и мирские ономастические сведения, то последние заключаются в скобки: «митрополит Макарий (Михаил Петрович Булгаков)» или, совсем кратко, «Макарий (Булгаков)».

Для белого же, то есть не монашествующего, духовенства употребление имени с фамилией в скобках неприемлемо совершенно; а употребление имени вовсе без фамилии уместно лишь в тех контекстах, в каких отсутствие фамилии уместно при именовании мирян. Напротив, по отношению к белому духовенству вполне возможно обращение к ним т о л ь к о по фамилии: «Отец Криницкий, поставьте налой и положите на него Евангелие», — произнёс 27 ноября 1825 года (ст. ст.) великий князь Николай Павлович, намереваясь присягать своему старшему брату Константину как новому Россий-

скому императору ([Шиль], с. 186). Непонимание этих простых истин уже привело к тому, что в сочетании «поп Гапон» многими, если не большинством, слово «Гапон» воспринимается не как фамилия о. Георгия Аполлоновича Гапона, а как имя.

Разумеется, в своём обращении к священнику Николай мог бы употребить наименование «отец Павел», и это тоже было бы правильно. Сказать же или написать «отец Павел», говоря о священнике в третьем лице, возможно лишь тогда, когда предполагается, что слушающий или читающий ясно понимает, о ком идёт речь. Наименование «отец Криницкий» стилистически соответствует наименованию «господин Иванов» в применении к мирянину и может быть употреблено как во втором, так и в третьем лице. Наименование же «отец Павел» в применении к священнику или диакону соответствует наименованию «Иван» или «Иван Иванович» в применении к мирянину. Эти наименования уместны во втором лице, а в лице третьем — лишь тогда, когда ясно, кто имеется в виду.

Разумеется, сказать просто «отец Иоанн» в применении к представителю белого духовенства возможно. Но возможно это лишь тогда, когда те, к кому обращена устная или письменная речь, отчётливо понимают, кто имеется в виду. Так, если все участники коммуникации хорошо знают лиц по имени «Иван Петрович» и «Сергей Васильевич», то вполне уместно сказать «операцию делал Иван Петрович» или «выступил Сергей Васильевич». Но фразы вроде «операцию делал хирург Иван Петрович» или «выступил доцент Сергей Васильевич» неуместны, поскольку предполагают недостаточность предварительной информации; в подобных случаях снабжение имён и отчеств фамилией обязательно. Поэтому употребление имени «Иоанн» в приведённой выше цитате из «Известий» требует указание фамилии Иоанна. Словесное квипкрокво состоит в подмене стилистически правильного текста типа «Иоанн Сидоров» стилистически неправильным текстом «Иоанн». Чтобы пояснить степень неправильности приведённого газетного текста, воспользуемся следующей аналогией. В той же известинской заметке далее говорится:

> Недавно избранный и. о. гендиректора — Геннадий Дружинин. В его «Мерседесе-600» и офисе первое, что бросается в глаза, — массивные золотые кресты и иконы.

Мысленно вычеркните в этой второй цитате фамилию «Дружинин». То, что получится, будет выглядеть дико. Так же дико выглядит и первая цитата.

В предыдущем заявлении есть немалая доля лицемерия. Нам хотелось бы, чтобы первая цитата выглядела дико. К сожалению, она так не выглядит не только для корреспондента Тарасова и редакции «Известий», но и для большинства читателей газеты. Не выглядит потому, что **порочная практика** употребления без фамилий имён всех без исключения православных духовных лиц, без деления их на чёрное и белое духовенство, складывается на наших глазах — совершенно так же, как на наших ушах складывается практика употребления, скажем, слова «ходата́йство» (получившего на с. 623 словаря [ОСРЯ] оценку *грубо неправильно*) вместо правильного «хода́тайство».

Теперь попытка объяснения обсуждаемого словесного квипрокво. Как мы полагаем, практика, названная нами порочной, поддерживается самим духовенством — не знаю, осознанно или неосознанно. Вот маленький, но яркий пример. Московское издательство «Аванта+» выпускает многотомную и красочную «Энциклопедию для детей». Том 6-й (кстати, очень хороший) называется «Религии мира»; он издан в двух полутомах, или частях. Открываем вышедшую в 1996 году 2-ю часть на с. 158. В перечне авторов читаем: «о. Андрей (Кураев)» — с фамилией в скобках. Диакон Андрей Кураев — известный церковный деятель, но не монах. Взять его фамилию в скобки — всё равно, что взять в скобки и фамилии других, уже совершенно светских авторов на той же странице. И подобное — в энциклопедическом издании!

Почему же церковь ни разу не выступила против этой повседневной безграмотности, заключающейся в таком употреблении крёстных имён священнослужителей, как если бы эти имена были монашескими? Думается, тут две причины, и обе суетны. Первая, общая, состоит в желании выделиться — желании столь сильном, что приставка «о.» кажется уже недостаточной; быть просто *отцом* уже недостаточно, а хочется именоваться наподобие августейших особ, которых принято именовать, не называя фамилии. Вторая, более специальная, состоит в престижности монашества (ведь в православии только монахи могут быть епископами), а потому не-монахи желают выглядеть монахами.

Вечернее добавление от 22 сентября 1997 года. Вот и опять! По телевизионному каналу «Россия» (в просторечии — второму каналу) идёт программа «Национальный интерес». Сегодняшняя передача посвящена проблемам российского православия, в частности — различению понятий «российская ⟨с маленькой буквы!⟩ православная церковь» (то есть «православная церковь на территории России»), «Русская православная церковь» (то есть церковь, состоящая в подчинении Московской патриархии), «Российская свободная православная церковь» и т. п. Передача

смотрится как полезная и интересная. Но вот на экране мелькают титры, представляющие участников:

«отец Георгий (Чистяков), Русская православная церковь»;
«отец Михаил (Макеев), Российская свободная православная церковь».

Опять эти глупые скобки! Кто должен нести за них ответственность? Уж конечно не священники Г. Чистяков и М. Макеев, одни из наиболее образованных отечественных иереев. Надо полагать, отвечать должны автор и ведущий передачи — повторяю, в целом хорошей — Дмитрий Константинович (Киселёв) и в недавнем прошлом телекомментатор, а ныне начальник всего РТР Николай Карлович (Сванидзе).

Ещё одно добавление. В наших средствах массовой информации попадаются, конечно, и грамотные именования клириков — это тоже надо признать, справедливости ради. Откроем, для примера, 2-ю страницу номера 197 газеты «Комсомольская правда» от 24 октября 1997 года. Подзаголовок очерка, занимающего всю указанную страницу, гласит: «Отец Владимир держал за иконами мешок с искусственными половыми членами и баловался марихуаной». Отсутствие фамилии о. Владимира в этой формулировке совершенно уместно. Действительно, герой очерка является не только священником Ростовской епархии Московского патриархата, но и монахом. «Владимир» — его монашеское имя, в миру же он — Сергей Токмачёв. Поэтому самое большее, что можно было сделать для сообщения фамилии о. Владимира, это указать её в скобках. Написание же «Владимир Токмачёв» было бы не только неуважительным по отношению к иноческому сану иеромонаха Владимира, но и столь же неправильным, как написание «Андрей Бугаев» или «Максим Пешков» (ср. выше наш § 4).

7.2. Несколько отступлений на темы социолингвистики. Отступление 1. Специальный — «престижный», «элитный» — стиль именования употребителен, разумеется, не только в применении к православному духовенству (для какового, как мы только что видели, характерна ещё и жажда такого стиля). Как известно, членов императорских, королевских и аналогичных домов принято называть без фамилий. (Да и какая, скажем, фамилия у королевы Великобритании? Виндзор?) Замечательно, однако, что и форма имени делается при этом особенной. Героиня иностранного фильма или эстрадная певица может быть и Дианой, и Дайаной (скорее даже Дайаной), но принцесса Уэльская — только Дианой. Если её бывший муж станет королём, останется ли он Чарльзом или станет Карлом III? А если

королём станет их старший сын, будет ли он Вильямом, как сейчас, или же Вильгельмом V? Ведь имена «Анри», «Луи», «Чарльз», «Джеймс» и «Вильям», уместные для писателей Ренье, Буссенара, Диккенса, Джойса и Шекспира, невозможны ни для французских королей Генриха IV и Людовика XIV, ни для английских королей Карла II, Якова II, Вильгельма IV.

Отступление 2. Одна из статей Строевого устава Советской армии гласила: «Генералиссимуса Советского Союза называть: товарищ Генералиссимус Советского Союза». Поэзия этой чеканной формулировки звучит во мне с весны 1951 года, то есть с того времени, как я сдавал государственный экзамен по военному делу в Московском университете. (Поэтика воинских уставов — вот поприще для истинного любителя научного метода!) Впрочем, запоминание облегчалось ещё и тем, что указанная статья, единственная из всех статей устава, была набрана жирным шрифтом. А вот где можно прочесть, каким образом учащиеся школ Латвии обращаются к своей учительнице? В русских школах принято обращение по имени и отчеству. А в латышских школах обращение такое: «учительница» (разумеется, на латышском языке). Мои сведения идут из советского времени[19] — но я полагаю, что и сейчас обращение такое же.

Отступление 3. Несколько слов об обращении к клиентам в наших медицинских учреждениях.

Стандартным, как известно, служит обращение «больной» — даже если человек совершенно здоров. Мне рассказывали о романе, состоявшемся у пациента с медсестрой. Все события происходили в больнице, и даже в самые экстатические моменты она называла его не иначе как «больной». ●➤ В июне 2001 года в Москве, в фёдоровском Центре микрохирургии глаза, были отмечены такие обращения к пациенткам со стороны как медперсонала, так и других пациенток: девушка, женщина, бабуля и дама. Обращения эти варьировались в зависимости от представления обращающегося о личности адресата. (Сообщение Н. Д. Введенской.) ◄●

Контрастом (в советское время) служило обращение врачей к лицам, прикреплённым к Диспансерному отделу Центральной поликлиники Минздрава РСФСР (переехавшей с улицы Рылеева, бывшего

[19] Как известно, во время советской оккупации прибалтийских республик (или во время их счастливого вхождения в Советский Союз — это зависит от точки зрения) их история, начиная с времени вхождения в Российскую Империю, в терминологии коренного населения делилась хронологически на три периода: на «русское время», на «латвийское (соответственно «эстонское», «литовское») время» и на «советское время»; сейчас в Латвии снова латвийское время.

Гагаринского переулка, на Можайский Вал), а также именование их в третьем лице. Там стандартным наименованием было «профессор» — в таком, например, контексте: «Вот Вы, профессор, сейчас займите очередь за этим профессором, а вот этот профессор тогда уже пойдёт после Вас».

Самым же замечательным было именование пациентов в системе знаменитого Четвёртого главного управления Минздрава СССР 21. Привилегированные лица, имеющие возможность пользоваться услугами учреждений 4-го ГУ, назывались в своей совокупности «контингентом» 22. Каждого же в отдельности члена контингента полагалось именовать полностью по имени и отчеству не только при личном обращении (что более или менее очевидно), но и при записи в истории болезни[20]. Ни в коем случае нельзя было писать «больной», «пациент» или даже просто фамилию, а только так: «Онуфрий Степанович пожаловался на плохой сон. Онуфрию Степановичу были назначены такие-то процедуры» и т. д. Интересно, сохранился ли этот порядок в наследнике 4-го ГУ — в Медицинском центре Управления делами Президента РФ.

В желании священнослужителей видеть своё имя (не монашеское!) без фамилии или, в крайнем случае, с фамилией, взятой в скобки, есть что-то от претензий нашего Онуфрия Степановича на особое — повышенное, а точнее завышенное, — уважение к именованию себя даже при упоминании в третьем лице.

Отступление 4. По наблюдению М. В. Ардова, в советское время достижение кинодеятелем высшего признания в своём кругу знаменовалось тем, что его начинали называть уменьшительным женским именем: сценарист и киновед Алексей Каплер звался *Люся Каплер*, сценарист Михаил Блейман — *Мика Блейман*, документалист Роман Кармен — *Римма Кармен*, режиссёр Фридрих Эрмлер — *Фрида Эрмлер*. (Однако никто никогда не говорил *Вава Пудовкин* или *Груня Александров*.)

●●➤ Отступление 5. Видеоблог главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» Алексея Алексеевича Венедиктова от 25.08. 2009 под названием «Путин председатель» (`http://www.echo.msk.ru/blog/aav/`) начинается словами: «Меня всегда интересовало, как люди, близкие к властям, называют своих шефов, патронов. И на примере Владимира Путина (род. 7.10.1952) и Дмитрия Медведева (род. 14.09.1965) мы видим достаточно интересные лингвистические

[20] Хотя источником моих знаний был лишь один из санаториев 4-го ГУ, я не допускаю мысли о самодеятельности, проявленной местной медицинской властью.

изыски, за которыми стоит понаблюдать чуть пристальнее». И далее Венедиктов делится своими наблюдениями. Как известно, Путин пришёл к власти в августе 1999 года — сперва в качестве и. о. премьера, затем премьера; с 31.12.1999 он и. о. президента, избран президентом 26.03.2000. В начале люди, его окружающие, называли его *Вова*: «Вова сказал», «Вова сделал». С лета 2000 года стали говорить *начальник*. Затем начальник мутировал в *шефа*, в *босса*, в *патрона*, в *руководителя*, а у лиц, особо приближённых, в *хозяина* (произносимого, впрочем, с некоторой иронией), как в своё время (разумеется, без иронии) называли Сталина. А иногда употребляли слово *портрет*. В конце концов закрепились наименования *начальник*, *руководитель* и *шеф*. Медведев же, избранный президентом 02.03.2008, так и остался *Димой* и даже *нашим мальчиком*. Слово *начальник* сохранилось за Путиным, председателем правительства. Впрочем, *портрет* в применении к Медведеву недавно тоже стал появляться. А у Путина за последние три месяца появилось наименование, какое когда-то было у Мао Цзэдуна: *председатель* («председатель поручил» и т. п.). ◄●●

7.3. Искажения ударений и смыслов. Неправильное именование священнослужителей — это всего лишь одно из распространённых искажений. Другие связаны со ставшими уже притчей во языцех неправильными ударениями. Выше мы уже отмечали смещение ударения от правильного *ходáтайство* к неправильному *ходатáйство*. В подобных случаях высокая наука ограничивается, как правило, констатацией распространённой неправильности, не утруждая себя объяснением, почему такая неправильность возникла. Такое объяснение, на наш взгляд, всякий раз необходимо. Неправильное ударение в слове *ходатáйство*, например, является скорее всего производным от неправильного же ударения в слове *ходатáй*, а последнее — от другого распространённого русского слова, оканчивающегося на ударный слог *áй*.

По рассказам, борец за правильность русской речи Корней Иванович Чуковский так отвечал сомневающимся в результативности его усилий: «Я понимаю, что всё равно будут говорить *шóфер* и *квáртал*, но партия учит нас, что новое должно рождаться в борьбе со старым. Так вот я и есть это старое».

Впрочем, неправильные ударения — это ещё не самое страшное. Конечно, они сразу бросаются в уши, но гораздо опаснее контрабандные смещения смысла. Так, увы, в прессе почти уже укоренилась привычка употреблять слово «сводные» для обозначения братьев и

сестёр единоутробных, то есть имеющих общую мать, или единокровных, то есть имеющих общего отца. (Так, артиста Алексея Баталова и протоиерея Михаила Ардова почти всегда называют сводными братьями, тогда как они единоутробные, у них общая мать.) ●●▶ Более того, этому даже обучают детей. Так, во второй главе полезной в остальном книги Веры Тименчик «Семья у нас и других», изданной в 2006 году в Москве в рамках «Издательского проекта Людмилы Улицкой», читаем:

> Мы с Алей даже не сводные брат и сестра. <...> ...Сводные бывают разные. Если общий отец, то они единокровные, а если общая мать, то — единоутробные. <...> ...Папе она не родная дочка — когда он женился на её маме, Альке было пять лет. <...> ...То есть моему папе она приёмная дочь, а мне она никто. ◀●●

А ведь Даль совершенно определённо указывает, что сводные (то есть сведённые вместе) братья и сёстры не имеют между собою ничего общего кроме того, что их *свёл* друг с другом брак их родителей: см. [Даль], т. 4, стлб. 72. Причины этого словесного квипрокво кроются, возможно, в отсутствии в русском языке объединяющих слов для обозначения братьев и сестёр, у которых только один из родителей является общим (в английском языке такие объединяющие слова есть: half-brother и half-sister); и тогда в качестве этого слова со значением ‘единокровный или единоутробный’ выступает (и не по своей вине) слово *сводный*. Сходным образом обстоит дело с термином *гражданский брак*. Большинство людей употребляют этот термин в смысле: ‘не узаконенное свидетельством о браке сожительство мужчины и женщины’. Посмотрим, меж тем, что́ говорят об этом энциклопедические словари. В словаре Брокгауза и Ефрона ([БЕ-18], с. 504) читаем:

> **Гражданский брак** — форма установления супружеского союза без участия Церкви, но при содействии светских органов государственной власти. Г. брак есть одно из юридических учреждений, относительно которых в русском обществе существуют крайне превратные представления: многие даже образованные люди называют Г. браком простое незаконное сожитие или вообще союз, не освящённый Церковью или же заключённый на срок. На самом деле, Г. брак является во многих отношениях более затруднительною формою установления супружества, чем брак церковный <...>.

В приведённой цитате, относящейся к 1893 году, прямо указано на наличие словесного квипрокво. Толкование из Брокгауза и Ефрона

повторяет и Большая Советская Энциклопедия. Читаем в изданном в 1972 году 7-м томе 3-го издания, в столбце 693:

> **ГРАЖДА́НСКИЙ БРАК**, брак, оформленный в соотв. органах гос. власти без участия церкви.

Большой энциклопедический словарь [БЭС] 2001 года дословно повторяет (на с. 305) дефиницию из БСЭ, но одновременно, вслед за Брокгаузом, отмечает и неправильное употребление: «Иногда Г. б. называют также фактич. брак.».

Предоставляем читателю исследовать причины по которым слово *эпицентр* со значением 'проекция на поверхность Земли центра землетрясения или взрыва (воздушного или подземного)' стало всё чаще использоваться вместо слова *центр* в значении этого последнего слова. Одна из причин напрашивается: *эпицентр* звучит красивее, престижнее, элитарнее. Вспоминается обед у Ноздрёва, описанный в «Мёртвых душах»: «...Ноздрёв налёг на вина: ещё не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому госотерна, потому что в уездных и губернских городах не бывает простого сотерна». ●●➤ По-видимому, центров, как и сотерна, у нас теперь не бывает, а только эпицентры. (Впрочем, пока ещё слово «центр» осталось в названиях, щедро представленных на с. 1409—1410 справочника «Адрес Москва 2007», — таких как «Центр косметической эстетики» или «Центр аудиобрендинга Ксении Светличной».) Берём, например в руки журнал «Новый адрес» (еженедельное приложение к газете «Из рук в руки»). Номер 12 (12) от 25 июня 2007 года издан, как указано на его 2-й странице, тиражом 122 000 экземпляров. На с. 6 названного номера — статья под названием «Московские набережные: эпицентр видового жилья»; слова «Эпицентр видового жилья» вынесены на обложку номера. Если набережные образуют эпицентр, то где центр? И вот финал — дальше ехать некуда. 16 августа 2007 года с экрана телевизора, в русском переводе канала «Euronews», при сообщении о разрушительном землетрясении в Перу прозвучало: «эпицентр землетрясении находился в 18 километрах под поверхностью Земли». По-видимому, на самой поверхности Земли располагался эпиэпицентр землетрясения. ◄●●

●➤ Вот ещё характерный пример. Проведите в России опрос, состоялся ли импичмент президенту США Клинтону? Подавляющее большинство респондентов ответят отрицательно. На самом же деле импичмент состоялся — другое дело, что он не увенчался успехом (как и в случае с другим президентом, Эндрю Джонсоном, в 1868 году). Ведь импичмент — это не есть осуждение,

это есть официальное выдвижение уполномоченным на то органом (в случае президента США — Палатой представителей Конгресса) обвинений против должностного лица с целью суда, осуществляемого другим уполномоченным органом (в случае президента США — Сенатом). Причина понимания российскими респондентами импичмента именно как осуждения, на наш взгляд, достаточно глубокая. Она заключается в отсутствии если не в сознании, то в подсознании большинства россиян чёткой разницы между обвинением и осуждением. Как известно, XXIV съезд КПСС весной 1971 года констатировал, что «в процессе социалистического строительства сложилась новая историческая общность людей — советский народ» (см. [Съезд], т. 2, с. 232). С этим тезисом невозможно не согласиться. Каждая историческая общность обладает определённым менталитетом. (Во избежание недоразумений, автор этих строк признаёт, что — нравится это ему или не нравится — он всё ещё имеет менталитет советского человека.) Когда российские митингующие призывают кого-то судить, они слово *судить* понимают в смысле *осудить*: возможность судить и оправдать не то что исключается, а даже и не рассматривается. Потому что в российском народном сознании отсутствует разница между судом и осуждением. Когда кричали «Банду Ельцина под суд», то имели в виду осуждение. Если учесть ничтожный процент оправдательных приговоров в российских судах, то следует признать, что сознание, как ему и предписано марксизмом-ленинизмом, правильно отражает бытие 23. ◄●

7.4. Искажения цитат. Тему распространённых искажений завершим обсуждением искажений текстов при их воспроизведении. Обсуждение начнём с двух простых примеров песенных искажений, продолжим двумя примерами почти всеобщего неточного цитирования Пушкина, а закончим двумя примерами искажённого восприятия взглядов Лобачевского и Толстого. ●► К этим явлениям примыкает и укоренившийся неверный русский перевод одной популярной американской фразы, о чём мы скажем ниже в § 18. ◄●

В известной песне Вертинского «Без женщин» есть такие строки:

Как хорошо проснуться одному
В своём просторном холостяцком флэте
И знать, что ты не должен никому
Давать отчёты — никому на свете.

Вряд ли кто-нибудь удивится, что современные исполнители вместо непонятного им «флэте» (от английского *flat*, 'квартира, не являюща-

яся двух- и более этажной') поют «пледе»[21], не слишком смущаясь тем, что сомнительная рифма *пледе—свете* вряд ли понравилась бы Вертинскому.

В ноябре 1972 года Анри Волохонский сочинил на услышанную им мелодию 24 текст песни, начинающейся словами «Над небом голубым есть город золотой» 25. Между тем, известный исполнитель Борис Гребенщиков стал петь эту песню, поменяв, по неясной причине, начальное слово «Над» на слово «Под», чем полностью исказил (а по не лишённому оснований мнению некоторых лиц, *испоганил*) смысл песни. Именно в этом искажённом виде песня и получила распространение. А ведь в подлинном тексте золотой город размещался за той границей, которая была чётко указана Андреем Белым в его знаменитой статье «Символизм» 1908 года:

> ...Небесный купол — граница моего представления, за этой границей, в бездне надзвёздной, «я» подлинное; за границей неба — музыка моей души, поющие во мне переживания <...>.

В случае искажённого авторского текста песни, как правило, оказывается возможным реконструировать истину. В случае фольклорного текста вопрос об истине не встаёт, но можно пытаться прослеживать, как развивались изменения во времени или какие варианты текста наблюдались в разных точках пространства или в разных общественных слоях. 26

Ещё более любопытны искажения при цитировании Пушкина. Наука иногда берётся разъяснять нам, почему Пушкин написал именно так, а не иначе, но никогда не пытается объяснять, почему некоторые строки Пушкина имеют тенденцию запоминаться с искажениями. Вот два примера.

Четвёртая глава «Евгения Онегина» открывается афоризмом «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей», каковой афоризм обычно воспроизводится с заменой слова *легче* на слово *больше*. Ну, здесь всё понятно: естественное противопоставление слов *меньше* и *больше*.

Второй пример требует более углублённого анализа. Как известно, Пушкин жаловался на то, что его угораздило родиться в России с ... и талантом. Теперь спросим самих себя, что должно стоять вместо многоточия в этой жалобе Пушкина. Почти наверное ответ будет — «умом». Во всяком случае, решительно все, кого я ни спрашивал, отвечали именно так.

---

[21] ●➤ Так исполнялось, например, 9 марта 2001 года в 11 ч. 45 м. на канале RenTV (REN-TV). ◄●

●●➤ В понедельник 21 ноября 2005 года с 19 ч. до 19 ч. 50 м. на телеканале «Культура» шла, как обычно по понедельникам в это время, авторская программа Анатолия Смелянского «Предлагаемые обстоятельства». Данный выпуск программы назывался «Государственный режиссёр» и был посвящён главному режиссёру ленинградского Большого драматического театра Георгию Товстоногову. Без малейшего хотя бы намёка на искажение цитаты было сообщено, что в товстоноговской постановке «Горя от ума» на сцене висел плакат со следующей «цитатой» из Пушкина: *Чёрт догадал меня родиться в России с умом и талантом*. Плакат потом велели снять — не заменить одно слово другим, а снять; ясно, что с патриотической точки зрения текст был весьма сомнителен. ◄●●

«С умом и талантом» — так помнят цитату даже филологи очень известные. На самом же деле 18 мая 1836 года в письме своей жене из Москвы в Петербург Пушкин писал: «чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом». В чём причина подмены — в общественном сознании — души умом? Не претендуя на окончательное решение столь тонкого вопроса, решусь высказать некоторые соображения. В высказывании Пушкина речь идёт о как бы неуместности в России некоторых качеств. Российский менталитет готов согласиться, что уму, возможно, действительно естественнее пребывать в Германии [27], а таланту — в Италии, но не может поверить, что Пушкин намекал на неприкаянность в России души. Пушкин, как известно, *наше всё*. Но даже за *нашим всем* невозможно признать право утверждать, что душа неуютно чувствует себя в России — это в России-то, народ которой, как всем известно, славится прежде всего именно своей душевностью. Уж чего-чего, а души, душевности и духовности у нас хоть жопой ешь.

Главный вывод из сказанного состоит вовсе не в предложенных нами версиях причин искажений популярных цитат. Главный вывод, на наш взгляд, состоит в том, что поиск этих причин имеет научный интерес, поскольку позволяет лучше разобраться в устройстве общественного сознания.

Впрочем, наука состоит отнюдь не только в установлении причин и объяснении явлений с помощью этих причин. («Но объяснят ли объясненья?» — справедливо сомневается поэт.) Наука занимается ещё и тем, что выделяет явления, достойные регистрации, и затем находит для регистрируемых явлений надлежащие понятийные ниши — или, что то же самое, навешивает на эти явления те или иные ярлыки. Одно из явлений, достойных регистрации (независимо от его причин!), — только что описанное всеобщее искажение цитаты

из Пушкина. Оно показывает, что существуют как бы два Пушкина: один пребывает в своих текстах, другой — в отражении этих текстов в нашем коллективном сознании. И эти два Пушкина не совпадают друг с другом.

Аналогичным образом не совпадают друг с другом два Лобачевских — истинный и отражённый в бытовом сознании. Имя Лобачевского и термин «геометрия Лобачевского» знают практически все. Но если спросить, в чём вклад Лобачевского в науку, в подавляющем большинстве случаев ответ будет таким: «Лобачевский доказал, что параллельные прямые пересекаются» (в более редком и изысканном варианте: «Лобачевский открыл, что параллельные прямые могут и пересечься»). Тогда надо немедленно задать второй вопрос: «А что такое параллельные прямые?» — и получить ответ «Параллельные — это такие прямые, которые лежат в одной плоскости и не пересекаются». После чего можно пытаться (с успехом или без) убедить своего собеседника в несовместимости между собой двух его ответов.

В качестве вступления в дискуссию о Лобачевском можно также спросить, в чём состоит аксиома о параллельных. Большинство (хотя и не столь подавляющее, как в истории с Пушкиным) сформулирует эту аксиому так: «через точку, не лежащую на прямой, можно провести прямую, параллельную этой прямой». На самом деле сформулированное утверждение является не аксиомой, а несложно доказываемой теоремой. Аксиома же о параллельных состоит в том, что через точку, не лежащую на прямой, можно провести *не более одной* прямой, параллельной исходной прямой. Причину такого искажения объясняет элементарный филологический анализ. Дело в том, что в средней школе, для простоты, обычно внушают такую формулировку: *...можно провести одну и только одну прямую...*, не заостряя внимания на том, что оборот *можно провести одну* выражает здесь теорему, а *можно провести только одну* — аксиому, в формулировке которой для ясности вместо двусмысленного оборота *можно только одну* лучше бы использовать оборот *нельзя двух различных*. В результате в сознании остаётся более простая идея о возможности, а более сложная идея о единственности теряется. Но сказанное никак не объясняет всеобщего заблуждения о сущности сделанного Лобачевским открытия; причины этого заблуждения так и остаются загадкой.

Не знаю, как теперь, но весной 1981 года в Музее Казанского университета можно было видеть документ, адресованный Лобачевскому и написанный и подписанный рукою Льва Толстого. Моя

память до сих пор удерживает волнение, охватившее меня при созерцании неожиданного сочетания этих двух имён на одном и том же листе бумаги. Это было прошение на имя ректора университета от лица, желающего быть зачисленным в число студентов.

Сказанное делает более гладким переход от заблуждения, связанного с Лобачевским к заблуждению, связанному с Толстым. Это последнее состоит в искажённом восприятии названия одного из самых знаменитых русских романов — романа «Война и мир». Слово *мир* имеет несколько значений, из коих мы выделим два главных. В первом значении это слово означает всю Вселенную (*мир Божий*) или выделенную по какому-либо признаку её часть (*всему миру известно*; *мир музыки*; и т. п.); это значение в дореформенной орфографии выражалось словом «міръ». Во втором значении — это спокойствие, согласие, мирное состояние; это второе значение в дореформенной орфографии выражалось словом «миръ». Какое из этих значений использовал в названии своего романа Толстой? Большинство, кажется, считает, что первое. ●●➤ Вот характерный пример. Звонок слушателя в радиостудию, на радиопередачу «Заговоры и конспирация», шедшей по радио «Свобода» 1 марта 2008 года в рамках постоянной рубрики «Энциклопедия русской души»: «...Вопрос насчёт „Войны и мира“. Каждый школьник 30-х годов знал, что под миром подразумевалось общество, а не мир. Так что это уже доказано всеми учёными. Не нужно искажать». (Замечу в скобках, что когда я читаю или слышу, что нечто «доказано учёными» или что «наука доказала, что», я прихожу в раздражение. Хотел бы сказать «хватаюсь за пистолет», но, во-первых, у меня не было, нет и не будет пистолета, а во-вторых — и это главное — сама эта фраза приписывается, пусть ошибочно, одному из ближайших сподвижников Гитлера[22]). ◄●● В действительности же Толстой использовал второе значение, то есть попросту отсутствие войны. При жизни Толстого название романа писалось так: «Война и миръ» — а не «Война и міръ», как было бы в первом случае. Для слова «міръ» Даль указывает такие значения: ‘вселенная’, ‘одна из земель вселенной’, ‘земной шар’, ‘все люди’, ‘община, общество крестьян’, ‘сходка’. ●●➤ Даже чрезвычайно мною уважаемая Наталья Ивановна Басовская, один из лучших наших историков, допускает здесь неточность, что́ видно из выражения «божий мир»,

[22] На самом деле это есть искажённая цитата из некой пьесы Ганса Йоста, созданной в 1933 году и посвящённой Гитлеру «с трепетным благоговением и неизменной преданностью». Подлинная цитата такова: «Когда я слышу слово „культура“, я снимаю с предохранителя свой револьвер».

употреблённого ею в той же радиопередаче в нижеследующем контексте:

> ...Самая прекрасная вещь — это миф в сознании у всех людей во все эпохи. И в него верят гораздо больше, чем в реальность. Например, миф о мире, которого никогда на земле пока не было вообще. Вот не случилось. Человек сотворил такую мечту. А вся реальность человеческой истории — война. Но веруют в этот мир, находят ему эпитеты, божий мир, ещё какой-то, мирные договоры, переговоры. ◀●●

Можно задуматься, каковы те подсознательные мотивы, которые приводят к искажению смысла толстовского заглавия. Здесь они менее загадочны, чем в случае с Лобачевским. Простое противопоставление военного времени мирному кажется слишком плоским и примитивным, как бы недостойным великого мыслителя. Гораздо более многозначительным, а потому и привлекательным, представляется соединение в одном словосочетании понятия войны и понятия мироустройства.

●➤ В свете сказанного поучительно взглянуть на номер 52 (2606) «Независимой газеты» от 19 марта 2002 года. На её 1-й полосе начинается, а 11-ю полосу занимает целиком статья «Россия — римская провинция?» с подзаголовком «Нельзя допустить, чтобы мы утратили свои духовные основы и свою историческую память». Автор статьи — Валерий Горегляд, первый заместитель третьего лица в нашем государстве (то есть Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ). Статья, выражающая обеспокоенность в связи с проникновением в Россию католицизма и, в частности, с возможным визитом папы, содержит, в числе других, такие суждения:

> Но разве язык не определяется религией? Ведь русский язык фактически вырос из христианской литературы <...>;
>
> ...Всё это вылилось в реформу правописания при большевиках и дальнейшие реформы, вплоть до современных попыток исказить язык до неузнаваемости. А в итоге мы в массе своей даже не знаем, о чём написан роман-эпопея Толстого, а ведь он — о войне и міре, а «мір» — это не «мир», это социум, society, а не состояние без войны;
>
> Чистая правда, в которой есть хотя бы один процент неправды, — уже ложь. ◀●

Искажения цитат могут иметь серёзные последствия, влияющие на жизнь и умонастроения общества. Отчасти таким был и есть случай с обсуждавшейся выше знаменитой цитатой из письма Пушкина

к жене. В СССР самым большим воздействием обладали цитаты из коммунистических «отцов церкви» — так называемых классиков марксизма-ленинизма, к каковым относились Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин (последний, впрочем, после своего разоблачения из этого списка исчез, хотя и не сразу). В советское время в библиографию к монографиям и диссертациям на гуманитарные темы рекомендовалось, а подчас и требовалось, включать сочинения указанных классиков. Эти сочинения помещались в списке литературы не в общем алфавитном порядке, а впереди всех других. Цитаты же из классиков не обсуждались, а использовались для подкрепления той или иной идеологической догмы. В ответ на вопрос «Почему?», заданный по какому-либо поводу, достаточно было объявить, что это потому, что так сказали Маркс или Ленин — и привести соответствующую цитату.

Тем замечательнее, что некоторые цитаты из классиков марксизма-ленинизма, оказавшие влияние на общественную жизнь, оказались, по-видимому, искажёнными. Известны по меньшей мере две такие цитаты — из Ленина и из Маркса. Слово «по-видимому» означает, что мне не удалось добраться до подлинных текстов, каковые в обоих случаях были на немецком языке, а в ситуации с Марксом надлежало к тому же увидеть его рукопись.

Сперва о квазиленинской цитате. Приходилось неоднократно читать и слышать тезис о том, что искусство должно быть понятно народу. Этот тезис приписывался Ленину и использовался в качестве мощнейшего идеологического жупела в борьбе с теми течениями, которые не были угодны советской власти и которым приклеивались ярлыки «формализм», «искусство для искусства», «сумбур вместо музыки» (так Сталин отозвался о музыке Шостаковича) и т. п. Никто как-то не задумывался над тем, что в письменных ленинских текстах такой формулировки нет, а есть она лишь в свидетельстве его собеседницы Клары Цеткин. Оказалось, что если Ленин и говорил что-то на эту тему, то говорил не о понятности, а о понимании искусства, а именно, что *оно должно быть понято массами*. Таким образом, великий вождь и учитель этим своим высказыванием предъявлял требования не столько к создателям произведений искусства, сколько к народу. 28

Теперь о Марксе. Ставшее устойчивым термином презрительное выражение «псы-рыцари» для обозначения немецких крестоносцев XIII века широко использовалось, со ссылкой на авторство Маркса, для возбуждения чувств русского патриотизма и ненависти к врагу. Утверждают, однако, что вместо выражения «псы-рыцари» следует

употреблять совершенно другое выражение, а именно «рыцарский союз». Потому что, по мнению лиц весьма авторитетных, при чтении Марксовой рукописи вторая часть *bund* немецкого сложного слова *Ritterbund*, имеющего значение 'рыцарский союз', была неправильно прочтена как *hund* со значением 'собака'. 29

7.5. Все ли и всё ли врут календари. В предыдущем подпараграфе суждения о распространённости тех или иных заблуждений опирались лишь на опросы, проведённые автором этих строк. Впрочем, недоверчивый читатель легко может поверить эти суждения алгеброй собственных опросов. В настоящем подпараграфе для некоего заблуждения, относящегося к разряду словесных квипрокво, будет приведено документальное подтверждение его распространённости. Правда, речь пойдёт о заблуждении, имевшем место лишь в прошлом, а ныне, как утверждает текстологическая наука, успешно преодолённом. Не исключено, впрочем, что найдутся и те, кто скажет, что раньше как раз всё было правильно, а подлинным заблуждением является именно ложная коррекция, осуществлённая текстологической наукой.

Как известно, великая наука текстология в своём практическом использовании стремится установить авторскую волю при воспроизведении того или иного текста — установить в условиях, когда задать автору вопрос уже невозможно. Основные свидетельства авторской воли очевидны: 1) автограф, то есть рукопись, собственноручно написанная автором литературного произведения; 2) цитаты из изучаемого произведения в других написанных рукою автора текстах (письмах, дневниках и т. п.); 3) мнения современников; 4) прижизненные издания; 5) прочее. Но надо иметь в виду, что каждое из этих свидетельств может быть оспорено. Казалось бы, уж автограф-то должен считаться аутентичным в абсолютном смысле — ан нет, и тут есть, что́ возразить: а ну как автор описáлся, а ну как существует более поздний автограф и т. д. И, главное, перечисленные свидетельства нередко противоречат друг другу. Как будет видно, в рассматриваемом нами случае как раз и имеет место такое противоречие.

Словесное квипрокво, которое мы собираемся обсудить, относится к одной известной цитате из «Горя от ума».

Выражение «... врут календари» принадлежит той половине текста грибоедовской комедии, о которой Пушкин в конце января 1825 года писал А. А. Бестужеву (Марлинскому): «О стихах я не говорю: половина — должны войти в пословицу». Первое слово грибоедовской пословицы, каковой сделалась реплика Хлёстовой, умышленно

заменено выше многоточием. Потому что наша цель — выяснить, что́ именно, *все* или *всё*, должно стоять вместо этого многоточия. Можно предположить, что источником исследуемой русской поговорки послужила поговорка немецкая: *Er lügt wie ein Kalender*. Однако обращение к этому немецкому эталону не позволяет однозначно ответить на поставленный вопрос. А ведь для пушкиноведения, которое имеет справедливое желание выбить в бронзе каждую строчку, не только написанную, но и прочитанную своим Предметом, небезынтересно было бы установить, какое слово на месте многоточия видел Пушкин в той рукописи, которую 11 (по старому стилю) января 1825 года привёз ему в Михайловское Пущин. 30

Для начала обратимся к справочным изданиям — к собраниям цитат и крылатых слов. Первым нам попадается под руку изданный в 1930 году справочник С. Г. Займовского [Займ]. На с. 84 читаем (со ссылкой на «Горе от ума»): «Все врут календари». Казалось бы, всё ясно: *все*, а не *всё*. Однако (как в том анекдоте про «один кофе и один булочка») на той же странице мы обнаруживаем цитату из «Леса» А. Н. Островского в следующей орфографической форме: «Все высокое и все прекрасное»; и тогда понимаем, что в издании, которое мы держим в руках, не различаются (как это, увы, слишком часто бывает) буквы *е* и *ё*.

Чтобы поделиться с читателем результатами наших дальнейших наблюдений, мы должны осуществлять цитирование с буквальной (то есть побуквенной) точностью, полностью сохраняя орфографическую форму источника. Обычных кавычек для этого недостаточно: ведь при закавычивании цитат считается допустимым осовременивать орфографию (а при цитировании иноязычных текстов даже и заменять оригинальный текст переводом). Поэтому, ежели мы желаем указать, что при цитировании полностью сохранено исходное написание, то подобные цитаты будем обрамлять не кавычками, а зачернёнными кружками, то есть знаками •. В частности, если мы пишем •Все•, •Всё• и •Всѣ•, то это значит, что мы имеем виду именно такие цепочки из трёх букв. Итак, у Займовского было написано •Все•, но вот что́ означало это написание, ‘все’ или ‘всё’, оставалось неясным.

Потерпев первую неудачу, мы с надеждой обращаемся к справочникам дореволюционным. Не то, чтобы при царизме буквы *е* и *ё* различались чаще, чем в советское время; наша надежда основана на другом: в дореформенной орфографии множественное число местоимения «весь» писалось через ять. И наша надежда полностью оправдывается! В известных справочниках Михельсона [Мих 94] (на с. 64 под номером 126) и [Мих 96] (на с. 48 под номером 165)

находим: •Всѣ врутъ календари•. Написание через ять однозначно указывает на множественное число, каковое в этом категорическом заявлении Хлёстовой воспринимается совершенно естественно. Действительно, если принять во внимание приводимую, для пояснения, на той же странице справочника предшествующую реплику Фамусова •Въ моемъ календарѣ...• и сделать в этой реплике ударение на слове «моём», то ответ Хлёстовой приобретает такой смысл: 'Все календари врут, и твой не является исключением'. Такое толкование тем более убедительно, что в [Мих 96] фраза Грибоедова сопровождена немецкой пословицей «Er lügt wie ein Kalender» («Врёт, как календарь»).

Испытывая законное удовлетворение от решения трудной проблемы, мы лениво перелистываем книгу Ашукиных [Ашу], вышедшую в свет в 1966 году. И с ужасом обнаруживаем следующий текст на с. 125:

101. Всё врут календари
Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1924 ⟨sic!⟩), д. 3, явл. 21, слова Хлестовой. Во многих изданиях комедии ошибочно напечатано не «всё», а «все»; часто так же произносят и на сцене.

Далее, как это принято в данном справочнике, приводятся поясняющие цитаты — в данном случае две: одна из Чехова, другая из Константина Симонова. В обеих цитатах используется форма •все•; при этом видно, что при цитировании (как и при написании фамилии Хлёстовой) принята та форма русской графики, при которой буквы *е*, *ё* и *ять* не различаются и все записываются в виде •е• (так что для слова «Хлёстовой» принято написание •Хлестовой•). Таким образом, приводимые цитаты не столько поясняют, сколько запутывают. Наше раздражённое замечание, как и отмеченная ошибка в сто лет при датировке комедии, не отменяет, однако, главного: недвусмысленно объявлено, что правильным является написание •всё• (с вытекающими отсюда произнесением и пониманием), а написание •все• является ошибочным.

Но неужели же всегда такой аккуратный Мориц Ильич Михельсон так грубо ошибся? Не пора ли обратиться непосредственно к тексту великой комедии?

В сложившейся острой ситуации требует уточнения сама поставленная задача: обратиться к тексту. Самым правильным было бы увидеть — в подлиннике или в факсимильном воспроизведении — автограф Грибоедова, но это мне не удалось. Зато мне удалось подержать в руках единственное прижизненное издание — то есть объект, традиционно признаваемый одним из выразителей авторской воли.

Как известно, при жизни Грибоедова, «Горе от ума» ни разу не издавалось целиком, хотя бы и с цензурными купюрами. Лишь один раз, в 1825 году, в печати появились отдельные сцены комедии. Под названием «Изъ Комедіи: Горе отъ ума» эти сцены напечатал Булгарин в своём альманахе «Русская Талия» 31. Именно, на с. 257—316 названного альманаха находим последние четыре явления первого действия и всё действие третье. А на с. 313 обнаруживаем написание: •Всѣ врутъ календари•.

Такое же, через ять, написание, встречаем и на с. 127 первого, московского, издания комедии 1833 года (Москва, в типографии Августа Семена при Императорской Медико-Хирургич. Академии).

Такое же, через ять, написание, демонстрируют читателю и последующие издания:

второе, петербургское, издание 1839 года (СПб., в военной типографии) — на с. 150;

булгаринское издание 1854 года («с портретом и факсимиле автора и биографией его, написанной Ѳ. Булгариным» 32, СПб., в типографии Императорской Академии Наук) — на с. 114;

смирди́нское издание 1854 года (на с. 1—140 изданного в Петербурге тома: Сочинения Грибоедова. Издание Александра Смирдина) — на с. 104;

лейпцигское издание 1858 года — «полное издание Юрия Приваловского, Лейпциг, у Густава Бера (Leipzig, Gustav Bär)» — на с. 92;

берлинское издание 1858 года — «полнейшее издание», Берлин, Фердинанд Шнейдер — на с. 153 33;

петербургское издание 1862 года — «Первое полное ⟨первое полное в России — *В. У.*⟩ издание Николая Тиблена» — на с. 83.

Наконец, в 1875 года вышло первое комментированное издание. На титульном листе этого 552-страничного тома было написано: «По счёту сороковое, по содержанию первое полное издание, содержащее, при новой редакции текста, 129 нигде до сих пор не напечатанных стихов, все доселе известные варианты комедии, оценку всех изданий и рукописей „Горя от ума“ и буквально-точный текст рукописи, подаренной Грибоедовым Булгарину. Редакция полного текста ⟨в оригинале на титуле: •тектса• — *В. У.*⟩, примечания и объяснения составлены И. Д. Гарусовым. Издание „Русской книжной торговли“, СПБ, 1875 г.». Интересующая нас реплика Хлёстовой из 21-го явления 3-го действия приводится в этом издании дважды: на с. 402 в основном тексте 3-го действия, публикуемого в редакции Гарусова, и на с. 470, в тексте 3-го действия по рукописи Булгарина. Оба раза имеет место написание через ять: •Всѣ•.

Написание через ять мы находим и в вышедших в Петербурге двух первых Полных собраниях сочинений Грибоедова:

в ПСС 1889 года под редакцией приват-доцента И. А. Шляпкина — во 2-м томе на с. 308 и в составе публикуемого «первоначального текста» на с. 489;

в ПСС 1892 года под редакцией Арс. И. Введенского — на с. 79.

Я совершенно уверен, что написание •Всѣ врутъ• имело место во всех без исключения изданиях XIX века. А вот Пушкин, возможно, в привезённой ему Пущиным рукописи увидел как раз •Все врутъ•.

Представим себе человека, внезапно перенёсшегося из XIX века в советское время. Сперва он попадает в двадцатые и тридцатые годы. Будучи не чуждым просвещения, он с интересом и даже с сочувствием воспринимает орфографическую реформу (хотя и не вполне понимает, чем, скажем, написание *беспамятный* лучше прежнего написания *безпамятный*). Однако написание *об'ем* вызывает у него острое недоумение. Ему рассказывают, что после революции новые якобинцы в кожанках врывались в типографии и проверяли наборные кассы. Наличие там отменённых букв рассматривалось как контрреволюция с вытекающими последствиями. К отменённым же буквам неоякобинцы относили не только и с точкой, ять и фиту, но и твёрдый знак. Наш путешественник снова садится в свою машину времени и оказывается во второй половине XX века, отмеченной выходом в свет свода правил русской орфографии и пунктуации [Прав]. 10-й параграф этого свода прямо предписывает писать «*всё* в отличие от *все*». Не без труда путешественник по времени привыкает к новой системе орфографических противопоставлений: до реформы противопоставлялись написание •все• с чтением [*фс*ᵇ*о*] и написание •всѣ• с чтением [*фс*ᵇ*э*]; реформа же привела к противопоставлению написания •всё• с чтением [*фс*ᵇ*о*] и написания •все• с чтением [*фс*ᵇ*э*]. А после того, как он с этим освоился, он с изумлением обнаруживает, что во всех изданиях второй половины XX века (в том числе, разумеется, и в «Литературных памятниках») в реплике Хлёстовой стоит не •Все•, а •Всё•.

Наш путешественник готов признать, что слово *всё* тоже может выглядеть достаточно логично в данном контексте. Это слово имеет два значения: оно может быть как наречием, так и местоимением, а именно средним родом от местоимения весь. В первом случае смысл реплики Хлёстовой таков: ‘А календари всё врут и врут — и раньше врали, и теперь врут’. Во втором случае смысл таков: ‘Всё, что сообщают календари, есть враньё, и тó, что написано в твоём календаре — тоже враньё’. Тем не менее пришелец из прошлого испытывает определённый

дискомфорт от перемены звучания пословицы, знакомой ему с детства и неоднократно повторявшейся на гимназических уроках словесности (потом ему объяснят, что это чувство дискомфорта хорошо изучено наукой и называется *культурный шок*). Он пытается понять, что́ же произошло, и вырабатывает объяснение, кажущееся ему самоочевидным.

Когда отменили ять, то было предписано вместо ятя всюду писать *е*. Поэтому там, где было •Всѣ• теперь стало •Все•. При неразличении на письме букв *е* и *ё* написание •Все• могло читаться с равным успехом и как [*фс*ᵇ*э*] и как [*фс*ᵇ*о*]. Из этих двух чтений выбрали второе как требующее меньшего синтаксического напряжения: ведь если принять первое чтение (и понимание), то оказывается, что связь между словом *календари* и подчинённым ему определительным местоимением *все* разбита словом *врут*. Однако когда путешественник по времени поделился своим объяснением с теми советскими литературоведами, с которыми он успел познакомиться (и к которым, надо сказать, относился несколько скептически), они возразили ему так, как возразил профессору Филиппу Филипповичу Преображенскому один из его прежних пациентов, толстый и рослый человек в военной форме: «Извините, профессор, вы действительно очень уж презрительно смотрите на нас». И они объяснили путешественнику, что была проведена текстологическая экспертиза и что проводил её сам Николай Кирьякович Пикса́нов.

Тут-то пришелец из прошлого и узнал, что для грибоедоведения XX век стал веком Пиксанова.

Н. К. Пикса́нов (1878—1969) — признанный авторитет в области грибоедовской текстологии. Под его редакцией и с его примечаниями в 1911—17 годах в Петербурге вышло изданное Разрядом изящной словесности Императорской Академии Наук Полное собрание сочинений Грибоедова в 3 томах (в серии «Академическая библиотека русских писателей»). Его имя стоит и на титульном листе двух изданий (1969 и 1987 годов) «Горя от ума», выпущенных московским издательством «Наука» в известной серии «Литературные памятники».

В вышедшем в 1913 году втором томе названного только что трёхтомника интересующая нас реплика Хлёстовой содержит написание •Все• (см. [Гриб 13], с. 176). В дореформенной орфографии, присущей этому то́му, слово •Все• читается как [*фс*ᵇ*о*]; в современной орфографии оно было бы написано в форме •Всё•. В комментарии к этой реплике на с. 218 Пиксанов сообщает:

> Во всѣхъ трехъ рукописяхъ так: «Вс*е* врутъ календари»; только въ первопечатномъ текстѣ: «вс*ѣ*».

Под первопечатным текстом разумеется текст в «Русской Талии» 34. Три рукописи суть три основные списка комедии, получившие в грибоедоведении стандартные имена: Музейный автограф, Жандровская рукопись, Булгаринский список. Музейный автограф есть самая ранняя из известных редакций «Горя от ума»; в 1902 году эта рукопись поступила в Московский исторический музей, чем и объясняется её название 35. Жандровская рукопись и Булгаринский список названы так по именам первоначальных обладателей этих списков, двух друзей Грибоедова: А. А. Жандра и Ф. В. Булгарина.

Как же так, спросит внимательный читатель, ведь выше было сказано, что Гарусов приводит текст 3-го действия по рукописи Булгарина и что там стоит написание через ять: •Всѣ•. На это отвечает Пиксанов на с. XIII своего Введения к осуществлённому им изданию текста Жандровской рукописи [Гриб 12]: «Следует ещё отметить, что воспроизведён он ⟨Булгаринский список — *В. У.*⟩ в печати Гарусовым вовсе не с буквальной точностью».

Как видим, здесь как раз и имеет место то неприятное противоречие между свидетельствами, о возможности которого говорилось в начале этого раздела. Мы видим также, что Пиксанов, как истинный текстолог, решительно отвергает свидетельство печатного текста, хотя бы и *перво*печатного, в пользу свидетельства, доставляемого рукописью.

Таким образом, в 1913 году городу и миру было окончательно объявлено, что истинным написанием является форма среднего рода «всё», а форма множественного числа «все» представляла собою словесное квипрокво — но такое словесное квипрокво, которое безраздельно царствовало в течение многих десятилетий. Вот с этого времени первое слово знаменитой пословицы и стало читаться как [*фсᵇо*]. 36

О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух!

§ 8. Патриарх Алекси́й Одиннадцатый

И ещё одно наблюдение на тему об именах церковных деятелей. Всякий, посетивший в Москве Красную площадь и подошедший ко входу во вновь отстроенный Казанский собор, может увидеть памятную доску, расположенную на стене собора справа от входа. Надпись на доске гласит, что собор восстановлен

с благословения Святейшего патриарха
Московского и всея Руси Алексия II-го
стараниями мэра Москвы Ю. М. Лужкова <...>

Как известно (см., например, [БылЖил], с. 186—187), так называемое наращение, то есть выраженное буквами русского алфавита падежное окончание, может ставиться при арабских цифрах, при цифрах же римских не ставится никогда: мы пишем «Елизавета II», но не «Елизавета II-я» — хотя вправе написать «Елизавета 2-я» 37. Поэтому единственный способ прочтения надписи на доске, который отвечал бы правилам русской орфографии, состоит в трактовке знака «I» как графического варианта арабской единицы «1» (тем более что архитектурный антураж к тому располагает). Тогда выходит, что благословение дал Алексий Одиннадцатый. Оставляем читателю найти причину этого словесного квипрокво.

Интересно, кстати, Вторым или Одиннадцатым окажется патриарх Алексий на аналогичной доске, которая несомненно будет установлена (или уже установлена?) в Храме Христа Спасителя.

§ 9. Река Елань, именуемая Шелонью

От антропонимики перейдём к гидронимике.

Читаем 18-ю строку стихотворения Пастернака «Как у них»:

> Поднос Шелони — чёрен и свинцов.

Комментатор автоматически откликается:

> *Шелонь* — река в Псковской области.
>
> ([Паст 65], с. 639; [Паст 89], с. 666.)

На самом деле Шелонь в значительной своей части протекает и по Новгородской области, но это, конечно, мелочь. Дело в другом. Как я попытаюсь сейчас показать, само слово «Шелонь» выполняет здесь буйвольную функцию, а слоном является река Елань.

Предлагаем такие рассуждения.

Стихотворение «Как у них» входит в раздел «Елене» книги «Сестра моя — жизнь» (*СМЖ*). Книга имеет подзаголовок «Лето 1917 года» и в значительной степени автобиографична. Читаем в комментариях к [Паст 89], на с. 651:

> В лирических стихах *СМЖ* отразилась история отношений Пастернака с Еленой Александровной Виноград, в замужестве Дородновой (1899—1987), их встречи в Москве весной 1917 года, её отъезд в начале июня, две поездки Пастернака к ней в Романовку и в Балашов в июле и в сентябре 1917 года.

Именем «Романовка» назван один из других разделов книги. Читаем в комментариях к [Паст 90], на с. 464:

> В а[втогра]фе 1919 г[ода] к названию раздела [«Романовка»] примеч. автора «Местечко в Балашовском уезде Саратовской губернии».

СМЖ можно читать как отчёт путешественника, стремящегося соблюдать географическую точность. Вот он выезжает из Москвы: «Мой поезд только тронулся, ещё вокзал, Москва <...>» (стихотворение «Образец»). Вот он едет по железнодорожной ветке, идущей из Тамбова в Камышин: «...когда поездов расписанье Камышинской веткой читаешь <...>» (стихотворение «Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе...»). Он запоминает названия станций и поселений: Ржáкса, Мучкáп, Романовка, Хопёр, Балашóв (перечисляю их в том порядке, как они идут от Тамбова); эти имена отражены в названии раздела книги («Романовка»), в её стихотворениях «Попытка душу разлучить...», «Мучкап» 38, «Мухи мучкапской чайной», «Распад», «Балашов».

И вдруг, на фоне всей этой тамбовско-саратовской топонимики возникает псковско-новгородская Шелонь. Причём возникает в контексте очень точного и очень личного пейзажного описания. Это не может не вызвать недоумения.

Ситуация проясняется, если обратить внимание, что несколько южнее Балашова протекает река Елань 39. Мне довелось побывать на её берегах, и я осмеливаюсь предположить, что именно её, а не Шелонь, имел в виду великий поэт и что, следовательно, появление слова «Шелонь» вместо слова «Елань» есть словесное квипрокво.

Признаюсь, у меня нет полной ясности, почему Пастернак написал «поднос Шелони» вместо «поднос Елани». Вот некоторые соображения на этот счёт. Возможно, он не слишком часто бывал на Елани и мог просто спутать названия. «Шелонь» выговаривается несколько легче, чем «Елань», а само имя более известно: не знаю, как в школьные годы Пастернака, но в мои школьные годы на уроках географии встречалась река Шелонь и не встречалась река Елань. Наконец, звуки [ш] и [щ] являются опорными для музыки стихотворения. Вспомним хотя бы начало:

Лицо лазури пышет над лицом
Недышащей любимицы реки.
Подымется, шелохнется ли сом —
Оглушены. Не слышат. Далеки.

§ 10. Обеспамятевший Актей

Обратимся теперь к следующей за «Сестрой» книге Пастернака. Это «Темы и вариации». В разделе «Разрыв», в стихотворении «Заплети этот ливень...» читаем:

> ...ведь в бешеной этой лапте —
> Голошенье лесов, захлебнувшихся эхом охот в Калидоне,
> Где, как лань, обеспамятев, гнал Аталанту к поляне Актей <...>.

Калидонская охота — известный эпизод древнегреческой мифологии[23]. Вот краткие справочные сведения. Калидон — древнегреческий город на юге Этолии, развалины коего сохранились и поныне. В наказание за неуважение к себе, Артемида наслала на окрестности Калидона чудовищного вепря. На вепря была организована охота, в которой приняли участие многие именитые герои Древней Греции и единственная женщина — охотница Аталанта.

Сопоставляя текст Пастернака с тем, что известно о Калидонской охоте, обнаруживаем ряд несообразностей.

Прежде всего, в каноническом списке имён участников охоты имя *Актей* не встречается. Ближайшие к нему по звучанию имена суть *Антей*, *Анкей* и *Актеон*. Антей тут совершенно не при чём — хотя нет, он единственный, на кого можно было бы заменить Актея с сохранением рифмы. Анкей действительно участвовал в Калидонской охоте, и его смертельно ранил вепрь; говорят, Анкей имел виды на Аталанту. Актеон был охотником, однако в Калидонской охоте он не участвовал, хотя и участвовал в другом месте и в другое время в некоторой погоне — но только не в роли гонителя, а в роли гонимого: он был превращён Артемидой в оленя, и его преследовали его собственные псы. Аталанта была великой охотницей (в частности, она первой ранила вепря) и многими рассматривалась как воплощение Артемиды; невозможно помыслить, чтобы её кто-то куда-то гнал; если же её отождествить с Артемидой, то в этом своём качестве как раз она косвенно гнала Актеона.

Я начал вчитываться в Пастернака в подмосковном Голицыне летом 1947 года, по окончании школы, пользуясь подаренным мне

[23] Или истории? Ведь различие между мифологией и историей довольно-таки субъективно. Вспомним, что историк Плутарх начинает свои жизнеописания с Тесея, закрепляя тем самым его принадлежность не только к мифологии, но и к истории. На стёртость границы между мифом и историей указывает М. Л. Гаспаров на первых страницах своей замечательной «Занимательной Греции».

там и тогда однотомником [Паст 35]. Потрясший меня цикл «Разрыв» довольно быстро запомнился наизусть, но я каждый раз спотыкался об Актея. Я стал приставать к своим эрудированным друзьям, чтобы они объяснили мне, кто такой Актей и при каких обстоятельствах он гнал Аталанту. Естественно, они от меня отмахивались. Так продолжалось почти двадцать лет, пока, наконец, в 1965 году Пастернак не вышел в синей серии «Библиотеки поэта». Единственными из не-Пастернаков, которые удостоились благодарности составителя (см. [Паст 65], с. 618), были мои друзья Евгений Семёнович Левитин и Михаил Константинович Поливанов. Они и подарили мне книгу со следующей издевательской надписью: «Володе Успенскому — крупнейшему знатоку Пастернака, человеку истинно способному оценить достоинства и недостатки этого издания. С любовью Е. Левитин, М. Поливанов. 27 ноября 1965 года». Я раскрыл том на комментариях к «Разрыву». И вот что я прочёл:

> Согласно античному мифу, на охоте в *Калидоне* герой *Актей* гонится за амазонкой *Атлантой*. ([Паст 65], с. 643.)

В этом комментарии ложно едва ли не каждое слово, включая слово «амазонка» и не говоря уже об «Атланте». (Кстати, эта описка поучительна, поскольку связывает Антея и Актея цепочкой звуковых и семантических ассоциаций: Антей—Атлант—Атланта—Аталанта—Актей—Антей; круг замкнулся.) Не без удовольствия я указал моим учёным друзьям на всю эту бессмыслицу; я рассматривал их как лиц, несущих передо мною ответственность за пастернаковские тексты и комментарии к ним. Не исключено, что именно моя назойливость и привела к более правдоподобному и подробному комментарию на с. 676 в [Паст 89]:

> *...гнал Аталанту к поляне Актей.* — Контаминация нескольких сюжетов греческой мифологии. Аталанта — быстроногая участница Калидонской охоты (ср.: *...эхом охот в Калидоне*), иногда рассматриваемая как ипостась богини Артемиды. Актей (Актеон) — страстный охотник, превращённый Артемидой в оленя за то, что увидел её купающейся.

Это уже лучше. Тут загвоздка только в том, что Актеон не был, да и не мог быть Актеем. Греческая основа имени «Актеон» есть, в стандартной латинской транслитерации, «Aktaiōn», и она остаётся таковой во всех формах (разве что в некоторых орфографических версиях омега

«ō» меняется на омикрон «о»)[24]. Говорить «Актей» вместо «Актеон» так же невозможно, как говорить «Маха» вместо «Махаон».

Наконец, двухтомник Пастернака вышел в зелёной серии — в третьем издании «Библиотеки поэта». Посмотрим, что же сказано там, в [Паст 90], в комментариях на с. 471:

> *Голошенье лесов, захлебнувшихся эхом охот в Калидоне* и т. д. Согласно древнегреческому мифу, в калидонской охоте на огромного вепря наряду со многими героями участвовала охотница *Аталанта*, мифологический эквивалент богини Артемиды. Известен эпизод преследования Артемиды *Актеем*.

Да не известен же эпизод преследования Артемиды Актеем! Он не известен, поскольку его не было, а было вот что: а) Актеон Артемиду не преследовал (самые дерзкие, самые злостные слухи решались приписывать Актеону разве что покушение на насилие над Артемидой, да и то я не знаю, можно ли этим слухам верить); б) напротив, в результате превращения, совершённого по воле Артемиды, преследовали Актеона; в) Актеона на Калидонской охоте не было; г) в Калидонской охоте участвовал не Актей, а Анкей.

И никто ни разу не решился сказать, что великий поэт напутал.

А не стыдно ли, и не глупо ли проявлять такое занудство? Не всё ли равно, кто Анкей, кто Актей, а кто Актеон, и кто кого преследовал? Ведь суть не в том, а в захлёбывающемся сплошном хлынувшем ливне ликующей бешеной погони, под звуки рогов и копыт с голошением куда-то мчащейся и прорывающейся сквозь чащи (но не покушающейся помешать торжествующему помешательству разрыва). Суть, конечно, в этом, но, по нашему разумению, не только в этом, а также, хотя и в меньшей степени, в употреблённых именах и в их соотнесении с так называемым «культурным фоном», то есть с литературным и мифологическим багажом. И ещё — но это уже в совсем малой степени — в грамотных комментариях.

●➤ После того, как эта моя статья была опубликована в 1997 году в «НЛО», А. К. Жолковский указал мне, что тема Калидонской охоты у Пастернака уже была исследована им в работе [Жол 94] — в главке «Комплекс Актеона/Геракла», представляющей собою отредактированную версию более ранней его статьи [Жол 91]. Указание А. К. Жолковского содержало имплицитный упрёк в незнании мною литературы вопроса, каковой упрёк я смиренно принимаю. Если бы

[24] Я благодарен Сергею Аркадьевичу Иванову за это разъяснение.

указанные публикации [Жол 91] и [Жол 94] в должное время попали в поле моего зрения, я привёл бы из них такую цитату:

> ...С античной точки зрения строка: «Где как лань, обеспамятев, гнал Аталанту к поляне Актей» — нонсенс, ибо Актей (Актеон) и Аталанта никогда не встречались друг с другом ни в Калидоне, ни вообще где бы то ни было в греческих мифах. Однако эта путаница не может объясняться случайностью или невежеством — Пастернак хорошо знал античную традицию.

Далее я сказал бы, что на мой взгляд нонсенс в цитируемой Жолковским строке Пастернака состоит не столько в сопряжении Актеона и Аталанты, сколько в отождествлении Актея с Актеоном. Как было разъяснено выше, Актеон «с античной точки зрения» не мог быть Актеем. (Актеон и Аталанта действительно никогда не встречались.) Потом я привёл бы ещё одну цитату — уже только из [Жол 94], потому что в [Жол 91] эта фраза отсутствует: «Попытаемся разобраться в направлении и возможных пружинах мифологического сдвига, произведённого Пастернаком». Направление отчасти указано самим уже упоминавшимся названием раздела работы [Жол 94]: «Комплекс Актеона/Геракла». Пружины же вскрываются самые фрейдистские, среди них — скрытая садомазохистическая составляющая поэтики Пастернака: [Жол 91], с. 88 и [Жол 94], с. 292. Наше объяснение куда более прозаично: мы предполагаем, что путаница объясняется как раз случайностью (то есть прямой ошибкой Пастернака, как бы хорошо он ни знал античную традицию). Подобно тому, как случайностью мы объясняем путаницу, о которой будет сказано в следующем, 11-м параграфе и для которой также можно найти психоаналитическое объяснение — было бы желание. ◄●

§ 11. Был ли женат Киприян Савельевич?

Нижеследующий пример из частей 1 и 2 «Доктора Живаго» служит дополнительным — помимо общего принципа *Errare humanum est* — подтверждением возможности того, что Пастернак просто-напросто ошибается (а мы предположили именно это в §§ 9 и 10). Взятый сам по себе, пример может рассматриваться как случай словесного квипрокво.

В гл. 7 части 1 находим фразу: «Это была вдова и мать двух машинистов[25], старуха Тиверзина, бесплатно следовавшая с двумя невестками в третьем классе по служебным билетам». В гл. 6 части 2 мы

[25] Боюсь, что этот оборот, окажись он во вступительном сочинении, был бы помечен экзаменаторами как стилистическая ошибка. — *В. У.*

узнаём имя вдовы (Марфа Гавриловна), имя её покойного мужа (Савелий Никитич) и подробности его смерти; там же впервые появляется и старший её сын Киприян Савельевич, называемый в повествовании просто «Тиверзин». А в следующей, 7-й главе читаем: «Дом, в котором холостой Тиверзин жил вместе с матерью и женатым младшим братом <...>». Различие в матримониальном статусе двух сыновей Марфы Гавриловны не вяжется с наличием у неё двух невесток.

Подобные оплошности, кстати, можно найти и у классиков XIX века. Так, в первой части гончаровского «Обрыва» Марфинька предстаёт «девочкой по шестому году» в главе VII и «девочкой по пятому году» в главе X.

§ 12. Пушкин в изложении Блока и понятие отрезвления

Сперва небольшой практикум компаративиста. Известно, что Павел Флоренский проводил параллель между «Бесами» Пушкина и «Двенадцатью» Блока, определяя жанр обоих сочинений как «бесовидение в метель». Приглашаем проследить эту параллель. У Блока — та же метель, то же бесовское действо (только с более тяжкими, нежели у Пушкина, последствиями). Но если про Пушкина ещё можно предполагать, что он говорит, хотя бы мысленно, «Чур меня», то Блок ставит предводителем действа не кого-нибудь, а Иисуса Христа. Теперь — основная тема параграфа.

В 24-м номере «НЛО» опубликована статья [Усп 97]. В её n° 3.3.4, на 134-й странице ⟨см. с. 80 настоящего издания — *примеч. ред.*⟩ читаем:

> ...слово «шли» в блоковской строке «Шли годы...» из n° 3.3.3 <...>

Обращаемся к n° 3.3.3 на с. 133 ⟨с. 76 настоящего издания — *примеч. ред.*⟩ и находим там строку «Шли годы. Бурь порыв мятежный», каковая строка является не блоковской, а пушкинской, да ещё и принадлежащей самому знаменитому стихотворению Пушкина, да, пожалуй, и всей русской поэзии. Если учесть, что автор статьи не проходит мимо текстологических и библиографических неточностей в других публикациях (см., к примеру, в [Усп 97] примеч. 135 на с. 208 и примеч. 62 на с. 191—192 (или примеч. 64, 140, 141 на с. 164, 193, 194 настоящего издания), то это смешение Пушкина и Блока выглядит особенно комично.

Возникает, однако, вопрос, отчего случилось это словесное квипрокво. Почему вместо слова «пушкинской» появилось слово «блоковской», а не притяжательное прилагательное от имени какого-либо иного поэта, и какое именно стихотворение Блока имелось в

виду? Ведь трудно всё же предположить, что автор статьи [Усп 97] и тем самым этого словесного квипрокво и в самом деле не знал, что стихотворение «Я помню чудное мгновенье» написал Пушкин.

Мне было легче, чем кому-нибудь другому, искать ответы, поскольку я и являюсь автором статьи [Усп 97]. Заглянув внутрь себя, я обнаружил, что когда я писал «блоковской», то имел в виду «О доблестях, о подвигах, о славе». Более того, путём опроса читателей я узнал, что большинство из них потому не обращало внимание на явный нонсенс, что при чтении с. 134 из [Усп 97], они так же, как и я, мысленно сопоставляли «Шли годы...» с названными только что стихами Блока. А те весьма немногие, кто нонсенс заметил (из таковых мне известен лишь один: Александр Ханевич Шень), те сразу поняли, — и это ещё более примечательно, — что автор не просто спутал Пушкина с Блоком, а спутал стихотворение Пушкина именно с этим, совершенно определённым стихотворением Блока.

Тогда я спросил себя, почему пушкинская строка «Шли годы...» вызывает ассоциацию с этими стихами Блока, — и неожиданно обнаружил, что пушкинское «Я помню чудное мгновенье» и блоковское «О доблестях, о подвигах, о славе» имеют между собой много параллельного, или, проще сказать, общего. И это несмотря на разницу в ритмах: четырёхстопный ямб у Пушкина и пятистопный у Блока. Прошу у читателя позволения привести здесь некоторые параллели (и приглашаю его найти ещё какие-нибудь).

Сперва отдадим дань формальной школе и приведём параллели чисто внешние. Вот они:

1. В каждом из стихотворений 24 строки, разбитые на 6 четверостиший.

2. В каждом имеется фраза, содержащая вместе и прилагательное *милый*, и прилагательное *нежный*.

3. В каждом встречаются слово *слёзы* и слово с корнем *мечт*: у Пушкина *мечты*, у Блока *мечтать*.

4. В каждом встречаются глаголы *забыть*, *помнить/вспомнить* и *сниться*.

5. В каждом — ряд повторяющихся понятий, слов, выражений. У Пушкина повторяются 1) понятие *милые*, они же *небесные*, *черты*; 2) словосочетание *голос нежный*; 3) фраза *явилась ты*, *как мимолётное виденье*, *как гений чистой красоты*; 4) пятичленная комбинация *божество—вдохновенье—слёзы—жизнь—любовь*. У Блока: 1) *лицо... в простой оправе... на столе* или *со стола*; 2) *сырая ночь*; 3) *синий плащ*; 4) *молодость*; 5) основа *нежн* — в словах *нежная*, *нежность*. Эти повторения создают ощущение цикличности.

6. Ощущение цикличности поддерживается повторением рифмующихся окончаний. У Пушкина: *...éнье* или *...éнья* — 8 раз; *...ты́* — 6 раз; *...éжный* или *...éжной* — 4 раза. У Блока: *...лá* — 6 раз; *...áве* — 4 раза. При этом иногда повторяются и целые пары рифмующихся слов. У Пушкина повторяется пара *явилась ты / чистой красоты* (в 1-й и 4-й строфах). У Блока повторяется пара *о славе / простой оправе* (в 1-й и 6-й строфах).

Переходя от формы к содержанию, обнаруживаем единый сюжет, реализующийся в обоих стихотворениях.

Сперва Поэт находится под восторженным впечатлением от прекрасного лица Её, милой и нежной. Так продолжается достаточно длительное время: в томленьях грусти, в тревогах суеты Поэт, пребывая на горестной земле, постоянно видит сияющие небесные черты — мысленно (в том числе в сновидениях) или на портрете. Затем под влиянием мятежного порыва бурь или просто оттого, что, наконец, час настал, прекрасное лицо и нежный голос забываются (а у Пушкина ещё и рассеиваются прежние мечты; у Блока это произойдёт позже). Идёт время — пролетают дни, проходят годы. Пусто протекает жизнь Поэта: его дни или тихо тянутся без божества, без вдохновенья, или летят и крутятся в терзаниях вина и страсти — но в любом варианте бессмысленно. Затем в памяти Поэта или в реальной жизни вновь возникает Она. Чувства возвращаются. Поэт в экстазе, у него слёзы.

В этом месте сюжет разветвляется. Точнее, у Пушкина сюжет здесь, на оптимистическом моменте возвращения прежних чувств, в том числе радостных слёз, заканчивается. У Блока же он получает пессимистическое или даже трагическое продолжение. Возвращение воспоминаний («и вспомнил я тебя пред аналоем») и прежних чувств («ты, милая, ты, нежная») наталкивается на отсутствие ответа с Её стороны. Несмотря на слёзы Поэта (уже не радостные пушкинские, а печальные блоковские), Она не оглядывается и не снисходит. Прежние мечты исчезают. И Поэт забывает Её — на этот раз сознательно.

Таким образом, мы приходим к следующему ответу на вопрос, почему блоковское «О доблестях, о подвигах, о славе» легко смешивается с пушкинским «Я помню чудное мгновенье»: в некотором смысле это одно и то же стихотворение. Более точно, минорное «О доблестях...» — это то, во что превратилось бы мажорное «Я помню...», будь оно написано Блоком.

Изложенную ситуацию можно трактовать как преобразование оптимистических восторженных строк Пушкина в написанные одним из последующих поэтов строки пессимистические, более адекватно

отображающие суровую реальность бытия. Условимся называть такое преобразование *отрезвлением*. Приглашаем читателя найти другие примеры «отрезвления». С ходу мы можем предложить два таких примера.

Первый пример касается строк из XLIX строфы первой главы «Евгения Онегина»:

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас,
И вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!

Прошло сто лет, и Владислав Ходасевич написал:

Брента, рыжая речонка,
Лживый образ красоты!

Второй пример относится к строкам из знаменитого стихотворения Пушкина «Пью за здравие Мери»:

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.
Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!

А вот что через сто лет написал Мандельштам:

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета.
Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли,
Всё равно.
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино!
Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Всё лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой.

§ 13. Врачу, исцелися сам

Врачу, исцелися сам.
От Луки, **4**:23.

А уж как автор упомянутой только что статьи [Усп 97] старался, чтобы с именами и датами у него было всё в порядке! (Никто не знает этого так, как я.) Но, видно, не судьба.

Например, на с. 167 в [Усп 97] сказано, что А. И. Берг был заместителем Министра обороны по май 1956 года, а в примеч. 92 на с. 199 сообщено, что отставка с должности была вызвана инфарктом, случившимся в июне 1956 года. Внимательный читатель справедливо усмотрит здесь нарушение причинно-следственной связи. На самом деле Берг покинул свою высокую должность в мае не пятьдесят шестого, а пятьдесят седьмого года[26].

Шерлок Холмс мог бы предложить доктору Ватсону найти причину этой опечатки, заключающейся в появлении шестёрки вместо семёрки. Ватсон, разумеется, затруднился бы с ответом. И тогда Холмс сказал бы:

> Нет ничего проще. Если бы Вы пользовались моим дедуктивным методом, Ватсон, Вы бы учли особенности клавиатуры старого американского компьютера, предназначенного для русского пользователя. Клавиатура может работать в двух режимах, английском и русском. Каждая клавиша имеет два значения: английское, указанное чёрным цветом, и русское, указанное красным цветом. Так вот, красная, «русская» шестёрка и чёрная, «английская» семёрка расположены на одной и той же клавише. А впрочем, всё это прекрасно изложено в моей брошюре «Влияние технических средств воспроизведения текста на ошибки, описки и опечатки». Вам бы, Ватсон, следовало с нею ознакомиться.

Хотя в брошюре Холмса ничего не говорится о кинематографе, изложенные в ней методы применимы и к этому способу фиксации смыслового содержания. Вот пример. В первой половине 1984 года московская киностудия «Центрнаучфильм» выпустила фильм «Рассказы о Колмогорове» режиссёра А. Н. Марутяна. Колмогоров много путешествовал, и в фильме приведена схема его путешествий, причём кино позволило дать её в развитии. Эта растущая на глазах у зрителя схема дана на фоне географической карты. Однако схема, показанная в фильме, является зеркальным отображением истинной схемы, а потому её наложение на карту не соответствует действительности.

[26] ●➤ В настоящем издании, на с. 126, опечатка исправлена. ◄●

Следуя Холмсу, ищем причину в технических средствах получения кинематографического изображения. И находим её. Съёмка этого эпизода велась так. Совмещались два плана — задний, представляющий собою географическую карту, и передний, представляющий собою схему путешествий, нанесённую на слайд. По правилам слайд должен был иметь обозначения лицевой и оборотной стороны; разумеется, он их не имел. Поэтому при наложении на карту слайд со схемой оказался перевёрнутым.

Но даже Холмс не смог бы объяснить, почему автор статьи [Усп 97] назвал Николаем Дмитриевичем известного математика, учителя В. В. Голубева (см. о нём выше в § 4) и Н. Н. Лузина (который был учителем Колмогорова), президента Московского математического общества (ММО) с 1922 по 1931 год, почётного академика (с 1929 года) Дмитрия Фёдоровича Егорова (1869—1931), изображённого Андреем Белым в «Первом свидании», — человека во многих отношениях замечательного и не избежавшего гонений (его президентство в ММО было прекращено его арестом в качестве члена религиозной секты имяславцев; больным он был выпущен из московской тюрьмы умирать в Казань). А ведь именно такая подмена имени совершена в [Усп 97], в примеч. 1 на с. 174[27]. По-видимому, в голове автора в тот момент смешались и Д. Ф. Егоров, и тесть Колмогорова историк Дмитрий Николаевич Егоров (см. примеч. 13 на с. 177[28] в [Усп 97]), и другой президент ММО Николай Егорович Жуковский (чьё президентство унаследовал Д. Ф. Егоров и кто служит подсказкой к «вопросу на засыпку», предложенному читателю в упомянутом примеч. 1), и Николай Дмитриевич Виноградов (из примеч. 108 на с. 203[29] в [Усп 97]).

Имеет ли в этих условиях автор моральное право упрекать комментаторов тома [Бел 66] в искажении отчества В. И. Сафонова (см. выше § 6)? Думается, что нет у него такого права.

§ 14. «Уже второй...»

Чтобы привить какой-либо термин, следует привести примеры предметов, явлений или понятий, принадлежащих объёму этого термина. Так мы и поступали до сих пор, приводя примеры словесных квипрокво. Но чтобы упрочить усвоение, полезно привести также

[27] ●➤ В настоящем издании, на с. 135, опечатка исправлена. ◄●
[28] См. с. 141 настоящего издания, примеч. 15. — *Примеч. ред.*
[29] См. с. 180 настоящего издания, примеч. 111. — *Примеч. ред.*

примеры таких предметов, явлений или понятий, которые лежат близко, но всё же вне объёма рассматриваемого термина.

Следуя этому правилу, я приведу сейчас замечательную историю, рассказанную мне Андреем Леонидовичем Зориным. В ней случается уже не словесное, а истинное квипрокво — но на словесном материале. История эта связана с одним текстом Маяковского.

Как известно, после смерти Маяковского в его записных книжках были найдены несколько стихотворных отрывков. Обычно они публикуются вместе под объединяющим их условным названием «Неоконченное».

Теперь — слово А. Л. Зорину:

> В 1995 году я преподавал русскую поэзию американским студентам, верней, студенткам — курс, который я вёл, посещали исключительно девушки. Я хотел, прежде всего, научить их понимать тексты: задавал на дом одно-два стихотворения, предварительно поясняя те слова и идиомы, которые, по моему разумению, им было бы сложно отыскать в словаре, а потом мы занимались разбором, начинавшимся с построчного чтения и перевода.
>
> Однажды я попросил их среди прочего прочитать четвёртый фрагмент из «Неоконченного» Маяковского ⟨текст даётся по одному из изданий: [Мая 58б], с. 287 или [Мая 81], с. 349 — *В. У.*⟩:
>
> Уже второй должно быть ты легла
> В ночи Млечпуть серебряной Окою
> Я не спешу и молниями телеграмм
> Мне незачем тебя будить и беспокоить
> как говорят инцидент исперчен
> любовная лодка разбилась о быт
> С тобой мы в расчёте и не к чему перечень
> взаимных болей бед и обид
> Ты посмотри какая в мире тишь
> Ночь обложила небо звёздной данью
> в такие вот часы встаёшь и говоришь
> векам истории и мирозданию
>
> Разумеется, «Млечпуть», «молнии телеграмм», равно как и «инцидент исперчен», были растолкованы заранее, и, уже имея опыт совместного чтения Пастернака и Цветаевой, никаких сложностей я не предвидел. Однако на следующем занятии при попытке начать чтение я уже на первой строчке наткнулся на тягостное молчание. Вопреки обыкновению, ни одна из присутствовавших не решалась ни предложить мне вариант перевода,

ни объяснить, в чём состоит затруднение. На мои недоумённые вопросы они только стыдливо отводили глаза.

Мне потребовалось немало времени и усилий, чтобы понять, что все мои барышни споткнулись на невиннейшем, как мне казалось, выражении «уже второй». Ни одна из них не смогла понять, что речь идёт о времени суток. В результате всё стихотворение не только становилось тёмным, но и приобретало скандально-непристойный смысл. Действительно, беспокоить молниями телеграмм возлюбленную, которая легла уже со вторым, было бы решительно незачем. К тому же было абсолютно непонятно, куда всё-таки делся первый.

— It means: «it's already after one A.M.» ⟨это значит: «уже после часа ночи»⟩, — объяснил я, наконец догадавшись. По аудитории пронёсся вздох облегчения. Все глаза сразу повернулись в мою сторону. Занятие началось.

Квипрокво (истинное, а не словесное) в этой истории заключается в том, что понятие 'второй час' было принято американскими ученицами А. Л. Зорина за понятие 'второй человек'.

●●➤ Рассказанный А. Л. Зориным эпизод — один из многочисленных примеров тех трудностей в понимании американскими студентами русских текстов, которые возникают по причине незнания российских узусов. Вот другой характерный пример, где в качестве текста выступает картинка. Моя сноха Вера Белоусова преподаёт русский язык в одном из американских университетов. В письме от 2 марта 2007 года она написала мне следующее:

На днях у меня на занятии была забавная история. Мне как-то стыдно её рассказывать, по причине её сусальности, но и удержаться трудно. На первом курсе обсуждается тема: профессия и место работы. Возможные места работы изображены в учебнике на картинках с подписями по-русски. Предполагается, что можно угадать. И студенты, надо сказать, отгадывают очень лихо — даже там, где мне кажется, что картинка не очень понятная. Доходим до картинки «поликлиника». Нарисовано, написано. Рядом со зданием изображены машинки с красными крестами, кто-то в белом халате и т. п. В общем, здесь как раз всё просто. Кроме того, из предыдущего опыта я знаю, что в самом слове «поликлиника» они обычно быстренько распознают clinic. То есть я жду быстрого ответа. Вместо этого повисает недоумённое молчание. Я не могу понять, в чём дело. А потом слышу, как одна девочка шёпотом говорит другой: «Ты представляешь, а я-то сначала подумала, что

это clinic. Слова похожи». Я кидаюсь, как коршун, и спрашиваю: «Так! в чём же дело?». Они все смотрят на меня, как на больную, и говорят вразнобой: «Это не может быть clinic — здесь же нет подъезда для инвалидных колясок!». Вот так.

В литературно обработанном виде этот эпизод помещён в главку «Культурный шок», являющуюся частью очерка В. М. Белоусовой «Lost in translation», опубликованного в № 2 журнала «Новый мир» за 2011 год, в разделе «Опыты». ◄●●

●► А 29 января 2000 года в 14 часов 05 минут все, кто слушал информационный выпуск «Эха Москвы», оказался свидетелем такого квипрокво. Женский голос сказал:

> Тревожное сообщение из Букингэмского дворца. Елизавета Вторая заболела; распространились слухи о её смерти. Представитель Букингэмского дворца должен был опровергать эти слухи, заявляя, что речь идёт об обыкновенной простуде. Конечно, заболевание осложняется возрастом — ведь королеве 99 лет ⟨Елизавета II родилась в 1926 году — *В. У.*⟩.

Вмешивается мужской голос:

> Напоминаем, что наследником престола после королевы-матери (sic!) является наследный принц Чарльз.

Просвещённый читатель поймёт, что случилось истинное квипрокво: заболевшую 99-летнюю королеву-мать Елизавету приняли за правящую английскую королеву Елизавету, приписав последней не только недуг, но и возраст первой. И это, кажется, не единственная путаница, случавшаяся в России с королевами. Ведь была ещё и третья королева Елизавета — супруга, а с 1934 года вдова, короля бельгийцев, покровительница музыкальных конкурсов и в 1950-х годах друг Советского Союза; рассказывают, что как-то послание, ей предназначенное, было отправлено из Москвы не в Брюссель, а в Лондон — в Букингэмский дворец. Понятно, что роли вдовствующей бельгийской Елизаветы и правящей британской совершенно различны. Не менее различны роли Государственного секретаря Соединённых Штатов и государственного секретаря Министерства культуры Австрии. Последний приехал в Москву для участия в международной конференции «Витгенштейн в контексте культуры XX века». Конференция проходила в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) с 29 по 31 октября 1997 года. Автор этих строк был свидетелем того, как руководство РГГУ приняло названного чиновника Министерства культуры за Государственного секретаря Австрии

(должность высокая, но несуществующая) и обращались с ним соответствующим образом; в частности, с указанным высоким титулом было объявлено о его выступлении. ◄●

§ 15. «Инцидент» или «инциндент»?

В приведённом только что отрывке из Маяковского встречается выражение «инцидент исперчен». Я опросил нескольких человек, знают ли они это выражение. Все, как один, ответили, что знают, — и именно потому, что встречали его у Маяковского. Мне известны три появления этого выражения в его текстах, причём все эти тексты опубликованы лишь посмертно.

Во-первых и во-вторых — в двух отрывках, входящих в состав так называемого «Неоконченного» (что скрывается за этим названием, сообщено в § 14). Тому из этих отрывков, который приведён выше в § 14, мы дадим условное название «Млечпуть». Другой отрывок начинается словами «море уходит вспять»; мы договоримся называть его «Море». Третий раз «инцидент исперчен» встречается в предсмертном (от 12.04.1930) письме Маяковского, адресованном «Всем». Это письмо опубликовано — по-видимому, впервые — в [НОМ], с. 199, а далее в [Мая 61], с. 138 и в [Брик], с. 173—174[30].

Перечисленные три текста воспроизведены и факсимильно: отрывок «Море» в [Мая 41], на вклейке между с. 420 и 421; отрывок «Млечпуть» в [Мая 41], на вклейке между с. 188 и 189, в [Мая 58б], на вклейке между с. 280 и 281, и в [НОМ], на с. 375; письмо «Всем» в [НОМ], на с. 200—202. Не составляет труда увидеть, что слово «инцидент» написано рукою Маяковского в этих трёх текстах по-разному: в отрывке «Млечпуть» и в письме «Всем» орфографически правильно, а в отрывке «Море» — с орфографической ошибкой, а именно, с дополнительным эн: «инци*н*дент». Естественно, эта ошибка была устранена при нефаксимильной публикации. Казалось бы, публикатор имел на это полное право, потому как Маяковский вообще не слишком жаловал орфографию (а пунктуацию вообще игнорировал).

Однако всё не так просто. Ведь Маяковский не приписывает себе авторства выражения «инцидент исперчен», а ссылается — посредством слов «как говорят» — на готовую поговорку. А поговорка эта звучит не как «инцидент исперчен», а именно как «инци*н*дент исперчен», с дополнительным эн 40. Если инцидент, то исчерпан, а если уж исперчен, то инциндент. Как писал в одном из своих

[30] С разночтением: «Вапповцы» в [НОМ] и в [Мая 61], «Рапповцы» в [Брик].

стихотворений Николай Глазков, если уж Ба́йрон, то Ба́льзак, а если Бальза́к, тогда Байро́н.

Маяковский, без сомнения, слышал именно выражение «инциндент исперчен». Его и записал. Затем ему кто-то объяснил, что «инциндент» — это неграмотно, и он стал писать «инцидент». Ведь именно эта форма присутствует в заведомо самом позднем тексте — письме «Всем».

Здесь мы наблюдаем редкий случай двойного словесного квипрокво: сперва народное языкотворчество подменило слово «инцидент» словом «инциндент», что и было фиксировано Маяковским в отрывке «Море», а затем публикаторы этого отрывка подменили слово «инциндент» словом «инцидент».

Из сказанного два вывода.

Вывод первый. Хотя комментатор тома [Мая 41], Василий Абгарович Катанян, указывает на невозможность датировки и хронологического расположения отрывков из «Неоконченного»[31], это верно лишь отчасти. Если считать, что движение идёт от «инциндент» к «инцидент», то отрывок «Млечпуть» следует помещать не до, а после отрывка «Море», как это и сделано в современных публикациях, например, на с. 286—287 в [Мая 58б] и на с. 348—350 в [Мая 81] (а в [Мая 41] на с. 183—190 — как раз наоборот).

Вывод второй. При публикации отрывка «Море» следовало бы восстановить авторскую орфографию и писать «инциндент» с дополнительным эн.

§ 16. Кто входил в число наследников Маяковского?

Продолжаем маяковскую тематику. Ещё раз напомним, что словесное квипрокво состоит в подмене правильного текста неправильным. Однако представление о правильности/неправильности может быть субъективным. Поэтому сама квалификация ситуации как словесного квипрокво зависит, вообще говоря, от точки зрения 41.

Так, Л. Ю. Брик усматривала неправильность в следующем куске предсмертного (от 12.04.1930) письма Маяковского «Всем», о котором мы говорили в § 15:

> Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сёстры и Вероника Витольдовна Полонская.
>
> Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.

[31] «Установить последовательность работы над этими отрывками невозможно» ([Мая 41], с. 419).

Судя по ряду свидетельств, Лиля Юрьевна считала, что слова «и Вероника Витольдовна Полонская» не должны были бы присутствовать в тексте, так что правильным был бы текст без этих слов.

Свидетельствует Василий Васильевич Катанян:

> «Я всегда очень любила Лилечку и глубоко её уважала», — написала Полонская, узнав о её смерти [в 1978 году].
>
> Я тоже всегда слышал от ЛЮ только хорошее о Веронике Витольдовне. Однажды она сказала: «Как ужасно поступил Володя по отношению к Норе! Он искалечил ей жизнь, упомянув о ней в предсмертной записке. Её на следующий день напечатали в газете, все узнали об их романе, и Яншин бросил её. Уверена, что Володя сделал это не со зла, он хотел обеспечить её, но объективно — Нора же осталась одна!». ([Кат 97], с. 82.)

Свидетельствует Вероника Витольдовна Полонская:

> В середине июня 30-го года мне позвонили из Кремля по телефону и просили явиться в Кремль для переговоров.
>
> Я поняла, что со мной будут говорить о посмертном ⟨так в источнике — *В. У.*⟩ письме Маяковского.
>
> <...>
>
> Лиля Юрьевна сказала, что советует мне отказаться от своих прав.
>
> <...>
>
> Потом она сказала мне, что знает мнение, которое существует в правительстве. Это мнение, по её словам, таково: конечно, правительство, уважая волю покойного, не стало бы протестовать против желания Маяковского включить меня в число его наследников, но неофициально её, Лилю Юрьевну, просили посоветовать мне отказаться от своих прав.
>
> <...>
>
> Не решив ничего, я отправилась в Кремль.
>
> Вызвал меня работник ВЦИК тов. Шибайло. Он сказал:
>
> — Вот, Владимир Владимирович сделал вас своей наследницей, как вы на это смотрите?
>
> Я сказала, что это трудный вопрос, может быть, он поможет мне разобраться.
>
> — А может быть, лучше хотите путёвку куда-нибудь? — неожиданно спросил Шибайло.
>
> Я была совершенно уничтожена таким неожиданным заявлением, которое подтвердило мне слова Лили Юрьевны.

— А, впрочем, думайте, это вопрос серьёзный.

Так мы расстались.

После этого я была ещё раз у тов. Шибайло, и тоже мы окончательно ни до чего не договорились.

После этого никто и никогда со мной не говорил об исполнении воли покойного Владимира Владимировича. Воля его в отношении меня так и не была исполнена. ([Полон], с. 320—321.)

Я потому привожу столь обширные цитаты, что нахожу ситуацию обделённой тем вниманием, которого она заслуживает. Приглашаю читателя вдуматься. Лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи (так его назвал Сталин), революцией мобилизованный и призванный (так он охарактеризовал себя в поэме «Во весь голос»), всю свою звонкую силу отдавший атакующему классу (так он сказал о себе в поэме «Владимир Ильич Ленин»), призывавший (в «Стихах о советском паспорте») завидовать тому, что он — гражданин Советского Союза, обращается к своему родному советскому правительству со словами «Товарищ правительство» и просит создать сносную жизнь точно указанным пяти лицам, которых он объявляет членами своей семьи (читай — наследниками). Как же в ответ поступает это правительство? Оно произвольно вычёркивает одно из названных Маяковским пяти лиц — да ещё и поручает другому наследнику, заинтересованному в этом вычёркивании и морально, и материально, уговорить наследника вычеркнутого отказаться от своих прав. 42

В. В. Полонская скончалась в 14 сентября 1994 года[32]. В 1987 году, встретив её в доме М. В. и Л. В. Ардовых, я спросил её, отказывалась ли она когда-нибудь от наследства Маяковского. Её ответ был: «Нет, не отказывалась».

Не знаю, велико ли было наследство Маяковского на момент его смерти. Но после того как в конце 1935 года Сталин провозгласил Маяковского лучшим и талантливейшим (в своей знаменитой резолюции, начертанной на письме к нему Л. Ю. Брик 43), наследство, в виде гонораров за издания, сделалось довольно значительным. Однако я не хотел бы обсуждать здесь материальную сторону вопроса[33] — оставляю эту тему историкам материальной культуры. Предпочитаю ограничиться стандартными рамками социальной темы «Поэт и Власть», а в рамках этой темы — примером того, как Власть

[32] Дату смерти В. В. Полонской, равно как и даты смерти О. В., А. А. и Л. В. Маяковских (см. ниже) мне любезно сообщили в московском Музее Маяковского.

[33] В частности, тó, сколь долго и как именно гонорары Маяковского делились между его наследниками.

реагирует на предсмертную просьбу Поэта, целиком поставившего себя на службу этой Власти.

Из признанных Властью четырёх наследников Маяковского первой скончалась его сестра Ольга Владимировна (30 мая 1949 года), затем мать Александра Алексеевна (30 марта 1954 года), затем сестра Людмила Владимировна (12 сентября 1972 года). Последней, 4 августа 1978 года, скончалась Л. Ю. Брик. Если бы правительство выполнило обращённую к нему просьбу поэта, единственной наследницей Маяковского с августа 1978 года по сентябрь 1994 года была бы В. В. Полонская. (Говорят, что в 1950-х годах выплата гонораров за произведения Маяковского была прекращена. Даже если это так, оставалась ещё моральная сторона наследования — не говоря уже о тех немалых суммах, которые, согласно воле Маяковского, должна бала получать Полонская до указанной отменты.)

§ 17. Особенности национальных менталитетов

Ещё о субъективности в оценке правильности текста. Для одного и того же лица некий текст может представляться правильным или уместным, когда он выражен на одном языке — и неправильным или неуместным, когда он выражен на другом языке. Вот пример.

В 1982 году шведский исследователь Бенгт Янгфельдт издал переписку Маяковского с Лилей Брик — хотя и в Стокгольме, но по-русски: [Янгф 82]; впоследствии это издание было репринтно воспроизведено в Москве: [Янгф 91]. А в 1986 году эту же переписку Янгфельдт выпустил в Эдинбурге и сразу вслед за тем в Нью-Йорке, но уже на английском языке: [Янгф 86е] и [Янгф 86ny].

Открываем последний абзац письма номер 302 в нумерации Янгфельдта. Это — письмо Л. Ю. Брик к Маяковскому, из Москвы в Ялту, от 17 августа 1927 году (как странно: я пишу эти строки ровно через семьдесят лет, день в день!). Этот последний абзац письма — в той форме, как он опубликован на с. 167 в [Янгф 82] или [Янгф 91] — состоит из двух предложений и заключённого в угловые скобки многоточия:

> Ужасно крепко тебя люблю. Пожалуйста не женись всерьёз, а то меня все уверяют, что ты страшно влюблён и обязательно женишься <...>

К этому письму — четырнадцать затекстовых комментариев: [Янгф 82] (или [Янгф 91]), с. 262. Первый из них заканчивается так: «По независящим от нас причинам оно [письмо] печатается без последнего предложения». А последний, четырнадцатый комментарий сделан

к слову «женишься» и начинается так: «Весь этот абзац связан с романом между Маяковским и молодой журналисткой Натальей Александровной Брюханенко (р. 1905), с которой Маяковский познакомился в 1926 году Н. А. Брюханенко работала в Госиздате. Она в это время отдыхала в Крыму». (Ср. свидетельство современницы событий: [Лав], с. 340—341.)

Теперь берём этот же абзац, как он дан в английской версии: [Янгф 86е] или [Янгф 86пу], с. 188:

> I love you terribly strongly. Please don't get seriously married, because everyone is assuring me that you're terribly in love and will definitely get married. All three of us are married to each other and to get married any more is a sin.

Мы замечаем, что здесь абзац печатается без купюр[34]. Его первые два предложения суть переводы первых двух предложений русского текста, а третье предложение — перевод того последнего, которое опущено в русском варианте публикации. Точный вид этого опущенного русского предложения мне неизвестен, и остаётся лишь привести его в обратном переводе с английского. Вот этот обратный перевод: «Мы все трое женаты друг на друге, и жениться ещё раз грешно». ●●▶ В 2009 году в Москве вышел русский перевод [Янгф 2009] изданной в 2007 году на шведском языке в Стокгольме книги Янгфельдта о Маяковском и его круге. Там на с. 412 читатель может прочесть опущенное предложение — надо надеяться, в оригинале, а не в обратном переводе со шведского. Вот оно: «Мы все трое женаты друг на дружке и нам жениться больше нельзя — грех». ◀●●

Предсмертное письмо Маяковского, уже упоминавшееся выше в § 15 и § 16, адресовано «всем», а, значит, и мне. Мне не хотелось бы нарушать просьбу автора письма: «...и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил». Опасаюсь, что я нарушил бы эту просьбу, оставь я только что процитированную фразу из письма Л. Ю. Брик без комментариев.

Сперва — несколько цитат из главы «О Лиле Брик и не только о ней» книги [Кат 97].

«В 1915 году брак Лили и Осипа Максимовича [Брика] существовал лишь формально, но они сохраняли дружеские отношения, жили одними интересами и в одной квартире» ([Кат 97], с. 75). «Только в 1918 году, проверив своё чувство к поэту, Лиля могла с уверенностью сказать Брику о своей любви к Маяковскому» ([Кат 97], с. 76).

[34] И потому затекстовых комментариев в английской версии не 14, а 13: первый комментарий русских изданий отсутствует в изданиях английских.

«...С Маяковским, фактически вторым мужем его бывшей жены, он [Брик] был очень дружен <...>» ([Кат 97], с. 76). «С 1925 года, после возвращения поэта из Америки, их [Маяковского и Лили Брик] интимная жизнь кончилась, остались отношения чисто дружеские. До последнего времени об этом нигде в мемуаристике не было, точки над і не стояли <...>» ([Кат 97], с. 79). «Когда люди не могут что-нибудь понять, то возникают слухи. Тому пример — „Треугольник“. Жизнь этих трёх людей из-за необычности их союза и необычности их самих всегда вызывала интерес <...>» ([Кат 97], с. 76).

Приведённые цитаты позволяют точнее понять истинный смысл вышеуказанной фразы из письма Л. Ю. Брик. По моему разумению, смысл фразы таков: ‘Мы все трое образуем единую семью, и заводить ещё одну семью на стороне недопустимо’. Маяковский согласился с высказанной Л. Ю. Брик точкой зрения, что подтверждается не только тем, что он не женился, но и словом *единственная*, содержащейся в последней фразе его ответной телеграммы из Ялты к Л. Ю. Брик от 26 августа 1927 года: «Целую мою единственную кисячью осячью семью» (см. [Мая 61], с. 105, № 114).

Почему же последнее предложение из письма Л. Ю. Брик от 17 августа 1927 года было допущено к публикации по-английски и не допущено к публикации по-русски? Напрашивающееся предположение: из страха вызвать гнев Лили Брик. Однако Лиля умерла за четыре года до издания с купюрой[35]. Скорее всего, причина кроется в различии менталитетов англоязычного и русскоязычного читателей — или, более точно, в представлении об этом различии у того, кто принимал решение об опубликовании или неопубликовании.

Уповаю, что просвещённый читатель «НЛО», даже и русскоязычный, счастливо обладает наднациональным менталитетом и потому готов участвовать в обсуждении столь деликатных проблем. Проблемы эти видятся существенными, поскольку для русской словесности — и не только для той её части, которая представлена жанром частной переписки — важно не только то, что она создана русскими авторами, но и то, что она создана для русского читателя. Если же взять широкую русскую читательскую аудиторию, то её менталитет, увы, был отравлен ядом недоверчивой и недоброжелательной, всё и всех подозревающей ханжеской морали традиционного советского общества. Сейчас яд постепенно выводится из организма, но в восьмидесятых годах признаки интоксикации ещё были налицо. Поэтому для зна-

[35] Лиля Юрьевна Брик (урождённая Лиля [правильнее Лили] Уриевна Каган) родилась 30.10(11.11).1891 и скончалась 04.08.1978.

чительной части этой аудитории опущенная при публикации русской версии фраза звучала бы почти криминально. (Осторожное возражение к сказанному: вряд ли книгу, выпущенную хотя и по-русски, но в Швеции, следует рассматривать в качестве предназначенной для широкой аудитории. Вероятно, в 1982 году фраза трактовалась как невозможная по-русски в любой точке Земного Шара.)

При этом русский человек как бы приглашается согласиться и даже как бы готов согласиться с тем, что тексты на русском и на английском (вообще, на заграничном) языках, предназначенные служить переводами один другого, на самом деле таковыми могут и не являться. Это положение вещей хорошо отразил Василий Аксёнов в своём рассказе «На полпути к луне»:

> Наконец, захлопнули люк, и зажглась красная надпись: «Не курить, пристегнуть ремни» — и что-то по-английски, может, то же самое, а может, и другое. Может, наоборот: «Пожалуйста, курите. Ремни можно не пристёгивать». Кирпиченко не знал английского.

«Крёстного отца» я впервые прочёл по-английски. Среди многочисленных боковых сюжетов там есть и такой. Любовнице старшего сына дона Вито Корлеоне после убийства названного сына делают операцию по деланию влагалища более тесным, дабы она могла получать сексуальное удовлетворение. В известных мне русских переводах этой сцены я не нашёл. Как тут не вспомнить легендарную фразу «У нас [вариант: в СССР] секса нет»[36], прозвучавшую с советских телевизионных экранов в 1986 году.

И здесь мы естественно переходим к следующему параграфу, а именно к теме, обозначенной в заголовке его первого раздела. Нарушим, однако, плавность перехода ещё одним, близким к парадигме «В СССР секса нет» заявлением: в СССР не было не только секса, но и отправления естественных надобностей. Два наблюдения подтверждают сказанное.

Первое относится к VI Всемирному фестивалю молодёжи и студентов, открывшемуся в Москве 28 июля 1957 года. Впервые железный занавес открылся для тысяч иностранцев из более чем сотни стран. По всей Москве проходили зрелищные мероприятия. Одним из таких мест был Центральный парк культуры и отдыха, который я посетил. Моими спутницами была моя жена Светлана и наша ближайшая подруга, Лия Левина. В парке стояло несколько передвижных, на колёсах, уборных. Каждая из них выглядела как длинный фургон, толстый шланг из коего входил в канализационный люк. Фургон был разделён на две части, мужскую и женскую, с раздельными входами.

[36] Кажется, более аутентично «Секса у нас нет».

Поскольку перегородка между этими частями шла ровно посредине фургона, то в женскую половину стояла длинная медленная очередь, в мужскую же очереди не было вовсе. Мои дамы стали в очередь. Я стал рядом с ними, и мы все трое беседовали (по-русски, разумеется). Через некоторое время к нам подошли представители очереди. Они сказали, что поскольку мы иностранные гости, очередь просит моих дам пройти без очереди. Тут я осознал, что я был единственным лицом мужского пола, стоящим в этой очереди. Все другие спутники курили в кустах. Говорят, что в Англии беременная женщина может на законном основании попросить у полисмена его шлем, если поблизости не найдётся другого места для отправления естественной нужды. «У нас, слава Богу, не Англия», как мой покойный начальник по ВИНИТИ Антон Михайлович Васильев (прототип начальника шарашки Антона Николаевича Яконова из солженицынского романа «В круге первом») возразил на слова «А вот в Англии...», произнесённые его сотрудником в связи с очередным отказом вычислительной техники.

Второе относится к весне 1962 года. Я перевозил свои вещи, включая некоторую мебель, из родительской квартиры в Тихвинском переулке в полученную для моей семьи (то есть для меня, жены и трёхлетнего сына) кооперативную квартиру в только что построенном доме у метро «Аэропорт». В честь благополучно осуществлённой перевозки я сделал большую яичницу, и мы с грузчиками выпили и закусили. Они расчувствовались и сказали, что если мне будет нужна какая мебель, чтобы я прямо звонил им. Мебель, как и почти всё, была в дефиците, а они были связаны с мебельными магазинами. Мы расстались довольные друг другом. Однако после их ухода я обнаружил слой мочи на полу уборной. Выключатель был в нестандартном месте, далеко от двери в уборной, и они, мочась в сортире в полной темноте, не попадали в унитаз. Спросить же меня, где включается свет, они не могли: это было бы неприлично.

§ 18. Проблемы перевода

18.1. Презумпция адекватности перевода и её нарушения. В приведённом в § 17 эпизоде, рассказанном Аксёновым, допускается возможность нарушения важной презумпции, состоящей в том, что тексты, считающиеся переводами друг друга, семантически эквивалентны. Как и презумпции невиновности, этой семиотической презумпции стоило бы присвоить какое-либо стандартное название — например, именовать её *презумпцией адекватности перевода*. Вот

замечательный пример нарушения презумпции адекватности перевода; знающие люди рассказывали мне его в начале шестидесятых годов как подлинный.

Япония выпускала (и, вероятно, выпускает) многие свои научные и технические журналы в двух вариантах: японском и английском. Японцы читали японский вариант, а мировая научно-техническая общественность — английский. Хотя, конечно, и японский вариант поступал в крупнейшие библиотеки [44]. Прошло энное количество лет, пока не было обнаружено, что английский перевод химических журналов не полностью соответствует японскому оригиналу (возможно, и других журналов, но мне рассказывали именно о химических). При описании технологических процессов в английском варианте, как правило, опускалась какая-нибудь маленькая деталь, без которой, однако, процесс не приводил к нужному результату. Таким способом японцы одновременно боролись и с секретностью (каковая, по всеобщему мнению, препятствует прогрессу науки и техники), и с её нарушением.

●➤ Другой пример нарушения презумпции адекватности перевода более печален. Известный обозреватель О. Лацис в статье «Семь и три четверти» [Лац] обсуждает препятствия на пути присоединения России на правах полноправного восьмого члена к клубу ведущих держав, состоящего из США, Японии, Германии, Великобритании, Франции, Италии и Канады:

> Изначально существовали пять проблем, без решения которых с нами не будут разговаривать как с равными в этом клубе мировых тяжеловесов.
>
> <...>
>
> Пятая проблема может оказаться для многих неожиданностью: ядерная безопасность. <...>
>
> Ещё в 1995 году Россия подписала соглашение, предусматривающее реконструкцию реакторов наших АЭС <...>. В соответствии с этим соглашением первым подлежал реконструкции блок № 1 Курской АЭС. ...В нарушение договорённостей этот блок запускали в осенне-зимний период в 1997-м, 1998-м, 1999-м годах. Протесты зарубежных партнёров игнорировались нашим Минатомом. В конце концов обнаружился поразительный факт: русский перевод соглашения, на которое опирался наш министр атомной энергетики, был неточен. Он давал некоторые основания для наших действий. Но Россия подписывала английский текст, который оказался однозначным: пускать курский реактор не следовало.

И вот ещё о юридических проблемах, возникающих при невыполнении презумпции адекватности перевода:

> В старом тексте Европейской конвенции [по правам человека], до недавнего времени применявшегося в России, существовали ошибки в переводе с английского слов «arrest» и «detention», которые трактовались соответственно как «арест» и «задержание». Такой перевод приводил к многочисленным нарушениям прав арестантов.
>
> Несмотря на фонетическую близость первого слова к русскому «арест», в качестве юридического термина правильно оно переводится на русский именно как «задержание», то есть первичное лишение свободы и права передвижения. Под словом же «detention» подразумевается русское «арест», то есть заключение под стражу, требующее определённых санкций.
>
> Новый перевод текста Конвенции исправил лингвистическо-юридический казус <...>. ([Рубц].)

Кажущееся очевидным, но на самом деле ошибочное, соотнесение слов «arrest» и «арест» — не единственный пример обманчивой близости слов английского и русского языков. Другой подобный пример — английское «nationality» и русское «национальность». Заполняющему анкету русскоговорящему индивидууму не всегда удаётся догадаться, что слово «nationality» в вопросе анкеты означает вовсе не национальность (по английски — «ethnic origin»), а гражданство. (Значение 'национальность' у английского *nationality* теоретически существует, но практически не используется.) 45

В изложенных эпизодах неадекватность перевода приводила к деформации российского правового пространства, а потому и прямо влияла на жизнь российских граждан. Следующий пример подобной неадекватности, хотя также затрагивает юридические термины, деформирует пространство всего лишь художественное и потому менее опасен. В Америке понятие правосудия не воспринимается как абстракция, и в американских фильмах сравнительно часто возникает сцена суда. И тогда в русском переводе с экрана звучит словосочетание: «правду, только правду и ничего, кроме правды». Меня всегда смущало семантическое тождество второго (*только правда*) и третьего (*ничего*, *кроме правды*) членов. На самом же деле вместо *только правда* должно бы быть *вся правда* или *полная правда*, потому что в английском оригинале здесь стоит «the whole truth». Ведь полностью ритуальная формула такова: «I swear to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth, so help me God». Её перевод: «Клянусь говорить правду, всю правду и ничего, кроме

правды, и да поможет мне Бог». В то же время вышеуказанный ошибочный перевод (*правду, только правду и ничего, кроме правды*) приобрёл в современном русском языке статус оборота настолько клишированного, что его пародийное обыгрывание считается общепонятным и не требует объяснений: *обязуюсь переврать правду, только правду и ничего, кроме правды* — начертан крупным шрифтом и в цвете на с. 41 журнала «Огонёк» № 32 от августа 2001 года. Ситуация здесь сходна с ситуацией регулярного искажения цитат, о которой говорилось выше в п. 7.4. ◄●

По радио, да и по телевидению, неоднократно слышится: «Конвенция Демократической партии США». При этом имеется в виду партийный съезд. Однако не упускают сказать при случае и *Венская конвенция* (о правах дипломатических представительств), и *Конвенция о судоходстве*. Дело в том, что английское слово *convention* имеет два значения: 'собрание, съезд, конвент' и 'международный договор, конвенция'. Поэтому правильным переводом было бы «Съезд Демократической партии США». Но кто же в нашем российском вещании будет разбираться в этих тонкостях двух значений — тем более, что на слух слова *конвенция* и *convention* близки друг к другу, а слово *convent* означает женский монастырь.

Вообще, ситуация перевода с одного языка на другой составляет один из Неограниченных Источников словесных квипрокво. Любой неправильный перевод может рассматриваться как словесное квипрокво. ●●► Однако заявлять о неправильности какого-либо перевода надлежит с большой осторожностью. Так, неискушённому человеку может показаться, что русское и английское выражения СИНАГОГА ЛЮБАВИЧСКАЯ и AGUDAS CHASSIDEI CHABAD не являются переводами друг друга. Тем не менее именно они написаны на доске при входе в московскую синагогу на Большой Бронной улице. ◄●●

18.2. Два общедоступных примера из математической жизни. Сперва небольшое предварение. Первый опыт по систематическому изложению всей известной к данному времени математики был предпринят Евклидом в III веке до н. э. Трактат Евклида остаётся и по сей день самым главным сочинением мировой математики (а вплоть до начала XX века обучение геометрии в школах Англии осуществлялось непосредственно по тексту Евклида). Древнегреческое название трактата — в стандартной латинской транслитерации — *Stoicheîa*. На латинский язык это название переводится как *Elementa*, на французский — запомним это! — как *Éléments*. Три первых, хотя и неполных, перевода трактата Евклида на русский язык появились в XVIII веке.

Первые два из них делались, соответственно, с латинского и с французского, и потому образующее название трактата древнегреческое слово переводилось на русский как *Элементы*; третий перевод осуществлялся прямо с греческого, и потому указанное слово переводилось как *Стихии*. Начиная же с XIX века в качестве перевода для *Stoicheîa* однозначно закрепился термин *Начала*: приглашаю читателя снять с полки какое-либо современное энциклопедическое издание и отыскать в нём статью, озаглавленную «„Начала“ Евклида». Перенесёмся теперь из III века до н. э. в XX век н. э. Самый известный и плодовитый математический автор XX века — это «француз» Николя Бурбаки (Nicolas Bourbaki). Под этим псевдонимом вот уже 60 лет скрывается группа математиков, тщательно оберегающая от постороннего взгляда как свою численность, так и свой состав (можно лишь с уверенностью утверждать, что последний меняется с ходом времени). Эта группа поставила перед собою беспрецедентную со времён Евклида задачу — с единой точки зрения изложить всю современную математику. И вот начиная с 1939 года в Париже стал выходить, отдельными сравнительно небольшими выпусками, знаменитый трактат Бурбаки *Éléments de mathématique*. Перекличка с Евклидом, тем самым, была отражена не только в замысле, но и в названии трактата. Установка на осознанные ассоциации с великим греком подчёркивалась и открывающим первый выпуск фронтисписом, который удалось сохранить в русском издании [Бур]: на фронтисписе изображён Геракл, расчищающий Авгиевы конюшни.

Пример 1. Из сказанного ясно, что название трактата Бурбаки следовало переводить с французского на русский по аналогии с установившимся переводом трактата Евклида, то есть как *Начала математики*. Однако такое название присутствует лишь в одной из книг русского перевода, а именно в [Бур]. Увы, мне не удалось убедить своих коллег, и в остальных русских публикациях фигурируют *Элементы математики*.

Пример 2. В 1948 году Н. Бурбаки опубликовал программную статью «Архитектура математики». В последней фразе этой статьи указывается, что великие мыслители-математики всегда стремились «*вычисление* заменить *идеями*»; в оригинале: «substituer les *idées* au *calcul*». Русский перевод статьи печатался дважды, и оба раза перевод только что приведённой французской фразы выглядел так: «*идеи* заменить *вычислениями*». (Однажды мне уже довелось отмечать эту полную перемену смысла — см. [Усп 65], с. 18; там же необходимые библиографические ссылки.)

18.3. Три отступления на темы литературных переводов. Отступление 1. Один из самых главных романов русской литературы, «Война и мир», начинается с французской фразы «Eh bien, mon prince» и далее полон французских же вкраплений, иногда довольно обширных. Самые первые издания романа были расчитаны на образованного читателя, и потому в них переводов французских текстов не было вовсе. Потом переводы стали давать в подстрочных примечаниях. Язык этих переводов ужасен, точность тоже оставляет желать лучшего. Подстрочные примечания из «Войны и мира» — отличный учебный материал не тему «Как не надо переводить». Убогость языка переводов с французского особенно выпячивается на фоне языка основного русского текста романа. Не знаю, обсуждались ли когда-либо причины того, что в романе величайшего русского писателя присутствует в сносках столь плохой русский язык. Причины эти, на наш взгляд, очевидны: русские переводы французских текстов из «Войны и мира» не принадлежат Толстому. Он поручил их сделать кому-то — скажем, гувернантке или дальней родственнице (не решаюсь сказать: «Софье Андреевне» — но всё же интересно бы выяснить, кому). Вряд ли он их и читал. Поскольку эти переводы появились в прижизненном издании романа, они были как бы освящены именем Толстого и, возможно, по умолчанию даже приписывались ему. Поэтому при последующих изданиях, вплоть до наших дней, никто не решался предложить новые переводы, отвечающие понятию 'литературный перевод'. А надо бы. Это была бы благородная и уважительная к памяти Толстого работа: создать русские переводы французских вкраплений, достойные великого романа[37]. При этом в изданиях академического типа следовало бы давать оба перевода, традиционный старый и улучшенный новый.

Отступление 2. В хороших русских изданиях набоковской «Лолиты» помещаются (плохие издания обходятся без этих излишеств) два замечательных набоковских же текста: «О книге, озаглавленной „Лолита“ (послесловие к американскому изданию 1958-го года)» (в переводе самого Набокова 46) и «Постскриптум к русскому изданию». В конце «американского» послесловия Набокова говорится:

> ...Американский критик недавно высказал мысль, что «Лолита» представляет собою отчёт о моём «романе с романтическим романом». Замена последних слов словами «с английским языком»

[37] ●●➤ Предложение заново перевести на русский язык французские тексты из «Войны и мира» вызвало крайнее негодование моего брата Бориса Андреевича Успенского ◄●●

уточнила бы эту изящную формулу. <...> ...Всякая оценка, основанная на моей английской беллетристике, не может не быть приблизительной. Личная моя трагедия <...> это тó, что мне пришлось отказаться от природной речи, от моего ничем не стеснённого, богатого, бесконечно послушного мне русского слога ради второстепенного сорта английского языка <...>.

Однако постскриптум Набокова к переводу романа на русский язык возражает своему американскому собрату:

Американскому читателю я так страстно твержу о превосходстве моего русского слога над моим слогом английским, что иной славист может и впрямь подумать, что мой перевод «Лолиты» во сто раз лучше оригинала. Меня же только мутит ныне от дребезжания моих ржавых русских струн. <...>

<...> За полгода работы над русской «Лолитой» я <...> пришёл и к некоторым общим заключениям по поводу взаимной переводимости двух изумительных языков.

Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, всё нежночеловеческое (как ни странно!), а также всё мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговорённости, поэзия мысли, мгновенная перекличка между отвлечённейшими понятиями, роение односложных эпитетов, всё это, а также всё относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям — становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта невязка отражает основную разницу в историческом плане между зелёным русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским <...>.

Отступление 3. В известных мне советских публикациях рассказа «Скандал в Богемии» (из серии «Приключения Шерлока Холмса») знаменитое письмо к Холмсу от Ирен Нортон, урождённой Адлер [Irene Norton, *née* Adler], приводится с таким адресом: *Мистеру Шерлоку Холмсу, эсквайру*. Знаки уважения *мистер* и *эсквайр* не могут употребляться одновременно, и в подлиннике стоит, разумеется, просто *Sherlock Holmes, Esq.* безо всякого «Mr.». Каким образом в переводе появился «мистер», непонятно.

18.4. Специальные проблемы. Рассуждая о переводах, следует коснуться и осложнений, возникающих при необходимости перевести на другой язык выражение, употреблённое в метафорическом или идиоматическом смысле. «Мы тут уже два часа загораем в аэропорту», — кричал в телефонную трубку руководитель группы советских туристов, прибывших в Осло и никем не встреченных. Звонил он в норвежскую фирму и удивлялся, что его не понимают. Подобные осложнения возникают и на самых высоких уровнях. Международные переводчики столкнулись с ними при озвучивании на своих соответственных языках той загадочной матери Кузьмы, которую обещал показать Хрущёв. ●► А в 2000 году телевидение показало недоумение, отразившееся на лице Билла Клинтона, когда он на излёте своего президентства посетил Москву и российский президент приглашал его осознать, какие нехорошие люди чеченские сепаратисты. «Они говорят, — сказал Путин, — „Аллах над нами, козлы под нами“». Указанное недоумение проявилось тогда, когда синхронный переводчик произнёс «he-goats» в качестве перевода для слова «козлы». Разумеется, и чеченцы, и Путин употребили слово «козлы» не в прямом зоологическом, а в косвенном пейоративном смысле (в том же смысле, в каком оно употреблено в выражении *Любовь зла, и козлы этим широко пользуются*). 47 ◄●

Специальные проблемы возникают при переводе собственных имён. Автору этих строк уже приходилось отстаивать тезис, что собственные имена подвержены не только процедурам транскрипции и транслитерации, но и процедуре перевода (см. [Усп 96], §§ 10—12, 14). Непонимание различия между переводом, транслитерацией и транскрипцией собственных имён лежит в основе словесных квипрокво, состоящих в подмене русских слов *Белоруссия*, *Киргизия*, *Молдавия* новообразованными монстрами *Беларусь*, *Кыргызстан*, *Молдова*. Чтобы пояснить свою мысль, приведу слышанный мною осенью 1945 года рассказ моей тётки, побывавшей перед этим в Берлине. В полуразрушенных домах начали появляться первые небольшие частные магазины, основная клиентура которых состояла, естественно, из советских офицеров. На двери одного такого магазина висело объявление на немецком: «Geöffnet» — что значит ‘открыто’. И рядом, для привлечения русских покупателей, «по-русски»: «Геоффнет». Можно ли согласиться, что слово «геоффнет» вошло в русский язык? Казалось бы, нет. Но ведь для его включения в русский язык имеются в точности те же основания, как для включения в русский язык слова «Беларусь» и ему подобных: ведь «Беларусь» есть не что иное как записанная русскими буквами транскрипция

(то есть уподобление по произнесению) или транслитерация (то есть уподобление по написанию) некоторого слова другого языка.

Насильственный для русского языка переход от слова *Молдавия* к слову *Молдова* заставляет опасаться, что скоро нам прикажут писать и говорить *Инглэнд*, *Дойчланд*, *Франс* и *Юнайтед Стэйтс* (ещё спасибо, что не *Унитед Статес*). И это не столь уж невероятно. Ведь превратились же в 1986 году ласкающие глаз и слух Берег Слоновой Кости и Острова Зелёного Мыса в Кот-д'Ивуар и в Кабо-Верде.

Другие специальные проблемы возникают из-за неполноты словарей. Вот характерная история на эту тему; мы не ручаемся за достоверность анекдота, однако его трудно было бы выдумать. Известный советский писатель приезжает в Японию. Будем считать, что это Константин Симонов. Устраивается читательская конференция. И вот, на этой конференции один читатель задаёт нашему условному Симонову неожиданный вопрос: «По-прежнему ли в советской армии солома используется как средство защиты от пуль и осколков?». Симонов не понимает вопроса; наступает замешательство; среди советских представителей находятся лица, охотно готовые констатировать политическую провокацию. Однако читатель настаивает, что он почерпнул информацию о столь необычном применении соломы не откуда-нибудь, а как раз из одного из сочинений писателя. Приносят книгу — разумеется, в переводе на японский. И вот что выясняется. В книге, действие которой происходит во время Великой Отечественной войны, излагается следующий, типично симоновский эпизод. Военный корреспондент приезжает на передовую. Корреспондент очень знаменит, а потому из штаба фронта поступают два трудно совместимых требования. Первое — максимально содействовать и, вообще, исполнять все желания корреспондента. Второе — обеспечить его безопасность; местное военное начальство предупреждают, что оно отвечает за корреспондентскую жизнь головой. Корреспондент, естественно, выражает желание попасть в самый что ни на есть передний окоп. Ему в сопровождение выделяют майора. В окопе корреспондент начинает вести себя героически, то есть высовывается наружу, на что противник отвечает пулемётным, миномётным и прочим огнём. Далее в русском оригинале следовало: «„Ложись!“ — заорал майор и покрыл его матом». Слово «мат» не было знакомо переводчику, и он стал искать его в русско-японском словаре. Первое значение было 'позиция в шахматной игре', и оно не подходило. Вторым шло значение 'циновка, татами'. Третьего значения не было. Переводчику не оставалось иного выбора, кроме как воспользоваться вторым значением.

18.5. Судьбоносно вредные искажения. В некоторых замечательных математических учебниках встречается следующий метод изложения. В качестве первого из примеров, иллюстрирующих какое-либо определение, предъявляется не объект, удовлетворяющий этому определению, а — с соответствующими комментариями — объект, этому определению не удовлетворяющий. Следуя этому методу, мы начнём с переводческого искажения, судьбоносным не являющегося. А уже потом приведём два примера судьбоносных искажений.

Итак, пример искажения, который мы не относим к числу судьбоносных. Все знают, что Мария-Антуанетта — королева Франции, казнённая в октябре 1793 года, — сказала однажды о голодающих крестьянах: «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные». В советских средних школах эта фраза использовалась для возбуждения у детей ненависти к монархии («Смерть королям!»). Однако во французском оригинале речь идёт не о пирожных, а о бриошах (сдобных булочках особого вида) — «Qu'ils mangent de la brioche», буквально: «Пусть они едят бриоши». Сказать такое тоже недопустимо, но всё же фраза с бриошами менее преступна, чем фраза с пирожными. (Кстати, принадлежность этой фразы королеве более чем сомнительна. Фраза это известна из законченной в 1769 году «Исповеди» Жан-Жака Руссо, где автор приписывает её некоей не называемой по имени представительнице высшей знати («une grande princesse»).)

А вот теперь примеры судьбоносных искажений. Не знаю, как в других странах, но в СССР по меньшей мере в двух случаях допущенные при переводе искажения повлияли и на массовое сознание, и на судьбы людей. Об этих двух случаях уже говорилось в последних двух абзацах раздела 7.4 из § 7. Но там они присутствовали в качестве примеров искажений цитат, здесь — в качестве примеров искажений при переводе.

В моём поколении все знали выражение *псы-рыцари*. Многие знали, что оно принадлежит Карлу Марксу и было использовано им для обозначения рыцарей Тевтонского ордена, сражавшихся с их восточными соседями. В советской практике выражение *псы-рыцари* уничижительно употреблялось для обозначения германских захватчиков, пытавшихся овладеть Русью. Оно использовалось в пропаганде (особенно во время Великой отечественной войны): ясно, что псов-рыцарей надлежало уничтожать как бешеных собак. Соответствующее *псам-рыцарям* немецкое слово у Маркса встречается в его рукописных «Хронологических выписках» и обозначает тех тевтонских рыцарей, кого в сражении при озере Дурбе разбил в 1260 году

«литовский князь Миндовг <...> в союзе с русскими и курами». Сделанный с рукописного текста Маркса перевод «Хронологических выписок» на русский язык был издан в СССР в 1938 году, оттуда и пошли *псы-рыцари*. (Сомневаюсь, кстати, чтобы в Германии кто-нибудь взял на себя труд разобрать почерк Маркса и издать эти выписки.) В рукописи же было написано *Ritterbund* со значением 'рыцарский союз', 'союз рыцарей'. Почерк Маркса был не слишком разборчив, рукописные готические буквы «b» и «h» легко спутать одна с другой. И тогда появляется странное, вроде бы в немецком языке не встречающееся, но вроде бы возможное слово *Ritterhund*; оно, кстати, всё равно не должно было бы переводиться как «псы-рыцари», а уж скорее как «собака рыцаря». В России выражение «псы-рыцари» сделалось термином, внедрённым в массовое сознание. Эта индоктринация была подхвачена националистами и шовинистами, потому я и считаю обсуждаемое искажение судьбоносно вредным. Слово *рыцари* имеет положительную коннотацию, меняющуюся на отрицательную при присоединении слова *псы*. Поэтому разбивший их в 1242 году в Ледовом побоище на Чудском озере князь Александр Ярославич был объявлен спсасителем Святой Руси, в 1547 году канонизирован и с тех пор стал называться не иначе как *святым благоверным князем*, а в декабре 2008 года голосованием пользователей Интернета, телезрителей и радиослушателей был выбран «Именем России» (он получил 524 575 голосов, не на много опередив Сталина, получившего 519 071 голос). Вместе с тем мифологизация образа Александра Ярославича, начавшаяся в русских летописях и продолжающаяся в наши дни, несомненна. В частности, приводимые в названных летописях сведения о той победе Александра над шведами при устье Ижоры (левого притока Невы) в 1240 году, которая и дала ему прозвище *Невский*, трудно признать достоверными. Правдоподобна версия, согласно которой это была победа не над шведским войском, а над охраной направлявшегося в Новгород шведского посольства, имевшего целью заключение некоего союза Швеции и Новгорода; успех посольства привёл бы к тому, что Новгородская земля, скорее всего, сделалась бы нормальным скандинавским государством.

Всем известны слова Ленина, что искусство должно быть понятно массам. На самом же деле Ленин (в беседе с Кларой Цеткин) говорил не *понятно массам*, а *понято массами*. Таким образом, подлинные слова Ленина возлагают ответственность не на искусство, а на массы. Слова Ленина известны по воспоминаниям Цеткин о встречах с Лениным. Воспоминания написаны на немецком языке, и

искажение вызвано неправильным переводом на русский. А ведь на основании требования понятности, якобы принадлежащего «великому вождю и учителю», любое неугодное властям искусство могло быть заклеймено и действительно клеймилось как непонятное массам и потому подлежащее преследованию, в том числе уничтожению бульдозерами; примеры общеизвестны. Поэтому и это искажение следует отнести к разряду судьбоносно вредных.

18.6. О преимуществах русского языка перед английским. В шестидесятых годах XX века довелось мне прочесть разоблачительную статью о претензиях английского языка на роль мирового. Униженно прошу прощения у читателя, что не привожу точной библиографической информации, — у меня нет сил на розыски. Но при настойчивости эту статью можно найти: я читал её летом 1964 года в одном из недавно вышедших советских толстых журналов. В статье, в частности, в качестве сильнейшего аргумента против вышеназванных претензий приводилось письмо В. И. Ленина, писанное в Лондоне и адресованное, если память не изменяет, его сестре. Ленин пишет, что работает в Библиотеке Британского музея, читает Адама Смита в подлиннике, понимает с большим трудом и потому просит прислать немецкий или французский переводы. Далее автор статьи справедливо указывает, что язык, настолько непонятный, что его с трудом понимает величайший гений человечества, никак не может претендовать на роль всемирного. Поддерживая эту здравую мысль, приведу два примера преимущества русского языка перед английским.

На русском языке можно свободно обсуждать вопрос о том, всегда ли в каком-либо языке субъект действия выражается подлежащим, а объект — дополнением. На английском языке такое обсуждение невозможно, поскольку в английском языке слово *subject* означает и субъект и подлежащее, а слово *object* означает и объект и дополнение.

И слово *католический* и слово *кафолический* происходят от греческого слова *katholikós*, имеющего значение ‘всеобщий, вселенский’. Но только на русском языке можно выразить разницу между церковью католической и церковью кафолической. Первая окормляет еретиков (римских католиков), тогда как вторая — это Православная церковь. «...И есть третьи, которые хотя принимают и св. Писание и св. Предание, но только по разумению своей местной церкви (Римские католики), а не церкви истинно кафолической, православной <...>» ([Мак], с. 8).

Именно в русском языке можно выразить разницу между двумя значениями английского слова *convention* — ‘собрание, съезд, кон-

вент' и 'договор, конвенция'. Когда на БиБиСи происходили русскоязычные передачи, то едва ли не всегда в тех случаях, когда нужно было сказать «конвент», говорили «конвенция».

●●➤ **18.7. Тени отцов.** Яркий пример устоявшегося, но от этого не становящегося правильным перевода — словосочетание *Тень отца Гамлета*. Оно уже вошло как клише в русский язык, что подтверждается следующим эпизодом. Когда Александр Ширвиндт был просто актёром, он мечтал сыграть роль Остапа Бендера, но ему не давали. Когда он стал руководителем Театра Сатиры, его возможности расширились. «Александр Анатольевич, — сказали ему доброжелатели, — ну теперь-то...». — «Теперь, — отвечал Ширвиндт, — я могу сыграть только роль тени отца Остапа Бендера». Кажется, однако, что персонажу шекспировской трагедии более пристало не наименование *тень*, а наименование *дух* или *призрак*. Что соответствует и подлинному английскому оригиналу, где стоит *ghost*. Так что, попав в Эльсинор, не следует спрашивать (как однажды, летом 2004 года, спросил я), встречаются ли здесь *shadows*. Кто-то когда-то (интересно бы выяснить, кто и когда) впервые перевёл *ghost* как *тень*, и так оно и пошло. ◄●●

18.8. Неправильный перевод как приём. Этот подпараграф мог бы с равным успехом оказаться в § 2. В нём я привожу рассказанную мне историю, случившуюся во время официального визита в Индию Климента Ефремовича Ворошилова, в то время Председателя Президиума Верховного Совета СССР, то есть номинального главы Советского государства (эту роль он исполнял с 1953 по 1960 год). Ему показали Тадж-Махал. Он плюнул себе под ноги и сопроводил плевок словами: «Надо же: без штанов ходят, а такое строят». Индийцы слов не поняли, но плевок заметили. Удивление отразилось на их лицах. Состоявший при Ворошилове переводчик Суходрев перевёл: «Председатель Президиума Верховного Совета СССР маршал Ворошилов сказал, что увидев Тадж-Махал, он плюёт на всю мировую архитектуру». Искусство переводчика было замечено кем следует, и Суходрев пошёл на повышение: он стал личным переводчиком Хрущёва, а потом и Брежнева.

18.9. Случай из жизни: сельдь со сливками. Автор этих слов имел случай и сам испытать на себе последствия неправильного перевода, и заставить испытать их свою жену и двух своих друзей. На исходе летнего дня 1961 года синий автомобиль «Москвич» ехал из Таллинна в Юрмалу. На водительском месте находился

Андрей Анатольевич Зализняк, рядом с ним — его жена Лена (Елена Викторовна Падучева), а на заднем сидении — моя жена Светлана (Светлана Марковна Успенская) и я. Мы спешили «домой», в Меллужи, где проводили лето и где каждую из двух пар ожидал не достигший двухлетнего возраста ребёнок.

В тот день мы не обедали, и теперь искали место, где бы недорого поужинать. Проезжая через какую-то эстонскую деревню, увидели столовую. К сожалению, она была уже закрыта ввиду позднего времени. Мы были вынуждены, пуская слюни, ограничиться чтением рукописного меню на двух языках, эстонском и русском, выставленного за оконным стеклом. И тут я прочёл: *Сельдь со сливками*. Вот оно, подумалось мне, самое, что ни на есть, эстонское национальное блюдо — настоящая эстонская экзотика, то, что я всегда хотел! Мы проехали дальше километров тридцать до ближайшего города, где и поужинали, и переночевали. Я молча страдал. Наутро Зализняк, не говоря ни слова, повернул назад, в сторону Таллинна, и мы подъехали к той же столовой. Вопреки моим опасениям, она не оказалась закрытой ни на ремонт, ни на санитарный день. И меню было на месте. На завтрак для меня заказали сельдь со сливками. И получили тарелочку, на которой лежали кусочки селёдки, кусочки холодной варёной картошки, и всё это залито сметаной. Блюдо оказалось на деле обычной селёдкой со сметаной!

Итак, по моей вине мы проехали лишние шестьдесят километров. И случилось это потому, что эстонское слово *koor* можно перевести на русский и как «сливки», и как «сметана». Если же специально хотят противопоставить сметану сливкам, то используют сложное слово *hapukoor*, соединяя существительное *koor* с прилагательным *hapu*, имеющим значение 'кислый'; так, русское словосочетание «блины со сметаной» можно переводить на эстонский двумя способами — и как *pannkoogid koorega*, и как *pannkoogid hapukoorega* (второй перевод употребляется чаще, и вообще он, конечно, более корректен).

Кстати, аналогичное явление наблюдается и в латышском языке. В нём для сметаны и сливок имеется общее слово *krējums*. В юрмальских магазинах конца 1980-х годов этим словом чаще всего обозначалась сметана, потому что сливки были редкостью. Я на этом попался, когда купил картонный пакет сметаны, думая, что покупаю сливки. Впрочем, можно и различать эти смыслы с помощью прилагательных *skābais* со значением 'кислый' и *saldais* со значением 'сладкий': *skābais krējums* для сметаны, *saldais krējums* для сливок.

18.10. «Шишков, прости». Не знаю, возможно ли это странное явление подвести под категорию словесного квипрокво. Имеются в виду случаи, когда для английского слова нет русского перевода.

Если речь идёт о слове, описывающем нечто, не встречающееся в русской действительности, тогда ничего странного нет, но нет и проблем: для этого английского слова берётся его русская транскрипция (с той или иной степенью приблизительности), каковая вводится в русский язык в качестве нового слова и затем объявляется искомым переводом. Именно так обстоит дело, скажем, со словами *lord*, *speaker* (в парламенте) и *impeachment*; переводами для них служат, соответственно, русские слова *лорд*, *спикер* и *импичмент*. Но вот вам случай, когда для некоторого явления, встречающегося как в англоязычной, так и в русскоязычной действительности английское слово есть, а русского — нет. В английском языке существует слово *party* — в значении 'мероприятие', то есть в том его значении, которое связано с приёмом гостей, с общением людей друг с другом для взаимного удовольствия (на английском языке достаточно было бы сказать, что мы берём это слово в значении 'social event', но для *social event* также нет удовлетворительного русского перевода). В этом интересующем нас значении *party* стандартно переводится как *вечеринка* (или даже как *званый вечер*). Но ведь это не соответствует истине, потому что хотя party чаще всего действительно устраивается вечером, но может быть устроено и когда угодно, утром в том числе. Как быть, не знаю. Наиболее соответствующий смыслу перевод — это «гостевое мероприятие». Но ведь это чудовищно!

§ 19. Об обсценной лексике

Отмеченное только что отсутствие в русско-японском словаре самого главного значения слова «мат» 48 — а оно отсутствует даже в приятном во всех остальных отношениях Толковом словаре Ушакова [Уш] — весьма показательно. Как видно, не только представители мата как языкового слоя, но даже и само название этого слова может считаться непристойным и представлять собою табу. Да что там говорить о матерных словах! (Даже слово *жаждешь* в определённом контексте оказалось табуированным и было заменено словом *ищешь* — редкий пример словесного квипрокво, а за контекстом мы отсылаем к последнему затекстовому примечанию к «Предварению к „Семиотическим посланиям“...».)

Первый же человек, которого я ради эксперимента спросил, в окаменевшем сегодняшнем чём, по предсказанию поэта, будут рыться его, поэта, потомки, ответил: «в дерьме». На замечание, что «в дерьме» плохо рифмуется с «обо мне», было заявлено, что Маяковский достаточно вольно обходился с рифмами (заявление справедливое лишь отчасти, и рифма *ме/не* у Маяковского маловероятна). Разумеется, у Маяковского стояло «в говне»:

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем говне,
наших дней изучая потёмки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.

Объяснение ответа моего собеседника простое: в ряде изданий сочинение Маяковского «Во весь голос» действительно печаталось со словами «в дерьме» вместо «в говне».

В том же сочинении Маяковского, несколькими строчками ниже, читаем:

Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
где харкает туберкулёз,
где блядь с хулиганом
да сифилис.

Но так читаем отнюдь не во всех изданиях. Сравним два издания тридцатых годов: [Мая 36], т. 4, с. 356 и [Мая 38], с. 222. В [Мая 36], т. 4, с. 357 полностью выписано «где блядь с хулиганом»; в однотомнике [Мая 38], с. 222 вместо этого стоит «где вор с хулиганом». Направление движения — от уважения к истине к ханжеству. Возьмём, к примеру, десятые тома двух претендующих на академичность полных собраний сочинений: [Мая 39—49] и [Мая 55—61]. Что же мы в них видим? В [Мая 41] на с. 175 и 176 — честные «говне» и «блядь», а в [Мая 58б] на с. 279 и 280 — лишь стыдливые «г» и «б» с многоточиями.

Разумеется, так называемая «непристойная», или, по-научному обсценная, лексика образует один из Неисчерпаемых Источников словесных квипрокво, состоящих в подмене обсценного слова соответствующим эвфемизмом. Причина данной разновидности словесных квипрокво заключается в табуированности обсценной лексики. Например, эвфемизмом для табуированного выражения «полный пиздец» служит выражение «полный абзац». ●●► А выражение «полный абзац» послужило, в свою очередь, источником названия передачи «Полный Альбац», которую журналист Евгения Марковна Альбац ведёт по воскресеньям на радиостанции «Эхо Москвы». ◄●●

Такие синонимы, как «нужник», «отхожее место», «сортир», «туалет», «сортир», «клозет», «уборная», «кабинет задумчивости», — все они представляют собою эвфемистические замены просторечного и потому очень ясного слова *сральня*. (Замечательно, что как слова «water-closet», «lavatory» и «powder room» в британском английском языке, так и слова «toilet», «bathroom» и «rest-room» в американском английском также являются эвфемизмами; почти все они вошли в употребление в качестве таковых сравнительно поздно.)

Как только что было отмечено, эвфемизмы рождаются на почве табу. Эта тема заслуживает специального исследования. Прежде всего, само явление ритуальных запретов на слова — не на предметы, а на их названия — в современном обществе, считающем себя цивилизованным, представляется менее изученным, чем аналогичные явления у каких-нибудь экзотических примитивных племён; я вспоминаю, что впервые слово *табу* мне встретилось в детстве, в приключенческих романах, где герои оказывались среди дикарей. Едва ли не первым вопрос об эвфемизмах в русском языке исследовал Гоголь. Вот что он пишет в «Мёртвых душах»:

> Ещё нужно сказать, что дамы города N. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намёк на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведёт себя» или что-нибудь вроде этого. Чтоб ещё более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело:

там позволялись такие слова, которые были гораздо пожёстче упомянутых.

В сфере обсценной лексики, далее, наблюдаются интересные эффекты из области семантики, а точнее из области прагматики, — например, перенос обсценного оттенка с исходного табуированного слова на заменяющий его эвфемизм. Пример — перенос обсценной окраски со слова «хуй» на слово «хер», первоначально выступавшее в роли всего лишь названия буквы «х»[38] и призванное как раз играть роль «пристойного» заменителя «непристойного» слова. Кстати, хером процесс эвфемизации хуя не ограничился, и эвфемизмами для слов «хер», «херня» и выражения «на хер» и т. п. стали слова и выражения «хрен», «хрень», «на хрен» и т. п. (этому немало способствовало визуальное сходство предметов, обозначаемых словами «хуй» и «хрен»).

Оказывается, что не только названия букв, но и сами буквы могут быть обсценными. Гоголь сообщает нам, что таковой была буква фита, Ѳ, — предпоследняя буква дореформенного русского алфавита. Ноздрёв обзывает своего зятя Мижуева фетюком, к каковому слову Гоголь делает такое подстрочное примечание: «Ѳ е т ю к ъ — слово, обидное для мужчины, происходит от Ѳ — буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою». 49

Не исключено, что никакое общество не может осознать, а тем более проанализировать странность собственных обычаев. И, возможно, надо призвать папуаса, чтобы он объяснил нам, почему некоторые слова — не предметы, обозначаемые этими словами (это ещё как-то можно было бы понять), а их названия — считаются у нас запретными (в то время как другие названия тех же предметов считаются допустимыми).

Время от времени нас пугают тем, что будет принят закон о запрете обсценной лексики. Интересно, как он будет сформулирован. Будут ли там явно названы запрещённые слова? Но ведь текст, содержащий такие слова, не может, согласно этому же закону, появляться в печати. А часть 3 статьи 15 Конституции России гласит:

> Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

[38] И происходящее от слова «херувим», каковое слово, кажется, и использовалось когда-то в качестве названия этой буквы.

Как быть, я не знаю. Можно, конечно, написать в законе: «запрещаются неприличные слова». Но кто будет определять, является слово приличным или неприличным? Можно написать «запрещаются *всем известные* неприличные слова», но это будет уж слишком лицемерно. Пожалуй, нет другого выхода, как объявить разрешёнными слова некоторого канонического списка, а все остальные — запретить. И тогда слова «едондер» и «ерфиндер» окажутся среди запрещённых. Хотя эти слова были специально изобретены Л. Н. Толстым с благородной целью заменить ими матерную ругань. О чём сообщает, ссылаясь на свидетельство своего отца, знаменитый кораблестроитель, механик и математик Алексей Николаевич Крылов (1863—1945); в его замечательных воспоминаниях (см. [Кры], «Школьные годы», с. 49) говорится:

> С началом Крымской войны отец был вновь призван на военную службу и определён во вторую лёгкую батарею 13-й артиллерийской бригады, на вакансию, оставшуюся свободной после Л. Н. Толстого, переведённого в другую бригаду.
>
> Л. Н. Толстой хотел уже тогда извести в батарее матерную ругань и увещевал солдат: «Ну к чему такие слова говорить, ведь ты этого не делал, что говоришь, просто, значит, бессмысленно говоришь, ну и скажи, например, „ёлки тебе палки“, „эх, ты, едондер пуп“, или „эх, ты, ерфиндер“» и т. п.
>
> Солдаты поняли это по-своему:
>
> — Вот был у нас офицер, его сиятельство граф Толстой, вот уже матерщинник был, слова просто не скажет, так загибает, что и не выговоришь.

Сказав выше о каноническом списке разрешённых слов, мы, конечно, не имели в виду, что все разрешённые слова будут перечислены в предполагаемом законе в явном виде. Скорее всего, в законе будет ссылка на какой-нибудь словарь. Но только не на третье и четвёртое издания словаря Даля.

Как известно, выходившее в 1903—09 годах третье издание «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля, повторенное стереотипно в четвёртом издании, было исправлено и значительно дополнено И. А. Бодуэном де Куртенэ 50. В число дополнений попали и слова обсценной лексики (и поэтому советские переиздания словаря брали за основу второе издание). В предисловии к четвёртому изданию Бодуэн так обосновывал своё решение:

> Что касается отдельных щекотливых слов, то возьмём для примера слова «патриот» и «патриотизм». Сами эти слова весьма

почтенные и заслуживающие понимания согласно их первоначальному источнику[39]. Такими они бывали всегда и такими, вероятно, воскреснут в будущем. Но кто же виноват, если в последнее время эти слова взяты в исключительную аренду известными «партиями» и группами и получили вследствие этого — впрочем, не только в России, но и в других странах — разбойничий, погромный и карательный оттенок? ([Бод 11], с. IX.)

<...>

Как бы то ни было, но необходимо согласиться, что научная точность каждого толкового (то есть объяснительного) словаря, со стороны самого материала, состоит прежде всего в отражении, по мере возможности, действительной жизни и действительных воззрений данного народа. <...>

Та же полная лексикографическая объективность требует внесения в серьёзный словарь «живого языка» так называемых «неприличных» слов, «сквернословия», «ругательств», «мерзостей площадного жаргона» и т. д.

Лексикограф не имеет права урезывать и кастрировать «живой язык».

<...>

Слова, некогда «приличные», переходят мало-помалу в разряд «неприличных» 51; слова же, в былое время производившие впечатление «неприличных», становятся со временем вполне «приличными» членами языкового общества.

<...>

По всем этим соображениям редакция сочла своею обязанностью пополнить и по этому отделу Далева словаря имевшиеся в нём пробелы и пропуски. Мы не вправе переделывать русский язык, мы не вправе скрывать от него тó, что в нём действительно есть и что в нём бьётся интенсивной жизнью.

([Бод 11], с. IX—XI; перепечатано в [Бод 63], с. 236—237.)

Первая цитата из Бодуэна наглядно показывает, что объём понятия обсценности меняется со временем. Известно, например, что слово «блядь» спокойно употреблялось как бранное при дворе первых русских царей. С 1941 по 1954 год в СССР присуждались Сталинские премии трёх степеней. Когда Сталин умер, их присуждение прекратилось. Во время правления Хрущёва началось постепенное

[39] Как блестяще сказал Адам Михник: «Патриотизм определяется мерой стыда, который человек испытывает за преступления, совершённые от имени его народа». — *В. У.*

разоблачение Сталина как злодея (каковым он и был, причём едва ли не первым в списке злодеев мира). Одновременно началось и постепенное переименование содержащих имя Сталина топонимов. Уже в 1957 году главная улица города Сочи, проспект Сталина, получила новое название — Курортный проспект. В 1961 году города Сталинабад, Сталинград и Сталино были переименованы, соответственно, в Душанбе, Волгоград и Донецк, а в 1962 году пик Сталина, высочайшая вершина СССР, была переименована в пик Коммунизма. В 1960 году Сталинские премии (которые уже не присуждались) были задним числом (!) переименованы в Государственные премии 52.

Полагаю, что обсуждение литературных проблем, связанных с обсценной лексикой, не минует страниц «НЛО». Предваряя это обсуждение, хотел бы высказать такое соображение. Среди претендующих на литературность текстов, содержащих обсценные слова, выделяются две коллекции.

Первая состоит из текстов, в которых обсценное слово самодостаточно, его роль сводится к самому́ факту его произнесения или написания, к некоторой браваде: вот, дескать, это слово неприлично, а мы, наперекор запретам, его употребили. Тексты этой коллекции малосодержательны и представляют интерес разве как предмет изучения социолингвистики 53. Их циркуляция, надо полагать, прекратится, как только не станет табу на произнесение тех или иных слов, — ведь с исчезновением табу исчезнет и прелесть его нарушения.

Вторая коллекция состоит из текстов, в которых обсценное слово является неотъемлемой частью литературного сюжета. Темой здесь является не само обсценное слово (как это было в текстах первой коллекции), а некая коллизия, складывающаяся вокруг его употребления 54. Внимания «НЛО» достойны лишь тексты второй коллекции. Один такой текст был приведён в предыдущем параграфе — это рассказ о переводе на японский язык слова «мат». Вот ещё несколько новелл из второй коллекции 55.

Во время Гражданской войны в районе военных действий любой человек легко мог попасть под подозрение и быть расстрелян как шпион — в большинстве случаев безвинно. Меж тем был вполне реальный шпион Антанты, свободно пересекавший линии всех фронтов — между красными, белыми, зелёными, чехословаками, махновцами, петлюровцами и всеми прочими. Когда его задерживали, он предъявлял документы, одни и те же в каждом случае, после чего его не только не убивали, но кормили, поили и доставляли к начальству, которое также его поило и кормило, а затем с доброжелательством (а иногда и с сопровождением) отпускало. Потому что по докумен-

там он был Иван Александрович Говно. Человека с такой фамилией не только невозможно было расстрелять, но было необходимо с ним выпить, чтобы потом хвастать: «А ты знаешь, с кем я вчера пил?».

Теперь вновь обратимся к временам Великой Отечественной войны. Писатель Виктор Ефимович Ардов, во время войны работавший в армейской печати и имевший чин майора административной службы, любил вспоминать следующий эпизод. Как-то раз он сидел у своего знакомого военного врача. Хорошенькая медсестра вошла и сказала: «Товарищ военврач, разрешите обратиться. Мне по моей должности полагается три секеля, а у меня только два. Прошу Вас подать рапорт». По радостному хохоту мужской аудитории она поняла, что сказала что-то не то. Она выбежала из помещения, и тут ей объяснили. 56 Она убежала в лес на сутки, а то и больше. Её искали. Для понимания происшедшего надобно сказать, что в тот год ещё не были введены погоны, и знаки различия в виде ромбов, прямоугольников (так называемых «шпал»), квадратов и треугольников располагались на петлицах. Положенные младшему начальствующему составу треугольники именовались в армейском быту секелями.

В первые послевоенные годы труд пленных немцев использовался в народном хозяйстве (мне приходилось видеть пленных, что-то строящих в подмосковном Голицыне). Рассказывают такую историю про один из трудовых лагерей. Когда наступало время обеда, выходил старшина и говорил что-то вроде «Ёб твою мать, перекур, обед». В некий день перекур и обед явно запаздывали. Наконец, голодные немцы уговорили наиболее почтенного из них принять меры. Тот подошёл к старшине и почтительно сказал: «Herr Oberst! Es ist gerade Zeit „Job tvoju mat“ zu sagen».

Литературный институт Союза писателей СССР, экзамен по русской литературе. Отвечает представитель одной из союзных республик. Он говорит: «Акакий Акакиевич украл шинель». — «Подумайте, что вы говорите!». — «Акакий Акакиевич украл шинель». — «Как???». — «Ну, спиздил». — «Что??? Что вы себе позволяете?». — «Я использую синоним, профессор. Я в общежитии живу. Вчера по коридору бежит человек и кричит: „Кто спиздил мой чайник?“».

Прославленный кавалерист времён Гражданской войны, впоследствии Маршал (1935) и Трижды Герой (1958, 1963, 1968) Советского Союза, в 1943—1953 годах командующий кавалерией Красной (с февраля 1946 года — Советской) Армии Семён Михайлович Будённый (1883—1973) был человек простой. Его реакция

на рассказанные ему известные анекдоты про Василия Ивановича Чапаева была довольно-таки непосредственна: «Эх, ведь говорил же я ему: „Вася, учись, учись!“». Столь же непосредственная реакция видна и в его рассказе о другом герое Гражданской войны, впоследствии также командующем кавалерией (в 1941—1943 годах): «Входим мы в в станицу Георгиевскую ⟨все названия станиц условны — *В. У.*⟩. Видим — беляки лежат порубленные от плеча до бедра. Кто, спрашиваю, здесь хозяйничал? Отвечают: Ока Иванович Городовиков. Идём дальше. Входим в Ермолаевскую. Опять все хорошо порублены. А здесь, говорю, кто упражнялся? Опять отвечают: Ока Иванович Городовиков. Интереснейший человек!». Ока Иванович (1879—1960) кое в чём даже превосходил Семёна Михайловича, а именно в длине и пышности усов (а ведь когда одной девочке в тридцатых годах показывали портрет Будённого, она уверенно говорила: «Это киса»). И вот уже рассказ самого Оки Ивановича. «Вызывает нас с Семёном Михайловичем в Кремль товарищ Сталин. Там у него гармонист, он ему велит играть, а нам говорит: „Пляшите“. Ну, мы стали плясать. Плясали, плясали, утомились, перестали плясать. Товарищ Сталин говорит: „Ещё пляшите“. Наконец, разрешил остановиться. Говорит: „Ну, вот что я вам скажу. Танцоры вы хуёвые, но люди вы верные“. И ведь как правильно сказал: танцоры мы, и правда, хуёвые, но люди верные». Семён Михайлович разделял чувства Оки Ивановича. Тому подтверждение — нижеследующий эпизод, засвидетельствованный в конце 50-х — начале 60-х годов. Дело происходит в подмосковной Баковке, в поместье Будённого. Хлебосольный хозяин сидит в саду в распахнутой на груди рубахе за ломящимся от яств большим столом, в окружении домочадцев и гостей. Он говорит: «Вот, всё у меня есть. И дом — чаша полная, и помидоры из собственной теплицы, и кони из собственной конюшни. А вот всё бы отдал. Только чтобы вызвал меня в Кремль товарищ Сталин и сказал бы мне: „Семён, ёб твою мать!“». Это странное на первый взгляд желание легендарного командарма имеет такое объяснение. За четверть примерно века до того на военные манёвры ехали Сталин, Ворошилов и Будённый. Они ехали в открытой машине. На железнодорожном переезде путь им преградил длинный товарный состав. Автомобиль был вынужден остановиться и переждать. (Уже через пару лет такое вряд ли могло бы произойти.) Путевой обходчик заглянул в машину и был потрясён. «Сталин... — сказал он. — Ворошилов... Ёб твою мать: Будённый!». Сталин нашёл, что трёхчленная формула была произнесена не при той фамилии, при которой следовало бы. И с тех пор, встречая

Будённого, он неизменно приветствовал его словами: «Будённый, ёб твою мать!». И чтобы закончить тему Будённого. Писался его портрет верхом на коне. Самого Будённого художник писал с натуры, а при изображении коня воспользовался фотографией, на которой на коне сидел Ворошилов 57. Когда готовый портрет показали Будённому, тот сразу узнал лошадь и возмутился: «Чтоб я сел на Климкину кобылу? Да никогда в жизни!».

Особый жанр — обсценные частушки, из коих некоторые имели и политический окрас, как, например, такая:

«Гудит, как улей,
Родной завод!». —
«А нам-то хули,
Ебись он в рот!».

(Частушка, сочинённая в предвоенные годы, изображала диалог двух рабочих, сознательного и несознательного.)

Или такая, по-видимому, более поздняя и высмеивающая 12-ю статью «Сталинской» конституции СССР 1936 года, гласящую: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: „кто не работает, тот не ест“»:

Как на Киевском вокзале
Обокрали пищетрест.
И записку написали:
«Кто не пиздит, тот не ест».

И вот ещё две довольно смешные частушки:

Я куплю большую мину
И её в пизду задвину.
Если враг туда ворвётся,
Он на мине подорвётся.

(Частушка очень глубокая: она отражает ту агрессивно-жертвенную составляющую советского патриотизма, которая индоктринировалась официальной пропагандой.)

По небу хуйня летала
Неизвестного металла...
Очень много в наши дни
Неопознанной хуйни.

Слово «выблядок» не такое уж обсценное, поэтому нижеследующая частушка включена в тему обсценной лексики не без колебаний:

Я девчоночку заделал,
Вызвали в народный суд.
Я иду, в гармонь играю,
Сзади выблядка несут.

Однако все приведённые частушки относятся скорее к городскому фольклору, тогда как частушка, как известно, возникла в фольклоре сельском, в XIX веке, в его последней трети. Извольте, вот и сельский фольклор. Эпизод пересказан мне внуком тех, кто ниже назван гостями. Итак, рубеж XIX и XX веков. Господа и их гости, узнав, что происходит какой-то деревенский праздник, покидают веранду барского дома, где они пили чай, и идут смотреть, как веселятся пейзане. И вот что они видят и слышат. В круг выскакивает девка и поёт:

Я танцую, веселюся.
Свово мужа не боюся:
Мой муж говно,
Не ебёт давно.

Господа и гости возвращаются к чаепитию.

Совершенно особая ситуация — это когда обсценное слово присутствует лишь в ассоциации, а прямо в тексте его нет. Здесь мыслимы едва ли не все литературные жанры. Вот три примера. Сперва анекдоты. Двое решают кроссворд. «Президент США из трёх букв». Задумываются. «Смотри, тут в середине у». — «Не может быть!». Другой анекдот. Встречаются две подруги. «Как живёшь, как личная жизнь?». — «Если кратко, на пэ начинается, на цэ кончается». — «Какая ты молодец! Принца отхватила!». Теперь пародия.

Икс-игреки все гадкие
давно сданы.
Остались лишь «и краткие»
для стены.

Это пародия на Маяковского. В последней картине его «Клопа» дети маршируют и поют: «Иксы / и игреки // давно / сданы. // Идём туда, / где тигрики // и где / слоны!».

Бум в связи с БАМом возник в 1974 году, когда строительство Байкало-Амурской магистрали, начатое ещё в 1932 году, было объявлено «всесоюзной ударной комсомольской стройкой». Советская пропаганда привлекала молодёжь посулами таёжной романтики. И вот однажды не то в газете «Правда», не то в газете «Советская Россия», в рубрике «На стройках БАМа», появилась фотография. На ней — по одним свидетельствам — молодой человек с цветком в петлице по шпалам нёс на руках девушку в свадебной фате. По другим свидетельствам — девушка на фото шла по рельсу, а молодой человек поддерживал её за руку. Но все сходятся насчёт текста подписи под фотографией. Она гласила: *Пока не ходят поезда*. Восторг публики не поддавался описанию, а ответственный за выпуск, по слухам, был уволен. В 1970-х годах эта история не нуждалась бы в комментариях. Сейчас, боюсь, нуждается. Дело в том, что в качестве естественной реакции на пропаганду была в ходу частушка:

Приезжай ко мне на БАМ,
Я тебе на рельсах дам.
Пока не ходят поезда,
Пусть поработает пизда.

Ситуация подразумевания тоньше ситуации прямого присутствия. Для сравнения — два анекдота на геморроидальную тему, в первом из коих обсценное слово присутствует, а во втором подразумевается. Герои обоих анекдотов страдают геморроем, но не знают способа применения ректальных свечей. Первый герой их поедает и, не получая облегчения, увеличивает дозу и закупает вновь и вновь. Удивлённый объёмом закупок провизор иронически спрашивает его: «Что, вы их едите, что ли?» — и получает раздражённый ответ: «Нет, в жопу вставляю!». Герой второго анекдота, восточный человек, не может себе позволить идти к врачу с такой болезнью, а посылает жену: «Пойди к врачу, расскажи ему, что со мной происходит, и спроси, как лечить». Жена возвращается с рекомендацией, что надо купить в аптеке свечи, и тут же посылается за свечами. «А что с ними делать?». — «Доктор не сказал». — «Пойди спроси». — «Доктор сказал, что их надо засовывать в анальное отверстие». — «А что такое анальное отверстие?». — «Доктор не сказал». — «Пойди, узнай, куда их засовывать спроси». Жена идёт и возвращается в третий раз. «Ну, что сказал доктор?». — «Он обиделся».

Есть знаменитая задача, специально посвящённая восстановлению обсценной лексики. Она создана классиком жанра лингвистических задач А. А. Зализняком в период работы так называемой Задачной комиссии, готовящей задачи к очередной Традиционной олимпиаде по языковедению и математике (теперь эти олимпиады называются Традиционными олимпиадами по лингвистике). Главные олимпиадные задачи всегда имели собственное имя, эта — хотя, по понятным причинам, для Олимпиады не предназначавшаяся — называлась «О неосмотрительный незнакомец». Вот она. Пешеход переходит улицу, не обращая внимание на красный свет и перебегая перед движущимися автомобилями. Водитель самосвала, под колёса которого пешеход чуть не попал, тормозит и обращается к нему с речью, перевод коей на литературный русский язык таков: «О неосмотрительный незнакомец! Сейчас я накажу тебя ударом по лицу». В подлинном тексте речи водителя те значения, которые в литературном русском передаются выражениями «неосмотрительный незнакомец», «наказать ударом», «лицо», — все они были переданы с помощью одного и того же корня. Требуется восстановить эту подлинную речь.

Замечательно, что иногда обсценное слово не только отсутствует в тексте в явном виде, но, строго говоря, даже и не восстанавливается, хотя при этом ясно, о чём идёт речь. Великим мастером подобных недомолвок был Гоголь. Начать с того, что самый предмет его повести «Нос» многими исследователями понимается не как нос, а как эвфемизм для совершенно другой части тела. При этом, помимо общих глубоких соображений, ссылаются на такие, скажем, пассажи:

> Частный принял довольно сухо Ковалёва и сказал, <...> что у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам.
> <...>
> Майор Ковалёв, сообразя все обстоятельства, предполагал едва ли не ближе всего к истине, что виною этого должен быть не кто другой, как штаб-офицерша Подточина, которая желала, чтобы он женился на её дочери. Он и сам любил за нею приволокнуться, но избегал окончательной разделки. Когда же штаб-офицерша объявила ему напрямик, что она хочет выдать её за него, он потихоньку отчалил с своими комплиментами <...>. И потому штаб-офицерша, верно из мщения, решилась его испортить <...>.

Впрочем, здесь речь не столько о слове, сколько об обозначаемом им предмете. Так что *словесного* квипрокво здесь, по всей видимо-

сти, нет. Другим образцом этого жанра служат знаменитые слова Собакевича, сказанные им за обедом Чичикову: «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму её в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа». На что похожа устрица, не разъясняется, однако всем ясно, на что она, по мнению Собакевича, похожа. Когда же Чичиков выехал от Собакевича, то намёк уже не на предмет, а на само слово, прозвучал в устах встреченного им мужика с бревном, спрошенного о дороге к Плюшкину:

> — А! заплатанной, заплатанной! — вскрикнул мужик. Было им прибавлено и существительное к слову «заплатанной», очень удачное, но неупотребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим. Впрочем, можно догадываться, что оно выражено было очень метко, потому что Чичиков, хотя мужик давно уже пропал из виду и много уехали вперёд, однако ж всё ещё усмехался, сидя в бричке. Выражается сильно российский народ!

Вспоминается и куплет, который я слышал от А. Д. Синявского, распевавшего его с большим вооодушевлением:

Из-за леса из-за тёмного
Привезли его огромного.
А везли его на двадцати волах,
Он, болезный, был закован в кандалах.

Как видим, здесь, как и в некоторых примерах выше, подразумеваемым служит не конкретное слово, но обозначаемый им предмет.

И последнее в этой серии — ситуация, когда не восстанавливается ни слово, ни даже предмет, но обсценность очевидна. Маститый лектор входит в аудиторию и с удовлетворением видит, что в формуле «Милостивые государи и милостивые государыни!», которой он обычно начинает свои лекции, на этот раз может ограничиться первым членом. Он решает развлечь аудиторию: «Одного великого математика спросили, отчего в математике так часто употребляются буквы е и пи». И тут профессор обнаруживает незамеченные им ранее две золотистые косы, коих обладательница с усердием записывает каждое его слово. «Понятия не имею, отвечал великий математик».

Следует отметить, что подразумеваемое слово или подразумеваемый предмет не непременно является табуированным. Эффект подразумевания в общем случае свидетельствует о некоей изощрённости текста. Вот анекдот из позднебрежневских времён — когда

Леонид Ильич уже уволил Подгорного с поста Председателя Президиума Верховного совета СССР, но ещё не уволил Косыгина с поста Премьер-министра. Косыгин посещает Подгорного на его даче и спрашивает хозяина, следит ли он за событиями в стране и мире. Тот отвечает, что политика его совершенно не интересует, он выращивает огурцы и весь поглощён этим: «Ты посмотри, какие у меня огурцы». — «Но ты хоть знаешь, кто у нас сейчас папа римский?» — спрашивает Косыгин. — «Не может быть!». Хотя имя не названо, всякому слушателю было ясно, что имелся в виду Брежнев.

И ещё одно замечание. Следует иметь в виду три обстоятельства. Во-первых, обсценность имеет градации. Слово *жопа* менее обсценно, чем слово *пизда*, а слово *блядь* где-то посредине.

Во-вторых, степень обсценности меняется со временем. Скажем, слово *блядь* не считалось обсценным и широко употреблялось (правда, не в том смысле, который в наше время считается прямым) при дворе первых русских царей. Говорит известный специалист по истории табуированной лексики Андрей Львович Юрганов:

> В древнерусском языке это слово использовалось не только для обозначения «распутной женщины». *Блядью* назывался обман и обманщик (блудить — вводить в за*блужд*ение), ересь и еретик, воровство и вор (соответственно, *воровать* — 'прелюбодействовать'; само слово *вор* образовано от *врати* — 'врать', и его первичное значение — 'лгун, обманщик, мошенник'). [58] Таким образом, *блядью* могли называться и женщина, и мужчина. [59]

А вот противоположный пример. Когда в 1914 году президент Франции Раймон Пуанкаре нанёс визит в Санкт-Петербург, в газетах писали: «На президенте был клетчатый пиджак и клетчатые же невыразимые». Потому что слова *панталоны*, *штаны*, *брюки* в старое время почитались не вполне приличными и начиная с середины XIX века иногда заменялись эвфемизмом *невыразимые*: «Выхожу — и вижу — за калиткой — человека дурно одетого с разодранными *невыразимыми* <...>» (И. С. Тургенев, очерк «Пэгаз», 1871 год).

В-третьих, обсценность субъективна. Так, создаётся впечатление, что молодёжной среде вообще чуждо противопоставление обсценности и не-обсценности. Среди многих примечательных черт русского языка советского периода была и такая: слово *еврей* считалось непристойным. Два примера для иллюстрации. Первый — это вели-

кая строфа из 15-й песни «Послания Л. С. Рубинштейну» Тимура Кибирова:

Я-то хоть чучмек обычный,
ты же, извини, еврей!
Что ж мы плачем неприлично
над Россиею своей?

Здесь существенно слово *извини*. Второй пример — рассказ Константина Михайловича Поливанова, одного из самых уважаемых профессоров Московского энергетического института (с 1943 года), заведовавшего там кафедрой теоретической электротехники (в 1952—1971 годах), и отца моего друга Миши. Ему понадобилось взять в лабораторию нового сотрудника, но тот был итальянец, что по тем временам могло вызвать проблемы. (В моей памяти этот неизвестный мне сотрудник сохранился как итальянец. Оказалось, однако, что при рассказе К. М. Поливанова присутствовал мой сын, обладающий куда лучшей памятью, и он утверждает, что Поливанов говорил не об итальянце, а о французе. Если так, то в приводимом ниже диалоге надо поменять итальянца на француза.) Константин Михайлович отправился на переговоры с начальником отдела кадров. Тот задумался. «Категорического запрета, вообще-то, нет, — сказал он, — хотя оно, конечно... А он вам очень нужен?». — «Конечно, нужен, иначе я бы к вам не пришёл». — «А много у вас этих итальянцев на кафедре?». — «Да ни одного нет». — «То есть как это нет?». И тут до него дошло: «Так он что, настоящий итальянец? А я-то думал, что он такой итальянец... Да берите, если хотите, какие проблемы!».

●●➤ Тему обсценной лексики завершим достойно — некоторыми комментариями к языку Виктора Степановича Черномырдина (ЧВС). Язык этот, как всем известно, замечателен во многих отношениях — в частности, своей узнаваемостью. Некоторые считают речи Виктора Степановича отчасти бессвязными. Другие возражают, утверждая, что если восстановить все цензурные купюры, получится безупречный по связности текст; удалению же подверглась как раз обсценная лексика, естественно и непринуждённо вставляемая в речь значительным процентом мужского населения России, особенно же представителями той рабочей среды, из которой и произошёл Черномырдин. Но более всего ЧВС прославился своими высказываниями: бессмертным «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда», «Отродясь такого не было, и вот опять» и т. д. Одно из таких высказываний свидетельствует о том, что сам ЧВС отлично понимал парадоксальность своих афоризмов; вот оно: «Я лучше ничего не буду говорить, а то я что-нибудь скажу».

Но при чём же здесь обсценная лексика, вправе спросить читатель. А вот при чём. К российскому послу в Киеве, каковым ЧВС являлся с 2001 по 2009 год, пристали с вопросом, как надлежит говорить, «на Украине» или «в Украине». ЧВС, сколько мог, уклонялся от ответа, пока, наконец, не сказал наиболее приставучему журналисту: «Иди в хуй». ◄●●

Добавление. Не желая перегружать основной текст этих заметок, решаюсь вынести в настоящее «Добавление» ещё семь микроновелл, основанных на использовании обсценной лексики. Первые четыре из них суть исторические анекдоты, последние суть анекдоты в более распространённом, неисторическом смысле (этот смысл, впрочем, можно признать весьма актуальным для современной истории), а пятая изображает сцену, свидетелем которой я был.

(1) В. А. Жуковский находился в кабинете императора Николая I, когда туда вошла одна из его дочерей с вопросом о значении слова «хуй», которое она видела написанным на заборе[40]. Николай переадресовал вопрос Жуковскому, сказав что-то вроде: «Вот Василий Андреевич у нас человек учёный, профессор русского языка[41], он тебе и объяснит». Жуковский предложил такое объяснение: «Ваше Высочество, без сомнения, знаете, что повелительное наклонение от глагола „совать“ будет „суй“. А есть сходный по форме глагол „ховать“ малороссийского происхождения со значением ‘прятать’, ‘хранить’; от него повелительное наклонение будет, разумеется, „хуй“». Чрезвычайно довольный Николай протянул Жуковскому усыпанную бриллиантами табакерку[42] и, указывая на карман Жуковского, повелел: «Хуй». Жуковский же, пряча предмет в карман, отвечал: «Хую́».

(2) Отслуживший свой 25-летний срок отставной николаевский солдат работает привратником в петербургской Кунсткамере. Он с гордостью проводит экскурсию для своих односельчан и, в частности, показывает им всевозможные заспиртованные чудеса. Подведя публику к одному из стеклянных сосудов, он говорит: «А это, изволите ли видеть, мужской половой детородный хуй».

(3) Молодой, недавно назначенный чиновник сбегает по лестнице в Министерстве иностранных дел с двумя пакетами в руках. «Вот этот пакет, — говорит он швейцару, — отправишь датскому посланнику,

[40] По другой версии Николай, великая княжна и Жуковский проезжали в коляске мимо забора.

[41] Тут уместно вспомнить, что именно Жуковский преподавал русский язык жене и одной из сестёр Николая.

[42] По другой версии снял с пальца кольцо.

а этот посланнику голландскому». — «Голландские, сударь, бывают сыры и хуи, а посланники, сударь, бывают нидерландские-с».

(4) Суворов находился в конфликте с Потёмкиным, интриговавшим против него. Читаем у Брокгауза и Ефрона ([БЕ-62], с. 896): «В декабре 1790 г. он взял штурмом Измаил. Подвиг этот, вследствие последовавшего затем столкновения с Потёмкиным, не дал С. фельдмаршальского жезла: он награждён был лишь званием подполковника л.-гв. Преображенского полка. В 1791 г. С. поручено обозрение финляндской границы и составление проекта её укрепления; поручением этим он очень тяготился». Рассказывают, что отправляя Суворова с этой унизительной для него миссией в Финляндию и желая подсластить пилюлю, Екатерина сказала: «Нет худа без добра». [60] На что Суворов возразил: «И в „худе“ без добра добро есть». Эпиграфом к этому эпизоду могли бы служить следующие строки из восьмой главы «Онегина»:

Тут был в душистых сединах
Старик, по-старому шутивший:
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

Если даже во времена Пушкина тонкость и ум признавались исключительным достоянием дней прошедших, то что уж говорить о современности! Осмеливаюсь, тем не менее, привести здесь два нравящихся мне эпизода из современной жизни; второй из них настолько же выдуман, насколько первый достоверен.

(5) Дело происходит летом 1964 года или около того в расположенной на литовском побережье Балтийского моря Паланге, на даче знаменитого писателя и государственного деятеля Советской Литвы Антанаса Венцловы. Хозяин отсутствует, а присутствуют его сын Томас Венцлова со своей женой Мариной Кедровой [61], которые принимают на названной даче меня и мою жену Светлану. В окно видно, как от калитки к дому идёт пара: солидный господин в пиджачной паре и при галстуке, а рядом с ним — крашеная блондинка в серебряных туфельках на высоких каблуках. «Это к нам, — говорит Томас, — блядь и профессор». Выяснилось, что однозначно понятое Светланой и мною распределение ролей в этой паре — ошибочно. Оказалось, что высказывание Томаса содержало синтаксическую омонимию и на самом деле блядью и профессором была дама. [62]

(6) Вот один из лучших (неисторических) анекдотов, слышанных мною в последнее время. Звонок в дверь, хозяин открывает и видит незнакомца чудовищной, немыслимой толщины, превосходящей

высоту. Изумлённый хозяин спрашивает «Почему вы такой толстый?». — «Я не толстый, я полный». — «А вы к кому?». — «Я к вам». — «А кто вы такой?». — «Я пиздец». 63

(7) Анекдот на тему чеховского рассказа «Толстый и тонкий», но с противоположным концом. После долгого перерыва встречаются две школьные подруги. «Ну, как ты?». — «Ой, да совершенно замоталась». — «Что так?». — «Помнишь, у меня был поклонник, такой толстенький, лысый? Так он подарил мне яхту». — «Ну, потрясающе! А в чём проблема?». — «А проблема в том, что она у меня стоит на Бермудах, а там Бермудский треугольник, и вообще мне там не нравится. Вот он мне и купил домик на Багамах, на берегу, и теперь я должна её туда перегонять». — «Ну, потрясающе!». — «А когда мне перегонять, когда мой теперешний бойфренд требует, чтобы я немедленно переезжала к нему в парижский особнячок. А как я уеду, когда у меня пентхауз в Нижнем Манхэттене, и не могу же я его взять и бросить». — «Ну, потрясающе!». — «Да что я всё о себе, да о себе! Ты-то что делаешь?» — «А я хожу в школу хороших манер». — «Да? Интересно! И чему же вас там учат?». — «Хорошим манерам». — «Ну, например?». — «Например, нас учат вместо того, чтобы говорить „Не пизди́“ говорить „Ну, потрясающе!“». 64

§ 20. Гиперкоррекция псевдообсценной лексики

Иногда запретными (и, следовательно, приводящими к словесным квипрокво) оказываются слова совсем, казалось бы, невинные.

В советское время (да, пожалуй, и сейчас) слово «яйца», во множественном числе, для обозначения продававшихся в магазине куриных яиц было табуированным; это слово подменялось либо словом «яйцо», либо словом «яички».

В письменной речи, на ценнике, стояло «яйцо» 65. В устной речи фигурировали «яички»: при обращении к продавщице или кассирше принято было спрашивать «Почём яички?» или «Яички есть?».

●➤ Вот и газета «Известия» в 2000 году в своих предпасхальных (в номере от 24 апреля, в статье «Провидение — не алгебра») и послепасхальных (в номере от 6 мая, в статье «Репортаж с бинтом на шее») комментариях, пишет о куличах и яичках. ◄●

Домашняя работница Рины Зелёной, по рассказам, даже слова «яички» не произносила, а говорила *энти*.

Объяснение очевидно. Слово «яйца» почитается неприличным, поскольку в вульгарной речи обозначает «неприличный» предмет, а именно мошонку вместе с её содержимым. 66

Обратимся, однако, к лучшему из послереволюционных русских толковых словарей — к Толковому словарю Ушакова [Уш]. Мы обнаружим следующие толкования.

ЯЙ́ЧКО, <...>. **1.** *Уменьш. к* яйцо во 2, 3 и 4 знач.[43] **2.** Мужская половая железа, вырабатывающая сперматозоиды и помещающаяся в мошонке (анат.).

МОШО́НКА, <...>. **1.** *Уменьш.-ласкат. к* мошна (простореч. устар.) <...>. **2.** Кожный мешочек между промежностью и половым членом у самца, содержащий семенные железы — яички.

Замечательно, что именно это последнее слово «яички», имеющее ясный генитальный смысл в русской языковой норме, и было избрано в качестве «эвфемизма» для замещения слова «яйца», в норме генитального смысла не имеющего, — избрано как раз с целью избежать генитальных ассоциаций.

С логической точки зрения, семиотическая структура описанного явления — состоящего в подмене слова «яйца» словом «яички» — сходна с отмеченным в предыдущем параграфе перенесением обсценности на слово «хер», а также с семиотической структурой следующей микроновеллы, чьи словесные квипрокво также сопровождаются смещением смысла как на семантическом, так и на прагматическом уровне. Два сельских батюшки ностальгически вспоминают свои молодые годы, когда они проходили курс в семинарии и, в частности, учили латинский язык. Один из них говорит: «И зубрили, и экзамены сдавали, а ведь всего-то, что я помню из латыни — это два слова: „penis“, что значит ‘хлеб’, и „vulva“, что значит ‘лисица’».

§ 21. Председатель Реввоенсовета или секретарь Реввоенкомитета?

Вернёмся, однако, к Маяковскому.

В 6-й главе поэмы Маяковского «Хорошо!», ближе к концу, читаем:

И один
из ворвавшихся,
пенснишки тронув,
объявил,
как об чём-то простом
и несложном:

[43] А первое значение слова «яйцо» — ‘женская половая клетка’. — *В. У.*

«Я,
председатель реввоенкомитета
Антонов,
Временное
правительство
объявляю низложенным».

Почему-то ни в каких комментариях я не обнаружил указание на состоявшееся здесь словесное квипрокво. Дело в том, что хотя В. А. Антонов-Овсеенко действительно провозгласил низложение Временного правительства 67, он не был председателем Петроградского военно-революционного комитета, а был его секретарём (см. БСЭ, изд. 3-е, т. 2, с. 96). Председателем же названного комитета во время штурма Зимнего дворца был Н. И. Подвойский (см. БСЭ, изд. 3-е, т. 29, с. 106).

13 сентября 1927 года Маяковский выехал поездом из Кисловодска в Москву. С ним вместе выехала его московская приятельница Наталья Александровна Брюхоненко 68, она же (впоследствии) Наталия Александровна Брюханенко[44] (28.11.1905 н. ст. — 24.03.1984). Вот отрывок из её воспоминаний (см. [Брюх], с. 197):

> В Москву в одном вагоне с нами ехал один из участников штурма Зимнего дворца Н. И. Подвойский. И Маяковский пригласил его в наше купе послушать несколько глав «Хорошо!». Подвойскому очень понравилось, он сделал только несколько замечаний и внёс поправку: председатель не Реввоенсовета, а Реввоенкомитета, что Маяковский и исправил в рукописи. Но в первом издании он не успел это выправить, так как книжка уже печаталась в Госиздате.

«Реввоенсовет» остался и в некоторых поздних изданиях — см., например, с. 103 в вышедшей в 1974 году в серии «Школьная библиотека» книге [Мая 74]. Дело в том, что некоторые из поздних изданий по необходимости имели своими источниками лишь издания самые ранние, промежуточные же издания не были текстологически правильными — а почему так, будет ясно из следующего параграфа.

Тут, однако, вот что самое примечательное. Хотя Подвойский и внёс уточнение в описание события, свидетелем которого он был, а именно исправил название революционного органа, он счёл для себя неудобным указать, что должность руководителя этого органа занимал он сам, а не Антонов-Овсеенко.

[44] В этой версии своей фамилии она уже упоминалась выше в § 17 в цитате из комментариев Б. Янгфельдта.

§ 22. Нели́ца (unpersons) в смысле Оруэлла

Предыдущий параграф даёт основания заключить, что издания поэмы «Хорошо!» разбиваются на две части: в изданиях одной части написано «реввоенсовет», в изданиях другой — «реввоенкомитет». Но такое заключение будет неверным, потому что есть ещё третья и немалая часть. В изданиях этой части нет ни реввоенсовета, ни реввоенкомитета. Потому что там нет и не могло быть Антонова. Антонов-Овсеенко был репрессирован 69 и потому, согласно открытым Оруэллом законам Министерства Правды, был объявлен не только не существующим, но и никогда не существовавшим — нелицом[45]. Поэтому вся строфа, приведённая в § 21, в этих изданиях отсутствует вовсе (и сразу после «Кончилось ваше время» идёт «А в Смольном»). Эта строфа ещё присутствует на с. 190 в 3-м томе из [Мая 36], но уже отсутствует на с. 268 в [Мая 38]; нет её и на странице с тем же 268-м номером в [Мая 40].

Естественно, исчезает и другое упоминание Антонова — но в этом другом случае оказывается возможным ограничиться исправлением косметического характера. Именно, в той же 6-й главе, ближе к её началу, в [Мая 36] ещё было:

да перед картой
Антонов с Подвойским
Втыкают
в места атак
флажки.

В [Мая 38] и [Мая 40] эти строки не исчезают полностью, но меняются. Три слога *Ан-то-нов* замещаются одним слогом *ю*:

да перед картою
Подвойский
Втыкает
в места атак
флажки.

Подобный косметический ремонт может оказаться более опасным, чем капитальное удаление большого куска. Ведь неправильный, цензурованный вариант, если принять его за истинный, способен породить искажённое представление о строе стиха Маяковского. И это не просто гипотеза. В начале 60-х годов на механико-математическом факультете Москов-

[45] «Нелицо» — так в русских изданиях переводится оруэлловское «unperson». Перевод «неличность» выглядит предпочтительным.

ского университета я был участником следующего эпизода. На одном из своих выступлений, посвящённых проблемам стиховедения, Колмогоров 70 говорил об особенностях ритмики Маяковского и, в частности, анализировал семантически значимый перебой ритма после слова «голос» в следующем отрывке из поэмы «Владимир Ильич Ленин»:

Но вот
издалёка,
оттуда,
из алого
в мороз,
в караул умолкнувший наш
чей-то голос:
«Шагом марш».

Здесь три длинные строки, каждая из которых разбита на короткие строки-ступеньки. Всего таких коротких строк восемь, и каждая из них расположена на своём горизонтальном уровне. Так этот отрывок представлен на с. 248 в т. 2 из [Мая 36]. На с. 254 в [Мая 38] те же восемь коротких строк, но длинных строк всего две: первая из них простирается от «Но вот» до «наш». Смысл этой графической реорганизации текста будет разъяснён ниже.

Мне выпала сомнительная честь обратить внимание Колмогорова и всех присутствующих, что на самом деле у Маяковского ритм здесь иной. Действительно, в подлиннике длинных строк здесь не три, а четыре, коротких же строк не восемь, а девять, и последние три из них (№№ 2869—2871 по общему счёту коротких строк поэмы) выглядят так:

чей-то голос —
как будто Муралова —
«Шагом марш».

Так эти строки представлены (и такие номера имеют) в [Мая 57] на с. 306; а комментарий Ю. Л. Прокушева на с. 532 позволяет понять и почему именно Муралов отдавал военные команды на похоронах Ленина, и почему одна из коротких строк, а именно строка про Муралова, отсутствует в предыдущих изданиях: «Муралов Н. И., бывш. чл. ВКП(б), впоследствии исключённый из партии как активный троцкист. В 1924 г. Н. И. Муралов являлся командующим Московским военным округом».

Теперь обещанный ответ на вопрос, почему при переходе от издания [Мая 36] к изданию [Мая 38] потребовалось объединить две длинные строки в одну: за двухлетний период (включивший в

себя 37-й год!) с 1936 по 1938 год режим ужесточился настолько, что скрыть одну только фамилию Н. И. Муралова показалось уже недостаточным — надо было загнать внутрь строки и рифмующееся с ним слово «алого», чтобы даже намёка не осталось на то, что с этим словом когда-то что-то рифмовалось.

Чуть раньше мы сослались на некую нумерацию коротких строк Маяковского. Разумеется, такая нумерация присутствует лишь в изданиях академического характера, каковыми считают себя полные собрания сочинений [Мая 39—49] и [Мая 55—61]. Из сказанного выше ясно, что нумерации в этих полных собраниях не должны совпадать. И действительно, последняя строка поэмы «Владимир Ильич Ленин» имеет в [Мая 40] номер 2977, а в [Мая 57] — номер 2999; аналогично, для поэмы «Хорошо» — 3125 в [Мая 40] и 3163 в [Мая 58а]. Объяснение очевидно: купюры.

Если бы я был маяковедом (так себя называют маяковсковеды), я бы выпустил особый том Маяковского, составленный исключительно из купюр, сделанных в его изданиях. Вот, к примеру, один из текстов этого эвентуального тома (эта строфа, присутствующая на с. 237—238 в [Мая 57], отсутствует, скажем, в [Мая 40], где она должна была бы быть на с. 143):

Я б
нашёл
слова
проклятья громоустого,
и пока
растоптан
я
и выкрик мой,
я бросал бы
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами
метал:
д о л о й!

Разумеется, любая купюра — в особенности же, если она н и к а к не обозначена в тексте, то есть частный случай словесного квипрокво: ведь это есть подмена правильного текста неправильным, в данном случае — подмена пустым текстом, то есть попросту пустотой.

Научный подход к пустоте как к словесному квипрокво требует известной бдительности. Отсутствие таковой может привести к трактовке в качестве словесного квипрокво л ю б о г о места текста. Пустота подлежит квалификации в качестве словесного квипрокво в том и только в том случае, если она знакова (как сказали бы лингвисты — маркирована) [71]. Следующий пример проясняет наш критерий. Если на отдельно взятой клетке слона нет никакой надписи — это ещё не есть словесное квипрокво. Словесное квипрокво возникает здесь в трёх случаях: 1) если надпись «слон» была, но уничтожена; 2) если на соседних клетках написаны наименования содержащихся в них зверей; 3) если по правилам надпись обязана там быть.

З а м е ч а н и е. Нижеследующее наблюдение не относится к теме данного параграфа («Нели́ца»), но относится к теме 'пустота как словесное квипрокво', каковая тема ясно прослеживается в этом параграфе. Просматривая газетные репортажи о спортивных состязаниях, я не без удивления обнаружил следующее явление. Во многих (если не в большинстве) случаев не указывается, о каком виде спорта идёт речь. Как правило, это всё же можно установить косвенно, по таким словам, как, скажем, «ракетка» или «пенальти»; в отдельных же случаях отсутствуют даже такие косвенные признаки. Репортаж как бы адресован даже не просто любителям спорта, а любителям именно д а н н о г о вида спорта (никак, впрочем, явно в публикации не объявленного): они поймут, а другим и понимать незачем.

Третье издание Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) в 30 томах, выходившее с 1969 по 1978 год, взятое в совокупности с вышедшим в 1981 году алфавитным именным указателем [АИУ] к этому изданию, служит прекрасным учебным материалом для изучения пробелов как словесных квипрокво. В 30 томах энциклопедии мы не находим статей, посвящённых таким виднейшим деятелям Коммунистической партии и Советского государства, как Лев Давыдович Троцкий (Бронштейн) (1879—1940), Алексей Иванович Рыков (1881—1938; глава Правительства СССР с 1924 по 1930 год), Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомысльский) (1883—1936), Лев Борисович Каменев (Розенфельд) (1883—1936; это он в апреле 1922 года предложил сделать Сталина генеральным секретарём ЦК РКП(б)), Николай Иванович Бухарин (1888—1938). Удивляться этому не приходится: Сталин объявил их врагами народа, все они были убиты по его приказу, а официальная советская идеологическая доктрина вплоть до прихода Горбачёва оставалась в своей сути сталинистской. Можно ли считать отсутствия соответствующих словарных статей словесными квипрокво? Ни в коем случае. Каждая энцик-

лопедия, каждый словарь вправе решать состав своего словника. С указателем же дело обстоит иначе. На с. 5 в [АИУ] объявлено:

> Сюда включены: фамилии, имена или инициалы, упомянутые как в тексте статей и таблиц, так и в подписях к иллюстрациям, вклейкам и историческим картам; прозвища, клички, партийные и литературные псевдонимы; правящие династии; персонажи мифологии, религии, литературы и фольклора и др.

В указателе мы не находим, однако, ни одной из пяти упомянутых выше фамилий. Их носители, таким образом, выступают в указателе как нелица (unpersons). В то же время они фигурируют как личности в основном корпусе Энциклопедии. Так, Л. Д. Троцкий упомянут в статьях «Августовский антипартийный блок» (т. 1, стлб. 130) и «Троцкизм» (т. 26, стлб. 741); Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев — в статье «„Новая оппозиция“» (т. 18, стлб. 147); Н. И. Бухарин и А. И. Рыков — в статье «Правый уклон в ВКП(б)» (т. 20, стлб. 1446). Таким образом, согласно объявленным правилам, все они должны 72 присутствовать в указателе, и их отсутствие там представляет собою словесное квипрокво. Владимиру Жаботинскому, одной из ярчайших личностей первой половины XX века и замечательному русскому писателю, повезло ещё меньше: он не только не удостоин отдельной статьи, но и какого-либо упоминания в 30 томах энциклопедии, даже в статьях «Сионизм» и «Израиль». При этом в указателе присутствуют и Гитлер, и Муссолини, и генерал Власов. Власов, кстати, присутствует лишь с инициалами А. А., и поэтому, хотя он Андрей Андреевич, предшествует Александру В. Власову. И действительно, Власов характеризуется в указателе как предатель родины, а знать имя-отчество предателя родины не только много чести, но и политически опасно.

Седьмой том третьего издания БСЭ вышел в 1972 году. Там есть статья «Государственные гербы» с красивой цветной вклейкой. На вклейке — гербы едва ли не всех существовавших тогда государств, включая Монако и Сан-Марино. Однако там нет герба Республики Корея, территория которой презрительно именовалась в СССР Южной Кореей. Северная же Корея, именовавшаяся разумеется не так, а Корейской Народно-Демократической Республикой, гербом представлена. Потому что Республика Корея для официального СССР не существовала. Надо полагать, Оруэлл употребил бы для подобной ситуации термин *unstate* — «негосударство».

Практикум исследователя текстов. Задание 1. Возьмите книгу [Мая 81] и откройте её на с. 543. Ознакомьтесь со следующим

комментарием Ф. Н. Пицкель к строке Маяковского о Муралове: «*Муралов* А. И. (1886—1938) — советский партийный и государственный деятель, в 1924 году — командующий Московским военным округом». Обратите внимание, что здесь первый инициал Муралова — «А», тогда как в вышеприведённом комментарии Ю. Л. Прокушева — «Н». Постарайтесь понять, в чём дело.

Решение. Берём 17-й том 3-го издания БСЭ. Открываем его на с. 121, на слове «Муралов». Обнаруживаем, что Муралова звали Александр Иванович, что он жил с 1886 по 1937 год и что он был советским государственным и партийным деятелем. Кроме последней цифры в годе смерти, пока всё сходится с комментарием Ф. Н. Пицкель. Никакого иного Муралова в энциклопедии нет. Однако сведений о том, что Муралов был командующим Московским военным округом, в статье не находим. Более того, обнаруживаем, что в дни похорон Ленина он занимал должность вне Москвы: «В 1923—28 пред. Нижегородского губисполкома, чл. бюро губкома партии». Приходим к выводу, что Ф. Н. Пицкель спутала маяковского Муралова с другим. Обращаемся к эксперту — Никите Глебовичу Охотину. Он даёт исчерпывающие разъяснения [73]. Вот что сообщил нам Н. Г. Охотин. Было два брата Мураловых, старший Николай Иванович (1877—1937) и младший Александр Иванович (1886—1937), одинаково печальной судьбы (оба расстреляны), их часто путают. Николай Иванович Муралов, член партии с 1903 года, во время Октябрьских событий 1917 года был членом Московского военно-революционного комитета ⟨совсем как Антонов-Овсеенко и Подвойский!⟩, затем какое-то время командующим Московским военным округом, затем — на фронтах Гражданской войны (с 1919 года — член Реввоенсовета Восточного фронта). С 1 марта 1921 года — снова командует войсками Московского, а с мая 1924 года — Северо-Кавказского военного округа. С 1925 года — член ЦКК и ректор Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. В 1927 году выведен из состава ЦКК и исключён из партии за фракционную деятельность. С 1928 года на хозяйственной работе. На момент ареста в апреле 1936 года — начальник сельхозотдела Управления рабочего снабжения Кузбасстроя в Новосибирске. Проходил по одному из основных открытых процессов тридцатых годов («Параллельный троцкистский центр», 23—30.01.1937), вместе с Пятаковым, Радеком и др.; это характеризует его высокий статус (а заодно низкий уровень тех комментариев, которые путают его с братом, деятелем далеко не столь заметным). Н. И. Муралов расстрелян 01.02.1937. Для понимания его судьбы важно, что и субъективно,

и объективно он был «человеком Троцкого», героем революционной армии, созданной Троцким (соответственно, очень рано был исключён не только из номенклатурной обоймы, но и из пропагандистского варианта истории, где ранее занимал очень высокое место).

Примечание. Начиная эти заметки, я предполагал лишь кратко упомянуть о Н. И. Муралове для пояснения словесного квипрокво, состоящего в исчезновении рифмы из текста Маяковского. Однако не мог пройти мимо истинного квипрокво, состоящего в принятии одного из братьев Мураловых за другого и присутствующего в книге [Мая 81], изданной миллионным тиражом.

Добавление. Андрей Сергеев, в 1996 году получивший Букеровскую премию за роман «Альбом для марок», сообщает в названном романе: «Николай Иванович Муралов впоследствии командовал МВО: это он вызывался убить тирана» (см. [Сер], с. 121). Как устно и любезно разъяснил мне Андрей Яковлевич, Муралов высказывал такую мысль: коль скоро Сталин — тиран, он, Муралов, готов его убить, но для этого как человек военный должен получить прямой приказ от вышестоящего партийного начальника — например, от Зиновьева. На мой вопрос, убил бы Муралов Зиновьева, получи он такой приказ от Сталина, А. Я. Сергеев ответил, что не сомневается в этом.

Задание 2. Укажите способ, посредством которого из посвящённых Подвойскому и Антонову-Овсеенко статей 3-го издания БСЭ можно узнать, что первый умер на свободе, а второй был объявлен врагом народа и погиб в заключении.

Примечание. Надо ли прибавлять, что ни про кого из тех, чья судьба сложилась так же печально, как у Антонова-Овсеенко, узнать об этой судьбе из названной энциклопедии явным способом невозможно?

Решение. У Подвойского (в т. 20) указаны и день смерти, и её место, у Антонова-Овсеенко (в т. 2) — только год смерти (1939), а место смерти не указано вовсе. Таким же, как у Антонова-Овсеенко, способом указаны в томе 25 даты жизни великого грузинского поэта Тициана Табидзе, убитого[46] сталинской бандой: «[21.3(2.4).1895—1937]»; (место смерти Табидзе не указано, место рождения указано отдельно — см. ниже задание 4).

[46] 10 октября 1937 года Тициан Табидзе был исключён из Союза писателей Грузии, в тот же день арестован, подвергнут пыткам и, предположительно, не позже чем через два месяца тайно расстрелян. И семья его, и близкий друг Борис Пастернак долгое время жили надеждой, что Тициан жив. Факт его смерти был раскрыт лишь после смерти Сталина.

З а д а н и е 3. Выясните, сохранился ли в последующих томах 3-го издания БСЭ такой способ подачи информации о смерти «реабилитированных врагов народа».

Р е ш е н и е. Сохранился лишь частично. В последующих томах БСЭ место смерти по-прежнему не указывается, но указывается день смерти (например, в случае А. И. Муралова — 30.10.1937), зачастую, надо полагать, выдуманный.

З а д а н и е 4. Сформулируйте, что и почему изменилось в последующих томах 3-го издания БСЭ в отношении подачи информации о рождении «реабилитированных врагов народа».

Р е ш е н и е. Для обычного человека, удостоенного статьи в БСЭ, дата и место рождения и смерти помещаются через тире рядом и объединяются квадратными скобками. Например, для Подвойского: «[4(16).2.1880, с. Кунашовка, ныне Нежинского р-на Черниговской обл. — 28.7.1948, Москва]». Для Антонова-Овсеенко день смерти не указывается (см. решение к заданию 2), поэтому информация выглядит так: «[9.3(21).1883, Чернигов — 1939]»[47]. Одновременное наличие места рождения и отсутствие места смерти в пределах единого скобочного пространства бросаются в глаза и позволяют читателю заподозрить нехорошее. В то же время БСЭ стремится избежать малейшего намёка на не отвечающий задачам коммунистического воспитания своих читателей конец жизни её героев. Поэтому в статьях о «реабилитированных врагах народа» в последующих томах место рождения выносится за пределы квадратных скобок и запрятывается в текст статьи. Для ясности — два примера. Из 24-го тома:

> **СПИРИДО́НОВА** Мария Александровна [16(28).10.1884—1941], один из лидеров партии левых эсеров. Род. в Тамбове. <...> С. отошла от политической деятельности и с нач. 30-х гг. жила в Уфе. Автор воспоминаний о Нерчинской крепости.

Из 15-го тома:

> **МАНДЕЛЬШТА́М** Осип Эмильевич [3(15).1.1891—27.12.1938], русский советский ⟨sic!⟩ поэт. Род. в Варшаве в семье купца.

З а д а н и е 5. Выясните, когда произошло то изменение, о котором говорится в предыдущем задании.

Р е ш е н и е. Изменение произошло между 29 января 1971 года и 23 апреля того же года. Первая дата есть дата подписания к

[47] Дата рождения указана в БСЭ с опечаткой. Должно быть: «9(21).3.1883».

печати 4-го тома БСЭ, в котором в столбце 236 написано: «Бубнов Андрей Сергеевич <...> [23.3(4.4).1883, Иваново-Вознесенск, ныне Иваново — 12.1.1940]». Вторая дата есть дата подписания к печати 5-го тома БСЭ, в котором в столбце 790 написано: «Вознесенский Николай Алексеевич [18.11(1.12).1903 — 30.9.1950] <...>. Род. в с. Тёплое, ныне Тульской обл. <...>».

Задание 6. Выясните, не обращаясь к Интернету, был ли репрессирован математик Николай Сергеевич Кошляков.

Решение. На подозрение наводит тот факт, что в статье «Кошляков» в БСЭ его послужной список обрывается в 1942 году, за 16 лет до его кончины. Однако в названной статье даты рождения и смерти Кошлякова приведены вместе с указанием тех мест, где произошли эти события: 11(23).7.1891, Петербург — 23.9.1958, Москва. Констатируем, что пользуясь только БСЭ, решить задачу невозможно. Прибегаем к сравнительному изучению БСЭ и «Справочника» Академии наук СССР за 1948 год. В энциклопедической статье сказано, что в 1933 году Кошляков был избран членом-корреспондентом Академии наук. Однако в алфавитном списке членов-корреспондентов, помещённом в «Справочнике», вслед за Кочиной сразу идёт Коштоянц. Всё становится ясным: Кошляков был какое-то время нелицом (unperson). Это означает, что в этот период он был репрессирован. Но на момент смерти уже получил право на существование.

Задание 7. Из шести английских Георгов словарных статей в БСЭ удостоены только четыре — отсутствуют статьи о Георге II, царствовавшем в 1727—1760 годах, и Георге VI, царствовавшем в 1936—1952 годах. Требуется: (а) объяснить, почему в БСЭ нет о них отдельной статьи; (б) найти все упоминания о них в БСЭ.

Решение. (а) — удовлетворительного решения не найдено. Георг II основал знаменитый Гёттингенский университет, и хотя бы уважение к Владимиру Ленском должно было побудить составителей дать о нём статью. Георг VI вошёл в историю как последний император Индии (до 1947 года) и последний король Ирландии (до 1949 года), а также как символ борьбы Британской империи против нацистской Германии во Второй мировой войне. Впрочем, «символ борьбы Британской империи» — это как раз могло сослужить отрицательную службу: в советской идеологии символом борьбы против нацистской Германии мог быть только Советский Союз, а если персонально — то товарищ Сталин, а затем Леонид Ильич Брежнев, Четырежды (в 1966, 1976, 1978, 1981 годах) Герой Советского Союза (надо ли напоминать читателю, что война окончилась в 1945 году и

каждый раз звание Героя присуждалось Брежневу 18 или 19 декабря «в связи со столько-то-летием со дня рождения»); ●●➤ после Брежнева, в XXI веке — снова Сталин ◄●●. Но ведь в конце 1943 года Георг VI и его супруга Елизавета, восхищённые победой в сталинградской битве, организовали массовый сбор средств в помощь сталинградцам и послали им целую больницу с полным набором оборудования и медикаментов, телефонную станцию на 10 тысяч абонентов, а также тёплые вещи и продовольствие. Кроме того, по его заказу был выкован переданный лично Сталину Черчиллем почётный меч с выгравированными на клинке надписями по-английски и по-русски: «To the steel hearted citizen of Stalingrad, the gift of King George VI, in token of homage of the British people» и «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа»). Но и меч не помог.

(б) Георг II упоминается в двух статьях: «Великобритания» (т. 4, стлб. 1243) и «Ганноверская династия» (т. 6, стлб. 324). Георг VI упоминается в трёх статьях: в статье о королеве Елизавете II — как её отец и предшественник; в статье об английских королях Эдуардах, а именно в абзаце о своём брате и предшественнике Эдуарде VIII, царствовавшем в 1936 году (этот абзац достаточно подробен); в статье «Сталинградская битва», где сказано (т. 24, книга I, стлб. 1197): «в ноябре 1943 <...> в Тегеране премьер-министр Великобритании передал сов. делегации почётный меч — дар короля Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование победы над фаш. захватчиками». Передавшее меч лицо названо если и не по имени, то по должности, лицо принявшее не названо никак. Тем более не сказано, что принимая меч, Сталин поцеловал его и едва не уронил (по некоторым сведениям, таки уронил).

З а м е ч а н и е. Можно лишь строить гипотезы относительно отсутствия в БСЭ короля Георга VI. Возможно, он высказал что-либо критическое о Советском Союзе. И американский генерал Эйзенхауэр, и британский фельдмаршал Монтгомери оба были награждены высшим советским военным орденом — орденом «Победа», насчитывающим десятка полтора кавалеров. Однако сведения об этом даны только в статье про Монтгомери (который, кстати, в соответствующем Указе Президиума Верховного Совета СССР был назван «сером», через е). Оно и понятно — он был военным и только военным, а Эйзенхауэр впоследствии сделался президентом США. Возможно, власти испытывали подсознательный стыд за присвоение Насеру звания Героя Советского Союза; во всяком случае, в статье БСЭ про Насера об этом ничего не сказано.

З а д а н и е 8. Объясните, почему в словаре музыкальных терминов [Сеж] нет словарной статьи «Джаз», хотя само это слово присутствует в статье «Саксофон»: «саксофоны входят в качестве основных инструментов в состав джаза».

Р е ш е н и е. В 1948 году, когда вышел словарь (он подписан к печати 3 апреля), джаз — и как направление в музыке и как вид оркестра — относился к числу антинародных, буржуазно-формалистических явлений. Поэтому из числа музыкальных терминов он был исключён. Однако автор словаря, Константин Константинович Сеженский, не считал возможным написать о саксофоне без упоминания его роли в джазе.

З а д а н и е 9. Объясните, почему в другом музыкальном словаре [Остр] вообще не встречаются не только слово «джаз», но и слово «саксофон» (для сравнения, на с. 18 в [Сеж], в статье «Духовые инструменты симфонического оркестра», указано: «в современном симфоничекском оркестре иногда употребляются саксофоны»).

Р е ш е н и е. 11 февраля 1948 года в газете «Правда» было опубликовано принятое накануне Политбюро печально знаменитое «Постановление ЦК ВКП(б) „Об опере «Великая дружба» В. Мурадели“». В нём, в частности, предписывалось: «1. Осудить формалистическое направление в советской музыке, как антинародное и ведущее на деле к ликвидации музыки. <...> 4. Одобрить организационные мероприятия соответствующих партийных и советских органов, направленные на улучшение музыкального дела». Полагаю, что лицам, подписавшим 3 апреля того же года словарь [Сеж] к печати, не поздоровилось. Ни Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР Арон Львович Островский, ни тем более лица, подписавшие 5 февраля 1950 года его словарь к печати, подвергать себя очевидной и неминуемой опасности не захотели.

Решения заданий 8 и 9 показывает, что к оруэлловскому понятию ‘нелицо’ следовало бы добавить понятие ‘необъект’ (‘unobject’).

Отдел документации Министерства Правды описанного Оруэллом государства Океания[48] занимался тем, что подгонял прошлое под настоящее, а именно менял все опубликованные когда-то документы в соответствии с текущими установками Партии. При этом изменения происходили во всех экземплярах тиража: старые экземпляры

[48] ●●➤ Напомним, что роман Оруэлла «1984», в котором описано названное государство, в 2009 году поставлен журналом «Newsweek» на второе место в списке ста лучших книг всех времён и народов (после «Войны и мира»). ◄●●

уничтожались, и вместо них печатались новые, исправленные. Цитата из Оруэлла:

> В этот процесс непрерывного изменения вовлечены не только газеты, но и книги, журналы, брошюры, плакаты, листовки, фильмы, фонограммы, карикатуры, фотографии — все виды литературы и документов, которые могли бы иметь политическое или идеологическое значение. Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее. Поэтому документами можно было подтвердить верность любого предсказания партии; ни единого известия, ни единого мнения, противоречащего нуждам дня, не существовало в записях. Историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново — столько раз, сколько нужно.

В 1952 году вышел пятый том второго издания Большой Советской Энциклопедии. В нём на страницах 21—24 была помещена хвалебная статья о Л. П. Берия, сопровождаемая большим, на отдельной вклейке, портретом; такие портреты были положены всем членам Политбюро. 10 июля 1953 года пресса сообщила об аресте Берия, обвинённого, в частности, в том, что он был английским шпионом. 27 июля Министерство внутренних дел СССР разослало на места секретный циркуляр следующего содержания:

> В связи с запросами с мест сообщается, что указание о повсеместном изъятии портретов Берия распространяется как на индивидуальные портреты, та и на групповые портреты, картины, диапозитивы, диафильмы, на которых имеется изображение Берия.
>
> Картины на холсте, выполненные маслом, а также диафильмы запрещается демонстрировать до их исправления.

В 1954 году редакция Большой советской энциклопедии разослала письмо своим подписчикам, то есть библиотекам, учреждениям и отдельным лицам, письмо, в котором рекомендовалось «ножницами или бритвой» аккуратно вырезать и портрет, и страницы, посвящённые Л. П. Берия, а вместо них вклеить другие (присланные в том же письме), с другими статьями, начинающимися на те же буквы. Разумеется, имя Берия в письме не упоминалось, а указывались номера страниц и вклейка. Новая страница 21 содержала фотографии Берингова моря.

В 1950-х годах, а особенно после смерти Сталина, когда из носящих титул «великий» остался лишь Мао Цзэдун, мы очень заигрывали с Китаем. (Например, карта к статье «Великие геогра-

фические открытия» во 2-м издании БСЭ была показана китайцам для согласования, ими раскритикована, и исправлена в соответствии с критикой[49].) И когда один из членов высшего китайского руководства Гао Ган был обвинён в антипартийной и антигосударственной деятельности и в 1954 году, так и не признав своих ошибок, покончил с собой (чем, как писалось в газетах, окончательно разоблачил себя), БСЭ отнеслась к нему столь же серьёзно, как к Берия. Подписчикам было предложено вырезать соответствующую страницу в 10-м томе и заменить её на новую где вместо статьи «Гао Ган» оказалась статья «гаолян».

§ 23. Ленин на Мавзолее

Политическая цензура, о которой говорилось в двух предыдущих параграфах, служит одним из Неограниченных Источников словесных квипрокво, и читатель, без сомнения, может и без нашей помощи привести немало примечательных примеров.

Если рассматривать произведения изобразительного искусства как тексты (а такая точка зрения, полагаю, близка к позиции «НЛО» 74), то и в этой сфере можно найти примеры словесных квипрокво; слово «словесный» здесь надо понимать в точном смысле определения из § 1: подмена текста. 75

Декор станции московского метрополитена «Комсомольская-кольцевая» посвящён славе русского оружия. Среди различных элементов убранства выделяются восемь мозаичных панно из смальты и ценных камней; правда, чтобы увидеть их, надо задрать голову, поскольку панно расположены на потолочных плафонах. Сюжеты первых пяти мозаичных плафонов развиваются от воинов в шишаках до воинов в киверах — от Александра Невского и Дмитрия Донского, через Минина и Пожарского, к Суворову и Кутузову. После Кутузова, на шестом плафоне, Ленин на Мавзолее; но ведь Ленин не может стоять на собственном мавзолее; он, конечно же, не на Мавзолее, а выступает (перед революционными массами) с трибуны у кремлёвской стены; но всё же очень кажется, что он на Мавзолее,

[49] Китайцы возражали против европоцентричного подхода к географическим открытиям.

Они справедливо считали, что их цивилизация древнее, что Китай открыл Европу не в меньшей степени, чем Европа Китай, и на многих землях они побывали раньше европейцев и уж во всяком случае независимо от последних.

да и трибуна чем-то смахивает на урезанный с боков Мавзолей, и расположена на месте будущего Мавзолея, и цвéта совершенно мавзолейного; ниже этому миражу будет дано объяснение. Здесь ещё можно прибавить, что этот сюжет не очень вписывается в общую тематику славы русского оружия — и этому тоже найдётся объяснение. Далее на седьмом плафоне изображены советские воины времён Великой Отечественной войны во время одного из её кульминационных моментов — при взятии Рейхстага. На восьмом — Победа в виде аллегорической современной девы на фоне уже точно Мавзолея, потому что на нём написано «Ленин». Дева представляет собою одновременно и рабочую, и колхозницу; в правой руке она держит и серп, и молот, как бы выражая тем самым готовность сразу и ковать победу, и пожинать её плоды. В левой руке она держит что-то вроде пальмовой ветви (моих ботанических знаний не хватает для точной идентификации — может, ветвь и оливковая). Дева попирает знамёна поверженного противника — какого именно, из одних только знамён установить затруднительно, но, надо полагать, германского, потому что среди попираемых знамён валяется герб с немецко-фашистской свастикой.

Автором этих плафонов является знаменитый советский художник и, в частности, монументалист Павел Дмитриевич Корин (1892—1967). Как-то он был спрошен интервьюером, почему он избрал не что-нибудь иное, а именно технику мозаики для реализации своих эскизов. Я помню эту его беседу с репортёром, опубликованную в одной из центральных или московских газет в хрущёвские времена. Он ответил, что техника мозаики является наиболее устойчивой к ходу времени, почти вечной.

Пикантность ситуации заключалась в том, что как раз в это время на названной станции метро стояли леса, и находящиеся на них рабочие переделывали шестой и восьмой плафоны. Первоначально на шестом плафоне был изображён действительно Мавзолей, поскольку темой обоих панно были два знаменитых парада войск на Красной площади в Москве времён Великой Отечественной войны: шестое панно изображало Октябрьский парад 7 ноября 1941 года, а восьмое — Парад победы 24 июня 1945 года. Разумеется, главное внимание на первоначальных панно было уделено не столько войскам, сколько тем, кто стоял на Мавзолее, а стоял там товарищ Сталин со своими верными соратниками. Первым из них исчез с плафона товарищ Берия, он был заменён на неопределённую фигуру. Ко времени коринского интервью очередь дошла до товарищей Маленкова, Молотова, Кагановича. В результате Ста-

лин оказался окружённым совершенно безликими, неузнаваемыми людьми[50].

Осенью 1961 года, после XXII съезда КПСС, исчез с потолка и сам Сталин. Тогда и произошли метаморфозы: парад 7 ноября 1941 года превратился в выступление Ленина, парад 24 июня 1945 года — в неопределённую аллегорию Победы. (А на гвардейском знамени седьмого панно профиль Сталина был заменён профилем Ленина. «Художники рисуют Ленина, как раньше рисовали Сталина, а Сталина писать не велено, на Сталина все беды свалены», — это Борис Слуцкий.)

Тактика переделок была избрана самая экономичная, основанная на их минимизации. Осталось место действия, осталась кремлёвская стена как фон, а трибуна, с которой говорит Ленин, оказалась напоминающей Мавзолей.

Разумеется, это не единичный случай изменений в рассчитанной на вечность мозаике в московском метро. Так, в торце центрального подземного зала станции «Новослободская» женщина-мать высоко держит своего младенца, который ручонками тянется к расположенному прямо над ним слову «МИР». Всё меньше остаётся тех, кто помнит, что раньше вместо слова «МИР» был мозаичный лик товарища Сталина. ●●➤ Вот какую иллюстрацию к обсуждаемой теме сообщил мне В. М. Алпатов. В 1959 году в вестибюле гостиницы в Сухуми ему довелось видеть репродукцию известной картины Ефанова 1937 года «Незабываемая встреча» о встрече руководителей партии и государства с колхозниками-ударниками. На репродукции Сталин (он жмёт руку знатному свекловоду Марии Демченко) ещё стоял, но Молотов и Каганович, входившие в состав так называемой *Антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова*, разоблачённой на пленуме ЦК КПСС в июне 1957 года, были переделаны в женские фигуры. ◄●●

История советского монументального искусства полна подобных замен и подмен, и я надеюсь, что когда-нибудь все они будут ката-

---

[50] ●●➤ Александр Дмитриевич Вентцель, прислал мне следующю поправку:

> Не совсем точно. Берия был заложен смальтой, которая должна была быть цвета стены мавзолея — то есть рядом с товарищем Сталиным не должно было стоять никого. Но цвет совпадал не в точности, так что при внимательном разглядывании виделся призрак — силуэт в мягкой шляпе. Потом толпа на мавзолее ещё поредела, но пополнилась новыми призраками.

Но в моей памяти отложилось какое-то количество людей на мавзолее с неопределёнными лицами. ◄●●

логизированы. Пока что они хранятся или в расплывчатой памяти современников 76 или же в одесских анекдотах (объявление кондуктора: «Памятник Карлу Марксу, бывший памятник Екатерине Второй»; реплика прохожего: «Мадам, ребёнок должен знать, что Сергей Есенин — это бывший Лазарь Каганович»; впрочем, последнее уже не о памятнике, а о теплоходе). Здесь уместно вспомнить второе стихотворение из кибировского цикла «В рамках гласности». В нём, написанном в эпоху Перестройки, воспроизводится диалог лирического героя с рабочим, перестраивающим памятник Сталину в памятник Пушкину. Вот его фрагмент:

— А когда же это совершится,
завершится славный подвиг ваш?
Доживу ли я, как говорится?
— Да подкрасить только — и шабаш!

— Как подкрасить?! — Да подкрасить малость,
Видишь — облупилось кое-где.
Ну а в общем-целом состоялась
перестройка. — Как? А галифе?!

— Галифе? А что? — Да как же это:
Пушкин в галифе? — Ну, в галифе...
— И с усами?! — Ну, с усами... — Где ты
Пушкина такого видел, где?!

И с широкой грудью осетина,
и с «Герцоговиной»...
— Ах ты, блядь!
Как же ты осмелился, скотина,
наше обновленье обсирать?!

Пушкина не смей, подлец, касаться!
Руки прочь и делай ноги, жид!
Пушкин — наше братство и богатство,
нашей общей веры монолит!

Пушкин — наш! Народу он любезен!
Он артиллеристам дал приказ![51]

[51] «Артиллеристы, Сталин дал приказ» — первая строка припева к песне «Маршу артиллеристов», созданной в 1943 году и ставшей знаменитой в военные годы. — *В. У.*

§ 24. Пьяный силён

Ещё об искусстве.

Перед тем, как передать картины Дрезденской галереи Восточной Германии (что было сделано в 1955 году), их выставили на обозрение в залах московского Музея изобразительных искусств имени Пушкина 77. Попасть на выставку было трудно: за билетами стояла огромная очередь; ещё, кажется, билеты распределяли — как тогда говорили — «по предприятиям». Но каждый день, до официального часа открытия для публики по билетам, были устроены дополнительные часы, когда пускали не по билетам, а по пропускам, раздававшимся художникам, искусствоведам, журналистам и т. п., но в большей своей части, конечно, по блату. Поэтому в эти специальные часы публика в заметной части состояла из буфетчиц ЦК КПСС, парикмахерш партийно-правительственных и административных дам и т. д., а также из родственников и знакомых этих буфетчиц и парикмахерш.

В указанные дополнительные часы попал и я и был свидетелем успеха, который имела картина Ван Дейка «Пьяный силен». Изображённый на ней силен был в сильном подпитии; склонившись, он почти обвисал на руках поддерживающих его фигур и, казалось, сейчас блеванёт. Он вызывал всеобщую симпатию и отчасти зависть. Но главное — в отличие от подписей на большинстве других картин! — была совершенно понятна подпись, которая (я это слышал) произносилась так: «Пьяный силён!».

Напоследок вспомнилась история, где в роли участников квипрокво выступают не целые монументы, а их фрагменты. Во время войны наиболее ценные экспонаты московского Музея изобразительных искусств были эвакуированы или закопаны. Но кое-что осталось в залах. После авианалётов служители осматривали возможные повреждения. Вот рассказ старой служительницы: «Я подняла, стала приставлять к статуям — не приставляется. Оказалось, хвост кабана».

§ 25. Лия Леонардовна

Кстати, о живописи.

В 1957 году армянский художник Мартирос Сергеевич Сарьян писал портрет Ираклия Луарсабовича Андроникова (ныне этот портрет находится в семье дочери И. Л. Андроникова Екатерины). С этой целью Ираклий Луарсабович посещал московскую мастерскую

Сарьяна. С ним вместе приходила и его жена Вивиана Абелевна. Имя «Вивиана Абелевна» отложилось в сознании жены Сарьяна Лусик Лазаревны в несколько искажённом виде: Лусик Лазаревна называла Вивиану Абелевну «Лия Леонардовна». Через некоторое время Лусик Лазаревна сказала Вивиане Абелевне: «Лия Леонардовна, я начинаю подозревать, что я называю Вас как-то неправильно. Потому что, как я заметила, другие называют Вас по-другому и при этом одинаково между собой».

Ирину Семёновну Буяновер, первую из четырёх жён Р. Л. Добрушина, Е. С. Левитин именовал не иначе как Ира Добровейн. Не упуская при этом прибавить: «Я знаю, что она Вайнтрауб».

Но где же, в отношении этих словесных квипрокво, ответ на вопрос «почему?», присутствующий в заглавии наших заметок? Читатель вправе присоединиться к негодованию Варвары Петровны Ставрогиной, запечатлённому в 4-м разделе 5-й главы 1-й части «Бесов»: «Всё это вздорные аллегории. Вы не ответили на мой вопрос: „Почему?“. Я настоятельно жду ответа».

На это мы ответим читателю так, как ответил Варваре Петровне капитан Лебядкин:

> Не ответил «почему?». Ждёте ответа на «почему?». Это маленькое словечко «почему» разлито во всей вселенной с самого первого дня мироздания, сударыня, и вся природа ежеминутно кричит своему Творцу: «Почему?» — и вот уже семь тысяч лет не получает ответа.

Примечания

1 [к n° 0.1, с. 255]. Ранее эта же дама сообщала своему мужу, что её гастролирующая цирковая труппа переезжает в город Гумилёв. Могилёв и Гомель с равным успехом могли бы быть тем городом, куда труппа переезжала на самом деле.

2 [к n° 0.1, с. 256]. Уже набили оскомину истории про обмолвки во фразе «Епиходов опять бильярдный кий сломал!..», произносимой лакеем Яшей в 3-м действии «Вишнёвого сада», и во фразе «Гонец из Пизы», произносимой неизвестным персонажем неизвестной пьесы. Мне самому довелось быть на торжественно обставленном представлении пьесы А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» в Центральном театре Советской Армии. Перед началом вышел народный артист Зельдин и сказал: «Сегодня у нас большое событие. Мы даём сотый спектакль пьесы Алексея Николаевича Толстого». Возможно, это и

не было оговоркой, а он просто не знал, что бывают другие Алексеи Толстые, кроме советского Николаевича.

●●➤ Вольная или невольная обмолвка Зельдина была одноразовой; она была услышана лишь теми, кто в тот момент находился в театральном зале. А вот пример словесного квипрокво тиражированного, и к тому же пропущенного сквозь авторский, редакторский и прочий контроль. В пятницу 11 июля 2003 года первый канал телевидения показывал восьмую серию сериала «За кулисами», посвящённого закулисной жизни некоего вымышленного театра и его примы, знаменитой актрисы Татьяны Николаевны Занегиной, тоже, разумеется, вымышленной. Роль Занегиной играет Марина Зудина, актриса уже не вымышленная, а реальная. По ходу сюжета Занегина заявляет о возможности убийств на почве ревности. В подтверждение того, что такое возможно, Зудина устами своей героини приводит следующий аргумент: ведь вот убил же Тузенбах Солёного. Добавим, что (опять же по сюжету) «Три сестры» только что поставлены упомянутым театром и Занегина занята в постановке, так что ей, казалось бы, полагается знать, кто кого убил в этой пьесе (да и Марине Вячеславовне Зудиной это не мешало бы знать). ◄●●

3 [к n° 0.2, с. 262]. Если только не сбудутся пессимистические пророчества о конце России. Среди обоснований этих пророчеств довелось слышать и такое. С одной стороны, как утверждают газеты, происходит снижение продолжительности жизни. С другой стороны, возрастает срок обучения в школе: сорок лет назад была десятилетка, потом ввели одиннадцать лет обучения, и стало можно услышать разговоры о двенадцати годах. Если эти процессы продолжатся, срок обучения превзойдёт продолжительность жизни.

4 [к n° 0.2, с. 265]. ●●➤ Приведём полностью тот текст Лосева, о котором шла речь; он взят с сайта `http://www.svobodanews.ru/content/transcript/472266.html` радио «Свобода» (радиопрограмма «Время и мир» от 06.11.2008 23:03, передача «Пастернак в Америке: к 50-летию присуждения Нобелевской премии писателю»).

Лев Лосев:

Говорить о каком-то едином присутствии Пастернака в американской культуре, по-моему, нельзя. Я бы сказал, в ней — три Пастернака. Первый, который, действительно, вошёл в массовое сознание, имеет наименьшее отношение к Борису Леонидовичу. Я бы проиллюстрировал это одним случаем, запомнившимся мне, хотя он имел место не в Америке, а в Швеции. Мне посчастливилось быть на нобелевских торжествах по случаю присуждения

Нобелевской премии Иосифу Бродскому в 1987 году. На банкете в стокгольмской ратуше я оказался за столом напротив очень видного старца с красной орденской лентой через плечо. Узнав, что я русский, старик решил завести интересный для меня разговор и начал так: «Вот, помню, когда мы здесь вручали премию доктору Живаго...». Вот так и для среднего американца существует не столько Борис Пастернак, сколько доктор Живаго. Причём не из романа, а из фильма, который был одним из самых успешных за всю историю Голливуда и до сих пор набирает полные залы на ретроспективных показах.

Второй Пастернак — это тот, с которым знаком гораздо более узкий круг американцев, тех, кто всерьёз прочёл роман Пастернака, кто знаком с его историческим контекстом. Это те, кому довелось столкнуться с «Доктором Живаго» в одном из университетских курсов.

И, наконец, третий, совсем уж узкий круг интеллигенции — это университетские профессоры, писатели, журналисты, специализирующиеся на вопросах культуры. Они знают Пастернака не только как автора нашумевшего романа, но и как автора других прозаических произведений, и знают, что Пастернак — великий русский поэт. Есть одна огромная проблема для читателя в Америке. Пастернак, как мы знаем, прежде всего лирический поэт. Понять его прозу иначе, как сквозь призму его же поэтического творчества, невозможно. Но поэзия Пастернака абсолютно непереводима на английский. Причём невозможно перевести раннего Пастернака с его гипертрофированной и крайне субъективной метафорикой, но ещё того невозможнее — позднего, «простого» Пастернака. Из первого получается абракадабра, из второго — банальщина. ◄●●

5 [к § 1, с. 272]. См. [Ильф], с. 137 (записи 1936—37 годов):

Решено было не допустить ни одной ошибки. Держали двадцать корректур. И всё равно, на титульном листе было напечатано: «Британская энциклопудия»[52].

[52] ●●► Сообщение от В. М. Алпатова:

Знаменитый пример того же рода, но уже вполне реальный. А. С. Суворин, впервые после снятия цензурного запрета издававший в России «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, заключил пари о том, что издание выйдет без единой опечатки. Радищева звали Александр Николаевич, а на обложке изданной книги стояло А. И. Радищев. ◄●●

Близкая к нашей теме запись на той же 137-й странице:

> Шёл Маяковский ночью по Мясницкой и вдруг увидел золотую надпись на стекле магазина: «Сказочные материалы». Это было так непонятно, что он вернулся назад, чтобы ещё раз посмотреть на надпись. На стекле было написано: «Смазочные материалы».

И совсем близкая к теме запись 1928 года (там же, с. 66):

> Памятник Первоопечатнику.

6 [к § 1, с. 274]. Два поясняющих примера лексического нарушения: 1. Объявление *Лифт вниз не поднимает*, некогда вывешенное в одной из одесских гостиниц. 2. Заданный в апреле 1990 года неким деловитым посетителем Московской Патриархии вопрос *Могу я видеть Всевышнего*? «Он, конечно, имел в виду „Святейшего“, то есть Патриарха. <...> Всевышним мы именуем Самого Бога» (М. Ардов, «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни», раздел «На орлах стоящие»).

7 [к § 1, с. 276]. Об этом сообщает Наум Коржавин в своём известном сочинении «Памяти Герцена» (баллада об историческом недосыпе).

Любовь к Добру сынам дворян жгла сердце в снах,
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда всё пошло.

И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать, —
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.
Так родилась в России конспирация:
Большое дело — долгий недосып.

Был царь убит, но мир не зажил заново.
Желябов пал, уснул несладким сном.
Но перед этим побудил Плеханова,
Чтоб тот пошёл совсем другим путём.

Всё обойтись могло с теченьем времени.
В порядок мог втянуться русский быт...
Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребёнок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зря его...
Три составные части — три источника
Не проясняют здесь нам ничего.

Он стал искать виновных — да найдутся ли? —
И будучи спросонья страшно зол,
Он сразу всем устроил революцию,
Чтоб ни один от кары не ушёл.

И с песней шли к Голгофам под знамёнами
Отцы за ним, — как в сладкое житьё...
Пусть нам простятся морды полусонные,
Мы дети тех, кто не доспал своё.

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

8 [к § 1, с. 277]. Примеры советской политической цензуры многочисленны и общеизвестны. Ну, вот, например, «Золотой телёнок» Ильфа и Петрова был издан в 1933 году московским издательством «Федерация», и это было первым изданием в виде отдельной книги; книга содержала 439 страниц. В следующем, 1934 году, «Золотой телёнок» вышел в издательстве «Советская литература» на 341 странице. На 10-й странице каждого из этих изданий читаем: «Они [пешеходы], давшие миру таких замечательных людей, как Гораций, Бойль, Мариотт[53], Лобачевский, Гутенберг, Мейерхольд и Анатоль Франс <...>». Надо ли говорить, что после закрытия Театра имени Мейерхольда (8 января 1938 года) и уж тем более после

[53] В мои студенческие годы, начавшиеся в 1947 году, власть проявляла повышенное внимание к идеологическим аспектам науки — в частности, к её истории. На вступительных экзаменах мог быть задан вопрос из истории науки. Поэтому правдоподобной выглядела распространённая тогда в Московском университете легенда, что поступавшего на Физический факультет спросили, как звали жену Бойля-Мариотта. Якобы он ответил «мадам Гей-Люссак» и немедленно получил пятёрку.

ареста самого Мейерхольда (20 июня 1939 года) имя Мейерхольда исчезло из последующих изданий и не могло появиться там вновь ранее его реабилитации, состоявшейся в 1955 году.

Может, и не самый яркий, но чрезвычайно типичный пример связан с публикацией в журнале «Юность» документального романа Анатолия Кузнецова «Бабий Яр». Об этом кратко и ясно рассказано в статье «Бабий Яр (роман)» в Википедии: `http://ru.wikipedia.org/wiki/Бабий_Яр_(роман)`. В статье, в частности, сказано:

> Когда Кузнецов узнал, что большая часть особо важного текста была выброшена из книги, он потребовал рукопись обратно, но ему её не вернули, так как Суслов уже дал добро на печать. В 1966 году в журнале «Юность» был опубликован сокращённый роман, однако никакой надписи о сокращении не было. Местами текст получился откровенно бессвязным, иностранные переводчики зачастую не понимали смысл некоторых предложений.

К сказанному можно добавить, что когда «Бабий Яр» был опубликован на Западе с выделением мест, удалённых советской цензурой, Запад ахнул от «беззубости» этих мест.

Один из актов цензуры посягнул на мои детские воспоминания и потому вызвал эмоциональный протест. Люди моего поколения в детстве знали наизусть микропоэмы Маршака «Почта» и «Мистер Твистер». В «Мистере Твистере» рассказывалось о том, как американский миллионер (а тогда это было, как сейчас миллиардер) мистер Твистер *едет туристом в СССР*. Приплыв с женой и дочерью в Ленинград, он направляется в гостиницу «Англетер», где встречает чернокожего постояльца. Поскольку мистер Твистер *не любит цветного народа*, он пытается устроиться в другие гостиницы, в каковых, однако, не оказывается свободных мест. Твистеры вынуждены вернуться в «Англетер», и миллионер проводит ночь на стуле. Вот вкратце сюжет. Вмешательство в него политической цензуры я обнаружил в 1962 году, купив за 8 копеек изданную трёхсоттысячным тиражом Детгизом книжку Маршака «Мистер Твистер». Дело в том, что в указанном издании не названа причина, по которой не оказалось мест в других гостиницах. Объяснений как бы и не требовалось — советскому читателю и так было ясно, что мест в гостиницах, как правило, не бывает. Но мне-то причина была известна из довоенных изданий. Когда Твистеры покинули «Англетер», швейцар «Англетера» начи-

нает обзванивать ленинградские гостиницы. И вот что он говорит: *— Два, / Сорок два, / Сорок восемь, / «Астория»! / Можно ли / Вызвать / Швейцара / Григория? / Слушай, Григорий, / Наверно, сейчас / К вам на моторе / Приедут от нас / Трое / Туристов / По имени Твистер, — / Это отчаянные / Скандалисты. / Ты говори им, / Что нет номеров. / Понял, Григорий? / Так будь же здоров! / — Двадцать один, / Восемнадцать, / «Сицилия»! / Можно ли / Вызвать / Швейцара / Василия? / Слушай, Василий, / Наверно, сейчас / В автомобиле / Приедут от нас / Трое / Туристов / По имени Твистер, — / Это отчаянные / Скандалисты. / Ты отвечай им, / Что нет номеров. / Слышал, Василий? / Так будь же здоров. / — Пять, / Тридцать пять, / Тридцать девять, / «Италия»! / Можно ли / Вызвать / Швейцара / Виталия? / Здравствуй, Виталий, / Сейчас...* — И так далее. Можно предположить, что классовая ненависть швейцара «Англетера», уместная в год создания поэмы (1933), стала не столь уместной во времена так называемой разрядки международной обстановки. «Да и что это за страна такая, в которой наличие или отсутствие мест в гостинице регулируется личными пристрастиями швейцаров! Стоит ли в неё ехать?» — могли бы подумать иностранцы, собирающиеся в туристическую или деловую поездку в СССР.

Эмоциональный протест вызвала у меня и перемена названия одного из самых примечательных спектаклей Театра кукол Сергея Образцова. Речь идёт о спектакле «Необыкновенный концерт», вот уже десятилетия присутствующем в афише театра. Но сказанное не вполне точно, поскольку на премьере, состоявшейся 28 апреля 1946 года, название было другим, более реалистичным: «Обыкновенный концерт». Спектакль был признан огульно охаивающим советскую эстраду, каковая по определению не могла не быть высокохудожественной, и вскоре запрещён. Восстановился он уже под новым названием, клеветническим уже не являющимся. Не знаю, насколько субъективным было моё восприятия и насколько на него повлияла приставка «не-», но только когда я посмотрел «Необыкновенный концерт», он мне показался ухудшимся по сравнению с «Обыкновенным концертом», который мне посчастливилось посмотреть ещё до его снятия с репертуара.

●●➤ Вот ещё пример. В декабре 2007 года я увидел на книжном развале сборник Заболоцкого карманного формата («Не позволяй душе лениться», М.: Эксмо, 2007). Убедившись, что в ней присутствуют любимые мною «Столбцы», я купил её, дабы читать в метро.

А когда стал читать, увидел на с. 48 в стихотворении «Новый быт» строки:

«Ура! Ура!» — поют заводы,
Картошкой дым под небеса.
И вот супруги, выпив соды,
Сидят и чешут волоса.

Как же так, подумал я, ведь я помню, что заводы не поют, а воют, и соды супруги не пили, а сидели на покое, чтó рифмовалось со словом «воют». Но помнил я это по изданной в 1929 году книжечке «Столбцы», которую читал в детстве и которой под рукой у меня не было. Однако ведь память, тронутая доктором Альцгеймером, могла и подвести, надо бы проверить в Большой серии «Библиотеки поэта». Открываю на с. 202 изданный в этой серии в 1965 году том Н. А. Заболоцкого «Стихотворения и поэмы» — в характерной для второго издания Большой серии синей обложке. Читаю то же самое, убеждаюсь в неотвратимости собственного склероза, тем более, что в примечании на с. 462 указано, что текст печатается по рукописи. Утешение приходит из почти тысячестраничной книги «Огонь, мерцающий в сосуде...», подготовленной сыном поэта Никитой Николаевичем и изданной в 1995 году московским издательством «Педагогика-Пресс». На с. 127 нахожу четыре строки в той редакции, в которой я их помню:

Ура! Ура! — заводы воют,
Картошкой дым под небеса,
И вот супруги на покое
Сидят и чешут волоса.

Всё становится ясным. На с. 447 тома из Большой серии обнаруживаю, что упомянутая выше рукопись была завершена 6 октября 1958 года и что предназначалась она для прижизненного издания стихотворений и поэм, которому не суждено было состояться: смерть автора произошла через несколько дней, 14 октября. Политическая цензура обрела здесь форму автоцензуры. Советские заводы не могут выть своё «Ура!», но только петь. И это не единственное место автоцензуры данного стихотворения. Присутствующие в издании 1929 года строки «и звёзд коричневые пятна / ему наклеены на грудь» в рукописи были удалены. (Замечу ещё, что в тщательно подготовленном издании 1995 года ранние стихотворения Заболоцкого, подвергшиеся наибольшей авторской правке, приведены как в первоначальной редакции 20-х — 30-х годов, так и в позднейшей, «окончательной»). ◄●●

Особого исследования заслуживает цензурирование повести братьев Аркадия и Бориса Натановичей Стругацких «Обитаемый остров». Сокращённый журнальный вариант был опубликован в 3-м, 4-м и 5-м номерах журнала «Нева» за 1969 год. В 1971 году издательство «Детская литература» выпустило повесть отдельным 318-страничным изданием. Тот факт, что текст претерпел при этом цензуру не вызывает удивление: удивительным скорее является то, что подобные сочинения Стругацких вообще издавались в СССР. Предметом научных изысканий должна стать реконструкция причин, побудивших цензоров или редакторов, заранее цензоров боявшихся, внести то или иное конкретное цензурное изменение. Можно предполагать, что правке подвергались те места, которые могли быть восприняты как намёк на ту или иную сторону советской действительности. На что именно виделся намёк — вот это и должно быть предметом исследования. Рукопись повести мне недоступна, я могу сравнить лишь журнальный вариант с детгизовским, который буду цитировать по памяти, прося у снисходительного читателя прощения за возможные неточности. Что касается журнального варианта 1969 года, то он у меня под рукой, равно как и два постсоветских издания[54], в которых ликвидированы цензурные поправки — но не все: одни из них (такие, как смена русской национальности на немецкую у двух главных положительных героев) прижились, другие (такие, как замена слов «на каторгу» и «каторжник» словами «на перевоспитание» и «воспитуемый» и звания «капитан» званием «ротмистр») были признаны авторами удачными. Напомню, что действие в повести происходит в некоем тоталитарном государстве, расположённом на планете отдалённой звёздной системы. Во главе государства стоит, если говорить в советских терминах, «коллективное руководство», состоящее из так называемых «Неизвестных Отцов» и так характеризуемая персонажами повести:

> ...Анонимная группа[55] наиболее опытных интриганов, остатки партии путчистов, сохранившиеся после двадцатилетней борьбы за власть между военными, финансистами и политиками. У них две

[54] (1) Обитаемый остров. Жук в муравейнике: Повести. — М.: Текст, ЭКСМО-Пресс, 1998. — 464 с.; (2) Обитаемый остров: Фантаст. роман. — М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2004. — (Миры братьев Стругацких). В (2) — послесловие Б. Стругацкого, излагающее историю публикаций повести.

[55] Здесь возникает ассоциация с повестью Лема «Эдем», где анонимен не только состав, но даже сам источник власти и, более того, истинное знание об этом источнике карается. Сказанное приведёт кое-кого к размышлениям о политическом устройстве России начала XXI века. — *В. У.*

> цели, одна — главная, другая — основная. Главная — удержаться у власти. Основная — получить от этой власти максимум удовлетворения. Среди них есть и незлые люди, они получают удовлетворение от сознания того, что они — благодетели народа. Но в большинстве своём это хапуги, сибариты, садисты, и все они властолюбивы... <...> Неизвестные отцы были совершенно явными лжецами и мерзавцами, но они почему-то пользовались у народа несоменной популярностью.

Неизвестные Отцы варианта 1969 года в издании 1971 года были переименованы в Огненосных Творцов. Индивидуально выделенные Неизвестные Отцы именовались так: Папа, Свёкор, Тесть, Деверь, Шурин; в издании 1971 года они превратились в Канцлера, Графа, Барона и т. п.; по-видимому, прежние имена могли, по мнению цензоров, быть восприняты как намёк на непотизм в верхнем советском слое. «Холуи» издания 1969 года стали в 1971 году «референтами»; то ли цензоры вспомнили запрещённого ими Галича и его бессмертные строки «...У папы холуи с секретаршами / <...> А в глазах-то у тебя дача в Павшине, / Холуи, да топтуны с секретаршами / <...> А папаша приезжает сам к полуночи, / Топтуны да холуи тут все по струночке!»; то ли и в самом деле на жаргоне высших советских кругов было принято именовать референтов холуями, и подвластное население не должно было этого знать. Вообще исчезло какое бы то ни было упоминание об «окладе в синем конверте»; уж это-то совершенно понятно: советские чиновники, начиная с некоторого ранга, получали помимо официального, облагаемого налогом должностного оклада ещё и пачку денег в конверте из плотной синей бумаги. Наконец, «серая линия» телефонной связи Государственного прокурора стала, в речи его референта, «Вашей личной линией» (выражение «серая линия» содержало недопустимый намёк на секретную информацию о наличии особой линии правительственной связи).

Разумеется, цензурная коррекция текстов не была советским изобретением. Цензура царского времени достаточно исследована. Уместно вспомнить, например, что две, пожалуй, наиболее известные цитаты из пушкинской «Сказки о золотом петушке» (*Царствуй, лёжа на боку* и *Сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок*) не были пропущены цензором Никитенко; об этом Пушкин с горечью пишет в феврале 1835 года в своём дневнике.

Да что говорить о казённых цензорах. Жуковский, обожавший Пушкина, делал цензурные поправки к пушкинским текстам — из

лучших побуждений, с целью обеспечить их напечатание. Некоторые из этих поправок достойны внимания. Они хорошо известны литературоведам, но, боюсь, не широкой публике. Приведу два примера.

Фраза «Жил был поп, толоконный лоб», с которой начинается «Сказка о попе и о работнике его Балде», законченная в Болдино в сентябре 1830 года, — одна из тех пушкинских цитат, про которые можно сказать, что они вошли в русский язык. Однако опубликована она была лишь в 1882 году. В первой публикации, осуществлённой Жуковским уже после смерти Пушкина, в 1840 году, сказка начиналась так: «Жил был купец Кузьма Остолоп по прозванью осиновый лоб». Соответствующие изменения были произведены в тексте, а заглавие было таким: «Купец Кузьма Остолоп, по прозванию осиновый лоб». (Нет сомнений, что если бы текст — в угоду политкорректности того времени — не подправил Жуковский, то за него бы это сделала духовная цензура. Так, в непечатавшемся при жизни автора пушкинском стихотворении «К Огарёвой, которой митрополит прислал плодов из своего саду» с начальной строкой «Митрополит, хвастун бесстыдный» слово *митрополит* было заменено несуществующим словом *агрономит*.)

Если этот первый из приводимых нами примеров цензурной правки Жуковского повлиял лишь на сравнительно второстепенные оттенки смысла, то второй, с некоторой точки зрения, полностью поменял политическую направленность произведения. Все знают, что трагедия «Борис Годунов» заканчивается ремаркой «Народ безмолвствует», следующей сразу вслед за призывом Мосальского к народу кричать «Да здравствует царь Дмитрий Иванович!». Ремарка показывает, что русский народ не принял самозванца. В рукописи, однако же, в этом месте стояла прямо противоположная ремарка, показывающая, что народ готов кричать осанну любому предложенному ему властителю: «Н а р о д. Да здравствует царь Дмитрий Иванович!». Трагедия была закончена в ноябре 1825 года, но опубликование встретило возражения Николая I, высказывавшему пожелание, чтобы Пушкин «с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман наподобие Вальтер Скотта». Издание было осуществлено лишь в декабре 1830 года, причём без участия Пушкина, под наблюдением Жуковского. Была ли смена заключительной ремарки санкционирована Пушкиным, автору этих строк неизвестно. Тут замечательно то, что и в советское время ремарка публиковалась в изменённом виде. По-видимому, чтобы никто не мог усумниться в непогрешимости народа.

Интернет-страница http://www.evangelie.ru/forum/t26995.html со ссылкой на журнал «Наша школа» (2000, № 9, с. 23), приводит эпизод из истории русской цензуры:

> Российский библиограф А. И.[56] Калмыкова попыталась добиться включения в каталог книг, разрешённых для народных школ, научно-популярной брошюры о происхождении грома и молнии. Ответ чиновника Министерства народного просвещения был категорически отрицательным: «Вы считаете необходимым, чтобы крестьяне знали, что такое электричество, а мы считаем, что для них гораздо полезнее при звуках грома думать: пророк Илья на колеснице катается по небу».

(Невольно подумаешь: ну вот, рассказали российским крестьянам об электричестве — и что, легче им стало жить? И где они теперь, эти крестьяне?)

Разумеется, цензура присуща не только России. В викторианской Англии, например, цензурировали Свифта: из «Гулливера у лилипутов» исключали эпизод, где Гулливер спас императорский дворец от уничтожения пожаром, тем что пустил на дворец струю мочи (за что, кстати, подлежал, по законам Лиллипутии, смертной казни, поскольку мочеиспускание в императорском дворце было запрещено и каралось смертью). Проявлением викторианской морали в СССР в 1969 году служит замена многоточием слов «и лесные сраки» в украинском журнале «Мовознавство» (см. с. 481 в «Послесловии от марта 2011 года» к статье «И лесные сраки» настоящего издания). И в Турции, по слухам, западная детская классика при переводах или пересказах причёсывается под гребёнку турецкого взгляда на жизнь.

Вообще, прямая или косвенная цензура при переводе с одного языка на другой, будь то цензура политическая, нравственная или религиозная — да и всегда ли можно их различить? — это тема специального исследования, к которым мы не чувствуем себя готовыми. Приведём только один пример. Известная сказка А. М. Волкова «Волшебник изумрудного города» является пересказом знаменитой сказки американского писателя Фрэнка Баума (Lyman Frank Baum, 1856—1919) «Волшебник из страны Оз» («The Wizard of Oz»). У Баума действуют Крылатые Обезьяны (Winged Monkeys), у Волкова они называются Летучими Обезьянами. Чтобы их вызвать, надо

[56] Опечатка во втором инициале. Библиографа Калмыкову (1849—1926) звали Александра Михайловна. — *В. У.*

произнести заклинание. В первом издании «Волшебника изумрудного города», вышедшем в 1939 году, заклинание выглядело примерно как «Хилло, холло, хелло!» (цитирую по памяти), то есть как подражание заклинанию англоязычного подлинника: «Hil-lo, hol-lo, hel-lo!». Нужны ли советской детворе эти американские звуки? Не нужны. Поэтому в последующих изданиях для вызова волшебных обезьян следовало произносить наше, русское «бамбара, чуфара, лорики, ёрики, пикапу, трикапу, скорики, морики!». Две ассоциации. «Соня в царстве дива» — название анонимного первого, вышедшего в 1879 году, перевода «Алисы в стране чудес» на русский язык. «От матушки сырой земли к могучему плечу шарахни!» — команда, заменившая собою команду «На плечо!» в утопии (или антиутопии?) начала XX века, автора и название коей я забыл.

Может создаться ошибочное мнение, что политическая цензура относится лишь к художественным текстам. Это не так. Она проявлялась, например, в форме эвфемизмов в политических текстах. Так, о массовой забастовке 17 июня 1953 года в Восточном Берлине советские газеты писали «имела место волынка на отдельных предприятиях». Слово *забастовка* в применении к территории так называемого «социалистического лагеря» было невозможным и потому заменялось просторечным словом *волынка*, никогда до того не встречавшемся в этом значении на страницах советской печати и потому вызвавшим некоторое недоумение у тех читателей советских газет, которые не слушали «Голоса Америки» или «Русской службы БиБиСи». (Отметим также использование слова *отдельных* вместо *почти всех*.)

Соединённые Штаты Америки, как всем известно, — оплот демократии и свободы слова. Но они также и оплот политкорректности, которая далёко не всегда совместима с демократией, свободой слова и уважением к памятникам культуры. Вот замечательный пример, демонстрирующий присутствие в США политической цензуры. 5 января 2001 года сайт радиостанции «Эхо Москвы» сообщил на странице `http://www.echo.msk.ru/blog/nossik/739468-echo/`: «В Штатах предпринята очередная попытка избавить детвору от ужасов Марка Твена. К изданию готовится кастрированная версия приключений Гекльберри Финна, где слова, обозначающие негра, заменены в 219 местах на политкорректный эвфемизм *раб*.

9 [к § 1, с. 277]. В целях пропаганды может использоваться как истинное квипрокво, когда одни события, понятия или предметы сознательно заменяются другими, то есть происходит прямая ложь, так и словесное квипрокво, осуществляемое на чисто словес-

ном уровне. Вот всем известная и неоднократно описанная уловка советской пропаганды: когда госдеятель из СССР или из дружественной страны отправлялся в зарубежную поездку, он наносил *визит*; когда в аналогичную поездку (но не к нам и не в дружественную страну) отправлялся деятель страны недружественной, он совершал *вояж*. Куба с её репрессивным режимом и невозможностью выезда именовалась в СССР не иначе как «Островом Свободы». И так далее. ●●➤ Поразительно, но подобная примитивная пропаганда оказалась настолько действенной, что в 2010 году на неё попались такие радиостанции, как «Свобода» и «Эхо Москвы». Как известно, после прихода к власти в секторе Газа террористической организации Хамас Израиль начал блокаду Газы. Это произошло 17 сентября 2007 года. В конце мая 2010 года блокаду попыталась прорвать флотилия, названная её организаторами «флотилией свободы» и везущая, по их словам, гуманитарную помощь. И название флотилии, и квалификация её груза, указанная её спонсорами, совершенно естественны с пропагандистской точки зрения. Гораздо менее естественным кажется то, что обе названные выше радиостанции 5 июня (да и в другие дни) употребили ту же пропагандистсткую терминологию. Никаких указаний на истинный характер груза сделано не было; возможно, он действительно был чисто гуманитарный, но это неизвестно, да и не существенно для обсуждаемой темы. А обсуждаемая тема — лёгкость попадания на пропаганду уважаемых средств массовой информации. 73 ◄●●

10 [к § 1, с. 277]. ●➤ В одном из сочинений Фриды Вигдоровой была фраза «у каждого пионера есть своя Испания»; машинистка заменила её на «у каждого пионера есть своё испытание» (устное сообщение А. К. Симонова). А М. В. Ардов рассказывает о крепко выпивавшей машинистке Марии Исаевне, услугами которой пользовалась Ахматова:

> Ахматова отдала ей перепечатывать свой печально известный цикл «Слава миру». Там есть такие строчки
>
> <...>
> ...И увидала, как плясали дети
> Под лёгкой сеткой молодых ветвей
> Среди деревьев этот резвый танец <...>.
>
> Так вот, Мария Исаевна вместо «резвый танец» напечатала «трезвый танец». С учётом её недуга и применительно к детям это было весьма забавно.
>
> ([Ард 1998], с. 41—42; [Ард 2001], с. 231.) ◄●

11 [к § 1, с. 278]. С этой высшей семиотической точки зрения и обратное явление, когда долженствующая быть пустота заменяется словами, тоже следует считать словесным квипрокво. Таковым, по мнению Л. Ю. Брик, было наличие имени В. В. Полонской в списке членов семьи Маяковского: см. ниже начало § 16. По мнению автора этих строк (мнению, которое он сам признаёт наглым и/или нахальным), таковым является пятое восьмистишие, само по себе превосходное, из «Писем к римскому другу» — одного из моих любимейших стихотворений Бродского. Стихотворение это выдержано в эпистолярном жанре в виде писем сосланного цезарем автора к некоему Постуму. Законным исключением из указанного жанра является последнее, девятое восьмистишее, описывающее обстановку в саду автора писем после его смерти. А вот пятое восьмистишее является, на наш взгляд, исключением незаконным, поскольку заключается в прямой речи, но обращённой не к Постуму, а к гетере: «Это ливень переждать с тобой, гетера, я согласен <...>». Повторю здесь то, что говорится в § 3: в предпоследнем восьмистишии Бродский употребляет слово «гетера» в более чем сомнительном (и уж никак не соответствующем древнеримской практике) смысле ‘проститутка’: «Поезжай на вороной своей кобыле / В дом гетер под городскую нашу стену. / Дай им цену, за которую любили, / Пусть за ту же и оплакивают цену».

12 [к § 2, с. 288]. Пример не вполне точен. Ведь двенадцать месяцев были не просто переименованы, но и смещены во времени, поскольку день провозглашения Республики, 22 сентября 1792 года, в тот год совпавший к тому же с днём осеннего равноденствия, был объявлен первым днём первого месяца (*вандемьера*, то есть месяца сбора винограда) первого года новой эры человечества. Замечательно, что этот календарь, упразднённый с 1 января 1806 года, был сразу же восстановлен Парижской коммуной и просуществовал вместе с ней с 18 марта по 28 мая 1871 года. А вот если бы в наши дни коммуна снова пришла к власти во Франции, то республиканские названия месяцев вряд ли были бы приняты — по причине их политической некорректности в нынешних условиях. В самом деле, все четыре заморских департамента современной Франции: Гваделупа, Гвиана, Мартиника, Реюньон — пребывают в зоне жаркого климата (причём последний ещё и в Южном полушарии), так что названия, (такие, как *нивоз* со значением ‘месяц снега’) там не поймут.

13 [к § 2, с. 288]. На память приходит формула из справочника улиц города Вильнюса 60-х годов: «Улица Ленина, бывшая Сталина, бывшая Гедиминаса, бывшая Пилсудского, бывшая (кажется — *В. У.*) Николаевская» (далее я не помню).

14 [к § 2, с. 290]. Написания вроде «lite» вместо «light» и «nite» вместо «night» (например: «lite beer», «nite spot») можно теперь встретить и в Англии. Читателю предлагается оценить как изысканность нижеследующей рекламы, так и уровень наблюдательности и интеллекта автора этих строк, увидевшего эту рекламу в Амстердаме весной 1993 года. Рекламный щит простирался на два этажа, и на нём огромными буквами было написано **WARM BEER**. Радость моя не поддавалась описанию: вот она, подлинная голландская гастрономическая экзотика! Я зашёл в заведение, едва ли не пустое в тот дневной час, сел за столик и потребовал тёплого пива. Официант обиженно заметил, что у них никогда не бывает нареканий на недостаточную охлаждённость пива. Я вывел его на улицу и показал надпись на рекламе. Он не позволил себе засмеяться, а просто показал мне следующую строку, до того мною не прочтённую. Буквами такого же размера там было написано **ROTTEN FOOD**. Выяснилось, что это моднейшая пивная для местных хиппи или панков, не помню, кто из них тогда был на гребне волны.

15 [к § 2, с. 291]. Советские карикатуры, на мой взгляд, представляют собою совершенно особое культурологическое явление, исследованное совершенно неадекватно. Я имею в виду не их художественные особенности, а их семиотику, соотношение знака с действительностью. Хорошо помню, например, газетную карикатуру от августа 1961 года, призванную оправдать помещённое в том же номере газеты сообщение о воздвижении знаменитой Берлинской Стены. Рисунок изображал когтистую руку империализма, тянущуюся с запада на восток и разрубаемую Стеной. Никого не смущало, что в указанном сообщении разъяснялось, что иностранцы и жители Западного Берлина могут свободно переходить через Стену, а вот жители Восточного Берлина — не могут. **79** Неадекватно, на мой взгляд, исследован вопрос, являются ли фольклорными или псевдофольклорными тексты, подобные нижеследующему: «Нам ваш „опель“ не для ча / Мы имеем „москвича“». Псевдофольклорность подразумевает, что такие тексты запускались в обиход идеологами из КГБ.

16 [к § 2, с. 291]. Вот ещё пример такой реакции, менее остроумный и звучавший скорее в пивных, чем на кухнях: «Мы Америку догнали / По надою молока, / А по мясу не догнали: / Хуй сломался у быка».

17 [к § 2, с. 291]. В конце 1960-х годов я принимал участие в издании сборника переводов «Математика в современном мире» (М.: Мир, 1967): предполагалось, что я буду титульным редактором (от чего, уже проделав работу, но не добившись единомыслия с переводчиком, я отказался и ограничился предисловием). Издатель-

ский редактор Р. А. Фесенко неоднократно посещал меня с деловыми визитами. Однажды он показал мне свои выщербленные зубы и объяснил, что это следы избиений в застенках Государственной безопасности. И рассказал замечательную историю. Как известно, в довоенном Харбине образовалась большая русская колония. После войны большинство, в том числе и он, отправились на историческую Родину, причём многие добровольно. Переселенцев было сотни тысяч, и пересечение границы заняло несколько месяцев. Поезда с китайской стороны подходили к границе, а на советской стороне всех (по словам рассказчика, всех поголовно) пересаживали в эшелоны и прямиком везли в гулаг. Я позволил себе усомниться. Не может быть, сказал я, чтобы сведения об этой многомесячной и многосоттысячной операции не просочились на Запад. Они и просочились, ответил Фесенко, соответствующая информация печаталась и в некоторых харбинских газетах. Тут я совершенно изумился. Почему же тогда продолжали ехать? Разве нельзя было избежать переселения? Ответ был поразителен. Этой информации не верили по следующей причине. Сообщения о реальном положении дел ссылались на западные источники, в каковых утверждалось, что именно всех, без отбора, тут же перегружали в гулаговские товарные вагоны. Но это казалось невозможным. Можно было допустить, что кого-то, пусть даже многих, арестовывают на границе, но чтобы всех... Меж тем западные источники сообщали, что именно всех (на самом деле были исключения, но совершенно единичные, среди них — известная писательница Наталья Ильина). Но поскольку не может быть, чтобы *всех*, то значит это злостная буржуазная пропаганда, которой верить нельзя.

18 [к § 2, с. 293]. В 1968 году мне довелось участвовать в примечательном, достойном отдельного рассказа заседании Учёного совета Филологического факультета МГУ, на котором происходила защита докторской диссертации; одним из оппонентов был А. Л. Дымшиц. Диссертацию защищал Пётр Фёдорович Юшин, пьяница и секретарь партбюро факультета, а посвящена она была Есенину. Обе сестры поэта, Екатерина (1905—1977) и Александра (1911—1981), пришли и выступили, как и некоторые другие из присутствовавших, против. Дымшиц иезуитски обратил их выступление на пользу диссертанту. «А то, что сёстры великого поэта пришли и выступили на защите, — сказал он, — это как раз и показывает, что диссертация Петра Фёдоровича есть диссертация значительная. Потому что если бы она была незначительной, сёстры великого поэта защиту бы не посетили. Что же до критических замечаний неофициальных оппонентов, то позвольте Петру Фёдоровичу иметь свой творческий путь». Дымшиц произносил *твёческий*.

19 [к § 4, с. 301]. Личность замечательная. С 1917 года — доктор чистой математики. Беспартийный генерал в пенсне, появлявшийся в Университете всегда в генеральской форме (чем вызывал исключительное почтение у гардеробщиков). Ещё до революции, будучи приват-доцентом Московского университета, он преподавал математику в частной женской гимназии А. Н. Брюхоненко (в той самой, в которой училась Цветаева), о чём сохранил весьма тёплые воспоминания. Он умер в декабре 1954 года, в ночь, последовавшую за торжественным собранием, посвящённом его, Голубева, семидесятилетию: произнесение приветствий и адресов (в переполненном Актовом зале Московского университета на Ленинских горах) продолжалось много часов, а он как человек старой школы выслушивал их стоя. Стела, установленная на его могиле на московском Новодевичьем кладбище (участок 1, ряд 44), примечательна в двух отношениях. Во-первых, имеющееся на ней горельефное изображение выделяется редким для изделий подобного рода сходством с оригиналом; во-вторых, надпись на стеле вообще уникальна. В ней сперва перечисляются советские титулы покойного (генерал-майор, член-корреспондент), а затем, после указания дат жизни («1884—4.XII—1954»), написано: «Мера дел его исполнена, и душа его чиста перед Богом». Это сочетание в одном мемориальном пространстве советского и христианского текстов в те годы казалось совершенно немыслимым.

Сейчас, конечно, положение решительно изменилось, и православие мало-помалу приобретает характер государственной религии. 30 Вот цитата со 2-й страницы газеты «Московский комсомолец» от 31 июля 1997 года: «В соответствии с утверждённым Президентом РФ „Протокольным старшинством российских официальных лиц“ от 29 июля 1992 года Патриарх Московский и всея Руси занимает 18-ю <...> позицию». (Цитата вызывает пожелание и вопрос. Пожелание: хотелось бы увидеть названный документ о протокольном старшинстве на страницах «НЛО» — хотя бы в качестве произведения визуальной словесности. Вопрос: а какую позицию занимает Председатель Общества филателистов? Вопрос связан с тем, что когда М. С. Горбачёв учредил Съезд народных депутатов СССР, часть депутатов велено было избирать от территориальных округов, а часть — от общественных организаций; среди последних были и КПСС, и Русская православная церковь, и Всесоюзное общество филателистов...). 31

Свидетельством огосударствления Русской православной церкви может служить, например, сообщение МИД России от 12 февраля 2002 года «О решении Иоанна Павла II учредить в России католиче-

ские епархии» (оно опубликовано в 3-м номере журнала «Дипломатический вестник» за 2002 год на с. 78). Казалось бы, Министерству иностранных дел не должно быть до этого дела. Но нет. В сообщении было сказано:

> МИД России <...> рекомендовал Святому Престолу воздержаться в настоящий момент от преобразования апостольских администратур в епархии и урегулировать его с Русской православной церковью.

20 [к § 6, с. 304]. ●▶ Вот косвенное подтверждение нашей гипотезы. 1 сентября 2001 года, в День знаний, Президент России Путин посетил Московский государственный педагогический университет, ректором которого состоит член-корреспондент Российской академии наук Виктор Леонидович Матросов. Все средства массовой информации сообщили о президентском визите. Не была исключением и газета «Время новостей», поместившая в своём номере от 3 сентября 2001 года, на с. 2, заметку «Повторенье — мать ученья» (автор — Кирилл Василенко). Цитата из этой заметки:

> Ректор Александр Матросов, заверив президента в том, что поддерживает все его начинания, добавил, что студентки МГПУ — самые красивые в Москве.

Как известно, посмертно знаменитый красноармеец Александр Матросов, закрывший 27 февраля 1943 года своим телом амбразуру немецкого дзота — культовая фигура советской военной истории. ◀●

21 [к n° 7.2, с. 312]. Министерство здравоохранения названо здесь лишь из приличия и педантизма. В состав этого министерства 4-е ГУ входило лишь номинально, и его начальник был куда более могущественной фигурой, нежели министр этого начальника. Четвёртое главное управление составляло одну из характернейших примет советского быта. Причиной же настоящей сноски явилось опасение, что новое поколение может и не знать об этой примете: от посторонних глаз 4-е ГУ было скрыто, в стандартных адресных и телефонных справочниках оно не значилось, и даже автомобильные дороги, соединяющие между собою его учреждения, подчас были тайными и запретными для простых смертных (например, так было в Крыму).

22 [к n° 7.2, с. 312]. Термин этот строгой точностью своего объёма настолько же превосходит современный расплывчатый термин «элита», насколько вообще упорядоченность советских времён превосходит современный полупорядок. (Вспоминается выступление по телевидению умного человека, имя коего, к огорчению своему, не

могу вспомнить, так определившего общественный и государственный строй России середины 90-х годов: «умеренная анархия».) В самом деле, хотя термин «элита» мелькает едва ли не на каждой странице каждой политизированной газеты, довольно трудно дать чёткий критерий принадлежности к этой элите. То ли дело принадлежность к контингенту, которая как раз и определялась прикреплённостью к 4-му ГУ. А сам контингент имел ясную иерархию, начинавшуюся так: 1) генеральный секретарь; 2) член Политбюро; 3) кандидат в члены Политбюро; 4) секретарь ЦК; 5) член секретариата ЦК (этот разряд существовал сравнительно короткое время от последнего съезда до распада КПСС); 6) член ЦК; 7) кандидат в члены ЦК; 8) член Центральной ревизионной комиссии. Начиная с четвёртой позиции тут прослеживается аналогия с Табелью о рангах Российской империи; первые три позиции я соотнёс бы с царствующим домом: генерального секретаря — с императором, а членов и кандидатов в члены Политбюро — с великими князьями ближнего и дальнего круга. Столь же ясную иерархию имела и церемония высших государственных похорон: 1) с положением в Мавзолей; 2) с положением в Мавзолей и последующим из него выносом; 3) с захоронением у Кремлёвской стены в сопровождении гудков, остановки поездов и прочих знаков траура по всей стране; 4) с захоронением у Кремлёвской стены без указанного сопровождения; 5) с захоронением праха в Кремлёвской стене, предварённом прощанием с телом в Доме Союзов; 6) с захоронением праха в Кремлёвской стене, предварённом прощанием с телом в ином месте. 32

И ещё о контингенте, то есть о совокупности тех, кто — в смысле Оруэлла — более равен, чем другие. Советская власть была убеждена, что если не слово, то понятие 'контингент' существовало и в царской России и она, соввласть, это понятие не выдумала, а лишь наполнила новым содержанием. Следующий эпизод иллюстрирует сказанное. В эпоху брежневского застоя на страницах относительно либеральной «Литературной газеты» время от времени появлялись блестящие статьи постоянного сотрудника газеты Анатолия Залмановича Рубинова о реалиях нашей жизни. По существу они являлись фельетонами, но были написаны в жанре документального очерка. 33 К числу этих замечательных очерков принадлежал и очерк о почтовой связи. Рубинов сравнил скорости движения писем в начале XX века и во второй его половине и выяснил, что прежде письма доходили до адресата заметно быстрее. В качестве одного из источников своих наблюдений он использовал письма Л. Н. Толстого. Лев Толстой был выбран по двум причинам. Во-первых, он был знаменит при жизни, а потому адресаты бережно хранили его письма вме-

сте с конвертами. Во-вторых, было точно известно расположение того почтового ящика в Москве, в который Лев Николаевич имел обыкновение сам опускать свои письма. Перед публикацией сравнительных результатов своих исследований Рубинов посетил Министра связи СССР; беседу с Министром он частично пересказал в своём очерке. Однако газетные начальники не разрешили ему привести в очерке одну замечательную деталь этой беседы, каковая деталь была поведана автором мне. Когда Рубинов привёл ему данные, касающиеся Толстого, Министр сказал: «Так Толстой же был граф!». — «Ну и что?» — спросил Рубинов. «Как это, ну и что! — возразил Министр. — Как граф, он пользовался спецсвязью. И могу вас уверить, что наша спецсвязь работает быстрее, чем тогда».

23 [к n° 7.3, с. 316]. ●➤ «Если, например, в Европе на каждые 100 000 населения приходится 16—18 заключённых, то в России — примерно 700. Почему? Потому что — в частности и в особенности — российское правосудие по традиции имеет карательный, репрессивный, „сажательный“ характер. Из ста приговоров — только два оправдательных (на Западе — двадцать)» ([Бов]). ◀●

24 [к n° 7.4, с. 317]. ●●➤ С этой мелодией также связано квипрокво, которое можно трактовать и как словесное (подмена одного имени другим), и как истинное (подмена одной личности другой). Наиболее ясно и подробно об этом рассказывает А. В. Кураев в своём Живом журнале (запись от 4 мая 2009 года, `http://diak-kuraev.livejournal.com/18847.html`):

> На пластинке «Лютневая музыка XVI—XVII веков» 1972 года автором пьесы «Канцона и танец» указан Франческо (Канова) да Милано, однако он этой пьесы не писал.

Прервём изложение Кураева небольшим комментарием. Франческо Канова да Милано (итал. Francesco Canova da Milano, 1497—1543) — выдающийся итальянский лютнист эпохи Ренессанса, один из крупнейших европейских композиторов XVI века. Названная пьеса состоит, собственно, из двух пьес, исполняемых подряд, — «Канцоны» и «Танца»; всё это можно прослушать на сайте `http://www.manwb.ru/pub/Music/0902/kanzona.html`. Прелестная мелодия «Канцоны» известна сейчас как мелодия той широко известной песни о золотом городе, слова которой принадлежат Волохонскому. Продолжим цитату из Живого журнала Кураева:

> Музыку на этой пластинке сочинил (примерно в 1968 году) и исполнил Владимир Фёдорович Вавилов (1925—11.03.1973), подписав

авторами известных старинных композиторов. На лицевой стороне обложки указана фамилия «Вавилов». Он исполнитель всех произведений на лютне, хотя в записи участвовали флейта, орган, валторна, даже меццо-сопрано... Увлекательное расследование установило, что сам же Вавилов и сочинил все композиции! Кроме одной. «Зелёные рукава» — это настоящая старинная английская песня. Владимир Вавилов был хорошо известен в 60-е годы как замечательный гитарист-семиструнник, виртуоз и последний романтик русской гитары. Вдохновившись эпохой Возрождения и её музыкой, он решил освоить старинную лютню, точнее, лютневую гитару собственного изготовления и где-то в 1968 году сочинил чудесные композиции в духе эпохи. Сначала Вавилов начал играть их на своих концертах, предваряя исполнение звучными ренессансными именами. Публика, в том числе искушенная, была в восторге. И тогда он осмелился издать пластинку! Названия композиций («Канцона», «Ричеркар» и так далее) и уважаемые авторы (Ф. да Милано, Н. Нигрино, В. Галилеи и другие) были для правдоподобия приписаны к сочинённым композициям произвольно, по собственным ассоциациям. Сразу вопрос: зачем же он это сделал? Видимо, только так он надеялся донести свои произведения до широкой аудитории и этим привлечь интерес к старинной музыке да и к самой эпохе Возрождения. Это подтвердила дочь Владимира Вавилова Тамара: «Отец был уверен, что сочинения безвестного самоучки с банальной фамилией „Вавилов“ никогда не издадут. Но он очень хотел, чтобы его музыка стала известна. Это было ему гораздо важнее, чем известность его фамилии». ◀●●

25 [к n° 7.4, с. 317]. Вот текст песни Волохонского в авторской пунктуации:

Над небом голубым
Есть город золотой
С прозрачными воротами
И яркою стеной
А в городе том сад
Всё травы да цветы
Гуляют там животные
Невиданной красы
Одно как рыжий огнегривый лев
Другое — вол, исполненный очей
Третье — золотой орёл небесный
Чей так светел взор незабываемый

А в небе голубом
Горит одна звезда
Она твоя о Ангел мой
Она всегда твоя
Кто любит тот любим
Кто светел тот и свят
Пускай ведёт звезда твоя
Дорогой в дивный сад
Тебя там встретят огнегривый лев
И синий вол исполненный очей
С ними золотой орёл небесный
Чей так светел взор незабываемый

26 [к n° 7.4, с. 317]. Для примера приведём два варианта слов на плясовую мелодию «Комаринская»:

а) — Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик!
Ты куда это вдоль улицы бежишь?
— А бегу я для похмелки в кабачок,
Без похмелки жить не может мужичок!

В кабаке столбом веселье и содом.
Разгулялся, расплясался пьяный дом!
У кого бренчат за пазухой гроши,
Эй, пляши, пляши, пляши, пляши, пляши!

В развесёлом, в разгуляе кабаке
Мужичок несётся в пьяном трепаке.
То подскочит, то согнётся в три дуги,
Истоптал свои смазные сапоги!

Ах, он, сукин сын, камаринский мужик!
Он на весь кабак орёт-кричит!
И руками и плечами шевелит,
А гармонь пилит, пилит, пилит, пилит!

— Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик!
Ты куда это опять бежишь, бежишь!?
— Заломивши лихо шапку набекрень
Тороплюся я к куме своей в курень!

У кумы в курене печка топится.
Мужичок к куме спешит-торопится!
А кума моя калачики печёт
Мужичкам, кто заглянет, то всем даёт!

Испечёт она калачик горячо
Да уважит мужичка, ещё, ещё!
Ах, ещё, ещё, ещё, ещё, ещё!
Ах, ещё, ещё, ещё, ещё, ещё!

Эх, калачики, мои вы калачи!
Хороша кума у печки, у печи!
Наклонилася кума моя душа,
До чего ж ты люба-мила хороша!

— Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик!
Сзади ты к куме своей привык,
А, коль хочешь испытать на передок,
От печи веди куму ты в уголок!

Калачи кума пекла, пекла, пекла!
Мужику попробовать дала, дала, дала!
Ах, дала, дала, дала, дала, дала!
Ах, ещё дала, дала, дала, дала!

— Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик!
Что ж ты голый на земле, подлец, лежишь?
— Полушубок в кабаке я заложил,
Да зато с кумой был весел, не тужил!

Сапоги я, братцы, пропил, прогулял,
Да зато беды-заботушки не знал!
Я, мужик, хоть без сапог, а не дурак
Не забуду путь-дороженьку в кабак!

— Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик!
Ты куда это опять бежишь, бежишь!?
— А бегу я снова братцы в кабачок,
Без похмелки жить не может мужичок!

b) Ох, ты, сукин сын, камаринский мужик,
Задрал ножки та й на печке лежит.
Лежит, лежит та й попорхивает,
Правой ножкою подёргивает.

Сам на девушек помаргивает,
Над женою выкамаривает:
— Ты вставай, молодая жена!
Скорей завтрак готовь, сатана!

Ой, комар ты, наш камаринский мужик,
Собрался в лес, по дорожке бежит.
Он бежит, бежит, пошучивает,
Свои усики покручивает.

Тише, тише топочите!
Пол не проломите!
У нас под полом вода,
В воде не утоните!

Пошла плясать,
Ногой топнула.
Аж хата покачнулась
И дверь хлопнула.

Хорошо, подружка, пляшешь!
Хорошо ты дроби бьёшь!
Только тем и не хороша,
Что припевок не поёшь!

Известны, однако и варианты, в котором камаринский мужик явлен не во втором, а в третьем лице. Вот выдержка:

Ах он, сукин сын, комаринский мужик,
Заголив пердень по улице бежит!
Он бежит, бежит, попёрдывает,
Рубашоночку одёргивает.

(«Пердень» — это жопа, отсюда слово «полуперденчик» для обозначения тулупчика, едва её прикрывающего.) С близкого варианта сделан макаронический перевод:

Ах ты, сукин сын, камаринский paysan!
Заголя derriere по улице бежал.
Il petait, petait, petait, petait, petait,
Остановится, и снова repetait.

27 [к n° 7.4, с. 318]. Или в Англии — но только не во Франции:

«Рассудка француз не имеет, да и иметь его почёл бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написал ещё в прошлом столетии Фонвизин, и, Боже мой, как, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь об заклад, что у него щекотало от удовольствия на сердце, когда он её сочинял. И кто знает, может и все-то мы после Фонвизина, три-четыре поколенья сряду, читали

> её не без некоторого наслаждения. Все подобные, отделывающие иностранцев фразы, даже если и теперь встречаются, заключают для нас русских, что-то неотразимо приятное. Разумеется, только в глубокой тайне, даже подчас от самих себя втайне.

Так начинает Достоевский вторую главу своих «Зимних заметок о летних впечатлениях». Иного мнения о французах Наполеон Бонапарт. В письме от 24 мая 1796 года он писал (цитирую по [Кры], «Наполеон I в его отношении к науке», с. 438):

> Все гениальные люди, все, кто занял почётное место на поприще науки, суть французы, какова бы ни была та страна, где они родились.

Каким образом национальный характер одной нации отражается в истинных или ложных представлениях о нём той же самой или, напротив, другой нации — это есть богатая и заслуживающая особого рассмотрения тема.

28 [к n° 7.4, с. 322]. ●●➤ Я давно об этом слышал, а подверждение обнаружил в словаре Душенко [Душ] на с. 239:

> **Искусство принадлежит народу. (...) Оно должно быть понятно (...) массам и любимо ими.** Из беседы с К. Цеткин (осень 1920). Высказывание цитируется в воспоминаниях К. Цеткин «О Ленине» (опубл. в 1924 в пер. с немецкого). В первой публикации ⟨какой? когда? — *В. У.*⟩ давался иной, более точный перевод: «Оно должно быть понято (...) массами...». ◄●●

29 [к n° 7.4, с. 323]. ●●➤ Об этом сказано, в частности, на с. 552 словаря Душенко [Душ], но в том комментарии слишком много неточностей. Названный словарь справедливо объявляет эту якобы Марксову цитату анонимной. ◄●●

30 [к n° 7.5, с. 324]. «Я привёз Пушкину в подарок „Горе от ума“; он был очень доволен этою тогда рукописною комедией, до того ему вовсе почти незнакомою. После обеда, за чашкой кофе он начал читать её вслух <...>», — писал впоследствии Пущин в своих записках (см., например, [Пущ], с. 56).

31 [к n° 7.5, с. 326]. Не откажем себе в удовольствии привести полное название этого 448-страничного издания (в котором слово «русский» во всех формах пишется через одно эс):

> Руская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на 1825 г. Издалъ Ѳаддей Булгаринъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча.

32 [к n° 7.5, с. 326]. Факсимиле автора таково: «Горе моё поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828». Цитата из биографии (с. VIII): «Грибоедова любили многие, но, кроме родных, ближе всех к нему были: С. Н. Бегичев, Андрей Андреевич Жандр и я». Отметим ещё движение русской орфографии: слово «русский» во всех формах Булгарин пишет здесь через два эс, даже при упоминании своего альманаха 1825 года.

33 [к n° 7.5, с. 326]. Германские издания 1858 года примечательны тем, что в них впервые полностью приведён монолог Фамусова о его покойном дяде из 2-го явления 2-го действия. В издании 1833 года этот монолог обрывается после первых трёх строк, прямо на запятой, стоящей вслед за словами «Учились бы, на старших глядя»; после запятой сразу следует реплика Чацкого «И точно, начал свет глупеть». Можно предполагать, что цензор Л. Цветаев вычеркнул все последующие строки монолога, но упустил приказать, чтобы запятую заменили на что-нибудь более подходящее. Это, конечно, было нехорошо — нехорошо не только в пунктуационном, но и в политическом отношении. Ведь задача цензуры не только в том, чтобы удалить из текста всякое вольнодумство, но и в том, чтобы уничтожить следы собственного вмешательства: всё должно выглядеть так, как если бы именно это и написал сам автор. Ниже, в § 22, читатель найдёт пример подобного заметания следов профессионалами советского времени, цензурировавшими Маяковского. Во втором издании «Горя от ума» запятая была заменена многоточием; но вслед за тем, перед репликой Чацкого, следовала строка, состоявшая из одних точек, что тоже наводило читателя на непозволительные размышления. Поэтому, скажем, в булгаринском издании 1854 года оставлено многоточие после слова «глядя», но строка точек уже отсутствует.

34 [к n° 7.5, с. 329]. С недоумением воспринимается следующий факт. Каждое из двух упомянутых изданий «Горя от ума» в серии «Литературные памятники» содержит специальный раздел, в котором отмечены расхождения публикуемой редакции текста с первопечатным текстом «Русской Талии». Отмечаются мельчайшие расхождения, вроде *Софья входит / Входит Софья* (что́ в ремарке, в каковой и отмечено данное расхождение, вряд ли имеет смысловое различие). Но никак не отмечена разница между •Всё• в публикуемом тексте и •Всѣ• в «Русской Талии» (это должно было бы быть отмечено на с. 248 в издании 1969 года и на с. 278 в издании 1987 года). А. Л. Гришунин, продолживший дело Пиксанова, устранил эту явную ошибку на с. 256 первого тома подготовленного и прокомментированного им трёхтомного Полного собрания сочинений Грибоедова.

35 [к n° 7.5, с. 329]. В своём кратком предисловии «От редактора» на с. I—III издания [Гриб 13] Пиксанов даёт Музейному автографу такую характеристику: «Музейный автограф — рукопись, на девять десятых писанная самим Грибоедовым». Там же, на с. 221, Пиксанов сообщает такую деталь этой рукописи:

> На листе 67-м имеется следующая запись (с приложением печати) близкого друга Грибоедова, Андрея Андреевича Жандра: «Удостоверяю моей подписью, что рукопись сия, за исключением в 1-м акте сцен 2-й, 3-ей и 4-ой до слов (Фамусов садится) Софьи: в саду была, цветы и т. д. в 7-й сцене приписок, означенных знаком ×), # ※ и в 3-м акте последней сцены, — вся писана собственною рукою Александра Сергеевича Грибоедова. 28 февраля 1859 года. Сенатор Тайный Советник Жандр».

36 [к n° 7.5, с. 329]. Возразят, что Музейный автограф был опубликован десятилетием ранее в издании [Яку]. Более того, публикатор В. Е. Якушкин обратил внимание на обсуждаемое нами разночтение, указав в своих комментариях (на с. 90): «В позднейших списках везде •„*Всѣ* врутъ календари“•» (что, впрочем, не совсем точно, поскольку и в Жандровском списке, и в Булгаринской рукописи стоит •Все•). Всё это так, но публикация 1903 года состоялась в рамках выпускаемой Историческим музеем серии «Описание памятников»; она не предназначалась для широкой публики и потому ещё не могла произвести поворот в общественном сознании.

37 [к § 8, с. 330]. Отступления от нормы, управляющей буквенными наращениями цифровых выражений, могут приводить к непредвиденным последствиям. Особенно если подручные полиграфические средства не располагают латинскими буквами, каковые в таком случае заменяются сходными по начертанию русскими. В 1952 году для школьников проводилась очередная, пятнадцатая Московская математическая олимпиада. Я был тогда председателем Научного студенческого общества Механико-математического факультета Московского университета и потому мог с близкого расстояния наблюдать скандал, вызванный как раз нарушением указанной нормы. Дело в том, что по всем московским школам были разосланы из Университета напечатанные под копирку на пишущей машинке извещения, в которых учащиеся приглашались принять участие в ХУ^{й} олимпиаде.

38 [к § 9, с. 331]. Комментарий на с. 465 в [Паст 90] сообщает нам, что в автографе 1919 года к этому стихотворению делается авторское примечание: «Мучкап, как и следующая далее Ржакса — названия станций Камышинской ветки Юго-вост[очной] жел[езной] дор[оги]»;

с чуть меньшей текстологической точностью та же информация сообщается и в [Паст 89] на с. 664. На тех же страницах обоих изданий находим далее следующие комментарии: «В наборной машинописи 1921 г. — другое авторское примечание: „Мучкап — село Балашовского уезда Саратовской губернии“ (в действительности Тамбовской)» ([Паст 89], с.664); «маш. 1921 г., примеч.: „Мучкап — село Балашовского уезда Саратовской губернии“ (в действительности Тамбовской губернии)» ([Паст 90], с. 465). Оба комментария почти идентичны и, тем самым, одинаково двусмысленны. Поэтому приводим сведения, почерпнутые нами из «Нового энциклопедического словаря» [НЭС], выходившего в 1911—1916 годах. «**Балашов**, уездный город Саратовской губернии, на левом берегу реки Хопра» (т. 4, стлб. 831). «**Мучкап** — с. Тамбовской губ., Борисоглебского у., при р. Мучкапе» (т. 27, стлб. 590). Ныне, однако, Борисоглебский район (с центром в городе Борисоглебске) находится в Воронежской области и уже не содержит в себе ни станции Мучкап, ни соответствующего села, поменявшего название и статус. Читаем в т. 17 (1974 год) 3-го издания БСЭ: «**МУЧКА́ПСКИЙ**, посёлок гор. типа, центр Мучкапского р-на Тамбовской обл. РСФСР, на лев. берегу р. Ворона (басс. Дона). Ж.-д. станция (Мучкап) на линии Тамбов—Балашов».

Наконец, в комментариях на с. 576 в [Паст 90] говорится: «Топография местности, изображённой в предыдущих, настоящем [„Мучкап“] и последующих стихотворениях, показана в статье Вахрушев В. С. Одна из точек „духовной карты мира“ // „Волга“, 1980, № 8, с. 188 ⟨в действительности с. 187—189 — *В. У.*⟩». Создаётся впечатление, что уважаемые комментаторы либо не читали статьи Вахрушева, либо не понимают значения слов «топография местности». В названной статье рассказывается об упоминаниях города Балашова в произведениях Чернышевского, уроженки Балашовского уезда В. И. Дмитриевой, Пастернака, Шолохова, Федина, Каверина, Р. Гамзатова, английского писателя Дж. Линдсея (которому и принадлежит выражение «духовная карта»). К топографии местности статья В. С. Вахрушева имеет слабое отношение.

39 [к § 9, с. 331]. Не путать с другой Еланью, берущей начало в местности, которая называлась когда-то Борисоглебским уездом (см. предыдущее примечание); эта другая Елань впадает справа в реку под названием «Савала́», являющуюся правым притоком Хопра — левого притока Дона. Наша же, балашовская Елань впадает справа в реку под названием «Терса́», впадающую, в свою очередь, справа в Медведицу; Медведица же впадает слева в Дон несколько ниже Хопра. Хопёр и отделяет одну Елань от другой.

40 [к § 15, с. 345]. К сожалению, всё меньше остаётся людей, которые помнят, что в поговорке — не *инцидент*, а *инциндент*. Когда «НЛО» посвятит один из своих номеров паремиологии (то есть науке о пословицах и поговорках), там, надеюсь, будет специальная статья об образовании поговорок путём искажения других пословиц, поговорок или, вообще, клишированных оборотов. Здесь следует различать два вида искажений — сознательное и бессознательное.

Сознательные искажения представляют собою некий художественный приём, претендующий на юмор (мы не обсуждаем здесь, реализуется или нет эта претензия в действительности). Частый мотив подобных искажений — так называемый «гимназический юмор», плодом которого явилось, например, выражение *У тебя нет никакого римского права*. Возникновение поговорки *инциндент исперчен* из клишированного оборота *инцидент исчерпан* — лишь один из примеров сознательного искажения клишированных оборотов, которое следует признать одним из стандартных, хотя и ограниченных, источников словесных квипрокво. Другие известные примеры: *Не стоит выеденного гроша / ломаного яйца*; *Не плюй в колодец: вылетит — не поймаешь*; *Голод — не тётка: в лес не убежит* и др. А вот более экзотический пример. Известна поговорка *Se non è vero, è ben trovato* (в буквальном переводе с итальянского: «если и неверно, то хорошо найдено»; более вольно: «если даже и враньё, то ловко придумано»). Её искажённый вариант (рождённый, надо полагать, в России): *Se non è vero, è ben Torquato* — со значением ‘может быть, и неверно, зато из Торквато Тассо’. К этому же типу искажений можно отнести и выражения *Труднолюбимый еврейский народ* и *Неопрятные просторы нашей Родины*. И ещё один близкий сюжет: как обнаружил Михаил Владимирович Безродный, словосочетания *Один из многочисленных народов нашей родины* и *Один из малочисленных народов нашей родины* равнозначны.

Что касается искажений бессознательных, то к ним относятся, например, такие одессизмы (то есть обороты, услышанные в Одессе), как *Напрасно вы чешете себя надеждой* и *Волосы встанут дубом*. Есть и более распространённые примеры, не ограниченные той или иной местностью. Так, далеко не все осознают, что «пословица *На тебе, Боже, что нам негоже* <...> искажена из малорусской *От тоби, небоже, что нам негоже*» ([Даль], т. 2, стлб. 1310); здесь *небоже* есть звательный падеж от *небіж* (укр.) ‘бедняк, горемыка’. Абсолютное большинство говорит *как кур в óщип* (хотя куда же ещё куру и попадать?), вместо зафиксированного в [Уш], т. 1, стлб. 1551, *как кур вó щи*.

Кто пребывает в отставке — коза или барабанщик? Одни полагают, что это барабанщик, а коза находится при исполнении. Другие же, напротив, полагают, что не отставной, а действующий барабанщик состоит при козе, но зато сама коза пребывает в отставке. Каждая из сторон считает противоположное мнение искажением. Л. Д. Троцкий в статье «Покладистый божественный промысел», опубликованной им 27 (14) марта 1917 года в № 948 основанной им в США газеты «Новый Мир» писал: *...Решено было в известный момент перевести Николая на ответственный пост отставной козы барабанщика* <...>. Ясно, что Троцкий выбрал наиболее унизительную формулировку.

Бывают пословицы, которые так и тянет исказить. Известная пословица *Не говори гоп, пока не перепрыгнешь* многим кажется странной: картина, когда некто говорит гоп п о с л е перепрыгивания, выглядит неестественной. Недоумение вызывает и популярная латинская пословица *Quod licet Jovi non licet bovi*[57] (отражённая в чьих-то строках: «Но слишком много licet Jovi, / И ты у bovi на спине, / В испуге вздёргивая брови, / Как на серовском полотне»). В самом деле, ведь это Юпитер должен был превратиться в быка, чтобы похитить Европу, а не бык в Юпитера. Так что скорее уж *Quod licet bovi non licet Jovi*.

41 [к § 16, с. 346]. Например, американец скорее всего признает словесным квипрокво употребление слова *lift* в значении 'лифт'. Потому что американец скажет в этом случае *elevator*. Возможно, то есть если он достаточно образован, — он не просто удивится странному словоупотреблению, а поймёт его причины и тогда с презрением скажет: «Oh, British English». (Ввиду всепроницающей американизации англичанин, надо полагать, менее удивится, услышав слово *elevator* в его американском значении 'лифт'.) В аналогичном отношении находятся английское (теперь, наверное, надо говорить: британское) слово *lorry* и американское слово *truck*, оба со значением 'грузовик'. А слово *pavement* так и вообще может привести к дорожно-транспортному происшествию, потому что по-английски, то бишь по-британски, оно означает тротуар, а по-американски — мостовую. По-американски «тротуар» будет *sidewalk*, а «мостовая» по-британски — *road*.

Хорошо известно высказывание Оскара Уайльда о том, что англичане и американцы сходны решительно во всём, кроме, разумеется, языка («The English have really everything in common with the Americans except of course language»). Различие языков подтверждается суще-

[57] «Чтó позволено Юпитеру, не позволено быку».

ствованием англо-американских и американо-английских словарей. Возможно, впрочем, что английский язык будет поглощён американским и указанное различие исчезнет. Как исчезло, по-видимому, различие между московским и ленинградским языками, существовавшее в середине XX века. В Москве говорили *хлеб* (в значении 'белый хлеб'), *ластик*, *ручка* (в значении приспособления для письма чернилами, представлявшего собою деревянную палочку, размером с карандаш, в которую вставлялось металлическое перо, макаемое затем в чернильницу); в Ленинграде говорили, соответственно, *булка*, *резинка*, *вставочка*.

42 [к § 16, с. 348]. Проще всего было бы объяснить этот эпизод безнравственностью советской власти. Однако суть лежит глубже и коренится в безнравственности власти вообще. Неисполнение завещания Маяковского укладывается в общую схему, которую можно было бы обозначить так: «Как поступает Власть с предсмертной просьбой своего вернейшего слуги, впоследствии этой Властью прославленного». Право такой схемы на существование подтверждается наличием ещё одного эпизода, укладывающегося в ту же схему. 21 октября 1805 года адмирал Нельсон разгромил франко-испанский флот в Трафальгарском сражении, чем обеспечил морское могущество Англии на грядущие десятилетия. Перед сражением он написал письмо, в котором сообщал, что приступает к битве за своего короля и свою страну и просит их (короля и страну), в случае его смерти, позаботиться о леди Гамильтон[58]. В этом сражении Нельсон погиб. Он был признан главным национальным героем Англии и торжественно похоронен (в гробе из останков потопленного им неприятельского корабля) в крипте главного храма Англии — лондонского собора св. Павла; в том же Лондоне, на Трафальгарской площади была воздвигнута высокая колонна, увенчанная статуей Нельсона. Однако о леди Гамильтон никто не позаботился, и через десять лет она умерла в нищете. **84**

[58] Позволю себе, для большей точности, привести (без перевода) цитату из жизнеописания Нельсона, принадлежащего Оливеру Уорнеру (см. [Уорн], с. 345). Время действия: понедельник 21 октября 1805 года, начало девятого утра. Место действия: корабль «Victory» — флагманский корабль эскадры Нельсона.

> Blackwood and Hardy <...> were invited below to the admiral's quarters. There they were asked to witness a document, written by Nelson earlier that day, giving an account of the services to the nation of Emma Hamilton, and leaving her as a legacy to her King and Country «that they will give her an ample provision to maintain her rank in life». He also left «to the beneficence of my Country my adopted daughter, Horatia Nelson Thompson; and I desire she will use in future the name of Nelson only. These are the only favours I ask of my King and Country at this moment when I am going to fight their Battle».

43 [к § 16, с. 348]. Письмо написано 24 ноября 1935 года и поступило в секретариат Сталина 29 ноября. Резолюция заслуживает того, чтобы привести её здесь полностью. Она адресована Н. И. Ежову, будущему Наркому внутренних дел, тогда — одному из секретарей ЦК ВКП(б). Списываю текст со с. 102 книги [Кат 97].

> Тов. Ежов, очень прошу Вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление. Жалобы Брик, по-моему, правильны. Свяжитесь с ней (с Брик) или вызовите её в Москву. Привлеките к делу Таль и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, всё, что упущено нами. Если моя помощь понадобится — я готов. Привет! И. Сталин.

44 [к n° 18.1, с. 354]. Так сейчас происходит, например, с русскими математическими журналами. Они полностью (cover-to-cover) переводятся на английский, но главные математические библиотеки мира получают оба варианта.

45 [к n° 18.1, с. 355]. ●➤ Более труден случай с английским словом «humanity». На русский язык оно может переводиться и как «человечество», и как «человечность». Преступлениям против humanity (*crimes against humanity*), а точнее — наказаниям этих преступлений, придаётся сейчас большое значение, об этом много говорят и пишут в зарубежных средствах массовой информации, в том числе в рассчитанных на российского слушателя радиопередачах. При этом иногда звучит «преступление против человечности», а иногда — «преступление против человечества». БиБиСи говорит «против человечности», хотя по мнению некоторых сотрудников Русской службы «против человечества» было бы и точнее, и человечнее. Спрашивать, как правильно, официальных российских переводчиков бесполезно: приведённые выше цитаты свидетельствуют, что катастрофические ошибки допускаются этими переводчиками даже при переводе судьбоносных юридических документов. ◀●

46 [к n° 18.3, с. 358]. Переводе отчасти вольном, надо сказать. Вот четыре наугад выбранных примера. В 3-м абзаце английское «in Paris» переводится на русский как «в Париже, на рю Буало». В том же абзаце слова «Mark Aldanov, two social revolutionaries, and a woman-doctor» переводятся так: «М. А. Алданов, И. И. Фондаминский, В. М. Зензинов и женщина-врач Коган-Бернштейн». В английском варианте фигурируют американские издатели «W, X, Y, Z», в русском они же обозначаются «Акс, Якс, Экс и Икс». Наконец, в русском переводе слегка абстрактные «my old worlds» конкретизируются: теперь они суть «некогда мною построенные площади и балконы».

47 [к n° 18.4, с. 360]. ●▶ В корреспонденции из Минска [Стар] рассказывается о реакции правительства Белоруссии на реплику президента этой страны А. Г. Лукашенко:

> Несколько лет назад притчей во языцех стал забавный эпизод. После окончания заседания Совета министров Лукашенко бросил министру торговли: «А вас, Козлов, я попрошу остаться». Остался весь Совмин. ◀●

48 [к § 19, с. 367]. Народная этимология выводит слово «мат» в его главном значении из слова «матерный». Люди учёные с этим не соглашаются, ссылаясь на выражение «благим матом». Люди ещё более учёные говорят, что это совершенно разные маты.

49 [к § 19, с. 370]. Поразительно, но Даль пишет слово «фетюкъ» не через фиту, а через эф, соглашаясь, однако, что оно бранное. Значение он даёт такое: 'угрюмый человек, брюзга, кто вечно дуется'. А, может быть, гоголевское «ѳетюкъ» (со значением, которое Гоголь оставляет без разъяснения) и далевское «фетюкъ» — это разные слова?

50 [к § 19, с. 371]. ●▶ «Настоящее издание „Словаря Даля“ является стереотипным повторением третьего, исправленного и значительно дополненного издания», — говорится в предуведомлении «От издателей» к четвёртому изданию (см. [Даль], т. 1, с. III первой пагинации). Однако это утверждение о стереотипности, если и справедливо, то лишь в применении к основному корпусу словаря — к его нумерованным столбцам. Оно неверно ни в применении к тому самому предуведомлению, в котором оно содержится, ни к «Объяснению сокращений» ([Даль], т. 1, с. I—XIV третьей пагинации), ни к «Объяснению шрифтов, знаков и пр.» ([Даль], т. 1, с. XV—XVI третьей пагинации). Но если помещённые в четвёртом издании предуведомление «От издателей» и оба «Объяснения» ещё можно трактовать как редакционные обновления их предыдущих версий, помещённых в третьем издании и имеющих там те же названия, то этого никак нельзя сказать о предисловии Бодуэна де Куртенэ. В 3-м издании оно занимает с. IV—XI и называется «Предисловием к 1-му выпуску». В 4-м издании оно занимает с. I—XVI второй пагинации и его полное название таково: «Предисловие к новому, исправленному и дополненному изданию словаря Даля». В 3-м издании предисловие подписано именем его автора, а изложение идёт от первого лица. В 4-м издании предисловие не подписано и излагается безлично. Но главное — оба предисловия значительно различаются по содержанию. Так, в предисловии к 4-му изданию Бодуэн защищает право

обсценной лексики на её присутствие в словаре; в предисловии же к 3-му изданию на эту тему ни слова. В предисловии к 4-му изданию отсутствуют все личные моменты из предисловия к 3-му изданию, в частности, такое эмоциональное его начало:

> Когда Товарищество М. О. Вольф обратилось ко мне с предложением взять на себя редакцию 3-го издания словаря Даля, я, хотя и не особенно охотно, но всё-таки согласился. А теперь почти сожалею об этом. Сожалею же потому, что хотя и предчувствовал всю трудность задачи, но всё-таки никак не полагал, что мне придётся на её добросовестное исполнение потратить столько времени и умственного труда, в ущерб другим моим занятиям.

(Сравнение двух стереотипных, но различающихся изданий, снова обращает нас к понятию словесного квипрокво.) ◄●

51 [к § 19, с. 372]. Так, когда-то совершенно «приличное» слово *кончить* сделалось в последнее время «неприличным». Оказалось, что в молодёжной среде его главным значением стало ‘дойти до стадии оргазма’. Лектор, завершающий свою лекцию словами «на этом мы кончим», бывает неправильно понят аудиторией. Теперь надлежит говорить «мы закончим».

52 [к § 19, с. 373]. В 1967 году началось присуждение обновлённых Государственных премий; значимость их была ниже Сталинских: они не делились на степени и, главное, к тому времени уже существовали превосходившие их рангом Ленинские премии. Но и старые, и новые лауреаты носили одно и то же звание — лауреат Государственной премии; лишь год присуждения позволял узнать, какая премия в действительности, Сталинская или Государственная, была в действительности присуждена.

53 [к § 19, с. 373]. А также, по-видимому, социопсихологии. Социопсихология должна объяснить, почему эти тексты вообще появляются и почему у некоторых людей они не только пользуются успехом, но и воспринимаются этими людьми как смешные. Я бы осмелился провести аналогию между этими текстами и теми из американских мультфильмов (на мой взгляд — неинтересными и несмешными, в отличие от фильмов Диснея), в которых появление медведя в лётном шлеме, сидящего в кресле пилота самолёта, или енота в жилете, читающего газету за утренним кофе, не имеет другой функции, кроме как скомпенсировать убогость содержания. Роль этих медведей в шлемах и енотов в жилетах близка к роли обсценных слов в текстах первой коллекции.

54 [к § 19, с. 373]. [к § 19] Нижеследующий анекдот, не обладая, может быть, высоким качеством, служит тем не менее выпуклой иллюстрацией к тому, что здесь имеется в виду. Объявлен конкурс, в котором за третье место в качестве премии назначен кадиллак. Некто занимает второе место и приходит за наградой. Ему выносят картонную коробку, он её открывает, там торт. Он возмущён. Ему объясняют: «Вы не понимаете. Этот торт сделан собственными руками её величества королевы». — «Да ебал я вашу королеву!». — «Ишь чего захотели! Это первая премия».

55 [к § 19, с. 373]. Замечу, что и предыдущая русско-японская новелла о слове «мат», и последующая новелла о шпионе Антанты времён Гражданской войны всегда воспринимались мною как анекдоты в старом, классическом значении этого слова, то есть как повествования исторически достоверные. Из осторожности, однако, применим к ним формулу *Se non è vero*, *è ben trovato*, уже знакомую нам по одному из затекстовых примечаний к § 15.

56 [к § 19, с. 374]. Слово «секель» отсутствует даже в 3-м и 4-м изданиях словаря Даля, поэтому разъясним, что это есть обсценное — а лучше бы сказать, просторечное — название клитора.

57 [к § 19, с. 376]. В сознании советских людей Ворошилов был «первым маршалом». Вот припев из знаменитой «Песни советских танкистов»:

Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведёт! **85**

А детям Климент Ефремович был известен как «Клим Ворошилов»:

Климу Ворошилову письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов, Народный комиссар!».

— это начало чрезвычайно популярного — в переводе с идиш Самуила Маршака — стихотворения, созданного в 1928 году расстрелянным в 1952 году Львом Квитко.

58 [к § 19, с. 381]. *Блядивый* — ‘празднословный, лживый’. Так, в 1-м послании апостола Павла Тимофею в осуждение некоторых вдовиц говорится: «Не точию же праздны, но и блядивы и оплазивы, глаголющия, яже не подобает» (1 *Тим* **5**:13) (перевод современного синодального издания: «и не только праздны, но и болтливы, любопытны и говорят, что не должно»).

59 [к § 19, с. 381]. Так, протопоп Аввакум называл блядью (или блядкой?) патриарха Никона.

60 [к § 19, с. 384]. Теперь Суворов может чувствовать себя отмщённым. Когда постсоветские власти Москвы стали возвращать улицам и площадям города их исторические, дореволюционные наименования, то площадь Коммуны, бывшая до 1918 года Екатерининской площадью, не стала снова Екатерининской. В 1992 году площадь Коммуны была переименована в Суворовскую площадь.

61 [к § 19, с. 384]. Их рассказ о церемонии регистрации их брака в советском загсе содержал такую деталь. Пары торжественно вызывались в зал по фамилиям жениха и невесты. Но когда служительница загса провозгласила: «Брачующиеся Вéнцлова и Кéдрова», — у неё возникло некоторое замешательство, и она сказала: «Ну, кто из вас Венцлова, кто Кедрова, разбирайтесь сами».

62 [к § 19, с. 384]. Эта история лишний раз подтверждает, что слова *блядь*, *проститутка* и *шлюха* не являются синонимами.

63 [к § 19, с. 385]. В своём «Послании к Л. С. Рубинштейну» великий поэт предупреждает (в 3-й и 4-й песнях): «Надвигается, послушай, надвигается пиздец!» и «Днесь сбываются писанья, надвигается Пиздец!». ●➤ Как указано в [Пурт], *пиздец!* было последним записанным словом бортового радиообмена, имевшего место на рухнувшем 3 июля 2001 года под Иркутском самолёте Ту-154. ◄●

64 [к § 19, с. 385]. Вот ещё несколько анекдотов, в которых обсценная лексика по существу:

(8) Мясники одесского Привоза провели собрание, на котором решили обслуживать покупателей культурно и не посылать их на хуй. На следующий день происходит такая сцена. Покупательница: «Покажите, мне, пожалуйста, вон тот кусочек. Ой, что вы мне даёте, одни кости. Вот тот кусочек, пожалуйста. Ой, да здесь одно сало. Вот тот кусочек дайте. Да вы что, здесь одни жилы». Продавец: «Мадам, давайте договоримся так. Вы остаётесь на месте, а на хуй иду я».

(9) Отец укладывает сына спать. На стене — ковёр, на нём развешано холодное оружие. Сын: «Папа, что это?». — «Это, сынок, сабля». — «Что, бля?». — «Спи, бля!».

(10) Отец бранит сына-младшеклассника за очередную двойку по арифметике. «Ну чего ты на этот раз не знал?». — «Она спросила, сколько будет четыре умножить на три». — «Ну, а ты?». — «А я сказал: двенадцать». — «А она?». — «А она спросила, сколько будет три умножить на четыре». — «Так это же один хуй». — «Вот я ей так и сказал».

(11) К старому еврею приезжает внучка — студентка столичного вуза. Дед с надеждой обращается к ней: «Вот здесь никто мне не может объяснить, а тебя всё-таки учат наукам, ты должна объяснить. Что такое „епи“?». — «???». — «Ну как же, это у Пушкина, в очень известном стихотворении: „У Лукоморья дуб зелёный, златая цепь на дубе том. И днём, и ночью кот учёный всё ходит, поц. Епи кругом“».

(12) Телефонный звонок. «Это прачечная?». — «Хуячечная! Это Министерство культуры!».

(13) Муж жене: «Какого приезжает твоя мама?». — «Числа или хуя?».

(14) Жена мужу: «Ты мудак. Ты такой мудак, каких других и на свете-то никогда не было и нет. И даже на Всемирном конкурсе мудаков занял бы второе место». — «Ну почему же тогда не первое?». — «А потому что ты мудак».

(15) Нижеследующий анекдот принадлежит временам брежневского застоя, когда, как кажется, уже и преподаватели научного коммунизма, входящего в обязательную часть учебного плана всех вузов и всех специальностей, переставали верить в преподаваемый ими предмет. Выстояв длинную очередь, мужичок входит в Мавзолей и проходит мимо Тела. Он впечатлён. «Ленин, ёб твою мать, как живой!» — восклицает он в восхищении. В стене сзади него открывается незаметная дверца, оттуда появляются двое, которые неназойливо затаскивают мужичка внутрь и закрывают дверцу. «Вы что себе позволяете? — грозно спрашивают они. — Вы отдаёте себе отчёт, где вы находитесь?». — «Да я...», — начинает испуганно бормотать мужичок. — «Нет, где вы находитесь?». — «Да я только сказал, что Ленин — как живой...». — «Да хуй с ним, с Лениным! Где вы находитесь? Вы что себе позволяете?».

(16) Рассказывается как исторический анекдот ельцинских времён. Приехавший куда-то Ельцин вышел из предоставленной ему резиденции в примыкающий парк и увидел дворника, усердно подметающего и без того чистую дорожку. Между ними состоялся такой диалог. «Ты зачем метёшь?». — «Да вот, какой-то хуй должен приехать». — «Я уже приехал, перестань мести».

В анекдоте (17) обсценная лексика, строго говоря, необязательна, но с ней диалог звучит ярче.

(17) Дело происходит в советское время. Человек обращается в компетентные органы за разрешением на выезд в США. Он объясняет свои мотивы: «У меня там дядя, он заболел, и хочет, чтобы я был при нём и за ним ухаживал». Сотрудники его доброжелательно отговаривают: «Но здесь у вас хорошая квартира, хороший заработок,

а там и жить вам будет негде, да и не на что». — «Дядя — очень состоятельный человек, у него большой особняк, и он готов меня содержать». Сотрудники становятся ещё более любезными: «А мы вам предложим лучший план. Пусть ваш дядя переезжает сюда, и здесь вы будете иметь все возможности за ним ухаживать». — «Вы меня не поняли. Я сказал, что мой дядя заболел, а не охуел».

65 [к § 20, с. 385]. Впрочем, слово «яйцо» замещало собою «яйца» не только в письменной речи. Многие ещё помнят телевизионные выступления Юрия Михайловича Лужкова в качестве вице-мэра Москвы при мэре Гавриириле Харитоновиче Попове. Тогда Ю. М. Лужков ещё никем не рассматривался как возможный кандидат на президентскую должность, по поводу Севастополя не высказывался, а ограничивался хозяйственной тематикой. Он регулярно сообщал москвичам, как в городе обстоят дела с продуктами, в том числе и «по яйцу». Сказать «по яйцам» он не решался. Интересно, если бы речь шла о производстве или о закупках мячей, говорил бы он «по мячу» или всё же «по мячам». Полагаю, что в качестве руководителя московской мэрии говорил бы «по мячам»; но будь он мэром, скажем, Лондона, испытал бы, возможно, затруднения при произнесении слова «balls».

66 [к § 20, с. 385]. ●➤ К этой вульгарной речи прибегает и газета «Известия» и сама же за это извиняется устами своего автора А. Мунипова: «Струны из конских волос, погремушки из, пардон, сушёных бычьих яиц» (номер от 30 марта 2000 года, с. 12). В невульгарной же речи бычьих яиц быть не может, а только бычьи яички (в той же мере, как ни в какой речи не может быть бычьего молока). ◄●

●●➤ В тексте Мунипова характерно слово *пардон* — не само слово, а его смысл. Г. А. Левинтон сообщил мне пример из А. М. Ремизова со словом *извините* в аналогичном контексте. В своей книге о В. В. Розанове «Кухта. Розановы письма» (Берлин, 1923) на с. 91—92 встречается следующий пассаж, который мы цитируем по статье: *Е. Р. Обатнина*. Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. — СПб., 2002. — С. 21, примеч. 33.

> [Розанов] рассказывал о каком-то батюшке, который, потчуя гостей, говаривал: «Пирог, извините, с яицами».

В нашем источнике именно так, *с яицами*, через два и, с ударением, надо полагать на первом из них. ◄●●

67 [к § 21, с. 387]. Вот свидетельство Н. И. Подвойского, опубликованное на с. 293 хрестоматии «Октябрьская революция» (М.: Госиздат, 1925) и воспроизведённое на с. 445 в комментариях к тому [Мая 58а], откуда я и беру цитату: «Массы врываются в комнату, в массе тов. Антонов. <...> „Именем Военно-революционного комитета Петроградского совета объявляю Временное правительство низвергнутым“, — декретирует Антонов».

68 [к § 21, с. 387]. А её отец Александр Николаевич Брюхоненко был хозяином той самой женской гимназии, которая была упомянута в нашем затекстовом примечании 19. В мемуарной литературе зафиксировано следующее его высказывание о гимназистке Марине Цветаевой, сделанное им в качестве преподавателя естествознания в его же собственной гимназии: «Душа поэта» — см. [Аст], с. 98.

69 [к § 22, с. 388]. «Репрессирован» — отвратительный эвфемизм (то есть тоже словесное квипрокво), выкидыш советского новояза. Следовало бы сказать: «схвачен и заточён вооружёнными преступниками». Впрочем, к Антонову-Овсеенко, возможно, более уместно применить выражение: «погиб в результате внутренней криминальной разборки».

70 [к § 22, с. 389]. О стиховедческих занятиях Колмогорова см. [Усп 97].

71 [к § 22, с. 391]. То, что отсутствие чего-то может быть знаковым, хорошо иллюстрирует анекдот, относящийся ко времени массового отбытия евреев из СССР в Израиль. Аэропорт имени Бен-Гуриона, только что совершил посадку самолёт, полный иммигрантов из Советского Союза. По трапу спускаются пассажиры. За этим наблюдают два местных жителя. «Вот смотри, — говорит один другому, — те, кто без скрипок, это пианисты».

72 [к § 22, с. 392]. Уже не помню, кто это сказал: «Большевики не исполняют даже тех законов, которые сами же произвольно установили».

73 [к § 22, с. 393]. Н. Г. Охотин назвал и источники: (1) Николай Муралов: [Сб. биографических материалов] / Сост. Н. С. Полещук. — М., 1990 (кстати, здесь указана дата рождения Н. И. Муралова — 07.12.1877); (2) Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. — М., 1991. — С. 210—235; (3) Деятели СССР и революционного движения России // Энциклопедический словарь Гранат. — М., 1989. — С. 557—558. — [Репринт изд. 1927—29 гг., тт. 40—41]; (4) Большой Энциклопедический Словарь. — М., 1991. — Т. 1. — С. 851; (5) Расстрельные списки. Вып. 1: Донское кладбище. 1934—1940. — М., 1993. — С. 78, 81 (увы, с опечаткой в годе рождения!..).

74 [к § 23, с. 400]. ●●➤ Позиции «НЛО», неизменно авангардной, близка, думается, и более смелая точка зрения, согласно которой в качестве текста позволительно рассматривать любую материальную вещь, в частности (и даже тем более) круг на унитазе. А если к тому же этот круг заменяется текстом в узком, буквальном смысле слова, то право относить такую ситуацию к словесным квипрокво становится почти неоспоримым. Вот что в августе 2008 года я увидел на задней стенке кабинки уборной **86** некоего московского учреждения, открытого для свободного доступа. Там висело напечатанное очень крупным шрифтом объявление: «УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА НЕ СТАНОВИТЬСЯ НОГАМИ НА УНИТАЗ». Объявление заменяло собою круг, которого не было. ◄●●

75 [к § 23, с. 400]. Всё же именовать подмену одного произведения изобразительного искусства словесным квипрокво возможно лишь с известной натяжкой. Для таких случаев более уместным был бы более широкий термин *семиотическое квипрокво*, каковой термин и предлагается ввести. Понятие семиотического квипрокво включает в себя понятие словесного квипрокво как частный случай.

76 [к § 23, с. 403]. Так, у меня чрезвычайно смутное воспоминание о чьём-то рассказе, как в Ленинграде памятник кому-то поставили на чужие ноги. Ну, скажем, так: статую Герцена поставили на ноги памятника А. Н. Веселовскому — но, скорее всего, оба имени не соответствуют действительности.

Эту тему блестяще отобразил Тимур Кибиров во втором стихотворении тетраптиха «В рамках гласности». В этом стихотворении памятник Сталину перекрашивают в памятник Пушкину — да даже и не перекрашивают, а подкрашивают там, где краска облупилась.

Тему памятников и монументов можно понимать как часть общей темы мемориальных объектов. А к таким объектам относятся и могилы. Поэтому будет уместным упомянуть здесь ситуацию с могилой Суслина. Ученик Н. Н. Лузина Михаил Яковлевич Суслин прожил недолгую жизнь, с 3(15).11.1894 по 21.10.1919, но успел показать себя гениальным математиком. (Он обнаружил ошибку в известном труде великого французского математика Лебега, что привело его к открытию принципиально нового класса множеств и стать, тем самым, одним из создателей современной дескриптивной теории множеств.) Суслин родился в селе Красавка, ныне Саратовской области, расположенном на берегах реки Елань, которой посвящён § 9 настоящего очерка. Там же Суслин умер, заболев сыпным тифом, там же и похоронен на сельском кладбище. На его могиле установлен памятник. В 1990-х годах в составе группы московских и саратовских

математиков мне довелось побывать на этой могиле, расположенной вблизи ограды кладбища. Тогда-то я и узнал, что подлинная могила Сулина заброшена и находится в нескольких метрах от его «официальной могилы» и что причина кроется в том, что туда не доставала стрела подъёмного крана, использовавшаяся при установке памятника. Нам это рассказал пожилой человек, представившийся как родственник Суслина (не то двоюродный брат, не то двоюродный племянник). Возможно, сейчас уже нет никого, кто бы мог показать место захоронения российского гения.

Более достоверными являются два следующих, относящихся не к изваяниям, а к текстам, факта. Знаменитая песня красных времён Гражданской войны «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд, чтобы с боем взять Приморье — белой армии оплот» является незначительной переделкой, с полным сохранением мелодии, белогвардейской песни «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд, чтобы с боем взять Приморье — красной армии оплот». А не менее знаменитая песня советских лётчиков (их называли *сталинскими соколами*) «Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц» заимствована из песни «Всё выше, и выше, и выше стремимся мы юбки поднять», исполняемой в 1920-х годах в шантанах русской эмиграции в Китае.

77 [к § 24, с. 404]. Кстати, очевидное словесное квипрокво. Потому что, если уж не восстанавливать первоначальное название («Музей изящных искусств имени императора Александра III»), то надо бы назвать его — Музей изобразительных искусств имени Ивана Владимировича Цветаева, который основал в 1912 году этот музей и был его первым директором; Пушкин же, который, конечно, в этом не виноват, был приписан к музею в 1937 году по случаю столетия со дня смерти. Точно так же Московская консерватория если и должна носить чьё-то имя, то имя основавшего её в 1866 году и её первого директора Николая Григорьевича Рубинштейна, а не присвоенное ей в 1940 году имя Чайковского — опять-таки по случаю столетия, но на этот раз не смерти, а рождения (Чайковский тоже не виноват) **37**. И уж совсем позорный эпизод — превращение, которое претерпел основанный в 1912 году при Московской консерватории Мемориальный музей Н. Г. Рубинштейна. Сперва в 1943 году он был переименован в безымянный Музей музыкальной культуры, а затем в 1954 году — как же, полтораста лет со дня рождения! — получил имя М. И. Глинки. (И Глинка не виноват.) Память и Пушкина, и Глинки была отнюдь не уважена, а скорее запятнана неуклюжими действиями властей.

78 [к примеч. 9, с. 418]. Два примера этого примечания не относится к теме словесных квипрокво, но относится к теме пропаганды. Пример первый. Когда в августе 1961 года была сооружена печальной памяти Берлинская Стена, одна из центральных советских газет поместила карикатуру (кажется, Кукрыниксов), на которой изображалась злобная рука, тянущаяся с Запада на Восток и разрубаемая Берлинской Стеной. Подпись под карикатурой была соответствующая. В статье в том же номере газеты сообщалось, что военнослужащие западных оккуппационных войск и жители Западного Берлина могут свободно переходить через стену в Восточный Берлин. Пример второй. В ответ на упрёки, что СССР фактически превращён в концлагерь, поскольку из него нельзя свободно выехать, советская пропаганда отвечала упрёком, что западные страны также оберегают свои границы, поскольку в названные страны нельзя свободно въехать. ●●▶ Российская пропаганда демонстрирует ту же логику, которая лежала в основе нашего второго примера. 7—31 марта 2007 года в Музее Сахарова состоялась выставка «Запретное искусство — 2006». На ней были представлены произведения, предложенные различными кураторами для выставок в московских музеях и галереях и не разрешённые к показу художественными советами или директорами в 2006 году Теперь о пропаганде. 6 июля 2010 года в дневной (с 15 до 16 часов) передаче «Разворот» на радиостанции «Эхо Москвы» обсуждался возможный приговор, долженстующий быть вынесенным в ближайшее время устроителям названной выставки, которым было предъявлено обвинение в оскорблении чувств верующих и разжигании национальной розни. Судя по тому, что я знаю, выставленные картины действительно могли оскорбить чувства православных верующих (возможно, не столько православных, сколько «православнутых», близких к тем, которые 8 января 2003 года учинили погром на выставке «Осторожно, религия!» в том же музее, но никакого наказания за погром не понесли, а, напротив, подали в суд на устроителей разгромленной выставки[59]). Однако... Выступая в названной радиопередаче руководитель Пресс-службы Московской патриархии иерей Владимир Николаевич Вигилянский в защиту обвинения привёл два сравнения.

[59] И выиграли этот суд. Хотя, по мнению автора этих строк, Музей Сахарова и не является наиболее подходящим местом проведения выставки «Осторожно, религия!», преступления устроители выставки не совершили. (Какой он наглый, этот автор! Он противопоставляет себя российскому суду! — Да, и не только в этом случае.) Кстати, и суд по обвинению устроителей выставки «Запретное искусство — 2006» истцы также выиграли. К удовольствию, надо полагать, г-на Вигилянского.

Первое: где-то был осуждён хозяин лавки, выставивший в витрине карикатуру на пророка Мухаммеда. Второе: он, Вигилянский, любит слушать записи Баха и Моцарта, но если он ночью выставит проигрыватель в открытом окне, это будет недопустимым нарушением общественного спокойствия. Г-н Вигилянский забыл упомянуть, что «преступные» картины не были выставлены открыто, более того, экспонаты выставки были скрыты от глаз зрителей фальшстеной и были доступны для разглядывания лишь через маленькие отверстия в этой стене. Всё это слишком напомнило известный анекдот «А вы на шкаф залезьте!». (Постоялец гостиницы пожаловался, что пара в соседнем номере занимается сексом, а его не устраивает лицезрение этого занятия. На возражение администратора, что он не может видеть того, что делается в соседнем номере, поскольку застеклённая дверь между номерами заперта и почти до потолка закрыта шкафом, жалобщик отвечал: «А вы на шкаф залезьте!».) ◄●●

79 [к примеч. 15, с. 420]. С Берлинской Стеной, которую я, будучи летом 1989 года на конференции в Западном Берлине, имел возможность осматривать с западной стороны, у меня связаны три личных впечатления. Первое. До возведения стены берлинское метро было единым (и при пересечении метропоезда подземной границы с Востока на Запад голос диктора извещал пассажиров о покидании ими Демократического Берлина, а при перечении границы с Запада на Восток о покидании Свободного Берлина). После появления Стены как наземная, так и подземная железнодорожная сеть в обоих Берлинах долгое время оставалась единой (и управлялась из Восточного Берлина), хотя проехать на метро из Восточного Берлина в Западный, разумеется, было нельзя. Незадолго до лета 1989 года юрисдикции были разделены, тем не менее некоторые подземные участки западноберлинского метро проходили по восточной стороне. Разумеется, поезда проезжали восточноберлинские станции без остановки, да и сами эти станции были закрыты. Вид этих станций сквозь окно проносящегося вагона напоминал кадры из фантастического фильма — то ли о других планетах, то ли о Земле после глобальной катастрофы: перроны освещены тусклым светом, и либо на них не было ни души, либо же стояли солдаты с автоматами поперёк живота (не могу вспомнить, который из двух вариантов имел место). Второе впечатление тоже вызывало ассоциации с кадрами из фильмов, но фильмов совсем другого жанра — любезный читатель поймёт, какого жанра, если я опишу, что я видел. С западной стороны вся стена была разрисована граффити, но не это главное. Главное, что там стояли вышки, на которые всякий мог подняться и заглянуть за стену. Я поднялся и

увидел, что с восточной стороны идёт вторая стена, а между ними — вспаханная земля, колючая проволока, иногда собаки и пограничники. Как раз от моей вышки через стену был перекинут мост, вход на который с западной стороны был свободным. С восточной стороны мост упирался в башню с дверью в ней. Нет, это неправильно: мост не упирался, потому что башня примыкала к кромке моста, мост несколько метров шёл вдоль боковой стены башни, и именно в этой боковой стене была дверь, так что внутрь двери с запада заглянуть было невозможно. Когда я был на вышке, туда поднялись двое, мужчина и женщина. Они простились, и женщина с сумками пошла по мосту. Мужчина смотрел ей вслед с выражением лица, которое я не в состоянии передать. Женщина несколько раз останавливалась и оборачивалась. Ощущение было такое, что они не знали, увидятся ли когда-нибудь впредь — как если бы женщина спускалась в ад. Наконец, она дошла до башни, остановилась, оглянулась в последний раз, вошла в боковую дверку и исчезла. Наконец, последнее впечатление. Начало ноября того же 1989 года, США. Я еду на автобусе (если совсем точно, на двух последовательных автобусах — с пересадкой) из Итаки, что в штате Массачусетс, в Филадельфию, что в штате Пенсильвания. У водителя включён радиоприёмник, который он слушает (именно он, а не весь автобус). И вдруг он громко объявляет об услышанном им известии — причём по его тону ясно, что он считает это событие переворачивающим мир, а также считает, что так должны считать и пассажиры. Он сообщает о падении Берлинской Стены.

80 [к примеч. 19, с. 422]. ●●▶ Православие становится (или уже стало?) государственной религией... (Надеюсь, никому не придёт в голову тыкать автору в нос Конституцией, 14-я статья которой запрещает иметь государственную религию.) И это страшновато. В качестве первой иллюстрации — анекдот. Ангел шёпотом объясняет новоприбывшему устройство рая: «Тут католики, тут лютеране, тут баптисты, тут православные». — «Почему шёпотом?» — спрашивает новичок. — «Потому что православные думают, что они тут одни». В качестве второй иллюстрации — цитата из статьи Андрея Кураева «Церковь и общество»:

> Помните американский фильм «День Независимости»? Это фильм, дорогой каждому православному сердцу — ради кадра, в котором Белый Дом взлетает на воздух. (В книге: Андрей Кураев. Церковь в мире людей. Изд. 5-е. — М.: Сретенский монастырь, 2009. — С. 31. В Интернете: `http://azbyka.ru/vopros/kuraev_cerkov_v_mire_ludey_01-all.shtml`; `http://utoli-pechali.ru/content/books/kuraev/cerkov.htm`; посещено 05.04.2012.)

Неужели разрушение Белого Дома действительно радостно всем православным, в частности, миллионам православных американских граждан, в том числе и тому, кто в 1988 году мог бы стать главным жильцом названного дома, если бы не проиграл президентские выборы Джорджу Бушу старшему (речь идёт о Майкле Стэнли Дукакисе)?

А. В. Кураев — умный и образованный человек сравнительно либеральных взглядов, едва ли не главный глашатай и идеолог православия в России, активно содействовавший избранию Кирилла на патриарший престол (5 апреля 2009 года, через два месяца после патриаршей интронизации, состоявшейся 1 февраля 2009 года, был возведён Кириллом из простых диаконов в протодиаконы). Однако процитированное выше высказывание заставляет вспомнить о бин Ладене. ◄●●

81 [к примеч. 19, с. 422]. Впрочем, эта попытка уравнять в статусе Русскую православную церковь (РПЦ) и филателистическое общество с точки зрения названной церкви кощунственна, а с точки зрения автора лицемерна. Ведь ему, автору, хорошо известен российский закон о религиях 1997 года, в котором хотя и подразумевается, что все конфессии равны, но явно указано что четыре из них (православие, ислам, буддизм и иудаизм) в оруэлловском смысле равнее («традиционнее», если следовать букве закона) других. Хотя в законе этого и не сказано, но жизнь свидетельствует, что Православие равнее прочих. Когда какую-нибудь святыню переносят в московский храм Христа Спасителя, процессию охраняет «православное воинство». На рубеже веков я неоднократно наблюдал по телевидению освящение знамени какой-либо крупной войсковой единицы. Меня всегда интересовало, как должны чувствовать себя представители других конфессий, хотя бы и традиционных, готовые по долгу службы отдать жизнь за честь этого знамени. По моим воспоминаниям, среди войсковых единиц, знамя которых освящалось, были столь крупные, как целые роды войск, возглавляемые командующими. ●●► Однако мои попытки (предпринятые в 2009 году) подтвердить мои воспоминания Интернетом не увенчались успехом. Вывешенные тексты сообщали лишь об освящении более скромных знамён, причём относящихся не только к армии, но и к милиции. Например:

23 февраля 2005 года епископ Нижегородский и Арзамасский Георгий, в присутствии начальника училища генерал-майора Николая Бондаренко освятил боевое знамя Нижегородского высшего военно-инженерного командного училища в Кстове.

25 сентября 2005 года настоятель Покровского храма села Богородское (Рузское благочиние Московской епархии РПЦ) священник

Сергий Ерёмин, окормляющий данное подразделение, торжественно освятил знамя части.

16 ноября 2006 года *Сотрудник сектора ВДВ* (!?) священник Александр Солдатенков в гарнизоне Ракетных войск стратегического назначения «Власиха» освятил знамя 8-го Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (спецмилиция на военных объектах). Это знамя начальнику управления полковнику И. Н. Андрееву вручил первый заместитель министра внутренних дел России генерал-полковник милиции А. А. Чекалин. На торжественной церемонии присутствовало командование ракетных войск, руководство МВД России. Был отслужен молебен «о помощи Божией».

20 июня 2008 года епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх совершил освящение знамени Кузбасского управления внутренних дел на транспорте. Мероприятие прошло у Стелы памяти во внутреннем дворе Управления транспортной милиции.

Хочется закончить тему в манере Гоголя. А знаете ли вы, что один из факультетов Военной академии ракетных войск стратегического назначения — это Факультет православной культуры? (2005 год.) ◀●●

82 [к примеч. 22, с. 424]. Со сказанным ассоциируется народная реакция на смерть верховных вождей. Когда объявили о смерти Сталина, то у многих скорбь была велика чрезвычайно. Я вспоминаю митинг в клубе МГУ (на углу Большой Никитской, называвшейся тогда улицей Герцена, и Моховой) и поразившие меня слова выступавшей женщины, произнесённые сквозь рыдания: «Нам так хорошо было с тобой». А вечером сотни тысяч, а то и миллионы людей вышли на улицы с целью (разумеется, совершенно нереальной) попасть в Колонный зал Дома союзов, где был выставлен гроб с телом. Вместо того, чтобы выстроить многокилометровую очередь — скажем, вдоль Ленинградского шоссе к центру, — власти просто перегородили улицы военными грузовиками. Произошла давка с человеческими жертвами. Жертв я не видел, но видел генерала, стоявшего в кузове перегородившего улицу грузовика и почти плачущего от того, что под ним люди раздавливались об этот самый грузовик. На исходе ночи оказалось, что город оснащён репродукторами, которые начали говорить: «Один, два, три, ...»; но поскольку слов «проверка связи» произнесено не было, люди стояли и слушали в почтительном молчании; и я слышал, как кто-то сказал: «Это считают колонны, которые проходят мимо гроба там, в Колонном зале...». Под утро эти же репродукторы торжественно огласили состав нового советского руководства — тов. Маленков и др. А 9 февраля 1984 года умер Ю. В. Андропов. Тут я вспоминаю другую женщину, которая в день,

когда радио объявило о кончине, шла по Большой Дорогомиловской улице и так говорила сама с собой (в голосе её звучала неподдельная печаль): «Как мало он нами правил — ничем себя наградить не успел». (Читатель XXI века уже может и не помнить, что предшественник Андропова Л. И. Брежнев за 18-летний срок своего правления успел наградить себя всеми мыслимыми и немыслимыми орденами, премиями и званиями.)

Похороны Сталина и Андропова проходили, соответственно, по 2-му и 3-му разрядам по нашей классификации. Примером похорон по 6-му разряду могут служить похороны Косыгина в 1980 году. Поскольку на момент смерти он уже не занимал никаких постов, гроб с телом поместили в Центральном доме Советской армии на площади Коммуны (до того — Екатерининской, а ныне — Суворовской). Алексей Николаевич Косыгин пользовался в народе популярностью, и я наблюдал следующую сцену. У оцепления собралось довольно много людей, желающих пройти внутрь и попрощаться с покойным. Никого, разумеется, не пускали. Одновременно сквозь оцепление проезжали набитые людьми автобусы. Как мне разъяснили, это везли прощаться с Косыгиным работников различных предприятий и организаций, согнанных в эти автобусы отнюдь не всегда добровольно.

Николай Викторович Подгорный был Председателем Президиума Верховного Совета СССР (то есть номинальным главой Советского государства) с 1965 по 1977 год — вплоть до того дня, когда его сместил Брежнев, которому эта должность приглянулась самому. Его похороны в 1983 году проходили вне указанных выше разрядов, на Новодевичьем кладбище. Кладбище было оцеплено — мне довелось видеть это из окна одного из близлежащих домов. Представители властей очень суетились, и было такое ощущение, что они опасаются стихийных изъявлений как народной любви к покойному (которого к тому времени все напрочь забыли), так и протестов по поводу его отрешения от квазипрезидентского поста.

83 [к примеч. 22, с. 424]. Среди запомнившихся очерков Рубинова выделю здесь два — о сырах и об электричках. Очерк о сырах повествовал о том, как представители газеты закупили в разных магазинах сыры разных сортов и предъявили их, не называя, дегустаторам — с тем, чтобы те по вкусу установили сорт сыра. Дегустаторы — а их было с дюжину — все как один изумились такой, неправильной с их точки зрения методике эксперимента. «Вы дайте нам кусок голландского сыра, — сказали дегустаторы, — а мы тогда определим, соответствует ли образец установленным для голландского сыра

параметрам вкуса». Когда всё же эксперимент был проведён в предложенной газетой форме, то ни один дегустатор ничего не смог определить. (Заодно выяснилось, что сыры с одинаковым названием, но купленные в разных магазинах, могут отличаться друг от друга сильнее, чем сыры с разными названиями.) Очерк об электричках возник после того, как Рубинов провёл несколько часов на одном из московских вокзалов, методично отмечая в купленном им расписании те электропоезда, которые должны были отправиться, но не отправились. Таковых набралось достаточно много, и он отправился за разъяснениями к высокому начальству Министерства путей сообщения. Там посмотрели сводку и обнаружили, что случаев неотправления предназначенных к отправлению поездов не было вовсе. Возникло замешательство; видно было, что железнодорожное начальство вроде бы не врёт; Рубинов предъявил свой список. Увидев список и снова сверившись со сводкой, начальство облегчённо вздохнуло. «Так эти же поезда были отменены, — разъяснило оно. — Поэтому никаких неотправлений не было». «А что же такое неотправление?» — спросил Рубинов. «А это когда дали зелёный свет, машинист дал гудок, нажал на рукоятку отправления, а поезд не сдвинулся с места».

84 [к примеч. 42, с. 436]. ●●➤ Казалось бы, учитывая сказанное, не приходится ожидать от Власти уважения к завещательным пожеланиям кого бы то ни было — тем более пожеланиям не столь верных её слуг, как Нельсон и Маяковский. Тем не менее, почему-то каждый пример такого неуважения вызывает удивление и внутренний протест. Вот, скажем, Ахматова достаточно ясно сказала в «Реквиеме»:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем — не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
<...>
Ни в царском саду у заветного пня
<...>
А здесь, где стояла я триста часов,
И где для меня не открыли засов.

Слово «здесь» означает ‘у тюрьмы «Кресты»’, где сидел её сын Лев Николаевич Гумилёв. Когда власти перешли от поношения Ахматовой к её прославлению, было открыто несколько её памятников. Но все

не там, где она указала. Так, 7 ноября 2000 года открыли пямятник в Москве, во дворе дома 17 по Большой Ордынке. 5 марта 2006 года открыли памятник в Санкт-Петербурге, в садике у Фонтанного дома (набережная реки Фонтанки, 34). Наконец, дошла очередь и до «Крестов», и 18 декабря 2006 года был открыт памятник Ахматовой, голова которого повернута в сторону «Крестов». Однако и этот памятник был установлен не в точно обозначенном ею месте, а напротив этого места, на другой стороне Невы, между домами 12 и 14 по набережной Робеспьера. Это не помешало средствам массовой информации с восторгом сообщить, что завещание великой поэтессы исполнено. (Состоявшееся 26 декабря 2006 года водружение гипсовой копии памятника в один из коридоров следственного изолятора «Кресты» также вряд ли можно считать исполнением завещания.) ◀●●

85 [к примеч. 57, с. 440]. К сожалению, из-за бездарной военной политики Сталина в преддверии войны 1941—1945 годов с Германией — политики, которую сам Сталин, проводи эту политику кто-либо другой, назвал бы вредительской — в начальный период войны «яростный поход» проходил в направлении от западных границ СССР на восток, вглубь страны.

86 [к примеч. 74, с. 445]. С детства я приучен называть отхожие места уборными. Теперь их, особенно если речь идёт о местах общего пользования, принято называть туалетами. Однажды, помнится, мой сын по возвращении из детского сада, сказал мне примерно следующее: «Уборную в детском саду называют туалетом. Кого слушаться — тебя или воспитательницу?». К счастью, я нашёлся: «Никакого противоречия. Помещение у нас в доме называется уборной, а сходное помещение в детском саду — туалетом». Так что в том фрагменте, к которому делается настоящее примечание, следовало бы говорить не *уборная*, а *туалет*.

87 [к примеч. 77, с. 446]. Ситуации, когда некая сущность называется именем ненадлежащего лица, составляют особый разряд словесных квипрокво. В. И. Арнольд даже выдвинул положение об универсальности таких ситуаций — так называемый *принцип Арнольда*. Принцип Арнольда утверждает, что если какое-либо положение носит имя какого-либо лица, это является бесспорным свидетельством того, что данное лицо не является автором данного положения. Вот любопытный пример из истории науки XVII века. В 1696 году французский математик маркиз де Лопиталь выпустил книгу «Анализ бесконечно малых для понимания кривых» («*Analyse des Infiniment Petits pour l'Intelligence des Lignes Courbes*»), дающую

первое систематическое изложение дифференциального исчисления Лейбница. В предисловии было указано, что автор свободно пользуется открытиями Лейбница и братьев Бернулли, в особенности младшего из братьев, Иоганна. В книге, в частности, было опубликовано найденное Иоганном правило, позволяющее в некоторых случаях делить ноль на ноль (более точно, находить предел отношения двух величин, каждая из которых стремится к нулю). Все стали называть это полезное правило *правилом Лопиталя*, что оказалось непереносимым для подлинного автора правила, который был выдающимся математиком, но притом настолько ревниво относящимся к своему приоритету, что сражался за него не только со своим старшим братом Якобом, но даже и с собственным сыном Даниилом. Чтобы закрепить своё авторство в отношении правила Лопиталя, он опубликовал аналогичное правило для другого, более сложного случая, в каковом речь идёт о делении бесконечности на бесконечность (более точно, о пределе отношения двух величин, каждая из которых стремится к бесконечности). Все стали называть (и называют до сих пор) это новое открытое Иоганном Бернулли правило ***вторым правилом Лопиталя***.

Литература

[АИУ] Большая Советская Энциклопедия: Алфавитный именной указатель к третьему изданию. А—Я. — М.: Советская энциклопедия, 1981. — 719 с.

[Ард 1990] *Ардов, Михаил.* Легендарная Ордынка // Чистые пруды: Альманах. — Вып.4. — М.: Московский рабочий, 1990. — С.640—684.

[Ард 1998] *Ардов М.* [*В.*] Возвращение на Ордынку: Воспоминания, публицистика. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. — 317 с.

[Ард 2001] *Ардов М.* [*В.*] Легендарная Ордынка. Портреты. — М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. — 527 с.

[Аст] *Астапова Т.* Когда Марина была юной // Юность. — 1984. — № 8. — С. 95—98.

[Ашу] *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — Изд. 3-е — М.: Художеств. лит., 1966. — 824 с.

[БЕ-18] Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Т. 9, полутом 18. — СПб., 1893. — I—IV, 475—974, I—II с.

[БЕ-62] Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Т. 31, полутом 62. — СПб., 1901. — I—II, 473—954, I—III с.

[Без 95] *Безродный, Михаил.* Конец цитаты // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 12. — С. 266—334.

[Без 96] *Безродный, Михаил.* Конец цитаты. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. — 159 с.

[Бел 21] *Белый, Андрей.* Первое свидание: Поэма. — Пб.: Алконост, 1921. — 70 с.

[Бел 66] *Белый, Андрей.* Стихотворения и поэмы / Вступит. статья и сост. Т. Ю. Хмельницкой; Подготовка текста и примеч. Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко. — М.—Л.: Сов. писатель, 1966. — 656 с. — (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).

[Бенс] Dictionary of Russian Personal Names / Compiled by Morton Benson. — 2nd ed., revised. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969. — 175 p.

[Бов] *Бовин А.* Право помилования // Новые Известия. — 2001. — 4 августа.

[Бод 11] *Бодуэн-де-Куртенэ И. А.* Предисловие // [Даль], т. 1, с. I—XVI.

[Бод 63] *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. — Т. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 392 с.

[Брик] *Брик, Лиля.* Из воспоминаний // [Кат 93], с. 85—174.

[Брюх] *Брюханенко, Наталья.* Пережитое // [Кат 93], с. 175—210.

[Бур] *Бурбаки Н.* Теория множеств / Пер. с франц. Г. Н. Поварова и Ю. А. Шихановича; Под ред. В. А. Успенского. — М.: Мир, 1965. — 455 с. — (*Н. Бурбаки.* Начала математики. Первая часть: Основные структуры анализа; Книга первая).

[БылЖил] *Былинский К. И., Жилин А. Н.* Справочная книга корректора. — М.: Искусство, 1960. — 533 с.

[БЭС] Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., переработ. и доп. — М.: Большая Российская Энциклопедия; СПб.: Норинт, 2001. — 1456 с.

[Венц] *Венцлова, Томас.* Собеседники на пиру: Статьи о русской литературе / [С предисловием Вяч. Вс. Иванова]. — [Vilnius]: Baltos Lankos, 1997. — 255 с.

[ГоКаША] *Горбаневский М. В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В. М.* Не говори шершавым языком. О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ / Под ред. Ю. А. Бельчикова — М.: Галерия, 1999. — 215 с.

[Гриб 12] *Грибоедов А. С.* Горе от ума: Текст Жандровской рукописи / Редакция, введение и примечания Н. К. Пиксанова. — М.: Л. Э. Бухгейм, 1912. — 8 + LXX + 151 с.

[Гриб 13] *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений. — Т. 2 / Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова. — СПб.: Разряд изящной словесности Императорской Академии Наук, 1913. — III + 360 с. — (Академическая библиотека русских писателей; Вып. 8).

[Даль] *Даль, Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Четвёртое, исправленное и значительно дополненное издание / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. — Т. 1—4. — СПб.—М.: Товарищество М. О. Вольф, [1911—1912].

[Душ] *Душенко К. В.* Словарь современных цитат. — Изд. 2-е, переработ. и доп. — М.: ЭКСМО, 2002. — 735 с.

[Жол 91] *Жолковский А. К.* Ранний Пастернак: Актеон или Геракл? К структуре одной контрмифемы // Литературное обозрение. — 1991. — № 11. — С. 87—90.

[Жол 94] *Жолковский А. К.* Экстатические мотивы Пастернака в свете его личной мифологии (Комплекс Иакова/Актеона/Геракла) // А. К. Жолковский. Блуждающие сны и другие работы. — М.: Наука: Издат. фирма «Восточная лит-ра», 1994. — С. 283—295.

[Займ] *Займовский С. Г.* Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма. — М.—Л.: Госиздат, 1930. — 493 с.

[Ильф] *Ильф И.* Записные книжки. — М.: Советский писатель, 1939. — 144 с.

[Кат 93] *Катанян В. В.* (составитель). Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском / Сост., вступ. ст., коммент. В. В. Катаняна. — М.: Дружба народов, 1993. — 336 с.

[Кат 97] *Катанян В. В.* Прикосновение к идолам. — М.: Вагриус, 1997. — 447 с.

[Кры] *Крылов А. Н.* Мои воспоминания / Отв. ред. А. П. Капица. — Л.: Судостроение, 1979. — 479 с.

[Лав] *Лавинская Е. А.* Воспоминания о встречах с Маяковским // [МВВ], с. 321—374.

[Лац] *Лацис О.* Семь и три четверти // Новые Известия. — 2001. — 25 июля. — № 128 (897).

[Мак] *Макарий.* Введение в православное богословие. — Изд. 2-е, испр. — СПб.: Типография Гр. Трусова, 1852. — 392 + VI с.

[Мая 36] *Маяковский В.* Собрание сочинений: В 4 тт. / Под ред. Л. Ю. Брик и И. К. Луппола. — М.: Художеств. лит-ра, 1936.

[Мая 38] *Маяковский, Владимир.* Стихи. Поэмы. Проза / Вступительная статья О. М. Брик[а]; Выбор стихов и редакция текста Л. Ю. Брик. — М.—Л.: Изд-во детской лит-ры, 1938. — 354 с.

[Мая 39—49] *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 12 тт. / Под общей редакцией Н. Н. Асеева, Л. В. Маяковской, В. О. Перцова и М. И. Серебрянского. — М.: Художеств. лит-ра, 1939—1949.

[Мая 40] [Мая 39—49]. — Т. 6. Поэмы / Редакция и комментарии В. [А.] Катаняна и В. [В.] Тренина. — 1940. — 545 с.

[Мая 41] [Мая 39—49]. — Т. 10. Стихи 1929—1930. Статьи. Стенограммы выступлений 1926—1930 / Ред. и коммент. В. [А.] Катаняна. — 471 с.

[Мая 55—61] *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 тт. — М.: Художеств. лит-ра, 1955—1961.

[Мая 57] [Мая 55—61]. — Т. 6 / Подготовка текста и примеч. И. С. Эвентова, Ю. Л. Прокушева. — 1957. — 543 с.

[Мая 58а] [Мая 55—61]. — Т. 8 / Подготовка текста и примеч. В. А. Катаняна. — 1958. — 459 с.

[Мая 58б] [Мая 55—61]. — Т. 10 / Подготовка текста и примеч. С. А. Коваленко. — 1958. — 381 с.

[Мая 61] [Мая 55—61]. — Т. 13 / Подготовка текста и примеч. В. А. Арутчевой, А. Г. Бромберга, Е. А. Динерштейна, В. Ф. Земскова, А. В. Февральского. — 1961. — 637 с.

[Мая 74] *Маяковский В. В.* Владимир Ильич Ленин. Хорошо! Во весь голос. — Л.: Лениздат, 1974. — (Школьная библиотека). — 166 с.

[Мая 81] *Маяковский В. В.* Избранные сочинения: В 2 тт. — Т. 2 / Сост. А. Ушаков; Примеч. Ф. Пицкель. — М.: Художеств. лит-ра, 1981. — 558 с. — (Библиотека классики: Советская литература). — [Тираж — миллион экземпляров].

[МВВ] Маяковский в воспоминаниях родных и друзей / Под ред. Л. В. Маяковской, А. И. Колоскова. — М.: Московский рабочий, 1968. — 430 с.

[Мих94] *Михельсон М. И.* Меткие и ходячие слова: Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. — СПб.: Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1894. — 690 с.

[Мих96] *Михельсон М. И.* Ходячие и меткие слова: Сборник русских и цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). — Второе пересмотренное и значительно пополненное издание. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. — 598 с.

[НОМ] Новое о Маяковском. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 631 с. — (Литературное наследство / Редакция: В. В. Виноградов (гл. ред.), И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин, М. Б. Храпченко; Т. 65).

[НЭС] Новый энциклопедический словарь / Под общей редакцией К. К. Арсеньева. — СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1911—1916.

[ОСРЯ] Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова; АН СССР: Ин-т русского языка. — Изд. 2-е, стереотипн. — М.: Русский язык, 1985. — 703 с.

[Остр] *Островский А. Л.* Краткий музыкальный словарь. — Л.—М.: Гос. музыкальное изд-во (МУЗГИЗ), 1949. — 213 с.

[Паст 35] *Пастернак Б. Л.* Стихотворения в одном томе. — Л.: Художеств. лит-ра, 1935. — 440 с.

[Паст 65] *Пастернак Б. Л.* Стихотворения и поэмы / Вступит. статья А. Д. Синявского; Сост., подготовка текста и примеч. Л. А. Озерова. — М.—Л.: Сов. писатель, 1965. — 732 с. — (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).

[Паст 85] *Пастернак Б. Л.* Избранное: В 2 тт. — Т. 1. Стихотворения и поэмы / Вступит. статья Д. С. Лихачёва; Сост., подготовка текста и комментарии Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака; Худож. Л. Пастернак. — М.: Художеств. лит-ра, 1985. — 623 с.

[Паст 89] *Пастернак Б. Л.* Собрание сочинений: В 5 тт. — Т. 1. Стихотворения и поэмы / Редколлегия: А. А. Вознесенский и др.; Вступит. статья Д. С. Лихачева; Сост. и коммент. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. — М.: Художеств. лит-ра, 1989. — 791 с.

[Паст 90] *Пастернак Б. Л.* Стихотворения и поэмы: В 2 тт. — Т. 1. / Вступит. статья В. Н. Альфонсова; Сост., подготовка текста и примеч. В. С. Баевского и Е. Б. Пастернака. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 502 с. — (Библиотека поэта. Большая серия. Издание третье).

[Полон] *Полонская, Вероника.* Последний год // [Кат 93], с. 275—322.

[Поляк 83] *Полякова С. В.* Закатные оны дни: Цветаева и Парнок[60]. — Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishers, 1983. — 128 p.

[60] Название этой книги само представляет собою словесное квипрокво. В самом деле: (1) на обороте титула заглавие латиницей: *TSvetaeva i Parnok: nezakatnie oni dni*; (2) текст книги [Поляк 83] перепечатан в книге [Поляк 97] на с. 188—269 под заглавием *Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок*; (3) на с. 383 книги [Поляк 97] заглавие книги [Поляк 83] указано в такой форме: [*Не*]*закатные оны дни: Цветаева и Парнок*. Возможно, впрочем, что здесь имеет место тот парадоксальный

[Поляк 97] *Полякова С. В.* «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1997. — 383 с. — [Здесь на с. 188—269 под заглавием «Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок» перепечатан текст книги [Поляк 83]].

[Прав] Правила русской орфографии и пунктуации. — М.: Учпедгиз, 1956. — 176 с.

[Приг] *Пригов, Дмитрий Александрович.* Явление стиха после его смерти. — М.: Текст, 1995. — 109 с.

[Пурт] *Пуртова Н.* Окончательные выводы по предварительным данным // Новые Известия. — 2001. — 1 августа.

[Пущ] *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. — М.: Детск. лит-ра, 1984. — 63 с.

[Рубц] *Рубцова Е.* Суд последней надежды // Новые Известия. — 2001. — 7 июля.

[Сеж] *Сеженский К.* Краткий словарь музыкальных терминов / Под общ. ред. А. А. Альшванга. — М.: Московская гос. филармония, 1948. — 72 с.

[Сер] *Сергеев, Андрей.* Omnibus: Роман, рассказы, воспоминания. — М.: Новое литературное обозрение, 1997. — 543 с. — [А не 548 с., как в выходных данных].

[Скат] *Скатов, Николай.* Книга женской души (О поэзии Анны Ахматовой) // Анна Ахматова. Собр. соч.: В 2 тт. — М.: Правда, 1990. — Т. 1. — С. 3—20.

[Стар] *Старикевич А.* Сахарку не найдётся? // Новые Известия. — 2001. — 1 августа.

[Съезд] XXIV съезд КПСС: Стенографический отчёт. — Т. 1—2. — М., 1971.

[Тре] Байки кремлёвского диггера. — М.: Ad Marginem, 2003. — 382 с.

[Уорн] *Warner O.* A Portrait of Lord Nelson. — L.: Chatto & Windus, 1958 — 372 p., 2 maps, 30 ill.

[Усп 65] *Успенский В. А.* Предисловие редактора перевода // [Бур], с. 5—18.

[Усп 87] *Успенский В. А.* Семь размышлений на темы философии математики // Закономерности развития современной математики:

случай, когда противопоставление, возникающее при приписывании к слову приставки *не*, нейтрализуется. Например, в следующей цитате из «Баллады о королевском бутерброде» в переводе С. Я. Маршака слово *известный* употребляется в значении 'неизвестный': *Велели их величество известное количество отборнейшего масла доставить к их столу!* А А. А. Зиновьев в своих «Зияющих высотах» отметил синонимию оборотов *Хай живе* и *Нехай живе*.

методологические аспекты / Отв. ред. М. И. Панов. — М.: Наука, 1987. — С. 106—155. — [См. кн. 2 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Усп 96] *Успенский В. А.* Невтон — Ньютóн — Нью́тон, или Сколько сторон имеет языковой знак? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. — М.: Индрик, 1996. — С. 598—659. — [См. кн. 3 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Усп 97] *Успенский В. А.* Предварение для читателей «Нового литературного обозрения» к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова // Новое литературное обозрение. — 1997. — № 24. — С. 121—215. — [См. с. 54—206 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].

[Уш] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — Т. 1—4. — М., 1934—1940.

[Цвет] *Цветаева М. И.* Проза. — М.: Современник, 1989. — 590 с.

[Шиль] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. — Т. 1. — СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. — 800 с.

[Штейн] *Штейн А. П.* Избранное: В 2 тт. — Т. 1. — М.: Искусство, 1988. — 455 с.

[Яку] Рукопись комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» / [Редакция, введение и примечания В. Е. Якушкина]; Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III. — М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1903. — (Описание памятников; Вып. III). — XIX + 150 с.

[Янгф 82] *Янгфельдт, Бенгт* (составитель). В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка 1915—1930 / Составление, подготовка текста, введение и комментарии Бенгта Янгфельдта. — Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1982. — 299 с. + 32 с. илл.

[Янгф 86e] *Jangfeldt, Bengt* (editor). Love is the Heart of Everything: Correspondence between Vladimir Mayakovsky and Lili Brik 1915—1930 / Edited by Bengt Jangfeldt; Translated by Julian Graffy. — Edinburgh: Polygon, 1986. — 294 p.

[Янгф 86ny] *Jangfeldt, Bengt* (editor). Love is the Heart of Everything: Correspondence between Vladimir Mayakovsky and Lili Brik 1915—1930 / Edited by Bengt Jangfeldt; Translated by Julian Graffy. — N. Y.: Grove Press, 1986. — 294 p.

[Янгф 91] *Янгфельдт, Бенгт* (составитель). Любовь это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка 1915—1930: Репринтное издание. — М.: Книга, 1991. — 286 с. + 32 с. илл.

[Янгф 2009] *Янгфельдт, Бенгт.* Ставка — жизнь: Пер. со шведского. — М.: КоЛибри, 2009. — 640 с.

«И лесные сраки»

Каждое явление имеет свою причину и свой повод. Причину излагаемого ниже сюжета образуют четыре строки, слышанные автором в его отдалённой юности, а повод — произведение литературной критики, опубликованное в газете «Известия» в конце 1998 года.

Когда литературный обозреватель «Известий», излишне восторженный Константин Кедров[1], ушёл в раскол, то есть в «Новые Известия», литературная колонка в старых «Известиях» (так и хочется сказать: в новых старых «Известиях») получила нового ведущего, коим стал Александр Архангельский. С его приходом колонка обрела бóльшую информативность и бóльшую филологическую основательность. Оба эти качества присутствовали и в его статье «Место во втором ряду», помещённой на 8-й странице «Известий» от 20 ноября 1998 года.

Опубликовано в журнале: Неприкосновенный запас. Очерки нравов культурного сообщества. — 1999. — № 4 (6). — С. 78—82.

[1] ●●➤ Восторженность подчас заводила Константина Кедрова в дебри. Вот два примера. Первый пример. 16 апреля 2003 года, Первый канал телевидения, передача Светланы Сорокиной «Основной инстинкт». Лимонов только что приговорён к четырёхлетнему заключению. Аудитория (а это несколько десятков, а то и сотен, человек) раскололась по вопросу, правильно ли это. Кедров восторженно говорит: «Власть Лимонова посадила. А посмотрите, как Николай I обошёлся с Пушкиным. Пушкин, обращаясь к Николаю, сказал: „Самовластительный Злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостию вижу“. И Николай, вместо того, Пушкина посадить или даже казнить, пригласил к себе и обнял. Вот как надо!». Сказал это Пушкин в своей известной оде «Вольность» в 1817 году, но сказал не Николаю, а Наполеону. Николай в 1817 году в сочетании с троном вообще невозможен, а Наполеон следует из предшествующих строк оды: *Восходит к смерти Людовик <...> И се — злодейская порфира / На галлах скованных лежит*, — так и из пушкинской приписки к этим строкам на одном из автографов: *Наполеона порфира...* (Недостойное желание смерти детей спишем на молодость автора.) И никто из присутствовавших Кедрова не поправил. Второй пример. Кедров выдвинул бредовую идею о хранении Львом Толстым оружия в Румянцевском музее — см. об этом на с. 830—831 статьи Сарры Владимировны Житомирской «В условиях несвободы (Из записок архивиста)» в выпуске 11 «Тыняновского сборника» (М.: ОГИ, 2002). ◄●●

Статья была посвящена любопытной теме, не так уж часто затрагиваемой в нашей литературной критике, а именно роли писателей второго ряда — причём с упором именно на их второрядность.

Мне вспоминается, как в шестидесятые годы я шёл по Переделкину с покойным драматургом Исидором Владимировичем Штоком, человеком живого ума и быстрой реакции. Проходя мимо дачи Федина, в те годы возглавлявшего Союз писателей, я не удержался от неодобрительных слов относительно его творчества[2]. «Ты не прав, — возразил Шток. — Федин — это настоящий русский плохой писатель. А быть настоящим русским плохим писателем — это очень много». («Кто же тогда этот?» — вскричал я, указывая на одну из неподалёку стоящих дач другого советского «классика». «А это вообще не писатель», — назидательно ответил Шток.)

Интегральная роль плохих писателей (но настоящих, настоящих!) в общем литературном процессе и в восприятии беллетристики теми, кто читает первосортных авторов, практически не выяснена. Было бы легкомыслием полагать, будто недостаточно талантливые писатели всего лишь неизбежное зло. Разумнее считать, что без них литература не могла бы существовать.

Главным открытием в теории питания было, как всем известно, обнаружение того замечательного факта, что усвояемые пищевые продукты состоят лишь из белков, жиров, углеводов, витаминов и минералов (в более научной терминологии, минеральных веществ). Именно эти пять компонентов пищи нужны для обеспечения жизнедеятельности организма. Указанное открытие привело к светлой мысли о том, что в недалёком будущем питаться можно будет компактными таблетками, содержащими в предельно спрессованном виде пять вышеназванных компонентов; достаточно будет запить такую таблетку водой — предпочтительно, разумеется, дистиллированной. Не менее важным — но более поздним и менее популярным — открытием, однако, явилось обнаружение другого замечательного факта: нормальное пищеварение невозможно без присутствия достаточного количества неусвояемой, как бы балластной субстанции. Терминологической грамотности автора этих строк явно не хватает, чтобы правильно назвать эту субстанцию; возможно, её следует назвать клетчаткой, или соединительной тканью, или и тем, и другим. Эта балластная субстанция не впитывается пищеварительным трактом, но представляет собою ту необходимую среду, в которую вкраплены

[2] ●●➤ О Федине Виктор Владимирович Виноградов писал жене из ссылки: «тоскливый и малоталантливый, хотя и культурный писатель» (сообщение В. М. Алпатова). ◄●● В 1986 году в Саратове установлен памятник Федину.

упомянутые белки, жиры, углеводы, витамины и минералы; среда необходима в том точном смысле, что без неё полноценного впитывания названных пяти компонентов в их целокупности не происходит.

Вернёмся, однако, к статье Александра Архангельского. Из неё можно узнать как о существовании писателя Дмитрия Добродеева (здесь проявляется объявленное выше качество информативности), так и о том, что его объёмистая книга «Возвращение в Союз» подражательна по отношению к творчеству В. Сорокина (здесь проявляется объявленное выше качество филологической основательности):

> Расчленяют. Совокупляются. <...> Где-то мы уже всё это читали и нетрудно догадаться — где. У Владимира Сорокина <...>. Но Сорокин худо-бедно сам создал свой литературный мир <...>. Но добродеевская проза производна от прозы Сорокина, является её, скажем так, неполногласной формой. (По какой-то прихотливой ассоциации на память приходит поэтический эксперимент Державина, ради пущей торжественности образовавший неполногласную форму от слова «сороки».) Можно позволить себе роскошь быть эпигоном писателя «первого ряда». Но — второго? Но — третьего?[3]

С тремя завершающими фразами приведённой цитаты из Александра Архангельского перекликается следующее воспоминание протоиерея Михаила Ардова о писателе Павле Нилине, приведённое в главе XV его мемуарной прозы «Вокруг Ордынки: Портреты» (см. «Новый мир», 1999 год, номера 5 и 6[4]):

> Павел Филиппович замечательно отзывался о газете «Литература и жизнь», в которой обыкновенно печатались советские авторы второго и третьего ряда. Он говорил:
>
> — Мне очень трудно читать эту газету. Там пишут так: «А я учился поэтическому мастерству у Сидорова и буду учиться!». — А кто такой этот Сидоров и кто это пишет — мне совершенно неизвестно...

---

[3] ●➤ Не все согласятся с тем местом во втором или даже третьем ряду, которое отвёл В. Г. Сорокину А. Н. Архангельский. Вот, например, 15 марта 2001 года газета «Вечерняя Москва» опубликовала на первой странице 12 ответов на вопрос «Кто, на ваш взгляд, сегодня лучший писатель России?». Солженицын присутствует только в 2 ответах — в одном из них он поставлен на 2-е место после Пушкина, в другом же (в ответе историка и публициста Роя Медведева) упомянут негативно. Зато правозащитник Лев Левинсон указывает: «Наиболее ярким представителем современной литературы назвал бы Владимира Сорокина». — *В. У.* ◄●

[4] ●➤ См. также М. Ардов. Вокруг Ордынки: мемуары; повести. — СПб.: ИНАПРЕСС, 2000. — С. 118; М. Ардов. Легендарная Ордынка. Портреты. — М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. — С. 404—405. ◄●

Обратимся теперь к приведённому выше воспоминанию Александра Архангельского о поэтическом эксперименте Державина. Мне о подобном словотворчестве знаменитого поэта ничего не было известно, и это обстоятельство усугубило впечатление от цитируемой статьи Архангельского, сильно прибавив ей в моих глазах по части информативности. Захотелось, однако, найти соответствующее место у самого Державина.

Авторитетнейшим знатоком русской поэзии XVIII века является Андрей Леонидович Зорин. К нему я и обратился. Ответ Зорина был неожидан. По его словам, неполногласная форма от слова «сороки» у Державина не встречается. Не оставалось ничего иного, как запросить самого Александра Архангельского, что́, не имея чести быть с ним знакомым, я осуществил через любезное посредничество Андрея Семёновича Немзера. Я знаю, что мой запрос до Архангельского дошёл, и продолжаю надеяться на ответ.

В ожидании ответа я стал размышлять, на какие же поэтические строки мог ссылаться Архангельский. В отличие от его ассоциаций, мои были неприхотливы — мне на память пришло следующее четверостишие, знакомое едва ли не с детства и содержащее единственное известное мне использование в русской поэзии неполногласной формы от слова «сороки»:

Элефанты, и леонты,
И лесные сраки
Собиралися на монты,
Совершали[5] браки.

Сколько трогательных деталей заключают в себе эти короткие строки! Какая пища для скрупулёзного аналитика! Вот, например. Все три иностранные заимствования взяты из классических древних языков. При этом существительные одушевлённые — «элефанты», означающие слонов, и «леонты», означающие львов — заимствованы из греческого, тогда как неодушевлённое «монты», означающее горы — из латинского. Во всех трёх случаях во всех формах этих русифицированных существительных присутствует звук тэ, который у соответствующих греческих и латинском слов отсутствует в именительном падеже: eléphas, léōn, mons, — а появляется в родительном (откуда и берётся основа слова): eléphantos, léōntos, montis.

[5] Слово *совершали* употреблено здесь с известной долей произвола. Потому как в моей памяти кружатся три слова: *совершали*, *учиняли*, *заключали* — и то одно, то другое выходит на первый план, заслоняя собою остальные.

Но главная проблема была в том, что, по моему убеждению, строки эти никоим образом не принадлежали Державину. Я слышал их от своего отца; он приписывал их Тредиаковскому, а мне никогда не приходило в голову в этом сомневаться. Вот и А. Л. Зорин уверенно отрицал какое бы то ни было наличие «срак» у Державина — а тем самым и державинское авторство в применении к подследственному четверостишию. Впрочем, Зорин скептически воспринял и гипотетическое авторство Тредиаковского. По мнению Зорина, четверостишие есть не что иное, как пародия, сочинённая в XIX веке. Но чья? И на кого? Более же всего я изумился тому, что Зорин никогда ранее не слышал этого четверостишия, — в то время как я, куда менее эрудированный, знал его как бы всю жизнь.

Следующим авторитетом, к которому я обратился, был Николай Алексеевич Богомолов. Его книга «Стихотворная речь: Пособие для учащихся старших классов» — лучшее из того, что написано о русском стихе для широкого круга читателей. (Книга издана в 1995 году московской фирмой «Интерпракс» десятитысячным тиражом, но поскольку распространялась бесплатно, достать её было и есть практически невозможно.) К моему изумлению, Н. А. Богомолов не знал этих строк.

Свидетельствую своё уважение к Льву Семёновичу Рубинштейну и к его творчеству, но мой любимый поэт — Тимур Кибиров. (Впрочем, Лев Семёнович это знает и не обижается, заявляя, что он, Рубинштейн, вовсе не поэт, а автор текстов.) Кибиров — поэт реалий нашего быта (или бытия?), к каковым относятся и носящиеся в воздухе строки. Он первым в русской поэзии[6] стал использовать в столь широком объёме аллюзии на прямые или косвенные цитаты из других поэтов. Свобода его обращения с этим материалом заставляет предполагать, что он ознакомился со всем корпусом русской поэзии и значительную часть этого наследия держит в своей активной памяти. Исходя из этого предположения, я ему позвонил. Увы, выяснилось, что и Тимур Юрьевич никогда не слышал строк про элефантов и леонтов. Однако он начисто отверг возможность того, что строки эти написаны Тредиаковским. «Но почему же этого не может быть?» — спросил я. «По звучанию», — отвечал Кибиров (несколько удивившись, как мне показалось, тому, что такое простое обстоятельство не было заранее очевидно спрашивающему). «Но кто же их мог сочинить?». — «Скорее всего, это пародия XX века».

Наконец, я позвонил своему брату Борису Андреевичу Успенскому, с которым, казалось бы, имел общее детство и, тем самым, общие

[6] А, может, первым и в поэзии мировой?

знакомые с детства стихотворные строки. К моему ужасу, Борис Андреевич не помнил этих строк.

Я написал «к ужасу», потому что тут я слегка запаниковал. Уж не сам ли я придумал это четверостишие?

От впадения в безумие меня спас Михаил Викторович Ардов. Выяснилось, что он тоже знает про элефантов примерно с детства и тоже от своего отца. Но тоже не знает, кто, помимо Тредиаковского, может быть автором. Вот что он мне рассказал:

> Я знаю это четверостишие со слов моего отца, притом он был совершенно убеждён, будто автором является В. Тредиаковский. Об этом свидетельствует такая история. В 1967 году исполнилось шестьдесят лет профессору Александру Васильевичу Западову — моему учителю и другу нашего дома. По сему случаю мой родитель сочинил шуточное стихотворение, якобы принадлежащее перу В. Тредиаковского, и огласил его на юбилейном торжестве, каковое состоялось на факультете журналистики МГУ. (Выбор именно Тредиаковского в псевдоавторы этих строк объяснялся тем, что Западов был специалистом по русской литературе XVIII века.) Стихи отца начинались словами:
>
> Элефанты, и леонты,
> И лесные сраки
> Звери все, покинув монты,
> Собирались паки.

Однако, как успокоил меня М. В. Ардов, ему знаком человек, который несомненно знает, кому на самом деле принадлежат эти стихи: это его друг, известный библиофил и книговед Артур Павлович Толстяков. «Сейчас, — сказал Ардов, — я ему позвоню, и всё прояснится». Он позвонил, но ничего не прояснилось, поскольку оказалось, что А. П. Толстяков слышит эти строки впервые. Это обстоятельство чрезвычайно удивило Ардова, а я почувствовал некоторое облегчение, как бы разделив с ним бремя ответственности.

«Ну, уж кто точно знает, так это Эмма Герштейн», — сказал Ардов, отчасти заразившийся моим исследовательским пылом (болезнь любопытства оказалась контагиозной). Его звонок Эмме Григорьевне обнаружил, что не знает и она.

Ситуация из драматической становилась трагической. Необходимо было предпринимать более радикальные действия. Пора было писать в Иерусалим. И я отправил электронное письмо Роману Давидовичу

Тименчику. Утром 4 января 1999 года от него пришёл ответ, отправленный накануне — но не из Иерусалима, а из Лос-Анжелеса: «Я пишу из UCLA [University of California, Los Angeles], где провожу свой 8-месячный саббатикал у А. Л. Осповата. Теперь о печальном — этих строк я, как Н. Богомолов, не знал или, как Б. Успенский, не помнил, но, как А. Зорин, полагаю позднейшей пародией. А так — стихи красивые, будем их читать». Как прямое, так и косвенное (выраженное в множественной форме «будем») упоминание А. Л. Осповата, позволяло заключить, что и Александр Львович не знал этих стихов.

Вяч. Вс. Иванов назвал Томаса Венцлову «одним из самых тонких знатоков и ценителей русской литературы». Его репутация ценителя была подтверждена тем, что Т. Венцлова, не зная об оценке, данной Р. Д. Тименчиком, дословно её повторил. Вот что он написал в своём электронном письме, отправленном 4 января 1999 года из Йельского университета: «Что касается элефантов — понятия не имею, откуда это, но красиво. Может, Тредиаковский?».

Величественным был ответ Александра Константиновича Жолковского (Университет Южной Калифорнии, 7 января): «Nescio, как говаривал в таких случаях Катулл».

Постепенно проблема атрибуции четверостишия стала отступать на второй план, уступая первенство острому чувству дискомфорта, вызванному резким расхождением между ожидаемым и действительным. А ожидал я того, что эти строки, пусть даже не соотнесённые с конкретным автором, известны всем. Обнаружив же, что это не так, испытал культурный шок. Как если бы оказалось, что никто никогда не слышал ни «Дети, в школу собирайтесь: петушок пропел давно», ни «В лесу родилась ёлочка», ни «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять». Хотя немногие смогли бы указать авторство этих бессмертных пиес, но знают-то их все!

Нижеследующий пассаж из мемуарной прозы Ирины Одоевцовой «На берегах Сены» свидетельствует о том, что обсуждаемое четверостишие активно использовалось в речи представителей русской дореволюционной культуры:

> Весеннее утро 1942 года. Я только что встала. Звонок. В столовую входит Тэффи. Её появление в такой ранний час немного удивляет нас с Георгием Ивановым, но мы её, как всегда, радостно встречаем.
>
> — Простите, — говорит она взволнованно и торопливо, — врываюсь к вам в такую рань. Только мне совершенно необходимо.

Мы с недоумением переглядываемся. О чём это она? Что с ней?

— Если не у вас, так ни у кого здесь не найду, а мне до зарезу надо, — продолжает она так же торопливо и взволнованно. — Есть у вас «L'Histoire de la magie» [«История магии» (фр.)] Леви, Элифаса Леви?

— Нет, — отвечаем мы хором. — Никакого Элефанта Леви у нас не было и нет.

— И я даже о нём никогда не слыхала. Ни о нём, ни о его «Histoire de la magie», — поясняю я.

— Так... — разочарованно и протяжно произносит Тэффи, — значит, я напрасно взгромоздилась с петухами и даже кофе не успела выпить.

— Кофе мы с вами выпьем сейчас вместе, мы ведь тоже ещё не пили. А Элефанта вам придётся искать в другом месте. Элефанты и леонты у нас браков не учиняют.

К узкому, далёкому от народа кругу лиц, слыхавших про лесных срак, тогда же, в начале января, присоединилась Наталья Леонидовна Трауберг. Она обрадовала меня сообщением, что не только сама знала эти строки с юности, но что они в её время были популярны в Ленинградском университете. (Она окончила это заведение в 1949 году.)

Пришлось запросить резидента в Петербурге — Георгия Ахилловича Левинтона. Его имэйл от 7 января был малоутешителен: «Строки звучат знакомо ⟨уже хорошо! — *В. У.*⟩, но попытка спросить известных знатоков (П. А. Клубкова и А. Ф. Белоусова[7]) плодов не принесла. Это явно из числа пародий на 18-й век (вроде „кругом валялось много крав“, якобы Тредиаковского[8]), но ничего точнее не знаю».

Как я уже сказал, главным для меня сделалась уже не литературоведческая проблема атрибуции, а социокультурная проблема

---

7 «Павел Анатольевич Клубков — русист, лингвист, преподаватель Санктпетербургского университета; Александр Фёдорович Белоусов — литературовед и фольклорист, в частности — исследователь советского фольклора. Оба отличаются большим запасом текстов такого рода (то есть хорошо помнят маргинальные тексты, первый — по склонности, второй — по профессии)», — через два дня писал мне Г. А. Левинтон. И давал совет: «М. б. попробуете спросить Михаила Леоновича?».

8 ●●► Как указал мне И.А.Леенсон, это не пародия. В описании петербургского наводнения, принадлежащем перу графа Дмитрия Ивановича Хвостова и упомянутом в «Медном всаднике» («...Граф Хвостов, / Поэт, любимый небесами, / Уж пел бессмертными стихами / Несчастье невских берегов»), сказано: «Под вётлами валялось много крав». — *В. У.* ◄●●

знания—незнания, проблема общеизвестности в социуме той или иной словесной формулы. Поэтому 11 января я снова обратился к Г. А. Левинтону: «История совершенно загадочная, — писал я. — Человечество резко делится на две категории — тех, которые никогда не слышали этих строк, и тех, которые знают их с детства; к последней категории принадлежат трое: я, Мих. Викт. Ардов и Н. Л. Трауберг (которая, к тому же, утверждает, что в Ленинграде это знали ВСЕ)». — «Я и сам не знаю, к какой категории принадлежу, — отвечал Левинтон. — Точно, что не с детства. Возможно, что это вообще аберрация, просто при чтении сразу показалось знакомым (déjà vu)».

1 апреля 1999 года «Новое литературное обозрение» провело свои традиционные первоапрельские чтения. Тема их на этот раз была обозначена так: «Занимательная текстология». Сделанное мною на этих чтениях сообщение можно отнести к занимательному тредиаковедению[9]. На суд «цвета сливок» московской филологической элиты, обычно собирающегося на энэлошные мероприятия, я решился вынести следующие три наблюдения, претендующие на занимательность и вместе с тем не выходящие за рамки текстологии.

Первое занимательное наблюдение. Все знают, что Василий Кириллович Тредиаковский ввёл в русское стихосложение силлабо-тоническую систему, не без оснований оспаривая у Ломоносова первенство в этой великой реформе. Но не все отдают себе отчёт в забавном факте: некоторые его основополагающие стиховедческие сочинения не переиздавались в течение последних 150 лет, а иные не были переизданы никогда. Например, замечательная идея, что в стихах односложные слова могут рассматриваться и в качестве ударных, и в качестве безударных, «как того случай потребует», была впервые опубликована Тредиаковским в 1751 году в его никогда не переиздававшемся «Предуведомлении потрудившегося в переводе»[10]. Ещё забавнее, чтобы не сказать хуже, дело обстоит с поражающим как ясностью мысли, так и ясностью изложения сочинением 1752 года «Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 году исправ-

[9] Термин образован по аналогии с термином «маяковедение». Как мне разъяснили в московском мемориальном Музее Маяковского, исследователи жизни и творчества Маяковского называют себя не маяковсковедами, а маяковедами.

[10] Доставляет истинное эстетическое удовольствие дать ссылку на то единственное издание, где на с. I—CIV можно прочесть это «Предуведомление»: Аргенида, повесть героическая, сочиненная Иоанном Барклаием, а с латинского на славено-российский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского, профессора элоквенции и члена Императорския академии наук. Том первый. — В Санктпетербурге при Императорской академии наук, 1751.

ленный и дополненный». Последний раз его публиковал Смирди́н в 1849 году, а с тех пор его не издавали, поскольку ошибочно считали всего лишь переработкой, едва ли не перепечаткой, первой стиховедческой работы Тредиаковского 1735 года «Новый способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний».

Второе занимательное наблюдение заключалось в том, что четверостишие про элефантов, леонтов и лесных срак неожиданно выступило в роли того, что в логике называется *основанием деления*: человечество разделилось на тех, кто знал эти строки всегда, и тех, кто не слышал их никогда. Причём те, кто знал их всегда, предполагали — как видим, ошибочно, — что их знают более или менее все.

Третье же занимательное наблюдение состояло в том, что решительно никто не знает происхождения этого четверостишия.

В кулуарах первоапрельских чтений Н. А. Богомолов справедливо упрекнул меня в том, что я не провёл должного социологического анализа как группы знающих, так и группы не знающих. Следовало бы проанкетировать их по возрасту, дабы установить границу между теми, кто знает четверостишие с детства и теми, кто не слышал его никогда. Впрочем, поверхностный анализ показывает, что такой возрастной границы скорее всего не существует. В качестве материала для научных разработок приведу здесь даты рождения знающих с детства: Н. Л. Трауберг — 5 июля 1928; В. А. Успенский — 27 ноября 1930; М. В. Ардов — 21 октября 1937. Выяснение дат рождения не слышавших никогда оставляю позднейшим исследователям.

Строго говоря, нет стопроцентной уверенности, что никто из присутствовавших на чтениях, кроме Н. Л. Трауберг и меня, никогда не слышал четверостишия. Впрочем, даже и для испытуемого может не быть полностью ясно, слышал ли он когда-либо объявленные ему строки. В самом деле, после их оглашения может наступить тот эффект déjà vu, о котором писал мне Г. А. Левинтон (не следует ли в предлагаемых обстоятельствах говорить и писать «déjà entendu»?).

Но сама по себе проблема хранения в памяти словесных формул, стихотворных строк в частности, представляется достаточно фундаментальной. А точнее, фундаментальным является следующий аспект этой проблемы. Набор литературных цитат, которые активно помнит человек, образует неотъемлемую составляющую его личности. Эта составляющая используется и в процессе коммуникации между людьми, поскольку любая коммуникация основана на некой общности исходных знаний. Эта же составляющая призвана резонировать, наподобие струны, в коммуникации «автор—читатель».

Так, Тимур Кибиров в своей поэзии обращается к тем, кто замечает и понимает все разбросанные по его стихам явные и косвенные цитаты — или хотя бы значимую часть таких цитат (я прибавил это «хотя бы», чтобы не оказаться самоисключённым из круга читателей любимого поэта). Таким образом, истинный круг читателей (и почитателей) Кибирова объединён, помимо прочих качеств, общностью исходного знания текстов.

Как известно, в обеих «Алисах» Льюиса Кэрролла — и в «Алисе в Стране Чудес», и в «Алисе в Зазеркалье» — немало стихов, произносимых различными персонажами, встречаемыми Алисой в её странствиях. Как правило, эти стихи пародийно искажают общеизвестные во времена Кэрролла стихи и песенки, причём Кэрролл исходил из того, что пародируемые тексты хорошо известны читателю; эта презумпция и лежала в основе литературного приёма.

Сказанное должно оправдать исследования, цель которых — установление укоренённости обсуждаемого четверостишия в сознании тех или иных социальных групп. Итак, хотелось бы выяснить, входит ли знание «лесных срак» в неприкосновенный запас хотя бы некоторой представительной части того культурного сообщества, хронике нравов коего и предоставляет свои страницы «Неприкосновенный запас».

Что же касается того прискорбного обстоятельства, что авторство указанного четверостишия так и осталось нераскрытым, то тут Н. А. Богомолов меня ни в чём не упрекнул, а, напротив, утешил: он сказал, что есть и другие примеры того же рода[11]. И продекламировал нижеследующие четыре строки, авторство которых, по его словам, часто, но необоснованно также приписывается Тредиаковскому[12]:

---

[11] Вероятно, для таких примеров можно было бы ввести термин «неопознанный литературный объект» (сокращённо: «НЛО»).

[12] Как сообщил мне М. В. Ардов, несколько лет назад он слышал эти строки в программе «Севооборот» русской службы БиБиСи. Их прочёл один из старейших сотрудников этой радиостанции писатель и публицист Леонид Владимиров, объявив их автором всё того же Тредиаковского. Сам Леонид Владимирович самокритично подтвердил это в электронном письме ко мне 14 апреля 1999 года: «А с Тредиаковским всё правильно, я такое говорил. И, признаюсь, без сколько-нибудь серьёзных литературоведческих оснований (поверхностность — генетическая болезнь журналистов)». Мнение Л. Владимирова о «генетической болезни журналистов» может быть проиллюстрировано следующей цитатой из недавней газетной статьи, посвящённой столетию В. В. Набокова: «Юлианский календарь <...> всё сильнее отстаёт от нового, григорианского. В XVIII столетии разрыв составлял 11 дней, в XIX — 12 суток, в нашем веке он равен 13 дням ⟨до сих пор всё верно — *В. У.*⟩, а в XXI увеличится ещё на день ⟨а вот это уже неверно, разрыв

Стоит древесно,
К стене примкнуто.
Звучит прелестно,
Быв пальцем ткнуто.

Какие-то мои внутренние струны отозвались на этот «тык пальцем» в «древесно», что-то промелькнуло на дне моего сознания, на секунду приоткрылась дверь в подвал памяти — но тут же захлопнулась.

25 апреля 1999 года.

останется тем же — 13 дней — *В. У.*〉». Цитируемая статья напечатана в газете «Известия» за 22 апреля 1999 года, её название «Все врут календари» выглядит подходящим к случаю, а её автором является Александр Архангельский. Оказалось, что поверхностность свойственна не только журналистам, но и Государственной Думе (и даже Президенту) РФ, где она, казалось бы, куда менее простительна. 10 февраля 1995 года Дума приняла Федеральный Закон № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России» (подписан Президентом 13 марта 1995 года). В законе сказано: «В Российской Федерации устанавливаются следующие дни воинской славы России: <...> 10 июля — День победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в Полтавском сражении (1709 год)». Но дело в том, что Полтавская битва состоялась в 1709 году 27 июня по старому стилю, то есть в день, когда на новостильных численниках стояло 8 июля. Ясно, что 10 июля было получено путём прибавления 13 дней к дате 27 июня — потому что на дворе во время подготовки и принятия закона стояла разница в 13 дней.

Послесловие от августа 2001 года

Публикация очерка «...И лесные сраки» в журнале «Неприкосновенный запас» («НЗ») имела два последствия.

Во-первых, я получил ответ Александра Николаевича Архангельского — причём ответ публичный. А именно, 12 августа 1999 года газета «Известия» поместила на своей 5-й странице заметку Александра Архангельского, озаглавленную «Очерки нравов культурного сообщества. Новинки издательского дома „НЛО“». Обзор четвёртого номера журнала «Неприкосновенный запас» за 1999 год завершался в заметке такими словами:

> Извиняться так извиняться. Другой автор журнала, Владимир А. Успенский, доброжелательно упрекает меня в поверхностности; я действительно в спешке приписал Державину известный анонимный стишок «Элефанты и леоны ⟨именно так, «леоны», в газетной публикации — *В. У.*⟩, / И лесные сраки» (то есть сороки), памятный со времён лекций по старославу. Надеюсь, читатели «Известий» отпустят мне невольный грех <...>. Что делать, «поверхностность» и впрямь «генетическая болезнь журналистов».
>
> Одно утешает: если бы не эта болезнь, чем бы занимались серьёзные комментаторы старых текстов, устанавливающие источники цитат в легковесных статьях и мемуарах наших предшественников-журналистов <...>?

Во-вторых, 1 сентября 1999 года мне позвонила Мирра Евсеевна Аспиз (род. 10 июля 1921 года). Она сообщила, что знает четверостишие про элефантов и леонтов с детства от своих родителей-врачей[13],

[13] Её отец, Е. М. Аспиз (1877—1968), окончивший медицинский факультет 2-го МГУ в 1925 году, до революции был фельдшером в Балаклаве («добродушный фельдшер Евсей Маркович», — сказал о нём Куприн в повести «Листригоны»). Среди его пациентов была та самая Алёнушка, которой адресовал свои «Алёнушкины сказки», некогда весьма популярные, её отец Д. Н. Мамин-Сибиряк. Е. М. Аспиз оставил воспоминания о своих встречах с писателями: с А. И. Куприным (альманах «Литературная Вологда», 1959 год, № 5; альманах «Крым», 1959 год, № 23), с С. Г. Скитальцем («Вопросы литературы», 1990 год, ноябрь—декабрь), с М. П. Арцыбашевым («Вопросы литературы», 1991 год, июнь). Именно он сохранил и передал в отдел рукописей Библиотеки им. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) так называемый «Балаклавский альбом», в котором оставили свои записи вышеназванные Куприн, Скиталец и Арцыбашев, а также поэты Сергей Городецкий и Иван Рукавишников, певец Л. В. Собинов и другие. (Об этом альбоме см. «Записки отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. Ленина», 1959 год, вып. 217, с. 126—127, а также *М. Е. Аспиз.* Балаклавский альбом. — М.: ПАИМС, 2000. — 55 с.)

но только в форме настоящего времени: «собираются», «совершают». По её словам, когда она, под влиянием публикации в «НЗ», прочла четверостишие Льву Эммануиловичу Разгону, его реакция была такова: «Что это за дурацкие стихи?». Тем самым гипотеза о разбиении человечества на два класса: не слышавших никогда и знающих с детства — получила очередное подтверждение; однако выяснилось, что знающие с детства разделяются, в свою очередь, на два подкласса: знающие в форме прошедшего времени и знающие в форме настоящего времени. Когда в детстве М. Е. Аспиз возникало четверостишие про лесных срак, как правило, тотчас же упоминалось и четверостишие про примкнуту древесну, причём и то, и другое приписывалось Тредиаковскому.

Послесловие от октября 2001 года

2 октября 2001 года состоялся «Торжественный вечер, посвящённый выходу пятидесятого номера журнала „Новое литературное обозрение“». На нём мне было передано нижеследующее письмо (как я потом узнал, в тот же день написанное):

Дорогой и многоуважаемый Владимир Андреевич!

Прочитав, к сожалению, только теперь, Вашу увлекательную статью «...И лесные сраки» («НЗ», 1999, № 4 (6)), прошу зафиксировать меня как элемент множества знающих приведённые строки («Элефанты и леонты...»), принадлежащий пересечению трёх подмножеств: знающих их с детства, знающих их от одного из родителей[14] и веривших в авторство Тредиаковского.

К материалу для научных разработок: Лахути Л. Г.[15] род. 17 сентября 1947.

Стихи эти мне неоднократно читала мама вместе с «Стоит древесно» и «Елисавета, о! / Приехала в Царское село».

Для нашей семьи эти строки тоже оказались основанием деления: мой брат Делир не помнит ничего (хотя эффект déjà entendu имел место); другой брат, Гив, помнит только слова, вынесенные в заголовок; а я помню всё и даже предшествующую строфу:

Журавель, скачущ во грахе,
Пляшущ через ногу,
Презираючи все страхи,
Урчит хвалу Богу,

каковую позволяю себе предложить в Фонд неопознанных литературных объектов, если он когда-нибудь будет учреждён.

С уважением
Ваша бывшая студентка[16]
Лейла Лахути.

---

[14] Родителями автора письма были поэт Абулькасúм (сокращённо — Гасéм) Лахутú (1887—1957) и поэт и переводчик Цецилия Бенциановна Банý (1911—1998). — *В. У.*

[15] Лейлá Гасемовна. — *В. У.*

[16] В 1965—1971 годах автор письма была студенткой ОСИПЛа (Отделения структурной и прикладной лингвистики) Филологического факультета Московского университета и в качестве таковой на младших курсах посещала занятия по математике, которые я вёл на этом Отделении. — *В. У.*

Если приведённое Лейлой четверостишие действительно является первой (ни мне, ни моим информантам ранее неизвестной) строфой «Элефантов», то придётся вносить коррективы и в знаменитую вторую строфу. В самом деле, кажется очевидным, что все глаголы должны иметь одно и то же время. А тогда, с учётом настоящего времени глагола *урчит*, придётся прошедшее время всех остальных глаголов: *собиралися*, *совершали*, *учиняли*, *заключали* — поменять на настоящее: *собираются*, *совершают*, *учиняют*, *заключают*.

Однако на этом развитие темы не закончилось. В фабулу вступили два новых действующих лица: Делир Гасемович Лахути и Исаак Григорьевич Ямпольский.

Когда я позвонил Лейле, чтобы поблагодарить её за письмо, оказалось, что у неё находится её брат Делир, которому она передала телефонную трубку. Делир же Гасемович произнёс в эту трубку строки из опубликованного, но мне неизвестного стихотворения Василия Степановича Курочкина:

Элеонтов, элефантов
Крейцберг укротил.

Цитата меня поразила. Ведь это было первое полученное мною свидетельство, что элефанты и леонты (последние, правда, в обличье несколько загадочных элеонтов) уже встречались в печатных текстах. Я бросился в библиотеку листать изданное в 1869 году в Санкт-Петербурге двухтомное «Собрание стихотворений Василия Курочкина» Во втором томе на с. 120—124 обнаружился цикл «Памяти Северной пчелы»[17], а среди пяти стихотворений этого цикла — 16-строчное стихотворение «Бедовому критику» со следующим началом:

Берегись, бедовый критик!
Ты на склоне дней —
И уж яд последний вытек
Из твоих статей.
Элеонтов, элефантов
Крейцберг укротил,
И последних обскурантов
Усов[18] сокрушил.

[17] «Северная пчела» — издававшаяся в Петербурге в 1825—1864 годах политическая, а с 1838 года также и литературная, газета, с 1831 года ежедневная.

[18] Павел Степанович Усов (1828—1888) — с 1849 года постоянный сотрудник, а с 1860 года издатель «Северной пчелы». — *В. У.*

Комментарии в подобных изданиях середины XIX века не были приняты, и за поиском таковых я обратился к более современным изданиям. Таковых я выбрал три.

Издание 1934 года: В. С. Курочкин. Собрание стихотворений / Вступительная статья, редакция и примечания А. В. Ефремина. — М.—Л.: Academia, 1934. — 553 с. Стихотворение «Бедовому критику» помещено на с. 116, а на с. 467 даются к нему примечания. Из них мы узнаём, что впервые это стихотворение было опубликовано в 1859 году в журнале «Искра»[19] на с. 508 номера 49 за указанный год, что оно было подписано «Пр. Знаменский», что под стихотворением стояла дата «10 декабря» и что оно принадлежит циклу, направленному против Ксенофонта Полевого[20]. Там же указано: «*Крейцберг* — содержатель зверинца и укротитель».

Издание 1947 года: В. С. Курочкин. Собрание стихотворений / Вступительная статья, редакция и примечания И. Ямпольского. — [Л.:] Советский писатель, 1947. — XLVIII + 603 с. — (Библиотека поэта). Стихотворение «Бедовому критику» помещено на с. 38, а примечания к нему — на с. 542—543. Из них мы узнаём, что бедовый критик — это Кс. Полевой. Главное же заключено в следующей фразе примечаний:

Элеонтов, элефантов — из пародии на Тредиаковского.

Эта же фраза повторена на с. 729 издания 1955 года: Поэты «Искры». Том первый. В. С. Курочкин / Вступит. статья, редакция и примечания И. Ямпольского. — Л.: Советский писатель, 1955. — 810 с. — (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание)[21].

---

[19] «Искра» — еженедельный сатирический журнал, издававшийся в Петербурге с 1859 по 1873 год.

[20] Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801—1867) — младший брат Н. А. Полевого, литератор. «Его позднейшие критические статьи, напечатанные в „Северной пчеле“, поражают ненавистью к литературному движению 40-х годов» («Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона», т. 24, полутом 47, с. 264).

[21] Вообще, комментарий к «Бедовому критику» в этом издании полностью повторяет комментарий к изданию 1947 года — за одним исключением. Из издания 1955 года невозможно узнать, кто такой Крейцберг: присутствующая в издании 1947 года фраза «*Крейцберг* — владелец зверинца и укротитель зверей» здесь опущена. Меж тем Крейцберг был укротитель очень известный, что засвидетельствовано нижеследующим стихотворением П. И. Вейнберга (цитируется по с. 151 издания: Пётр Вейнберг. Стихотворения. С добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова. — СПб.: Б. М. Вольф, 1902. — 276 с.):

К укротителю в зверинце / Я водил свою супругу / И сказал я: «Крейцберг старший! / Окажи ты мне услугу! // Ты владыка над

Таким образом, оказалось, что я (впрочем, и некоторые другие тоже) приписывал сакраментальные строки Тредиаковскому исключительно по элементарному невежеству, поскольку в научной литературе они уже были квалифицированы как пародийные. Оставалось и остаётся неясным, правда, кто автор этих бессмертных строк и когда они впервые были пущены в обиход.

зверями, / Укрощаешь львов, шакалов, / Ты смиряешь крокодилов / И строптивых генералов. // Укроти мою супругу / Взглядом, голосом, хлыстами; / Докажи, что ты волшебник / И начальник над скотами!». // Посмотрел ей в очи Крейцберг, / Опустил свой хлыст любимый / И промолвил тихо, робко: / «Это зверь неукротимый!».

••► Послесловие от марта 2011 года

Вскоре после выхода в 2002 года «Трудов по нематематике» я получил важную информацию от Георгия Ахилловича Левинтона. Он сообщил, что «Элефанты и леонты» в достаточно полном варианте (в сообщении вариант был приведён) опубликованы в 1-м номере украинского журнала «Мовознавство» за 1969 года в составе такой-то статьи такого-то автора. Я бросился в московские библиотеки, в совершенной уверенности, что языковедческий журнал, выходивший под эгидой Академии наук Украинской ССР, найти будет нетрудно. Оказалось — невозможно. Ни в каталоге Российской государственной библиотеки (до 29.01.1992 называемой Библиотекой им. Ленина), ни в каталоге Библиотеки Московского университета, второй по величине библиотеки Москвы, я журнала не обнаружил. А что касается библиотек двух институтов Российской академии наук: Института языкознания и Института славяноведения, — то я не обнаружил и самих библиотек, не столь давно несомненно существовавших. Катя Рахилина любезно доставила мне из Киева ксерокопию статьи, о которой писал мне Г. А. Левинтон. Статья, естественно, написана на украинском языке. Как указано редакцией журнала, статья была написана в 1940 году, начавшаяся война помешала её опубликованию.

Начну с библиографических данных: Аг. Ю. Кримський. Як розвивалася російська літературна мова за Петрової доби та й аж до наших часів // Мовознавство. — 1969. — 1. Січень—лютий. — Стор. 41—49. Перевод названия: «Как развивался русский литературный язык от дней Петра до нашего времени». Автор статьи — Агафангел Ефимович Крымский (по украински — Агатангел Юхимович Кримський) (1871—1942). Вот что он пишет (см. с. 44 журнала, цитата даётся в переводе с украинского):

> Термин «тредьяковщина» как синоним чего-то уж слишком неэлегантного можно услышать ещё и до сих пор; некоторые образцы «тредьяковщины» сделались своего рода комическими поговорками: «Кое странное пиянство к пению мой глас бодрит?» или «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй»[22]. Знаменитой

[22] У Тредьяковского на самом деле чуть-чуть иначе. В 514-м стихе его «Телемахиды» читаем: «Чудище обло, огромно, стозевно, илайяй ⟨sic!⟩». Однако известность получил именно вариант, указанный Крымским, то есть строка «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» (в переводе на современный язык — «Чудовище тучное, гнусное, огромное, стозевное и лающее»), поскольку строка эта была взята Радищевым в качестве эпиграфа для своего знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву».

стала, как типичный образец стихов-страшилищ Тредьяковского, его идиллия «Стрекочущу кузнецу в зленем блате сущу, ядовиту червецу по ветвям ползущу, журавель летящ во грахе, скачущ через ногу, забывающи все страхи, урчит хвалу богу. Элефанты и леонты ... и орлы, оставя монты, учиняют браки. О колико се любезно, превыспренно взрачно, наипаче преполезно и сугубо смачно».

Тут, прежде всего, достойно внимания, что не то автор статьи, не то редакция журнала, вместо слов «и лесные сраки» поместила многоточие. Но ни у того, ни у другой не было сомнения, что автором «идиллии» является Тредьяковский, и потому её текст присутствует в статье в качестве иллюстрации к определённому этапу развития русского литературного языка XVIII века.

А 19 сентября 2010 года я получил нижеследующее письмо от Романа Лейбова.

Дорогой Владимир Андреевич,

пользуюсь случаем сообщить, что, кажется, леонты и лесные сраки разъяснены Германом Лукомниковым. Надо проверять дальше, но очень похоже на правду: `http://lukomnikov-1.livejournal.com/810937.html`. Схема понятна: массовое гимназическое чтение.

Ваш Роман Лейбов, если помните

Лейбова я помнил: 12 мая 2007 года на действовавшем на Филологическом факультете МГУ семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании» под руководством моим и М. Р. Пентуса он делал доклад «Избыточность поэтического текста: экспериментальное исследование». Я немедленно отправил ему следующий ответ.

Высокочтимый Роман Лейбов,

Вас я, конечно, прекрасно помню (ведь я имел честь слушать Ваше выступление в МГУ на семинаре, не так ли?), но вот отчества Вашего не помню, уж простите.

Благодарю Вас за содержательное письмо, но вот упомянутого Вами разъяснения в нём не усматриваю. Из текста Лукомникова можно почерпнуть неизвестное мне ранее сведение о романе Мордовцева и, тем самым, о некоторой ранней дате появления «Срак» в печати, а также подтверждение широкого распространёния приписывания Тредьяковскому авторства. В опубликованных текстах Тредьяковского названное стихотворение отсутствует, и указанное приписывание я считаю заблуждением.

Так что вопрос об авторстве остаётся открытым — как и должно быть с подлинными великими проблемами.

С совершенным почтением, Ваш благодарный ВАУ.

Для полноты картины, приведём тот текст Лукомникова, на который ссылается Лейбов.

Пишет Герман Лукомников (lukomnikov_1)
@ 2010-09-19 01:19:00

Стрекочущу кузнецу
В зленем блате сущу,
Ядовиту червецу
По злакам ползущу.

Журавель летящ, во грахе
Скачущ через ногу,
Забываючи все страхи,
Урчит хвалу Богу.

Элефанты и леонты,
И лесные сраки,
И орлы, оставя монты,
Учиняют браки.

О, колико се любезно,
Превыспренно взрачно,
Нарочито преполезно
И сугубо смачно!

В полном виде это почти нигде не цитируется, обычно — кусочками, особенно популярны 3-я и 1-я строфы. Вариантов при цитировании — тьма. Текст я взял из исторического романа Д. Л. Мордовцева «Двенадцатый год». В одном из эпизодов романа это стихотворение декламирует восьмилетний Саша Пушкин, поясняя, что это, мол, «Третьяковский» (то бишь Тредиаковский), «наш великий пиита». Роман Мордовцева выложен в библиотеке Мошкова: `http://az.lib.ru/m/mordowcew_d_l/text_0800.shtml`, со ссылкой на его издание 1991 года (М.: Мол. гвардия). В воспроизведённых там же комментариях в качестве источника указан, в свою очередь, VI том Собр. соч. Мордовцева. — СПб.: Издание Н. Ф. Мерца, 1901. Роман написан в 1879 году (на сайте указано, что в 1880, но это, вероятно, неточность; возможно, это год первой публикации). Годы жизни Даниила Лукича Мордовцева: 1830—1905. Современники называли этого писателя «Вальтером Скоттом отечественного Парнаса».

К сожалению, сетевая публикация романа кишит опечатками.

Книжного издания у меня нет, выверить не могу, так что вышеприведённую редакцию можно считать условной реконструкцией.

Вот соответствующий фрагмент романа (опечатки выправил по своему усмотрению):

> Кудрявый, черноголовый мальчик лет восьми, с типом арапчонка, взобравшись на скамейку, декламирует:
>
> — Стрекочущу кузнецу В зленем блате сущу, Ядовиту червецу По злакам ползущу...
>
> Дружный взрыв детского хохота покрывает эту декламацию. Иные хлопают в ладоши и кричат: «Браво! браво, Пушкин!»
>
> Арапчонок, поклонившись публике, продолжает:
>
> — Журавель летящ, во грахе Скачущ через ногу, Забываючи все страхи, Урчит хвалу Богу.
>
> — Браво! браво! брависсимо! бис! — звенят детские голоса. Арапчонок с комическим пафосом продолжает:
>
> — Элефанты и леонты, И лесные сраки, И орлы, оставя монты, Учиняют браки...
>
> — Ах, бесстыдник барин! вот я ужо мамашеньке скажу, — протестует нянюшка арапчонка, бросившая вязать чулок и подошедшая к шалуну. — Что это вы неподобное говорите, барин!
>
> — Молчи, няня, не мешай! Это Третьяковский, наш великий пиита, — защищается арапчонок и продолжает декламировать:
>
> — О, колико се любезно, Превыспренно взрачно, Нарочито преполезно И сугубо смачно!
>
> И, соскочив со скамейки, он обхватывает сзади негодующую нянюшку, преспокойно усевшуюся под деревом, перегибается через её плечо и целует ворчунью.
>
> — Вот так сугубо смачно! — хохочет шалун. Нянюшка размягчается, но всё ещё не может простить озорнику.

Там же, далее:

> Спит и Саша Пушкин. И его неугомонную курчавую головку угомонил старый сон. И грезится ему, что он — старый, старый старичок, такой, как дедушка Державин, — «уж и мышей не давит», — смешная нянька! какие глупости говорит. И подходит к Саше другой старичок, в парике и в красных чулках, и говорит: «Как ты смеешь насмехаться надо мной, клоп этакой! Знаешь — кто я? Я — автор Телемахиды... Я бессмертный Тредьяковский! А ты — ничтожество: ты умрёшь — и никто об тебе не вспомнит; а моё прелестное произведение „Стрекочущу кузнецу“ Россия вечно будет помнить». И Тредьяковский исчезает...

3-му четверостишию (приведённому в двух несколько отличающихся от «мордовцевского» вариантах) посвящена известная статья Владимира А. Успенского «...И лесные сраки», напечатанная в журнале «Неприкосновенный запас» № 4 (6) за 1999 год: http://magazines.russ.ru/nz/1999/4/uspensk.html.

Олег Лекманов в своём ЖЖ — http://alik-manov.livejournal.com/189909.html — сообщал о том, что в выпуске газеты «Варшавский дневник» от 10 (23) декабря 1913 года печаталась рецензия (подписанная «Я») на стихи эгофутуриста И. Игнатьева. Там ст. 9—11 приводятся в таком виде: «Елефанты и мамонты и лесные враны, и орлы оставив монты» (12-я строка опущена) и также атрибутированы Тредиаковскому. (Мне кажется, «враны» тут — явно эвфемистическая замена; «мамОнты» вместо «леонтов» тоже, очевидно, шутка рецензента.)

Первые 2 строки цитируются персонажем рассказа И. Бунина «Алексей Алексеич» (1927) — http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2350.shtml — в таком виде: вместо «блате» — «злаке». 1-ю строфу (с незначительными расхождениями), называя автором всё того же Тредиаковского, приводит М. Зощенко в «Голубой книге» (1934—1935), в разделе «Неудачи» (п. 27): http://bookz.ru/authors/zo6enko-mihail/zoschm01/page-54-zoschm01.html. «Элефанты и леонты» упоминаются в мемуарах И. Одоевцевой «На берегах Сены» (1978—1981): http://www.belousenko.com/books/Odoevtseva/odoevtseva_sena.htm. Из контекста можно понять, что автору мемуаров в 1942 году (а, может быть, и гораздо ранее), а также, вероятно, Г. Иванову и Тэффи (Н. Бучинской (Лохвицкой)) соответствующие строки были хорошо известны.

Вот ещё любопытный факт: это стихотворение — в сокращённом (без 2-й строфы) и несколько изменённом виде — звучит в альбоме «Народоведение» (1989) проекта Егора Летова со товарищи «Коммунизм»: http://unasmp3.net/songs/25500/127952. В одном из своих интервью — http://www.gr-oborona.ru/pub/offline/1112791243.html — Летов говорил, что взял эти стихи из какого-то номера журнала «Грани», и что там текст приписывался, опять-таки, Тредиаковскому.

По-прежнему неясно, действительно ли это стихотворение Тредиаковского или позднейшая пародия, но, как бы там ни было, роман Мордовцева свидетельствует, что этот текст в 1879—1880 годах уже существовал. Мелькнула, в порядке бреда, дикая мысль: а может, это написал сам Мордовцев? ◄●●

••➤ Прибавление от марта 2011 года. Атрибуция стихотворного текста как социокультурная проблема

Традиционная академическая филология относит проблему атрибуции текста к числу текстологических проблем. Когда слышишь об этой проблеме, возникает образ кропотливого исследователя, обнаружившего в архивах листок с неизвестным текстом и бьющимся над тем, чтобы установить его автора. Однако проблема атрибуции может иметь и иной характер — социокультурный. В этом случае текст пребывает не на бумаге, а на слуху или на устах, и его знают многие. Ясно, что такой текст, в силу своей запоминаемости, может быть только стихотворным. Пословиц и поговорок мы не касаемся, мы обсуждаем только авторские тексты, то есть тексты, предполагающие наличие определённого автора. Общественное сознание с трудом смиряется с тем, что автор неизвестен и пытается приписать текст хоть кому-нибудь. Вот этот аспект проблемы атрибуции мы и называем социокультурным. Именно этот аспект имел место в случае с «Лесными сраками». Некоторые иллюстрации к заявленной теме предлагаются ниже. Точнее, иллюстрации даются в первых двух разделах, третий раздел лишь примыкает к первым по некоторой смежности.

I.

И. А. Бунин пишет в своих «Автобиографических заметках»:

> Мечтая о революции, Короленко, благородная душа, вспоминал чьи-то милые стихи:
>
> Петухи поют на Святой Руси,
> Скоро будет день на Святой Руси.

Максим Горький в своём очерке «В. Г. Короленко» пишет: «В 87 он [Короленко] закончил свой рассказ „На затмении“ стихами Н. Берга: „Петухи поют на Святой Руси...“». Из педантизма отметим, что Короленко наименовал своё сочинение не рассказом, а «очерком с натуры» (натурой было солнечное затмение, наблюдавшееся в городе Юрьевце 7 августа 1887 года по старому стилю). Но это, конечно, мелочь, недостойная внимания. Более существенны три неточности, допущенные Горьким, назовём их малой, средней и большой. *Малая* состоит в том, что стихами, о которых пишет Горький, завершается

не весь очерк «На затмении», а лишь его вторая главка. Вот это завершение:

> В окне хибарки, только что оставленной старушкой, мерцал огонёк зажжённой ею лампадки, и петух хрипло в первый раз прокричал своё кукареку, чуть слышно из-за стенки.
>
> На Святой Руси петухи кричат.
> Скоро будет день на Святой Руси... —
>
> неизвестно откуда всплыло в моей памяти прелестное двустишие давно забытого стихотворения, от которого так и дышит утром и рассветом... «Ох, скоро ль будет день на Святой Руси, — подумал я невольно, — тот день, когда рассеются призраки, недоверие, вражда и взаимные недоразумения между теми, кто смотрит в трубы и исследует небо, и теми, кто только припадает к земле, а в исследовании видит оскорбление грозного Бога?».

Мы видим, что у Короленко первая строка двустишия не такова, как её приводит Горький; эту *среднюю* неточность мы Горькому простим, потому что то же самое искажение наблюдается и у Бунина. А это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что правильным образом эта строка отложилась как раз в памяти и Бунина, и Горького, а Короленко вспоминает её неточно. Горький приписывает эти строки Николаю Васильевичу Бергу (1823—1884). Вот в этом — *большая* неточность, поскольку у Берга такого двустишия не обнаруживается. Бунин, кстати, осторожно называет эти стихи чьими-то, а Короленко — давно забытыми. Авторитет Горького в СССР был непререкаем, и с его лёгкой руки распространилось мнение об авторстве Н. В. Берга. Кто на самом деле написал это двустишие — это остаётся неизвестным.

Ситуация с нашим двустишием и Бергом аналогична ситуации, обсуждённой в том тексте, к коему сделано настоящее прибавление. И тут, и там — проблема ложной атрибуции. И тут, и там — стихотворные строки, присутствующие в коллективной памяти, ложно приписываются общественным мнением тем или иным поэтам, причём подлинное их авторство остаётся неизвестным до настоящего времени. В случае Тредиаковского ложная атрибуция принадлежит не только общественному мнению, но и исследователям. Кто у кого идёт здесь на поводу — тема отдельных размышлений. Можно предположить, что они поддерживают друг друга. Иллюстрацией к этому тезису, далеко не бесспорному, может служить публикация исследователя Николая Ивановича Калягина в журнале, само

название которого указывает на предполагаемую соотнесённость с общественным мнением: журнал называется «Русское самосознание». В 1996 году, в 3-м номере названного журнала, в разделе «Русская культура. Созерцание и осмысление», напечатана очередная статья Н. И. Калягина: «Чтения о русской поэзии. Чтение второе». В ней читаем: «Среди любителей русской поэзии репутация Тредиаковского никогда не была высока, все помнят „Стоит древесна к стене примкнута...“» (http://russamos.narod.ru/03-last-4.htm).

II.

Лёгкой жизни я просил у Бога:
Посмотри, как мрачно всё кругом.
И ответил Бог: — Пожди немного,
Ты ещё попросишь о другом.

Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить.
Лёгкой жизни я просил у Бога,
Лёгкой смерти надо бы просить.

Замечательное это восьмистишие широко известно. Когда я спрашивал о его авторстве разных лиц, в том числе писателей и филологов, обычным ответом было уверенное: «Бунин». Никто из них не мог видеть эти стихи в опубликованных сочинениях Бунина (хотя Людмила Яковлевна Штерн уверяла меня, что видела и даже обещала сообщить том и страницу). На самом деле автор этих строк — Иван Иванович Тхоржевский (1878, Ростов-на-Дону — 11 марта 1951, Париж), до революции чиновник высокого ранга, камергер, банкир. Думается, сейчас это авторство Тхоржевского получило большее распространение, нежели на рубеже XX и XXI веков, когда я задавал свои вопросы, — тем более, что оно было опубликовано в книге Тхоржевского «Последний Петербург: Воспоминания камергера», изданной в Санкт-Петербурге в 1999 году издательством «Алетейя». Разумеется, некоторые (но немногие, среди них — Семён Израилевич Липкин) всегда имели правильное понятие об истинном авторе.

Но остаётся вопрос, каковой, по-видимому, надлежит отнести к социокультурной психологии, — почему с таким упорством эти стихи приписывались Бунину, причём приписывались людьми довольно искушёнными[23]? Не потому ли, что в восьмистишии Тхоржевского подсознательно усматривалось некое сходство со знаменитым стихотворением Бунина «Одиночество», приводимым ниже?

[23] Менее искушённые подчас приписывали авторство Некрасову или Анненскому.

Одиночество

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.
Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...
Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождём у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.
Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

III.

В одну из военных зим 1940-х годов я услышал строки, которые потрясли меня тогда и продолжают потрясать сейчас. Они запомнились сразу, и я воспроизвожу их по памяти:

Мой товарищ, в предсмертной агонии
Не зови ты на помощь людей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

И не плачь ты так громко, как маленький:
Ты не ранен, ты только убит.
Я на память сниму с тебя валенки:
Мне ещё воевать предстоит.

Эти строки я потом слышал неоднократно, а в 1988 году Евгений Евтушенко опубликовал их в журнале «Огонёк». Автор, однако же, оставался неизвестным и впервые был назван в 1990 году В. С. Баевским в его публикации в журнале «Вопросы литературы» (*Баевский В.* Стихотворение и его автор // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 236—237). Им оказался Ион Лазаревич Деген (род. 04.06.1925). В 2005 году Евтушенко, который встретился с автором в Тель-Авиве, ещё раз опубликовал это стихотворение, на этот раз на с. 20 «Новой газеты» от 12—15.05.2005 (№ 33). Допущенные при этом искажения и в тексте, и в имени автора, вызвали возмущение последнего, каковые он выразил в письме в редакцию «Новой газеты», опубликованном в № 45 за тот же год:

> Уважаемая редакция, до меня дошла публикация Евгения Евтушенко, в которой он почему-то называет меня Иосифом. <...> Ионом я значился в паспорте, который успел получить за три недели до начала войны и за пять недель до моего первого боя. Ионом я значился в комсомольском билете и в партийном, вручённом мне на фронте. Ионом я записан в справке об окончании танкового училища и в орденской книжке. Ионом я назван в дипломе врача, в дипломах кандидата и доктора медицинских наук, выданных мне ВАКом. И даже в Израиле, несмотря на нелюбовь к этому имени, я продолжаю называться Ионом.
>
> В 1988 году Евгений Евтушенко опубликовал в «Огоньке» моё стихотворение «Мой товарищ, в смертельной агонии...» в таком виде, в каком оно было сочинено, заменив только два слова — «предсмертной» вместо «смертельной» (что точнее) и «воевать» вместо «наступать». Но вариант в нынешней публикации Е. Евтушенко не имеет ничего общего с моим текстом. Точно так же ничего общего с истиной не имеет заявление Е. Евтушенко, что я разрешил ему опубликовать стихотворение в таком виде.

Заключение

Подведём некоторые итоги. Все тексты, проблема авторства которых обсуждалась в наших заметках — в основном тексте, в послесловиях, в настоящем прибавлении — в той или иной степени присутствовали в общественном сознании. Выявились три типа таких текстов и, соответственно, три типа проблем атрибуции. К первому типу относятся проблемы, когда подлинный автор неизвестен и, возможно. останется неизвестным навсегда, однако авторство упорно приписывается определённому лицу, автором не являющимся. Так обстояло

дело со стихотворными строками, приписываемыми В. К. Тредиаковскому и Н. В. Бергу. Второй тип затрагивает тексты, автор которых если и не был до времени известен, но потом стал известен, однако авторство этих текстов продолжало многими приписываться другому (случай Тхоржевского—Бунина). Наконец, третий тип касается текстов, судьба которых подобна стихотворению И. Л. Дегена: проходят десятки лет, пока имя автора не оказывается найденным. Критический анализ изложенной типологии представляется достойным внимания культуролога. ◄●●

Опыт применения математики к филологии: анализ фрагментов текста из Гоголя и Достоевского

Татьяне Вячеславне Булыгиной — к её юбилею и не только

§ 1. Отсутствие библиографических ссылок в этой статье не означает, что её автор приписывает содержащиеся в ней мысли (если таковые имеются), наблюдения и теоретические построения себе. Просто он почти не знаком с лингвистической литературой, каковой недостаток отчасти компенсируется тем, что автор и не имеет приоритетных притязаний. Автор приносит также извинения тем читателям, которые найдут изложение избыточно детальным, а отдельные абзацы посвящёнными сведениям общеизвестным: всё это объясняется желанием избежать малейшей непонятности. Делая по материалам этой статьи доклад (о чём см. в заключительном параграфе), автор просил слушателей перебивать его немедленно, как только возникнет вопрос или протест; к сожалению, для письменного текста такое невозможно, и потому автор обязан заранее предвидеть вопросы и протесты и попытаться на них ответить.

§ 2. Время линейно: из двух неодновременных событий одно непременно происходит ранее другого. Поскольку речь развивается во времени, она также линейна: что-то непременно говорится раньше, а что-то позже. Какую бы сегментацию текста ни произвести — на буквы (для письменного текста в языках с алфавитной письменностью), на звуки или фонемы (для устного текста), на слова, на предложения и т. п. — из любых двух сегментов какой-то непременно **предшествует** другому, а этот другой **следует** за первым. Текст предстаёт в виде линейно упорядоченной совокупности своих сегментов, и этот порядок существен для описания многих языковых явлений. Явления, описания и объяснения коих опираются на указанный линейный порядок, присущи всем уровням языка — от низшего, фонетического (здесь естественно упомянуть, в частности, регрессивную и

Опубликовано в журнале: Вопросы филологии. — 1999. — № 3. — С. 34—42. — [Под названием «К проблеме линейности языка (по поводу одного недоумения князя Мышкина)»]. Обновлённый вариант — в книге: *Успенский В. А.* Апология математики. — СПб.: Амфора, 2010. — С. 470—495.

прогрессивную ассимиляции) до высших, семантического и прагматического (здесь можно упомянуть, в частности, актуальное членение). А если открыть, например, изданный в 1935 году учебник художественного чтения С. В. Шервинского, то обнаружим, что на с. 43 перечислены все шесть возможных перестановок слов *бежит*, *рыжая*, *собака* и отмечено, что «у всех этих построений есть свои оттенки».

Сказанное выглядит совершенно банальным, каковым оно и является. Несколько менее банальным является, как кажется, следующий тезис: **язык не только использует универсальное свойство линейности, но и пытается бороться с нею**. Он использует свойство линейности, когда она помогает ему выразить замысленное содержание, и борется с ней, когда она мешает.

Дальнейшее изложение посвящено попытке разъяснить этот тезис на примерах.

§ 3. Во всех наших примерах будет рассматриваться следующая задача, стоящая перед говорящим: **имеется пара предметов; требуется назвать эту пару в том или ином контексте**. Боюсь, что эта формулировка слишком кратка и нуждается в комментарии. Изъяснимся поэтому чуть более подробно. Прежде всего само слово «предмет» понимается в данной статье в максимально широком смысле, охватывающем не только материальные предметы, но и абстрактные сущности — короче, всё, о чём можно говорить, всё, что может служить референтом. (**Референтом** какого-либо имени принято называть тот предмет, который обозначен этим именем. При этом слово **имя** понимается в самом широком смысле — это может быть не только имя существительное собственное как противопоставленное имени существительному нарицательному, но любое выражение, которым в данном контексте назван какой-либо предмет.)

Итак, даны два предмета. Требуется нечто высказать о нашей паре предметов — в минимальном случае высказать назывное предложение, не содержащее ничего, кроме её имени. В любом случае для того, чтобы упомянуть какую-либо пару предметов, требуется прежде всего снабдить эту пару именем. Создание такого имени и есть задача называния пары в данном контексте. Под контекстом здесь понимается вся совокупность предложенных обстоятельств (почти по Станиславскому), влияющих на выбор имени.

Возможны две ситуации, различение которых существенно для нашего изложения. В первой ситуации говорящий отдаёт одному из предметов предпочтение перед другим, во второй — трактует эти предметы как равноправные.

Язык предоставляет говорящему широкие возможности для решения задачи в условиях первой ситуации. (Подозреваю, что обзору таких возможностей посвящена обширная литература.) Например, если Пете отдаётся предпочтение перед Ваней, то скажут *Петя и Ваня*, а если предпочтён Ваня, то скажут *Ваня и Петя*. Здесь свойство линейности языка помогает решить поставленную задачу: название предпочтённого предмета появляется в тексте раньше. Предпочтённый предмет договоримся называть также **главным**, и — чтобы не говорить «предпочтённее» — будем говорить, что он **главнее** непредпочтённого предмета.

§ 4. Анонсируя предстоящие спектакли театра «Кремлёвский балет», радио «Орфей» говорит: «Балет Петра Ильича Чайковского „Спящая красавица“» и «Балет „Дон Кихот“ на музыку Людвига Минкуса“. Порядком слов здесь выражается то обстоятельство, что в первом случае Чайковский главнее одного из своих балетов, во втором случае всем известный балет «Дон Кихот» главнее Минкуса, известного отнюдь не всем. В СССР говорили только «партия и правительство», «коммунисты и комсомольцы», «пионеры и школьники», но никогда в противоположном порядке — потому что организация партийно-коммунистическая или аффилированная с таковой всегда была главнее организации светской, мирской. Заводы были главнее фабрик, а рабочий класс — класса крестьянства, посему только «заводы и фабрики», «Рабочий и колхозница» (в монументе Мухиной). Не знаю, бывают ли языки, в которых главный из двух предметов появляется в речи не раньше, а позже. Для русского языка приоритет по предшествованию очевидным образом согласован с приоритетом по предпочтению. Особенно ярко, как хорошо известно, это проявляется в этикете: в документах протокольных мероприятий участники церемонии перечисляются от старшего по рангу к младшему; в письмах принято упоминать дам первыми при обращении, при просьбе передать привет такой-то и такому-то; и т. д.

Первый пример из истории. Не могу вспомнить источник этого примера, а потому приношу читателю извинения за возможные неточности. Речь идёт о мирном договоре, заключённом в XVII, кажется, веке Россией с одним из её северных соседей — скажем, со Швецией. Договор составлялся в двух экземплярах. Один из них подписывала сперва российская делегация, затем шведская; другой — наоборот. В первом экземпляре члены российской делегации подписалась в порядке от старшего к младшему, так же вслед за ними подписались и шведы. Во втором экземпляре шведы, подпи-

сывавшиеся первыми, снова подписались от старшего к младшему, но когда дело дошло до русских, они подписались от младшего к старшему. Тем самым подавался некий семиотический сигнал. Он указывал, что в этом документе более почётной является не более ранняя, а более поздняя позиция, и шведы, таким образом, снова оказывались на вторых ролях.

Пристальное внимание порядку, в котором упоминаются упоминаемые предметы рассмотрения, уделял Гоголь. О сём свидетельствует текст «Мёртвых душ».

Первый пример из Гоголя. Рассуждая о воспитании, полученной госпожёй Маниловой, Гоголь пишет:

> ...Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастия семейственной жизни, фортепьяно, для составления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов. Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в мето́дах, особенно в нынешнее время; всё это более зависит от благоразумия и способностей самих содержательниц пансиона. В других пансионах бывает таким образом, что прежде фортепьяно, потом французский язык, а там уже хозяйственная часть. А иногда бывает и так, что прежде хозяйственная часть, то есть вязание сюрпризов, потом французский язык, а там уже фортепьяно. Разные бывают мето́ды. Не мешает сделать ещё замечание, что Манилова... но, признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперёд.

К тому, как Гоголь описывает прохождение Манилова и Чичикова через двери в гостиную, мы ещё вернёмся, а сейчас обратимся к «трём главным предметам, составляющим основу человеческих добродетелей». Назвать их в определённом порядке можно шестью разными способами, из коих Гоголь для примера выбирает три (но конечно же держит в уме все шесть). И дело здесь, разумеется, не в хронологическом порядке обучения. Трудно представить, чтобы в пансионе на первых порах преподавалась исключительно хозяйственная часть при полном игнорировании французского языка и фортепьяно. Однако этот социокультурный аргумент, при всей своей убедительности, является всё же косвенным. Прямой и главный аргумент

мы находим непосредственно в гоголевском тексте. В той фразе, в которой объявляются «три предмета», нет и намёка на шкалу времени. Поэтому можно положительно утверждать, что те три способа упорядочения, которые Гоголь выбирает для упоминания трёх своих главных предметов, отражают отнюдь не последовательность, в котором эти предметы преподаются. Они отражают приоритет, отдаваемый этим предметам при той или иной из возможных метод.

§ 5. Теперь обратимся ко второй ситуации, когда нет намерения оказать предпочтение какому-либо из членов пары. Тогда для адекватного выражения нужного содержания возникают некоторые препятствия. В самом деле, **как выразить отсутствие предпочтения одного предмета другому в условиях, когда невозможно ни произнести, ни написать названия этих предметов таким способом, чтобы ни один из них не был назван прежде другого?** В дипломатической практике при заключении договора между двумя Высокими (и непременно равноВысокими!) Договаривающимися Сторонами текст договора изготовляется в двух вариантах, причём в одном из вариантов Стороны упоминаются и ставят свои подписи в одном порядке, а в другом варианте это происходит в противоположном порядке. Тут существенна сама возможность размножения текста, причём не буквального копирования, а с внесением изменений в порядок элементов текста. Вот аналогичный пример на размножение вариантов, относящийся, впрочем, не к обычному человеческому языку, а к языку флагов. При визите зарубежного гостя высшего ранга уличные столбы иногда украшают, а в советское власти украшали, сколько я помню, всегда, государственными флагами двух стран: принимающей страны и той, к которой принадлежит визитёр. На каждом столбе вывешивают два таких флага, причём порядок флагов чередуется от столба к столбу: если, при взгляде с проезжей части, на каком-то столбе слева развевается флаг хозяев, а справа — гостя, то на соседнем столбе будет наоборот.

Второй пример из истории. Когда в 1959 году Н.С.Хрущёв отправился в Америку для встречи с Д. Эйзенхауэром, в СССР была выпущена книжка с портретами этих двух руководителей на обложке. Перед дизайнерами встала проблема расположения портретов. Если бы обложка была рассчитана только на советского зрителя, портреты были бы, разумеется, расположены в таком порядке: слева или сверху — Хрущёв, справа или снизу — Эйзенхауэр. Возможно также, что в этом случае Эйзенхауэра на обложке не оказалось бы вовсе. (Вспомним, что в горбачёвское время выражение «Президент

СССР» писалось с прописной буквы, тогда как «президент США» — со строчной.) Учитывая международный характер издания, портреты были расположены по диагонали, идущей от нижнего левого угла к верхнему правому. Так что один из портретов оказывался левее, но зато ниже, а другой — правее, но зато выше. (Интересно, как была бы решена эта проблема в социумах, где пишут не слева направо, а справа налево.)

§ 6. В реальной речи, разумеется, тексты не варьируются. Как же тогда быть? Напомним задачу: **требуется назвать совокупность из двух предметов, не отдав никому из них предпочтения**. Одно решение напрашивается: надо назвать самоё эту совокупность, не называя составляющих её предметов по имени.

Второй пример из Гоголя. Рассказывая о визите Чичикова к Манилову, Гоголь пишет так: «...мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперёд. <...> Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга».

Мы видим, что Гоголь не называет здесь Чичикова и Манилова по отдельности, а использует обороты «наши герои» и «оба приятеля» для наименования пары, состоящей из обоих персонажей вместе. И это понятно. Можно предположить, что Гоголь потому не хотел назвать их в этом пассаже по имени, что тогда бы неизбежно кто-либо из них был назван первым и могло возникнуть ложное впечатление, что этот первый упрашивал более настойчиво или же вошёл в дверь несколько ранее другого.

§ 7. Мыслимы, однако, ситуации, когда членов пары, из коих никто не предпочтён другому, необходимо тем не менее назвать по имени. Одно из этих имён неизбежно будет названо первым. Может ли говорящий выразить в этих условиях ту мысль, что он не отдаёт предпочтение ни одному из членов пары? Возможны два ответа. Первый: нет, не может. Второй: да, может.

Первый, отрицательный ответ несёт на себе бремя тяжких последствий. Если согласиться с этим ответом, то окажется, что отменяется едва ли не основная презумпция языкознания, состоящая в том, что **язык в состоянии выразить любую мысль**. Мы видим, что выбор ответа на, казалось бы, мелкий и частный вопрос оказывается судьбоносным для философских основ языкознания. Под влиянием этих соображений мы склоняемся ко второму, положительному ответу.

Но как же выразить мысль об отсутствии предпочтения, скажем, между Петей и Ваней? Надо сказать, например, так:

Петя и Ваня, но это я лишь потому говорю «Петя и Ваня», что обязан произнести эти имена в каком-то порядке; с тем же успехом я мог бы сказать и «Ваня и Петя», потому что я никому из них не хочу выразить предпочтения.

Мне возразят, что приведённая только что фраза совершенно ужасна, что пример чрезвычайно искусствен и т. п. Со всем этим я соглашусь. Пример искусствен, потому что и ситуация отчасти искусственна: ведь явно выражать отсутствие предпочтения приходится довольно-таки редко. Я соглашусь и с теми, кто объявит весь конец фразы — всю длинную добавку после первых трёх слов «Петя и Ваня» — принадлежащей метаязыку; но решительно не соглашусь с теми, кто объявит эту длинную добавку не принадлежащей языку. Потому что естественный язык является и своим собственным метаязыком.

А что добавка очень длинная, так давайте её сократим, условившись вместо неё произносить слово «бум»: *Петя и Ваня, бум.* Автор отдаёт себе отчёт, что языковедение с некоторой брезгливостью относится к искусственным оборотам речи, созданным на основе явных соглашений (а, кстати, напрасно: со всё большим вхождением в обиход того, что́ покойный Андрей Петрович Ершов назвал «деловой прозой», доля таких оборотов в языке будет возрастать). Языковедение предпочитает примеры из реальной жизни или из художественной литературы. В следующем параграфе будут приведены два таких примера — один из жизни, другой из литературы.

§ 8. Пример из жизни кодовых замков. Встречаются два типа дверных кодовых замков. В одном из них кнопки надо нажимать последовательно и притом в определённом порядке, в другом — одновременно. Ограничимся случаем, когда комбинация состоит из двух цифр, скажем, цифры 0 и цифры 5. В замках первого типа комбинация *05* неравносильна комбинации *50*, в замках второго типа — равносильна. Так что фраза *Нажмите 0 и 5* и фраза *Нажмите 5 и 0* не синонимичны для замков первого типа, но синонимичны для замков второго типа. Если говорящий опасается, что слушающему неизвестно, к которому из типов принадлежит замок, он должен для замка первого типа сказать *Нажмите последовательно 0 и 5* или *Нажмите последовательно 5 и 0*, а для замка второго типа сказать

Нажмите одновременно 0 и 5 или *Нажмите одновременно 5 и 0*. Слово *одновременно* подаёт сигнал о том, что между цифрами 0 и 5 отсутствует предпочтение. Существует и третий тип замков, в которых нажимать кнопки можно в любом порядке. Для замков третьего типа сигналом об отсутствии предпочтения служит словосочетание *в любом порядке*; для замка этого типа синонимичны фразы *Нажмите в любом порядке 0 и 5* и *Нажмите в любом порядке 5 и 0*.

Третий пример из Гоголя. После описанной в 9-й главе «Мёртвых душ» беседы Анны Григорьевны (дамы, приятной во всех отношениях) с посетившей её Софьей Ивановной (просто приятной дамой) «весь город заговорил про мёртвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мёртвые души, про губернаторскую дочку и Чичикова». В гоголевской фразе названы три пары. Состав их таков. Имеются три предмета: 1) мёртвые души; 2) губернаторская дочка; 3) Чичиков. Обозначим их, в целях краткости, *М*, *Г*, *Ч*. Каждая пара содержит какие-то два предмета из этих трёх: первая пара содержит *М* и *Г*, вторая пара содержит *Ч* и *М*, третья пара содержит *Г* и *Ч*. Для каждой пары в качестве её имени, или названия, Гоголем используется словосочетание, состоящее из соединённых союзом «и» имён членов пары. В каждом таком словосочетании имена членов пары не могут не идти в определённом порядке, и этот порядок, казалось бы, сообщает информацию о предпочтениях, которые говорящий (в данном случае — Гоголь) имеет в виду (не вообще, конечно, а только в этой фразе). Казалось бы, имя первой пары сообщает, что (1) *М* главнее, чем *Г*; имя второй пары — что (2) *Ч* главнее, чем *М*; имя третьей пары — что (3) *Г* главнее, чем *Ч*. Однако утверждения (1), (2) и (3), взятые вместе, приводят к очевидной нелепости. Единственное, на наш взгляд, разумное объяснение возникшей кризисной ситуации таково. Гоголь не предполагает отдать предпочтение какому-то из трёх предметов — *М*, *Г* или *Ч*; напротив, он трактует их в процитированной фразе как равноправные и посылает читателю об этом сигнал. Этим ситуация настоящего примера решительно отличается от ситуации нашего первого примера из Гоголя. Однако, называя какую-либо пару предметов, Гоголь просто не может, если бы и желал, не поставить имя одного из них на первое место, а имя другого — на второе. Наша интерпретация третьего примера из Гоголя станет ещё прозрачнее, если привлечь некие простейшие понятия из области оснований математики. Мы изложим эти понятия в § 11, а в § 12 вернёмся к Гоголю.

§ 9. Таким образом, если в тексте встречаются два имени, составляющие в своей совокупности название некоторой пары предметов, и одно из этих имён стоит впереди другого (а иначе и быть не может!), то наблюдаемый порядок имён не обязательно выражает предпочтение, оказываемое одному из предметов. Имеет ли предпочтение место или же нет, — это уже зависит от контекста. **Контекст** (то есть совокупность предложенных обстоятельств) может быть явно или неявно выраженным посредством окружающего текста или же не быть выраженным никак, а подразумеваться. Попытаемся изложить сказанное в виде общей схемы.

Выделим из текста интересующие нас два имени, поставим их через запятую, друг за другом в том порядке, как они встретились в тексте, и заключим в квадратные скобки. Полученное выражение будем называть **двучленом**. Вот примеры двучленов, извлекаемых из предшествующего изложения. Два двучлена из § 3: [*Ваня*, *Петя*] и [*Петя*, *Ваня*]; два двучлена из первого примера предыдущего параграфа: [*5*, *0*] и [*0*, *5*]; три двучлена из второго примера того же параграфа: [*мёртвые души*, *губернаторская дочка*], [*Чичиков*, *мёртвые души*], [*губернаторская дочка*, *Чичиков*].

Двучлен служит названием, или именем, для пары соответствующих (то есть названных составляющими двучлен именами) предметов. Эта пара предметов является, следовательно, референтом рассматриваемого двучлена. При этом пара может пониматься в одном из двух смыслов: либо как пара совершенно равноправных предметов, либо как пара, в которой предметы упорядочены по предпочтению. При втором понимании тот из предметов является главным, который назван в первом по порядку члене двучлена (по крайней мере, это справедливо для русского языка).

Итак, запомним: двучлен может выражать как такую пару предметов, в которой одному из предметов отдаётся предпочтение, так и такую пару, в которых оба предмета равноправны.

Выбор смысла зависит от контекста, выраженного или подразумеваемого. В § 7 выраженным контекстом служило слово *бум* или синонимичный ему оборот. В первом примере из § 8 контекст был в одних случаях подразумеваемым (когда тип кодового замка подразумевался), в других он был выраженным и выражался словами *последовательно* и *одновременно* и словосочетанием *в любом порядке*. Во втором примере из § 8 контекст был выраженным, но выраженным неявно: для каждого двучлена предлагаемые обстоятельства давались совокупностью соседствующих двучленов.

§ 10. Во избежание недоразумений сделаем следующее замечание. Как хорошо известно, в языке любое слово может употребляться и **автонимно**, то есть в качестве имени самого себя. В этом случае оно служит своим собственным референтом. Так, во фразе *Друзья зовут Эдуарда Лёшей* референтом слова *Эдуард* является один из современных композиторов (а именно Эдуард Артемьев), а референтом слова *Лёша* является само это слово. Сказанное полностью относится и к двучлену как к имени пары: референтом двучлена служит пара референтов тех двух имён, которые и образуют двучлен, а эти два имени могут употребляться автонимно. Так, во фразе *Тарапуньку и Штепселя на самом деле звали Юрий Тимошенко и Ефим Березин* двучлен [*Тарапунька*, *Штепсель*] имеет своим референтом популярную когда-то пару эстрадных артистов, а двучлен [*Юрий Тимошенко*, *Ефим Березин*] — пару, составленную из имён «Юрий Тимошенко» и «Ефим Березин». Напротив, во фразе *Юрий Тимошенко и Ефим Березин выступали под сценическими псевдонимами Тарапунька и Штепсель* та же пара артистов служит референтом двучлена [*Юрий Тимошенко*, *Ефим Березин*], тогда как в двучлене [*Тарапунька*, *Штепсель*] составляющие его имена автонимны.

§ 11. Одно из фундаментальных различий, фиксируемых математикой, есть различие между упорядоченной парой и неупорядоченной парой.

Неупорядоченная пара, составленная из предметов a и b, — это просто совокупность, коллекция, куча и т. д. (на математическом языке — **множество**), содержащая эти два предмета; никакого различия в ролях этих предметов не имеется, а потому бессмысленно спрашивать, кто из них на каком месте, кто первый, а кто второй, кто более главный, а кто менее главный. Неупорядоченная пара предметов a и b обозначается посредством заключения имён этих предметов в фигурные скобки: $\{a, b\}$. Из двух предметов можно составить ровно одну неупорядоченную пару, поэтому $\{a, b\} = \{b, a\}$.

В отличие от неупорядоченной пары, **упорядоченная пара**, составленная из предметов a и b, заключает в себе ещё и информацию о том, какое место в паре занимает каждый из членов пары. Мест в упорядоченной паре — два. Для единообразия эти места обычно называют первым и вторым. Можно было бы называть их и по-другому — например, белым и чёрным, красным и зелёным, левым и правым или ещё как-нибудь; важно лишь, что эти места как-то помечены и отличаются одно от другого. Упорядоченная пара, в которой предмет a является первым, а предмет b — вторым, обозначается посредством заключения в угловые скобки имён этих предметов, взя-

тых в надлежащем порядке: $\langle a, b\rangle$. Упорядоченная пара, в которой предмет b является первым, а предмет a — вторым, обозначается, следовательно, так: $\langle b, a\rangle$. Эти две пары считаются различными — если только различны сами a и b. Таким образом, из двух различных предметов можно составить ровно две упорядоченные пары. Если же предметы a и b совпадают, то в этом (и только в этом!) случае, конечно, $\langle a, b\rangle = \langle b, a\rangle$.

Понятия упорядоченной и неупорядоченной пары позволяют следующим образом представить те две ситуации, о которых говорилось в § 3. В ситуации, когда ни одному из предметов не отдаётся предпочтения, возникает неупорядоченная пара этих предметов. В ситуации, когда одному из предметов отдаётся предпочтение, возникает упорядоченная пара этих предметов. Надо только договориться, какой предмет считать в этом случае первым, а какой вторым членом пары. Ведь распределение мест в упорядоченной паре совершенно условно; оно определяется явным соглашением, а не тем, который из предметов главнее или назван в тексте раньше другого. Давайте согласимся предоставлять первое место в упорядоченной паре главному предмету (но мы вправе были бы поступить и наоборот).

Теперь мы можем дать такую формулировку тому, что сказано в предпоследнем абзаце из § 9: **двучлен, понимаемый как имя пары предметов, может служить как именем упорядоченной пары, так и именем неупорядоченной пары, составленной из этих предметов**. Можно сказать, что двучлен обладает полисемией.

§ 12. Вернёмся к третьему примеру из Гоголя, изложенному в § 8.

Из трёх различных предметов *М*, *Г* и *Ч* можно составить ровно три неупорядоченные пары, а именно $\{М, Г\}$, $\{Ч, М\}$, $\{Г, Ч\}$, и ровно шесть упорядоченных пар, а именно $\langle М, Г\rangle$, $\langle Г, М\rangle$, $\langle Ч, М\rangle$, $\langle М, Ч\rangle$, $\langle Г, Ч\rangle$, $\langle Ч, Г\rangle$.

Мы видим, что в гоголевском тексте перечислена исчерпывающая совокупность всех неупорядоченных пар, составленных из элементов трёхэлементного множества {Чичиков, губернаторская дочка, мёртвые души}. Это наблюдение служит дополнительным аргументом в пользу той точки зрения, что в этом тексте для каждого двучлена референтом служит именно неупорядоченная пара соответствующих предметов. Если бы Гоголь хотел перечислить упорядоченные пары, он писал бы: «про мёртвые души и губернаторскую дочку, про губернаторскую дочку и мёртвые души, про Чичикова и мёртвые души, про мёртвые души и Чичикова, про губернаторскую дочку и Чичикова, про Чичикова и губернаторскую дочку».

§ 13. Когда человека просят указать свои имя и отчество, то ему как бы предлагают виртуальную анкету с двумя позициями: первая позиция — имя самого этого человека, вторая позиция — имя его отца. С тем же успехом можно было бы договориться, что, напротив, первая позиция — имя отца, а вторая позиция — имя анкетируемого. Но тот или иной вариант необходимо выбрать и далее уже не менять. Для определённости остановимся на первом варианте.

При таком понимании словосочетание *Иван Петрович* оказывается представленным в виде упорядоченной пары ⟨*Иван*, *Пётр*⟩, а словосочетание *Пётр Иванович* — в виде упорядоченной пары ⟨*Пётр*, *Иван*⟩. Словосочетания *Иван Иванович* и *Пётр Петрович* будут представлены, соответственно, в виде упорядоченных пар ⟨*Иван*, *Иван*⟩ и ⟨*Пётр*, *Пётр*⟩.

Ответ на вопрос об имени-отчестве можно представить себе как заполнение анкеты. При этом в каждую из двух граф вписывается соответствующее имя. Заполненную анкету можно трактовать как текст, а тогда присутствующие в ней два имени образуют двучлен. Например, для имён-отчеств из предыдущего абзаца получаем такие двучлены [*Иван*, *Пётр*], [*Пётр*, *Иван*], [*Иван*, *Иван*], [*Пётр*, *Пётр*]. Каждый подобный двучлен является именем некоторой пары, служащей для этого двучлена референтом. Очевидно, что в данном случае составляющие двучлен имена употребляются автонимно (см. выше § 10), и потому, скажем, двучлен [*Иван*, *Пётр*] означает не пару, составленную из Ивана и Петра, а пару, составленную из имён *Иван* и *Пётр*.

По общему правилу, сформулированному в последнем абзаце § 11, каждый двучлен может означать (то есть иметь своим референтом) как упорядоченную, так и неупорядоченную пару. Возникает вопрос, какие пары, упорядоченные или неупорядоченные, выражают наши двучлены, составленные из двух собственных имён. Вопрос кажется глупым, а ответ очевидным: разумеется, упорядоченную; например, двучлен [*Иван*, *Пётр*] выражает упорядоченную пару ⟨*Иван*, *Пётр*⟩, то есть, в конечном счёте, этот двучлен выражает имя-отчество *Иван Петрович*.

Упорядоченность же пары, как и положено, вытекает из заданного контекста, то есть из предложенных обстоятельств, которые в данном случае состоят в заполнении анкеты с графами «имя» и «отчество».

Однако предложенный ответ справедлив лишь в обстоятельствах нормальных. Но бывают обстоятельства и ненормальные, контекст патологический, когда двучлен [*Иван*, *Пётр*] будет выражать неупорядоченную пару {*Иван*, *Пётр*}. На уровне имён и отчеств это означает, что искомое имя-отчество есть либо *Иван Петрович*, либо *Пётр Иванович*, а какое именно — не уточняется.

«Где же это автор встречал такой патологический контекст?» — возмутится читатель. Не знаю, как в жизни, а в русской литературе встречал, чем и собираюсь поделиться в § 14. Впрочем, нечто похожее проскальзывает и в жизни: см. §§ 16—18.

§ 14. В главе 2 второй части «Идиота» Достоевский описывает визит князя Мышкина к Лукьяну Тимофеевичу Лебедеву. В ответ на вопрос князя об имени-отчестве Лебедев сказался Тимофеем Лукьяновичем. Присутствовавший племянник Лебедева тут же его разоблачил. Вот этот эпизод:

— <...> Извините, как вас по имени-отчеству, я забыл?

— Ти-Ти-Тимофей.

— И?

— Лукьянович.

Все бывшие в комнате опять рассмеялись.

— Соврал! — крикнул племянник, — и тут соврал! Его, князь, зовут вовсе не Тимофей Лукьянович, а Лукьян Тимофеевич! Ну, зачем, скажи, ты соврал? Ну, не всё ли равно тебе, что Лукьян, что Тимофей, и что князю до этого? Ведь из повадки одной только и врёт, уверяю вас!

— Неужели правда? — в нетерпении спросил князь.

— Лукьян Тимофеевич, действительно, — согласился и законфузился Лебедев, покорно опуская глаза и опять кладя руку на сердце.

— Да зачем же вы это, ах, Боже мой!

— Из самоумаления, — прошептал Лебедев, всё более и покорнее поникая своею головой.

— Эх, какое тут самоумаление! <...> — сказал князь <...>.

Ни лебедевский племянник Владимир Докторенко, ни князь Л. Н. Мышкин не видят смысла в поведении Лебедева. Меж тем смысл есть, и состоит он именно в том, что́ ясно обозначил Достоевский устами Лебедева, — в самоумалении. В следующем параграфе мы постараемся объяснить и обосновать нашу точку зрения.

§ 15. Мы исходим из того, что самоумаление может выражаться, в частности, в малости той информации, которая сообщается о себе. Сообщать о себе много подробностей значит считать свою персону достойной того, чтобы обременить этими подробностями уважаемого собеседника. Напротив, человек скромный о себе скажет мало, считая сведения о себе незначительными, недостойными внимания.

Позволительно предположить, что — в порыве самоумаления — Лебедев, отвечая на вопрос князя Мышкина, намеревался минимизировать сообщаемую информацию. Зададимся вопросом, каким способом это можно сделать.

При любом естественном подходе к измерению информации очевидно, что упорядоченная пара содержит больше информации, чем неупорядоченная. В самом деле, неупорядоченная пара содержит информацию лишь о составляющих её элементах, а упорядоченная пара ещё и о том, какой из этих элементов первый, а какой — второй.

На вопрос об имени и отчестве полный ответ состоит в предъявлении упорядоченной пары имён: на первом месте имя, на втором — отчество. На этом языке пар полный (и правильный!) ответ Лебедева должен был бы выглядеть так: ⟨*Лукьян*, *Тимофей*⟩. Теперь мы видим, что одним из возможных способов уменьшения информации в предлагаемом ответе является такой: вместо упорядоченной пару сообщить неупорядоченную, то есть такую: {*Лукьян*, *Тимофей*}. Её и сообщает князю Мышкину Лебедев. Посмотрим, как он это делает.

Заполняя виртуальную анкету, Лебедев вписывает своё имя в графу «отчество», а своё отчество в графу «имя». Тем самым он создаёт двучлен [*Тимофей*, *Лукьян*]. Согласно общему правилу (см. § 11, последний абзац) этот двучлен может иметь своим референтом либо упорядоченную пару ⟨*Тимофей*, *Лукьян*⟩, либо неупорядоченную пару {*Тимофей*, *Лукьян*}. Упорядоченная пара соответствует имени-отчеству *Тимофей Лукьянович*, и при таком понимании высказывание Лебедева делается ложным. Однако у нас нет оснований подозревать Лебедева во лжи. Фраза его племянника *Соврал! и тут соврал!* соотносится с предшествующей репликой того же Докторенки *Ну*, *этот*, *положим*, *соврал*, сказанной в связи с заявлением Лебедева, что умнее Мышкина никого на свете нет; вряд ли мы должны соглашаться с оценками лебедевского племянника (про которого Достоевский свидетельствует, что князю «этот молодой человек становился весьма противен»).

Итак, примем, что Лебедев говорит правду. Но единственный способ понимания двучлена [*Тимофей*, *Лукьян*], при котором ответ Лебедева делается правдивым, состоит в том, чтобы считать референтом двучлена неупорядоченную пару {*Тимофей*, *Лукьян*}, совпадающую с неупорядоченной парой {*Лукьян*, *Тимофей*}.

Таким образом, контекст, который согласно § 9 призван определять выбор между упорядоченной и неупорядоченной парой, состоит здесь в самоумалении, подкрепляемом презумпцией, что Лебедев, вопреки мнению его противного племянника, не лжёт.

§ 16. Нечто похожее проскальзывает и в жизни, как было заявлено в конце § 13. Под похожим подразумевается положение, случающееся не с именами и отчествами, как только что у Достоевского, а с фамилиями и личными именами. Так, делая упомянутый в § 1 доклад, я задал с трибуны вопрос аудитории вполне авторитетной (см. § 21), чтó является личным именем, а чтó фамилией в словосочетании *Саддам Хусейн*. Попытка получить на этот вопрос ответ провалилась[1]. Можно считать, что референтом двучлена [*Саддам*, *Хусейн*] является — в сознании большинства — неупорядоченная пара собственных имён {*Саддам*, *Хусейн*}.

Подтверждением такой гипотезы могут служить две публикации в газете «Правда» от 1979 года, относящиеся, правда, не к Саддаму Хусейну, а к другому политическому деятелю Азии. Сообщение под названием «Обращение к народу» на с. 4 в номере от 28 декабря начиналось так: «Кабул, 27 (ТАСС). Сегодня кабульское радио передало следующее обращение Бабрака Кармаля от имени и по поручению <...>». А в номере той же газеты от 30 декабря 1979 года, также на с. 4, было помещено сообщение под названием «Обращение Кармаля Бабрака». Можно считать, что и здесь двучлены [*Бабрак*, *Кармаль*] и [*Кармаль*, *Бабрак*] обозначают одну и ту же неупорядоченную пару имён; хотя одно из них предположительно является личным именем, а другое фамилией, но чтó является чем — не указано.

§ 17. Относятся ли правила, регулирующие тот порядок, в котором фамилия и личное имя следуют друг за другом, к речевому этикету, к прагматике[2] или же к синтаксису? Ответ на этот вопрос зависит от рассматриваемого языка.

Можно полагать, что для русского языка эти правила принадлежат прагматике (ср. *Павел Власов* из романа Горького «Мать», *Павка Корчагин* из романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и непримиримый борец с кулаками пионер *Павлик Морозов* для обозначения положительных героев официальной советской мифологии, но *Иванов Павел* для обозначения отрицательного персонажа одноимённой дореволюционной комической оперы).

Для английского языка с жёстким закреплением первой позиции у личного имени и для венгерского и японского языков с их ещё более

[1] На самом деле ни одно из этих слов не является фамилией в европейском понимании.

[2] К сфере лингвистической прагматики относятся те аспекты речи, которые отражают мнения и эмоции говорящего или пишущего по поводу того, о чём говорится.

жёстким закреплением первой позиции у фамилии названные правила принадлежат синтаксису. (По некоторым данным, в латышском языке произошла смена японо-венгерской модели на английскую.) ●●► Открываем выходящую на английском языке датскую газету «The Copenhagen Post» от 9—15 июля 2004 года. На 4-й странице раздела «News» находим статью «Minister to lobby Russians on tankers». Она начинается фразой: «Business Minister Bendt Bendtsen will use an upcoming visit to Russia to convince the country Transport Minister, Levitin Igor Yevgenyevich, to halt Russian transports of crude oil in single-hulled tankers». Далее в той же статье читаем: «The agenda for the upcoming Bendtsen—Yevgenyevich talks <...>». ◄●●

Поэтому, когда в английском тексте приходится менять обычный порядок слов и ставить фамилию перед личным именем — а такое приходится делать, например, в словарях, энциклопедиях, указателях, — после фамилии ставят запятую, так что стандартное «John Smith» переделывается в «Smith, John». Ведь если написать без запятой: «Smith John», — могут подумать, что речь идёт о человеке по имени «Smith» и с фамилией «John». Для русского языка подобное ложное понимание неестественно, а потому запятая в этих случаях излишня. Однако и в русских источниках нередко можно, к сожалению, увидеть и «Смит, Джон», и «Сидоров, Иван Петрович». (В сталинские послевоенные времена тех, кто ставит запятую, обвинили бы — и с серьёзными последствиями — в *низкопоклонстве перед Западом*.)

Интересно посмотреть, что происходит при переводе сочетаний имени и фамилии в тех случаях, когда перевод осуществляется с языка с определённым порядком этих элементов на язык с противоположным порядком. При переводе с венгерского языка на русский происходит изменение порядка и фамилия ставится на второе место: *Имре Надь*, *Янош Кадар* — здесь *Имре* и *Янош* суть личные имена, а *Надь* и *Кадар* суть фамилии (по-венгерски, соответственно, Nagy Imre, Kádár János). При переводе на русский с японского наблюдаются, как мы увидим в следующем параграфе, более сложные явления, заставляющие предполагать, что в данном случае упорядоченная пара переводится (по крайней мере, иногда) в виде неупорядоченной пары — а, стало быть, часть информации теряется.

§ 18. В качестве примера рассмотрим ситуацию, которая сложилась с именами двух популярных в России замечательных японских прозаиков. Имеются в виду Акутагава Рюноскэ и Кобо Абэ.

На обложках русских переводов книг этих писателей имена авторов встречаются, как правило (если не всегда) именно в указанных только что формах: *Акутагава Рюноскэ* и *Кобо Абэ*. Можно предположить, что в каждом из этих словосочетаний один элемент представляет собою личное имя, а другой — фамилию.

Вообразим простодушного носителя русского языка, который пытается подручными средствами разобраться, где здесь личное имя, а где — фамилия. С этой целью он обращается к энциклопедическим изданиям.

«Большая Советская Энциклопедия», третье издание (БСЭ-3), даёт в своём томе 1 (1970 год) на с. 369 статью с заглавным словосочетанием **АКУТАГА́ВА РЮНО́СКЭ**. Поскольку все буквы в этом словосочетании напечатаны в БСЭ как полужирные прописные, выделить личное имя не удаётся; напротив, у нашего простодушного исследователя появляются основания предположить, что такового здесь и нет. Однако «Советский энциклопедический словарь» (М.: Советская энциклопедия, 1980; сокращённо: СЭС) даёт на с. 34 статью с таким началом: «**АКУТАГА́ВА** Рюноскэ (1892—1927), япон. писатель». Распределение шрифтов позволяет заключить, что «Акутагава» — фамилия, а «Рюноскэ» — имя. Попутно возникает впечатление, что СЭС полезнее для объявленной цели, чем БСЭ-3.

Под этим впечатлением исследователь обращается к СЭС за разгадкой тайны Кобо Абэ. Он читает на с. 11: «**А́БЭ КО́БО** (р. 1924), япон. писатель». Та же неясность, что постигла его в БСЭ-3 с Акутагава Рюноскэ! Что же скажет на этот раз БСЭ-3? Тот же том 1, с. 46: «**А́БЭ КО́БО**, совр. Японский писатель, см. *Кобо Абэ*». Полный успех! Действительно, курсив т о л ь к о в слове *Кобо* означает, что именно на это слово (а не на словосочетание *Кобо Абэ*) в БСЭ-3 имеется словарная статья, а значит это и есть фамилия. Успех закрепляется в томе 12 (1973 год) на с. 353: «**КО́БО** Абэ (р. 7.3.1924, Токио), японский писатель». Казалось бы, проблема исчерпана. Ан нет: и «Большой энциклопедический словарь», второе издание (М.: Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997) на с. 9, и «Литературный энциклопедический словарь» (М.: Советская энциклопедия, 1987) на с. 537 единодушно дают: **А́БЭ** Кобо.

Энциклопедические изыскания, совершённые воображаемым дотошным носителем русского языка, позволяют ему заключить, что референтом как словосочетания *Кобо Абэ*, так и словосочетания *Абэ Кобо* является неупорядоченная пара имён {*Абэ, Кобо*}, совпадающая, как известно, с неупорядоченной парой {*Кобо, Абэ*}.

§ 19. В процессе подготовки этой статьи неожиданно обнаружился досадный пробел в русской ономастической терминологии. Покажем его на примере.

В словосочетании *Иван Петрович Сидоров* слово *Иван* принадлежит разряду личных имён, слово *Петрович* — разряду отчеств, а слово *Сидоров* — разряду фамилий. А его двучленная часть *Иван Петрович* принадлежит разряду имён-отчеств. Но как назвать всё трёхчленное словосочетание в целом, к какому разряду, к какому типу имён его отнести? Термин «полное имя» уже занят: например, *Таня* есть гипокористическое, или сокращённое, имя, а *Татьяна* — полное. Занят и термин «распространённое имя»: *Анна* есть распространённое имя, а *Мелания* — нет.

Для словосочетания *Сидоров Иван Петрович* вроде бы имеется подходящее родовое название: это словосочетание можно отнести к разряду **фио**. Несклоняемое существительное среднего рода *фио* прошло ту же эволюцию от аббревиатуры ФИО, что и существительное *вуз* от аббревиатуры ВУЗ. Но какой всё же термин подходит для словосочетаний вида *Иван Петрович Сидоров*? Неужели **иоф**?

А какое терминологическое название следует предложить для той категории русских антропонимов, к которой относятся двучленные словосочетания *Джек Лондон*, *Иван Сидоров*, *Сидоров Иван*, *Абэ Кобо*, *Кобо Абэ*?

§ 20. Мы старались соблюдать строгую грань между фактами и надстраиваемыми над ними теоретическими построениями. Первые подаются как объективные и бесспорные, вторые субъективны и могут быть оспорены. Мы надеемся, что указанная грань не осталась незамеченной читателем.

Объективны только факты, закрепляемые в наблюдениях. В настоящей статье к таковым наблюдениям относятся замечание о линейности языка, цитаты из Гоголя и Достоевского, простейшие комбинаторные подсчёты и т. п. Всё остальное суть теоретические построения, с которыми каждый волен соглашаться или не соглашаться.

Ведь даже представление о том, что данный предмет служит референтом для данного слова или словосочетания, является не чем иным, как конструктом. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, конструкты определяются как «понятия о ненаблюдаемых объектах науки, постулируемые для объяснения фактов, данных в наблюдении». Конструкты субъективны и потому спорны по своей природе. К их числу принадлежат решительно все понятия семантики, в том числе и само понятие референта, не говоря уже о понятии смысла.

§ 21. Положения этой статьи были сначала опубликованы автором в эскизном виде в 1997 году в пункте 4.3 его очерка «Предварение для читателей „Нового литературного обозрения“ к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова» (журнал «Новое литературное обозрение», № 24), а затем рассказаны в его докладе «Опыт формализации одного пассажа Ф. М. Достоевского (из романа „Идиот“)» на состоявшемся 18 мая 1999 года юбилейном расширенном совместном заседании Учёного совета и Отдела теоретического языкознания Института языкознания РАН, посвящённом 70-летию Татьяны Вячеславовны Булыгиной и 45-летию её научной творческой деятельности.

Я благодарен Ю. С. Степанову за приглашение выступить на названном заседании; В. М. Солнцеву за доброжелательное председательствование; Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкову, А. Е. Кибрику за то, что они откликнулись на мой призыв перебивать меня по ходу моего выступления (их критические замечания помогли докладчику лучше уяснить, что́ же, собственно, он хотел сказать); Т. Б. Крючковой за переданное ею приглашение редколлегии журнала «Вопросы филологии» опубликовать в этом журнале развёрнутое изложение доклада; В. И. Подлесской за консультацию.

Предисловие к переводу «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла

«Это, конечно, сумасшедшая теория. Однако она мне кажется недостаточно сумасшедшей, чтобы быть правильной новой теорией». Над этой фразой можно было бы просто посмеяться, сочтя её шуткой, но она была сказана всерьёз. И сказал её великий физик Нильс Бор другому великому физику, Вернеру Гейзенбергу. С неё, с этой фразы, будет, возможно, отсчитываться новый этап в теории познания. Потому что в ней было впервые провозглашено, что представление о мире как об абсурде является одним из законных и даже необходимых способов познания мира.

Философия, и прежде всего тот её раздел, который называется гносеологией, или теорией познания, предлагает формулы, которые, с одной стороны, объясняют нам, какими способами мы пользуемся в процессе познания, а с другой — внушают нам эти способы. Одна из таких формул — только что приведённая цитата из Бора. Но механизм образования внутри нас модели окружающей действительности — а в эту действительность входят и люди — не исчерпывается утверждениями, сформулированными явно. Не менее важны воздействия косвенные. Среди источников таких воздействий почётное место принадлежит искусству и литературе. Подобно философии, они отчасти объясняют нам нас самих, а отчасти управляют нашими мыслями и поведением — но, в отличие от философии, объясняют и управляют, не объявляя своих целей, действуя скорее на подсознание, чем на сознание.

Если наука даёт модель мира в виде некоторых более или менее эксплицитных схем, то искусство и литература создают модель в виде художественных образов.

Опубликовано в альманахе: К востоку от солнца. — Вып. 3: Стихи и переводы. — Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2001. — 216 с. — на страницах 192—195 под названием «Предварительное слово к переводу „Охоты на Снарка“», данным редакцией альманаха. Сам перевод (Льюис Кэрролл. Охота на Снарка в восьми напастях / Перевод с английского Виктора Фета) опубликован в том же альманахе на непосредственно следующих страницах 196—214.

И коль скоро черты абсурдистского видения мира, проявившиеся в потребности сумасшедших теорий, проникли в высокую науку, неудивительно, что — начиная со сказок — эти черты прослеживаются и в литературе.

Признанным классиком литературы абсурда является Льюис Кэрролл. Его две знаменитые «Алисы»: «Алиса в стране чудес» и «Алиса в зазеркалье» — неоднократно издавались в русских переводах. Так что Кэрролл как прозаик хорошо известен русскоязычному читателю. Менее известен этому читателю Кэрролл как поэт — хотя обе «Алисы» полны замечательных стихов. Конечно, они присутствуют и в русских переводах, но воспринимаются как бы на втором плане, заслонённые прозаическим повествованием. Их содержание мало связано с основным сюжетом. К тому же они зачастую представляют собою пародийное обыгрывание стихотворений, знакомых каждому англичанину, — но, разумеется, отнюдь не каждому русскому. Поэтому в русских изданиях эти кэрролловские стихи зачастую не переводятся в обычном смысле этого слова, а заменяются совсем другими стихотворными текстами, в попытке создать у русскоязычного читателя тот же эффект, какой англоязычный читатель получает при чтении оригиналов. Борис Заходéр, справедливо назвавший своё переложение «Алисы в стране чудес» на русский язык не переводом, а пересказом, в конце пересказа признаётся: «...Лишний раз убедился, что переводить „Алису“ нельзя <...>. И пришлось мне написать совершенно другое стихотворение».

Вершиной поэтического творчества Кэрролла является его поэма «Охота на Снарка» (“The Hunting of the Snark”), датированная 1876 годом. На мой взгляд это ещё и одна из вершин мировой поэзии. Что есть поэзия, и в чём её цели — вряд ли всё это можно выразить ясным, исчерпывающим и убедительным образом. По крайней мере одна из целей состоит в том, чтобы на сравнительно коротком пространстве текста путём сочетания смысла и музыки слов оказать на читателя и слушателя максимальное эмоциональное воздействие. В поэме Кэрролла это достигается. Но как раз это обстоятельство делает задачу её перевода почти невыполнимой.

Трудности подстерегают переводчика уже в подзаголовке: «An agony in eight fits». Из знаменательных, то есть неслужебных, слов здесь не вызывает сомнений только слово «eight». Это, бесспорно, восемь. А вот «agony» может значить и ‘муки’, и ‘агония’, и ‘смертельная борьба’, и даже любой ‘взрыв эмоций’ (в частности, ‘взрыв смеха’). Слово «fit» означает ‘приступ’ (например, приступ энергии, но и приступ болезни), ‘припадок’, ‘пароксизм’, но также и ‘баллада’,

и 'часть баллады', и 'песнь как отдельное произведение', и 'песнь как часть поэтического произведения'. Так что же такое «Охота на Снарка» — агония в восьми припадках или же взрыв хохота в восьми песнях? Надо полагать, и то и другое. И признать, что любой перевод будет неточным, так как не сможет передать этой многозначности.

Но проблема перевода подзаголовка, при всей её важности, это всё-таки проблема частная. Как сохранить напряжённый ритм поэмы, переводя её строфа в строфу, — при том, что русские слова в среднем длиннее английских? Как сохранить её лёгкий, ироничный, парадоксальный тон? Имена всех действующих лиц в английском оригинале начинаются на букву «B» (вторую букву английского алфавита); муза перевода требует, чтобы в русской версии все имена начинались на букву «Б». В «Постскриптуме к русскому изданию» своей «Лолиты» Набоков — а он был едва ли не единственным писателем, свободно владевшим обоими языками — указывает на непреодолимые трудности, которые встречает попытка передать средствами русского языка такие особенности, как «столь свойственные английскому тонкие недоговорённости, поэзия мысли, мгновенная перекличка между отвлечённейшими понятиями, роение односложных эпитетов». И это — о переводе прозы, что уж тут говорить о переводе стихов, да ещё столь своеобразных, как стихи Кэрролла.

Долгое время я считал, что перевод «Охоты на Снарка» на русский язык вообще невозможен. Тем не менее переводы мало по малу стали появляться.

(1) 1981 год. В московском издательстве «Машиностроение» выходит, в переводе с английского, книга: Д. Геллер, Д. Фридман. «Структурное программирование на АПЛ». На её страницах встречаются отдельные фрагменты из кэрролловского «Снарка» в переводе М. С. Фанченко. Переводились ли только эти фрагменты, или же поэма переводилась целиком, оставалось неясным.

(2) 1991 год. Свой перевод отдельной книгой выпускает Григорий Кружков: Льюис Кэрролл. «Охота на Снарка: Агония в восьми воплях». Копирайт датирован 1990 годом, книга выходит в издательстве «Рукитис», местонахождение которого остаётся неясным (как и должно быть во всём, что связано со Снарком). В выходных данных указан тираж: 400 тысяч, а также цена: 13 рублей; не уверен, тем не менее, что эту книгу легко достать.

(3) 1992 год. Выходит чрезвычайно экстравагантно оформленная книга: Эдвард Лир, Льюис Кэрролл. Целый том чепухи (Английский классический юмор XIX века) / Пер. с англ., состав-

ление, предисловие и примечания Е. В. Клюева. — М.: Объединение «Всесоюзный молодёжный книжный центр», 1992. На её страницах 76—119 помещён перевод поэмы Кэрролла, причём сама поэма названа так: «Охота на Смарка: Агония в восьми приступах». Появление слова «Смарк» переводчик объясняет следующим образом: если английское «Snark» вызывает ассоциации со словами «shark», «snake» и т. д., то русское «Смарк» должно заставить вспомнить слова «мрак», «смрад», «насмарку» и т. д. В переводе вообще много необычных слов: *Бомцман* (потому что он делает «бом-бом» колоколом), *Бандид* и др. Направление исканий переводчика понятно, но всё же и в этих словах, и в замене Снарка на Смарка ощущается некий перебор. В этих приёмах, а также в полиграфическом оформлении поэмы — строфы набраны вкривь и вкось и шрифтом разного размера — видна некая ложная тенденция, а именно попытка перенести на поверхностный уровень те особенности поэтики Кэрролла, которые в исходном английском тексте расположены на уровне глубинном. ●●► Позже этот перевод Клюева был опубликован в книге: Клюев Е. В. Renуха: литература абсурда и абсурд литературы. — М.: Луч, 2004. — 384 с. Книга оформлена нормально, без вычурных претензий, но элементы экстравагантности сохраняются: в частности, найти поэму Кэррола в «Содержании» невозможно. Посему указываю страницы: 244—266. ◄●●

(4) Снова 1992 год. Новосибирская газета «Молодость Сибири», в № 11 от 8—14 марта и № 12 от 15—21 марта, помещает перевод Михаила Пухова: «Охота на Снарка: Погония в восьми приступах».

Теперь вниманию читателя предлагается перевод Виктора Яковлевича Фета: «Охота на Снарка: в Восьми Напастях». Слово «Agony», как видим, оставлено без перевода — можно полагать, по причинам, изложенным выше. Перевод этот ждал своего часа без малого двадцать лет: он был выполнен в 1982 году.

Из всех известных мне переводов перевод В. Я. Фета кажется самым лучшим. Чтобы не быть голословным, я приведу первую строфу поэмы сперва в оригинале, а потом во всех пяти переводах.

Подлинный Льюис Кэрролл (Lewis Carroll):

"Just the place for a Snark!" the Bellman cried,
  As he landed his crew with care;
Supporting each man on the top of the tide
  By a finger entwined in his hair.

В переводе М. С. Фанченко:

«Это место для Снарка» — Глашатай сказал
И команду на берег отправил,
И за волосы каждого пальцем он взял,
Через море доставив без правил.

В переводе Григория Кружкова:

«Вот где водится Снарк!» — возгласил Балабон,
Указав на вершину горы;
И матросов на берег вытаскивал он,
Их подтягивая за вихры.

В переводе Е. В. Клюева:

«Это логово Смарка!» — так вскричал
Старый *Бомцман*, швартуя бриг,
И пальцем извлёк из воды англичан,
Поддевая за волосы их.

В переводе Михаила Пухова:

«Вот где водится Снарк!» — закричал Благозвон,
Выгружая с любовью людей:
Чтоб не сбило волной, он поддерживал их
За власы пятернёю своей.

В переводе Виктора Фета:

«Здесь мы Снарка найдём!» — Барабанщик изрёк,
И, сказав это, он перенёс
Всех своих моряков с корабля на песок,
Нежно взяв их за пряди волос.

Для адекватного восприятия поэмы в целом (а также для правильного понимания поэтики Кэрролла) существенна картина, нарисованная в её первой строфе: руководитель экспедиции за волосы переносит свою команду с корабля на берег, причём делает это с нежностью. Наилучшим образом эту картину сумел передать Виктор Фет.

●●➤ Ещё один — уже шестой — перевод был опубликован в номере 1 за 2003 год журнала «Мир Культуры» — «ежеквартального научно-образовательного методического журнала», как это издание

себя аттестует. Сообщается, что журнал выпускается Институтом Современного Искусства[1]. Автор перевода тот же — Виктор Фет, но перевод другой. Напасти остались напастями, но Барабанщик превратился в Боцмана (что, пожалуй, неплохо). Приведу первую строфу:

«Здесь мы Снарка отыщем!» — так Боцман изрёк
И команду свою перенёс
Через пенный прибой на прибрежный песок,
⟨Строка улучшилась: появился «прибой» как перевод для «tide». — *В. У.*⟩
Ухвативши за пряди волос.
⟨Строка ухудшилась: пропала «нежность». — *В. У.*⟩ ◀●●

[1] ИСИ — созданное в 1992 году негосударственное учебное заведение.

Ключи и отмычки: очередная попытка понять Достоевского

Рецензия на книгу: Ася Пекуровская. Страсти по Достоевскому: Механизмы желаний сочинителя. — М.: НЛО, 2004

Черчилль сказал о России, что она есть окутанная тайной загадка внутри чего-то непостижимого («Russia is a riddle wrapped in a mystery inside an enigma»). Можно предполагать, что в самом центре этих тайн и загадок, наподобие иголки Кащея Бессмертного, находится русская душа, а где-то рядом её исследователи: Гоголь и Достоевский. В свете наблюдения Черчилля все три объекта: русская душа, Гоголь и Достоевский — таинственны, загадочны и слабопостижимы.

Первым исследователем русской души — а возможно, и души вообще — был Гоголь. В своей «Страшной мести» он написал: «Бедная Катерина! Она многого не знает из того, что знает душа её». Мы видим, что ещё в начале 30-х годов XIX века Гоголем было предвосхищено учение Фрейда о подсознании.

А через пятнадцать лет состоялось — как это было возвещено Некрасовым Белинскому — явление нового Гоголя, и этим новым Гоголем был Достоевский.

Существенная разница между Гоголем и Достоевским состоит в том, что Гоголь не переводим на другие языки. Достоевский переводим, и именно поэтому для западного читателя он — главный толкователь загадочной русской души, её полпред и пропагандист. Роман Давидович Тименчик рассказывал мне трогательную историю о западном человеке, вытолкнутом из бара в неуютную дождливую ночь. Что произнёс этот несчастный? «О Достоевский!». Известно, что основным мотивом, побуждающим американских студентов изучать русский язык, является желание читать Достоевского в подлиннике.

Не будем также забывать, что единственный памятник, поставленный у Российской государственной (бывшей Ленинской) библиотеки, — это памятник Достоевскому. Тем самым, Достоевский как бы объявляется лицом русской литературы. Полномочный представитель загадочной русской души не может сам не быть загадочным, и переводимость Достоевского не лишает его фактора загадочности.

Опубликовано в журнале: Знамя. — 2005. — № 3. — С. 226—228.

Думается, что книге о Достоевском также естественно быть хотя бы отчасти загадочной.

Посмотрим под этим углом на 600-страничную книгу Аси Пекуровской «Страсти по Достоевскому», изданную в качестве 43-го научного приложения к журналу «Новое литературное обозрение».

Если театр начинается с вешалки, то книга начинается с лицевой стороны обложки. Читатель встречается здесь с первой загадкой. Ибо помещённая на лицевой стороне абстрактная картина загадочна. Я был бы рад иметь возможность расспросить дизайнера обложки г-жу Т. Шантáр, что это за картина.

На самом деле картина не совсем абстрактная, скорее, полуабстрактная, потому что на фоне фигур действительно абстрактных изображены предметы вполне узнаваемые — ключи. Надо полагать, это ключи к Достоевскому.

Идём далее. Первая фраза книги — ещё в Предисловии — заканчивается знаком вопроса. Тем же знаком заканчивается заголовок первого раздела первой главы. Вообще, одна из характернейших особенностей книги — это нестандартное обилие в ней вопросительных предложений. Вероятно, так и надо подходить к загадкам. Полагаю, что ряд вопросов оставлен без ответа. Не считаю это недостатком. В математической среде традиционный комплимент таков: «Очень интересный доклад, оставил много нерешённых проблем».

Но это о стиле. Теперь о содержании, точнее, о цели. Эта цель, как указано на с. 13, заключается в «поиске скрытых пластов мысли (мотивов и желаний) Достоевского и его персонажей». Ася Пекуровская, если я правильно понял её позицию, придерживается убедительной гипотезы, согласно которой Фрейд отождествлял себя со своими пациентами, а Достоевский — со своими персонажами. Поэтому слова «и его персонажей» в формулировке цели исследования, возможно, могли бы быть опущены без ограничения объёма цели.

Философской основой заявленного поиска автор избирает фрейдистский психоанализ. Можно по-разному относиться к теории или теориям Фрейда: Набоков, как известно, относился довольно презрительно, Бродский же в своём «Письме в бутылке» признал, что Фрейд сумел «над речкой души перекинуть мост, / соединяющий пах и мозг». Как бы там ни было, нельзя отрицать, что именно Фрейд ввёл в науку ряд основополагающих понятий. Более того, он закрепил эти понятия терминами (такими как «подсознание», «вытеснение» и др.), и именно благодаря этому обстоятельству они оказались включёнными в повседневный язык современного гуманитарного дискурса.

Но фрейдистский психоанализ — это именно теоретическая основа, на которой Ася Пекуровская строит своё изложение. В практическом же плане её метод состоит, как она это объявляет, в чтении художественных произведений Достоевского, его переписки, дневников, статей, историй и т. д., а также литературы о его художественных произведениях, переписке, дневниках, статьях, историях и т. д., как если бы они составляли единый текст, своего рода мемуар.

Не скрою, что корректность объединения в едином мемуаре и сочинений писателя, и литературы о нём, вызывает у меня определённые сомнения. Но Ася Пекуровская написала свою книгу именно так, и это её право. К тому же избранный ею широкий метод параллельного исследования текстов Достоевского и текстов о Достоевском позволил ей продемонстрировать колоссальную эрудицию. Нет сомнений, что она прочла и осмыслила всего Достоевского. Но читатель не может отделаться и от впечатления, что она прочла также и всю литературу о нём и вокруг него.

Однако тут неизбежно возникает логический парадокс. Если и тексты Достоевского, и тексты о Достоевском трактовать как единое мемуарное пространство, тогда в это пространство должна быть включена и книга Аси Пекуровской. То есть сама эта книга должна быть подвергнута психоаналитическому исследованию в ней же самой. Дóлжно заметить, что автор не уклоняется от понимания этой непростой ситуации, вопрошая на странице 12: «Но каким образом в этот контекст могут быть вписаны мои собственные желания?».

Издательство «Новое литературное обозрение» тоже отозвалось на этот парадокс, дав два варианта подзаголовка. На лицевой и на задней сторонах обложки написано: «Механизмы желаний сочинителя». То же написано в выходных данных на обороте титула. Однако на авантитуле и в выходных данных на странице 602 вместо «Механизмы» стоит «Механизм» — в единственном числе. Можно предполагать, что механизм в единственном числе относится к достоевсковедению до выхода книги «Страсти по Достоевскому», а механизмы в числе множественном — к тому этапу достоевсковедения, который наступает после появления этой книги.

Высказанное предположение тем более справедливо, что исследование Аси Пекуровской займёт почётное место среди деконструкций таких механизмов. Задняя сторона обложки даёт графическую иллюстрацию этого ожидания: если на лицевой стороне ключей было два, то на задней стороне их число возрастает до четырёх. Кроме того, на задней стороне появляются изображения двух металлических стержней — предположительно, отмычек.

Прекрасный «Новый мир»[1]

Для меня, как и для многих других, «Новый мир» — самый главный из наших толстых журналов. И его голубая обложка — тоже самая главная. К сожалению, с некоторого времени я уже не подписываюсь на журнал: некуда ставить, а выбросить невозможно. Но до сих пор помню ту радость, с которой ещё в советские времена углядывал голубой цвет в дырочки почтового ящика, вынимал свежий номер и тут же, не отрываясь, начинал его читать. Вообще, основные впечатления идут от тех времён. Конечно, журнал вынужден был печатать и творения анонимных авторов, публикуемые под фамилией «Брежнев», но запомнился он не этим, а, скажем, рассказом «Хочу быть честным» Войновича или повестями Грековой. Такие вещи поднимали планку советской литературы прежде всего в нравственном, а, тем самым, и в политическом смысле. (Термин «советская литература» отражает здесь не мировоззрение авторов, а тот медицинский факт, что эта литература создавалась и издавалась на территории СССР.) Поистине революционное поднятие планки было осуществлено публикацией в 1962 году солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича». Эта публикация в какой-то степени изменила политический климат страны[2]. Говорили, что одна

Опубликовано в журнале: «Новый мир». — 2005. — № 2. — С. 204—205. (В составе подборки юбилейных текстов к 80-летию журнала, объединённых общим заголовком «Мысли в пути».)

1 В пьесе Шекспира «Буря» («The Tempest»), акт V, явл. 1, Миранда (MIRANDA, daughter to Prospero) произносит короткий монолог:

> MIRANDA. O, wonder! / How many goodly creatures are there here! / How beauteous mankind is! O brave new world, / That has such people in't!

Слова «O brave new world!» были использованы Олдосом Хаксли в названии его знаменитой антиутопии «Brave New World». Это название сперва (в 1935 году) переводилось на русский язык как «Прекрасный новый мир», а затем (в 1988 году и далее) — как «О дивный новый мир».

2 И не только нашей страны. ●●➤ Говорит постоянный (пожизненный) секретарь Французской академии Эле́н Карре́р д'Анко́сс (Hélène Carrère

из претензий, предъявленных Хрущёву свергнувшими его соратниками по партии, состояла в том, что он разрешил печатать «Ивана Денисовича». В шестидесятые годы роль «Нового мира» в смелом раздвигании границ дозволенного была уникальной. В романе Залыгина «На Иртыше» (1964), например, впервые появились намёки на то, что раскулачивание и коллективизация составляли вовсе не успешное движение к счастью и прогрессу, как нас тому учили в школах, а величайшую трагедию русской истории. Тенденция к раздвиганию границ сохранялась и впредь. Так, в 1987 году под псевдонимом Л. Попкова журнал опубликовал статью Ларисы Пиявшевой «Где пышнее пироги?», где едва ли не впервые в советской печати был зафиксирован факт (многими, впрочем, подозреваемый и до того), что пироги пышнее не при социалистической (как нас опять-таки учили), а при капиталистической экономике.

О дивный «Новый мир»! Именно на его страницах — при появлении на них «Одного дня Ивана Денисовича» и двух последующих рассказов того же автора («Матрёнин двор», «Случай на станции Кречетовка») — состоялось рождение Солженицына как русского классика. Взяв в руки новый номер, я надеялся найти в нём Астафьева и Искандера и находил не только их, но и — с радостным удивлением — неизвестных мне до того Каледина и Павлова (первого со «Смиренным кладбищем», второго — с «Казённой сказкой»). Хотелось бы надеяться, что журналу ещё выпадет напечатать прозу, не уступающую упомянутой.

Новое измерение чеченской темы дал мне очерк Задорнова «Фантазии сатирика». Написав эти слова, я решил его перечитать и стал искать в указателях содержания «Нового мира» — но почему-то не смог обнаружить ни в одном из годов. Истина явила себя не сразу: оказалось, что эта интересная статья была опубликована не в «Новом мире», а в «Октябре» (2001). Проще всего было бы списать свою ошибку на общий склероз и доктора Альцгеймера, но они составляют лишь одну из трёх причин. Вторая причина заключается в безмерном (и, как видим, некритическом) уважении

d'Encausse): «...Люди во Франции мало понимали, что делалось в СССР. <...> Несомненно, французская интеллигенция поддалась коммунистическому и советофильскому соблазну. До появления первой повести Александра Исаевича в начале 1960-х это мнение абсолютно не менялось, и вдруг — „Один день Ивана Денисовича“. Это было огромное потрясение. <...> Во Франции под влиянием Солженицына началась интеллектуальная революция» (Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918—2008 / Сост., подгот. текста и общ. ред. Л. И. Сараскиной. — М.: Русский путь, 2009. — С. 72—73). ◄••

к «Новому миру». А третья — в работе того всем известного механизма подсознания, который занимается выдаванием желаемого за действительное. Почему бы, в самом деле, «Новому миру» не дать обстоятельную статью или даже серию статей по проблеме Чечни? В ней (или в них) могло бы быть обсуждено, например, насколько совместны (или несовместны) две точки зрения, объявленные нашей властью в отношении её действий в Чечне: 1) это есть борьба с международным терроризмом; 2) это есть внутреннее дело России.

Другая актуальная тема для публицистического раздела журнала — это тема школьного образования. В обществе ведь нет не только единого, но, кажется, никакого мнения по самоважнейшему вопросу — чему вообще надо учить детей в школе, что должен знать и уметь человек, получающий аттестат о среднем образовании (и все ли должны его получать). «Война — слишком серьёзное дело, чтобы доверять его военным», — сказал не то Талейран, не то Клемансо. Вот и образование, охватывающее всё население страны поголовно, — слишком серьёзное дело, чтобы доверять его чиновникам от просвещения или даже членам Российской академии образования — этой наследницы недоброй памяти Академии педагогических наук.

Наибольшая слава «Нового мира» пришлась на советские годы. Это естественно, это легко объяснимо. Сомнительно, чтобы в наши дни художественная литература могла быть таким же властителем умов, как это было тогда. А вот яркая публицистика, не смогла ли бы она быть таким властителем?

Превратить предмет «литература» в предмет «литературное чтение»!

— Владимир Андреевич, Вы частый и желанный участник многих московских литературных вечеров и встреч. Как возникла у Вас, человека незаурядного математического таланта, тяга к гуманитарии? Зачем математику литература?

— А для удовольствия. Ответ даётся при условии, что слово «литература» в Вашем вопросе понимается как фонд литературных текстов. Ведь есть и другое, не менее распространённое значение этого слова: школьный предмет под названием «литература». Я так понимаю, что Вас интересует литература в этом втором понимании. А вот этот школьный предмет, напротив, не доставляет мне удовольствия. Но должен предупредить, что моё знание ситуации, скорее всего, устарело. Наиболее плотно я был с ней знаком во время моего собственного обучения в школе, которую я закончил в 1947 году, затем во время обучения моего сына, завершившегося в 1975 году, и гораздо менее близко от общения с современными школьниками и недавними школьниками.

Надо сказать, что у меня в школе была замечательная преподавательница литературы — Прасковья Андреевна Шевченко. Впоследствии она даже стала членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР, что вызывало у меня двойственные чувства. С одной стороны, это было мне приятно. С другой — акт официального признания со стороны властей порождал недоверие. Ведь я считал (и считаю) Академию педнаук организацией вредной. Хотя среди её членов были и достойные люди, в том числе мой учитель Андрей Николаевич Колмогоров — один из тех трёх российских исследователей (Ломоносов, Менделеев, Колмогоров), которых, как я считаю, можно назвать великими учёными (а не просто великими химиками, великими математиками и т. п.). Опасаюсь, что нынешняя Российская академия образования недалеко от неё ушла. Напомню

Опубликовано в газете (ныне журнале): Литература / Издательский дом «Первое сентября». — 2008. — № 14. — С. 44—47. Интервью взял Сергей Дмитренко.

знаменитую формулу: «Кто умеет, тот делает. Кто не умеет делать, тот учит, как делать. А кто не умеет учить, тот учит, как учить». Вот это и есть методисты в своём подавляющем большинстве. Если даже допустить положительную роль лучших из методистов, всё равно, их дело — учить тому, как преподавать, а не тому, что́ преподавать. Определять, что́ именно должен знать ученик при выходе из школы — это дело не методистов и даже не академиков от образования. Это дело всего общества. Мне возразят, что сказать так — это уйти от проблемы. Потому что нет механизма для того, чтобы общество что-то определяло. Согласен, но хотел бы уклониться от высокой политики, в данном случае — от обсуждения того, как в нашем государстве принимаются судьбоносные решения и законодательно отражается общественное мнение. Пока не могу предложить ничего лучшего, чем длительная, свободная и открытая дискуссия в прессе. Приведу один пример. Сорок с небольшим лет назад, в начале шестидесятых годов прошлого века, специалисты по русской орфографии предложили её реформировать. Идеи реформы, надо сказать, были во многом разумны — но разумны с чисто научной точки зрения: предложенная система была проще действующей. Например, высказанное А. А. Зализняком предложение писать слово *заяц* через *е* в виде *заец* избавляло русскую орфографию от беглой буквы я, только в этом слове и проявляющейся. Однако члены Орфографической комиссии Академии наук не осознавали, что сам вопрос об орфографической реформе — это вопрос не столько научный, сколько социальный. Реформа была остановлена в результате широкой дискуссии в прессе и, с моей точки зрения, правильно, что остановлена — хотя, повторяю, она была научно обоснованной (но обоснованной лишь с точки зрения лингвистики, а не социологии). Так вот, определение содержания школьного образования (не методов его донесения до учащихся, а его объёма) не есть монополия педагогов каких бы то ни было уровней — точно так же, как решение о претворении в жизнь изменений орфографии не есть монополия сколь угодно выдающихся специалистов по русскому языку.

Не могу вспомнить, чтобы я где-нибудь видел внятно сформулированные цели нашего школьного образования. Вместо этого вспоминаются где-то прочитанные мною цели школьного образования в Великобритании: сообщить учащемуся такой набор сведений и навыков, чтобы, пользуясь ими, он мог принимать решения по собственному усмотрению. Полагаю, например, что в число таких знаний и навыков должно непременно войти умение самостоятельно провести самый элементарный ремонт домашней сантехники и про-

стейшего электрооборудования (вилок, розеток и т. п.). А также умение грамотно — то есть долго и не уставая[1] — сидеть на корточках; хотя этот навык вряд ли нужен для принятия решений, но он чрезвычайно полезен, и я всегда завидую людям восточной культуры, обладающим этим навыком с детства. Разумеется, чисто практическими знаниями и навыками школьное образование ограничиваться не должно (к тому же, как известно, «нет ничего более практичного, чем хорошая теория»). В области литературы, скажем, обязательным должно быть знание главных произведений мировой литературы. Не берусь составлять список таких произведений, предоставляю это учителям литературы. Пользуюсь, кстати, случаем свидетельствовать своё уважение как учительской профессии, так и самим учителям. Полагаю, что многих из них следует назвать подвижниками. Только что я позволил себе употребить слово «знание» в применении к литературному произведению. Но что означает слово «знать» в этом случае? Вопрос непростой. Вспоминается разговор, состоявшийся у меня в 1977 году в Бухаре с первокурсником медресе. Бухарское медресе было тогда едва ли ни единственным в СССР; во всяком случае этот студент приехал из Дагестана. Конкурс измерялся сотнями на место, и одним из вступительных экзаменов было чтение Корана. «Вы знаете арабский?» — спросил я его с уважением. «Нет», — ответствовал он. Выяснилось, что на экзамене требовалось прочесть по книге вслух, и всё. «А понимать?» — наивно спросил я. Он посмотрел на меня с изумлением. «Мало кто может сказать, что он понимает Коран. Вот наш ректор, он хаджи, он, наверное, понимает. И в нашем медресе больше никто. А мы после семи лет обучения надеемся придти к началам понимания». Итак, на одном конце шкалы простое озвучивание текста, на другом — понимание. Где-то посредине лежит одна из составляющих того смысла, который я вложил в слово «знание». Другая составляющая — запоминание (хотя бы на какое-то время) дающее возможность вкратце этот текст пересказать. Итак, «знать текст» означает для школьника следующее. Учащийся должен уметь пересказывать текст и уметь без запинки прочесть вслух любой фрагмент текста. Надо понимать значения всех слов и синтаксических конструкций и знать, каковы персонажи и что с ними происходит, то есть, попросту, знать содержание. В основном для этого надлежит читать подлинный текст произведения, но в случае иноязычной литературы приходится к

[1] См. об этом в конце статьи «Субъективные заметки» в кн. 3 настоящего издания.

подлинным текстам относить и их переводы на русский язык. Но не всегда надлежит читать подлинный текст даже и в переводе. Я бы считал необходимым, например, чтобы выпускник школы знал содержание гомеровского эпоса, но «Илиада» и «Одиссея» трудны для понимания, и тут придётся ограничиться пересказами, не возбраняя, разумеется, заинтересовавшимся читать и переводы подлинников. Не знаю, кстати, включена ли в школьную программу античная мифология; её элементы я бы включил. Но не нужно требовать понимания столь глубокого, чтобы можно было говорить о так называемых «образах», социальном смысле и прочих премудростях. Это только вредно и вызывает у большинства лишь отторжение от произведения. Ещё раз: не надо требовать понимания на том уровне, на котором понимает профессиональный филолог, в частности учитель.

Вообще, от моих школьных ещё времён у меня (да и не только у меня) осталось ощущение, что главная цель нашей школы — привить ученику отвращение и даже ненависть ко всем предметам, которые в ней изучаются, какой бы предмет это ни был — математика, литература... Конечно, есть прирождённые математики и прирождённые гуманитарии, им ненависть к математике или литературе привить не удастся. Я говорю об остальных, о большинстве. Но ненависть к математике — это ещё не так страшно: те, кому нужна математика, например, для поступления в институт и дальнейшего в нём обучения, всё равно её выучат, преодолевая привитую ненависть. А вот если человеку привили отвращение к литературе, а литература вроде бы ни для чего не нужна, он с этим отвращением может так и прожить всю жизнь, если не приохотится к чтению (но какого рода литературу он будет читать, это ещё большой вопрос). Наверное, есть школы, где такого не происходит, где всё по-другому, и где, напротив, прививается любовь к изучаемым предметам. Я исхожу из личных воспоминаний, наблюдений и бесед. Я знаю, что сегодня многие уважаемые мною люди недовольны отменой экзамена по литературе. Оно и понятно: тем самым литература в школе низводится как бы на второстепенное положение. Но с другой стороны, всё, что нужно выучить школьнику для экзамена, только увеличивает отвращение. Поэтому если не считать целью школьного образования подготовку к выпускным и вступительным экзаменам (хотя боюсь, что многие школьники так эту цель и воспринимают), то отмена экзамена сама по себе не так уж и страшна. А сочинения, дающие возможность ученику высказать своё понимание произведения, пусть пишут желающие на факультативных, по выбору, занятиях (кажется,

теперь их называют элективными). Мне на выпускном экзамене довелось отвечать по теме «Образ Татьяны в „Евгении Онегине“'», после чего я не мог несколько лет взять роман в руки. Да, у нас была очень хорошая учительница, но она вынуждена была готовить нас к экзамену...

— Но литература в школе нужна?

— Это смотря какой смысл вкладывать в термин «литература». Позвольте вернуться к уже сказанному, потому что это важно. Есть два смысла. Первый смысл: корпус литературных текстов. Второй смысл: школьный предмет, под названием «литература». Нужность в школе литературы в первом смысле не вызывает у меня никаких сомнений. А вот обязательность литературы во втором смысле вызывает большие сомнения. Возможно, впрочем, что мои суждения следует признать анахроничными. С этим предупреждением продолжу. Повторю: у меня лично учитель был очень хороший. И при этом у меня именно со школьных лет осталось стойкое отвращение к преподаванию литературы в школе. С детства я любил читать, но классику для удовольствия, а не по обязанности начал читать лишь через годы. Сейчас вот внедряется ЕГЭ, но ещё недавно повсюду обязательным было вступительное сочинение. Хотя совершенно непонятно, почему для того, чтобы стать врачом, нужно разобрать на экзамене образы помещиков у Гоголя или ещё что-то. Нужно проверить грамотность — пусть пишут диктант. А то писание сочинения называется экзаменом по русскому языку и литературе, да ещё и с единой отметкой. Эта единая отметка вообще полный абсурд. Одно дело — уметь описать образ Татьяны, и другое — грамотно писать. С помощью бессмысленного наименования «русский язык и литература» литература как бы притворяется языком, а на самом деле — прячется за язык. Защитники выпускных и вступительных сочинений всегда демагогически прикрывались лозунгом «Мы должны готовить грамотных!». Здесь я ссылаюсь на личный опыт: в своё время по поручению ректора МГУ я занимался изучением сочинений поступавших (но не поступивших) на Химический факультет. Об этом я подробно написал в своих «Трудах по нематематике» (в статье «Химико-филологический конфликт»[2]). Слышал, впрочем, что единый экзамен с единой отметкой по уродливой дисциплине «русский язык и литература», как и разбор на уроках образа Татьяны, уже отменили. Если так, то слава Богу.

---

[2] См. кн. 5 настоящего издания; эта статья вывешена также в Интернете: `http://www.mccme.ru/edu/index.php?ikey=usp_63`. — *Примеч. ред.*

Сокращать число часов на литературу никак нельзя. Как же, на мой взгляд, надлежит их использовать. Во-первых, учить наизусть стихи. Во-вторых, приучать людей читать вслух прозу. В-третьих, задавать чтение на дом. В-четвёртых, отвечать на вопросы по прочитанному. Вот здесь надо чётко различать вопросы ученика к учителю и вопросы учителя к ученику. Ученик вправе спрашивать учителя всё, что ему вздумается. Вопросы же учителя должны быть регламентированы. Разумеется, если урок проходит в стиле задушевной беседы, то учитель может тоже спросить, что угодно, но при условии необязательности ответа и ясного понимания обеими сторонами, что ни ответ, ни его отсутствие никак не влияет на отметку. Речь идёт о регламентации ответов на вопросы, задаваемые в порядке учебного контроля (как ни грустно, такой контроль необходим). Если, скажем, требовалось прочитать «Мёртвые души», то не спрашивать, что там выразил Гоголь, тем более не называть Гоголя реалистом, потому что более нереалистического произведения в русской литературе, чем «Мёртвые души», трудно себе представить. Недаром Гоголь назвал его поэмой. Гениальное произведение, второго такого в русской литературе нет. Прочитал — нужно проверять, спрашивать, прочёл ли. Нужно проверять, понимает ли человек, что он прочёл. Но не требовать от школьника, чтобы он понимал, что хотел сказать писатель. Это вряд ли вообще кто-то может сказать. Но просто разобраться, что происходит фактически в произведении. Чтобы поняли, что там происходит. Спросить, кого раньше посетил Чичиков — Манилова или Коробочку; спросить, что такое «самое субдительное суперфлю». Не потому, что знание маршрута Чичикова или ноздрёвского фразеологизма столь существенно, а потому что это есть способ проконтролировать, сколь внимательно произведение было прочитано. Конечно, у подлинных произведений искусства, в том числе литературных, есть эмоциональное воздействие, но я бы не стал его ни навязывать, ни анализировать.

Вот так бы я преподавал литературу, если бы мне доверили. Но мне не доверяют и не доверят, и, наверное, правильно делают. Я не согласен, что главное место для обучения устной и письменной речи — это уроки литературы в том виде, как эти уроки происходят сейчас. Почему для обучения правильной речи обязательно нужно читать художественную литературу?! Почему ей нельзя учиться, описывая эту комнату? Или рассказывая о своём пути от дома до школы? Надо читать, например, речи выдающихся русских адвокатов. Это гораздо больше развивает русскую речь, чем Гоголь. Человек не будет говорить языком, которым написаны «Мёртвые души»... Ещё

раз повторяю: я решительно за чтение школьниками художественной литературы (возможно, даже в бóльших, нежели сейчас, объёмах). Я только выражаю сомнение в том, что это есть наилучший способ обучения правильной речи. В старых университетах, в гимназиях было, кажется, что-то вроде элоквенции и риторики, но это всё же другое... Конечно, с помощью этого языка, языка классики ученик облагораживает свою речь...

— Но всё же многие фразы из Гоголя, из тех же «Мёртвых душ», если их помнишь, можно вплести в речь, доказывая что-то или споря с кем-то...

— Понимаете, я как бы возражаю, но здесь нет единого решения. Просто своё красноречие есть и у Плевако, это развивает гораздо больше. Нужен отдельный предмет. Не знаю, как его точнее назвать — элоквенция, красноречие или ещё как-то — это пусть решают специалисты, но нужен отдельный предмет, который будет обучать грамотной устной речи... Пожалуй, вот возможное название: словесность.

— Но есть место литературы в школе...

— Место можно даже расширить. А учителю литературы предоставить больше свободы для того, чтобы на уроках, он мог, помимо обязательного минимального списка, выбрать те произведения, которые ему самому нравятся. Объём этой добавки должен, разумеется, быть регламентирован. Произведения из так образовавшегося списка ученик обязан прочесть. При этом ученику надо оставить достаточно времени для того, чтобы он мог читать и тó, чтó нравится ему. Но в обоих случаях речь идёт о том, чтобы читать. Не анализировать, а читать! И проверять прочитанное. Анализировать на литературоведческом уровне не нужно! Это-то и вызывает ненависть к литературе! Выпускнику не нужно знать, что такое сюжет и композиция... Мне возразят, что на том же основании не нужно знать и базовых понятий математики и естествознания. Отвечу, что на этих базовых понятиях — хорошо это или плохо — основана современная техногенная цивилизация. Что же касается базовых понятий литературоведения, то дело обстоит по-другому. Интересный сюжет и продуманная композиция способствуют тому, что литературный текст производит на читателя эмоциональное впечатление. Читатель получил такое впечатление, и ему нет нужды знать причины его возникновения. Более того, от познания таких механизмов литературное произведение может и потерять непосредственную эмоциональную силу. Механизмы интересно знать литературоведам. Им и оставим их исследование. Ведь анализ произведения приводит к его омертв-

лению. «Музыку я разъял как труп», — сказал пушкинский Сальери. Но тó, чтó хорошо для Сальери, плохо для слушателя музыки. Пусть препарированием трупов занимаются медики, поверкой гармонии алгеброй — музыковеды, а анализом литературных произведений — литературоведы. Задача же учителя литературы — сделать школьника читателем, а не литературоведом. Литературоведение — замечательная наука, и если школьник ею заинтересовался, то надо предоставить ему возможность её изучать (в кружках, на факультативах и т. п.). Но не нужно, чтобы поголовно все выпускники средней школы знали, чтó такое сюжет и композиция...

— Даже то, очень внятное и чёткое, которое предлагает Ваш брат, выдающийся филолог Борис Андреевич Успенский в книге «Поэтика композиции»?

— И это не нужно. Это нужно знать лишь тем, кто действительно хочет узнать это. Для чего в школе должны существовать элективные курсы, факультативы, литературоведческие кружки. Чтобы один выбрал палеонтологию и изучал динозавров, а другой — литературоведение... А вот устной и письменной речи нужно учить всех! Вот пример. Самые умные из современных духовных лиц, священников, категорически против введения обязательного предмета по религиозному образованию. Они как люди верующие исходят из того, что и я, говорящий о предмете «литература»: это способ возбудить ненависть к изучаемому предмету, в данном случае — к религии. Самый лучший способ возбудить ненависть к религии — насильно вбивать её в школьников. Ввиду важности, повторяю. На уроках литературы нужно учить читать. Учить наизусть стихотворения. Работать с произведениями, которые близки учителю, а не только Министерству образования. Одному нравится Толстой, другому — Булгаков. И прекрасно! Должен быть небольшой список обязательных текстов, минимум, а остальное добавить своё.

— Но этим Вы налагаете на учителя особую ответственность, её, полагаю, не всякий и не всякая захотят взять... Ведь проще — но не значит, что плохо — работать, как говорится, по программе...

— Всё, что Вы сказали, совершенно справедливо. Всё же позволю себе робко предположить, что наличие у учителя ответственности составляет неотъемлемую характеристику его профессии, как, впрочем, и всякой другой. А что до простоты (которая, как все знают, хуже воровства), то ещё проще и программу проходить не полностью или, если бояться контроля, пройти её совершенно поверхностно, но так, чтобы формально нельзя было придраться. Без ответственности

никак не обойтись. Ведь надо отдавать себе отчёт в следующем: драма, скажем, Анны Карениной современными молодыми людьми, с их свободой нравов, воспринимается совсем не так, как читателями позапрошлого века. И было бы безответственно со стороны учителя не обсудить с учениками на этом примере вопрос об исторической относительности общественных нравов. Возможно, в школе должен быть курс «История русской культуры», где будет рассказано об историческом развитии нашей великой литературы. А может быть, об этом надо говорить в курсе истории. Но здесь надо принять во внимание, что курс истории у нас, как правило, политизируется в угоду сиюминутным идеологическим соображениям. Кстати, сейчас и история литературы, да и просто история преподаются в совершенно неправильном порядке. Начинают со «Слова о полку Игореве», с истории Древнего Египта... Детям очень трудно понять, как был устроен древний мир. Преподавание должно идти в обратном порядке, от знакомого к незнакомому. «Слово...» написано на языке, который школьники понять не могут. Они читают перевод. Родную литературу начинают изучать с перевода! А переводы «Слова» разные. И с разными толкованиями сложных мест. Надо начинать с чего-то понятного. Нужно ещё выяснить, что такое история литературы. Ведь на школьном уровне никакой истории литературы нет: есть последовательность писателей. Университетский курс есть, в школе — нет, чистая профанация. Стоило бы вообще отменить предмет «литература». Есть в начальных классах предмет «литературное чтение», он должен быть продолжен и в средней школе. Не обязательно только русская литература, но и переводная. Говорят, что переводная литература присутствует теперь в школьной программе в достаточном объёме. И слава Богу; в моё время её не было (вот Вам ещё одно доказательство устарелости моих взглядов). Должен быть рекомендательный список для чтения. А к литературному чтению прибавить элоквенцию или красноречие. Хотя эти термины и неточно передают то, что я имею в виду. Они означают ораторское искусство, умение говорить красиво. А я имею в виду не умение говорить красиво, а умение говорить, да и писать также, прежде всего, ясно; неплохо бы и логично. Может быть, это и есть словесность? Не исключено, конечно, что школьный предмет, специально посвящённый обучению устной и письменной речи, будет дискредитирован плохим преподаванием. Но так ведь можно сказать о любом предмете.

— В логотипе нашей газеты обозначен её адрес: «...для учителей словесности». Мы тоже понимаем проблемы лите-

ратуры, о которых Вы говорите, но вот в Вашей статье говорится о математике «как части духовной культуры». Я не люблю это слово, оно совершенно опошлено вчерашними партфункционерами, ставшими ревнителями православия, но всё же, если вернуться к истокам слов, и литература — часть духовной культуры. И кроме школы, в систематизированном виде большинство выпускников нигде о ней узнать не сможет.

— Я тоже и по тем же причинам не люблю слово «духовный», но ничего лучшего для обозначения этой стороны культуры не нашёл. Литература как свод сочинений различных авторов — это, безусловно, часть духовной культуры. Композиция, сюжет, труды Бахтина, Аверинцева, моего брата — это тоже часть духовной культуры, но не литературы, а литературоведения. И эта часть для средней школы необязательна.

— Но термины «сюжет» и «композиция» свободно обращаются в речи, они в тезаурусе времени...

— Многие слова входят в речь людей, но люди обходятся без научного их определения. В науке всегда сложности с основными понятиями. Все знают слово «число», но понятие, скажем, целого числа не находит исчерпывающего определения даже в математике. Пусть математики, литературоведы спорят о своих понятиях, очень интересно, но в школе это не нужно. Точнее, нужно только на элективных курсах. Поэты, как правило, начинали со стихов, а уже потом изучали стиховедческие трактаты. Я хочу изгнать науку литературоведения из школы, точнее из обязательной части школьного образования. Прогрессивный проект реформы школьного математического образования, задуманный гениальным Колмогоровым, потерпел неудачу. А почему? А потому что учителя в своей массе его не восприняли. А это почему? А потому, что любые идеи, как и что́ преподавать в школе, должны быть таковы, чтобы можно было эти идеи легко внедрить в корпус учителей. Литературоведение нельзя легко внедрить в корпус учителей. (Признаю, что это же можно было бы сказать и о предмете под условным названием «элоквенция».) Надо исходить из реальности, из того, что учитель — это массовая профессия. Невозможно им всем, десяткам тысяч одновременно проникнуться идеями научного литературоведения. А идеями литературного чтения могут проникнуться все. Плохо, что в педагогических институтах будущим учителям вбивают в голову как раз литературоведческие идеи как основу литературного образования школьников.

Программы пединститутов (и не только в области литературы!) — это отдельная важная и болезненная тема. Мне кажется, что любую реформу образовательных программ надо начинать не со средней школы, а с педагогических институтов. Потому что любое решительное изменение программы и способов обучения по какому угодно предмету не найдёт поддержки и даже наткнётся на сопротивление учительского сообщества, привыкшего к старым программам и старым методам. Справедливость сказанного подтверждена неудачным опытом попыток реформировать школьное математическое образование, о чём я только что говорил.

В заключение хотел бы поделиться следующим соображением, отчасти обесценивающим многое из ранее мною сказанного. Все проекты и предложения обычно бывают рассчитаны на некоторых идеальных исполнителей, в данном случае — на идеализированное преподавание, будь то в школах или пединститутах. Вроде бы считается, что развитием речи должны заниматься учителя всех предметов, на всех уроках. Не утопично ли предполагать, что такое происходит надлежащим образом? Но ведь возможность хорошего преподавания истории культуры, хорошего преподавания словесности, она же элоквенция, скорее всего столь же утопична. Да и любого предмета. Разумеется, речь идёт о массовом преподавании. Преодолеть суровую реальность — это вообще дело не простое. Как это сделать, я не знаю. И даже не знаю, можно ли её преодолеть. Но полагаю, что стремиться к преодолению всё равно необходимо. Полагаю также, что можно даже как-то использовать саму эту противодействующую реальность. Говорят ведь, что основная идея восточных единоборств состоит в том, чтобы использовать в своих интересах силу, вложенную противником в его нападение. На ум приходит вот какая аналогия, очень, признаться, отдалённая. Самой старой и, следовательно, самой устойчивой конституцией в мире является американская конституция, созданная джентльменами в панталонах до колен и шёлковых чулках. Где-то я прочёл, что устойчивость её и созданного ею строя объясняется тем, что её создатели не исходили из предположения, что люди во властных структурах будут ангелами во плоти, а, напротив, допускали, что они могут оказаться и негодяями.

Речь при вручении Тимуру Кибирову премии «Поэт»

Прежде всего я хочу поблагодарить устроителей этого торжества, за то, что они дали мне возможность в присутствии большого числа свидетелей высказать в лицо Тимуру Кибирову, что я о нём думаю. А думаю я, что он великий русский поэт. Беру пример с первого министра из пьесы Шварца «Голый король» и говорю так: «Уж Вы простите меня, старика, Тимур Юрьевич, извините за прямоту, за откровенность, за резкость даже некоторую, но скажу Вам прямо, грубо, по-стариковски: Вы великий поэт». Несколько лет назад, в рамках телесерии «Экология литературы», был создан фильм о Кибирове. Мне предложили в нём участвовать. Я согласился при условии, что мне дадут сказать, что Кибиров — великий поэт. Формально условие не было нарушено, мне сказать дали, но при монтаже эти мои слова вырезали.

Если же говорить о поздравлениях, то прежде всего я поздравляю Общество поощрения русской поэзии, поощрившее своей премией великого русского поэта.

Если же поздравлять лауреата, то таким поздравлением может служить опять же благодарность, но на этот раз самому лауреату. Я благодарен Кибирову за то, что его стихи дали мне сильные эмоции, включая восторг. (На этом можно было бы и остановиться. Вызывать эмоции и восторг — не это ли одно из главных предназначений поэзии, а может быть, и самое главное?)

Редко когда я испытывал чувства такой силы при чтении стихов, как при чтении стихов Кибирова. Совершеннейший восторг охватил меня при знакомстве с первым же сочинением Кибирова,

---

Ранее не публиковалось. Премия «Поэт», присуждённая Тимуру Кибирову Обществом поощрения русской поэзии, была вручена ему 22 мая 2008 года на церемонии, состоявшейся в московском Театре на Малой Бронной. Отчёты об этом событии можно увидеть в Интернете: `http://www.openspace.ru/literature/projects/73/details/1035` (автор отчёта Николай Дмитриевич Александров) и `http://www.izbrannoe.ru/36886.html` (автор отчёта Ирина Денисовна Драгунская). Оба сайта посещены 10 августа 2011 года.

мною прочитанным. Это было летом 1989 года, я находился в Юрмале. В киоске я купил русскоязычную газету «Атмода», издававшуюся Латвийским народным фронтом. И там прочёл «Послание Л. С. Рубинштейну». И понял, что никогда ничего подобного я не читал. И удивился, как такое вообще могло быть напечатано. Впоследствии я узнал, что удивился не только я, но и те, кому следует, и на автора обрушилась газета «Правда». Через какое-то время в частном доме мне указали на Льва Семёновича, и я почтительно заговорил с ним как с адресатом знаменитого послания. И был потрясён, когда он сказал мне, что в той же квартире находится и автор, потрясён тем, что нахожусь рядом с самим Кибировым.

Эмоциональные встряски, связанные со стихами Кибирова, продолжались и продолжаются. Одной из сравнительно недавних таких встрясок был кибировский «Кара-барас!». Кара-барас, как известно, это то, что вскричал Мойдодыр, когда ударил в медный таз. Кибиров заменяет Мойдодыра не кем-нибудь, а Логосом. Мойдодыр грозит лирическому герою окунуть его с головою в Мойку, Логос — в бездну. Словом «пузатый» у Чуковского обозначается самовар, у Кибирова — Честертон. Мчатся у Кибирова не «утюги за сапогами, <...> кочерга за кушаком», как у Чуковского, а «гностицизм за соллипсизмом, <...> Деррида за М. Фуко». Глагол «умываться» заменяется глаголом «умиляться». И замечательный финал:

Подымайте
медный таз!
С нами Бог! Кара-барас!

Получается и смешно, и философски глубоко. Как и должно быть. Потому что философия и ирония отнюдь не противоположны, во всяком случае не должны быть противоположны. Кибиров вообще многопланов и многожанров. Один из его жанров — это философская лирика под маской насмешливости. Я бы сравнил это с тем, как Умберто Эко свой философский роман «Имя розы» замаскировал под видом романа детективного.

А если нужно, то Кибиров создаёт и прекрасные фрагменты пейзажной лирики. Но опять-таки не без элементов насмешливости:

Нелепо сгорбившись, застыв с лицом печальным,
овчарка какает. А лес как бы хрустальным
сияньем озарён.

Для меня это из лучших строк пейзажной лирики в русской поэзии. И за это спасибо.

Я благодарен Кибирову за то, что он создаёт тот звук, на который душа резонирует в соответствии с известными строками Блока: «И, покорна щемящему звуку, молодеет душа». Для создания этого вызывающего резонанс звука он использует присущие читателю воспоминания детства и юности, будь эти воспоминания классическим текстом «Мойдодыра» или маминими духами — «„Красной Москвой“ (той, на крышечке с кисточкой)». Я благодарен Кибирову за то, что в этом звуке участвуют многочисленные аллюзии на предметы запечатлённого в моей памяти быта. Этому быту принадлежат не только предметы косметики, но и, скажем, «Зыкина в каждом окне» из недавнего прошлого и то, что «Чук и Гек летят на Марс на помощь Аэлите» и «силомером развлекались тенисски и кителя» из прошлого более давнего. Этому быту принадлежат и многочисленные цитаты, отчего отдельные строфы выглядят почти как центон. Ведь быту принадлежат не только материальные предметы, но и окружающие нас письменные и устные тексты. Они не в меньшей степени, чем предметы, образуют тот неизбежный фон, на котором воспринимаются новые стихи. Никто так искусно не включает этот семиотический фон в свой поэтический арсенал, как Кибиров. Именно поэтому его стихи пронизаны прямыми или косвенными цитатами из этого фона.

Создаётся впечатление, что Кибировым руководит «Всесильный бог деталей, всесильный бог любви» к ним. Говорят, что именно Хайдеггер придумал клише «невыносимая лёгкость бытия». Кибиров же отразил *невыносимое единство бытия*. Это единство предполагает, что всё, включая, как учил Чехов, осколок бутылочного стекла, может служить предметом поэтического внимания. А нередко и поэтической радости. Чтó демонстрирует «Послание художнику Семёну Файбисовичу». Вот несколько строк из начала:

В уксусной жижице, в мутной водице,
в юшке пельменной, в стакане твоём
всё отражается, всё золотится...
Ах, эти лица... А там, за стеклом,
улица движется, дышит столица.
Ах, эти лица,
ах, эти лица,
кроличьи шапки, петлички с гербом.

Солнце февральское, злая кассирша,
Для фортепьяно с оркестром концерт
из репродуктора. Длинный и рыжий
ищет свободного места студент.

Как нерешительно он застывает
с синим подносом и щурит глаза.
Вот его толстая тётка толкает,
Вот он компот на неё проливает.
Солнце сияет. Моцарт играет.
Чистая радость, златая слеза.
Счастьице наше, коза-дереза.

Грязная бабушка грязною тряпкой
столик протёрла. Давай, доливай.

А в конце послания — эстетическая программа:

В общем-то нам ничего и не надо,
В общем-то нам ничего и не надо!
В общем-то нам ничего и не надо —
только бы, Господи, запечатлеть
свет этот мертвенный над автострадой,
куст бузины за оградой детсада,
трёх алкашей над речною прохладой,
белый бюстгальтер, губную помаду
и победить таким образом Смерть.

Прибегая, вслед за Кибировым, к цитатам, «низко кланяюсь ему».

Послесловие от апреля 2012 года

Упомянутый в подстрочном примечании на с. 533 отчёт о церемонии 22 мая 2008 года его автор Н. Д. Александров заканчивает словами: «И вот что забавно — ни Кушнера, ни Николаеву, ни Чухонцева никто даже в шутку великими русскими поэтами не называл». Александров последовательно перечислил лауреатов премии «Поэт» 2005, 2006 и 2007 годов.

Заимствуя у Александрова слово «забавно», скажу, что моё объявление Кибирова великим поэтом имело забавное последствие. На фуршете 12 июня того же 2008 года я стоял в небольшой очереди к столу, где наливали виски марки «Джонни Уокер Ред Лейбл», своей убогостью резко контрастирующей с уровнем закусок. Незнакомая дама, стоявшая за моей спиной, обратилась ко мне с вопросом: «Это правда, что Вы назвали Кибирова великим поэтом?». Я отвечал, что это правда. «Но почему?». — «Потому что я считаю его великим русским поэтом». — «Но ведь есть поэты, которых с гораздо бóльшим основанием можно назвать великими». — «Кто, например?». — «Кублановский». Я возразил, что Кублановский поэт неплохой, но не великий. Тут я решился спросить у моей собеседницы, кто она такая. Имя своё она не назвала, но сказала, что состоит заместителем директора по научной работе в Музее-усадьбе Василия Поленова.

Осенью 2008 года в некой компании зашёл разговор о том, кому следует дать премию «Поэт» в следующий раз. Все закричали (оба слова содержат преувеличение), что просто необходимо дать Гандлевскому. Сам Гандлевский присутствовал. Однако я набрался смелости и сказал, что Гандлевскому, конечно, дать премию следует, но через раз, а в ближайший раз надо дать её Льву Лосеву. Лосева, наследника ходасевичской линии в русской поэзии, я уважаю как поэта чрезвычайно и ставлю на второе место, сразу после Кибирова. Забегая вперёд, скажу, что Лосев умер 6 мая 2009 года, и премию ему не дали. Хотя статут премии «Поэт» запрещает присуждать её посмертно, на момент принятия решения Лосев был ещё жив, так что теоретически мог бы премию и получить; премию 25 мая 2009 года вручили Инне Лиснянской. Сергей Гандлевский получил свою законную премию в 2010 году. Вернусь, однако, к вечеру осени 2008 года. Коль скоро защёл разговор о премии «Поэт», мне показалось уместным рассказать случай на фуршете. «Так это же Наташка Поленова, — прореагировал на мой рассказ сидящий на подоконнике Гандлевский, причём сказал это с некоторым возбуждением, природа которого тут же прояснилась. — Она жена Кублановского».

Когда вся эта история была рассказана моему брату Борису Успенскому, он повернулся к своей жене и сказал: «Учись».

Выступление на годовщине памяти Солженицына

На панихиде пели «Вечную память». Я совершенно убеждён, что память об Александре Исаевиче действительно будет вечной, настолько, насколько это вообще возможно в условиях земной цивилизации. Я хотел бы обратить внимание присутствующих на то, что уже состоялось в память об А. И. за прошедший год. Замечательно, что дело Солженицына продолжается. Была в конце прошлого 2008 года замечательная научная конференция, приуроченная к его 90-летию. Эта конференция была задумана, когда он ещё был жив, и предполагалось, что он сам если и не будет лично присутствовать, то во, всяком случае, будет заочным участником этой конференции. Конференция, тем не менее, состоялась и была чрезвычайно интересной. Я узнал две поразительные вещи. Первое. Там выступала Элен Каррер д'Анкосс, постоянный секретарь Французской Академии наук, прекрасно говорившая по-русски. Она рассказала, что, когда вышел «Один день Ивана Денисовича», левая интеллигенция Франции (насколько я понимаю, Александр Исаевич всегда скептически относился к так называемой левой европейской интеллигенции) ужаснулась и отшатнулась от коммунизма. Это был первый удар. А потом, когда вышел «Архипелаг ГУЛАГ», фактически прекратила своё существование в качестве одной из ведущих политических партий Франции Французская коммунистическая партия. Может быть, этого уже никто не помнит, но у Мориса Тореза, главы Французской компартии, в СССР, в сталинские годы, был такой титул — «вождь французского народа». Пальмиро Тольятти был «вождём итальянского народа», а, скажем, генеральные секретари американской и английской компартий были «вождями американского и (соответственно) английского прогрессивного рабочего класса». Так вот, вся эта чепуха перестала существовать. Коммунистическая партия рухнула.

Опубликовано в сборнике: Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918—2008 / Сост., подгот. текста и общ. ред. Л. И. Сараскиной. — М.: Русский путь, 2009. — С. 457—459.

Я узнал, что в России ведётся интенсивная работа по изучению наследия Александра Исаевича Солженицына в школах. На конференции распространялся замечательный журнал «Источниковедение в школе», который сделали в Новосибирске. Его подготовил протоиерей Борис Пивоваров. Замечательный номер, посвящённый тому, как нужно изучать Солженицына в школе.

Литературная премия Александра Солженицына продолжает присуждаться. Жюри работает, в него вошёл Виктор Александрович Москвин. В 2008 году премия присуждена посмертно Виктору Астафьеву. Лучшей кандидатуры, на мой взгляд, просто нельзя было найти. Это замечательное решение жюри.

Продолжается работа над 30-томным Собранием сочинений. Вышли два тома, завершившие публикацию «Красного Колеса».

Мы узнали из интервью Наталии Дмитриевны, что наша власть придаёт огромное значение изучению Солженицына в школе. Изучению и пропаганде, хотя против слова «пропаганда», насколько известно из прессы, Наталия Дмитриевна возражала. Но ещё раз повторяю, предложение изучать Солженицына в школе идёт сверху, и, надо думать, это действительно будет реализовано. Кстати, Наталия Дмитриевна чрезвычайно трогательно защищала школу от «излишнего» насаждения Солженицына. Она говорила: во-первых, не надо ничего пропагандировать и насильно внедрять, во-вторых, это что же, мы дадим часы на Солженицына и урежем Некрасова?

Я думаю, присутствующие понимают, что всеми свершениями прошедшего года мы обязаны Наталии Дмитриевне, хранительнице наследия, верной соратнице Александра Исаевича.

Колмогоров и филологические науки

Сперва — два комментария к заголовку.

Филологию нередко противопоставляют лингвистике, и нельзя отрицать целесообразность такого противопоставления в отдельных случаях. Однако в заголовке настоящей статьи прилагательное «филологический» понимается в том же широком значении, как в номенклатуре учёных степеней и в названии Филологического факультета МГУ.

Чтобы иметь самое беглое представление о том, кто такой Колмогоров, достаточно знать, что среди многочисленных мемориальных досок на стенах Московского университета только на колмогоровской написано «великий учёный». Не встречается на других досках и слово «великий». И действительно, Андрей Николаевич Колмогоров (25(12).04.1903—20.10.1987) — это не только великий математик, один из крупнейших математиков XX века (а в какие-то годы, возможно, и самый крупный), но и великий учёный. Пушкин и Лермонтов — великие поэты, но Крылова, при всей несомненности его величия, назвать великим поэтом неудобно. Крылов — великий баснописец, Лобачевский — великий геометр, Павлов — великий физиолог; а Ломоносов, Менделеев, Колмогоров — великие учёные.

Теперь — комментарий к содержанию. Настоящий очерк по необходимости краток. За деталями отсылаю читателя к вышедшему в 2002 году моему двухтомнику «Труды по нематематике с приложением семиотических посланий А. Н. Колмогорова к автору и его друзьям» (сокращённо *TnH*), прежде всего к статьям «К определению падежа по Колмогорову»[1] и «Предварение... к „Семиотическим

Опубликовано в журнале: Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 2009. — № 6. — С. 11—20. ●●▶ Статья представляет собой изложение одноимённого доклада, сделанного автором 27 марта 2009 года на круглом столе «Математика и филология», состоявшемся на Филологическом факультете Московского университета. ◀●●

[1] См. кн. 3 настоящего издания. — *Примеч. ред.*

посланиям“...»[2]; из самих семиотических посланий к стиховедческим можно отнести Первое и, отчасти, Второе.

* * *

Вклад Колмогорова в филологические науки можно условно разделить на три компонента. Первый компонент состоит в его исследованиях в области лингвистики и теории стиха. Второй — в организационной поддержке новых направлений в филологии. Третий — это участие в создании той благоприятной атмосферы в обществе и в науке, без которой развитие указанных направлений было бы затруднено.

Организационный компонент менее известен, а потому с него и начну.

Пятидесятые годы прошедшего века. 19 мая 1959 года ректор МГУ Иван Георгиевич Петровский созывает совещание. На повестке — открытие на Филологическом факультете новой специальности, после непростых дебатов получившей наименование «Теоретическая и прикладная лингвистика». Участвовавший в совещании Колмогоров решительно поддержал новое начинание и даже предложил создать при Филологическом факультете смешанные группы из студентов этого факультета и Мехмата, дав им шесть лет обучения. Столь же решительно он поддержал предложение об обучении студентов-лингвистов математике — причём всех лингвистов, а не только «теоретических и прикладных». Хотя оба эти предложения оказались слишком впереди времени, чтобы быть полностью осуществлёнными, всё же обучение математике студентов названной специальности происходит (хотя и в объёме, сильно уменьшившемся по сравнению с первыми годами), а студентов Мехмата теперь можно заметить на лекциях и семинарах Филологического факультета, что лет двадцать назад выглядело немыслимым.

В шестидесятых и семидесятых годах Колмогоров персонально поддержал двух выдающихся выпускников (и даже однокурсников) Филологического факультета — великого лингвиста Андрея Анатольевича Зализняка и великого филолога Михаила Леоновича Гаспарова. В случае Зализняка поддержка была особенно значимой.

Дело в том, что весной 1965 года Зализняк представил в Институт славяноведения Академии наук, где он работал тогда и работает сейчас, кандидатскую диссертацию на тему «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка», явившуюся

[2] В этой книге с. 54—206. — *Примеч. ред.*

совершенно новым словом не только в русистике, но и в лингвистике вообще. Стало ясно, что она более чем достойна докторской степени. К сожалению, это было ясно не всем. События развивались чрезвычайно драматично и могли бы стать темой увлекательного романа. Заседание Учёного совета, начавшееся 31 марта при большом наплыве публики, ещё до выступления диссертанта было отложено на неопределённый срок. После чего Зализняка стали призывать на военную службу как полиглота, а Институт славяноведения решил вовсе не рассматривать его диссертацию, причём аргументация была вполне разумной: если диссертация такая замечательная, пусть она защищается в одном из языковедческих институтов. Но обстановка в советском языкознании тогда была такова, что и в Институте русского языка, и в Институте языкознания её провалили бы с треском. О ситуации было рассказано Колмогорову. На моих глазах он написал на пишущей машинке письмо в Учёный совет Института славяноведения. Приведу из него две знаменательные выдержки. Первая: «...Работа <...>, представленная А. А. Зализняком в качестве кандидатской диссертации, <...> должна занять выдающееся место не только в русском, но и в общем языкознании, так как, насколько мне известно, ни в отечественной, ни в зарубежной литературе исчерпывающему формальному исследованию современными в смысле логических приёмов методами не подвергался столь большой массив фактов». Это совершенно верно, но откуда бы это знать Колмогорову? Ответ: Колмогоров знал всё. Вторая выдержка: «Судя по отзывам оппонентов, фактическая состоятельность проведённого анализа не вызывает сомнения». Почему упомянуты отзывы оппонентов? Ответ: из чувства ответственности, потому что за свою оценку состояния мирового языкознания Колмогоров отвечать готов, а вот за соответствие построений диссертации реальным фактам языка пусть отвечают оппоненты. Отзыв Колмогорова явился одним из тех факторов, кои способствовали успеху предприятия. Отложенное заседание совета состоялось 26 мая 1965 года, и уже 19 июня пленум ВАКа присудил Зализняку докторскую степень. Наличие у Зализняка этой степени было весьма существенным для последующего развития лингвистики в нашей стране.

Что касается Гаспарова, то когда он в 1977 году представил в Институт мировой литературы в качестве докторской диссертации свою монографию «Современный русский стих. Метрика и ритмика» (М., 1974), Колмогоров выступил в качестве одного из официальных оппонентов. Статьи Гаспарова Колмогоров читал и раньше, о чём свидетельствуют слова самого Гаспарова из его письма от 8.07.1997

к автору этих строк: «Он указал мне на вопиющую неправильность одного расчёта в статье о стихе Маяковского; в книге 1974 года я её исправил».

Перехожу к исследовательскому компоненту вклада Колмогорова. Буду говорить о том, чему мне посчастливилось быть свидетелем.

В 1956 году Вячеслав Всеволодович Иванов и я решили учредить на Филологическом факультете семинар по применению в лингвистике математических методов. Перед первым занятием семинара, которое состоялось 24 сентября, я пришёл к Колмогорову за советом, с чего начать. Он рекомендовал начать с задач, а именно предложить участникам семинара две задачи на определение понятий — понятия 'ямб' и понятия 'падеж'.

Казалось бы, что такое ямб, знают все: это та-ТА, та-ТА, та-ТА: «Открылась бездна, звезд полна»; «Сидеть с больным и день, и ночь». Но при этой схеме уже во второй строке первой главы «Евгения Онегина» слово «занемог» должно произноситься с ударением на первом слоге. Тогда же Колмогоров сообщил мне математически строгое определение ямба.

Теперь о другой, грамматической задаче Колмогорова. Падежей в русском языке шесть; так учат в школе, в университете их становится восемь. В немецком языке четыре падежа, в эстонском — четырнадцать. При этом неясно, чего именно шесть или восемь в русском, четыре в немецком и четырнадцать в эстонском. Академические грамматики, не говоря уже о школьных учебниках, умело обходили (да и сейчас обходят) этот вопрос. Итак, задача состояла в том, чтобы чётко определить те сущности, количество коих подсчитывается. Тогда же Колмогоров указал мне и решение этой задачи. Тут надо сделать отступление. У Колмогорова была редкая особенность: многие свои важнейшие мысли он высказывал мимоходом, при обсуждении чьего-либо доклада, а то и в частных беседах, не заботясь, будут ли они услышаны и поняты (увы, боюсь, что не все они были услышаны и поняты). Так, на моих глазах, в краткой реплике Колмогорова, сделанной в феврале 1954 года на одном из семинаров, родилась теория нумераций, ныне представляющая собою сформировавшийся раздел теории алгоритмов. Если бы один из присутствовавших не осознал важность сказанного и не опубликовал колмогоровские формулировки в «Докладах Академии наук», появление теории нумераций было бы отложено. Не знаю, как развивался бы раздел грамматики, посвящённый теории падежа, не окажись я рядом и не внуши мне Провидение изложить идеи Колмогорова в опубликованной в 1957 году статье «К определению

падежа по Колмогорову». Колмогоровское определение падежа впоследствии было развито и усовершенствовано Зализняком и вошло в 1965 году в его упоминавшуюся уже диссертацию, а в 1967 году в его классическую монографию «Русское именное словоизменение».

Сказанным не ограничивается вклад Колмогорова в лингвистику. Применяя методы математической статистики и теории информации, он указал подходы к некоторым вопросам, чрезвычайно важным для понимания устройства языка; ответы на них позволяют разложить количество содержащейся в тексте информации на отдельные слагаемые, даваемые грамматикой, семантикой, поэтикой. Вопросы эти находятся на самом переднем рубеже наших знаний, а то и вне его пределов. Среди подобных вопросов мы находим такие. Если считать текстом любую цепочку, составленную из букв и пробелов, то каков процент грамматически правильных текстов? А каков процент текстов осмысленных? Сколькими способами можно выразить одно и то же содержание? Как изменятся ответы на эти вопросы, если к требованию осмысленности добавить ограничения, диктуемые художественной, в частности стихотворной, формой? Эти вопросы были предметом интенсивных исследований созданной и руководимой им группы его молодых сотрудников. В своих публикациях Колмогоров касался этой тематики лишь вскользь, ограничиваясь, как правило, краткими сообщением о числовых итогах. Так, в своей знаменитой статье 1965 года «Три подхода к определению понятия „количество информации“» Колмогоров отмечает результаты подсчётов, полученные двумя его лаборантками:

> Для двоичного логарифма числа N русских печатных текстов, составленных из слов, включённых в Словарь русского языка С. И. Ожегова и подчинённых лишь требованиям «грамматической правильности», длины n, выраженной в «числе знаков» (включая «пробелы»), М. Ратнер[3] и Н. Светлова[4] получили оценку $h = (\log_2 N)/n = 1{,}9 \pm 0{,}1$. Это значительно больше, чем оценки сверху для «энтропии литературных текстов», получаемые при помощи различных методов «угадывания продолжений». Такое расхождение вполне естественно, так как литературные тексты подчинены не только требованию «грамматической правильности».

Уже после кончины Колмогорова обнаружилось несколько машинописных страниц, содержащих его неопубликованную заметку «О возмож-

[3] Ныне — Marina Ratner, профессор университета в Беркли (Калифорния), член Национальной Академии наук США.

[4] Ныне — Наталья Дмитриевна Солженицына.

ном применении простейших представлений теории информации к исследованию стиха, художественной прозы, техники перевода». Автор этих строк взял на себя смелость опубликовать её в *ТиН* на с. 743—745[5].

Заголовок названной заметки соединяет лингвистические исследования Колмогорова с его стиховедческими исследованиями, к каковым я и перехожу. Колмогоров справедливо считается одним из крупнейших исследователей русского стиха — наряду с Андреем Белым, Романом Якобсоном, Борисом Томашевским, Кириллом Тарановским, Михаилом Гаспаровым.

Истоки интереса Колмогорова к теории стиха, можно полагать, таковы.

Во-первых, это его широкие общегуманитарные и, в частности, литературные интересы. Отсюда — интерес к *стихам*.

Во-вторых, его стремление к научному анализу явления, к систематизации понятий и к поискам их точных определений. Отсюда — интерес к *стиховедению*, возникший с молодости, в каковой он, по его собственному признанию, читал работы сначала Андрея Белого, а затем и Шенгели, и Томашевского.

В-третьих, высший уровень научного анализа и систематизации — это математизация. Математизация отнюдь не сводится к выражению явлений в формулах, числах, таблицах и графиках. Формулы, числа, таблицы и графики могут вообще отсутствовать. Главное в математизации — это создание такого описания явления, которое было бы безупречным с логической точки зрения, а математика выступает здесь в роли оценщика (и одновременно идеала) степени логической безупречности. Математизации легче всего поддаётся метрический аспект стихосложения. Отсюда — интерес Колмогорова к тому разделу стиховедения, который называется *метрика и ритмика*. Именно потому, что из всех разделов стиховедения именно метрика и ритмика была наиболее продвинута в направлении формализации, отсутствие должного порядка в её основных понятиях могло быть обнаружено достаточно быстро. Оно и было не только замечено, но и исправлено Колмогоровым. Он предложил безупречное с формально-логической точки зрения определение классических метров, а также описание и разграничение метров неклассических. По скромности, Колмогоров вряд ли бы согласился с такой формулировкой; скорее он сказал бы, что лишь выразил в явной форме общеизвестные представления.

В-четвёртых, Колмогоров был классиком математической статистики. Приложение методов этой науки к явлениям речи — в частно-

[5] В этой книге с. 251—253. — *Примеч. ред.*

сти, к явлениям стихотворной речи — не могло его не интересовать. Он не был, конечно, чужд формулам, числам, таблицам и графикам, столь характерным для статистики, но только полагал, что им непременно должно предшествовать чёткое описание подсчитываемых явлений.

В-пятых, в конце 1950-х годов стиховедческие интересы Колмогорова сплелись с его занятиями кибернетикой. И сложение стихов (как процесс) и стихосложение (как способ организации текста, возникающего в результате такого процесса) стало возможным рассматривать под углом зрения кибернетики и даже в качестве объекта, ею изучаемого.

В-шестых, в начале 1960-х годов Колмогоров приступил к реконструкции теории информации на основе последнего из своих математических шедевров — своей теории сложности, называемой сейчас *теорией колмогоровской сложности* (the theory of Kolmogorov complexity). Эта теория позволяет оценивать уровень сложности тех или иных объектов, прежде всего текстов (то есть конечных цепочек букв и пробелов). Колмогорова интересовал, в частности, вопрос о сложности литературных текстов, в том числе о том, какая доля сложности приходится на содержание текста, а какая — на те или иные литературные приёмы; литературные же приёмы — такие как рифма, метр и т. п. — легче всего формализуются и вычленяются в поэзии.

В-седьмых, ритм вообще занимал особое место во внутреннем мире Колмогорова. Он любил и знал музыку. Некоторые его высказывания о поэзии можно было понимать в том смысле, что стихи, подобно метроному, задают такт эмоциональной сфере.

При оценке вклада Колмогорова в теорию стиха следует непременно иметь в виду, что количество замыслов Колмогорова было непосильно для смертного и большинство из них осталось неосуществлёнными. Так, из задуманного большого труда под названием «Метр как образ» имеется лишь 18 машинописных страниц, из коих первая содержит только заголовок и эпиграфы, а остальные 17 озаглавлены очень выразительно: «Предварительный набросок начала введения». Тем не менее в 1962 году Колмогоров опубликовал совместную с А. М. Кондратовым статью о ритмике поэм Маяковского и с тех пор по 1968 год включительно публиковался на стиховедческие темы ежегодно. А всего колмогоровских статей по теории стиха, включая опубликованные посмертно, — двенадцать. В четырёх из них соавтором Колмогорова был его ученик и главный помощник в делах стиховедения Александр Владимирович Прохоров

(которому принадлежит и полезная самостоятельная статья «О случайной версификации», опубликованная в 1984 году). Детальные библиографические описания приведены в *TnH* на с. 735—739[6] (первые восемь статей Колмогорова отражены также в библиографии к упомянутой монографии Гаспарова).

Однако многие идеи и результаты Колмогорова либо не сохранились вовсе, либо сохранились лишь в виде свидетельских показаний. Например, в своей статье в сборнике «Поэтика и стилистика русской литературы» (Л., 1971) Тарановский указывает: «На Варшавской конференции 1964 года академик Колмогоров сообщил, что по профилю ударности в общем можно вычислить частоты всех ритмических форм данного стиха. К сожалению, результаты вычислений, сделанных его сотрудниками (для четырёхстопного ямба Жуковского и Багрицкого), до сих пор ещё не опубликованы».

Но если понятие профиля ударности (введённое, кстати, самим Тарановским в 1953 года) можно отнести к хотя и важным, но всё же скорее техническим понятиям статистики текста, то предложенное Колмогоровым понятие «трудности рифмы» представляется весьма содержательным. Кажется непонятным, как можно вычислять такую трудность. Но вот что пишет Гаспаров в § 11 своей монографии 1974 года:

> Методика вычисления «трудности рифмы» была предложена А. Н. Колмогоровым. Согласно этой методике, из прозаического текста, принимаемого за «норму языка», выписываются порознь все слова с мужским окончанием, с женским, с дактилическим и т. д.; в каждой из этих групп высчитывается число всех возможных пар слов и среди них — число рифмующихся пар слов; отношение числа рифмующихся пар к общему числу пар будет «коэффициентом трудности» рифмы, то есть вероятностью случайного возникновения в языке данного типа рифмы. Так, в русском языке эта вероятность оказалось равной для мужских рифм около 0,008, для женских — 0,005. С помошью этих показателей можно ориентировочно оценить объём «локального словаря поэта», то есть число слов, проходящих перед «мысленным взором» поэта, когда он подбирает нужную рифму — по-видимому, он сравнительно невелик, порядка 100 слов <...>.

Изложенные в приведённой цитате идеи Колмогорова не были им опубликованы, но были изложены в сентябре 1961 года в его

[6] В этой книге с. 198—202. — *Примеч. ред.*

докладе «Локальный словарь поэта и рифма» на совещании в Горьком (ныне Нижний Новгород), посвящённом применению математических методов к изучению языка художественных произведений. Подробный отчёт об этом совещании и, в частности, об этом докладе дан И. И. Ревзиным в сборнике «Структурно-типологические исследования» (М., 1962). Колмогоров отнюдь не был на этом совещании «свадебным генералом» (каковым он, впрочем, не был нигде и никогда). Совещание открылось 23 сентября лекцией Колмогорова «Комбинаторика, статистика и теория вероятностей в стиховедении». В последующие дни Колмогоров, помимо упомянутого выше доклада о локальном словаре поэта, сделал доклад «Энтропия речи и стихосложение», был одним из авторов (вместе с Н. Г. Рычковой[7]) доклада «Ритмика Багрицкого» и весьма активно выступал в прениях. Отчёт Ревзина ценен, в частности, тем, что в нём отражены идеи Колмогорова, высказанные им в прениях, — редкая для хроникальной заметки черта!

В своей монографии 1974 года Гаспаров так писал о стиховедческих исследованиях Колмогорова:

> Работы по усовершенствованию методики Томашевского (начатые в 1960 году) стали началом оживления точных методов в советском стиховедении, надолго заглохших после опытов 1920-х годов. Центром этой оживлённой деятельности остаётся группа А. Н. Колмогорова (А. В. Прохоров, Н. Д. Светлова, некоторое время — Н. Г. Рычкова); с нею связано и большинство других работавших в этом направлении стиховедов, в том числе С. П. Бобров и В. В. Иванов.

И далее Гаспаров выделяет три направления, в которых колмогоровская группа усовершенствовала статистическую методику Томашевского:

> Во-первых, уточнено было понятие ритмического словаря, от которого вычисляются частоты слов. Томашевский брал ритмический словарь самого́ исследуемого стихотворного произведения, например «Евгения Онегина». Колмогоров показал, что это сильно смещает картину: ритмический словарь стихотворного произведения не может служить эталоном «естественных данных языка»,

[7] Наталья Григорьевна Рычкова сменила впоследствии фамилию на Химченко. Именно эта последняя фамилия (в качестве фамилии лица, подготовившего текст) значится на титульном листе четырёх мемориальных изданий, посвящённых памяти Колмогорова. Некролог о ней: «Новый мир», 2009 год, № 5, с. 79—82.

так как самый отбор слов в стихе уже скован ограничивающим влиянием метра. Показательнее брать за основу ритмический словарь прозы — скажем, художественной прозы того же периода, к какому относятся разбираемые стихи. <...>

Во-вторых, уточнён был принцип расстановки ударений. <...>

В-третьих, был обнаружен другой, вспомогательный способ моделирования «естественного стиха» для сравнения его с эмпирическим — посредством прямых выборок из прозаического текста. <...>

И, наконец, в статье «Воспоминания о С. П. Боброве» (1993 год) Гаспаров высказывается по поводу стиля колмогоровских исследований:

Колмогоров в это время, около 1960 года, заинтересовался стиховедением; этот интерес очень помог полузадушенной науке встать на ноги и получить признание. Ещё Б. Томашевский в 1917 году предложил исследовать ритм стиха, конструируя по языковым данным вероятностные модели стиха и сравнивая их с реальным ритмом. Колмогорову, математику-вероятностнику с мировым именем, это показалось интересно. Он усовершенствовал методику Томашевского, собрал стиховедческий семинар, воспитал одного-двух учеников-стиховедов. <...>. Колмогоров, профессиональный математик, в своих статьях и докладах обходился без математической терминологии, без формул, это были тонкие наблюдения и точные описания вполне филологического склада, только с замечаниями, что такой-то ритмический ход здесь не случаен по такому-то признаку и в такой-то мере. Математика была для него не ключом к филологическим задачам, а дисциплиной ума при их решении. Томашевский и Колмогоров всматривались в расхождения между простой вероятностной моделью и сложностью реального стиха, чтобы понять специфику последнего <...>.

Уже первая фраза последней цитаты подчёркивает роль третьего компонента филологических заслуг Колмогорова, а именно его участия в создании атмосферы, благоприятствующей прогрессу филологии. Сюда относятся и контакты с филологами, как непосредственные, так и эпистолярные. Так, он состоял в активной переписке с А. П. Квятковским — автором известного «Поэтического словаря» (говорят, что начата работа по подготовке этой переписки к опубликованию). К этому прибавим разрешение спора между двумя известными стиховедами относительно результатов статистических

вычислений: оказалось, что всё дело было в том, что уважаемые оппоненты по разному понимали, что́ такое слово и что́ такое ударный слог. Колмогоров учил, что бессмысленно заниматься статистикой, не дав чёткого определения, что́ именно подсчитывается. Учил он и тому, что статистикой литературных текстов надлежит заниматься в определённой последовательности, в противном случае за художественный приём можно принять неизбежную статистическую закономерность.

К сказанному прибавим, что Колмогоров выписывал журнал «Вопросы языкознания» и живо откликался на некоторые из его статей. Вот что, например, рассказывает заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ член-корреспондент РАН Александр Евгеньевич Кибрик. В 1961 году он окончил обучение на названном факультете, был зачислен на него старшим лаборантом и в этом качестве представил в «Вопросы языкознания» статью о методе определения дифференциальных признаков гласных новогреческого языка при спектральном анализе. Статья была напечатана в № 5 журнала за 1962 год. Не более чем через пару недель Кибрику позвонили из редакции и попросили зайти за откликом читателя на его статью. Читателем оказался никто иной как Колмогоров, сообщавший «уважаемому профессору Кибрику», что статья ему понравилась и он хотел бы кое-что обсудить; в письме указывался номер телефона для связи. В результате Кибрик сделал доклад на семинаре, который Колмогоров вёл на Мехмате. Всё это, включая обстановку на семинаре, произвело на Кибрика сильное впечатление.

К созданию атмосферы относятся и лекции и доклады Колмогорова на филологические темы, а также его участие, всегда активное, в конференциях на эти темы. Так, осенью 1960 года Колмогоров объявил на Мехмате курс лекций «Некоторые вопросы математической лингвистики». Реально состоялись всего три первые лекции, объединённые названием «Теория вероятностей и анализ ритма русского стиха». Поражал спектр поэтов, ритмы коих подвергались анализу: Кантемир, Ломоносов, Державин, Капнист, Жуковский, Гнедич, Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Фет, Блок, Гумилёв, Маяковский, Пастернак. Лекции эти слушали не только математики (от студентов до профессоров), но и видные лингвисты и филологи, среди них А. К. Жолковский, А. А. Зализняк, Вяч. Вс. Ива́нов, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, И. И. Ревзин, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Р. М. Фрумкина, Ю. К. Щеглов. В декабре того же года Колмогоров дважды выступает со стиховедческими докладами в Московском математическом обществе, а

в январе 1961 года делает доклад «Математика и стиховедение» на Учёном совете Механико-математического факультета МГУ. В июле 1961 года на IV Всесоюзном математическом съезде он, выступая в прениях, высказывает ряд глубоких мыслей по теории художественного перевода, в том числе такую: мышление человека прежде, чем стать логическим, было языковым. О совещании в Горьком осенью 1961 года было уже сказано. Необходимо хотя бы бегло упомянуть ленинградский симпозиум по изучению художественного творчества 1963 года (Колмогоров называл его «симпозиумом Мейлаха») и варшавскую конференцию по теории стиха 1964 года, организованную М. Р. Майено́вой (на этой конференции Колмогоров познакомился с Якобсоном и Тарановским; впоследствии оба они бывали в его московской квартире). К Тарановскому Колмогоров послал на длительную стажировку уже упоминавшегося А. В. Прохорова.

Не будем забывать, что во время своих занятий стиховедением Колмогоров не переставал быть действующим математиком, и объём его научной, педагогической и организационной деятельности в этой области был велик необычайно.

На с. 22 своей монографии 1974 года Гаспаров сообщает, что работы группы Колмогорова по большей части остались неопубликованными. Полагаю, что причина кроется в необыкновенной ответственности Колмогорова за публикуемый материал.

Научное наследие Колмогорова в области филологических наук должно быть собрано, прокомментировано и издано. Но для этого нужен подвижник, коего пока не видно.

Книги моего детства

— Какие книги в детстве оказали на Вас наибольшее воздействие? Что Вам нравилось читать в детстве?

— Думается, что наибольшее воздействие на человека оказывают те книги, которые он читал первыми, в раннем детстве. Это сходно с тем, что главной на всю жизнь остаётся первая учительница. Лидию Фёдоровну, учительницу моего нулевого — а в те времена были и нулевые — и первых трёх классов, вспоминаю с благодарностью. Поэтому начну с того, что я читал в возрасте четырёх-пяти лет. Прежде всего, замечательный детский журнал «Чиж». После фактической его кончины в 1937 году ничего подобного в нашей литературе не было. В нём печатались тексты обэриутов и рисунки Бронислава Малаховского. И тех, и другого Советская власть арестовала и убила. Из номера в номер публиковались комиксы Малаховского про умную Машу, прототипом которой была его дочь Катя; когда впоследствии, с начала 1950-х годов, Катя сделалась моим другом, я мог воочию убедиться, насколько точно она была изображена в качестве умной Маши. Малаховский, кстати, иллюстрировал и то первое издание «Золотого ключика», которое я читал.

Относясь с полным уважением к замечательному тексту, должен признаться, что Буратино, Карабас-Барабас и другие персонажи навсегда остались у меня не столько такими, как их описал Алексей Толстой, сколько такими, какими их нарисовал Малаховский; поэтому на иллюстрациях других художников они кажутся мне непохожими на себя.

«Три толстяка» Юрия Олеши могли бы и вовсе не сохраниться в моей памяти, если бы не фантастические цветные иллюстрации Добужинского (да ещё сеть одноимённых магазинов, которыми, увы, мне приходится пользоваться). Воздействие иллюстраций и, вообще, всего визуального оформления книги на ещё не окрепшее сознание огромно. Мне до сих пор кажется, что на мой выбор профессии

Опубликовано на сайте: http://www.polit.ru/article/2012/02/10/vauspensky_about_books/. Интервью из цикла «Книга. Знание». Беседовала Наталия Дёмина.

повлияли жирные знаки квадратных корней в 29-м издании «Алгебры» Киселёва[1], вышедшей в 1917 году и доставшейся мне в конце 1941 года в Новосибирске, во время эвакуации. Но это уже относится не к детству, а к отрочеству: начало Великой отечественной войны оказалось рубежом между этими двумя периодами моей жизни.

Но вернусь к раннему детству. Вспоминаю микропоэму «Как от мёда у медведя зубы начали болеть»[2], изданную отдельной брошюрой; в послевоенные годы я её искал и долго не мог нигде найти, нескоро обнаружив причину её исчезновения: автор стихов Борис Корнилов был арестован и расстрелян, да и художник Константин Ротов пребывал в заключении (из которого, к счастью, вышел); теперь брошюру можно найти в Интернете, сделав поиск на фамилии автора и иллюстратора.

Помню чрезвычайное впечатление от стихов Маршака про пожарного Кузьму, это было, возможно, моим первым чтением. По прочтении я захотел, когда вырасту, стать пожарным. (И только потом — дежурным на платформе только что построенного метрополитена, стройным молодым человеком в форме, высоко поднимающим диск на палке и громко произносящим: «Готов!».) На рисунках Конашевича к стихам про Кузьму — каланча, нарисованная в тексте Конашевичем, а на обложке Кустодиевым; бешено мчащиеся лошади пожарных повозок, предваряемых верховым; сами пожарные в блестящих медных касках. В новой версии нет каланчи, каски уменьшились и потускнели, лошадей заменили автомобилями, и обаяние утратилось. Да и стихи свои, осовременив, Маршак испортил.

Не надо осовременивать детскую литературу. Во-первых, всегда становится хуже. Во-вторых, теряется историческая память: было бы только хорошо, если бы современные дети узнали, как выглядели пожарные команды в 1920-х годах и начале 1930-х. Слава Богу, маршаковская «Почта», которую я знаю наизусть с тех пяти лет, осталась, как была, — без реактивных самолётов. Маршак («Багаж», «Мистер Твистер») тогда запоминался лучше, чем Чуковский. Только в зрелом возрасте я осознал, что Чуковский глубже; возможно, потому, что он ближе к обэриутам.

Следующей за «Пожаром» была маршаковская «Сказка о глупом мышонке». Сказка очень неприятная, страшная. Напомню сюжет. Мышонок не может уснуть, убаюкивание мамы его не устраивает, он просит её поискать няньку; в качестве таковой мама-мышь последовательно приглашает утку, жабу, лошадь, курицу и щуку; всех их мышонок отвергает. Наконец, мышь приглашает кошку, чья убаюкивающая

[1] http://www.math.ru/history/people/kiselev
[2] http://books.google.ru/books/about/Как_от_меда_у_медведя.html

песенка мышонку нравится. Кошка его, естественно, съедает, как можно догадаться из заключительной строфы: «Прибежала мышка-мать, / Поглядела на кровать, / Ищет глупого мышонка, / А мышонка не видать». На мой взгляд, сказка для маленьких с таким концом недопустима. Да и название неправильное, правильным было бы такое: «Сказка о капризном мышонке и глупой мыши». Надо полагать, название было дано автором в назидание: будь доволен тем, что делает мать. Назидание, может, и справедливое, но метод убеждения, состоящий в съедании героя сказки, для младших детей неприемлем.

Пора, однако же, перейти к более позднему, хотя всё ещё детскому возрасту. Какие книги оказали на меня наибольшее воздействие в этом возрасте? Вопрос о воздействии всегда труден и вряд ли может иметь ясный ответ. По сегодняшним ощущениям отвечаю так: сказки (русские народные, Андерсена и братьев Гримм, «Аленький цветочек» Аксакова, «Сказки дядюшки Римуса» Харриса с загадочной Матушкой Мидоуз и её дочками), «Песнь о Гайавате» Лонгфелло в замечательном переводе Бунина, «Мифы Древней Греции» Куна, «Маугли» Киплинга, «Маленькие дикари» Сетон-Томпсона, «Легенда о Тиле Уленшпигеле» де Костера и «Дон Кихот» Сервантеса; в детстве читал «Дон Кихота» в адаптированном издании, а полностью и восхищённо — в отрочестве. И ещё, пожалуй, «Записки школьника» де Амичиса (эта книга имеет и другое, несколько слащавое название «Сердце», под каковым она иногда издаётся); в этих «Записках» — отдельные истории про героических детей. Оттуда, например, я узнал знаменитую легенду о голландском мальчике, который спас страну от наводнения, заткнув пальцем дырку в плотине.

Но начать список книг, оказавших наибольшее воздействие, следовало бы с двух названий: это «Айвенго» Вальтера Скотта и «Отверженные» Виктора Гюго. Думаю, что я не отличался от многих мальчиков, мысленно отождествлявших себя со своим любимым героем — благородным рыцарем Уильфредом Айвенго (тогда его имя писалось с мягким знаком). Другие произведения Скотта не производили на меня такого впечатления.

С текстом Гюго впервые познакомился по «Козетте», изданной в замечательной серии брошюр Детгиза «Книга за книгой». То обстоятельство, что текст книжечки «Козетта» представляет собой всего лишь мизерную выдержку из «Отверженных», оставалось для меня скрытым; поэтому конец, в котором незнакомый благодетель уводил с собой Козетту для начала новой жизни, создавал влекущее ощущение тайны и желание «заглянуть за горизонт». Желание осуществилось, когда мне достался том «Отверженных». Помню до сих

пор обуявшие меня чувства, когда сидя на скамейке в довоенном московском дворе я читал про то, как Жан Вальжан украл у приютившего его епископа столовое серебро и как епископ объявил полицейским, приведшим к нему пойманного Жана с украденным серебром, что это серебро он Жану подарил. (После этого пытался читать другие романы Гюго, но одолеть их не смог.) Столь же сильные чувства, но с другим знаком, вызвал у меня тот эпизод из повести «Без семьи» Гектора Мало, где крышка котла запиралась на замок, чтобы племянник хозяина не мог отлить себе супу.

Второй ваш вопрос («что нравилось?») более прост. Вроде бы я помню, какие книги я читал с удовольствием. (Надо, конечно, иметь в виду, что к словам «я помню», произнесённым 81-летним склеротиком, следует относиться с подозрением.) На один из дней рождения, на девять или на десять лет, мне подарили довольно толстую книгу; она называлась «Дети капитана Гранта»; думается, это была первая книга Жюля Верна в моей жизни (второй был «Таинственный остров»). Я начал читать её вечером в кровати, а потом положил под подушку. Это было такое особое наслаждение, почти счастье: проснувшись, вынуть из-под подушки книгу и хотя бы минут десять читать её до школы. Это острое наслаждение от утреннего чтения забыть невозможно...

Среди любимых книг детства — «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого, «Остров сокровищ» Стивенсона и три великие книги Марка Твена: «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна» и «Принц и нищий». История о том, как Том Сойер красит забор, давно должна войти в учебники психологии. Иллюстраций к «Тому Сойеру» не помню, а вот одну из иллюстраций к «Гекльберри Финну» довоенного детгизовского издания помню с детских лет. Иллюстрация называлась «Больная Ганна» и изображала некую Ганну, про которую Гекльберри налгал, что у неё свинка. Больная была изображена со щеками, перевязанными платком, концы коего были завязаны на макушке, образуя подобие заячьих ушей. Примечательно, что мой друг Наталья Леонидовна Трауберг помнила ту же иллюстрацию со своих детских лет. А восклицание «В Тауэр главного хранителя королевских чулок!» из «Принца и нищего» до сих пор звучит у меня в ушах. Необходимо назвать ещё три совершенно прелестные книги, украсившие моё детство — это «Приключения Пенрода» Таркингтона о двенадцатилетнем американском мальчике начала XX века, «Старшины Вильбайской школы» Рида об английской школе для мальчиков конца XIX века и «Маленький лорд Фаунтлерой» Бёрнетт о семилетнем американском мальчике конца XIX века, неожиданно оказавшимся лордом Фаунтлероем и в этом качестве отправившемся в Англию, к своему деду, в родовое поместье.

Несколько книг я помню зрительно, но не помню их названия. Многие книги были в дореволюционных изданиях, например, книги небольшого формата в красных переплётах серии «Золотая библиотека»; название серии было написано по ободу круга, внутри круга золотые девочка и мальчик читали книгу. Кажется, именно в этой серии я прочёл ужасную историю про китайского мальчика, встретившего на улице своего любимого учителя, подвергнутого наказанию: он должен был носить на своих плечах дощатый квадрат с отверстием вокруг шеи.

С большим увлечением прочёл «Янки при дворе короля Артура» и уже потом — изложение легенд о рыцарях Круглого стола. Помню дореволюционную книгу, в которой рассказывались эти легенды с красивыми цветными иллюстрациями на отдельных вклейках. Кажется, первыми в этой книге шли легенда и иллюстрация о появлении меча Эскалибур из озера. Названия книги не помню, но помню, что читал, не отрываясь. После войны, уже в совершенно взрослом состоянии, долго искал, с большим трудом (потому что и тогда не помнил названия) нашёл её в Центральной детской библиотеке и, к моему разочарованию, почти отчаянию, она показалась мне скучной. Потом, кажется, этот перевод с английского переиздали в советское время.

Читал и перечитывал сборник древних японских сказаний с японскими иллюстрациями и загадочным названием «Нихон Мукаси Банаси» на красивом красном переплёте. Много читал Буссенара, благо дома было собрание его сочинений (помните, у Гумилёва: «И в „Вокруг Света“ обо всём / Поведал мальчикам потом / Его любимый Буссенар»); наверное, уже тогда я понимал, что это литература не самого первого сорта, но буссенаровский «Голубой человек» прочитывался на одном дыхании. В качестве первосортной литературы мне подсовывали Рабле, убеждая, что мне должно быть смешно и интересно; ни одного из этих чувств я не испытывал, зато с наслаждением рассматривал иллюстрации Доре к дилогии Рабле.

Помню, как начал читать случайно попавшего мне в руки «Агасфера» Эжена Сю, читал с захватывающим интересом, но от продолжения чтения меня отговорил отец. Именно не запретил, а отговорил. Эту историю нахожу поучительной. Своего отца я уважал чрезвычайно и безоговорочно верил каждому его слову. Он мне сказал: «Сейчас ты получаешь удовольствие от чтения „Агасфера“, но если ты не будешь читать его сейчас, а впервые прочтёшь, когда вырастешь, то твоё удовольствие будет несравненно большим». Я немедленно прекратил чтение, но когда раскрыл «Агасфера» во взрослом возрасте, то мне стало скучно через несколько страниц. Так я его и не прочёл.

Разумеется, читал и перечитывал «Путешествия Гулливера» в пересказе для детей. Такой пересказ обычно ограничивается двумя первыми

путешествиями, к лилипутам и к великанам — а иногда даже только к первым, к лилипутам. Полного Гулливера с восторгом прочёл в отрочестве. С огорчением услышал от современных студентов, что — за единичными исключениями — почти все они удовлетворились детскими изданиями и что слова «Лапута» и «гуигнгнмы» им незнакомы. Из русскоязычной литературы очень любил и благодарно вспоминаю «Белеет парус одинокий» Катаева. Эту книгу читал уже после «Детей капитана Гранта», так что упоминание в тексте Катаева «господина, похожего на лорда Гленарвана», не вызвало у меня вопросов при чтении.

Но я заметил, что уж больно систематически всё это рассказываю, создавая ложное впечатление, что всё хорошо помню. На самом деле, мои воспоминания о читанном в детстве разрозненны и бессвязны. Вот одно из них. Несколько раз меня постигало воспаление лёгких, и мне делали довольно болезненную вещь — горчичное укутывание. Это не горчичники, это когда простыня намазывается горчицей, и человека закутывают в эту простыню. Процедура довольно болезненная, и мама, чтобы меня утешить, сказала: «Зато, когда тебя раскутают, ты получишь „Сетон-Томпсон-Домино“». Что такое «Сетон-Томпсон-Домино» я совершенно не понимал. «Маленькие дикари» были потом, и я даже не понимал, что Сетон-Томпсон — это человек. А сейчас знают, кто такой Сетон-Томпсон?

— Мне кажется, что это такой писатель, который писал про животных, но про его «Домино» ничего не слышала.

— Эрнест Сетон-Томпсон[3] — это замечательный канадский писатель. Он действительно писал в основном о животных, а также о мудрой жизни индейцев, о том, как дети играли в индейцев и т. п. А Домино — это имя чёрно-бурого лиса, жизнь которого он с симпатией описал в одноимённой повести, давшей название всему его сборнику. Эту книгу Сетон-Томпсона в зелёном переплёте и имела в виду мама. В детстве я любил читать про животных, и, может быть, это оказало на меня какое-то благотворное влияние. Собственных животных у меня не было, разве что морские свинки в раннем детстве. Мне не кажется правильным держать дома животных, животное должно жить на свободе. Не люблю и срезанные цветы. Цветы должны жить в земле, хотя бы в горшке, а животных, кроме кошек и специальных пород собак и рыбок, дома быть не должно. Совершенно не очевидно, что человек лучше животного. В животных всё же меньше гнусности. О животных я читал довольно много, всякие рассказы, в основном, Сетон-Томпсона. И прелестную документальную повесть «Кинули» Веры Чаплиной — о львице Кинули, которую автор вырастила у себя дома, причём в коммунальной квартире.

[3] http://lib.aldebaran.ru/author/setontompson_yernest/

Наконец, с упоением я читал Полное собрание сочинений Конан-Дойля[4] (англ. Sir Arthur Ignatius Conan Doyle). Это было издание начала XX века; когда настала нужда в деньгах, отец продал его в Ленинскую библиотеку. Полным оно было на момент издания. Там и про Шерлока Холмса, но не только про него. Сам себя Конан-Дойль называл автором исторических романов. Я хорошо помню два его романа о жизни рыцарей Англии времён Ричарда Львиное Сердце: «Сэр Найджел»[5] (в названном издании — «Сэр Найгель») и «Белый отряд»[6]; второй роман является продолжением первого. Читал и бытовые повести из этого собрания. Но Конан-Дойля я в основном читал уже не в детстве, а в отрочестве.

Детство моё закончилось с началом войны, а было мне тогда десять с половиной лет. Через месяц мама, мой младший брат Боря, я и наша замечательная няня Маша, которая пекла пироги ещё на свадьбе моей бабушки, были отправлены в эвакуацию в Новосибирск; туда же отправилось и Полное собрание Конан-Дойля как одна из самых больших ценностей, имевшихся в доме. Там, на скамейке новосибирского двора я прочёл книгу, которая, быть может, в наибольшей степени отвечает на ваш вопрос о наибольшем воздействии. Это была повесть Джека Лондона «Межзвёздный скиталец»[7], произведшая на меня воздействие, ни с чем не сравнимое. Тогда же с увлечением начал читать «Морского волка»[8] того же автора, но, как и ранее в случае с «Агасфером», отец убедил меня не читать — с той же аргументацией и с тем же результатом через несколько лет.

Но именно в детстве, а не в отрочестве одна вещь произвела на меня столь сильное впечатление, что от ужаса я прекратил её читать — это была «Война миров»[9] Герберта Уэллса. Я был один в комнате, за окном была чернота, я дочитал до того места, когда прилетели страшные марсиане со щупальцами и стали всех убивать, тут мне сделалось страшно, и я позвал отца... Боюсь, что сейчас этого уже никто не читает.

— «Войну миров» я тоже читала, и «Машину времени», даже, по-моему, на английском.

— Замечательная повесть «Машина времени»[10] — это его самая первая книга. Сперва она была опубликована в каком-то периодическом издании, в газете или в журнале. Вот с этого началась его слава,

[4] http://lib.ru/AKONANDOJL/
[5] http://lib.ru/AKONANDOJL/doil_loring2.txt
[6] http://lib.ru/AKONANDOJL/belotr.txt
[7] http://lib.ru/LONDON/skitalec.txt
[8] http://lib.ru/LONDON/london01_engl.txt
[9] http://lib.ru/INOFANT/UELS/warworld.txt
[10] http://lib.ru/INOFANT/UELS/timemach.txt

и он стал писателем. С детства помню этот напугавший меня эпизод из «Войны миров». Корабли марсиан были похожи на очень большие пушечные снаряды. Все обрадовались, на приветственную встречу отправилась торжественная делегация с флагами и с местным мэром во главе. А марсиане стали вылезать из своих снарядов с этими ужасными щупальцами и всех встречающих убивать, направив на людей какой-то луч. Жуткие такие спрутоподобные марсиане...

— В каком возрасте это было?

— Лет девять, до войны. Одиннадцать лет мне исполнилось в ноябре 1941 года.

— Среди любимых книг были какие-то научно-популярные, кроме Сетон-Томпсона?

— Вы меня правильно спросили, хотя Сетон-Томпсон всё-таки писал художественные, хотя и познавательные, сочинения. Как Жюль Верн. Я зачитывался Перельманом — не Григорием Яковлевичем, нашим великим математиком, а другим — Яковом Исидоровичем (во избежание недоразумений — он не отец Григория).

— Вам больше нравились его книги по математике или физике?

— И те, и другие. «Занимательная геометрия», «Занимательная математика», «Занимательная физика», «Занимательная астрономия» — эти и другие книги Перельмана я читал с огромным удовольствием. У меня также была небольшая, выпущенная ещё до революции книжечка по занимательной физике другого автора. Впрочем, почему «была», она есть и сейчас, я держу её в руках: Чудеса без чудес: Маленькая физика в применении к забавам / Сост. А. П. Нечаев. — СПб., 1911.

Да и вообще я собирался быть физиком! Но потом, когда я ещё был школьником и ходил в математический кружок при Московском университете, руководитель кружка Евгений Борисович Дынкин[11] меня разумно отговорил, объяснив на наглядном примере, что я не выдержу способов рассуждений, применяемых физиками. Когда я познакомился с Дынкиным, он был ещё студентом Мехмата, а я — учеником 7-го класса; сейчас он в США, профессор Корнельского университета, член Национальной академии наук США, человек вполне знаменитый.

Совсем недавно, в сентябре 2010 года, выступая в конференц-зале Физического института Академии наук, в присутствии авторитетных физиков, я воспроизвёл рассказ Дынкина и спросил: неужели физики действительно так рассуждают и мыслят? На что зал ответил мне со смехом: «Да, именно так мы и рассуждаем».

[11] http://www.math.cornell.edu/~ebd/

— А Вы можете привести это рассуждение сейчас?

— Могу. Дынкин сказал так. Имеются две формулы, A и B, которые что-то там выражают. Допустим, физикам нужно доказать, что значения A и B равны, то есть доказать, что $A = B$. Но внешне A и B совершенно различны, поэтому их равенство не очевидно. Физики начинают производить над A и B различные преобразования, чтобы убедиться в требуемом равенстве, и в результате приходят к равенству $A = B + C$. А дальше они говорят так: «Поскольку видно, что C равно бесконечности, а бесконечность физического смысла не имеет, то давайте мы это C приравняем нулю, то есть, попросту говоря, отбросим, и тогда как раз и получится $A = B$».

— Я думала, Вы скажете, что C равно нулю или близко к нему.

— Нет, если бы C было равно нулю, то это было бы нормальным математическим рассуждением. Вся прелесть в том, что C равно именно бесконечности и поэтому, говорят физики, мы приравниваем его к нулю как не имеющее физического смысла. В Физическом институте я полностью воспроизвёл этот рассказ и услышал, что физики рассуждают именно так, причём услышал от физиков весьма авторитетных — это было расширенное заседание Учёного совета ФИАН, посвящённое восьмидесятилетию одного из работающих в этом институте академиков.

Однако позвольте вернуться к вашему вопросу о любимых научно-популярных книгах моего детства. Среди них — не только физика и математика. Я с удовольствием перелистывал тома Брема, внимательно читал «Жизнь насекомых» Фабра. Книга Фабра серьёзная, не совсем детская, но она меня даже не то что увлекла, а буквально завлекла. Я собирал бабочек, ходил с сачком, а через плечо у меня висел цилиндрический чемоданчик; ремешок прикреплялся к его плоским основаниям, а сбоку, на цилиндрической поверхности, была дверца. Такой чемоданчик с крышкой на боку был непременным атрибутом юного натуралиста, как это следовало из рисунков в журнале «Пионер». В чемоданчике были вата и эфир — средства для умерщвления пойманной бабочки. Далее бабочка высушивалась на распялке, накалывалась на булавку и помещалась в коробку со стеклянным верхом. Одна из таких коробок сохранилась и стоит у меня на полке сейчас, в январе 2012 года.

Но больше всего меня интересовали муравьи. В муравьях меня потрясало их умение разводить тлей в качестве дойной породы скота, муравьиные войны и сложное устройство муравейника. Иногда говорят о социологии муравейника, но, на мой взгляд, муравейник — это

скорее не общество, а организм. Провидение уберегло меня от того, чтобы стать биологом, иначе я со временем окунулся бы в лысенковщину: печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ[12] 1948 года пришлась аккурат на лето между моими первым и вторым курсами Мехмата МГУ.

Раз уж вы завели речь о научно-популярной литературе, то хотел бы сказать вот что. Мне кажется, что в детском и отроческом возрасте не меньшую, а, пожалуй, даже большую роль играет не она, а литература художественная, но познавательная. К ней принадлежат многие сочинения Жюля Верна и даже упомянутый «Гиперболоид инженера Гарина».

В своё время успехом пользовались «Необыкновенные приключения Карика и Вали»; в этой книге дети уменьшаются до размера мошки и в таком виде совершают путешествие по микромиру растений и животных. Была ещё какая-то книга аналогичного содержания, где уменьшившиеся герои проникают внутрь муравейника. К сожалению, не помню ни её названия, ни названия другой книги, которую, помнится, я очень любил. Она состояла из рассказов путешественника; в одном из таких рассказов описывались населённые плавающие острова на озере Титикака. А из приключенческой книги «Борьба за огонь» Жозефа Рони я узнавал о жизни древнейших людей.

— Правильно ли я понимаю, что на Вас героическая советская литература не оказала влияния? Например, книги Аркадия Гайдара или кого-то ещё?

— Какое-то, наверное, всё-таки оказало. На каком-то этапе для меня, как и для всех моих сверстников, красные были хорошие, а белые плохие. Но потом, ещё до войны, произошло странное событие. Без каких-либо видимых причин — а если они и были, то я их не помню, — я вдруг осознал с полной ясностью и с некоторым удивлением, что не люблю советскую власть. Это осознание произвело на меня столь большое впечатление, что я сделал соответствующее заявление родителям. Когда они были рядом, я им так и сказал, с оттенком удивления: «Я понял, что не люблю советскую власть».

Они спросили, понимаю ли я, что это нельзя никому говорить; я отвечал, что понимаю. Думаю, они испугались — но вида не показали. Было мне лет девять, а то и меньше. Что касается Гайдара, то он был, конечно, неплохим писателем, а его повесть «Чук и Гек», которую я знал почти наизусть, принадлежит советской детской классике. А какая ещё в Советском Союзе была хорошая литература для детей? Я даже не помню...

— Житков?

— Ну конечно, Житков! Как же я мог его забыть? Герой маршаков-

[12] http://lib.ru/DIALEKTIKA/washniil.txt

ской «Почты» Борис Житков. Вот уж что оказало на меня воздействие, так это его книга «Что я видел»[13]. Это совершенно замечательная, почти гениальная книга! Спасибо, Наташа, за напоминание!

Кстати, к упомянутой Вами «героической советской литературе» принадлежит и повесть «Белеет парус одинокий», о которой я говорил и которую читал и перечитывал. Её автор, Валентин Катаев, в моральном отношении стоял, по-видимому, весьма низко. Это отмечал ещё Бунин и подтверждают знающие люди. Но он был очень талантливым писателем. Я даже сейчас помню отдельные эпизоды из его замечательной повести — как Петя Бачей держал вступительные экзамены в гимназию и как церемониально продавался квас в будке квасника.

— Я только сейчас поняла, что это тот самый Катаев. Я как-то не сопоставляла, что человек, о котором сейчас говорят, что он был такой весь нехороший, и автор «Белеет парус одинокий» — это один и тот же человек.

— Он писатель очень талантливый, а гений и злодейство это две вещи, безусловно, совместные — вопреки словам пушкинского Моцарта, утверждавшего что «гений и злодейство — две вещи несовместные». Вот Сталин, например, был гениальный человек, но по злодейству никак не ниже Гитлера.

— Что Вы думаете о состоянии популяризации математики в России сейчас?

— Состояние неплохое, если говорить о двух наших столицах. Однако Россия ими не исчерпывается. В провинции дело обстоит значительно хуже.

Ведь в чём состоит популяризация? На сегодняшний день она состоит главным образом в издании печатной продукции. Ну, можно говорить о публичных лекциях, но сколько на публичные лекции придёт народу? Конечно, иногда лекция потом вывешивается в Интернете, но я опять же совсем не знаю влияние Интернета на популяризацию, я не знаком со статистикой посещаемости сайтов. Говоря о роли печатной продукции, я сказал «на сегодняшний день». Это важная оговорка. Потому что удельный вес различных секторов информационного пространства меняется с драматической быстротой, и роль Интернета и, возможно, других средств будет повышаться.

В феврале 2011 года состоялось ежегодное вручение премий Президента России для молодых учёных. Одна из них была вручена Николаю Андрееву за популяризацию математики. Я не помню, чтобы премия такого уровня когда-либо присуждалась за популяризацию науки.

[13] http://az.lib.ru/z/zhitkow_b_s/text_0390.shtml

Андреев со своими сотрудниками создал серию коротких мультфильмов, объединённых названием «Математические этюды»[14]. Каждый из мультфильмов в доступной форме разъясняет какой-либо интересный и неочевидный математический факт. Это, конечно, достаточно новая технология в деле популяризации. Существенно, что все эти мультфильмы можно смотреть в Интернете в режиме свободного доступа.

Вернусь к теме книг. В Москве существует замечательное учреждение — Московский центр непрерывного математического образования[15] (МНЦМО). Он, в частности, издаёт популярные брошюры по математике, тиражом в тысячу экземпляров. Но где их купить? Они продаются в книжной лавке при Центре и в больших книжных магазинах Москвы и Санкт-Петербурга. И всё. К счастью, большинство из них выкладывается в Интернете.

В советское время научно-популярные издания выпускались тиражами в десятки тысяч. Уже на излёте этого времени, в 1987 году, моя книжка «Что такое нестандартный анализ?», доступная пониманию школьников математических классов, вышла тиражом в 27 с половиной тысяч экземпляров. Тогда это было нормально.

— Конечно, сейчас тиражи гораздо меньше, чем были раньше.

— Зато теперь есть Интернет. Однако написание и издание книги — это лишь первый и второй этапы. Третий этап состоит в её появлении на полках книжных магазинов. Распространение книг — это совершенно другое дело, и далеко не всегда оно поставлено блестяще. Позвольте привести близкий мне пример.

Осенью 2010 года фонд «Династия»[16] Д. Б. Зимина присудил мне премию «Просветитель»[17] за книгу «Апология математики». Согласно положению о премии, издательству, выпустившему книгу лауреата, выделяется 130 тысяч на продвижение этой книги. Мою книгу издало петербургское издательство «Амфора». С «Амфорой» у меня весьма тёплые отношения; достаточно сказать, что издательство поверило моему честному «купеческому» слову и выплатило аванс, не записав в договоре срока представления рукописи.

— Они Вам очень сильно доверились.

— Да, и я им сказал: «Был бы письменный договор, я мог бы его нарушить, а вы — со мной судиться. Но слова я не нарушу и напишу. Когда — не скажу, потому что сам не знаю, но сделаю обязательно».

---

[14] http://www.etudes.ru/
[15] http://www.mccme.ru/
[16] http://www.dynastyfdn.com/
[17] http://premiaprosvetitel.ru/

Итак, я очень хорошо к этому издательству отношусь, и то, о чём я вам сейчас расскажу, — не жалоба, а наглядная, на примере, демонстрация непонятного мне странного, но нередко встречающегося, образа мысли. После вручения премии мне написали из издательства: «Мы собираемся вашу книгу рекламировать. С этой целью собираемся устраивать конкурсы и викторины, они пройдут в три тура, а в финале победителю будет вручён ларец с книгами, в числе которых будет и ваша. Вот такую рекламную кампанию мы хотим провести. Какие у вас предложения по этому поводу?». Я им ответил: «У меня предложений никаких. Вы всё придумали очень остроумно, я в полном восторге».

Но потом я вспомнил о «Московском доме книги», который объединяет сорок магазинов в Москве. Это главная книжная сеть Москвы. На Новом Арбате у них головной магазин. Я позвонил в их справочную службу и спросил, есть ли у них в продаже «Апология математики». «Есть, — отвечают, — один экземпляр в магазине „Дом книги в Бибиреве“». — «Это что? На всю Москву один экземпляр?». — «Да, один экземпляр в Бибиреве. Поэтому если вы хотите её приобрести, мы вам советуем сперва туда позвонить, потому что пока вы туда будете ехать, её могут купить». Тогда я написал своим издателям: какая реклама? какие туры? Вы сначала обеспечьте поступление её в столичные магазины, я уж не говорю о Хабаровске. Через некоторое время я получил от них сообщение, что выпускается ещё один тираж.

Так что популяризация книжной продукции, популяризация математики и чего угодно упирается в книжное распространение. Оно у нас — если не считать Москву и Петербург — очень плохое. Книготорговля — это коммерческая вещь, это раньше книготорговцы могли получать указания сверху. Сейчас никто ничего сделать не может. Я хорошо помню лекцию Швыдкого, когда тот был министром культуры. Он говорил: «Мы поддерживаем мелкие районные библиотеки, мы перечисляем им деньги на покупку литературы. Но в отличие от советского времени мы не можем им указывать, что приобретать. И на выделенные деньги они приобретают газету „Спид-Инфо“ и журнал „Интим“. А мы ничего не можем сделать, у них свобода». Так вот всё.

— Вы как-то говорили о важности научной популяризации для самого существования страны...

— Есть такая точка зрения, и она выглядит правдоподобно, что власти нарочно оглупляют население, потому что глупым населением легче управлять. Это может быть и верно, не знаю. Но оглупление населения в России происходит. Однако, глупое население не может успешно обороняться, да и вообще нормально жить.

Даже в военном отношении должно быть математически грамотное население. Такой войны, как были раньше, уже не будет, войны будут в другом формате. Каждое государство, тем более такое большое, как наше, имеет армию, а армия живёт в предположении того, что может случиться что-то такое, что придётся воевать. (Ведь если армия уверена, что никогда не пойдёт воевать, то зачем она вообще нужна?) Но здесь речь не только о военных. Вся цивилизация становится всё более техногенной, а раз она техногенная, то всё-таки нужно умное население.

Помните песню Визбора[18]: «Зато мы делаем ракеты / И перекрыли Енисей, / А также в области балета, / Мы впереди планеты всей!»? Ракеты мы действительно делаем и даже запустили в ноябре 2011 года дорогостоящий аппарат «Фобос-Грунт» с целью исследования спутника Марса. Как известно, на начальной стадии полёта какие-то ракетные двигатели не сработали, аппарат не смог уйти с низкой околоземной орбиты и в январе 2012 года упал в океан. Одна из версий, что виноват был человеческий фактор — недостаточный уровень ответственности, образования и воображения.

Да и до этого нас постигали громкие неудачи в космической отрасли. Вот мы перекрыли Енисей, а в августе 2009 года на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции произошла страшная по своим последствиям авария[19], которую иногда считают сравнимой с чернобыльской. Почему? Потому что, как я читал, там поставили нецентрированную турбину, что-то закрепили не на пяти шпильках, как полагается, а только на трёх и т. д.. Точных подробностей и цифр я уже не помню, да они от меня, как и от большинства моих сограждан, были, скорее всего, скрыты.

Но, как я понимаю, эта катастрофа (как и чернобыльская) произошла в значительной степени от неадекватного уровня образования тех, кто работал на станции. Для того, чтобы в стране можно было нормально жить в условиях техногенной цивилизации, у всего населения должен быть достаточный уровень образованности, в том числе — а, может быть, прежде всего — в области математики. Потому что математическая культура подсказала бы, например, что нецентрированная турбина рано или поздно пойдёт в разнос. Ещё, быть может, важнее: математика приучает к ответственности. Математические рассуждения прозрачны, они открыты для общественного контроля. В отличие от ракетных двигателей и гидро- или атомных электростанций.

[18] http://www.com2me.ru/visbor/song/vis105.htm
[19] http://ru.wikipedia.org/wiki/Авария_на_Саяно-Шушенской_ГЭС

Указатель имён

Иван Иваныч Фандерфлит
Женат на тётке Воронцова.
Из них который-то убит
В отряде славного Слепцова.
«Иван Иваныч Фандерфлит
Был только ранен, — я-то знаю».
— «А Воронцов?». — «Тот был убит.
Ах, нет! Не то! Припоминаю:
Ни Воронцов, ни Фандерфлит —
Из них никто не был убит,
Ни даже тётка Воронцова...
Одно известно: люди эти
И вовсе не были на свете;
И даже, кажется, — навряд
Была и тётка Воронцова?
Но был действительно отряд,
Да только — вовсе не Слепцова...».
— «Затем пронёсся слух таков,
Что вовсе не было отряда,
А был поручик Пирогов...».
— «Да был ли? Справиться бы надо».
И справками, в конце концов,
Одна лишь истина добыта:
Иван Иваныч Воронцов
Женат на тётке Фандерфлита.

Алексей Николаевич Апухтин.
«Кумушкам». 1888

Как правило, в указатель не вошли имена, используемые в качестве названий произведений (например, «Анна Каренина») и в сочетаниях: улица, премия, институт и т. п. (имени) такого-то.

Курсивом выделены номера страниц, на которых данное лицо упомянуто в качестве элемента библиографического описания.

Жирным шрифтом выделены номера страниц, на которых приводятся годы жизни (иногда только год рождения или год смерти) данного лица.

В составе имени жирным шрифтом выделяется фамилия.

В качестве отсылочного слова используется «*alias*». В отсылках из латинской части указателя в русскую кириллическое написание имени указывается с той минимальной степенью детализации, которая достаточна для нахождении в русской части этого написания — например, «Гаспаров» (а не «Гаспаров Михаил Леонович») и «Колмогоров Андрей» (а не «Колмогоров Андрей Николаевич»).

Николай Алексеевич Богомолов был настолько любезен, что прислал ценные уточнения к Указателю. Рад его поблагодарить.

Абелюк Евгения Семёновна 39
Абэ Кобо 506, **507**, 508
Аванесов Рубен Иванович *459*
Аввакум, протопоп 441
Аверин Вс. 24
Аверинцев Сергей Сергеевич 531
Адлер Ирен (**Adler** Irene) 359
Айвенго Уильфред 554
Акела 42
Аксаков Сергей Тимофеевич 114, 151, 554
Аксёнов Василий Павлович 352, 353
Актей 332
Актеон 332—335, 457
Акунин Борис (**Чхартишвили** Григорий Шалвович) 277
Акутагава Рюноскэ 506, **507**
Алданов Марк Александрович 437
Александр I 295
Александр III 461
Александр Ярославич Невский 363, 400
Александров Григорий Васильевич 312
Александров Николай Дмитриевич 533, 537
Александров Павел Сергеевич **179**, **185**, *195*
Алексий II 329
Алёнушка 474
Алиса 472
Алпатов Владимир Михайлович 10, 179, 402, 407, 463
Альбац Евгения Марковна 369
Альфонсов Владимир Николаевич *459*
Альцгеймер Алоис 520
Амичис Эдмондо де 554
Ананьев Б. Г. 88
Андерсен Ганс Христиан 554
Андреев И. Н., полковник 451
Андреев Николай Николаевич 11, 562, 563
Андроников Ираклий Луарсабович 404
Андроникова Вивиана Абелевна 405
Андроникова Екатерина Ираклиевна 404
Андропов Юрий Владимирович 139, 451, 452
Анкей 332, 334
Анна Григорьевна, дама, приятная во всех отношениях 498
Анненский Иннокентий Фёдорович 23, 272, 487
Анохин Пётр Кузьмич 88
Антей 332, 333
Антонов-Овсеенко (**Антонов**) Владимир Александрович 387, 388, 393, **394**, **395**, 444
Апокин Игорь Алексеевич *217*
Аполлон 177
Апресян Юрий Дереникович 17
Апухтин Алексей Николаевич 566
Аракчеев Алексей Андреевич 294, 295
Ардов Виктор Ефимович 374, 467
Ардов Михаил Викторович 46, 288, 299, 312, 314, 348, *408*, 418, *455*, 464, 467, 470, **471**, 472
Ардова Людмила Викторовна 348
Аристарх, епископ 451
Аристотель (Стагирит) 221, 227, 235
Аристофан 79
Арнольд Виталий Дмитриевич 11, 293
Арнольд Владимир Игоревич 454
Аррениус Сванте Август 39
Арсеньев Константин Константинович *459*
Артемида 332—334
Артемьев Эдуард Николаевич 500
Артур, король 556
Арутчева Варвара Аветовна *458*

Арутюнова Нина Давыдовна 509
Архангельский Александр Григорьевич **24**
Архангельский Александр Николаевич 462, 464, 465, 473, 474
Архимед 56
Арцыбашев Михаил Петрович 474
Асеев Николай Николаевич *458*
Аспиз Евсей Маркович **474**
Аспиз Мирра Евсеевна **474**, 475
Астапова Татьяна *455*
Астафьев Виктор Петрович 520, 539
Аталанта 332—335
Атланта 333
Ахеджакова Лия Меджидовна 29, 31
Ахманова Ольга Сергеевна 508
Ахматова (Го́ренко) Анна Андреевна 58, 102, 198, 299, 302, 418, 453, 454, 460
Ашукин Николай Сергеевич 325, *455*
Ашукина Мария Григорьевна 325, *455*

Бабрак Кармаль 505
Багрицкий Эдуард Георгиевич 60, 67, 87, 90, 153, 198, 547, 548
Баевский Вадим Соломонович *195*, *459*, 489
Байрон Джордж Гордон 217, 346
Бальзак Оноре де 346
Бальмо́нт Константин Дмитриевич 24, 27, 29, 30, 32
Бальцан Евгений 135
Банк Наталья Борисовна *456*
Бану́ Цецилия Бенциановна **476**
Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович 42, 43, 45, 83, 148, 195, 550
Барклай Иоанн *203*, *470*
Барулин Александр Николаевич 18
Басовская Наталья Ивановна 320
Бассалыго Леонид Александрович *199*
Баталов Алексей Владимирович 314
Баум Фрэнк **416**
Бах Иоганн Себастьян 39, 209, 212, 448
Бахтин Михаил Михайлович 531
Бачей Пётр Васильевич (Петя) 562
Башмачкин Акакий Акакиевич 374
Беатриче, *alias* **Портинари**
Бегичев Степан Никитич 431
Безродный Михаил Владимирович 300, 434, *456*
Белинский Виссарион Григорьевич 516
Белоозеров В. Н. 244
Белоусов Александр Фёдорович 469
Белоусова Вера Михайловна 343, 344
Белый Андрей 22, 24, 33—36, 61, 64, 68, 69, 72—77, 79, 83, 86, 93, 135, 137, 159, 165, 180, 187, 194, 195, *196*, 208, 209, 216, 225, 233, 235, 236, 272, 286, 299, 300, 303, 304, 317, 341, *456*, 545
Бельчиков Юлий Абрамович *456*
Бендер Остап Ибрагимович 365
Бень Евгений Моисеевич 307
Бер Густав *326*
Берг Аксель Иванович 126, 340
Берг Николай Васильевич 485, **486**, 490
Березин Ефим Иосифович 500
Берия Лаврентий Павлович 399, 401, 402
Бе́рков Павел Наумович *204*
Берна́р Клод 18
Бернулли Даниил 455
Бернулли Иоганн 455
Бернулли Якоб 455
Берсенева Елена Михайловна 176
Бестужев-Марлинский Александр Александрович 323
Бетховен Людвиг ван 209, 303
Бёрнетт Фрэнсис Элиза 555

Билан Дима Николаевич 280
Блейман Михаил Юрьевич (Мика) 312
Блейхер Вадим Мойсеввич *160*
Блок Александр Александрович 24, 40, 54, 58, 59, 65, 83, 95, 101, 159, 209, 225, 226, 233—236, 299, 336, 535, 550
Блок Любовь Дмитриевна 299
Бобров Сергей Павлович 62—64, 91, 92, 157—159, **160**, *196*, 209, 216, 548, 549
Бовин Александр Евгеньевич *456*
Богатырёв Константин Петрович (Костя) 188
Богатырёв Пётр Григорьевич 231
Боголюбская Мария Константиновна *167*
Богомолов Николай Алексеевич 10, 466, 468, 471, 472, 566
Боголюбов Николай Николаевич 268, 270
Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович 371, 372, 438, *456*, *457*
Бойль Роберт 409
Большаков Иван Григорьевич 164
Бонапарт Наполеон 430, *alias* Наполеон I
Бондаренко Николай Иванович 450
Бóнди Сергей Михайлович 208, 212
Бор Нильс 510
Боратынский Евгений Абрамович, *alias* **Баратынский**
Борисова Елена Ивановна (Лена) 40
Бородин Александр Порфирьевич 10
Бородин Петя 266
Брайль Луи 248
Брамс Иоганнес 21
Брежнев Леонид Ильич 365, 381, 396, 452, 519
Брем Альфред Эдмунд 560
Брик Лили (Лиля) Юрьевна 35, 346, 348, **349**, 350, 351, 419, 437, *456—458*, 461
Брик Осип Максимович 350, 351, *458*
Бродский Иосиф Александрович 22, 39, 95, 96, 164—167, *191*, 272, 297, 298, 407, 419, 517
Брокгауз Фридрих Арнольд 136, 180, 197, 257, 384, *455*, *456*, *459*, 478
Бромберг Артемий Григорьевич *458*
Бронштейн Лев Давыдович **391**, *alias* **Троцкий**
Брюсов Валерий Яковлевич *68*, 74, 83, 147, 148, 191—195, *196*, 209, 214—217, 235
Брюханенко Наталия Александровна (**Брюхоненко** Наталья Александровна) 282, 283, 350, **387**, *456*
Брюхоненко Александр Николаевич 422, 444
Бубéра Кот 61—63
Бýбнов Андрей Сергеевич **396**
Бугаев Борис Николаевич 299, *alias* **Белый**
Бугаев Николай Васильевич 135
Будённый Семён Михайлович 374—376
Буковский Владимир Константинович *187*
Булгаков Михаил Афанасьевич 167, 529
Булгаков Михаил Петрович 103, *200*, 307, *457*, *alias* Макарий
Булгарин Фаддей Венедиктович 326, 329, *430*, 431
Булинский Александр Вадимович *196*
Булыгина Татьяна Вячеславна (Вячеславовна) 491, 509
Бунин Иван Алексеевич 484—487, 490, 554, 562
Буратино 552

Бурбаки́ Николя́ 357, *456*
Бурдовский Антип 93
Бурлакова Маргарита Ивановна 84, *196*, *alias* **Лекомцева**
Буссенар Луи Анри 311, 556
Бухарин Николай Иванович **391**, 392
Бухгейм Лев Эдуардович *457*
Бучинская Надежда Александровна 484, *alias* Тэффи
Буш (Bush) Джордж Уокер (сын) 257, 259, 276
Буяновер Ирина Семёновна 405
Былинский Константин Иакинфович *456*
Бэббедж (**Бэбидж**) Чарльз 217, 218, *alias* **Babbage**
Бэнвилл, лорд 277

Вавилов Владимир Фёдорович **425**, 426
Вавилова Тамара Владимировна 426
Вайскопф Михаил Яковлевич 118, *196*
Вальжан Жан 555
Вальтер Елена Владимировна 176
Ван **Дейк**, *alias* **Дейк**
Ваншенкин Константин Яковлевич 42
Варданян Валерий Арамович 13
Васецкий Григорий Степанович *201*
Василенко Кирилл 423
Василий Иванович 304
Василий, швейцар 411
Васильев Антон Михайлович 353
Васильев Борис Львович 167
Васильков 256
Ватсон 340
Вахрушев Владимир Серафимович 433
Введенская Никита Дмитриевна 311
Введенский Александр Иванович 266, 267, 272
Введенский Арсений Иванович *327*
Веверлей 24, 26
Вежбицкая Анна 187
Вейнберг Пётр Исаевич 478
Вейсберг Владимир Григорьевич 232
Векуа Илья Нестерович 268, 270
Величанский Александр Леонидович 167
Веневитинов Дмитрий Владимирович 273
Венедиктов Алексей Алексеевич 312
Венера 48
Вениамин ветхозаветный 301
Вентцель Александр Дмитриевич 10, 194, 402
Вентцель Елена Сергеевна 300, 519, *alias* **Грекова**
Вентцель Татьяна Владимировна 83
Ве́нцлова Антанас 384
Ве́нцлова Томас 165, 272, 273, 278, 384, 441, *456*, 468
Верн Жюль Габриэль 555, 559, 561
Вертинский Александр Николаевич 27, 30, 32, 316
Верховенский Степан Трофимович 278
Веселовский Александр Николаевич 445
Вивальди Антонио 209, 212
Вигдорова Фрида Абрамовна 418
Вигилянский Владимир Николаевич 447, 448
Визбор Юрий Иосифович 565
Вильгельм IV 311
Вильгельм V 311
Вильям, принц 311
Винер Норберт 126, 178, 193, *196*, 197, 198
Винни-Пух 42
Виноград Елена Александровна **330**
Виноградов Виктор Владимирович 203, *459*, 463

Виноградов Иван Матвеевич 268, 270
Виноградов Николай Дмитриевич **180**, 341
Виталий, швейцар 411
Витгенштейн Людвиг 344
Владимиров Леонид Владимирович 472
Владимиров Юрий Дмитриевич **267**
Власов Александр Васильевич 392
Власов Андрей Андреевич 392
Власов Павел Михайлович 505
Вознесенский Андрей Андреевич 60, *459*
Вознесенский Николай Алексеевич **396**
Войнович Владимир Николаевич 519
Волков Александр Мелентьевич 416
Волохонский Анри Гиршевич 317, 425, 426
Волоцкая Зоя Михайловна 231
Волошин Максимилиан Александрович 32, 140
Вольф Борис Маркович *478*
Вольф Маврикий Осипович 439, *457*
Воронцов Михаил Семёнович 295
Ворошилов Климент Ефремович 365, 375, 376, 440
Востоков Александр Христофорович 209
Выготский Лев Семёнович 232
Высоцкий Владимир Семёнович 139, 163
Вэник Чарльз 260

Газманов Олег Михайлович 258
Гайавата 554
Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович 561
Галатея 276
Галилеи Винченцо 426
Галич Александр Аркадьевич 57, 138, 181, 414
Галич (Гинзбург) Ангелина Николаевна 185
Галушкин Василий Иванович 280
Гамзатов Расул Гамзатович 433
Гамильтон Эмма 436
Гамлет 94, 365
Гамсун Кнут 180
Гандлевский Сергей Маркович 94, 162, 537
Ганна, больная 555
Ганс Йост 320
Гао Ган 400
Гапон Георгий Аполлонович 308
Гарин Пётр Петрович 555, 561
Гарусов Иван Дементьевич 326, 329
Гаспаров Михаил Леонович 23, 60—62, 68, 72, 74, 75, 79, *81*, 92, 93, 96, 112, 137, 144, 153, 155, 158—160, 188, *196*, *197*, 208, 213, 232—236, 332, 469, 541, 542, 545, 547—549, 551
Гедимин (Гедиминас) 419
Гей-Люссак Жозеф Луи 409
Гейзенберг Вернер 510
Геллер Денис *512*
Гельфáнд Израиль Моисеевич 129
Генкин Сергей Е. 232
Генрих IV 311
Георг II 396, 397
Георг VI 396, 397
Георгий, епископ 450
Геракл 334, 457
Герасимов А. В. 232
Герцен Александр Иванович 276, 408, 409, 445
Гершкович З. И. 88
Герштейн Эмма Григорьевна 467
Гёдель Курт 56, *alias* **Gödel**
Гёте Иоганн Вольфганг 180, 223, 250

Гиляровский Владимир Алексеевич 179
Гинзбург Ангелина Николаевна 185, *alias* **Галич** Ангелина
Гитлер Адольф 320, 392, 562
Главач Войтех Иванович **303**
Глазков Николай Иванович 346
Гленарван Эдуард, лорд 557
Глинка Михаил Иванович 446
Глю́цер Владимир Иосифович 29—32
Глушко Магда Максовна 197
Гнедич Николай Иванович 83, 550
Говно Иван Александрович 374
Гоголь Николай Васильевич 55, 98, 99, 118, 119, 122, 123, 180, 254, 289, 369, 370, 379, 438, 451, 491, 494, 496, 498, 501, 508, 516, 527, 528
Голиков Аркадий Петрович, *alias* **Гайдар**
Головин Борис Николаевич 85, 154
Голубев Владимир Васильевич 301, 341, **422**
Гомер 27, 30
Гор Геннадий Самойлович 88, 89
Гораций Флакк Квинт 409
Горбаневский Михаил Викторович *456*
Горбачёв Михаил Сергеевич 391, 422
Горегляд Валерий Павлович 321
Го́ренко Анна Андреевна 302, *alias* **Ахматова**
Горнфельд Аркадий Георгиевич 136, 137, *197*
Городецкий Сергей Митрофанович 474
Городовиков Ока Иванович 375
Горький Максим *204*, 300, 302, 485, 486, 505; *alias* **Пешков**
Готье Пьер Жюль Теофиль 38, 39
Гофман Виктор (Виктор-Бальтазар-Эмиль) Викторович 24
Гра́бак И. 90
Гранин Даниил (**Герман** Даниил Александрович) 88
Грант Гарри, капитан 555
Гребенников Роман Георгиевич 280
Гребенщиков Борис Борисович 317
Грекова Ирина Николаевна 300, 519, *alias* **Вентцель** Елена
Греч Николай Иванович *430*
Гржимали Иван Войцехович 135, 304
Грибоедов Александр Сергеевич 273, 325, 326, *327*, *328*, 431, 432, *457*, 461
Григорий, швейцар 411
Гримм Вильгельм и Якоб (братья) 554
Гришунин Андрей Леопольдович 431
Гуковский Григорий Александрович *204*
Гулливер Лемюэль 416, 556
Гумилёв Лев Николаевич 288, 453, 556
Гумилёв Николай Степанович 23, 83, 140, 279, 550
Гутенберг Иоганн Генсфляйш 409
Гутер Рафаил Самойлович 217, *218*
Гучкова (**Шпет**) Наталия Константиновна 176
Гюго Викто́р Мари 554, 555

Даль Владимир Иванович 162, 314, 320, 371, 372, 438—440, *457*
Дант (Данте) 40
Дантес Жорж 58
Дарвин Чарльз 127
Дармастук Александр Григорьевич 255
Дарькин Сергей Михайлович 275, 276
Деген Ион Лазаревич 489, 490
Дейк Антонис ван 404
Дельбрюк Макс 138, *197*
Демидова Алла Сергеевна 282, 283

Демченко Мария Сафроновна[1] 402
Демья́нков Валерий Закиевич 509
Державин Гавриил Романович 41, 83, 464—466, 474, 483, 550
Деррида Жак 534
Дёмина Наталия Валентиновна (Наташа) 552, 562
Джекобсон Натан 271
Джексон Генри 260
Джемс Уильям 181
Джинджич Зоран 276, 277
Джойс Джеймс 311
Джонсон Эндрю 315
Джугашвили Иосиф Виссарионович 163, 164, 301, *alias* **Сталин**
Диана, принцесса Уэльская 310
Ди Каприо Леонардо Вильгельм 44
Диккенс Чарльз 57, 311
Динерштейн Ефим Абрамович *458*
Дионис 44
Диотима 19
Дира́к Поль 119
Дмитренко Сергей Фёдорович 522
Дмитриева Валентина Иововна 433
Дмитрий Иванович 415
Дмитрий Иванович Донской 400
Добин Ефим Семёнович 88
Добродеев Дмитрий Борисович 464
Добрушин Роланд Львович 117, 118, 142, 143, 152, 171, **186**, *197*, *205*, *206*, 292, 405
Добужинский Мстислав Валерианович 552
Довлатов Сергей Донатович 105, 202
Дойл Артур Игнатиус Конан 558
Докторенко Владимир 97, 503, 504
Долгопольский Арон Борисович *200*
Долгорукий Аркадий Макарович 93
Домино, лис 557

[1] Это не опечатка. Таково её отчество по документам.

Доре Поль Гюстав 556
Дороднова Елена Александровна **330**
Доронина Татьяна Александровна 59, *197*
Досталь Дарья Владимировна 290
Достоевский Фёдор Михайлович 18, 93, 96, 97, 162, 180, 278, 430, 491, 503—505, 508, 509, 516—518
Драгунская Ирина Денисовна 533
Драйзер Теодор 223
Дранков В. Л. 88, *197*
Дружинин Геннадий 308
Дукакис Майкл Стэнли 450
Дункан Айседора 180
Душенко Константин Васильевич 430, 457
Дымшиц Александр Львович **292**, 293, 421
Дынкин Евгений Борисович 559, 560

Евклид (Эвклид) 95, 96, 164, 165, 356, 357
Европа 435
Евстигнеева Алла Львовна 279
Евтерпа, муза 37, 38
Евтушенко Евгений Александрович 60, 141, 202, 489
Егоров Дмитрий Николаевич 141, 341
Егоров Дмитрий Фёдорович 135, **341**
Егорова Анна Дмитриевна 186, *alias* **Колмогорова** Анна
Ежов Николай Иванович 437
Екатерина II 160, 384, 403
Елизавета, королева-мать (жена, потом вдова короля Георга VI) 344, 397
Елизавета II, британская королева, дочь предыдущей 330, **344**, 397
Елизавета Бельгийская 344
Елизавета Петровна, императрица 234, 476

Ельцин Борис Николаевич 160, 161, 163, 259—262, 316, 442
Епиходов Семён Пантелеевич 405
Ершов Андрей Петрович 497
Ерёменко Александр Викторович 95, 164
Ерёмин Сергий 451
Есенин Сергей Александрович 58, 180, 206, 403
Есенина Александра Александровна, *alias* **Ильина** Александра
Есенина Екатерина Александровна, *alias* **Наседкина**
Ефанов Василий Прокофьевич 402
Ефремин Александр Владимирович *478*
Ефремов Михаил Олегович 29—31
Ефремов Олег Николаевич 29
Ефрон Илья Абрамович 136, 180, 197, 257, 384, *455*, *456*, *459*, 478

Жаботинский Владимир Евгеньевич 392
Жандр Андрей Андреевич 329, 431, 432
Жданов Андрей Александрович 164
Жегин Лев Фёдорович 232, 233
Желябов Андрей Иванович 408
Живаго Юрий Андреевич 265, 407
Живов Виктор Маркович 177
Жижич Зоран 276, 277
Жижченко Алексей Борисович 269, 271
Жилин Александр Николаевич *456*
Жинкин Николай Иванович 245, 247
Жирмунский Виктор Максимович 81, 90, *197*, 246, 249
Житков Борис Степанович 561, 562
Житомирская Сарра Владимировна 462
Жолковский Александр Константинович (Алик) 17—19, 21, 83, 85, 232, 334, *457*, 468, 550
Жуковский Василий Андреевич 27, 83, 90, 383, 414, 415, 547, 550
Жуковский Николай Егорович 341

Заболоцкий Никита Николаевич 412
Заболоцкий Николай Алексеевич 95, 411, 412
Завилянский Израиль Яковлевич *160*
Задорнов Михаил Николаевич 520
Займовский С. Г. 324, *457*
Зализняк Андрей Анатольевич 15, 82—84, 145, 186, *197*, 205, 231, 366, 379, 461, 523, 541, 542, 544, 550
Залыгин Сергей Павлович 520
Занегина Татьяна Николаевна 406
Западов Александр Васильевич 467
Зарецкий Валентин Айзикович 85, 153, 155
Зарубина Анна Юрьевна (Аня) 13
Захаренко Нина Герасимовна *456*
Заходе́р Борис Владимирович 511
Зельдин Владимир Михайлович 405, 406
Зельдович Яков Борисович 192, 195, *197*
Зелёная Рина Васильевна 385
Земсков Владимир Фёдорович *458*
Зензинов Владимир Михайлович 437
Зернова Руфь Александровна 183, 194
Зильберштейн Илья Самойлович *459*
Зимин Дмитрий Борисович 563
Зиновьев Александр Александрович 460
Зиновьев (**Радомысльский**) Григорий Евсеевич **391**, 392, 394
Зипф Джордж Кингсли, *alias* **Ципф**
Знаменский Пр. 478
Зорин Андрей Леонидович 286, 342, 343, 465, 466, 468
Зощенко Михаил Михайлович 288, 484
Зудина Марина Вячеславовна 406

Зыкина Людмила Георгиевна 139
Зюкин Афанасий Степанович 277

Иаков ветхозаветный 301, 457
Иафет 20
Ибсен Генрих 180
Иванóв Александр Александрович 23
Ивáнов Александр Андреевич 225
Иванóв В. 89
Ивáнов Всеволод Вячеславович 273
Ивáнов Вячеслав Всеволодович (Кóма) 66, 67, 82—85, 87, 92, 126, 128, 129, 131, 132, 142, 144, 158, 175, **177**, 178, 185, 187, 188, *197*, 207, 212, 213, 229, 231, 232, 248—250, *456*, 468, 543, 548, 550
Ивáнов Вячеслав Иванович 68, 272, 273
Ивáнов Георгий Владимирович 468, 484
Ивáнов Павел 505
Иванóв Сергей Аркадьевич 334
Иванóва Наталья Борисовна 22
Ивáнова Тамара Владимировна 178
Ивáнова Татьяна Эдуардовна (Таня) 188
Ивáшев-Мусатов Сергей Николаевич (Михайлович) 58, **140**, 185, 186
Ивáшев-Мусатов Олег Сергеевич 186
Ивáшева-Мусатова Нина Васильевна 185
Ивáшева Полина Александровна 185
Иволгин Гаврила Ардалионович 94
Игнатьев Иван Васильевич 484
Изида 45
Иисус Христос 336
Ильина (Есенина) Александра Александровна **421**
Ильина Наталия Иосифовна 421
Ильф Илья Арнольдович (**Файнзильберг** Иехиел-Лейб Арьевич) 272, 273, 409, *457*
Иоанн, настоятель 307
Иоанн XXIII 136
Иоанн Грозный 405
Иоанн Кронштадтский 307
Иоанн Павел II 276, 422
Иорданская Лидия Николаевна 18, 83
Иосиф ветхозаветный 301
Ипатия 177
Исаченко Александр Васильевич 90
Искандер Фазиль Абдулович 520

Каверин Вениамин Александрович 433
Кáган Вениамин Фёдорович 63
Каган Лили Уриевна **351**, *alias* **Брик** Лили
Каганович Лазарь Моисеевич 401—403
Кадар Янош 506
Казин Александр Леонидович *195*
Каледин Сергей Евгеньевич 520
Калинин Михаил Иванович 265
Калинина Сталина Владимировна 265
Каллиопа, муза 41
Каллирóя, нимфа 34
Каллистó, нимфа 34
Калмыкова Александра Михайловна **416**
Калягин Николай Иванович 486, 487
Каменев (Розенфельд) Лев Борисович **391**, 392
Каменева Валентина Сергеевна 285
Канова да Милано Франческо **425**, 426
Кант Иммануил 210
Кантемир Антиох Дмитриевич 75, 83, 550
Капи́ца Андрей Петрович *457*
Каплер Алексей Яковлевич (Люся) 312

Капни́ст Василий Васильевич 83, 550
Капулетти Джульетта 289
Карабас-Барабас 552
Карамазов Дмитрий Фёдорович (Митя) 18
Караулов Юрий Николаевич *456*
Карл II 311
Карл III 310
Кармаль Бабрак 505
Карме́н Роман Лазаревич (Римма) 312
Карр 277
Каррер д'Анкосс Элен 519, 520, 538
Кастро Фидель 30
Катаев Валентин Петрович 557, 562
Катаев Георгий Иванович 60, 139, *198*
Катаев Евгений Петрович, *alias* **Петров** Евгений
Катаев Иван Иванович 59, 60, **141**
Катаев Иван Матвеевич 59
Катаев Николай Матвеевич 59
Катанян Василий Абгарович 346, *458*
Катанян Василий Васильевич 281—283, 347, *457*
Катулл Валерий Гай 468
Кафка Франц 137
Кащей Бессмертный 516
Квитко Лев Моисеевич 440
Квятковский Александр Павлович *198*, 549
Кедров Константин Александрович 462
Ке́дрова Марина Михайловна 384, 441
Келдыш Мстислав Всеволодович 267, 268, 270
Кетли́нская Вера Казимировна 88
Кибиров Тимур Юрьевич 22, 39—41, 44—48, 382, 403, 445, 466, 472, 533—537
Кибирова Людмила (Мила) 40
Кибрик Александр Евгеньевич 509, 550
Кинг Уильям 217
Кинули, львица 557
Киплинг Редьярд 554
Кирилл, патриарх 450
Кирпиченко 352
Кирсанов Владимир Семёнович 66
Киселевская Светлана Марковна 282, *alias* **Успенская** Светлана
Киселёв Андрей Петрович 553
Киселёв Дмитрий Константинович 310
Китов Анатолий Иванович 127
Кичин Валерий Семёнович 163
Клемансо Жорж 521
Клинтон Билл (Уильям Джефферсон) 315, 360
Клубков Павел Анатольевич 469
Клюев Евгений Васильевич 513, 514
Кнорозов Юрий Валентинович 85, 153
Кобзон Иосиф Давыдович 139
Кобо **Абэ**, *alias* **Абэ**
Коваленко Светлана Алексеевна *458*
Ковалёв Платон Кузьмич 379
Коган-Бернштейн Мириам 437
Козетта 554
Козлов 438
Козлова Анна Юрьевна 294
Колендич Пётр *203*
Колло д'Эрбуа Жан-Мари 286
Колмогоров Андрей Николаевич *3*, *4*, 11, 14, **54**, 55—93, 101—103, 105, 106, 109, 112, 115, 119, 121, 124—132, 134—136, 138—154, 157—160, 167—169, 171—176, 178—190, 193, 196—198, *199*, *200*, 202—205, 207, 211—216, 229, 230, 233, 235—237, 243, 247—250, 340, 341, 389, 444, 461, 509, 522, 531, 540—551
Колмогоров Яков Степанович 141

Колмогорова Анна Дмитриевна 140, **141**, 186
Колмогорова Мария Яковлевна 141
Колосков Александр Иванович *458*
Кольцов-Мосальский Владимир Васильевич 415
Комаров Геннадий Фёдорович *191*
Комаровский Василий Алексеевич 272
Конан-Дойль Артур, *alias* **Дойл**
Конашевич Владимир Михайлович 553
Кондратов Александр Михайлович (Саша) **68**, 142, 143, 156, 186, 187, *200*, 232, 546
Кондрашев-Ива́нов Ипполит Михайлович, художник 140, 185
Констан Альфонс-Луи, *alias* **Леви**
Константин Павлович, великий князь 307
Копелев Лев Зиновьевич 140
Корде Шарлотта 286
Коржавин (**Мандель**) Наум Моисеевич 141, 408
Корин Павел Дмитриевич **401**
Корлеоне Вито 352
Корнилов Борис Петрович 553
Корнилов Владимир Тимофеевич 279
Коробочка Настасья Петровна 527
Коровьев 55, 94
Короленко Владимир Галактионович 485, 486
Коротков 288
Корчагин Павел Андреевич (Павка) 505
Костер Шарль Теодор Анри де 554
Косыгин Алексей Николаевич 381, 452
Кочина Пелагея Яковлевна 396
Кошевой Владимир Олегович 290
Кошечкин Сергей Петрович 62
Кошляков Николай Сергеевич **396**
Коштоянц Хачатур Седракович 396
Кравцов Николай Иванович 22
Крейдлин Григорий Ефимович 18
Крейцберг, укротитель 477—479
Крестовоздвиженская (**Крестовская**) Мария Александровна 176
Криницкий Павел Васильевич 307
Кружков Григорий Михайлович 512, 514
Кручёных Алексей Елисеевич 167, 192
Крылов Алексей Николаевич **371**, *457*
Крылов Иван Андреевич 55, 540
Крымский Агафангел Ефимович 480
Крючкова Татьяна Борисовна 509
Кублановский Юрий Михайлович 537
Кудряшева Н. В. *195*
Кузмин Михаил Алексеевич 287, 288
Кузнецов Александр, сценарист 29
Кузнецов Анатолий Васильевич 410
Кузнецов Пётр Саввич 140, 144
Кузьма, пожарный 553
Кузьма Остолоп, купец 415
Кун Николай Альбертович 554
Куперен Франсуа 209, 212
Куприн Александр Иванович 34, 474
Кураев Андрей Вячеславович 309, 425, 449, 450
Кураева Мария Ивановна (няня Маша) 558
Курочка-ряба 27, 28, 30, 34
Курочкин Василий Степанович 477, *478*
Курош Александр Геннадиевич 301, 302
Кустодиев Борис Михайлович 553
Кутузов Михаил Илларионович 400
Кушнер Александр Семёнович 537
Кэрролл Льюис 472, 510—514
Кюри́ Пьер и Мария (**Склодо́вская-Кюри́**) 165

Лавинская Елизавета Александровна *457*
Лавлейс Августа Ада 210, **217**, 218
Лавлейс Уильям 217
Лавошникова Элина Константиновна 10
Лагорио Нина Георгиевна 186
Ланге Карл 181
Лаокоон 187
Лапин Владимир Петрович 30
Лаплас Пьер Симон 214
Ларина Татьяна Дмитриевна 526
Ларцев Василий Григорьевич *200*
Лаура 40
Лахути́ Абулькаси́м (Гасе́м) **476**
Лахути́ Гив Гасемович 476
Лахути́ Делир Гасемович 476, 477
Лахути́ Лейла́ Гасе́мовна **476**, 477
Лацис Отто Рудольфович 354, *457*
Лебег Анри Леон 80, 96
Лебедев Лукьян Тимофеевич 96, 97, 99—101, 503, 504
Лебедь Александр Иванович 24
Лебядкин Игнат Тимофеевич 405
Леви Элифас (**Констан** Альфонс-Луи) 469
Левин Юрий Иосифович 193
Левина Лия Моисеевна 352
Левинсон Лев Семёнович 464
Левинтон Ахилл Григорьевич 138, 181, 183
Левинтон Георгий Ахиллович 10, 81, 149, 179, 182, 193, 194, 256, 443, 469—471, 480
Левитин Евгений Семёнович (Женя) 28, 29, 35, 38, 193, 333, 405
Левитин Игорь Евгеньевич 506
Левы (**Левый**) Иржи 90
Леенсон Илья Абрамович 469
Лейбниц Готфрид Вильгельм 455
Лейбов Роман Григорьевич 481, 482
Лекманов Олег Андершанович 484
Лекомцев Юрий Константинович 232
Лекомцева Маргарита Ивановна 231, *alias* **Бурлакова**
Лем Станислав 413
Ленин (**Ульянов**) Владимир Ильич (**Ленин** Н.) 160, 300, 322, 363, 364, 389, 393, 400, 402, 409, 419, 442
Ленский Владимир 396
Леонтьева Нина Николаевна 83
Лермонтов Михаил Юрьевич 83, 159, 195, 540, 550
Лесков Сергей Леонидович 274
Летов Егор 484
Лившиц Бенедикт Константинович 22, 36—38
Лидия Фёдоровна, учительница 552
Лимбах Иван Юрьевич *456*
Лимонов Эдуард Вениаминович 462
Линдсей Джон 433
Липкин Семён Израилевич 190, *200*, 487
Лир Эдвард *512*
Лиснянская Инна Львовна 537
Литвинов Владимир Владимирович 59
Лифшиц 35
Лихачёв Дмитрий Сергеевич 88, *459*
Лихтенштейн Ефим Семёнович 267, 268
Лобачевский Николай Иванович 95, 96, 191, 192, 316, 319—321, 409, 540
Логос 534
Лоллобриджида Джина 30
Ломковская Мария Владимировна (Маша) 83
Ломоносов Михаил Васильевич 14, 83, 234, 470, 522, 540, 550
Лонгфелло Генри Уодстворт 554

Лондон Джек (**Чейни** Джон Гриффит) 508, 558
Лопиталь Гийом Франсуа Антуан, маркиз де 454, 455
Лоринг Найджел, сэр 558
Лосев Лев Владимирович 265, 406, 537
Лотман Юрий Михайлович 57
Лохвицкая Надежда Александровна 484, *alias* Тэффи
Лужков Юрий Михайлович 329, 443
Лузин Николай Николаевич 80, 180, 341, 445
Лука, евангелист 340
Лукашенко Александр Григорьевич 438
Лукомников Герман Геннадьевич 481, 482
Лупанов Олег Борисович *205*
Лу́ппол Иван Капитонович *457*
Лу́рия Александр Романович 129, 285
Лысенко Трофим Денисович 160
Львовский Сергей Михайлович *200*
Любимов Николай Михайлович *200*
Людовик XIV 311
Людовик XVI 462
Ляпунов Алексей Андреевич 127, 246, **249**, 284, 285

Мазур Наталья Николаевна (Наташа; Таша) 40, 48
Майено́ва Мария Рената 90, 187, 551
Макарий, митрополит 103, *200*, 307, *457*, *alias* **Булгаков** Михаил Петрович
Макашин Сергей Александрович *459*
Макеев Михаил Александрович 310
Максимова Екатерина Сергеевна 177
Малаховская Екатерина Брониславовна 552
Малаховский Бронислав Брониславович 552
Малеин Александр Иустинович *204*
Маленков Георгий Максимилианович 401, 402, 451
Малер Густав 209, **212**
Мало Гектор Анри 555
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович 474
Мамонтов Анатолий Иванович *461*
Мандель Наум Моисеевич, *alias* **Коржавин**
Мандельштам Осип Эмильевич 96, 112, 137, 197, 272, 286, 292, **293**, 339, **395**
Манилов Павел Иванович 99, 494, 496, 527
Манилова 494
Манн Томас 57, 138
Мао Цзэдун 313, 399
Марат Жан-Поль 286
Марецкая Мария Георгиевна 82
Мариенгоф Анатолий Борисович 298
Мариотт Эдм 409
Мария Исаевна, машинистка 418
Мария-Антуанетта 362
Марков Андрей Андреевич (отец) 112—115, **170**, *200*, 201
Марков Андрей Андреевич (сын) 84, 126, **170**, *201*, 214
Марков Георгий Мокеевич 274
Маркс Карл Генрих 160, 179, 322, 362, 363, 403
Марр Николай Яковлевич 160
Марсий 36
Мартемьянов Юрий Семёнович 83, 231
Мартынов Леонид Николаевич 58
Марутян Александр Николаевич 340
Маршак Самуил Яковлевич 410, 440, 460, 553, 562
Матисс Анри 225
Матросов Александр Матвеевич 423

Матросов Виктор Леонидович 423
Матфей, евангелист 123
Маша, няня, *alias* **Кураева**
Маша (умная Маша) 552
Маяковская Александра Алексеевна **349**
Маяковская Людмила Владимировна **349**, *458*
Маяковская Ольга Владимировна **349**
Маяковский Владимир Владимирович 18, 27, 30—32, 35, 56, 58, 59, 61, 67, 83, 87, 128, 143, 153, 158—160, 190, 198, 200, 215, 222, 235, 243, 249, 292, 342, 345—351, 368, 377, 386—390, 393, 394, 408, 419, 431, 437, 453, 457—459, 461, 470, 543, 546, 550
Медведев Дмитрий Анатольевич 312, 313
Медведев Рой Александрович 464
Межиров Александр Петрович 232
Мейерхольд Всеволод Эмильевич 18, 24, 409, 410
Мейлах Борис Соломонович 88, 89, *201*, *203*, 246, 248, 551
Мейлах Михаил Борисович 266
Мельчук Игорь Александрович 18, 20, 22, 83, 550
Менабреа Луиджи Федерико 217
Менделеев Дмитрий Иванович 14, 55, 136, 137, 181, *201*, 522, 540
Мери 339
Мерц Н. Ф. *482*
Мехлис Лев Захарович 437
Мигдал Аркадий Бенедиктович 192
Мидоуз, матушка 554
Мижуев, зять 370
Микеладзе Зураб Николаевич 15
Микоян Анастас Иванович (Ованесович) 164
Миллионщиков Михаил Дмитриевич 268, 270
Милошевич Слободан 276
Минин Кузьма Минич 400
Минкус Алоизий Людвиг (Леон Фёдорович) 493
Миранда (Miranda), дочь Просперо 519
Михалков Сергей Владимирович 167
Михельсон Мориц Ильич 325, *458*
Михник Адам 372
Мичурин Иван Владимирович 160
Мойдодыр 534
Молотов Вячеслав Михайлович 401, 402
Молошная Татьяна Николаевна *203*
Монин Андрей Сергеевич 90, 101, **157**, 158, 160, 190, *202*
Монина Варвара Александровна 157, 279
Монтгомери Бернард Лоу 397
Монтекки Ромео 289
Мордовцев Даниил Лукич 481, **482**, 484
Морозов Павел Трофимович (Павлик) 505
Мосальский, боярин, *alias* **Кольцов-Мосальский**
Москвин Виктор Александрович 539
Моцарт Вольфганг Амадей 209, 448, 536, 562
Мочáлова Ольга Алексеевна 279
Мунипов Алексей Юрьевич 443
Мурадели Вано Ильич 398
Муралов Александр Иванович **393**, **395**
Муралов Николай Иванович 389, 390, **393**, 394, **444**
Мурр, кот 62
Мусатов Николай Александрович 185
Мусатов С. 185
Муссолини Бенито 392

Мухаммед, пророк 448
Мухина Вера Игнатьевна 493
Мышкин Лев Николаевич 93, 96, 97, 99, *491*, 503, 504
Мэри 339
Мэри, арфистка 19
Мясников Пётр Вениаминович 301

Набоков Владимир Владимирович 256, 358, 359, 472, 512, 517
Нагибин Юрий Маркович 300
Надсон Семён Яковлевич 68
Надь Имре 506
Наполеон I 137, 430, 462, *alias* **Бонапарт**
Наседкина (**Есенина**) Екатерина Александровна **421**
Насер Гамаль Абдель 397
Натуся 40
Наумов Алексей Георгиевич 31, 32
Невтóн 205, 461
Неглинкин Евгений 65
Незнайка 42
Нейгауз Генрих Густавович 19
Нейман Джон фон 178
Некрасов Виктор Платонович **273**
Некрасов Николай Алексеевич 195, **273**, 487, 516, 539
Нельсон Горацио (**Nelson** Horatio) 436, 453
Немзер Андрей Семёнович 465
Нестеров Михаил Васильевич 225
Нечаев Александр Павлович *559*
Нигрино Николо 426
Никитенко Александр Васильевич 414
Николаева Олеся Александровна 537
Николаева Татьяна Михайловна *197*, 231
Николай I 295, 383, 415, 461, 462
Николай II 435
Николай Павлович, великий князь 307
Никон, патриарх 441
Никонов Владимир Андреевич 159
Нилин Павел Филиппович 464
Нобель Альфред Бернхард 135
Новиков Пётр Сергеевич 14, 46
Новиков Сергей Петрович 55, *202*
Новиков-Прибой Алексей Силыч 227, 236
Ноздрёв 306, 315, 370
Нортон Ирен (**Norton** Irene) 359
Ньютон Исаак 94, 162, 165, 192, 205, 214, 461

Обама Барак Хусейн (**Obama** Barack Hussein II) **263**, 264
Обатнина Елена Рудольфовна *443*
Обломовы 254
Образцов Сергей Владимирович 411
Овидий Назон Публий 153
Огарёва Елизавета Сергеевна 415
Оглоблина Татьяна Александровна 31, 32
Одоевцева Ирина Владимировна 468, 484
Ожегов Сергей Иванович 105, 121, 544
Озеров Лев Адольфович *202*, *459*
Олейников Николай Макарович 460
Олеша Юрий Карлович 552
Онегин Евгений 71
Онуфрий Степанович, пациент 312
Орджоникидзе Серго (Григорий Константинович) 164
Орлов Александр Сергеевич *204*
Орлов Владимир Николаевич 235
Оруэлл Джордж 388, 392, 398, 399, 424
Осповат Александр Львович 468
Островский Александр Николаевич 324

Островский Арон Львович 398
Островский Николай Алексеевич 505
Отелло 42
Офелия 94
Охотин Никита Глебович 393, 444

Павел, апостол 440
Павел I 295
Павлов Иван Петрович 127, 160, 248, 540
Павлов Олег Олегович 520
Павлова Каролина Карловна 79
Па́дучева Елена Викторовна 83, 85, 232, 249, 366, 550
Панин Иван Александрович 32
Панин Михаил Иванович 32
Панина Гаянэ Юрьевна 32
Панов Михаил Иванович *461*
Панов Михаил Юрьевич 11
Панова Вера Фёдоровна 88, 89
Панюнин Никита Михайлович 11
Паперная Эстер Соломоновна **25**
Параджанов Сергей Иосифович 281, 282
Парамонов Борис Михайлович 141, *202*
Парнок Софья Яковлевна 287, 288, 459, *alias* **Parnok**
Пастернак Борис Леонидович 17—19, 22, 23, 49, 58, 75, 79, 83, 124, 132, 160, 176, 179, 186, 187, 193, *202*, 208, 215, 216, 258, 265, 272, 330, 335, 342, 394, 406, 407, 433, 457, *459*, 550
Пастернак Евгений Борисович 176, *459*
Пастернак Елена Владимировна 176, *459*
Пастернак Леонид Осипович *459*
Пекуровская Ася 516—518
Пентус Мати Рейнович 481
Перельман Григорий Яковлевич 559
Перельман Яков Исидорович 559
Пермяков Евгений Владимирович 13
Перовская Софья Львовна 408
Перцов Виктор Осипович *458*
Петрарка Франческо 40
Петров Алексей Аркадьевич 63, 158, 160
Петров (Катаев) Евгений Петрович 409
Петров-Водкин Кузьма Сергеевич 225, 233
Петровский Иван Георгиевич 541
Пешко́в (Пе́шков) Алексей Максимович 300, **302**, *alias* **Горький**
Пётр I 37, 473
Пивоваров Борис Иванович 539
Пигасов Африкан Семёнович 162
Пиксанов Николай Кирьякович **328**, 431, 432, *457*
Пилсудский Юзеф 419
Пискарёв, художник 289
Пицкель Фаина Наумовна 393, *458*
Пияшева Лариса Ивановна 520
Платон 103
Плева́ко Фёдор Никифорович 35, 528
Пле́ве Вячеслав Константинович 35
Плеханов Георгий Валентинович 408
Плунгян Владимир Александрович 14
Плунгян Надежда Владимировна 13
Плутарх 332
Поваров Гелий Николаевич *456*
Подвойский Николай Ильич 387, 388, 393, **394**, **395**, 444
Подгорный Николай Викторович 381, 452
Подлесская Вера Исааковна 509
Подточина Александра Григорьевна 379
Пожарский Дмитрий Михайлович 400
Полевой Ксенофонт Алексеевич **478**

Полевой Николай Алексеевич 478
Поленова Наталья Фёдоровна 537
Полетаев Игорь Андреевич 88
Полещук Н. С. *444*
Поливанов Дмитрий Михайлович 177
Поливанов Евгений Дмитриевич 177, 200
Поливанов Константин Михайлович (отец) 382
Поливанов Константин Михайлович (прадед) 177
Поливанов Константин Михайлович (сын) 177, *459*
Поливанов Михаил Константинович (дед) 177
Поливанов Михаил Константинович (друг автора) 38, 82, 128, 129, 131, 132, **176**, 178, 193, *197*, *206*, 207, 212, 213, 249, 333, 382
Поливанов Михаил Матвеевич **177**
Поливанова Анна Константиновна 177
Поливанова Елена Михайловна 176
Поливанова Марина Михайловна 177
Поливанова Мария Константиновна 177
Поливанова (Шпет) Маргарита Густавовна 176
Полонская Вероника Витольдовна (Нора) 346, 347, **348**, 349, 419, *459*
Полторанин Михаил Никифорович 139
Полунов Юрий Леонович 217, *218*
Полякова Софья Викторовна **287**, *459*, *460*
Померанцев Игорь Яковлевич 39
Поморска Кристина 187
Понтрягин Лев Семёнович **267**, 268—271
Попкова Лариса 520
Попов В. С. *197*
Попов Гавриил Харитонович 443
Поприщин Авксентий Иванович 257
Постум 297, 419
Портинари Беатриче 40
Порфирий Петрович, следователь 94
Пост Эмиль Леон 216
Потёмкин Григорий Александрович 384
Преображенский Филипп Филиппович 328
Приваловский Юрий *326*
Пригов Дмитрий Александрович 45, 298, 299, *460*
Примаков Евгений Максимович 275
Пришвин Михаил Михайлович 57, 139
Прокушев Юрий Львович 389, 393, *458*
Просперо, *alias* Prospero
Прохоров Александр Владимирович (Саша) 67, 68, 70, 83—85, 87, 88, 91, 92, 156, 159, *198*, *199*, *202*, 245, 546, 548, 551, *alias* **Prochorow**
Прохоров Юрий Васильевич *199*
Прохорова Ангелина Николаевна 185
Прудон Пьер Жозеф 179
Пруст Марсель 93
Прутков Козьма Петрович 27, 30, 32, 254
Пуанкаре Раймон 381
Пугачёва Алла Борисовна 141
Пудовкин Всеволод Илларионович 312
Пуртова Н. *460*
Путин Владимир Владимирович 257, 259, 276, 312, 313, 360, 423
Пухов Михаил 513, 514

Пушкин Александр Сергеевич 55, 56, 58—60, 62, 71, 82, 83, 87, 90, 91, 95, 111, 112, 114, 123, 159, 167, 169, 194, 195, 208—212, 214, 215, 234, 236, 285, 286, 295, 299, 317—319, 323, 327, 336, 339, 384, 403, 414, 415, 430, 442, 445, 446, 462, 464, 482, 483, 540, 550, 562
Пущин Иван Иванович 324, 327, 430, *460*
Пяст Владимир Алексеевич 279
Пятаков Георгий Леонидович 393
Пятигорский Александр Моисеевич 232

Рабле Франсуа 556
Радек Карл Бернгардович 393
Радищев Александр Николаевич 407, 480
Радомысльский Григорий Евсеевич **391**, *alias* **Зиновьев** Григорий
Разгон Лев Эммануилович 475
Райх Зинаида Николаевна 18
Раневская Фаина Григорьевна 29
Раскина Александра Александровна 194
Раскольников Родион Романович 94
Ратнер Марина Евсеевна 105, 121, 544
Рахилина Екатерина Владимировна (Катя) 12, 480
Рахилина Лидия Ивановна 256
Рахманов Леонид Николаевич 88
Ревзин Исаак Иосифович 65, 83, 85, 86, 151, 152, 168, *202*, 231, 548, 550
Рейган Роналд Уилсон 300, 301
Рейн Евгений Борисович 162, *202*
Ремизов Алексей Михайлович 443
Ренье Анри Франсуа Жозеф де 311
Реформатский Александр Александрович 166
Рид Тальбот Бейнс 555
Риман Бернхард 191, 192
Ричард Львиное Сердце 558
Робертс Джон Гловер 263, 264
Робеспьер Максимилиан 286
Рожанская Юлия Антоновна 180
Рождественский Всеволод Александрович 88
Розанов Василий Васильевич 443
Розенберг Александр Григорьевич **25**
Розенфельд Лев Борисович **391**, *alias* **Каменев**
Розенцвейг Виктор Юльевич 83, 85, 144, 196, 205, 231
Розов Николай Христович *206*
Ромашкин, пациент 256
Рони Жозеф 561
Ростан Эдмон 29, 79
Ротов Константин Павлович 291, 553
Рубинов Анатолий Залманович 424, 425, 452, 453
Рубинштейн Лев Семёнович 382, 466, 534
Рубинштейн Николай Григорьевич 446
Рублёв Андрей 224
Рубцова Е. *460*
Рукавишников Иван Сергеевич 474
Руссо Жан-Жак 362
Руставели Шота 188
Рыков Алексей Иванович **391**, 392
Рычкова (Химченко) Наталья Григорьевна (Наташа) 67, 68, 70, 83—85, 87, 92, 125, 128, 143, 150, 151, 153, 158—160, 176, *199*, *202*, 230, 548
Рязанов Эльдар Александрович 30, 282, 283
Ряшенцев Юрий Евгеньевич 164

Савинова Евгения Сергеевна *202*
Савчук Анна Порфирьевна 70, 83, 87, 150, 159
Саддам Хусейн 505
Сакер Яков Львович 287
Сальери Антонио 95, 529
Сараскина Людмила Ивановна *520*, *538*
Сарьян Лусик Лазаревна 405
Сарьян Мартирос Сергеевич 404
Сафонов Василий Ильич **303**, 304, 341
Сафонова Елена Васильевна 304
Сванидзе Николай Карлович 310
Светлов Михаил Аркадьевич 257
Светлова Наталья Дмитриевна (Наташа) 70, 92, 105, 121, 544, 548, *alias* **Солженицына**
Свифт Джонатан 416
Северянин Игорь 24
Сегал Дмитрий Михайлович 231, 232
Седов Леонид Иванович 268, 270
Сеженский Константин Константинович 398
Селифан, кучер 139
Семен Август *326*
Сервантес Мигель де 554
Сергеев Андрей Яковлевич 162, 394, *460*
Сергиев Иван Ильич 307
Серебренников Николай Валентинович *206*
Серебрянский Марк Исаакович *458*
Сетон-Томпсон Эрнест 554, 557, 559
Сидоров 464
Сим 20
Симонов Алексей Кириллович 418
Симонов Евгений Рубенович 176
Симонов Константин (Кирилл Михайлович) 325, 361
Симонов Рубен Николаевич 176
Синявский Андрей Донатович 380, *459*
Сирано де Бержерак 29, 30, 79
Скатов Николай Николаевич *460*
Скиталец (Петров) Степан Гаврилович 474
Склодо́вская-Кюри́ Мария 165, *alias* **Кюри**
Скобелев Михаил Дмитриевич 24
Скороходова Ольга Ивановна 133, **179**, *203*
Скотт Вальтер 415, 482, 554
Скофилд Пенрод 555
Слонимский Михаил Леонидович 88
Слуцкий Борис Абрамович 58, 402
Случевский Константин Константинович 68
Смелянский Анатолий Миронович 318
Смирди́н Александр Филиппович *204*, *326*, 471
Смирнов Алексей 276
Смирнова Г. *203*
Смит Адам 364
Снежкина Инесса Олеговна 290
Собакевич Михаил Семёнович 380
Собинов Леонид Витальевич 474
Соболев Сергей Львович 127
Соболь Роман 276
Сойер Томас 555
Соколов Максим Юрьевич 163
Соколянский Иван Афанасьевич **179**, *203*
Солдатенков Александр 451
Солёный Василий Васильевич 406
Солженицын Александр Исаевич 57, 58, 128, 139, 140, 464, 520, 538, 539
Солженицына Наталья Дмитриевна 144, 185, 539, 544, *alias* **Светлова**
Солнцев Вадим Михайлович 509
Сологуб Фёдор 42, 58, 272
Солоухин Владимир Алексеевич 57

Сорокин Владимир Георгиевич 464
Сорокина Светлана Иннокентьевна 462
Сосинский Алексей Брониславович 67, 68
Софронов Михаил Викторович 231
Софья Ивановна, дама просто приятная 498
Спиридонова Мария Александровна **395**
Ставрогина Варвара Петровна 405
Стагирит, *alias* Аристотель
Сталин Василий Иосифович 164
Сталин Иосиф Виссарионович 51, 265, 301, 313, 322, 348, 363, 372, 373, 375, 391, 394, 396, 397, 399, 401—403, 419, 437, 440, 445, 451, 452, 454, 562, *alias* **Джугашвили**
Станиславский Константин Сергеевич 492
Старикевич А. *460*
Старыгин Игорь Владимирович (Гоша) 299
Степанов Юрий Сергеевич 245, 248, 509
Стивен Лесли 181
Стивенсон Роберт Льюис 555
Стравинский Игорь Фёдорович 254
Стрельникова Любовь Николаевна 51
Строчков Я. М. *203*, 204
Стругацкий Аркадий Натанович 413
Стругацкий Борис Натанович 413
Струков Владимир 290
Суворин Алексей Сергеевич 407, *461*
Суворов Александр Васильевич 384, 400, 441
Сугай Лариса Анатольевна *196*
Сумеркин Александр Евгеньевич *191*
Суслин Михаил Яковлевич **445**
Суслов Михаил Андреевич 410
Суходрев Виктор Михайлович 365
Сухотин Борис Викторович 231
Сю Мари Жозеф Эжен 556

Табенкина Анна Львовна *167*
Табидзе Тициан Юстинович **394**
Талейран Шарль Морис 521
Таль Борис Маркович 437
Тарановский Кирилл Фёдорович 61, 75, 76, 79—82, 90, 157, *203*, 208, 233, 234, 545, 547, 551
Тарапунька 500
Тарасов Алексей 307, 309
Таркингтон Бут 555
Тассо Торквато 434
Твен Марк 417, 555
Твистер, бывший министр 410
Терентьев Ипполит 93
Тесей 108, 332
Тиблен Николай *326*
Тиверзин Киприян Савельевич 335, 336
Тиверзин Савелий Никитич 336
Тиверзина Марфа Гавриловна 336
Тименчик Вера Михайловна 314
Тименчик Роман Давидович 468, 516
Тимофеев Леонид Иванович 23, 158, *199*
Тимофей, апостол от семидесяти 440
Тимошенко Юрий Трофимович 500
Тимуров Кибир 46
Тихомиров Владимир Михайлович 57, 58, 66, 131, **138**, *203*, *206*, 212—214
Товстоногов Георгий Александрович 318
Токмачёв Сергей (о. Владимир) 310
Толстая Софья Андреевна 33, 358
Толстой Алексей Константинович 405, 406
Толстой Алексей Николаевич 405, 552, 555
Толстой Дмитрий Андреевич 280

Толстой Лев Николаевич 17, 101, 123, 154, 179, 194, 272, 280, 316, 319—321, 358, 371, 424, 425, 462, 529
Толстяков Артур Павлович 467
Тольятти Пальмиро 538
Томашевский Борис Викторович 61—64, 67—69, 73, 76, 83, 86, 92, 149, 154, 161, 208, 234, 253, 545, 548, 549
Томашевский Николай Борисович **82**, 83
Топоро́в Владимир Николаевич 83, 232, 550
Торез Морис 538
Тра́уберг Наталья Леонидовна 82, 469, 470, **471**, 555
Трегубова Елена Викторовна 259
Тредиаковский Василий Кириллович 73, 75, 79—82, 148, 189, 190, *203*, 204, 466—472, 475, 476, 478—484, 486, 487, 490
Тренин Владимир Владимирович *458*
Трифонов Николай Алексеевич *202*
Троцкий (**Бронштейн**) Лев Давыдович **391**, 392, 394, 435
Трубецкой Николай Сергеевич 81
Трудлер Леонид 65
Трусов Г. *200*
Труште Аллеон 65
Туманян Инна Суреновна 29
Тураев Сергей Васильевич 23
Тургенев Иван Сергеевич 154, 162, 250, *381*
Тузенбах Николай Львович 406
Тхоржевский Иван Иванович 487, 490
Тьюринг Алан Матисон 127, 210, **216**
Тэффи (**Бучинская** (**Лохвицкая**) Надежда Александровна) 468, 469, 484
Тютчев Фёдор Иванович 58, 59, 159, 160, 195
Уайльд Оскар 435
Уленшпигель Тиль 554
Улицкая Людмила Евгеньевна 314
Ульянов (Ленин) Владимир Ильич 300, *alias* **Ленин**
Уорнер Оливер 436
Усов Павел Степанович **477**
Успенская Светлана Марковна 281, 282, 352, 366, 384
Успенская Юлия Дмитриевна 180
Успенский Борис Андреевич 82, 188, 231, 232, 358, 466—468, 529, 531, 537, 550, 558
Успенский Владимир Владимирович 382
Успенский Глеб Иванович 94, 162
Успенский Лев Васильевич 166
Ушаков Александр Миронович *458*
Ушаков Дмитрий Николаевич 273, 367, 386, *461*
Ушаков Максим Александрович 13
Уэллс Герберт Джордж 558

Фабр Жан Анри 560
Фадеев Александр Александрович 215
Файбисович Семён Натанович 535
Файнзильберг Иехиел-Лейб Арьевич, *alias* **Ильф**
Фаляхов Рустем 276
Фамусов Павел Афанасьевич 325, 431
Фанченко М. С. 512, 514
Фаунтлерой Седрик, лорд 555
Февральский Александр Вильямович *458*
Федин Константин Александрович 433, 463
Фесе́нко Ромуальд А. 421
Фет Афанасий Афанасьевич 83, 195, 234, 550

Фет Виктор Яковлевич *510*, 513—515
Финкель Александр Моисеевич **25**
Финн Гекльберри 417, 555
Флоренский Павел Александрович 336
Фонвизин Денис Иванович 429
Фондаминский Илья Исидорович 437
Франс Анатоль 57, 409
Фреге Готлоб (Готтлоб) 56, *alias* **Frege**
Фрейд Зигмунд 91, 160, 516, 517
Фридман Даниэль *512*
Фризман Леонид Генрихович 25
Фрумкина Ревекка Марковна 83, 550
Фуко Мишель Поль 534
Фундуклей Иван Иванович 37
Фухимори Альберто (**Fujimori** Alberto Kenya Fujimori) 163

Хайдеггер Мартин 535
Хаксли Олдос 519
Хам 20
Харитонов Николай Михайлович 275
Хармс Даниил 272
Харрис Джоэль Чандлер 554
Хвостов Дмитрий Иванович 469
Хейеноорт Еан ван 56, *alias* **Heijenoort**
Херианов Роланд Тамазович 280
Хиндемит Пауль 136
Химченко Наталья Григорьевна (Наташа) 548, *alias* **Рычкова**
Хлебников Велемир 23, 59, 95, 165, 192
Хлестаков Иван Александрович 94
Хлёстова Анфиса Ниловна 323, 325—328
Хмельницкая Тамара Юрьевна *456*
Ходасевич Владислав Фелицианович 74, 77, *307*, 339
Ходоров А. *205*
Холмс Шерлок 94, 232, 340, 341, 359
Холшевников Владислав Евгеньевич 143, *202*, *204*, *205*
Хомский Наум 166
Храпченко Михаил Борисович *459*
Хронос 164
Хрущёв Никита Сергеевич 291, 360, 365, 372, 495, 520
Хусейн Саддам 505

Цветаев Иван Владимирович 446
Цветаев (Лев Алексеевич) 431
Цветаева Марина Ивановна 197, 215, 272, 287, 288, 342, 422, 444, 459, *461*
Цезарь Юлий Кай 24
Церетели Георгий Васильевич 188
Цеткин Клара 322, 363, 430
Цивьян Татьяна Владимировна 231
Циолковский Константин Эдуардович 274
Циолковский Эдуард (Макар-Эдуард-Эразм) Игнатьевич 274
Ципф (**Зипф**) Джордж Кингсли 154, 190

Чайковский Пётр Ильич 446, 493
Чапаев Василий Иванович 304, 375
Чаплина Вера Васильевна 557
Чарльз, принц Уэльский 310, 344
Чацкий Александр Андреевич 431
Чацкина Софья Исааковна 287
Чейни Джон Гриффит, *alias* **Лондон**
Чекалин Александр Алексеевич 451
Чепайтис Виргилиус-Юозас Владович 83

Черепков Виктор Иванович 163
Черникова Вера Константиновна 51
Черномырдин Виктор Степанович 382, 383
Чернышевский Николай Гаврилович 408, 433
Черчилль Уинстон 137, 397, 516
Честертон Гилберт Кит 232, 534
Чехов Антон Павлович 59, 122, 123, 272, 325
Чёрч Алонзо 216
Чистович Людмила Андреевна 187
Чистяков Георгий Петрович 310
Чичиков Павел Иванович 98, 99, 380, 494, 496, 498, 501, 527
Чудовский Валериан Адольфович 208, **213**
Чуковский Корней Иванович 313, 534, 553
Чухонцев Олег Григорьевич 537
Чхартишвили Григорий Шалвович, *alias* **Акунин**
Чюрлёнис Микалоюс Константинас Константино (**Чурлянис** Николай Константинович) 38

Шаклеин Виктор Михайлович *456*
Шантáр Т. 517
Шапиро Михаил 40
Шарпантье Марк Антуан 209, 212
Шаумян Себастьян Константинович 231
Шварц Антон Исаакович 33
Шварц Евгений Львович 533
Швыдкой Михаил Ефимович 564
Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич 139
Шеворошкин Виталий Викторович 231
Шевцов Леонтий Павлович 274
Шевченко Прасковья Андреевна 522
Шейкин Аскольд Львович 88
Шекрот Ангелина Николаевна 185
Шекспир Вильям 311
Шенгели Георгий Аркадьевич 64, 68, 69, 76, 78, 79, 83, 86, 149, 150, 155, 190, *205*, 208, 225, 226, 233—236, 253, 545
Шеннон Клод Элвуд 102, 117, 118, 121, 150, *205*, 251
Шень Александр Ханевич (Саша) 13, 78—80, 258, 337
Шенье Андре 286
Шервинский Сергей Васильевич 492
Шепилов Дмитрий Трофимович 402
Шибайло 347, 348
Шилов Георгий Евгеньевич **212**
Шильдер Николай Карлович *461*
Шипунова Анна Владимировна (Аня) 13
Ширвиндт Александр Анатольевич 365
Ширяев Альберт Николаевич 69, **143**, 185, *205*
Шиханович Юрий Александрович *456*
Шишков Александр Семёнович 367
Шлиман Генрих 34
Шляпкин Илья Александрович *327*
Шмидт Отто Юльевич 301
Шнейдер Фердинанд *326*
Шолохов Михаил Александрович 433
Шостакович Дмитрий Дмитриевич 322
Шпет (**Гучкова**) Наталия Константиновна 176
Шпет (**Поливанова**) Маргарита Густавовна 176

Шпет Густав Густавович 176, 177, 206
Шпет Ленора Густавовна 176
Шпет Мария Александровна 176
Шпет Татьяна Густавовна 177
Штейн Александр Петрович 299, 300, *461*
Штейнитц (**Штейниц**; **Штайниц**) Вольфганг 90
Штепсель 500
Штерн Александр 65, 66
Штерн Людмила Яковлевна 487
Шток Исидор Владимирович 463
Шторх Марина Густавовна *206*
Штыпель Аркадий Моисеевич 95
Шуберт Франц Петер 95
Шувалов Виктор Валерьевич (Витя) 13
Шумихин Сергей Викторович *206*
Шумяцкий Борис Захарович 163

Щеглов Юрий Константинович 83, 85, 153, 232, 550
Щепкина-Куперник Татьяна Львовна 79
Щерба Лев Владимирович 81, **82**, 105, 166, *206*
Щипачёв Степан Петрович 146, 148

Эвентов Исаак Станиславович *458*
Эвклид, *alias* Евклид
Эгей, царь 108
Эдуард VIII 397
Эйгес Екатерина Романовна 180, *206*
Эйзенхауэр Дуайт Дейвид 397, 495
Эйнштейн Альберт 144, 165, 167, 192, 195
Эко Умберто 534
Энгельс Фридрих 322
Энгиенский герцог 267
Эренбург Илья Григорьевич 208, 209, 215, 216
Эрль Владимир Ибрагимович 266
Эрмлер Фридрих Маркович (Фрида) 312
Эрот 41
Эскалибур, меч 556
Эткинд Ефим Григорьевич 88
Эшби Уильям Рос 127

Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский 275
Юм Дейвид 180
Юпитер 435
Юрганов Андрей Львович 381
Юшин Пётр Фёдорович 421

Яблонский П. О. *458*
Яглом Акива Моисеевич (Кика) 117, 171, 206
Яглом Исаак Моисеевич (Изя) 66, 117, 171, 206
Ягункова В. П. *206*
Якобсон Роман Осипович 75, 79—82, 90, 142, 147, 148, 187, 188, 194, *206*, 217, 246, 249, 545, 551
Яков II 311
Яконов Антон Николаевич 353
Якушкин Вячеслав Евгеньевич 432, *461*
Ямпольский Исаак Григорьевич 477, *478*
Янгфельдт Бенгт 349, 350, 387, *461*
Янин Валентин Лаврентьевич 56, *199*
Яншин Михаил Михайлович 347
Ярхо Борис Исаакович 83
Яша, лакей 405
Яшвили Паоло (Павел Джибраэлович) 19

Abraham Ralph *206*
Adler Irene, *alias* **Адлер**
Aldanov Mark 437, *alias* **Алданов**
Ashby William Ross, *alias* **Эшби**

Babbage Charles 217, *alias* **Бэббедж**
Bär Gustav, *alias* **Бер**
Bendtsen Bendt 506
Brik Lili 461, *alias* **Брик** Лили
Bush George Walker, *alias* **Буш**

Carrère d'Encausse Hélène, *alias* **Каррер д'Анкосс**
Čiurlionis Mikalojus Konstantinas, *alias* **Чюрлёнис**

Doyle Arthur Ignatius Conan, Sir, *alias* **Дойл**

Freedman Daniel P., *alias* **Фридман**
Frege Friedrich Ludwig Gottlob *206*, *alias* **Фреге**
Fujimori Alberto Kenya Fujimori, *alias* **Фухимори**

Gasparov M. L. 62, *alias* **Гаспаров**
Geller Dennis P., *alias* **Геллер**
Gödel Kurt *206*, *alias* **Гёдель**
Graffy Julian *461*

Hamilton Emma, *alias* **Гамильтон**
Heijenoort Jean van *206*, *alias* **Хейеноорт**
Hume David, *alias* **Юм**

Jackson Henry Martin, *alias* **Джексон**
Jacob, *alias* Иаков
James II, *alias* Яков II
James William, *alias* **Джемс**
Jangfeldt Bengt *461*, *alias* **Янгфельдт**
Juppiter, *alias* Юпитер

Kádár János, *alias* **Кадар**

Lange Carl, *alias* **Ланге**
Lovelace Augusta Ada, the Countess of, *alias* **Лавлейс** Августа

Marsden Jerold Eldon *206*
Mayakovsky Vladimir 461, *alias* **Маяковский**
Miranda, *alias* Миранда
Morrill John E. *206*

Nagy Imre, *alias* **Надь**
Nelson Horatio 436, 460, *alias* **Нельсон**
Nelson Thompson Horatia 436
Norton Irene, *alias* **Нортон**

Obama Barack Hussein II, *alias* **Обама**

Parnok 459, *alias* Парнок
Portinari Beatrice (Bice di Folco), *alias* **Портинари**
Prochorow Alexandr *206*, *alias* **Прохоров** Александр
Prospero 519

Ratner Marina 544, *alias* **Ратнер**
Roberts John Glover, Jr., *alias* **Робертс**

Steinitz Wolfgang, *alias* **Штейнитц**

Tsvetaeva 459, *alias* **Цветаева**
Turing Alan Mathison, *alias* **Тьюринг**

Vanik Charles, *alias* **Вэник**

Warner Oliver *460*, *alias* **Уорнер**
Wiener Norbert *196*, *alias* **Винер**

Zipf George Kingsley, *alias* **Цифп**

Книги издательств ОГИ и Б.С.Г.-Пресс можно приобрести:

в розницу в Москве

- Книжный магазин «Москва»; м. «Пушкинская», «Тверская»; ул. Тверская, 8; тел. (495) 629-64-83, 797-87-17;
- ТД «Библио-Глобус»; м. «Лубянка»; ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1; тел. (495) 781-27-37;
- Московский Дом книги; м. «Арбатская»; ул. Новый Арбат, 8; тел. (495) 789-35-91;
- Дом книги «Молодая Гвардия»; м. «Полянка»; ул. Большая Полянка, 28; тел. (495) 238-50-01;
- Книжный магазин «Фаланстер»; м. «Пушкинская», «Тверская»; Малый Гнездниковский пер., 12/27; тел. (495) 629-88-21;
- Сеть магазинов «Республика»; тел. (495) 251-65-27;

в розницу в Санкт-Петербурге

- Санкт-Петербургский Дом книги; м. «Невский Проспект», «Гостиный Двор»; Невский пр-т, 28; тел. (812) 448-23-55;
- Сеть магазинов «Буквоед»; тел. (812) 601-0-601;
- Книжный магазин «Все свободны»; наб. Мойки, 28; тел. (911) 977-40-47;

оптом

- КД «Б.С.Г.-Пресс»; Москва, Покровский бульвар, 14/6; тел. (495) 626-24-72, (915) 110-36-50;
- «А. Симпозиум»; Санкт-Петербург, 20-я линия В. О., 5/7; тел. (812) 325-66-61.

Наши книги в электронном формате можно найти по адресу:
www.bibliorossica.com/publishers.html

Владимир Андреевич Успенский

ТРУДЫ ПО *не*МАТЕМАТИКЕ

В пяти книгах

Книга 4
ФИЛОЛОГИЯ

* * *

Ответственный за выпуск *Н. Н. Андреев*. Редакторы *М. Ю. Панов*, *Н. М. Панюнин*. Художник переплёта и суперобложки *М. Ю. Панов*

Подписано в печать 17/VII 2012 года. Формат 70 × 100 $^1/_{16}$. Печ. л. 37,00. Усл. печ. л. 47,96. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура литературная, картографическая № 151. Тираж 3500 экз. (1-й з-д 1—1500). Заказ 1727

Объединённое гуманитарное издательство.
109028, Москва, Покровский бульвар, 14/6.
Факс/тел. (495) 626-24-70; e-mail: knigi.ogi@gmail.com

Фонд «Математические этюды».
115573, Москва, Ореховый бульвар, 41, офис 119

Отпечатано в ОАО «Типография „Новости“».
105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46